Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ Том 2

Том 1. Древний Восток и Античность

Том 2. Восток и Запад в Средние века

Том 3. От Средних веков к Новому времени (XVI–XVIII вв.)

Том 4. Новое время (XIX в.)

Том 5. От Нового времени к современности

Том 6. Современность и глобальные проблемы человечества

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Институт востоковедения РАН

Васильев Л. С.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Том 2

Восток и Запад в Средние века

УНИВЕРСИТЕТ
КНИЖНЫЙ ДОМ
Москва

УДК 94(100)"653"(075.8)
ББК 63.3(0)4я73-1
В19

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН *Г. И. Мирский*;
доктор исторических наук, профессор,
научный сотрудник Института Европы РАН *Д. Е. Фурман*

Васильев Л. С.

В19 Всеобщая история. Том 2. Восток и Запад в Средние века : учебное пособие / Л. С. Васильев. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: КДУ, 2013. — 538 с.

ISBN 978-5-98227-849-4
ISBN 978-5-98227-851-7 (Том 2)

Читателю предлагается серьезная работа, имеющая характер не только учебного пособия, но и новаторского научного исследования. Первые тома уже издавались в 2007–10 гг., но были серьезно переработаны и дополнены для настоящего издания.

Второй том посвящен изложению, анализу и оценке периода средневековья на Востоке, где он никогда не вычленялся, и на европейском Западе, где выделение его было важно. Показано, как Западная Европа, развивавшаяся на базе антично-христианской традиции, одолев примитив варваризации, после Ренессанса и Реформации дефеодализировалась, а ее города, создававшиеся по античной модели, проложили путь от античных свобод и самоуправления к либеральной демократии буржуа. Сказано и об истории Востока, включая Африку и доколумбову Америку, странах между Востоком и Западом, в том числе Византии и Руси, а также о роли кочевников в истории. В главах историософско-теоретического характера поставлена проблема динамики исторического процесса, говорится о законах эволюции, приоритете разума перед невнятными производительными силами, о христианстве и исламе, об исламизации восточных народов, о Крестовых походах и инквизиции, о комплексе свои–чужие. Наиболее важны из них — 11-я и 21-я.

Для студентов исторических и иных гуманитарно-обществоведческих факультетов вузов (бакалавриат и магистратура), преподавателей и всех читателей, интересующихся историей.

УДК 94(100)"653"(075.8)
ББК 63.3(0)4я73-1

ISBN 978-5-98227-849-4
ISBN 978-5-98227-851-7 (Том 2)

© Васильев Л. С., 2012
© Издательство «КДУ», 2012

Оглавление

От автора 10

Часть первая. ВОСТОК И ЗАПАД ОТ ДРЕВНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ 14

Глава первая. ФЕНОМЕН СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 19

Происхождение и суть понятия 22

Неевропейский мир в период средневековья и цивилизации Востока 28

Кочевники и транзитная торговля 33

Глава вторая. ФЕНОМЕН ФЕОДАЛИЗМА 37

О феодализме как варианте структуры власти-собственности 38

Феодально-удельный путь формирования государственности 42

Феодализм и структурные преобразования на Западе и на Востоке 45

О дефеодализации 51

Глава третья. ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ 53

Византия и христианство 54

Государство и религия 58

Иудеи и иудаизм в первых веках новой эры 60

Сасанидский Иран и зороастризм 62

Аравия до ислама 66

Пророк Мухаммед 68

Первые арабы-мусульмане 72

Ислам как религия и образ жизни 74

Часть вторая. ВОСТОК В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 78

Глава четвертая. АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ 79

Халифат 81

Халифат Омейядов (661–750) 86

Халифат Аббасидов 87

Государства распавшегося халифата 91

Глава пятая. ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИРАН 93
Структура Османской империи 95
Завоевания Османов 100
Кризис военно-политической системы 102
Иран после крушения Арабского халифата 103
Тимур в Средней Азии и Иране 105
Сефевидский Иран 107
Афганцы и государство Дуррани 109
Глава шестая. ИНДИЯ 111
Политическая история Индии в VI–XII вв. 112
Внутриполитическая структура 113
Государство, общины и касты 115
Делийский султанат (1206–1526) 117
Организация власти в султанате 118
Государства Южной Индии 120
Империя Великих Моголов (1526–1707) 123
Индуизм и ислам. Сикхи 126
Глава седьмая. КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ 131
Конец первой династии Хань 131
Вторая династия Хань, Троецарствие и династия Цзинь 134
Китай в период Нань-бэй-чао (IV–VI вв.) 137
Религиозный даосизм и китайский буддизм 142
Восстановление и расцвет империи. Династии Суй (581–617) и Тан (618–907) 147
Империя и ее северные соседи. Династия Сун (960–1279) и монголы 152
Династии Юань и Мин 158
Глава восьмая. СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ 164
Шри-Ланка (Цейлон) 166
Бирма 167
Таиланд (Сиам) 168
Камбоджа 169

Лаос ... 170
Вьетнам ... 170
Островной мир региона. Малайя ... 174
Индонезия ... 177
Филиппины ... 180
Юго-Восточная Азия как специфический регион ... 182

Глава девятая. КОРЕЯ И ЯПОНИЯ ... 183
Корея. Формирование основ цивилизации и государственности ... 184
Корея в позднем средневековье ... 186
Ранняя история Японии ... 189
Японский феодализм ... 191
Япония при сёгунах ... 195
Своеобразие Японии. Хризантема и меч ... 202

Глава десятая. АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ И АМЕРИКА ДО КОЛУМБА ... 205
Западный Судан ... 206
Эфиопия и арабы на востоке Африки ... 210
Гвинея и южная часть континента ... 212
Африка как историко-культурный феномен ... 214
Америка до Колумба ... 220
Майя ... 223
Ацтеки ... 225
Инки ... 226
Загадка доколумбовой Америки ... 230

Глава одиннадцатая. НЕЕВРОПЕЙСКИЙ МИР В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ... 234
О движущей силе эволюции ... 236
Проблемы вселенской эволюции ... 238
Традиционный Восток как феномен ... 242
Прошлое и современное на Востоке ... 245

Часть третья. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ... 250

Глава двенадцатая. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА ... 252

Изменения в жизни Западной Римской империи ... 252

Варвары. Великое переселение народов ... 255

Аккультурация и христианизация восточных варваров ... 259

Становление и специфика феодализма в Западной Европе ... 262

Возникновение государства франков ... 265

Империя Карла Великого ... 267

Западноевропейские королевства после распада империи ... 270

Испания, Англия и Скандинавия. Викинги ... 272

Глава тринадцатая. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВАРВАРСКОЙ ЕВРОПЫ ... 276

Роль традиций Рима в процессе трансформации ... 278

Неоценимая важность христианизации ... 283

Роль монастырей в культурной трансформации ... 287

Церковь и короли в раннем средневековье ... 291

Теологическая мысль и паства в раннем средневековье ... 293

Глава четырнадцатая. ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ... 297

Папы и светская власть ... 300

Рыцари и рыцарские ордена ... 302

Крестовые походы ... 309

Католическая церковь после походов ... 313

Глава пятнадцатая. ФРАНЦИЯ, АНГЛИЯ И ГЕРМАНИЯ В XI–XV вв. ... 315

Франция ... 315

Генеральные штаты и Столетняя война (1337–1453) ... 320

Англия ... 325

Великая хартия вольностей и парламент Англии ... 329

Война Алой и Белой розы в Англии ... 332

Германия ... 334
Династия Гогенштауфенов (Штауфенов, 1138–1254) ... 336

Глава шестнадцатая. ИТАЛИЯ, ИСПАНИЯ, ПОРТУГАЛИЯ И СКАНДИНАВИЯ В XI–XV вв. ... 343
Италия. Папская область ... 344
Ломбардия ... 345
Южная Италия и Сицилия ... 351
Испания и Португалия. Успехи Реконкисты ... 353
Скандинавия и ее королевства ... 356
Объединение Скандинавии ... 360

Глава семнадцатая. КОНЕЦ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ... 361
«Святая» инквизиция ... 362
Право, закон и личность ... 365
Успехи в производстве и образ жизни людей ... 368
Развитие культуры ... 371
Ренессанс, Реформация и Великие географические открытия ... 375
Человек и государство на Востоке и на Западе ... 380

Часть четвертая. МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ ... 384

Глава восемнадцатая. ВИЗАНТИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ ... 385
Иконоборчество и его итоги ... 387
Трансформация внутренней структуры ... 389
Внешняя политика Византии ... 390
Несколько итоговых замечаний ... 393
Армения ... 396
Грузия ... 398
Византия и Закавказье (Армения и Грузия) ... 400

Глава девятнадцатая. РУСЬ ... 403
Киев и Киевская Русь ... 405
Князь Владимир (980–1015) и крещение Руси ... 408
Ярослав Мудрый (1019–1054) ... 411

Губительный раскол Киевской Руси ... 413
Ростов, Суздаль и Владимир ... 416
Татаро-монгольское иго ... 418
Русь Ордынская и Русь Литовская ... 421
Московская Русь. Иван Калита и Иван III ... 423
Иван Грозный ... 426

Глава двадцатая. НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ... 436
Византия и славяне ... 436
Западные славяне ... 440
Неславянские страны ... 445
Восток или Запад? ... 449

Часть пятая. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ... 454

Глава двадцать первая. О ПРИОРИТЕТЕ РАЗУМА И ИДЕЙ ... 455
Идейно-институциональный комплекс в истории человечества ... 456
Духовно-интеллектуальная первооснова — фундамент общества и государства ... 460
Идейно-институциональный фундамент и возникновение цивилизации и государственности ... 463
Первооснова античности ... 468
Идейно-институциональный фундамент и цивилизационная специфика Востока и Запада ... 470

Глава двадцать вторая. ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ... 479
Человек и Природа ... 482
Шаги истории ... 485
Интеллект как основа динамики истории ... 488
Творческий потенциал интеллектуалов в истории ... 493
Политические элиты и народные массы ... 496
Массовые протестные движения в истории ... 498
Роль войн в мировой истории ... 501
Восток и Запад в историческом процессе ... 505

Глава двадцать третья. КОМПЛЕКС СВОИ – ЧУЖИЕ 510
Свои и чужие в мире животных и на заре истории 511
Свои и чужие с возникновением общества 514
Социопсихологическая основа противостояния 517
Модификация комплекса 519
Раб как адаптированный чужак 522
Социополитический аспект комплекса 524
Экономический аспект 526
Этнический аспект 527
Религиозно-цивилизационный аспект 530
Многоаспектность комплекса и влияние выработанных цивилизацией ограничений на поведение людей 532

От автора

Обращаясь к читателям второго тома и принимая во внимание, что не все они знакомы с первым томом и не каждый будет читать последующие, я хотел бы обратить внимание на некоторые существенные особенности всей этой серии из нескольких следующих один за другим томов, посвященных всемирной истории человечества.

Во-первых, каждый из томов является законченным сочинением. В них почти нет ссылок на то, о чем было сказано в других томах. И это немаловажное обстоятельство вынуждает меня кое о чем сказать читателю, дабы избежать любых недоумений. Прежде всего речь о том, что предлагаемая серия остается несколькими связанными один с другим томами, излагающими материалы, имеющие отношение к тому или иному периоду истории, и вместе с тем продолжающими одну и ту же генеральную тему, историю человечества. История, важно принять во внимание, не только являет собой в представлении автора, что стоит подчеркнуть, особенно в наше время, когда многие считают иначе, единый и линейный, подчас линейно-цикличный последовательно эволюционный процесс, но и имеет некоторые особенности, обусловленные именно таким процессом. Важнейшая из них, во всяком случае в моем представлении, сводится также к тому, что история как процесс возникновения и последовательных этапов развития человеческого общества не только динамична, но и конечна, что всегда следует помнить чаще всего беззаботно устремленному вперед человечеству.

Первым по значимости из того, что предложено научной общественности для понимания основ истории как процесса, является мое гипотетическое постулирование законов эволюции, обусловленных вселенскими принципами существования всего сущего, о чем наиболее подробно — не упоминая о прочих моих публикациях, затрагивающих ту же тему, — сказано во вводной части первого тома. Эти закономерности (закон вызова и ответа, закон баланса) перекликаются

с идеями Ч. Дарвина о естественном отборе в процессе борьбы за существование. И, как я полагаю, именно Природа, не живая, но и не вовсе безжизненная, по-своему, но неуклонно реализует эти вселенские нормы в реальности земного и, в частности, человеческого существования. Это хорошо все мы ощущаем на себе в наше время.

Важной новацией следует считать концепцию, основанную на стремлении осознать, проанализировать и изложить, увязав друг с другом в непротиворечивом комплексе идей и выводов, реалии истории, стоящие перед любым автором, пишущим на широкомасштабную сводно-обобщающую тему и потому вынужденным затрагивать сложные проблемы макроистории и макросоциологии, не забывая о социополитике и социопсихологии. Все тома вместе и каждый из них в отдельности призваны объяснить общую канву и основные особенности генерального исторического процесса. В проблемно-аналитических главах томов предложена и проводится единая авторская концепция, которая становится наиболее заметной и отчетливой при сопоставлении путей развития Востока и Запада. За долгие годы своего профессионального пути я предложил научному сообществу некоторые идеи, важнейшие из которых были приняты, пусть не всеми, во внимание.

Главная из них — выдвижение, формулировка и детальная разработка проблемы власти-собственности в качестве генеральной структуры всех неевропейских обществ, неантичных в древности и небуржуазных в более позднее время. **Две основные модификации восточной структуры, первобытно-восточная и традиционно-восточная, известные в двух вариантах**, с централизованной и децентрализованно-феодальной редистрибуцией, преобладали в мире на протяжении тысячелетий, со временем сменяя друг друга, причем всем им соответствовали общества раннего, восточного типа. **Общество западного типа — и это тоже новация — появилось в греко-римской античности в результате социополитической мутации** и принципиально отличалось от обществ восточного типа и структуры власти-собственности. Суть отличий в том, что система античных социальных, политических и правовых институтов, начиная с идеи свободы и демократических процедур, а также имея в виду формы хозяйства и лежавшие в их основе протобуржуазную частную собственность, развитый рынок, активное предпринимательство под защитой права и закона и при поддержке выборной администрации резко несходны с тем, что было характерно для всего остального мира.

Большое значение придается принципиальному тезису о приоритете разума, идей и творческого начала в процессе эволюции человечества. Все это считается первоосновой, элементами идейно-институционального фундамента, характер, облик и сущность которого определяли параметры генеральной структуры и типа общества, включая переходные и смешанные из их числа. В конечном счете именно этот фундамент объясняет, почему на антично-буржуазном Западе прото-, пред- и полноценная буржуазия появлялись, а на Востоке оскопленная властью частная собственность буржуазной стать не могла. И почему Запад в целом мы вправе считать и именовать **мировым городом**, тогда как Восток, даже имея в виду такие великие древние центры, как Вавилон, всегда был **мировой деревней**. Только в результате внешних влияний со стороны античного в эпоху эллинизма и буржуазного в период колониальной экспансии Запада на Востоке могла появиться своя буржуазия.

Эти и некоторые другие концептуальные идеи, положенные в основу авторского анализа исторических событий, отражены во всех следующих друг за другом томах. В них изложение основного материала и оценки важнейших исторических событий в том объеме, который обычно считается необходимым для серьезного знакомства с всемирным историческим процессом, создают авторский акцент, что важно для осознания многих хорошо известных фактов и явлений и придает им смысл, соответствующий пониманию истории как эволюционного процесса.

Уделено также внимание проблеме сочетания широты исторической панорамы с жесткостью отбора материала и ограниченностью объема томов, в каждом из которых ставится трудная задача не оставить без внимания и соответствующей оценки все страны и основные народы мира, равно как и все сколько-нибудь значимые события на всех континентах и во все времена. Параллельно с изложением исторического материала, будь то история отдельных стран либо оценка различных заметных и тем более решающих сдвигов в мире, да и ситуация в мире в целом, в тексте томов содержатся главы сводно-обобщающего теоретико-аналитического характера. Вообще-то это не ново. Но в издании, предлагаемом вниманию читателя, проблемно-аналитические главы достаточно плотно насыщены полемикой и, более того, обычно посвящены опровержению некоторых устоявшихся в прошлом в отечественном обществоведении, но оказавшихся несостоятельными взглядов и позиций, вплоть до общепринятого понятийного аппарата и терминологии.

Завершая вступительные замечания, хотел бы повториться, что проблема сочетания широты исторической панорамы с жесткостью отбора материала и ограниченностью объема издания была весьма сложной. Следовало не оставить без внимания и соответствующей оценки все страны и основные народы мира, равно как и все сколько-нибудь значимые события на всех континентах и во все времена. И сделать это следовало так, чтобы авторская концепция всемирной истории убедительно подтверждалась не с пристрастием отобранными материалами, но всей совокупностью важнейших событий мировой истории. Такого результата не слишком легко добиться, но именно в этом видится весь смысл издания шести объемистых томов, посвященных истории человечества.

Восток и Запад от древности к средневековью

Как древность, так и средневековье — условные понятия, выработанные западноевропейскими профессионалами-обществоведами еще несколько веков назад. И стоит принять во внимание, что и условность упомянутых понятий, и то обстоятельство, что руку к членению истории на значимые периоды приложили именно европейцы, причем как раз тогда, когда Запад уверенно выходил первым — и практически единственным — на финишную прямую исторического процесса, имеют смысл. Суть его в том, что на каком-то этапе развития историописания как одной из существенных отраслей современной науки, что происходило тогда именно на европейском Западе, выявилось, что пора выделить в становящейся все более длительной писаной истории человеческой цивилизации со всеми ее народами и государствами, событиями и неожиданностями некоторые как бы само собой отчетливо вырисовывающиеся крупные этапы. Это было объективно обоснованным требованием времени, своего рода вызовом новой эпохи, так что совсем не удивительно, что специалисты на него откликнулись. Именно тогда и были предложены такие понятия, как древность, новое время и лежавшее между тем и другим средневековье, что почти идеально соответствовало реальности исторического процесса в Европе.

Точно ни один из периодов не был обозначен, что вполне объяснимо, так как важными были не грани, а то, что между ними. А для Запада, который в те времена вполне естественно и логично рассматривался нарождавшейся наукой как своего рода светоч разума и единственная достойная уважения энергично развивающаяся цивилизация, усилиями которой было достигнуто очень многое, это было чем-то само собой разумеющимся. Ведь потрясавшие воображение никем не ожидавшиеся новации — будь возрождение великой античности в эпоху блестящего Ренессанса, радикальная трансформация

католической церкви в процессе стремительно развивавшейся Реформации или освоение гигантских океанских просторов, открытие новых континентов и колонизация разных стран и народов в ходе Великих географических открытий создавали неслыханные прежде перспективы. И мыслящие умы хорошо сознавали, что человечество вступило в принципиально новый этап своего существования. Тогда этот этап воспринимался как новое время, что и было позже отражено в терминологии. Естественно, что со временем и в результате убыстрявшихся на Западе темпов развития, ускорявшихся шагов истории, грани несколько перемещались.

В наши дни подлинным новым временем, периодом торжества, даже триумфа западной буржуазии с ее либерально-демократическими стандартами и социополитическим комплексом идей и институтов, положенным в фундамент общества, стал XIX в. Но тогда это были времена, окрашенные иначе, и новым временем было то, что ныне, мною в частности, воспринимается как переход к новому времени. Однако дело не в этом. Стократ важнее то, что история как наука стала оперировать теми периодами, которые разделяют единый, казалось бы, исторический процесс. Из материалов, изложенных в томе, посвященном первобытности и древности, восточной и западной, уже было ясно, что, несмотря на непрерывность процесса исторического развития как такового, он, тем не менее, очевидно делится на периоды, довольно заметно отличающиеся друг от друга. Вопрос лишь в том, как и на каком основании делить эти периоды. В современной историографии резонно принято начинать историю с того момента, когда появились первые очаги урбанистической цивилизации и государственности. Это и считается древностью (в отечественной историографии не так давно выделяли даже две «древности», первую и вторую, т.е. более раннюю и более позднюю). Она, как ныне принято считать, завершилась крушением античного мира, точнее, крахом Западной Римской империи.

Вопрос в том, насколько обоснованы критерии для такого рода членения и насколько адекватно создаваемые в связи с этим понятия и соответствующие им реалии воспринимаются как многомиллионной массой читателей, так и всеми теми профессионалами, которые такого рода понятиями оперируют. Ведь строго говоря, и древность (или пусть даже две древности), о которой шла речь в первом томе работы, и тем более средневековье — в том виде, как эти понятия обычно трактуются, — не являются строго определенными и тем более убеди-

тельно доказанными хронологически значимыми периодами истории. Это даже не просто условные понятия, но понятия, ограниченные зримой историей Запада. Мало того, есть вполне достаточные основания обвинить европейскую науку в европоцентризме, ибо к истории Востока — а это в древности и в период средневековья основной массив территории и населения освоенного человеком мира — упомянутое и столь серьезно рассматриваемое членение исторического процесса отношения не имеет. Стоит в связи с этим напомнить, что едва ли не всегда, когда где-либо хотя бы походя затрагивается проблема периодизации истории (во всяком случае, в отечественном обществоведении), европоцентризм буквально бросается в глаза. Достаточно напомнить, что современное понимание проблемы исходит из того, что точкой перехода от древности к векам, именуемым средними является чуть ли не год падения Западной Римской империи.

Но ведь любому ясно, что с точностью до года (а у нас любили еще и день — вспомним 25 октября 1917 г., который в советском историописании будто бы разделил всю мировую историю на разные эпохи, обозначив переход от этапа или формации капитализма к этапу социализма — коммунизма) периоды истории не сменяют друг друга. Такого рода даты могут как-то обозначить произошедший где-то некий перелом. Но зачем же отталкиваться от них, коль скоро речь идет о значимых для всего мира, для всей истории человечества весьма длительных периодах? В лучшем случае такие даты следует воспринимать как условные, но еще лучше вообще говорить не о датах, а о гранях. Однако тогда встает вопрос: а какую же грань следует видеть и считать чем-то реальным в процессе перехода от древности к средневековью? И вообще, правильно ли без должных оговорок вести речь о древности и о неких срединных веках для всего человечества сразу? А если рассматривать средневековье как отчетливо выраженный промежуток между античностью, длившейся тысячелетие с лишком, и новым временем, начавшимся еще примерно через такое же количество веков, то разве не очевидно, что такой период истории действителен только для Европы, да и то не всей, а одной лишь Западной?

И если все именно так, то тогда не стоит удивляться тому, что основная часть человечества — Восток, традиционный и цивилизованный, широко представленный давно возникшими разными государствами (первобытную его часть мы вправе оставить в стороне), — не имеет собственного средневековья. Тогда не приходится

говорить и об европоцентризме. Просто стоит условиться, что средние века — это важный и особый исторический период для европейского Запада. Период, обозначающий его историю в определенное время и характеризующийся особыми присущими ему условиями существования именно на этой территории. При этом, разумеется, не следует делать вид, что такой подход вообще не годен или в чем-то является ущербным. Ничуть. Это действительно очень важный период истории человечества, потому что в это тысячелетие и именно на этой территории шло интенсивное развитие, а человечество — точнее, его передовой отряд, — отвечая на вызов, достигало все более высоких рубежей в процессе эволюции. История век от века убыстряла свои шаги. И все это способствовало наступлению **буржуазного нового времени.** А на традиционном и самоудовлетворенном Востоке с его почти спящим образом существования ничего подобного в это тысячелетие не происходило и, что очень существенно, просто не могло происходить. Это стоит особенно тщательно подчеркнуть еще и потому, что в недавнем прошлом встречались специалисты, не исключая и отечественных академиков, которые время от времени на полном серьезе начинали рассуждать о чем-то вроде Ренессанса в тех либо иных странах Востока.

В том-то и дело, что не было и просто не могло быть ни **средневекового** Востока, ни восточных ренессансов. Можно говорить о странах и народах Востока в эпоху европейского средневековья. Можно даже говорить о средневековье как общечеловеческом периоде большого рывка вперед. Но не следует при этом игнорировать, нарочито не замечать того, что Восток в этот период истории к буржуазному новому времени не двигался и не мог делать этого по той простой причине, что свойственная ему структура власти-собственности отторгала все то, что могло бы способствовать генезису в ней буржуазии не то что нового времени, но хотя бы сходной с протобуржуазией античности. Чего не было и не могло быть, того и не стоит искать. Напрасно.

Было время, о чем подробно шла речь в первом томе, посвященном древневосточным и античным обществам и государствам, когда греки, во много меньшей степени римляне пытались приобщить хотя бы самые развитые в их время восточные регионы вроде ближневосточного к их античной либерально-демократической рыночно-частнособственнической структуре. Именно эти попытки, привели к прекращению существования в привычном ритме ближневосточных

очагов цивилизации и государственности. В ходе трехвековой истории эллинизма, которая была затем продолжена периодом античной по характеру романизации Ближнего Востока, а потом и христианизацией большой его части, мир Востока пережил немалые перемены. Древний Ближний Восток с его — несмотря на весьма существенные различия — в общем одинаковыми и привычными параметрами бытия на долгие века перестал существовать как политически значимая цельность, сохраняясь лишь в форме политически несамостоятельной хоры, включенной в эллинистические государства, а затем в Западную (Римский Восток), позже в Восточную (Византия) Римские империи.

Практически это означает, что возникшее где-то в VII в. до н.э. в результате бифуркации противостояние Востока и Запада обрело облик господства Запада над Востоком, причем это господство длилось до тех пор, пока не завершилось чем-то исторически значимым. А вот после этого, в результате варваризации Рима и победоносного шествия ислама ситуация резко изменилась. Полное господство античного Запада (но опять-таки не в одночасье) сменилось реваншем традиционного Востока. Ближний Восток в новом исламском обличье стал доминировать и внес немало нового в облик общества восточного типа. Но что в изучаемой ситуации мы должны считать исторически наиболее значимым? И, главное, как следует воспринимать гигантские исторические зигзаги, которыми был огранен исторически очень трудный период застойного существования, наступивший на Востоке после завершения античной древности и характеризовавшийся в ряде регионов (Ближний Восток, Индия, часть Юго-Восточной Азии и Африки) агрессивной экспансией и неукротимой энергией правоверных мусульман? Собственно, именно этим, исключая, естественно, Дальний Восток и Новый Свет, даже Россию и некоторые другие страны и народы, хотя и не только этим отмечен период существования неевропейского мира в тысячелетие, которое для европейского Запада считается средневековьем. Но в любом случае это не было тем средневековьем, которое приближало бы мир вне европейского Запада к буржуазному новому времени, что было основой того периода, который на Западе считается средневековьем. Вот рассмотрению, описанию и анализу событий, случившихся в мире в тысячелетие, лежавшее между крушением античности и самым началом процесса генезиса капитализма и буржуазного нового времени в Западной Европе, и посвящен второй том.

Глава первая. ФЕНОМЕН СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Феномен средневековья, о котором только что уже шла речь, весьма любопытен прежде всего с точки зрения использованной лексики, самой терминологии. Ведь Средние века — это нечто, лежащее между двумя другими историческими периодами. Один из них бесспорен — это древность («две древности»). Концом ее можно считать обычно фиксируемое специалистами падение Западной Римской империи. Но при этом следовало бы учитывать не год падения и даже вообще не заключительный этап крушения античного Рима, что, безусловно, оказало огромное влияние на всю последующую историю человечества, а всю совокупность всемирно-исторических событий, последовавших за этим и приведших в сумме своей к новому качеству. Но коль скоро так, то нас должно интересовать несколько иное: не то, что было с Западной Европой после падения Рима, а то, как стал выглядеть мир и прежде всего Запад после этого.

Следует, пожалуй, начать с самого Рима. Он рухнул в итоге множества внутренних и внешних одолевавших его недугов. Это бесспорно и на это уже обращали внимание многие. Но можно и даже есть смысл поставить проблему чуть иначе и подойти к ней с другой стороны. Рим задолго до своего падения раздвоился, причем обе его части после этого существовали параллельно и чем дальше, тем более независимо друг от друга. Конечно, сам по себе раскол великой империи, практически не имевшей соперников, ослаблял ее, хотя в общем-то обе части сознавали свое родство и внутреннюю схожесть и отнюдь не враждовали, как можно было бы представить. Это значит, что при всех внутриполитических сложностях империя если и не была чем-то единым, то и не являлась какой-то заведомо ослабленной, которую уже по одной этой причине можно было бы с легкостью растащить на куски. Стоит добавить к сказанному, что обе ее части были скреплены еще и единой официальной государственной религией, христианством, которая не ослабляла их, но напротив, както даже сближала. На вселенские соборы, происходившие обычно на востоке, приезжали представители римского епископата, посланцы самого понтифика, который, к слову, пусть негласно, но считался первым среди патриархов (в восточной части их было четверо, в западной он — Римский Папа — один только, что, похоже, и сыграло роль в том, что формально он считался по старшинству первым из пятерых).

Все это вроде бы говорило в пользу того, что Рим как великая империя не был только западной ее частью, но по ряду формальных признаков являлся неотделимым от Византии. Однако на самом деле, если говорить не о форме, а по существу, Западная Римская империя шла уже два-три века своим путем и во многом была обособленной от Восточной, Византии. Достаточно того, что у каждой части был свой император. Практически описанная ситуация все-таки означает, что рухнул Рим не по причине политического кризиса и тем более не из-за борьбы за власть и чего-либо в этом роде. Просто на деле это были все же разные империи и каждая имела свои проблемы, обращенные не столько к внутренней, сколько к внешней политике. А здесь различия были очень заметные. В отличие от Византии, не имевшей беспокоивших ее внешних сил, сколько-нибудь серьезных соседей, которые угрожали бы ее спокойствию и благополучию, не говоря уже о ее существовании, Рим мало того что переживал сложный процесс внутренней неустроенности, но еще и оказался под ударом многочисленных варварских полупервобытных племен и социоэтнических сообществ, часть которых издревле существовала на территории к северу от Италии, а другая волнами прибывала на ту же не столь уж и обширную территорию, которая для кочевников и полукочевых общностей была к тому же не слишком подходяща.

Если взглянуть на карту западной части империи, легко заметить, что владения Рима простирались здесь почти на всю территорию Европы (Италия, Испания, Франция, Англия, северо-запад Балкан — Иллирия). Мало того, эти земли были частично завоеваны и закреплены за Римом еще Цезарем, отчасти и до него. На них жили в немалой мере сблизившиеся с римлянами кельты (галлы) и было очень большое количество колоний, где в основном закрепились потомки многих поколений получавших земли ветеранов, как самих римских граждан, так и варваров, получивших гражданство позже, когда в 212 г. все свободное население Рима стало гражданами. В любом случае это были прошедшие через десятилетия жизни в империи дальние, но не утратившие связей с метрополией потомки именно римских по всем параметрам колонистов. И вот на эти-то отнюдь не заполненные еще поселенцами территории стали волнами наплывать иноземцы — гунны и аланы из далеких восточных степей, ост- и вестготы из ближних причерноморских, франки и многочисленные другие германские племена. Все это волнообразное движение тянулось около века и сражаться с ним у римлян просто не было сил. Неудивительно, что завершилось все развалом Рима.

Византия не спешила прийти на помощь. И хотя частично перемещение племен затронуло и ее, оно оказалось несравнимо с тем, что выпало на долю Рима. Византия после падения западной части империи осталась целой и практически не затронутой бурными событиями в Западной Европе. Мало того, античная по своей сути, эта империя стала едва ли не сильнейшей державой мира. Ведь Византия фактически подчинила себе в первые века после падения Западной Римской империи не только большинство ближневосточных стран, но и немалое количество территорий в балканско-причерноморском районе, а при знаменитом Юстиниане (527–565), пусть ненадолго, еще и значительную часть северной Африки и даже самой Италии. Таким образом, безусловное господство ее над давно уже административно и во многих других отношениях, включая религию, несамостоятельной восточной хорой продолжалось по меньшей мере вплоть до начала исламских завоеваний в VII в. Однако парадокс в том, что Византия к этому времени уже фактически — не формально, но именно фактически — перестала быть частью Римской империи. Она не только стала православной, но и впитала в себя параллельно с православием многое от той самой ближневосточной хоры, которая сыграла столь трагичную роль в судьбах эллинизма.

Вот с этого времени (не момента, не года, но начала агрессивных войн восточных варварских народов на территории европейского Запада и продвижения бедуинских полчищ мусульман через северную часть Африки в Испанию) господство Рима в мире действительно прекратилось. На территории ближневосточной древности на передний план вновь вышел традиционный Восток. Более того, он впитал в себя немалую долю культуры античного прошлого, сохранявшегося на окраинах христианизованной Византии, весьма значительная часть которых, начиная с Египта, стала мусульманской. Не слишком грамотные и образованные воины ислама, в основном кочевники-бедуины, многое заимствовали также и у Сасанидского Ирана, сменившего Парфию, в свое время выделившуюся из эллинистической державы Селевкидов. В итоге ислам оказался сильной и достаточно развитой в интеллектуальном плане религией, которая с легкостью подчиняла себе одну страну за другой. Ниже об этом будет рассказано подробнее. Пока же есть основание прийти к выводу, что не столько падение Рима (если брать не историю Западной Европы, а всемирную историю), сколько вторжения варварских племен с севера и исламские завоевания первой трети VII в., значительно ослабившие Византию и предопределившие

ее интенсивную ориентализацию, решительно изменили политическую карту мира. Отныне на долгую тысячу лет реванш взял традиционный Восток со всеми издревле присущими ему структурными параметрами и привычными нормами повседневного бытия.

Правда, на территории Западной Европы исторический процесс шел своим чередом, так что мир Востока его мало затрагивал. Но, тем не менее, Запад в период между древневосточно-античной древностью и переходом к буржуазному новому времени, т.е. на протяжении этого самого тысячелетия, периода средневековья, уступил свое место Востоку. Однако это было лишь видимым отступлением, которое можно было формально связывать как раз с экспансией варваров и воинов ислама в первые несколько веков после падения Рима, когда европейский Запад, вчера еще латинский и античный, а затем во многом уже варварский — понемногу трансформировался, что следует помнить и иметь в виду. Об этой трансформации будет идти речь далее. А пока, учтя все сказанное, обратим внимание на уже не столько наименование, сколько на суть и содержание понятия *Средние века*. Попытаемся разобраться в том, что оно призвано было означать, когда было пущено в обиход, и как его следует воспринимать с точки зрения всемирно-исторического процесса и прежде всего с точки зрения взаимодействия и противоборства Востока и Запада.Это существенно, помимо прочего, еще и потому, что в лексике учащихся слова *Средние века* обычно так или иначе, но довольно прочно ассоциируются с понятием *феодализм*, что совершенно не оправдано и в корне не верно.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУТЬ ПОНЯТИЯ

Начнем с того, что понятие, о котором идет речь, следует не просто понятийно-терминологически выделить. Необходимо, что очень существенно, показать связь новой буржуазной Европы с античным миром и ее полное несходство с классической восточной структурой власти-собственности. Эта структура не изменялась за долгие тысячелетия древности и столь же прочно существовала в эпоху европейского Возрождения, т.е. через примерно тысячелетие после того, как Восток в лице северных варваров и победоносного ислама поставил европейский Запад едва ли не на колени. Мало того, она, благодаря все тем же варварам, возникла и упрочилась в Западной Европе в форме феодальной ее модификации. Но судьба обществ западного типа и соответствовавших им государств, открывавших дорогу идейно-институциональной, а на ее основе рыночно-частнособственнической

предпринимательско-производственной модернизации, была иной. Западный стандарт возрождался в те века, когда слабая связь христианизованной полуварварской Европы, вначале лишь очень немногое сохранившей от античности, с утраченной было античной традицией греко-римского прошлого постепенно восстанавливалась.

Эта важная для Западной Европы связь очень успешно восстанавливалась, что находило свое проявление в возрождении института **мирового города**, незнакомого ни традиционному цивилизованному Востоку, ни тем более варварским королевствам или мусульманским халифатам, которые в разной степени и форме отражали одну и ту же противоположную мировому городу систему — **мировую деревню**. Вот весь этот промежуток истории, который оказался между античностью рухнувшей Западной Римской империи и новым временем (напомню, только для Европы, даже еще точнее — для Западной Европы), был вполне логично обозначен вроде бы всем понятным в подобной ситуации термином. Термин *Средние века* со всей очевидностью выдвигал на передний план именно Западную Европу со всей ее не то чтобы вовсе необычной, но все же не очень ясной в те времена — да и позже, подчас до нынешних дней — ситуацией. Более того, он оказался весьма удобен для европейцев потому, что практически разделил не столько даже всю последующую историю, сколько весь мир на разные части. Одни после крушения Западной Римской империи были, как многие стали считать, призваны развивать историю и в меру своих сил успешно это делали (вспомним концепцию Гегеля об исторических и неисторических народах). Другие — а это по сути весь остальной мир — не были в состоянии делать это.

Вопрос не в том насколько несправедлив Гегель в своих оценках. Более того, в то время, когда он жил и изучал современный ему Восток, очень многое подтверждало именно его точку зрения. Современный ему Восток со времен успешного исламского нашествия (а стоит напомнить читателю, что победоносное продвижение ислама не ограничилось завоеваниями VII в., ибо позже оно затронуло Индию, значительную часть Юго-Восточной Азии, Африки южнее Сахары, многие территории к северу от Ближнего Востока и т.п.) действительно оказался как бы в полузабытьи. Его с достаточной долей справедливости считали и называли спящим. И далеко не случайно. Все дело в том, что в эпоху колониализма темпы эволюции Запада и Востока были несопоставимы примерно так же, как то было и во времена античности.

Учитывая сказанное, нельзя не принять во внимание и того, что термин *Средние века* призван был противопоставить не только и даже не столько античность преддверию буржуазного нового времени, между которыми находилось нечто среднее, не похожее ни на далекое европейское прошлое, ни на просматриваемое уже западное будущее. Существеннее то, что тем же термином противопоставлялись друг другу убогость исторического процесса на Востоке, включая варварскую и очень медленно развивавшуюся феодальную Западную Европу, Европе постренессансной, предбуржуазной и активно энергичной, торгово-колониальной, открывавшей новую страницу в скорое и многообещающее будущее. И это уже вполне зримое будущее, опиравшееся на бурное и все ускорявшееся с рубежа XV–XVI вв. движение западного мира, становилось ведущим, ощущавшимся многими. А *Средние века* как понятие и период были призваны подчеркнуть преемственность и прежде всего основное структурное сходство между великой античной древностью и воспринимавшим себя в качестве ее преемника буржуазным рыночно-частнособственническим хозяйством, основанным на духе воспетого М. Вебером протестантского предпринимательства с его пуританской этикой.

Еще и еще раз обратим внимание на то, что в системе новоевропейского мышления, для которого история вплоть до XIX в. практически целиком замыкалась в рамках исторического процесса даже не всей, но прежде всего Западной Европы, важным было обозначить средневековье как некий промежуточный этап именно для западноевропейского мира. При этом весь остальной мир — традиционный Восток и даже Восточная Европа с Византией в качестве ее цивилизационного центра — воспринимался как нечто совсем иное. И хотя Византия, т.е. **Восточная Римская империя,** была в период древности интегральной частью античного мира, а позже продолжала существовать, пусть в несколько изменяющемся в сторону ориентализации виде, еще около тысячелетия, к ней созданное в Западной Европе нового времени понятие *Средние века* совершенно очевидно тоже не подходило. И это вполне справедливо: термин оказался непригодным по многим соображениям и не в последнюю очередь потому, что все еще античная по основным своим параметрам Византия продолжала некоторое время находиться в состоянии расцвета как раз тогда, когда полуварварская Европа только-только вставала на ноги. А рухнула Восточная Римская империя в то время, которое было для Западной Европы началом конца средневековья, отмеченного процессами Ренессанса и Реформации.

Перечисленные соображения и объективные обстоятельства заставляют понять и признать, что идея средневековья, условная и для Европы, очень мало пригодна для обозначения какого-либо иного региона, кроме как западноевропейского. Но, поскольку другой общепринятой периодизации просто нет, встает вопрос о необходимости всегда напоминать об условности и ограниченности термина. Впрочем, еще более очевидно и обосновано требование дополнительных пояснений, коль скоро речь заходит о неевропейском мире, даже о мире вне Западной Европы. Стоит добавить к сказанному, что для всего гигантского Востока в этом понятии вообще нет никакого реального смысла. Ни в одной из восточных стран подобного членения исторического процесса (древность — средневековье — новое время) раньше никогда не было. Могло оно появиться лишь в качестве уступки западному — например, марксистскому — влиянию. Но в нормальной обстановке, тем более в прошлом, такой термин никогда никем не применялся. Если где и начинали говорить о средневековье, то только там и потому, где и когда изложение основ всего исторического процесса было уже в сравнительно недавние времена заимствовано из западной историографии и только после этого начали применяться, особенно в исторических сочинениях.

Это легко понять. Ведь в истории всех незападных стран после начала победоносного шествия ислама, поставившего точку на процветании античного Запада и ознаменовавшего очередной выход на авансцену истории в немалой мере окрашенного в цвета новой религии традиционного Востока, ничего существенного, если не считать исламского завоевания, не произошло. Разумеется, время от времени изменялась политическая карта мира. Одни народы и государства навсегда уходили в прошлое, а на смену им приходили другие. Но этот естественный для многотысячелетнего Востока процесс не вел к структурным переменам. Каким Восток был, таким в принципе, т.е. в основных своих социополитических и экономических параметрах, он и остался к тому моменту, когда новоевропейские обществоведы, прежде всего философы, стали пытаться разгадать его сущность (это относится, в частности, и к Марксу с его *азиатским* способом производства).

Особо следует заметить, что традиционное восточное общество, столь отличное от динамичной античной и постренессансной Европы, только на взгляд быстро развивавшейся европейской науки воспринималось как нечто застывшее, спящее и неисторическое. Сами же народы Востока и руководители восточных государств, тем более специалисты-обществоведы, если они имелись и появлялись, рассматривали

ситуацию с совершенно иной точки зрения. Для них консервативная стабильность была желанным достижением, которое все очень высоко ценили. И потому, коль скоро все в структурном плане оставалось неизменным на протяжении веков и даже тысячелетий (речь не идет — стоит уточнить — о только что упоминавшейся политической истории, т.е. о смене одних государственных образований другими, равно как и об истории этносоциальной, связанной с выходом на авансцену истории одних народов и уходом с нее других, а также религиозно-цивилизационной, связанной, в частности, с исламизацией, во многих случаях насильственной), то зачем же, чего ради говорить о каких-то принципиально отличных одна от другой всемирно-исторических эпохах, которых вне Европы практически нигде просто не было?

Все это в общем-то вещь для специалистов вполне очевидная. И казалось бы, в современной науке это должно было быть как-то понято, учтено, объяснено. Между тем на практике дело обстоит иначе. Показательно, что в современной историографии, в частности в отечественной, например, во втором томе шеститомного труда «История Востока», изданного Институтом востоковедения РАН (М., 1995), термин *Средние века* автоматически, как нечто само собой разумеющееся, используется для обозначения обществ Востока в интересующий нас хронологический период. И используется без оговорок о его условности. Читателю молчаливо предлагается согласиться с тем, что и для истории Востока средневековье — вполне общепринятое понятие, т.е. что феномен средневековья имеет всемирно-историческое значение и потому бесспорен как период истории и одинаково обязателен для всей планеты. Пусть даже это многими, как уже упоминалось, принято безоговорочно. Пусть считается именно так. Но все равно, уважающим читателя специалистам стоило бы объяснить, что применительно ко всему неевропейскому миру (особенно тогда, когда речь идет только и именно о его истории) это понятие используется не вполне легитимно. Оно принимается лишь потому, что другого обозначения этого периода, тем более приемлемого для всех стран и народов мира, просто нет, что оно прочно укоренилось в свое время в европейской историографии для более легкого понимания и объяснения исторического процесса в Западной Европе.

Речь об этом сейчас идет не в порядке претензии. Ведь в принципе для деления истории на какие-то крупные периоды есть вполне разумные основания. История человечества достаточно велика, чтобы разделить всю ее на чем-то оправданные значимые хронологические этапы. Но весь вопрос в том, как выделить эти этапы, что и почему считать

первостепенно значимым. Сложилось так, что делить мировую историю на части начали в Европе. Поэтому вполне понятно, что руководствовались при этом критериями, очевидными именно для европейской истории. О неевропейском мире в те далекие от нас века никто в Западной Европе всерьез не думал. Тем более, что там постепенно складывалось впечатление, что вне Европы вообще заведомо преобладают неисторические народы. Стало быть, весь неевропейский мир должен просто вписаться в созданную в Европе периодизацию. И его вписали, используя при этом схему, как бы само собой разумеющуюся и во всяком случае устраивавшую всех в Западной Европе. Именно в результате этого начали применять интересующий нас термин к изучению Востока не только в качестве условного обозначения соответствующего периода, но и ради удобства изложения исторического материала. Средние века стали восприниматься как хронологически общая для всех часть всемирного исторического процесса[1].

Приняв все сказанное к сведению и отметив особенности исторического развития неевропейского мира в период, названный в истории Западной Европы средневековым (эти особенности в первую очередь и главным образом сводятся к тому, что никаких серьезных структурных изменений в странах неевропейского мира по меньшей мере до эпохи колониализма не было), обратимся теперь к сущностной характеристике периода как такового. Имеется в виду тот или хронологически примерно тот период, который соответствует европейскому средневековью. Ведь в конечном счете мы вправе, условно и предварительно старательно оговорившись, о чем и шла речь, использовать это обозначение периода, которому посвящен данный том. Иногда приходится чуть сдвигать привычные его рамки, имея, впрочем, в виду, что это период после крушения Рима под ударами варваров и экспансии только что возникшего ислама. Это наиболее удобно, кроме всего прочего, чтобы по-прежнему рассматривать генеральный

[1] В первом томе написанного мною двухтомника «История Востока» описанию сложностей, связанных с датировкой периода средневековья в разных регионах Востока, посвящена специальная глава. В ней говорится о том, сколь непросто определить грань, которую можно было бы взять за примерную основу, отделяющую те либо иные средневековые восточные государства и целые цивилизации от древних. В меньшей степени это касается той грани, которая отделяет восточное средневековье от нового времени. Она сравнительно четкая и единая для всего Востока, ибо отделяет его древнюю и средневековую историю от эпохи колониализма.

исторический процесс как взаимодействие и противостояние Востока и Запада.

НЕЕВРОПЕЙСКИЙ МИР В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА

Для большинства стран Востока это было время постепенного и очень неторопливого поступательного развития. Несмотря на случавшиеся подчас катастрофические события, связанные с разрушительными войнами и опустошительными нашествиями кочевников, эти страны, пусть не все и не всегда, находили в себе силы, чтобы пережить годы бедствий и разрухи и, восстановившись, продолжали существовать и развиваться. Развитие их заключалось преимущественно в обогащении опытом поколений, в усвоении достижений производства и культуры человечества в целом, в открытии и широком применении новых технологий, да и во многих других отношениях, включая не в последнюю очередь достижения культуры. Разумеется, объем и успешное освоение новаций зависели от множества непредсказуемых привходящих обстоятельств, порой случайностей. Но, тем не менее, именно за счет такого рода новаций большинство из них продолжало существовать, а то и, хотя далеко не всегда, процветало и обогащалось.

Обратим внимание на те наиболее существенные перемены, которые были характерны для неевропейского мира. Прежде всего, сохранилась намеченная уже в конце древности тенденция к укрупнению многих государственных образований, подчас даже к появлению больших и длительно существующих империй. Наряду с уже отмеченным заметным общим развитием и обогащением — особенно на фоне нищей полуварварской Западной Европы, по меньшей мере в первое полутысячелетие ее существования в пределах принятого нами условно средневекового периода всемирной истории, — Восток видоизменился и в плане преобладающего типа государств. На территории Индии, Китая и древнего Ближнего Востока в это время стали все чаще возникать крупные империи, число которых ранее было сравнительно невелико. Для средневекового периода истории Востока преобладание крупных и вполне сложившихся империй было уже, пожалуй, само собой разумевшейся нормой.

Встает законный вопрос, на какую основу опирался этот процесс. Трудно дать общий ответ, который годился бы для всех такого рода случаев. Но по большей части возникновение больших государственных образований было связано с внутренним укреплением древних

цивилизаций Азии, которые в свою очередь опирались на генеральные нормы конфессиональных догм и этических принципов, складывавшихся там на протяжении долгих веков. Иными словами, процесс укрупнения восточных государств был связан с их административно-воинской мощью, а это в свою очередь в очень большой степени зависело от сложения развитых восточных цивилизаций. Вообще вопрос о роли и усилении значения Востока стал на повестку дня в мировой истории именно в тот период, о котором теперь идет речь. Конечно, первые очаги цивилизации и наиболее ранние из числа развитых религиозно-цивилизационных систем начинали складываться много раньше, подвергаясь, как правило, взаимным влияниям, еще с глубокой древности. Однако в ту далекую пору процесс сложения великих цивилизаций находился лишь на своем начальном этапе.

Шел, как на то обращалось специальное внимание в томе, посвященном древневосточной и античной древности, интенсивный процесс внутренней консолидации в рамках определенных регионов, прежде всего в более или менее изолированных от других, будь то Египет, Двуречье, Индия или Китай. Но далеко не везде древние религии и цивилизации сумели сохраниться в первоначальном виде. Сравнительно более отдаленные от других регионов Востока Китай и в меньшей степени Индия сумели сохранить, пусть в несколько измененном виде, свою древнюю цивилизацию, что особенно трудно далось оказавшейся вскоре под властью завоевавших ее мусульман Индии. Что касается Египта, то он, несмотря на свою изоляцию, оказался сперва в зоне эллинизма, а затем под властью Арабского халифата, что за ряд веков кардинально изменило очень многое в этой древнейшей из известных человечеству стран. Это же весьма немаловажное обстоятельство сыграло свою роковую роль для стран и народов древнего Двуречья, включая, пусть частично, и горделивых персов. В целом же картина, характерная для Востока в период средневековья, заметно отличалась именно усилением роли великих и уже вполне сложившихся восточных цивилизаций.

Так, Китай, несмотря на порой сложные политические коллизии, которые в чжоуской феодальной древности разрывали его на части, на протяжении тысячелетий своего существования в рамках могущественной империи укреплялся и становился все более мощной политической структурой за счет развития сильной конфуцианской идеологии. На ней, как на очень прочном стержне, держалась вся веками складывавшаяся и практически нерушимая внутренняя структура

Поднебесной. Другой сильной державой, спаянной религиозной общностью, основой которой стал индуизм, оказалась Индия, степень и стандарты внутренней прочности и незаметной снаружи силы этносоциальной традиции которой не изменились после того, как страна была завоевана мусульманами, управлявшими ею вплоть до появления на индийском субконтиненте англичан. Не мешало индуизму и наличие крупных этнически и в языковом плане различных регионов, входивших в состав Индии, — все они, кроме принявшего ислам меньшинства, были накрепко спаяны индуизмом и системой каст в единое и прочное социополитическое образование.

Что же касается региона древнего Ближнего Востока, от Египта до Двуречья, где некогда возникли самые ранние очаги урбанистической цивилизации, то он подвергся радикальной цивилизационной трансформации. Античность в лице эллинизма, а затем христианство Византии (в Иране — зороастризм) наложили на его древние верования крайне сильный отпечаток. К слову, именно это обстоятельство сильно облегчило воинам ислама задачу обратить местное население в мусульманство. Ислам как одна из трех так называемых авраамических религий (две другие — иудаизм и христианство) имел немало общего с древними местными и пришлыми монотеистическими религиозными традициями, что и способствовало созданию пророком и его последователями из древних языческих верований ранних восточных цивилизаций, античных идей, иудаизма и христианства новой и внутренне сильной и стройной религии завоевателей. Словом, почти все страны ближневосточной древности приняли ислам и вошли в состав сначала Арабского халифата, а затем пришедших ему на смену Османской империи и Ирана, не говоря уже о прочих исламизованных странах и народах. При этом существенно заметить, что общая территория исламского Востока постоянно расширялась, о чем вскользь уже упоминалось и что сыграло важную роль в средневековый период европейской и мировой истории.

Разумеется, наряду с перечисленными крупными империями существовало в неевропейском мире этого периода и немало более мелких государственных образований, нередко с короткой историей. Но существенно заметить, что большая часть их обычно тоже тяготела к тем или иным великим цивилизациями Востока, о которых было упомянуто. Конечно, некоторые из заново возникавших стран длительное время обходились без развитой религиозной системы. Иные, как например хазары, заимствовали на какое-то время явно чуждую им

религию (имеется в виду иудаизм, который в общем-то исповедовался только иудеями и посторонних обычно не жаловал). Однако большинство рано или поздно принимало одну из великих религий, в первую очередь ислам. Число поклонников ислама заметно возрастало в те времена, когда внутренне не очень прочный с точки зрения существовавших в нем административных институтов, но очень сильный мощью своей религиозной системы и созданного ею образа жизни мир ислама, особенно Арабский халифат, ломался на части и переставал быть единой империей. Этот факт на первый взгляд мог бы оказаться роковым для ислама как религиозно-цивилизационной общности. Однако на деле все было не так.

Раскол Арабского халифата на многочисленные самостоятельные эмираты и султанаты и даже категорический отказ представителей оппозиционной ветви ислама, шиитов, признавать власть суннитского халифа никак не мешали тому, что население разрозненных частей мира ислама внутренне всегда было тесно спаяно религией. Это может показаться великим парадоксом, но практически сказанное означает, что при случае все мусульмане, сунниты и шииты, обычно считавшие себя чем-то единым и именовавшие всех единоверцев сводным термином *умма*, всегда были готовы вновь объединиться для великого дела. Таким было, например, завоевание Индии. Примерно то же можно сказать об умении мирным путем добиться численного и политического преобладания в других странах, как то случилось с Индонезией, Малайзией, частично с южной частью Филиппин, где распространению ислама помешала испанская колонизация. Кроме того, стоит иметь в виду, что многие мелкие и средние государства Востока после победоносного шествия ислама принимали эту религию и в тех районах ойкумены, где прежде государственности практически не существовало, будь то Поволжье, северная часть Кавказа, центральноазиатские степи или горные районы, включая Афганистан, а также значительная часть Африки.

Из числа новых великих цивилизаций, которые громко заявили о себе в сравнительно позднее время, следует — кроме ислама, которому чуть далее будет посвящена специальная глава, — упомянуть о буддизме. Не слишком прижившись в Индии, он двумя ветвями, северной и южной, начал примерно на рубеже нашей эры энергично распространяться из Индии на Восток. При этом характерно, что северный буддизм Махаяны (Большой путь спасения, Широкая колесница) сумел утвердиться в странах со сравнительно высоким культурным уровнем. Он стал — наряду с религиозным даосизмом — одной из религий

в Китае, занял прочное место в северном Вьетнаме, очень большую роль начал играть в Корее и тем более в Японии, где развитие очагов цивилизации и государственности сильно отставало от уровня Китая. Южный же буддизм Хинаяны (Малый путь спасения, Узкая колесница) из Цейлона проник в Бирму и Таиланд, затем на время охватил своим влиянием ряд соседних территорий, вплоть до Малайи и Индонезии. Повсюду, где начинал оказывать свое влияние буддизм, он, особенно на юге, вместе с параллельно проникавшим в эти же места индуизмом становился главной религией. Именно буддизм, подчас вместе с двумя основными ветвями индуизма, шиваизмом и вишнуизмом, формировал здесь основы местных очагов цивилизации, в том числе и урбанистической. Храмы и храмовые комплексы буддизма Хинаяны (Тхеравада) до наших дней являют собой архитектурные памятники высочайшего класса.

Можно было бы — для полноты картины — сказать несколько слов и о примитивных по многим параметрам очагах ранней цивилизации на территории Нового Света. Но характер повествования в данной главе дает мало оснований для этого хотя бы потому, что Новый Свет в период, условно именуемый средневековьем, не был известен никому в Старом Свете. По этой причине он не играл и не мог играть хоть сколько-нибудь заметной роли во всех тех связях и взаимодействиях, которые выдвинуты на передний план в данной работе. Понятно, что пока стоит оставить его в покое и обратить внимание на некоторые другие существенные вещи, которые оказались важными для неевропейского мира в период, о котором идет речь.

Еще одной из весьма заметных новаций периода средневековья было то, что именно в это время резко возросли размеры ойкумены или, иными словами, произошло расширение зоны, освоенной урбанистической цивилизацией. Оставляя, о чем уже было упомянуто, в стороне Новый Свет, где протекали свои процессы, близкие, но все же во многом несходные с теми, что были характерны для обществ Старого Света, обратим внимание именно на эти последние. Речь пойдет главным образом о том, что в хронологический период, условно именуемый средневековым, появились новые очаги цивилизации и государственности в разных местах Евразии и Африки. Например, следы их можно обнаружить даже в оазисах Тропической Африки, где до того знакомы с цивилизацией были лишь территории, находившиеся в долине Нила и в приморских зонах Средиземноморья. При этом огромную роль в цивилизационном освоении Африки опять-таки сы-

грал ислам, который быстро и легко распространялся на очень значительной территории, как некогда едва затронутой давно погасшими древними очагами цивилизации, так и вовсе незнакомой с ними.

К этому существенно добавить, что на большой территории Европы, на восточноевропейской равнине, под влиянием некоторое время процветавшей, но затем ориентализовавшейся и пришедшей в упадок Византии также появились новые государства, занявшие территории, заселенные до того преимущественно варварскими племенами славян, отчасти также тюрок, финно-угорских и некоторых других народов. Аналогичным образом выглядела ситуация в районах Приуралья и даже в сибирско-монгольских степях, где в древности в лучшем случае существовали лишь отдельные анклавы, как-то связанные с индоевропейскими либо китайским очагами цивилизации. Там возникло немалое количество быстрыми темпами развивавшихся новых государственных образований. Достаточно в качестве примера упомянуть о северных соседях Китая, живших за пределами Великой стены, но тем не менее регулярно контактировавших с Поднебесной, а подчас и вторгавшихся в нее. Еще более показательным примером является Монголия времен Чингис-хана и чингизидов, государства Туркестана, и страны, созданные осевшими татаро-монголами, как например Золотая Орда.

КОЧЕВНИКИ И ТРАНЗИТНАЯ ТОРГОВЛЯ

О кочевниках, с особой силой проявивших себя и напомнивших миру, особенно Востоку, о своем существовании именно и во всяком случае более всего в период средневековья, необходимо сказать особо. Уже в древности некоторые из народов, связанных с кочевым образом жизни — и в немалой мере ираноязычные, от персов до скифов,— играли достаточно заметную роль в политической жизни Азии. Иногда они, включая и персов, постепенно оседали и в значительной своей части становились земледельцами. Не меньшую роль играли и семитские племена, выходцы из Аравии, по меньшей мере часть которых была неплохо знакома со скотоводством и владела искусством использования вьючных животных, прежде всего верблюдов, для торговых надобностей. Но в конце этого периода и в наибольшей степени в разгар средневековья иные кочевые народы, подчас объединенные в крупные популяции, как например гунны (кит. сюнну), тюрки или монголы времен Чингис-хана, стали выступать не только и не столько как владельцы вьючных животных, пригодных для транзитной

торговли, сколько как мощная и в основном разрушительная сила. Нападая на оседлых соседей или на государства, попадавшиеся им на пути, тюрки либо монголы безжалостно уничтожали мирное население и, используя свою военную мощь, навязывали многим странам свое господство. Как правило, в конечном счете оседлый образ жизни на вновь завоеванных землях одолевал кочевые традиции, так что со временем кочевники нередко превращались в обычных земледельцев, что наиболее заметно на примере завоеванного монголами в XIII в. Китая или захваченной тюрками в XV в. Византии, превратившейся в Османскую империю.

Существенно заметить, что, хотя иногда под влиянием въевшейся в науку традиции кочевые сообщества именуют империями, ни одно из них само по себе никогда по уровню развития не выходило за рамки примитивного протогосударственного образования, пусть и достаточно крупного. Только в тех случаях, когда кочевники, подчинив себе то или иное государство, население которого вело оседлую жизнь, сами оседали, они могли создать более развитую форму государственности. Этому обычно способствовало принятие ими какой-либо из великих религий, чаще всего мусульманской, чьи принципы существования создавали крайне несложные социополитические рамки, в которые потомки завоевателей достаточно успешно вписывались. Это касается таких заметных средневековых стран, как Иран, Сирия, Египет, Турция, Золотая Орда, страны Магриба вплоть до Испании и некоторых других.

Но ограничиться описанием жестокостей варваров-кочевников, по меньшей мере часть которых проникла в свое время, в годы Великого переселения народов, и в Западную Европу, где их разрушительные набеги (достаточно напомнить о гуннах и вандалах) стали чем-то нарицательным, было бы недостаточным. Более того, не вполне справедливым. Нет слов, варвары-кочевники были прежде всего варварами и потому не останавливались перед тем, чтобы уничтожать города, не желавшие сдаваться, и поголовно истреблять их непокорное население. Однако стоит заметить, что подчас нечто подобное совершали и вполне цивилизованные народы, сносившие с лица земли Карфаген либо Коринф и продававшие население этих городов в рабство. Правда, вполне возможно, что степень зверского обращения с населением со стороны варваров-кочевников была значительно большей. Но так и спрос с варваров соответственно должен был бы быть меньшим. Однако, оставив эти ни к чему не ведущие рассуждения, обратим теперь внимание на то, чего требует справедливость. А она требует уделить

внимание той полезной деятельности, которую вели кочевые племена в столь масштабном и важнейшем для всего человечества деле, как уже упомянутая выше транзитная торговля, мощные нити которой с древности опутывали всю ойкумену.

С тех древних пор, когда скотоводы сумели создать удобные формы сбруи, пригодные для того, чтобы навьючить одомашненного коня, верблюда или иного приспособленного для несения тяжестей животного, будь то вол, осел, американская лама или даже слон, использование вьючных животных стало важнейшим элементом сухопутной транзитной торговли. Разумеется, всегда, когда для этого была возможность, для дальней транзитной торговли использовались водные пути, пусть даже иногда требовавшие нелегких усилий для соединения одних таких путей с другими (тогда применялась живая сила людей и животных, тянувших суда волоком). Но коль скоро о водном пути не могло быть и речи, то прокладывались сухопутные тропы, вдоль которых и двигались тяжело навьюченные животные. Двигались медленно, требуя частых остановок для отдыха и нуждаясь в таких дорогах, которые могли бы обеспечить животных питанием и водой. Такого рода караванные пути, которыми особенно славились пустынные и полупустынные районы, будь то Аравия или Африка, существовали издревле, но только в период средневековья они стали достаточно оживленными.

Дело в том, что именно в это время в связи с заметным ростом числа новых освоенных человеком регионов, увеличением количества народов и расширением связей между ними возникла потребность в усилении торговых связей, в том числе транзитных и достаточно регулярных. В этой связи очень многое стали значить давно установившиеся и веками сохранявшиеся дальние торговые пути и связанные с ними торгово-рыночные связи. Именно такого рода связи (для Китая, например, это знаменитый Великий шелковый путь, для стран Юго-Восточной Азии — морская дорога из Индии, а затем и из Европы через Молукский пролив) включали во всемирную сеть транзитной торговли практически весь мир, в том числе, после плавания Колумба, и Новый Свет. В торговле с богатым природными ресурсами и процветающим, особенно в позднем средневековье, Востоком с течением времени и во все нарастающем объеме стали принимать участие и европейские купцы, жаждавшие восточных пряностей и именно ради них искавшие более легкие пути в глубины Азии, прежде всего в Индию.

Водный путь был во многих отношениях удобней и выгодней сухопутного. Однако не везде и не всегда он существовал. Поэтому

роль кочевых этнических общностей, иногда небольших, которые специализировались на обслуживании торговли, стала в связи с увеличением спроса на торгово-рыночные связи пользоваться большим вниманием. Особенно это было заметно там, где торговые пути были сложны и для освоения их требовались опыт и немалая сноровка. Что касается Европы, то в этом регионе роль кочевников, связанных с торговыми перемещениями, была в прошлом невелика хотя бы потому, что водные пути были здесь в изобилии. Но чем дальше шел путь в глубины Азии, тем больше требовалось вьючных животных и сопровождавших их погонщиков, чьи услуги, к слову, стоили весьма недешево.

Завершая разговор о кочевниках как специфических этнических общностях, громко заявивших о себе именно в конце периода древности и проявлявших все большую активность на протяжении периода средних веков (имеются в виду прежде всего монголы, арабы, тюрки, да и многие другие этнические общности), стоит сказать еще несколько слов о причинах, препятствовавших возникновению хотя бы ранних государств в кочевой среде до того, как кочевники выходили из степей либо пустынь и начинали завоевывать своих оседлых соседей, превращаясь в их господ и навязывая им свою власть.

Причины эти достаточно просты: степные и пустынные кочевья не были благоприятны для сближения большого количества населения, а плотность его является одним из важных условий создания хотя бы ранних государственных образований. Поэтому у кочевников длительное время сохранялись преимущественно родовые связи между близкими друг к другу группами кочевников. В лучшем случае эта близость могла породить систему племенных протогосударств. И лишь тогда, когда некие дополнительные факторы (например, бескормица — *джут* — или перенаселение) заставляли кочевников подниматься с родных мест, ситуация могла резко меняться.

Двигаясь в сторону тех стран, где было достаточно развито земледельческое хозяйство, и завоевывая эти страны, по пути смешиваясь с местным населением, кочевники постепенно меняли свой привычный образ жизни или, как выражались в древнем Китае, слезали с коней. А когда привыкшие жить на лошадях кочевые народы слезали с коней, это означало, что они переставали быть кочевниками, что, впрочем, никак не мешало им оставаться воинами и даже становиться повелителями захваченной ими страны, которую они вначале чаще всего в ходе варварских нападений разоряли.

***

Говоря о тех сдвигах, которыми был отмечен не только даже процесс перехода от древности к средневековью, но и само средневековье, особенно в странах Востока, нельзя не сказать о том сильном воздействии, которое оказали на соседние с ними районы основные возникшие в древности развитые цивилизации. Это касается и христианства, хотя его влияние было теснейшим образом связано с традициями античности и потому ограничивалось в основном Европой, включая и Восточную, где эти традиции оказались ослаблены трансформацией (ориентализацией) Византии, вследствие чего там христианство обрело отличную от западноевропейской православную модификацию. То же самое относится и к другим мировым цивилизациям, будь то исламская, индо-буддийская или китайско-конфуцианская. Именно под влиянием этих великих цивилизаций возникали на рубеже древности и средневековья государственные образования в Юго-Восточной Азии, на Кавказе, в районах Поволжья или Сибири, в Африке и иных местах, о чем уже было упомянуто. А китайская цивилизация, помимо этого, сыграла огромную, решающую роль в формировании корейской и японской государственности. Кроме того, возникновение анклавов, создававшихся китайскими мигрантами *(хуацяо)* в большинстве стран Юго-Восточной Азии, особенно в ее близкой к Китаю полуостровной и островной части, на протяжении столетий в период позднего средневековья и после него оказывало очень сильное влияние и в очень большой степени способствовало развитию тех стран, где эти анклавы появлялись.

Глава вторая. ФЕНОМЕН ФЕОДАЛИЗМА

Проблема вычленения и обозначения исторического периода, о котором идет речь, в Западной Европе отнюдь не ограничилась определением терминологии для некоего этапа ее истории. Она осложнилась тем, что высказанная еще в XVII в. идея трехчленного восприятия истории Европы (а именно Европа многими считалась в то время и много позже — прежде всего, естественно, самими европейцами — едва ли не единственной имеющей реальную историю частью планеты) получила логическое продолжение. Активно совершенствуясь на протяжении ряда столетий, эта идея приняла в европейской историографии XVIII–XIX вв. более или менее завершенный вид, который привел специалистов к новым теоретическим построениям. Дело в том, что устоявшаяся в науке позиция трехчленной исторической схемы *античная древность — средневековье — новое время* побудила явствен-

но формировавшихся в те времена специалистов-обществоведов попытаться как-то разобраться в сущностных различиях между тремя эпохами. В результате поисков сравнительно легко обозначилась ассоциативно-коррелятивная связь античности с рабовладением, социополитической раздробленности времен средневековья с феодализмом, а нового времени с буржуазным развитием.

Именно таким образом и в такой последовательности возникли привычные стереотипы, которые позже, будучи переосмыслены Марксом и особенно постаравшейся в этом плане армией тружеников отечественного истмата в духе так называемых *формаций*, оказались основой для понимания исторического процесса. Справедливости ради важно заметить, что такого рода извращенное понимание проблемы, естественно, не получило всеобщего распространения. Но в СССР и ряде иных близких к нему в советское время стран оно стало жесткой нормой, обязательной для всех. Между тем не только марксистско-истматовская трактовка этапов всемирной истории как сменяющих друг друга обязательных *формаций*, но и вся упомянутая выше ассоциативно-коррелятивная связь трех этапов истории соответственно с рабовладением, феодализмом и капитализмом не вполне точна и по меньшей мере поверхностна. Эта связь берет за основу лишь некоторые внешние и бросающиеся в глаза признаки, но игнорирует при этом глубинные и наиболее содержательные реалии внутренней структуры. Для правильного понимания проблемы необходим более тщательный ее анализ. Попытаемся разобраться во всем сказанном.

О ФЕОДАЛИЗМЕ КАК ВАРИАНТЕ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ

Проблема феодализма во многих отношениях много более сложна, чем искусственно привязанное к древности представление о том, что все древние общества были будто бы рабовладельческими и что рабовладение было основной структурной характеристикой таких обществ. Это представление было достаточно подробно рассмотрено мной в первом томе. Там был сделан вывод, что рабство и рабовладение являются вневременной категорией и что рабы ни в восточной, ни в античной древности основными тружениками и тем более полезными производителями не были. Либо их освобождали от рабского статуса и они, переходя в разряд просто неполноправных, начинали работать в основном на себя, что меняло многое, либо они использовались в системе домашней или храмово-административной обслу-

ги. Ситуация с феодализмом сходна с этим. Как и в случае с первой (античная древность и рабовладение) ассоциативно-коррелятивной ассоциацией, эта вторая, средневековье и феодализм, не выдерживает критики. Она насквозь фальшива по той же причине: феодализм как феномен и феодальная раздробленность как социополитическая система — вневременные явления. Однако **сложность в том, что если рабство как правовая и социопсихологическая категория не затрагивает отношения в системе администрации, государственной власти, то феодальная раздробленность, напротив, соприкасается с ней самым непосредственным образом.**

Суть проблемы восходит прежде всего к происхождению и формам проявления феодализма как определенного феномена. Что свойственно тем феодальным отношениям, которые более всего присущи, во всяком случае, в полной мере — как то долгое время казалось многим — западноевропейскому средневековому обществу, только и именно ему? И к чему тогда сводится комплекс феодальных отношений, сущность которых определялась европейскими специалистами на основе тех сведений, которые были известны из истории средневековой, а частично и более поздней Западной Европы? Ответы лежат на поверхности. Феномен феодализма осмыслялся его теоретиками тогда, когда обществоведение и, в частности, история и историософия находились на начальном уровне развития этих научных дисциплин. Специалисты многого не знали и не понимали. Но с тех пор прошло много времени, наука, включая обществоведение, сделала большой шаг вперед. В частности, выявилось, что не только нечто близкое, но и до мелочей сходное с раннеевропейской феодальной раздробленностью было в чжоуском Китае на протяжении почти тысячелетия, причем предшествовало там созданию империи, затем просуществовавшей около двух тысячелетий.

Более того, нет никаких сомнений в том, что феодальные отношения в обществах западноевропейского средневековья (с другими частями Европы, включая Византию и Русь, да и иные славянские страны, дело обстояло несколько сложнее) сыграли свою немалую роль. Более того, они в некотором смысле оказались гораздо существеннее для характеристики структуры, нежели то было с рабовладением в древности, включая и античность. Однако, тем не менее, фундаментальная сущность западноевропейской структуры отнюдь не сводится к одной лишь феодальной раздробленности, вассальным связям, рыцарским доблестям, политическим междоусобицам и ряду других

внешних и бросающихся в глаза признаков, которые свойственны феодализму как феномену. Она была с самого своего рождения в глубокой древности много более значимой, о чем подробней будет идти речь далее. А суть этой ее значимости в том, что феодализм не сводится к раздробленности, которая может расцениваться лишь как его социополитический признак, своего рода форма существования, даже одна из функций, но не более того.

С самого начала необходимо обратить внимание на то, что **феодализм как политическая раздробленность, система полунезависимых уделов знати и иерархия вассально-сеньориальных связей характерен только и исключительно для децентрализованных государств с очень сильно ослабленным аппаратом администрации верховного правителя. Ни при каких других обстоятельствах феодализм как феномен не возникает и просто не может существовать.** В обществах, где вовремя сложилась более или менее развитая система чиновно-бюрократической администрации, будь то древнеегипетское, персидско-иранское или китайское времен империи, тем более мусульманский халифат, феодализма обычно и не могло быть. Примерно то же следует сказать и о Римской империи, как Западной, так и Восточной. Собственно, перечень можно было бы и продолжить, но едва ли стоит это делать. Проще назвать те общества, где феодальные отношения существовали, отметив при этом время их существования и особенности их проявления. К сказанному необходимо присовокупить, что наличие либо отсутствие отношений феодального типа, как в их наиболее полном и совершенном виде, так и в довольно часто встречавшейся, особенно на Востоке, урезанной форме, не имеет никакого отношения к структуре восточного либо западного государства и общества, об особенностях которой уже не раз шла речь.

Облик ранних варварских протогосударственных образований, которые в обилии появились на политической карте Западной Европы после крушения Рима, убедительно свидетельствует о том, как на полупервобытной основе в условиях полного отсутствия административной традиции и какой-либо серьезной инфраструктуры, на что возникающая власть государства могла бы более или менее надежно опереться, начинает появляться феодализм. Именно такой, что появлялся и в далеком раннечжоуском Китае в конце II тыс. до н.э.[1] И если мы учтем сопровождавшую этот процесс этническую пестроту населе-

[1] Подробней об этом см.: *Васильев Л. С.* Древний Китай. Т. 1–3. М., 1995, 2000, 2006.

ния, местного и пришлого, в массе своей едва вступившего на уровень племенных протогосударств, то окажется, что феодализм — это система, которая свидетельствует о том, что развитых социополитических отношений в подобного рода децентрализованных обществах еще нет. Общества, которые имеются в виду, были в Китае в глубокой древности и в Западной Европе после крушения Рима типично первобытно-восточными в их очень примитивной модификации. Не приходится и говорить, что они не имели никакого отношения ни к рабовладельческой, ни к феодальной *формации.*

Зато именно здесь, в этих обществах, на протяжении ряда веков шел процесс феодализации, т.е. создания хоть сколько-нибудь устойчивой власти в условиях, где либо с очагами урбанистической цивилизации были сложности, либо государства с их системами социополитических отношений оказывались непрочными и при первых ударах кризиса подходили к грани развала, как то бывало с древнеегипетскими переходными периодами или с доисламской Индией. Стоит добавить к сказанному, что, в отличие от древневосточных государств, у западноевропейских было очень весомое преимущество. Оно заключалось в том, что эти варварские королевства легли на хорошо удобренную античной традицией плодородную почву. По крайней мере частично усвоив наследие античности и приняв христианство, которое было принесено им усилиями безотказных и бескорыстных миссионеров, феодализм, характерный для Западной Европы, оказался исключительно податливым для новаций. Он и начал эволюционировать. Специалисты чаще всего называют XII век началом заметных успехов его эволюции. Как и почему на протяжении свыше чем полутысячелетия в полуварварской Европе, давно уже начавшей процесс усваивания античного наследия и ставшей христианской по основам религии и цивилизации, продолжал существовать феодализм и какой вид он со временем приобретал?

Нет никаких сомнений в том, что этот важный для средневековой Европы процесс был не только результатом Великого переселения варварских народов с привычными для Востока структурными основами. Не в меньшей степени он был следствием упадка системы централизованной администрации в самом Риме и, как итог, крушения Западной Римской империи. Ведь именно в результате этого крушения на территории, населенной в очень большой степени римскими колонистами, привыкшими к античной структуре, появилось то великое множество полупервобытных варварских королевств, о которых теперь идет речь.

Эти королевства не имели и не могли иметь собственной хоть сколько-нибудь развитой и тем более устоявшейся административной традиции. Но самое главное в том, что они не были в состоянии по мере их политического оформления заимствовать такого рода основу из наследия античности, ибо там ее не то чтобы вовсе не было (в период империи она возникала), но она была для них непригодной.

Дело в том, что **античность как структура — мировой город** с присущей ему тенденцией к ускоренной эволюции и к модернизации — **была**, как то доказала эпоха эллинизма, **несовместимой со структурой власти-собственности, этой мировой деревни** со свойственной ей тенденцией к всесилию власти, ограничению потенций собственности и с консервативной стабильностью в качестве идеала существования. **Восточная структура и феодализм как ее вариант вполне могли сосуществовать с антично-протобуржуазной структурой**, в частности с возникавшими в феодальной Западной Европе городами антично-полисного типа со свойственным ему самоуправлением, а то и вообще с политической независимостью, **но не могли ничего заимствовать, ибо несовместимость протестовала против этого**. Усвоение наследия, столь чуждого восточной структуре, требовало немалого времени, если вообще было возможно в привычной и сколько-нибудь приемлемой для **мирового города** форме. Неудивительно поэтому, что структурное оформление варварских протогосударственных образований пошло по естественному в таких условиях для примитивных восточных государств феодально-удельному пути.

ФЕОДАЛЬНО-УДЕЛЬНЫЙ ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Здесь очень важно понять, что, как о том свидетельствует вся история цивилизованных обществ, следует считать незыблемой нормой то принципиальное обстоятельство, что феодализм как социополитическая структура и **феодальная раздробленность как ее единственно возможная форма существования** возникали только в тех условиях и лишь тогда, когда не было возможности для создания централизованного государства. Иными словами, феодально-удельная политическая система власти и соответственно возникавшие на этой основе государственные образования являются объективным свидетельством неразвитости общества и в еще большей степени государства, лишенного возможности иметь централизованную администрацию и потому вынужденного создавать

зависимые от центра уделы. Конечно, далеко не всегда такие ранние и неразвитые общества и протогосударства обретали типичный (типологию задают чжоуский и франкский образцы феодальной раздробленности) феодально-удельный облик. Во многих случаях они возникали в несколько иных условиях, которые способствовали длительному и вполне успешному существованию либо примитивных протогосударств, либо созданных по образцу распавшегося государства мелких государственных образований того же типа, что было свойственно древнеегипетским переходным периодам, доисламской Индии, султанатам и эмиратам распавшегося халифата или Киевской Руси.

Аналогичным образом возникла — правда, в иных обстоятельствах и соответственно в сильно модифицированной форме — система военного феодализма в средневековой Японии, где власть правителя была по ряду причин неэффективной, вследствие чего появилось множество автономных центров силы во главе как с *сёгунами*, так и с могущественными князьями, вассалами которых были *самураи*, во многом похожие на европейских рыцарей. Со временем князья были, хотя и не без труда, подчинены, да и то далеко не в полной мере, военными диктаторами, сёгунами. Все сказанное означает, что **феодализм как политическая система со свойственными ей отсутствием эффективного центра администрации и всесильными главами полунезависимых уделов на местах (все остальные признаки, будь то иерархическая лестница вассальных связей, феодальные междоусобицы, борьба за власть или элементы рыцарской доблести, следует считать, при всей их значительности, второстепенными) — это результат слабости не укрепившегося вовремя централизованного государства.**

Именно это обстоятельство сыграло решающую роль в сложении системы феодальных государств на развалинах Рима в раннесредневековой Западной Европе. Феодализм в Западной Европе с неэффективной централизованной администрацией, междоусобицами, политической раздробленностью и всеми прочими характерными для него признаками был рожден не античностью, с которой он оказался несовместим, а слабостью и неустроенностью политической власти. К слову, это станет еще более очевидным, если сопоставить события в Европе после крушения Западной Римской империи с теми, что оказались характерными для Восточной Римской империи, Византии. Перед нами две практически одинаковые по своей внутренней структуре части некоего в недавнем прошлом единого целого. Но почему

тогда история Византии сложилась совсем иначе? Не потому, что к северу от нее было меньше этнически чуждых грекам и римлянам (основное население империи) варваров, хотя их действительно было меньше, но из-за того, что Восточная Римская империя сумела в силу ряда причин сохранить централизованную администрацию и всю многими веками создававшуюся инфраструктуру, на которую власть центра могла опереться. Это помогло ей избежать эффекта политической раздробленности и, как ее следствия, феодализма.

Византия, подвергшаяся за ряд веков ее самостоятельного существования определенной эволюции, в частности, весьма заметной ориентализации, о чем упоминалось, принципиально не изменилась. Сохранилось главное — веками создававшийся и никем не разрушавшийся эффективный централизованный аппарат власти. Поэтому не приходится удивляться тому, что здесь не возник западноевропейского типа феодализм с характерными для него феодальной раздробленностью, иерархией вассальных связей, междоусобицами, рыцарской доблестью и т.п. А ведь практически вся история этой страны приходится на тот самый период средневековья, который считается эпохой классического западноевропейского феодализма и по меркам которого многие, особенно марксисты-истматчики, стремились перекроить всю историю человечества. И хотя традиции римского права, привилегированная знатная правящая элита, несколько ограниченное сенатом всевластие правителей, и огромная роль христианской церкви создавали в чем-то сходную со средневековыми западноевропейскими королевствами, но в то же время во многом близкую и к античности систему отношений, к феодализму это общество в любом случае не имело никакого отношения.

Так что же такое в конечном счете феодализм? **Феодальная система — это вынужденная форма существования слабого государства, альтернатива более привычного варианта власти-собственности с централизованной редистрибуцией. Здесь на передний план выходит децентрализованная редистрибуция, что в свою очередь ослабляет власть центра.** Но как только в процессе естественной эволюции государство развивается, обретая эффективную администрацию, раздробленность и соперничество феодально-удельной знати постепенно изживают себя, а взамен этого набирает силу единоличная власть кого-либо из вчерашних феодалов. Практически это значит, что **феодализм как система власти** — а другого не существует, ибо феодальная формация такой же миф, что и рабовладельческая или коммунистическая, — **свойствен исключительно обществам восточного**

типа со структурой власти-собственности и отличается от них лишь иной формой редистрибуции, децентрализованной.

В качестве едва ли не наиболее наглядного и, главное, всем хорошо известного примера можно обратить внимание на привычную картину эволюции все той же западноевропейской политической системы. На определенном ее этапе феодальная раздробленность вместе с иерархической лестницей вассальной зависимости, рыцарской доблестью и другими существенными ее признаками начинала уходить в прошлое, заменяясь централизованными политическими образованиями, обычно — и неверно — именуемыми абсолютистскими. Это отношения, свойственные авторитарным монархиям и мало чем отличающиеся от восточного деспотизма. Западный авторитаризм времен конца средневековья уже задолго до эпохи буржуазных преобразований где-либо в Голландии, Англии и США и великой революции во Франции не имел отношения к феодализму. От феодализма в нем везде оставались лишь остаточные явления, некоторые пережитки, тогда как в основу структуры наряду с изживавшими себя институтами власти-собственности и централизованной редистрибуции все более определенно ложились становившиеся нормой для европейских городов рыночно-частнособственнические отношения, гражданские права и свободы.

По-своему, но примерно таким же образом шла эволюция в нашей стране или в Японии, где близкие по типу к феодальным политические отношения постепенно и по мере укрепления власти центра (в России — царей, в Японии — военных правителей сёгунов) уступали место власти укрепляющегося центра. Правда, с проблемой абсолютизма, равно как и предбуржуазного развития здесь, т.е. в России и Японии, все обстояло гораздо сложнее, чем то было в предбуржуазных государствах Западной Европы. Но почему это было именно так? Взглянем более основательно на то, как обстояло дело с феодализмом, рыночно-частнособственническими отношениями, а также с институтами власти-собственности и централизованной редистрибуции на Востоке и на Западе.

ФЕОДАЛИЗМ И СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

Обратимся сначала к особенностям феодализма на Востоке. В силу ряда обстоятельств, о которых уже шла речь, основы структуры Востока и всего постпервобытного мира с древности кардинально

отличались от тех, что со времен античности стали фундаментом западноевропейских. Это очень важно принять во внимание, равно как и то, что Восток не знал ничего похожего на европейское средневековье. Тем не менее, как о том уже шла речь, в странах Востока и в древности, и много позже иногда возникали общества, внешне очень похожие на западноевропейский стандарт феодализма (имеется в виду прежде всего не раз упоминавшаяся древнекитайская эпоха Чжоу) либо чем-то ощутимо близкие к нему, как Япония или Русь. Из этого явствует, что Восток со своей структурой, принципиально отличной от Запада, не был при этом чужд феодализму как социополитическому феномену. Напротив, был сходен с ним.

Практически это означает, что время от времени в истории разных стран Востока появлялись децентрализованные политические системы с некоторыми — в большем или меньшем количестве, в той либо иной модификации — явными признаками феодализма. Эти системы обычно существовали не слишком долго. Они появлялись и исчезали в зависимости от наличия либо отсутствия крепкой централизованной администрации и поэтому, естественно, хронологически не совпадали, просто не могли совпадать с эпохой европейского средневековья. Вообще-то одного этого вполне достаточно, чтобы поставить под сомнение все рассуждения о каком-то *восточном феодализме* как о некоей присущей именно средневековью и принципиально отличной от древности и более поздних эпох системе отношений, характеризующих соответствующие общества Востока. **Дело в том, что реальная структура всех традиционных обществ Востока** (включая и те из них, что напоминали западноевропейский феодализм, и даже те, которые, подобно Руси, не могут стопроцентно считаться именно восточными) **принципиально никогда и нигде не изменялась. Эта структура, о чем уже шла речь, всегда и везде была связана с властью-собственностью и централизованной либо децентрализованной редистрибуцией.**

Есть ли основания в этом случае именовать систему признаков, внешне напоминающих то, что было характерным для западноевропейского средневековья, именно феодализмом, не привязывая соответствующие общества хронологически к каким-то векам и вообще не пытаясь приписать их существование к какому-либо этапу в историческом процессе, это **вопрос терминологии, но не существа дела.** Пусть чжоуское общество, бывшее вначале едва ли не стопроцентно сходным по всем основным социальным и политическим критериям с теми признаками, которые составляли суть западноевропейского

франко-французского феодализма, а потом, причем в замедленном темпе, подвергавшееся дефеодализации, называют именно феодальным. Это реально оправдано. Однако терминология не должна никого вводить в заблуждение. Чжоуское общество не было средневековым. Поэтому считать древнекитайский феодализм принципиально странным этапом в ходе исторического процесса нет оснований. Пусть Киевская Русь на первых порах была близкой к той же системе признаков, после чего в России начался процесс дефеодализации и становления бюрократической империи (существование крепостного рабства не имеет прямого отношения к системе феодальных признаков). Если этот процесс хронологически совпал с западноевропейским средневековьем, это никак не означает, что тот же период в нашей стране как исторический этап следует отождествлять с феодализмом.

Здесь мы подходим к тому, что в марксизме долгие десятилетия считалось основным критерием в оценке исторического процесса и о чем тоже уже упоминалось. В рассуждениях о феодализме в данной главе пока еще не была всерьез затронута проблема экономики и тем более социально-экономических отношений, на которых обычно зиждилась вся марксистско-истматовская схема *формаций*. Разумеется, это не случайность. Все дело именно в том, что феодализм и рабовладение как системы в основном социальных и политических признаков и соответствующих им отношений в обществе не имеют отношения к экономике (хотя, разумеется, отнюдь не безразличны к ней). Попытаемся разобраться в этом серьезном вопросе.

Экономика европейского средневековья в эпоху ее становления в варварских государствах вначале была близкой к полупервобытному хозяйству небольших общин, причем эту структуру в целом следует считать неразвитой модификацией традиционной восточной, основанной на институтах власти-собственности и редистрибуции. Степень централизации этой редистрибуции была вначале небольшой, причем именно это было особенностью структуры раннего западноевропейского средневековья. Черты позднеримского колоната также придавали западноевропейской модификации традиционной восточной структуры некую специфику. Но при всем том необходимо принять во внимание, что с весьма раннего времени в средневековой Западной Европе обособились города, которые принципиально отличались от восточных городов, полностью вписывавшихся в структуру, фундаментом которой были власть-собственность и централизованная редистрибуция. В европейских городах, где жило преимущественно римское население

(речь о культуре империи, а не об этносе), сохранялись свойственные античности нормы. Другим, что существенно, просто неоткуда было взяться, ибо у варваров по определению каких-либо городов, даже восточного типа, не было.

Город в западноевропейском средневековье складывался как наследие античности, как новая модификация рухнувшего было вместе с Римом и практически приходившего в упадок в Византии **мирового города**. В любом случае он не был элементом специфичной именно для феодализма (а это, напомним, вариант восточной власти-собственности) экономики. Все дело в том, что экономика и экономические связи в истории человечества бывают, как о том не раз уже говорилось в разном контексте, лишь двух основных типов. Исторически первый из них, наиболее примитивный и в чем-то восходящий к первобытности, — это веками складывавшаяся и имевшая в ряде случаев некоторые специфические особенности структура, которая при всем том в целом являла собой единый общий стандарт. Речь об институтах власти-собственности и централизованной редистрибуции. Характерным для этой структуры везде и всегда было отсутствие свобод, прав и гарантий частных собственников и независимого от власти рынка. Такой стандарт отношений характерен почти для всей истории традиционного Востока. Он кое-где, по меньшей мере частично, дожил до наших дней. Второй тип — античная структура, возрожденная после эпохи Ренессанса в предбуржуазной Европе и ныне господствующая в мире. Это привычный стандарт антично-буржуазных рыночно-частнособственнических отношений, сопровождаемых системой свобод, прав и гарантий граждан, которые к тому же, — и это неотъемлемая их привилегия — имеют право выбирать своих управителей.

Бывают, хотя и редко, случаи сосуществования с попытками преодоления одного из стандартов другим. Так обстояло дело на эллинистическом Востоке после завоеваний Александра. Нечто похожее было характерным для имперской России на рубеже XIX–XX вв. и для Японии после революции Мэйдзи, не говоря уже о веках позднесредневековой истории европейского Запада. Это же относится к трансформации Востока в постколониальное время, в XX в. Все эти процессы, причем каждый из них в отдельности, заслуживают особого внимания. Об одном из них — об эллинизме — выше было кое-что сказано. Другие случаи выходят за хронологические рамки данного тома. Но главное и общее для всех них в том, что процессы преодоле-

ния всегда и везде оказывались очень сложными. Из всех только что упомянутых случаев наиболее быстро, безболезненно и удачно такой процесс прошел лишь в Японии. Много сложнее, причем в большинстве случаев безрезультатно протекал он в других странах. И только тот путь, который прошли западноевропейские средневековые государства, оказался удачным.

В чем же разница? В чем причины сложности и неудач либо полуудач (временных и не слишком обнадеживающих успехов, как то было в случае с эллинизмом) в одних случаях и успеха в других? Нет никаких сомнений в том, что эти причины коренятся в колоссальной трудности преодоления одной структуры принципиально несходной, во многом противоположной ей другой. Трудности связаны прежде всего с силой власти либо с ее слабостью, с большой ролью административного принуждения (на Востоке) либо с отсутствием его. Но при всей важности того и другого нельзя сбрасывать со счетов и социальную психологию населения. Оно ведь многими веками было воспитано либо в духе стремления к консервативной стабильности и сервильного комплекса (на Востоке), либо напротив, в стремлении к свободам, строго соблюдаемым гражданским правам, индивидуальной независимости, а также к патронируемой властью и гарантированной законами частной предприимчивости в крайне благоприятных для нее условиях рыночно-частнособственнической антично-буржуазной экономики.

Вот эти-то принципиальные различия и тесно связанные с ними модус поведения и нормы существования как раз и определяли, причем, как правило, раз и навсегда, во всяком случае, на длительное время, господство того или иного стандарта фундаментальной структуры, тех либо иных социально-экономических отношений, того либо иного типа хозяйства и поведения хозяйствующих субъектов. А изменения в них и переход от одного типа хозяйства и экономического поведения к другому оказывались неимоверно сложным делом. В случае с эллинизмом на Ближнем Востоке, о чем уже шла речь, это проявилось в наиболее наглядном виде. В передовых во многих отношениях городах быстрые перемены, к тому же под давлением определяющего внешнего воздействия, оказались возможными. Но так как в провинциальной хоре они не произошли, это в конечном счете и предопределило неудачу попытки преобразовать восточную структуру по образцу античной.

В западноевропейском средневековье ситуация была вначале аналогичной. Деревня существовала в рамках традиционного восточного стандарта, пусть ослабленного из-за полупервобытного примитивизма.

Но со временем провинция многое заимствовала от успехов и норм существования, основанных на отличном от восточной структуры античном стандарте городов либо целых городских республик, прежде всего североитальянских. В этом конкретном случае (слабый восточный стандарт деревни и сильная античная структура в городах), стимулированном рядом привходящих благоприятных условий — таких, как влияние христианства, — преобразование оказалось делом вполне реальным. Возрождение как не столько уникальный по многим своим параметрам феномен, но и как знак, символ, стало сигналом того, что восточный стандарт в средневековой Западной Европе преодолен.

Как бы то ни было, но в конечном итоге — и это главное — следует вывод, что феодализм как социополитический феномен присущ многим различным обществам Востока и Запада, причем встречался и в древности, и в средневековье. Иногда он обретал классическую (западноевропейскую) форму, отличавшуюся наличием всех основных признаков, однако чаще фиксируются его модификации, нередко весьма скромные, отличающиеся от «классического» феодализма отсутствием ряда важных признаков. Но в любом случае феодализм как система свойствен лишь децентрализованным структурам со слабой административной властью. Это, пожалуй, самое главное, что должно быть неопровержимым свидетельством наличия либо отсутствия феодализма в том либо ином виде в данном государстве, независимо от того, когда и где, в древности или много позже, на Востоке или Западе оно существовало.

В свете сказанного становится абсолютно ясным, почему можно говорить о феодализме на Востоке, но нельзя, просто безосновательно говорить о некоем «восточном феодализме». Если уж на то пошло, то весь феодализм по происхождению и стандартам только восточный, а в Западную Европу он пришел вместе с варварами (а не с античной традицией) с Востока.

Для тех, кому это все еще остается неясным, добавлю, что безоговорочное использование применительно к обозначению всех средневековых обществ столь привычного, удобного и вроде бы всем понятного термина «феодализм» ведет к непониманию, к извращению сути исторического процесса. Это непонимание и извращение сводятся к тому, что все средневековые — только и именно средневековые — общества Запада и Востока оказываются почему-то феодальными. Феодализм в древнем мире, сколь бы полно он ни выглядел, как то было в Чжоу, при этом демонстративно игнорируется, тогда как принципиальная разница между Востоком и Западом искусственно стирается. К сожа-

лению, это мало у кого вызывает неприятие, прежде всего потому, что вошло в норму, стало традицией. И, быть может, не стоило бы спорить с традицией, если бы не одно важное обстоятельство. Оно заключается в том, что вслед за формой, вроде бы условным наименованием, и, более того, в зависимости от нее идет и оценка сущности явления. А в нашей стране к этой сущности добавляется еще и фальшивый стереотип восприятия феодализма как некоей особой *формации*. И добро бы, если бы это ограничивалось только Европой, Западом. Феодальная *формация* в системе подобного восприятия буквально силой навязывается Востоку, в результате чего и возникают нелепые словесно-понятийные монстры вроде *восточного феодализма*.

О ДЕФЕОДАЛИЗАЦИИ

Последнее, на чем необходимо специально еще раз остановиться в главе о феномене феодализма, это проблема его исчезновения, ликвидации. Сложилось так, что, раз возникнув и окрасив общество в свои привычные цвета, придав ему определенный внешний облик, феодализм как система социополитических связей и отношений, как правило, не спешит уступать свое место даже тогда, когда становится совершенно очевидным, что условий для его существования больше нет. Практически сказанное означает, что в обществе, где еще недавно задавали тон междоусобицы наследственной знати и велись рыцарские войны, укрепляется власть центра, сильного правителя и его становящейся все более эффективной администрации. Или один из могущественных вассалов короля, добившись того же самого, подчиняет себе остальных и становится новым правителем с сильной центральной властью и могущественным аппаратом администрации. В том и другом случае феодализм как система вольностей наследственной знати постепенно отходит на задний план, лишь с большим трудом сохраняя некоторые из прежних привилегий. Собственно, это и есть начало процесса дефеодализации.

Дефеодализация очищает место для той структуры или ее варианта, что существовала прежде либо вышла победителем из соперничества структур (восточной и западной). Но важно принять во внимание, что этот процесс выхода на передний план соперничавшего с феодализмом централизованного варианта той же структуры власти-собственности, либо другой структуры, предбуржуазного **мирового города**, сосуществовавшего с ним, крайне затруднен феодальными «пережитками», как их любили именовать отечественные специалисты, во всяком слу-

чае еще сравнительно недавно. Пожалуй, наиболее наглядным в этом смысле примером можно считать нашу страну, где традиционная восточная структура, окрашенная в феодальные цвета, пережила и Ивана Грозного, стремившегося изжить феодализм за счет уничтожения боярства и укрепления власти центра, и даже Петра I, который уже на рубеже XVII–XVIII вв. сумел создать в России крепкую империю с сильной централизованной властью и эффективным аппаратом администрации. По сути только с падением крепостного права процесс дефеодализации был в России завершен, оставив в стране самодержавие как жесточайшую систему авторитарной власти.

Пример России хотя и по-своему уникален, но исторически поучителен: феодализм как система социополитических отношений легко не сдается. Он уступает свои позиции шаг за шагом, но при этом инстинктивно стремится к тому, чтобы основные привилегии наследственной знати сохранялись как можно дольше. Дефеодализация — это очищение общества от тех помех, которые были созданы в изначально восточной структуре в уникальных для ее существования и развития условиях, когда исторический процесс вынужден был идти в направлении создания в слабом государстве ломающей его изнутри удельной системы. Дефеодализацию как явление хорошо знал чжоуский Китай, который просуществовал под ее знаком несколько веков, пока не была создана единая крепкая империя. С долгим процессом дефеодализации были знакомы наша страна и Япония. И не приходится удивляться тому, что уже после окончания периода средневековья, когда остатки изначально восточной структуры в Западной Европе были изжиты, а эпоха Возрождения ознаменовала победоносное шествие новой предбуржуазной структуры, наследницы некогда поверженной античности, феодальные «пережитки» еще очень активно существовали. Об этом хорошо известно из европейской истории XVI–XVIII вв., наполненной этими пережитками, столь ярко описанными, частности, в художественной литературе, будь то вполне правдоподобные приключения трех мушкетеров или едкая сатира на талантливо выдуманного последнего рыцаря Европы Дон Кихота. Покончили с феодализмом, завершив процесс дефеодализации, сначала только Голландия и Англия, затем великая революция во Франции. Только после этого другие западноевропейские государства, начиная с Германии, не говоря уже о Скандинавии и Швейцарии, где феодалов почти не было, тоже завершили этот процесс. Но в Восточной Европе, как и в России, он затянулся до XX в.

Глава третья. ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ

Рассмотрев теоретические вопросы, касающиеся проблем средневековья и феодализма и придя к выводу, что в конце древности и в начале следующего его периода всемирно-исторический процесс сделал крутые изломы, сопровождавшие упадок и крушение античности, необходимо теперь уделить внимание тем обстоятельствам, которые поставили завершающую точку на процветании античного мира. Этих обстоятельств было по меньшей мере два. Первое из них, признаваемое абсолютно всеми за главную, а то и единственную причину перелома, было крушение Западной Римской империи, вызванное острым внутренним кризисом, а также вторжением варварских племен, Великим переселением народов в первые века нашей эры. Об этом частично уже шла речь в первом томе и еще будет сказано. Второе, выдвигаемое в качестве едва ли не главного в данной работе, было нашествие ислама. Именно оно в конечном счете привело к концу многовековое влияние античности (включая несколько ослабленную Византию) на территории почти всех ближневосточных стран древности, Римского Востока, что завершило удар, нанесенный северными варварами рушащемуся Риму, и тем самым стало причиной суровой ломки всемирно-исторического процесса.

Во всяком случае, если смотреть на этот процесс с точки зрения соперничества древневосточных очагов цивилизации (имеется в виду в основном Ближний Восток) и античности, успехи ислама можно и даже должно рассматривать как заключительный этап противоборства, который и положил начало наследовавшему древности периоду в истории всего человечества. Разумеется, эта постановка проблемы требует обстоятельной аргументации с упором на использование фактического материала, объясняющего мотивы авторской позиции. Именно этому, собственно, и посвящается прежде всего данная глава. Начать следует с того, что влияние античности в эпоху эллинизма достаточно круто — о чем уже упоминалось — изменило привычный образ жизни значительной части населения ближневосточной древности. Несмотря на то, что количественно заметно преобладавшее население периферийной хоры, слабо затронутое связанными с эллинизмом переменами, в основном сохраняло свои нормы привычного бытия, некоторые изменения в образе жизни коснулись и его. Что же касается городов и поселений типа катэкий, а также всей макроэкономики обширного и давным-давно освоенного ближневосточного региона с его древними городами, транзитной торговлей и огромным количеством торговцев и ремесленников, правителей, чиновников, воинов и просто земледельцев, то с ними дело

обстояло иначе. Весь этот численно весьма значительный контингент, к тому же достаточно весомый и занимавший ведущие позиции в социополитическом и культурно-экономическом плане, на протяжении ряда столетий эпохи эллинизма сильно трансформировался.

Сначала это были перемены, которые испытало все население стран Ближнего Востока в связи с появлением там поселений античного типа и резкого изменения характера рыночно-частнособственнических отношений, прав, свобод и привилегий граждан. Затем, как упоминалось, наступило время появления римлян, которые на рубеже нашей эры начали масштабные завоевания стран ближневосточной древности, что привело к возникновению ряда провинций Римского Востока и соответственно к романизации по меньшей мере части местного населения. Романизация не принесла слишком много существенно нового по сравнению с эллинистическими порядками, которые за предыдущие века уже успели достаточно укрепиться в регионе. Однако влияние Рима как бы подкрепило весомость античной структуры и заметно продлило ее господство в регионе, о котором идет речь.

После же раскола Рима на две части и возникновения Восточной Римской империи с центром в Константинополе, который к тому же стал центром христианства, официально признанного государственной религией римлян, начался третий этап активного влияния античного Запада на древний Ближний Восток. На этом завершающем для темы данной главы периоде вестернизации ближневосточной древности, т.е. на христианизации заметной части ближневосточного региона следует остановиться особо. Дело в том, что, хотя христианство к моменту раскола империи было уже едва ли не равно распространено в обеих ее частях, восточная часть с ее новой столицей оказалась намного ближе к древним центрам мировой культуры, связанным с возникновением и распространением этой великой религии.

ВИЗАНТИЯ[1] И ХРИСТИАНСТВО

Когда Константин в 330 г. перенес столицу империи на восток, он явно стремился полностью использовать те благоприятные возможно-

[1] Следует иметь в виду, что термин «Византия» стал использоваться в текстах фактически только в XIV–XVI вв., т.е. уже после ее завоевания турками. До того она считалась все той же Римской империей. Однако для удобства мы здесь и далее будем пользоваться именно тем названием, под которым вновь созданное государство вошло в историю.

сти, которые открылись перед ним как императором после административной реформы Диоклетиана, разделившего Рим на две части. Оставаясь формально императором всего Рима, пусть при существовании соправителя, которому было поручено ведать административными и военными делами другой ее половины, Константин избрал в качестве своей половины наиболее благополучную часть империи. В отличие от запада, где границы Рима трещали под натиском энергичных кочевых народов и где явственно усиливался внутренний кризис, шел процесс варваризации и соответственно ослабления армии при увеличении роли военачальников, где все настойчивее давали о себе знать упадок в экономике и негативные процессы в социальных отношениях, Римский Восток казался — да и был — во многом другим.

Здесь почти не ощущалось давление варваров, как на границах, так и в армии. Города и сельское хозяйство с их хорошо налаженным еще в период эллинизма товарным обменом, равно как и умелое управление соседними ближневосточными землями со стороны римских наместников, обычно не слишком сильно вникавших во внутренние дела восточных провинций и потому не рушивших многими веками складывавшиеся связи и нормы жизни, — все это выгодно отличало Римский Восток. Проще всего было бы сказать, что здесь не было или почти не ощущалось того глобального кризиса, который достаточно давно уже сотрясал сам Рим с его западными провинциями. Можно сказать и больше: хотя Римский Восток был неотъемлемой частью великой империи, на деле это он являл собой некий кусок из другого теста, который достаточно искусственно был прилеплен ко все тому же Риму. И если формально это не выглядело слишком заметно, то по сути было именно так.

Как бы то ни было, но Константин, совместивший свой переезд на восток с превращением христианства в официальную религию империи, создал для своей власти прочную основу. Эта основа не зависела от тех процессов — кроме разве что церковных споров, которые, к слову, не были для него, поставившего себя над церковью, чем-то излишне тревожным, — что хотя и медленно, но верно вели к крушению западноримской империи. Под властью восточноримской части империи (стоит напомнить, что формально Римский Восток отделился от западноримской части империи лишь в 395 г.) были собраны плодородные земли и развитые торговые центры Месопотамии и Египта, а также вся Малая Азия, Балканы и ряд соседних территорий, в том числе древнегреческие причерноморские и средиземноморские колонии. Эллины продолжали

играть здесь наиболее заметную роль при всем том, что население традиционно было весьма разнообразным в этническом плане.

Стоит между прочим заметить, что, хотя проблема римского гражданства еще сравнительно недавно стояла очень остро и население восточноримских провинций получило права граждан Рима сравнительно недавно, в 212 г., при императоре Каракалле, этой проблемы фактически век спустя в новых владениях Константина не было. Не то чтобы не было граждан. Видимо, среди некоторых ограниченных контингентов принадлежность к числу граждан Рима, по меньшей мере на первых порах, все еще ценилась. Но фактически очень скоро после стабилизации Византии как новой административной структуры (пусть даже пока еще формально не порвавшей с Западным Римом) стало очевидно, что все население этой державы уже почти что **подданные** императора. И этот немаловажный факт был едва ли не первым видимым шагом движения в сторону ориентализации заново формировавшейся империи, некоторого сближения ее по форме, частично и по сути, с восточными государствами.

Здесь необходима оговорка: сами себя жители этого государства долго после крушения Рима продолжали именовать *ромеями*, а свое государство Ромейской, т.е. Римской, империей. Тем самым они как бы продолжали противостоять традициям классического Востока, которые так долго подвергались трансформации в эпоху эллинизации и романизации, а теперь, с принятием христианства как официальной религии, еще и христианизации. При всем том, однако, упомянутые традиции если и не брали верх, то во всяком случае давали о себе знать. Это проявлялось, в частности, в том, что институт *колоната*, который практически вытеснил в поздней западноримской империи свободное крестьянство, не был после возникновения нового государства распространен в Византии. Рабы, получавшие пекулий, или зависимые арендаторы-*энапографы* были близки к положению колонов. Но гораздо больше было земледельцев, в том числе и наследственных арендаторов-*эмфитевтов*, которые имели оформленные законом права на обрабатываемую ими землю. И позже, когда в стране появились так называемые *парики*, т.е. зависимые от крупного владельца земли (*дината*) арендаторы, императоры заботились о том, чтобы этих париков было не слишком много.

Более всего традиции Востока стали проявлять себя в городах, т.е. в тех пунктах, которые в эпоху эллинизма были цитаделью античной полисной структуры и гордились этим. В Византии города имели

определенную долю самоуправления по античному стандарту, уровень которой, правда, колебался в зависимости от обстоятельств. Со временем горожане, в частности ремесленники, обрели право создавать профессиональные корпорации. Но это было как раз одно из тех немногих прав и привилегий, которыми издревле обладали их собратья на традиционном Востоке. Стоит заметить также, что той античной, по стилю и духу восходившей к полисам, свободы, которую имели города и горожане на средневековом Западе (даже на раннем этапе его эволюции, в рамках варварских государств, особенно в северной Италии), в Византии не было, что опять-таки сближало византийский город с восточным. Главу ремесленной корпорации назначал чиновник — правитель города, да и вся деятельность горожан находилась под контролем имперской администрации, которая с течением времени все очевидней становилась решающей властью в городах, особенно во всем том, что касалось налогов, повинностей и торговых пошлин.

Как и на всем традиционном Востоке, сложившийся в Византии аппарат администрации состоял из большого числа иерархических звеньев и опутывал собой всю империю. Наделенные соответствующими должности званиями-титулами сановники и чиновники различных департаментов этого аппарата, опять-таки таким же образом, как то бывало и на Востоке, стремились к тому, чтобы ослабить крупных собственников, в первую очередь землевладельцев-динатов, по той простой причине, что государственная казна в немалой степени зависела от получения налогов непосредственно от производителей. В соответствии с этим административный аппарат империи поддерживал право крестьянина на его надел даже в том случае, если когда-то он лишился этого надела. Правда, ослабление собственников в рамках структуры, которая веками воспитывалась на античных традициях, для которых частная собственность была священной, оказалось делом не слишком простым.

Опасались правители и своеволия военачальников-*стратигов*, норовя укротить их с помощью весьма влиятельной судебной системы. Не все правители Византии справлялись с этим, тем более, что формально в государстве — как и в Риме — не существовало наследственной монархии, а каждый император утверждался сенатом (*синклитом*), который состоял из представителей высшей гражданской, военной и церковной иерархии. И хотя на деле все обычно обстояло не просто, ибо в процесс назначения вмешивались и население столицы, и воины армий, да и сами императоры, которые по традиции

назначали своих сыновей либо близких родственников соправителями и тем создавали им благоприятные условия для наследования, с влиянием Рима приходилось считаться. Но при всем этом тенденция к глобальному руководству страной со стороны специально созданного для этого аппарата администрации, весьма сближавшая политическую структуру Византии с традиционной восточной, существовала, а при сильных императорах, начиная с Юстиниана (527–565), всерьез давала о себе знать.

Впрочем, годы правления Юстиниана, да и вся его политика отражали ту противоречивость тенденций, о которых уже было упомянуто. Император, пришедший к власти практически случайно (его дядя Юстин, бывший крестьянином, затем воином и военачальником, был возведен на престол армией и сделал Юстиниана своим соправителем), сумел добиться многого. Он создал знаменитый Кодекс Юстиниана, вобравший в себя всю мудрость римского права, что было весьма весомым вкладом в историю мировой юриспруденции. Он сумел отвоевать у варварских королевств, пусть ненадолго, немалую часть Италии, Африки и западных римских провинций, разгромил оппозицию сената и крупных землевладельцев, сильно повысив тем самым доходы казны. Юстиниан способствовал развитию торговли и расцвету городов, где по восточному стандарту возникло уже много государственных мастерских и казенных монополий, отдаваемых на откуп. Он сумел одолеть выступивших было против него константинопольцев, недовольных введением казенных монополий на торговлю продуктами, а также и волнения в других частях империи. Правда, к концу его правления ситуация в стране осложнилась, а из завоеваний сохранились лишь Равенна, Сицилия и часть северной Африки. Юстиниан был вынужден сократить налоги и армию. Но в целом его царствование было одним из самых ярких в истории Византии.

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ

Большую роль в Византии с первых лет ее существования стала играть церковь, которая в ту пору переживала период институционализации, сопровождавшийся нестабильностью структуры и ожесточенными спорами между представителями различных направлений и сект. Константин, вполне сознательно поставивший себя не только выше церкви, но и прямо-таки над ней, не слишком сильно и часто

вмешивался в эти споры, предоставляя самим иерархам выяснять отношения друг с другом. Однако христианские иерархи с самого начала процесса активной институционализации церкви, добившейся статуса официальной государственной религии, очень ревниво цеплялись за власть, оформляя свои притязания ссылками на ту либо иную трактовку Священного Писания. Уже на первом — Никейском — Вселенском соборе 325 г. были утверждены в ранге патриарха руководители ряда наиболее значимых церковных диацезов (Рима, Александрии, Антиохии). Позже к их числу были добавлены епископы Константинопольский и Иерусалимский, а римский первосвященник стал именоваться папой, что выделило его из среды остальных и стало основой для последующего освобождения руководимой им западной католической церкви от верховенства далеких от Рима византийских императоров и влияния находившихся под их контролем четверых восточных православных, как они стали со временем именоваться, патриархов.

На все том же Никейском соборе главным предметом религиозного спора было отношение к арианской ереси. Священник Арий из Александрии настаивал на том, что раз Христос творение Бога-Отца, он не единосущен ему, но лишь посредник между Богом и людьми. Собор осудил арианство и провозгласил триединство Бога (святая Троица), единосущного и недоступного разуму. На третьем Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. были обсуждены идеи несториан и монофизитов. Константинопольский епископ Несторий утверждал, что Иисус прежде всего человек и что только в результате некоего наития Бога-Святого Духа он стал Мессией. Несторианская ересь была строго осуждена, причем к этому осуждению присоединился через своего посланника Римский папа. Что же касается монофизитов, воспринимавших Христа как воплощение лишь одной — божественной — сущности, то они на этом соборе взяли верх. Правда, ненадолго.

На четвертом и очень значимом для истории церкви Вселенском соборе в Халкидоне в 451 г., подтвердившем осуждение ариан и несториан и формальное верховенство Римского папы, вопрос о монофизитах, у которых было много сторонников, вызвал разногласия. Результатом стало появление халкидонских и нехалкидонских (т.е. монофизитских) церквей, причем в числе последних оказались эфиопская, египетская, сирийская и армянская. Приоритет Римского папы был менее значимым итогом потому, что по сути это была лишь пустая формальность, хотя и очень важная.

Она положила начало расхождению между римско-католической и греко-православной церквами. Стоит к слову заметить, что уже вскоре после Халкидона, в начале VII в., в Византии завершился вполне естественный процесс перехода в государственном делопроизводстве с латинского языка на греческий, что тоже сыграло свою роль в этом расхождении.

Богословские диспуты, в общем-то мало тревожившие византийских правителей, были, тем не менее, достаточно серьезным фактором, который предопределил ослабление Византии. Это ослабление было вызвано тем, что важнейшие восточные провинции страны, начиная с Египта и Сирии, оказались как бы в оппозиции к константинопольскому патриарху и всей возглавлявшейся им ортодоксальной православной церкви. Такого рода церковный раскол не мог не сказаться на ослаблении западного влияния, причем уже не столько античности и эллинизма, которые постепенно уходили на задний план, сколько латинского христианства с его интенсивным миссионерским натиском на варваров и несколько иными стандартами в церковной жизни. Практически это означало, что влияние Рима на Римском Востоке ослабевало. А так как свято место пустым не бывает, то не приходится удивляться тому, что оппозиционные толки христианства вели к ослаблению не только Византии, но и объективно становившихся в оппозицию к Константинополю таких значительных в сравнительно недавнем прошлом древневосточных государств, как Египет и Сирия. Трудно сказать, насколько новые взаимоотношения церковных толков сыграли серьезную роль в протекавшем в ряде государств на протяжении нескольких веков процессе вестернизации, но можно предположить, что упомянутый процесс приостановился, если даже не начал идти вспять. Конечно, Римский Восток пока оставался христианским, но христианство в нем становилось несколько отличным от греко-византийского, что при удобном случае могло оказаться выгодным тем, кто хотел бы сыграть на этом.

ИУДЕИ И ИУДАИЗМ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НОВОЙ ЭРЫ

Как то ни покажется на первый взгляд странным, но проблема иудаизма тоже имеет самое непосредственное отношение к теме данной главы. В период эллинистической трансформации ближневосточных древних государств изгнанные из Палестины иудеи начали активно

заселять новые города и вскоре оказались одной из наиболее влиятельных общин едва ли не в каждом из них. Умелые, ловкие, предприимчивые и удачливые в делах, искушенные в торгово-финансовых связях, изгнанные из родных мест и лишившиеся храма иудеи стали группироваться вокруг *синагог*, где раввины и прочие ученые знатоки Торы и иных ветхозаветных текстов и комментариев к ним свято блюли традицию и поколение за поколением воспитывали иудеев в духе верований их предков. Иудаизм, таким образом, не только сохранялся, но и обретал некую священную ценность ветхозаветной старины, которая, собственно, и объединяла евреев не столько даже как народ, сколько именно как верующих иудеев в нечто единое целое (в будущем это, похоже, сыграло свою роль в аналогичном отношении к единоверцам сторонников ислама с их вселенской *уммой*).

Следует заметить, что тяга к городской жизни (собственно, альтернативы у иудеев не было — никто и нигде не давал им земли для ведения сельского хозяйства) способствовала тому, что в наиболее крупных городах общины иудеев были наиболее значительными. Более того, признанным центром иудаизма вскоре после изгнания их из Палестины стал великий Вавилон, все еще бывший главным средоточием мировых торговых связей. Это важное обстоятельство тоже оказало свое влияние на политическую ситуацию в ближневосточном регионе. Будучи высокомудрым соперником христианства, да к тому же родственным ему по происхождению (иудаизм и христианство, стоит напомнить, всегда считались авраамическими религиями), религия иудеев была достаточно известной и в принципе уважаемой среди городских жителей и особенно торговцев разных стран Ближнего Востока. А так как в торговых операциях видное место занимала транзитная торговля, связанная с многомесячными путешествиями по давно проложенным сухопутным торговым путям, влияние иудейских купцов на местное население было весьма ощутимым. В караванной торговле активную роль играли кочевники с их вьючными животными, сдававшимися в аренду торговцам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие из сопровождавших этих животных кочевников, в том числе бедуинов арабских пустынь, немало знали об основах иудаизма.

К сказанному важно добавить, что от посторонних по отношению к иудаизму и христианству кочевников, в том числе аравийских бедуинов, неграмотных либо в лучшем случае полуграмотных язычников, трудно было бы, естественно, требовать, чтобы они

разбирались в тонкостях богословских споров между христианами, как, впрочем, и в принципиальных различиях между ними и иудеями. Однако наиболее чуткие и понятливые из них могли уловить главное и основное, что сближало представителей христианства всех толков и иудаизма. Главным была вера в единого и всемогущего Бога (на семитских языках, включая еврейский, этот несколько неопределенный — в отличие, скажем, от Иисуса Христа либо Яхве, — термин звучал как Эл либо Ал).

Все сказанное означает, что сопровождавшие караваны кочевники-бедуины, в основном этнически родственные иудеям арабы, те же семиты, могли знакомиться и знакомились в ходе длительных караванных переходов и многословных бесед во время вечернего отдыха и приема пищи (а содержание бесед чаще всего касалось важных для всех проблем религии) с основами и христианства, и иудаизма. Иными словами, рассуждения о существовании в рамках двух авраамических религий культа Великого Бога, единого и всемогущего, не могли пройти мимо их внимания. И они действительно не были обойдены вниманием. Хорошо известно, что среди арабов по меньшей мере с V в. стали время от времени появляться так называемые *ханифы*, пророки-проповедники, которые призывали своих соотечественников отказаться от языческого поклонения многим богам и тем более различным идолам и признать существование единого и великого Бога. Именно эти ханифы впервые стали употреблять для обозначения этого Бога термин «*Аллах*». Неудивительно и то, что каждый из них объявлял себя доверенным лицом нового Бога. Впрочем, до поры до времени эти проповеди — как и сами ханифы — успехом не пользовались. Ситуация до мелочей напоминает ту, что была у иудеев на рубеже нашей эры, когда они, запутавшись в религиозных противоречиях и будучи подстегиваемыми сотрясавшим страну кризисом, с нетерпением ожидали Мессию (Христа), но отвергали одного за другим тех, кто предлагал себя в качестве такового.

САСАНИДСКИЙ ИРАН И ЗОРОАСТРИЗМ

Теперь несколько слов об Иране. В III в. до н.э. в эллинистическом мире на развалинах царства Селевкидов возникла населенная в основном персами — хотя далеко не только ими — Парфия. Это сравнительно крупное и богатое государство, включавшее в себя многие земли и богатые торговые города Месопотамии, долгие века активно противо-

стояло Риму. Но, будучи случайным конгломератом различных народов, Парфия внутренне не была достаточно устойчивой. Архаизм родовых традиций северных кочевников-иранцев, стоявших у власти, стремившихся к продолжению войн и мало считавшихся с потребностями заинтересованных в мире и в немалой степени эллинизованных южных месопотамских земель во главе с центром мировой торговли Вавилоном, вел страну к катастрофе. Она и произошла в начале III в., вылившись в форму успешного восстания правителя юго-восточной части страны, Парса (Персиды).

Считая себя едва ли не наследниками всемирной державы Ахеменидов, потомки основателя новой персидской династии Сасанидов, приняв титул шаханшахов, заметно укрепили административный аппарат власти, призвав на помощь древнеперсидский реформированный Зороастром вариант религии древних иранцев. Зороастризм как, наконец, прочно укрепившаяся в стране национальная религия и одновременно серия эффективных административных реформ способствовали стабилизации сасанидского Ирана. Правители страны горячо поддерживали возвеличенное ими древнее учение. Именно в годы их правления впервые обрели письменную форму древнейшие из священных текстов, составившие канон зороастризма Авесту. Внешним и весьма зримым проявлением такого рода религиозной политики стало также и то, что глава иранских огнепоклонников, как величали зороастрийцев, — *мобедан-мобед* — считался первым по важности сановником государства.

Как и ранее, в пределах Ирана существовали представители многих этнических общностей, жили кочевники, полукочевники, а также, особенно на юге, оседлые земледельцы и многочисленное городское население, ремесленники и торговцы. Что касается земледельцев, то они, как правило, жили общинами, причем вначале наиболее зажиточная часть общинников, *дехкане*, заметно выделялась среди прочих (позже этот термин стал использоваться для обозначения всех земледельцев). Наряду с обычными общинниками в сасанидском обществе существовали и привилегированные. Речь идет о воинах-*азатах*. Хотя они вроде бы и принадлежали к одному из трех особо выделенных в административной структуре высших сословий, это были представители самой массовой части сословия воинов, своеобразные военные поселенцы.

Рядом с сасанидским Ираном существовали христианские страны. Это немаловажное обстоятельство, а также почти непрекращающиеся

конфликты с могущественной Византией заставляли его правителей, помимо всего прочего, особенно ревниво относиться к вопросам религиозной политики. Во-первых, они, враждебно относясь к ортодоксальному византийскому христианству, охотно поддерживали еретические движения, будь то несториане или монофизиты. А во-вторых, в отличие от своих предшественников, правителей ахеменидской Персии или Парфии, Сасаниды, справедливо считая, что алтарь — важнейшая опора трона, провозгласили зороастризм официальной религией страны и дали почетное место возле трона главе зороастрийцев.

Большое внимание, уделявшееся зороастризму, сыграло немалую роль в укреплении стабильности государства Сасанидов. Однако это немаловажное и в общем весьма позитивное обстоятельство имело и свою оборотную сторону. Зороастризм — как, впрочем, и соседнее с ним христианство византийского толка — вместе с официальным признанием обрел крылья. Это не столько метафора, сколько констатация весьма неблагоприятного для страны факта, суть которого сводилась к тому, что в Иране стали возникать базирующиеся на государственной религии разного рода сектантские движения. Первым из таких движений стало манихейство. Его основатель Мани (216–276), родом из Вавилонии, испытав влияние христианства (идеи мессианизма) и буддизма (нравственное очищение, ограничения в пище, стремление к ограничению влияния всего материального на пути к спасению), выступил с идеями, близкими к зороастризму. Он считал, что Силы Тьмы и Зла одолевают силы Света и Добра и что только уменьшение зависимости от материального начала, прежде всего суровый аскетизм, самообуздание, помогут людям одолеть Зло. Манихейство с его элементарным членением всего на черные и светлые тона довольно быстро нашло многих сторонников, причем не только в Иране, но со временем и вне его, вплоть до Испании на западе и Восточного Туркестана на востоке. Неудивительно, что правящая верхушка Ирана, вначале довольно спокойно относившаяся к новому пророку, вскоре осознала опасность влияния его учения. Мани был объявлен злостным еретиком и казнен, а его сторонники стали преследоваться и изгоняться из страны.

Вторым, уже на рубеже V–VI вв., оказался маздакизм, по духу близкий к манихейству. Маздак, опираясь на все тот же тезис Мани о преобладании Зла, стал учить своих последователей тому, что очиститься от него можно, если стать на путь разума и справедливости. Социальный пафос Маздака, близкий многим крестьянским движениям, был

направлен против влиятельной иранской знати и сводился к требованию передела имуществ. включая и многочисленных томящихся в гаремах женщин. Казалось бы, гнев властей должен был обрушиться на маздакизм с удвоенной по сравнению с антиманихейством силой. Но случилось иначе. Шаханшах Кавад, который был заинтересован в обуздании строптивой иранской знати, поддержал Маздака и за почти тридцать лет сумел добиться желаемого. Влияние знати в стране было ослаблено, а с движением его сторонников сын шаха, царевич Хосров, после смерти Маздака сумел в 529 г. коварно расправиться, ловко заманив их руководителей в ловушку.

Манихейство и маздакизм, равно как и лежавший в основе этих религиозных течений древний зороастризм, играли большую роль в религиозной жизни иранцев. Правительство страны опиралось на влияние религии, используя религиозные конфликты в интересах укрепления государства. Так, все земли, отобранные в свое время сторонниками Маздака у знати, были объявлены государственными, а трудившиеся на них крестьяне стали платить государству налог, **харaг**. Кроме него все мужчины от 20 до 50 лет облагались подушной податью **гезит** (4–12 *дирхемов* в год в зависимости от достатка, разряда). Что же касается лишившихся владений аристократов, то они были взяты на государственную службу и получали содержание из казны.

Реформы оказали благотворное воздействие на страну. Сасанидский Иран в VI в. вступил в полосу процветания. Активная внешняя политика страны способствовала расширению ее границ. К Ирану были присоединены часть Закавказья и что особенно важно, вся территория Аравии вместе с Йеменом. Это присоединение не сделало Аравию административно связанной с Ираном частью Сасанидского государства. Но оно не могло не познакомить арабов с принципами налогообложения, общей организацией общества и существованием отдельной категории воинов, живших по сути обособленно от остального населения. Все это позже было заимствовано арабами-мусульманами именно у Сасанидов. Это же касается и некоторых идей зороастризма, которые отчетливо видны в практике ислама (имеются в виду ежедневная пятикратная молитва и идея о мосте Чинват, по которому умершему — хотя и далеко не каждому — была открыта дорога в рай; для грешника эта дорога становилась лезвием острого ножа)).

Завоевания Сасанидов — и это, пожалуй, для нашей истории самое важное — способствовало успешному развитию торговли, включая и транзитную, которая **стала теперь, после захвата Йемена и выхода**

к Аравийскому морю, осуществляться через территорию Ирана, минуя аравийское побережье. Такая перемена оказала решающее воздействие на караванную торговлю по аравийским пескам вдоль моря, что нанесло тяжелый удар по Мекке, главному центру сухопутного аравийского торгового пути. Став экономически невыгодным, этот сухопутный путь начал быстро и заметно хиреть, что и отразилось на благосостоянии арабов-бедуинов, чьи верблюды составляли основную часть вьючных животных для транзитной торговли. Эта ситуация весьма болезненно отразилась на благосостоянии Аравии в целом. Обратимся теперь к анализу связанных с этим проблем, ключевых для всей последующей истории.

АРАВИЯ ДО ИСЛАМА

На протяжении долгих веков, если даже не тысячелетий пустынные просторы Аравии были своего рода поставщиком семитских этнических общностей в более развитые северные центры урбанистической цивилизации Двуречья. Аккадцы, амореи, арамеи, халдеи, древние евреи — вот далеко не полный перечень этих легких на подъем кочевых и полукочевых семитских общностей, быстрыми темпами подвергавшихся на новых местах процессу трибализации и тем энергично способствовавших распространению семитов в обширном ближневосточном регионе. На территории самой Аравии с ее песчаными малоплодородными землями, на которых могли существовать лишь немногочисленные группы бедуинов с их выносливыми верблюдами, обычно оставалось немного людей. Излишек их время от времени должен был искать новые земли, что и порождало спорадические миграционные потоки семитов из Аравии — преимущественно на север, отчасти на запад.

Кроме песков, однако, в Аравии были оазисы. Обычно небольшие, они давали приют оседлому населению, которое, в отличие от вынужденных кочевать бедуинов, имело возможность создавать более продвинутые общества и политические структуры, чаще всего очень ранние по форме и примитивные по своему административно-политическому содержанию племенные протогосударства. Одним из таких оазисов, наиболее обширным и единственным в своем роде, был Йемен, население которого сравнительно давно жило в сформировавшихся раннего типа протогосударствах, которых к моменту сасанидского завоевания насчитывалось восемь. Но кроме этих протогосударственных структур на территории небольших оазисов возникали иногда предгосударствен-

ные образования городского типа, обязанные своим существованием регулярным торговым связям, в первую очередь транзитной торговле. Среди них особо выделялась Мекка, которая была не только важнейшим перевалочным центром на долгом пути караванной торговли, но также еще и хранителем самой значительной общеарабской святыни. Имеется в виду Кааба, квадратное в плане строение с вмурованными в стены двумя камнями, один из которых, черный камень явно метеоритного происхождения, считался особо священным, как и некое подобие идола, к которому можно было обращаться с просьбами.

Арабы, поклонявшиеся Каабе и другим божествам либо священным местам Аравии, были язычниками. Однако транзитная торговля, долгими веками ведшаяся вдоль аравийского побережья (более короткий торговый путь через Месопотамию то и дело бывал невозможен из-за постоянных византийско-иранских войн), способствовала ускорению темпов развития как социополитической структуры бедуинов, так и религиозно-культурных знаний жителей торговых городов. Что касается бедуинов, которые принимали активнейшее участие в торговле, ведшейся с помощью их верблюдов и их самих в качестве погонщиков и носильщиков, то они неплохо зарабатывали на этом деле. Поэтому нет ничего удивительного в том, что их прежде не слишком продвинутые общности, образ жизни которых до того не менялся долгими веками, в процессе трибализации начали примерно в V–VI вв. обретать предводителей-*шейхов* и родственную им родовую знать. Это было логичным результатом трибализации и вело к возникновению племенных протогосударств, фактически взявших под свой контроль едва ли не всю территорию Аравии.

Южноаравийская торговля на протяжении первой половины I тыс. н.э. имела свои взлеты и падения, что было тесно связано с политической обстановкой, в частности с войнами, в том числе йеменцев с эфиопами. Но V–VI вв. были периодом сравнительно мирным, так что именно в это время караванная транзитная торговля процветала. Здесь уместно заметить, что вели эту торговлю не только мекканские и иные богатые арабы. Владельцами грузов были — если обратить внимание на конфессии — также христианские и иудейские купцы. Поблизости от Мекки, в Ятрибе (будущей Медине, т.е. городе пророка) жило несколько иудейских общин, которые явно не были безразличны к приносившей немалые выгоды транзитной торговле. Правда, сам Ятриб был несколько в стороне от торгового пути. Но это едва ли сильно мешало иудейским торговцам. Тем не менее, главным торговым центром

была все же Мекка, населенная преимущественно арабами из племени курейшитов. Проходившие через Мекку караваны обычно не только останавливались в этом городе на долгий срок, но и нередко использовали его как перевалочный пункт. Именно в Мекке посредники из курейшитов комплектовали, как правило, ежегодно по меньшей мере два больших каравана (на юг и в обратную сторону). Каждый караван состоял из тысячи-двух верблюдов и оценивался примерно в 50 тысяч золотых монет. Естественно, что владельцы товара, будь то христиане, иудеи или арабы-курейшиты, сопровождали его, а охраняли караваны все те же нанятые ими бедуины.

Теперь обратим снова внимание на ситуацию в Аравии. Дело в том, что после завоевания иранским шаханшахом Хосровом I Йемена и переключения основного потока транзитной торговли с южноаравийского побережья на более короткий и удобный путь через Месопотамию мекканская торговля стала постепенно хиреть. Это тяжело отразилось на богатых мекканских и иных торговцах. Видимо, общая ситуация не миновала и торговый дом Хадиджи, вследствие чего у ее мужа Мухаммеда оказалось немало свободного времени, которое он едва ли не целиком посвятил глубоким раздумьям философско-теологического плана. Эти раздумья привели его к потребности высказаться вслух, обратиться с проповедью к находившимся в состоянии длительного стресса своим соплеменникам. В проповедях Мухаммед — что следует считать вполне естественным — апеллировал к единому общему для всех Богу, Аллаху (термины *ал* или *эл*, *элохим*, напомню, семитская калька слова Бог).

ПРОРОК МУХАММЕД

Мухаммед (570–632) был из бедного рода Хашим племени курейшитов. Рано лишившись родителей, он жил под покровительством своего дяди Абуталиба, чьи стада он пас в подростковом возрасте. Повзрослев, юноша поступил на службу к богатой вдове Хадидже и стал вести ее торговые дела. Вскоре он женился на Хадидже, причем несмотря на существенную разницу в возрасте (вдова была на 15–16 лет старше) брак оказался вполне удачным. Хадиджа родила от Мухаммеда нескольких детей, выжила из которых лишь одна Фатима, чье имя стоит запомнить.

Торговые дела Мухаммеда сталкивали его с караванами и соответственно с владельцами грузов. Долгими длинными вечерами и ночами, когда расседланные животные и уставшие люди отдыхали у костров

и неторопливо беседовали обо всем, Мухаммед — неграмотный и никогда не учившийся, но явно стремившийся к знаниям, — внимательно прислушивался к беседам, улавливая из них достаточно многое, особенно все то, что касалось религии, т.е. иудаизма и христианства. Интерес к религии у него, как и у многих других арабов, имевших тесные контакты с иноземными торговцами, был не случаен. Именно в эти годы в Аравии появилось немало упоминавшихся уже ханифов. Наслушавшись подобного рода речей, они пытались совместить полученные от иудеев и христиан сведения из священных канонов, Ветхого и Нового заветов, с реалиями арабских языческих верований и привычных норм жизни. Одним из таких ханифов был Мухаммед. Однако принципиальное отличие его от остальных оказалось в том, что именно на него выпал счастливый лотерейный билет судьбы.

Мухаммед — как, возможно, и многие из иных ханифов — был человеком необычным, с тонкой и возбудимой психикой. Он явно не только слушал, но и старался вникнуть в суть религиозных споров и узнать об обоих учениях как можно больше. Если принять во внимание, что такими длительными путешествиями или, во всяком случае, общением с караванами Мухаммед, скорей всего, занимался десять — пятнадцать лет, если даже не больше (свои первые проповеди он стал произносить лишь в сорок лет), то трудно не прийти к выводу, что все основные сведения, которые столь сближают священную книгу мусульман Коран с Библией он — как, видимо, и все остальные ханифы до него — приобретал именно таким образом. Мухаммед, судя по многим данным, был обуреваем видениями и внимал обращенным к нему во сне голосам. Все то, что он воспринимал столь необычным образом, надо полагать, было результатом переработки реально услышанного от других в его подсознании, а более конкретно — переосмыслением в его памяти и воображении рассказов тех, кто был обстоятельно знаком с Библией. Анализируя и воспроизводя все воспринятое, что, как он сам считал, приходило к нему свыше, от неких божественных сил, Мухаммед начал ощущать себя, как, надо полагать, и остальные ханифы, пророком, призванным наставить людей на путь истинный. Как и прочие ханифы до него, он сначала большого успеха не имел.

Насколько можно судить, содержанием первых проповедей был призыв подумать о душе, не грешить и покаяться, обратиться мыслями к Богу, подумать о Страшном суде и позаботиться о райском будущем. Все это были вполне известные библейские понятия и образы, но мало-

грамотные арабы мало об этом знали. Для многих призывы Мухаммеда казались откровением. И постепенно вокруг нового ханифа стали собираться его почитатели. Вначале их было не слишком много, несколько десятков. Но и это не очень понравилось заправлявшим делами в Мекке курейшитам, уже не раз, как надо полагать, сталкивавшимся с подобными проповедниками. Богатые мекканцы создали вокруг Мухаммеда нетерпимую обстановку. Наиболее влиятельные из их числа (признанного авторитетного правителя из этого племени в городе, похоже, не было — видимо, существовали лишь выборные и сменяемые предводители, старейшины города) начали резко осуждать и преследовать его и его сторонников. Это привело к тому, что часть новообращенных была вынуждена уехать в Эфиопию, а оставшимся, включая самого пророка, был объявлен настоящий бойкот. Бойкот был крайне болезненным ударом для сторонников пророка. Фактически он свел в могилу двух самых близких ему людей — дядю Абуталиба, а затем и жену Хадиджу. Спасли его арабы из Ятриба, откуда была родом его мать. Запутавшиеся в спорах с ятрибскими иудеями, они сочли за благо пригласить в свой город человека, который мог бы противопоставить иудейской теории свою, пусть даже пока никем не признанную.

В 622 г., после смерти наиболее близких к нему людей, Мухаммед с группой последователей-*мухаджиров* (как они позднее стали именоваться) вынужден был уйти из Мекки в расположенный неподалеку к северу от нее и лежавший чуть в стороне от главного торгового пути город Ятриб. Жители Ятриба, издревле пытавшиеся соперничать с мекканцами, охотно приняли нового пророка и более того, в массе своей положительно отнеслись к его проповеди. Именно в Медине, городе пророка, как стали называть его, и сложилась новая религия, получившая наименование мусульманской (муслимуна — вручившие себя Аллаху). С тех пор 622-й год, год переселения, *хиджры*, стал считаться началом нового летосчисления для всех мусульман, а небольшая группа сторонников пророка, переселившихся в Ятриб вместе с ним (их, считая только взрослых мужчин, было чуть меньше сотни), стала носить почетное наименование мухаджиров, т.е. совершивших хиджру. Естественно, что именно они заняли все ключевые посты в ранней мединской общине мусульман, умме. Все местные мединские мусульмане, принявшие ислам, получили наименование *ансаров*.

Мухаммед начал свою активную деятельность в Медине со строительства большой мечети, куда на его проповеди могли собираться

едва ли не все жители города и где они должны были молиться Аллаху несколько раз в день (сперва четыре, потом пять). Затем, резко изменив тон своих проповедей, Мухаммед начал вести курс на борьбу с окружавшими его арабами, прежде всего мекканцами, но также и с непокорными ятрибскими иудеями и с вначале в большинстве не признававшими его авторитет бедуинами. Идеи Мухаммеда, призывавшего верить в единого Аллаха и объявившего мекканскую Каабу религиозным центром новой религии, ислама (сторонники религии, мусульмане, это покорные Аллаху), понемногу стали обрастать все новыми сторонниками, а военные успехи в борьбе с непокорными мекканцами создали условия для распространения новой религии. Нерастраченная энергия потерявших заработок бедуинов стала довольно быстрыми темпами переключаться на более выгодные занятия, в частности на активные военные действия во имя новой религии.

Поскольку в Медине жило немало иудеев, то между ними и мусульманами были заключены соглашения, смысл которых сводился к союзным обязательствам и почитанию Мухаммеда как верховного арбитра. Существенно заметить в этой связи, что религия в западноаравийском регионе Хиджаз (так со временем стала именоваться часть Аравии с Меккой и Мединой) опережала в своем развитии процесс становления надобщинной политической структуры, т.е. государства. Это важное обстоятельство сыграло свою решающую роль впоследствии. Вплоть до сегодняшнего дня в представлении подавляющего большинства мусульман, да и в реальности **религия определяет формы государственной организации, она первична, а государственность вторична, подчинена интересам и требованиям религиозной догмы и созданной ею системы норм, образу жизни населения.**

Последние годы жизни Мухаммеда прошли под знаком ожесточенной борьбы его все увеличивавшихся в числе (прежде всего за счет окружавших Медину групп бедуинов) сторонников с мекканцами и иными противниками. В многочисленных кровавых схватках не раз принимал участие и сам пророк. Параллельно с этим Мухаммед вел непрестанную внутреннюю борьбу с мединскими иудеями, пытавшимися высмеивать его за теологические ошибки в трактовке тех либо иных положений Библии. В итоге иудеи были вынуждены покинуть Медину, а Мухаммед кое-что изменил в основных принципах религии; он отказался от ориентации при молитве на Иерусалим, предпочтя ему мекканскую Каабу как всеарабское святилище, имевшее отношение к Аллаху, а выходным днем вместо иудейской субботы стала пятница.

Итог борьбы сторонников Мухаммеда всем известен: мекканцы, все более ощущая силу и выгодность положения пророка, к которому стекались сотни и тысячи сторонников, сочли за благо прекратить борьбу и склониться перед главой новой религии, выторговав себе за это почетное положение в ее рамках. В 630 г. Мухаммед со своими воинами торжественно вступил в Мекку, велел уничтожить всех идолов вокруг Каабы и все прежние языческие святилища вне ее. Затем он возвратился в Медину, после чего ислам стал быстрыми темпами распространяться по всей Аравии, включая Йемен и иные раннегосударственные образования. Почувствовав свою силу, Мухаммед распорядился о более жесткой политике по отношению к христианам и иудеям, к которым он прежде испытывал естественное почтение. *Люди Писания*, как они всегда именовались, теперь вынуждены были, наряду с прочими немусульманами, платить подушную подать *джизию*. Вскоре после этого, в 632 г. Мухаммед умер и был похоронен в Медине. А ислам стал великой мировой религией. Произошло это сразу же после смерти пророка.

ПЕРВЫЕ АРАБЫ-МУСУЛЬМАНЕ

Этому способствовали некоторые важные обстоятельства. Как о том уже шла речь, после того, как небольшие группы мусульман покинули Мекку, центром ислама стала Медина. Именно отсюда сплотившиеся вокруг Мухаммеда (стоит обратить внимание на то, что в этом городе, как и в Мекке, судя по имеющимся данным, не было никакого иного главы, который мог бы противопоставить свой статус или должность позиции, занятой пророком Мухаммедом) его сторонники с удесятеренной энергией выступили за осуществление его идей. Первоначально эти идеи были для первых и наиболее активных сторонников новой набиравшей силу и обретавшей признание великой идеи столь же элементарны, сколь и жизненно важны.

Суть их значимости сводилась к тому, чтобы обратить в новую веру всех других и тем самым сплотить воедино арабов, до того расчлененных на множество различных общностей, как правило, мелких и часто враждующих друг с другом. К этому стоит добавить, что потеря доходов от караванной торговли, больно ударившая по кочующим в аравийских песках бедуинам, активно способствовала тому, что для них новая религия быстро стала знаменем, обещающим взамен утраченных новые ощутимые выгоды. Как известно, согласно сложившейся в исламе традиции полученная в ходе священных войн с неверны-

ми добыча распределялась так, что 4/5 ее делились между воинами, а 1/5 предназначалась нуждающимся от имени пророка либо его преемников. Такого рода распределение добычи разжигало аппетиты обедневших бедуинов с их потерявшими высокие доходы шейхами, и это способствовало укреплению позиций ислама.

Буквально с каждым годом к числу правоверных мусульман прибавлялось все новое и новое количество его сторонников. Это учли и мекканцы, наиболее авторитетные представители которых — родственники Мухаммеда — сочли за благо прекратить бесплодное противостояние набирающей силу религии с ее мощным военным аппаратом и признать пророка, преклонившись перед ним. В итоге Мухаммед с 2 тысячами своих приверженцев, как было упомянуто, торжественно вступил в Мекку, совершив хадж к Каабе. Этот вояж произвел большое впечатление на мекканцев. Неудивительно, что мекканцы в этой ситуации оказались готовы преклониться перед пророком и воздать хвалу Аллаху, уничтожив, по его требованию, всех идолов. Это был триумф ислама: самые отчаянные противники пророка и его идей не только склонились перед ним, но и, выполнив его требования, с готовностью влились в ряды правоверных мусульман, не забыв оговорить для себя почетные позиции среди них.

Сдача Мекки была сигналом для остальных арабов, включая и жителей государственных образований Йемена, арабов Бахрейна и иных далеких районов. Практически вся Аравия в 631 г. была уже у ног пророка, который создавал все новые и новые нормы, обряды и ограничения. В частности, отныне право на хадж к Каабе имели только мусульмане. Что же касается *людей Писания* или *людей Книги*, т.е. иудеев и христиан, к которым ранее Мухаммед относился с подчеркнутым уважением, то теперь отношение к ним изменилось. Они, как и все прочие немусульмане, повторю, должны были либо признать ислам либо, в случае отказа, платить *джизию*, сасанидский гезит.

Итог очевиден: зеленое знамя ислама за немногие годы покрыло собой всю Аравию и более того, пусть не везде добровольно, но всюду весьма заметно изменило образ жизни ее немногочисленного и весьма разнородного населения. Арабы стали мусульманами, причем основные идеи ислама оказались настолько удачными для ситуации, сложившейся в Аравии в первой трети VII в., что вполне можно сравнить появление ислама как Великой Идеи с выигрышным билетом, который в истории человечества выпадал на долю того либо иного народа не слишком часто. Трудно даже перечислить те страны, которые в аналогичных

критических условиях гибли, и те народы, что в подобного рода ситуациях сходили с исторической сцены, уступая место другим.

Арабам повезло. Они не только сумели сохраниться как большая этническая общность, но и превратили свою общность в гигантскую военную силу, которой суждено было одолеть наследие античности и открыть дорогу для реванша всего сильно обновленного ими классического восточного образа жизни с его подавленной было веками эллинизма привычной культурой. Именно это и обусловило тот заметный зигзаг истории, о котором уже упоминалось и который обозначил окончание великого противоборства античности и ближневосточной древности. Античность, эллинизм, Запад вообще были на время вытеснены с авансцены мировой политики, где главное место на довольно длительный период занял ислам, а вместе с ним и некоторые другие религии и цивилизации Востока. Что же касается существа учения пророка, то сразу же после его похорон в Медине ислам стал не просто великой мировой религией, но начался агрессивный натиск бедуинов на всех их соседей. Бедуины и в прошлом не раз выходили за пределы Аравии, о чем вскользь было упомянуто. Но теперь это была не обычная массовая миграция их очередного отряда. Это была по сути уже почти что религиозная война правоверных с неверными.

ИСЛАМ КАК РЕЛИГИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Ислам как религия принадлежит к числу наиболее поздних и самых жестких вероучений. Догматическая часть его проста и во многом восходит к библейским теориям и сформулированным иудеями и христианами истинам. Это и неудивительно, если принять во внимание те источники, откуда черпал Мухаммед свои познания. Но вместе с тем ислам во многом принципиально отличается от двух других предшествовавших ему авраамических религий, т.е. доктрин, возводящих свои истоки к одной и той же легендарной персоне, к описанному в Ветхом Завете Аврааму.

Отличия фиксируются, что называется, с самого начала. Прежде всего, в исламе наиболее четко выражена идея последовательного монотеизма: ни христианской Троицы, ни пристрастного к богоизбранному народу Яхве, но лишь один великий, всемогущий и всемилостивейший Аллах. Именно с признания Аллаха единственным, а его пророка Мухаммеда основным и главным среди множества прочих только и становится каждый желающий того мусульманином. Но, при-

знав Аллаха и покорившись ему, неофит обретает некоторые другие обязательства, сопутствующие ему всю его жизнь. Это обязательная ежедневная пятикратная молитва-*намаз*, строгое соблюдение поста в месяц *рамазан* (нельзя ни есть, ни пить от зари до зари), милостыня-*закят*, которые имущие обязаны вносить в пользу неимущих, а также *хадж*, т.е. путешествие в Мекку, желательный, но не обязательный ритуал для всех правоверных. Исполнение этих норм и условий — они подчас именуются символом веры мусульманина — делает человека членом вселенской уммы, т.е. сообщества единоверцев вне зависимости от их расовых, этнических, политических и иных особенностей.

Теоретической основой веры считается Коран, т.е. ниспосланная Аллахом и потому считающаяся несотворенной книга, текст которой, как следовало верить, был передан Мухаммеду через архангела Гавриила и стал известен людям в форме проповедей великого пророка. Правда, пророк иногда не совсем четко воспроизводил текст, так что некоторые его параграфы-аяты (Коран состоит из 114 глав, состоящих из множества аятов) противоречат один другому, причем нередко в очень важных позициях. Отвечая на недоумения слушателей по этому поводу, Мухаммед еще при жизни обычно ссылался на то, что, коли так случилось, значит Аллах изменил свое мнение. Но после смерти среди знатоков *тафсира*, т.е. толкования Корана, сложилась практика отмены (*мансух*) одних аятов и замены их другими, отменяющими (*насих*). Это обстоятельство — споры вокруг толкования Корана — играет не последнюю роль и в наши дни, когда активные сторонники исламского фундаментализма склонны возвратиться к нормам древности и оспорить некоторые из неверно с их точки зрения понимаемые идеи великой книги.

Кроме Корана существуют шесть пухлых сборников священного предания, так называемой Сунны. Ее рассказы-*хадисы* восходят к созданным несколько позже устным рассказам современников Мухаммеда либо их потомков. И хотя в деталях эти многочисленные хадисы известны в основном лишь ученым знатокам ислама, сборники высоко ценятся улемами и играют свою роль в шариате. Шариат — это исламское право, опирающееся на Коран и Сунну и использующее четыре основных принятых среди мусульманских богословов метода решения спорных вопросов. Это *рай*, т.е. индивидуальное толкование знатока богословия-калама, *иджма*, т.е. согласное мнение многих авторитетов, *кыяс*, заключение по аналогии, и *истислах*, т.е. признание возможности перетолкования некоторых хадисов Сунны. Существуют четыре

в принципе равноправные школы шариата, отличающиеся различным отношением к этим методам.

Надо заметить, что шариат и судьи-*кади*, руководствующиеся им в процессе судопроизводства, всегда играли и сегодня играют большую роль в жизни правоверных. Вместе с тем нельзя не сказать о том, что помимо шариата во многих исламских обществах, особенно не слишком развитых, существует и иная система судопроизводства, *адат*, основанная на нормах восходящего к глубокой древности обычного права. В частности, побивание неверной жены камнями — это норма адата, но не шариата. Вместе с тем и нормы шариата активно вторгаются в личную жизнь каждого мусульманина, создавая густую сеть предписаний и запретов. Они касаются прежде всего положения и прав женщины. По нормам ислама каждый мусульманин имеет право на четыре жены — с единственной оговоркой в том смысле, что он должен иметь средства для их содержания. Кроме того, незамужние и тем более замужние женщины не имеют права выходить из дома, не прикрывшись практически целиком, вплоть до головы (волос) и очень часто даже лица.

В случае, когда муж по его делам вынужден покидать дом, иногда надолго, за поведением его жен обычно вполне добровольно следят соседи. В поселках существуют своеобразные общины-*махалля*, в пределах которых чуть ли не официально признанные старшие и известные своим благочестием женщины бдительно следят за поведением оставшихся без мужского присмотра жен. И это в какой-то мере очень логично: за жену муж часто платит *калым* (правда, это скорей норма адата, чем шариата), так что она вполне резонно считается его собственностью. Никто не смеет посягать на нее, даже смотреть. Дело жен — вести дом и приумножать имущество мужа, прежде всего за счет его детей. На развод имеет право только муж. Даже в официальном судопроизводстве жена подчас рассматривается лишь как половинка: две женщины обычно приравниваются — если речь о свидетелях — к одному мужчине.

Есть и запреты более общего характера, касающиеся всех правоверных. К их числу относится прежде всего строгое запрещение пьянства (пьяный не может совершать пятикратный намаз), азартных игр (причина та же). Не следует есть свинину, изображать людей (только в Иране укоренилась персидская миниатюра с небольшими фигурками). Соответственно искусство ислама переместилось в сферу величественной архитектуры и изысканного орнамента. Образование в мире ислама почти целиком сводилось к изучению религиозных текстов и получению соответствующих знаний, залогом чего было существо-

вание школ-*мектебов* и училищ-*медресе* при мечетях. Было много и иных предписаний, с которыми правоверные не могли не считаться.

В целом спецификой ислама следует считать покорность каждого религиозной норме и предписанным правилам жизни. Отсюда и истовость, поистине фанатичная преданность вере и особенно преданность Аллаху, готовность умереть за него и за то попасть в рай. Мусульманин отличается также фатализмом. Вера в предопределение — без воли Аллаха и волос не упадет с твоей головы — с течением времени, несмотря на ожесточенные споры по этому поводу ученых богословов-улемов, стала нормой для всех. Именно она побуждает многих с готовностью идти на смерть: чему быть, того не миновать, а Аллах зачтет твою преданность исламу.

Ислам не лишен многих весьма положительных черт. Это и стремление к социальной справедливости, будь то обязательный для имущих *закят* или добровольное пожертвование *садака*. Это и сеть богоугодных заведений, и забота об оставшихся без мужа и поддержки семьях, сиротах, о больных и старых. Красивы и щедры мусульманские праздники, длящиеся иногда несколько дней и финансируемые чаще всего опять-таки в основном имущими. Хлебосольно оформляются и обязательные обряды, особенно *суннат*, обрезание семи-восьмилетних мальчиков. Но из всего сказанного с неизбежностью вытекает, что **ислам** не только и быть может даже **не столько религия** сама по себе, **сколько** санкционированный ею **образ жизни.** Для немусульманина многое в этом стиле существования может показаться необычным, даже неприемлемым. Но сами мусульмане обычно с детства привыкают к нему и не видят ничего обременительного даже в ежедневной пятикратной молитве, о наступлении времени для которой, к слову, напоминают им специальные служители-*муэдзины* с высоких *минаретов*, откуда все хорошо слышно. Но вернемся к истории и обратим теперь внимание на то, что стало с общиной мусульман после смерти пророка Мухаммеда.

Часть вторая

Восток в период средневековья

Все изложенное в первой части ставило своей целью обрисовать ситуацию на обитаемой и освоенной неолитическими земледельцами и скотоводами части планеты, в основном Евразии и Северной Африки в тот период средневековья, который стал так называться лишь много после крушения античного мира и Возрождения в Западной Европе античности в самых ярких и значимых ее чертах и признаках. Этот долгий, примерно тысячелетний период, повторю, был назван европейцами средневековьем и термин обычно использовался ими, причем достаточно долго, применительно лишь к истории Европы, даже чаще одной Западной Европы. Много позже, уже лишь в последние два-три столетия, он для удобства изучения и членения всей мировой истории начал использоваться более широко, для всей планеты и, в частности, для Востока. Поэтому условность терминологии вообще и тем более дважды ее условность для истории Востока следует иметь в виду. Это важно не столько для того, чтобы подчеркнуть различие между обществами восточного и антично-предбуржуазного западного типа, сколько для того, чтобы сразу же всеми ощущалась принципиальная структурная разница между Востоком и Западом.

Разница эта, стоит напомнить и повторить, в том, что Восток, причем безо всяких исключений, хотя и порой с немалым своеобразием, и в древности, и в характерный именно для Европы переломный период средневековья, и долго еще после него, включая и значительную часть эпохи колониализма, был и оставался символом консервативного застоя, что было главной его характеристикой и высшей его ценностью. Не стоит забывать, что теоретик коммунизма К. Маркс, занявшись было изучением Востока, уверенно обозначил его строй как *азиатский*, не стремясь — в отличие от того, что он же писал о европейском Западе, — ограничить период существования этого строя какими-либо хронологическими рамками. Столь явное противопоставление — одна из наиболее верных позиций основоположника

в том, что касается истории. Живущим ныне, спустя почти полтора века после него, можно лишь порадоваться тому, сколь полно сегодня изучена история человечества и насколько уже ясно, что Восток, мягко говоря, отнюдь не Запад, хотя именно сегодня уже намечается явственное сближение ряда наиболее передовых стран Востока с притягательными для них, хотя и далеко не для всех и тем более не в полном объеме, передовыми антично-буржуазными стандартами.Но для нас сейчас гораздо важнее не это, а совсем иное, то, что на протяжении почти полутора тысячелетий после падения Рима Восток оставался если и не абсолютно незыблемым, то во всяком случае достаточно инертным, чтобы только с большим трудом и под очень сильным нажимом понемногу — уже в эпоху колониализма — поддаваться неизбежному процессу модернизации в форме вестернизации.

Поддавались, к слову, далеко не все. И вообще, на протяжении всей истории того доколониального периода, о котором пойдет речь в этом томе, характерным было как раз энергичное противостояние не столько богатого и тем более процветающего, сколько склонного к пассивно-самодовольной инерции очень древнего Востока вчера еще полуварварской Западной Европе, которую он поначалу вообще почти что не замечал. История Востока, пусть медленно и как бы даже неохотно, шла медленно и сама по себе. А наиболее динамично-агрессивной частью этой истории была экспансия ислама, легко в свое время подобравшегося к границам Европы и не раз затем всерьез ей угрожавшего. Словом, нет ничего удивительного в том, что и начнем мы всю средневековую историю человечества с описания продвижения воинов ислама и с истории исламского мира в интересующий нас период.

Глава четвертая. АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ

Значительная часть ближневосточных территорий в эпоху эллинизма была под властью западных — сперва греко-македонских, затем римских — завоевателей, после чего стала частью Византии. Лишь сравнительно небольшие страны, а также государственные образования, отделенные от Византии большим расстоянием, оставались вне прямой зависимости от нее. К ним, в частности, можно отнести, иногда с оговорками, расположенную далеко на севере региона Бактрию, южные районы Аравии, особенно Йемен, некоторые государства Закавказья (Армения, Грузия), а также Иран. Все эти страны, за исключением Ирана, большой роли на политической сцене на рубеже нашей эры не играли, хотя и каждая из них дорожила

своей самостоятельностью. Впрочем, это стремление их к независимости не слишком им помогло. Бактрия, «страна тысячи городов», как ее пышно именовали, играла существенную роль в связях греко-византийского мира с Востоком, в частности с Индией. Но уже во II в. до н.э. она перестала существовать. На смену ей пришло Кушанское царство, завоевавшее значительную часть северной Индии. Армения и Грузия, обретя с помощью Византии христианство, были достаточно тесно связаны с этой империей, пока не попали под власть сначала Ирана, а затем Арабского халифата.

Особо стоит еще раз упомянуть об Иране. Эта страна на протяжении ряда столетий была активным соперником Византии. Постоянно расширявший свои границы и включавший в состав державы многие завоеванные народы, сасанидский Иран с помощью официальной религии, зороастризма, добился к концу своего существования завидной внутренней прочности. В период правления последних ее шахов оседло-земледельческое население южных районов страны, древнего Двуречья, с большими городами и хорошо развитой инфраструктурой, включая налаженную торговлю, особенно транзитную, способствовало не только стабилизации, но и обогащению могущественной державы, всегда хорошо помнившей о своем былом величии в эпоху господства персидской империи Ахеменидов.

Для административной структуры сасанидского Ирана было характерным членение населения на четыре сословные группы, *пешак* (жрецы, воины, чиновники и народ), что чем-то напоминало древнее деление индоиранских народов на группы типа варн. В Иране каждое из сословий обычно было представлено при дворе правителя своим главой, занимавшим видное место в числе важнейших сановников. При этом интересно, что последнее по значению и самое массовое из четырех сословий (народ, простолюдины) не имело права делегировать ко двору в качестве своего главы кого-либо из своего числа. Его должен был представлять кто-либо из числа членов первых трех привилегированных сословий.

Манихейство и маздакизм, продемонстрировав слабость официального зороастризма, способствовали некоторым реформам, проведенным пришедшим к власти Хосровом I Ануширваном. За долгие годы его успешного правления (531–579) в стране была проведена серия важных реформ, ставивших своей целью укрепление аппарата власти и процветание экономики. В военной сфере на смену воинственной кочевой знати и азатам пришла своего рода регулярная армия. Все во-

шедшие в ее состав были распределены по четырем военным округам, командующие которыми заняли в структуре власти места со второго по пятое, после первого из высших сановников, *вазурга-фраматара*, тогда как официальный глава зороастризма *мобедан-мобед* оказался в иерархии высшей администрации лишь шестым. Все земли, отобранные в свое время сторонниками Маздака у знати, были объявлены государственными. Что же касается лишившихся владений аристократов, то они были взяты на государственную службу и получали содержание из казны.

Успехи в развитии страны привели ее земледельцев к возделыванию таких новых для них культур, как рис, сахарный тростник. А после знакомства с тайком вывезенными из Китая коконами шелковичного червя иранские крестьяне стали успешно заниматься шелководством. Были также освоены новые виды ремесла, особенно выделка ставших вскоре после этого знаменитыми изделий из серебра. Все упомянутое следует считать зримым свидетельством немалых успехов. Но период преуспевания — увы! — длился не слишком долго. Неудачные войны с Византией привели в первой трети VII в. Иран к острому внутриполитическому кризису, а победоносное шествие арабско- исламских завоевателей вскоре привело к падению династии Сасанидов, преследованию зороастрийцев-огнепоклонников и к превращению Ирана в часть Арабского халифата.

ХАЛИФАТ

Смерть пророка поставила перед близкими ему людьми вопрос о том, кто будет теперь руководить не просто мусульманами, но и буквально на глазах увеличивавшимся крупным исламским государством. Поскольку сына у пророка не было, нужно было решить вопрос о его заместителе, *халифе*. Кандидатом на этот высокий пост был выдвинут ближайший сподвижник Мухаммеда Абу Бекр, которому сам пророк перед смертью поручил вместо себя руководить молитвами в мечети. Столь высокая должность *имама* сыграла, видимо, немалую роль в решении окружения пророка избрать его заместителем-халифом. Есть сведения, что будто бы против этого решения выступил в тот момент лишь один человек — кузен и зять пророка Али, который позже стал знаменем оппозиционного течения в исламе, *шиитов*.

Здесь необходимо обратить внимание на еще одно важное обстоятельство. Ряд арабских племен, преимущественно из числа небогатых бедуинов, лишившихся дохода вследствие упадка транзитной торговли,

были недовольны требованием пророка выплачивать ему *садаку*, нечто вроде дани (впоследствии садака осталась в мусульманской традиции лишь как сугубо добровольная милостыня, выплачивавшаяся имущими в пользу неимущих). Бедуины ожидали, что Абу Бекр откажется от взимания садаки. Но этого не произошло. Хорошо сознавая важность регулярного дохода со стороны окружающих племен для укрепления еще только начавшего формироваться государственного образования единоверцев-мусульман, Абу Бекр решительно выступил против подобного рода требований и даже заявил, что садака — как и ежедневная молитва — основа ислама. Действительно, в момент перехода власти к Абу Бекру и создания халифата без денежных поступлений со стороны признавших ислам и тем самым ставших подданными халифа обойтись было невозможно.

В результате отношения спорящих сторон обострились и вскоре перешли в открытую вражду. В ходе ряда сражений мусульманские войска Абу Бекра сумели подавить недовольство в рядах своих приверженцев и, более того, несколько расширить территорию халифата и соответственно число его подданных-мусульман. Стоит заметить, что в формировавшемся государстве халифа не было еще никакой администрации. Это важное обстоятельство способствовало тому, что добыча, полученная в военных схватках, в том числе и в первую очередь с неверными, еще не принявшими ислама, обычно сразу же делилась по завещанному еще пророком принципу. Суть его была в том, что четыре пятых ее распределялись между воинами (вначале между всеми мусульманами, ибо все они были воинами) поровну, а пятая часть шла в распоряжение халифа, который использовал ее по своему усмотрению. Этот очень удобный и всем понятный принцип, в какой-то мере уравнивавший в правах подданных нового государства, в немалой степени способствовал укреплению халифата как вполне жизнеспособной структуры, сумевшей к традиционной саадаке добавить еще и немалый доход от победоносных набегов на недовольных соседей. Кроме всего прочего, доход от не вполне еще угасшей транзитной торговли пополнял имущество мусульман и делал их образ жизни вполне завидным для тех, кто еще не стал мусульманином.

Было бы, однако, неверным полагать, что имущественное благосостояние, доставшееся к тому же в нелегких битвах, было единственным стимулом для увеличения числа мусульман и тем более их решимости продолжать начатое в том же духе. Нет никаких сомнений в том, что гораздо большую роль в сплочении и укреплении мусульманского

братства и в увеличении числа активных сторонников ислама играла прежде всего вера всех новообращенных — как и прежних сторонников пророка — в незыблемую правоту его учения, в великую миссию ислама как сакральной истины, которую так или иначе, добром либо силой надлежит сделать достоянием всех. Естественным образом перед ревностными сторонниками ислама встал вопрос, как этого добиться. Было абсолютно ясно, что с бедуинов арабской пустыни кроме скромной садаки ничего не возьмешь. Столь же ясным было и то, что войны с недовольными приходят к успешному концу, что уже едва ли не вся Аравия состоит из сторонников пророка и что проблема лишь в том, где же взять средства, необходимые для укрепления нового государства и тем более для его процветания. Вопрос о средствах и вера в великую миссию ислама логичным образом совпали и содействовали тому, что подданными нового халифа было принято единственно возможное решение: необходимо вести решительную войну с соседними государствами. Таких государств было два, Византия и Иран. И хотя оба они были сильными противниками, сама идея борьбы за правое дело великого учения удесятеряла силы воинственных мусульман.

О сасанидском Иране только что шла речь, причем в заключении краткого обзора было сказано, что в первой трети VII в. эта страна по ряду внешних и внутренних причин оказалась в состоянии кризиса. Неудачи в войнах с Византией ослабили Иран и породили в стране рост сепаратистских настроений. Крупное и еще недавно стабильное и сильное государство ослабевало буквально на глазах. Именно этим и воспользовались арабы. Те из них, что кочевали неподалеку от развитых территорий южного Ирана, настаивали на том, чтобы начать широкие военные действия против этой страны. Абу Бекр не стал возражать и вскоре арабские полководцы уже сумели подчинить себе значительную часть иранских земель в районе Евфрата. Но одним Ираном дело не ограничилось. Параллельно было принято решение приступить к войне с Византией, успех в которой — хотя бы частичный — сулил воинам ислама большие приобретения. С начала 634 г. арабы-мусульмане начали войну на северо-западе Аравии с Сирией, бывшей одной из южных провинций Византии. Уже летом того же года византийские войска потерпели первое серьезное поражение. Воины ислама оказались неподалеку от Иерусалима. Это был успех, большой успех.

Тем временем в Медине умер Абу Бекр. Перед смертью он, как и пророк, успел назначить своего преемника в лице мухаджира Омара, одного из близких к пророку людей. Совещание узкого круга мухад-

жиров и иных близких пророку его сподвижников одобрило это решение. Омар был избран новым халифом. А мусульманское войско тем временем подошло к столице Сирии Дамаску и осадило его. Через несколько месяцев Дамаск был взят, причем с христианским населением города был подписан договор, согласно которому люди Писания, как с легкой руки пророка именовали христиан и иудеев, были обязаны выплачивать подушную подать джизию.

Успех воодушевил воинов ислама, которые уже в августе 636 г. сумели оккупировать всю Сирию и Палестину. Вместе с Месопотамией эти государства были большой добычей, сулящей немалый регулярный доход. Неудивительно, что у воинов, остановившихся перед осажденным ими Иерусалимом, возник вопрос, как делить новое богатство. Появились предложения разделить захваченные земли на уделы. Эта идея не могла оставить халифа равнодушным. В 637 г. он выехал в основную ставку армии близ Дамаска с целью решить столь важную для халифата как государства проблему. По предложению Омара, одобренному большинством, было принято важное решение, сыгравшее судьбоносную роль в последующем существовании не только халифата, но и многих других государств ислама. Суть его сводилась к тому, что все земли исламского мира — собственность Аллаха или, если угодно, всей вселенской общности мусульман, всей уммы, от чьего имени ими распоряжаются халиф или его представители на местах. Все воины и прочие должностные лица получают обусловленное жалованье. Для учета воинов и иных заслуженных мусульман разных разрядов создается специальный аппарат администрации в халифате, который будет этим ведать. Этот же аппарат обязан проводить кадастр захваченных территорий и определять размер налогов и подушной подати джизии с местного населения. Собственно, именно с этого судьбоносного решения берет свое начало существование халифата как настоящего государства.

Вслед за тем при халифе Омаре (634–644) завоевания были успешно продолжены: у Византии были отобраны Сирия, Египет (в 639–641 гг.), Палестина и Ливия. Иерусалим, подписав договор о сдаче города лично с халифом в 638 г., был особо ценным подарком для мусульман: священный город людей писания стал теперь частью быстро разраставшегося халифата. Что касается Ирана, то у него за годы правления Омара была отнята большая часть его земель, включая Закавказье. Существенно заметить, что арабо-исламские завоевания не сопровождались насилиями над населением и тем более разрушением

городов. Как правило — и об этом уже было упомянуто — дело завершалось подписанием договоров, согласно которым местных жителей завоеватели не трогали. Территории часто сохраняли даже некоторую автономию и управлялись назначенными арабами представителями местной религиозной общины. Разумеется, тем, кто был готов принять ислам, предоставлялись ощутимые льготы, в том числе и в первую очередь финансовые. И этот важный фактор не был напрасным. Многие из христиан были готовы стать мусульманами и постепенно во все большем количестве становились ими. Но сами арабы в городах либо в захваченных сельских поселениях обычно не жили. Их делом была война. Они шли дальше и добивались все новых и новых успехов.

После смерти Омара совет приближенных халифа на специальном собрании (*шура*) избрал третьим халифом Османа, предпочтя его другому видному кандидату, Али. Али был смертельно обижен — тем более, что Осман был бесцветной личностью. Он мало интересовался ходом боевых действий, которые шли уже очень далеко от Аравии. Как очень хорошо налаженный механизм, завоевание все новых и новых территорий шло своим чередом, в то время как халиф Осман тратил время на изучение Корана. Коран считался ниспосланной Аллахом пророку через его архангела Джебраила (Гавриила) священной книгой, составленной писцами, записывавшими речи Мухаммеда. А пока Осман предавался богоугодному делу, вокруг него стали плести заговор сторонники кузена и зятя пророка Али, женатого на дочери Мухаммеда Фатиме. Они считали, что место главы халифата должно принадлежать потомкам пророка, а не посторонним ему людям. Создав партию (*шиа*), шииты убили Османа в момент чтения им Корана и провозгласили четвертым халифом Али (656–661).

Омейяды, близкая родня Османа, вынуждены были бежать в Сирию, а их предводитель Муавия выступил против Али. Но в момент решительной схватки воины Муавии подняли на своих копьях листы Корана, давая понять, что готовы на переговоры. И вот здесь-то Али допустил непростительную слабость. Более того, совершил роковую и непоправимую ошибку. Вместо того, чтобы решительно расправиться с мятежниками, колеблющийся Али вступил с ними в переговоры, что и погубило его. Лучшая часть войска Али покинула его, объявив себя *хариджитами* (вышедшими) и заявив, что халифом должен был тот, кто заслуживает этого. Али вынужден был начать войну с ними, но не преуспел: в 661 г. он был убит в мечети хариджитом. А новым халифом стал Муавия, родоначальник династии Омейядов.

ХАЛИФАТ ОМЕЙЯДОВ (661–750)

Халифат Омейядов был не слишком долгим (661–750), но именно это время было — в основных своих чертах — завершающим в процессе институционализации исламского государства. Начать с того, что Муавия сумел откупиться от претензий старшего внука пророка Хасана, сына Фатимы, предложив ему за это баснословную сумму (рассказывают, что Хасану было предложено самому написать цифру, которая его устроит). В то же время младший внук Хусейн не захотел отказаться от своих прав, после чего он был убит. Как явствует из легендарного предания, он близ Кербелы был буквально растерзан на части группой сторонников Муавии, никто из которых не хотел лично на себя брать ответственность за его убийство[1]. Избавившись от главных потенциальных соперников, Муавия энергично взялся за организацию централизованной администрации в халифате. При этом многое было взято из иранских традиций, восходивших, как упоминалось, ко временам Ахеменидов. Хотя Иран постепенно становился оплотом шиитов, он все же оставался одной из наиболее значимых частей халифата. Показательно, что на Иран мусульмане обращали свои взоры еще до смерти пророка. Именно оттуда, как уже упоминалось, были ими заимствованы подушная подать джизия и поземельный налог харадж (вспомним реформы Хосрова I, введшего те же виды налогообложения под теми же наименованиями, гезит и хараг). Стоит заметить, что темпы исламизации завоеванного населения были достаточно быстрыми. Они ускорялись, во-первых, за счет некоторой близости ислама к христианству, а отчасти и к иранскому зороастризму. Во-вторых,— что едва ли не еще существеннее, — за счет того, что принявшие ислам получали солидные льготы при выплате земельного налога (десятина против примерно трети, которую платили неверные) и освобождались от джизии.

Медленнее шел процесс арабизации, хронологически вышедший за пределы, отпущенные историей халифату Омейядов. Однако и он неуклонно подводил к желаемому результату. Здесь сыграли свою роль

---

[1] После убийства Хусейн стал знаменем шиитов, их первым и главным святым мучеником. День его смерти отмечается траурным шествием. Колесница с изображением Хусейна едет впереди толпы, наиболее ревностные шииты подвергают себя близ колесницы истязаниям, а некоторые бросаются под нее, дабы погибнуть. В старой России такой обряд был не раз описан, в том числе М. Горьким, под именем *шахсей-вахсей*.

и практика многоженства у мусульман, и близость арабского языка как официального в халифате к многочисленным ближневосточным семитским диалектам. Как бы то ни было, но не только арамейское население Сирии и Ирака, но и потомки древних египтян стали арабами, хотя часть их при этом предпочла остаться верными христианству (египетские копты существуют до наших дней, хотя и внешне, в том числе в одежде, почти ничем не отличаются от египетских арабов-мусульман). Один лишь Иран остался ираноязычным, чему, видимо, в немалой степени способствовало то, что шиизм здесь всегда поддерживал некоторую оппозиционность по отношению к ортодоксальному суннизму, как стала именоваться (от Сунны, т.е. священного предания мусульман) главная ветвь ислама.

По иранскому стандарту в Дамасском халифате Омейядов были созданы система администрации, регулярные войска, полиция, учреждались наместничества во главе с всевластными эмирами. Строились дороги с караван-сараями и вместе с тем налаживалась почтовая связь. Все эти полезные заимствования быстро приживались там, где их прежде не было, что укрепляло администрацию халифата. Вся земля халифата считалась собственностью Аллаха, распоряжаться которой имели право халифы и их представители на местах, начиная с эмиров. Конкретные формы земельного владения были различными, но при этом все они были, как правило, ненаследственными. В их числе *савафи* (земли привилегированной родни власть имущих), *вакуфы* (земли мечетей, медресе, знатоков ислама улемов и т.п.), *икта* и *мульки* (небольшие участки, которые, в отличие от остальных, подлежали отчуждению). Среди них стоит выделить икта. Это были владения воинов-иктадаров, получавших за службу участки казенной земли с обрабатывавшими землю крестьянами, но — в отличие, скажем, от русских помещиков — имевшие лишь право на налоги с этих земель, которые по приказу соответствующего ведомства выплачивало им определенное количество местного населения. Горожане платили пошлины и ряд добровольных (для мусульман) и обязательных (для остальных) иных взносов.

ХАЛИФАТ АББАСИДОВ

Халифат Омейядов рухнул под ударами восстания, возглавленного сторонниками потомков дяди пророка Аббаса, в рядах которых было немало шиитов и хариджитов. Новый халифат со столицей в Багдаде не оправдал надежд шиитов, хотя аббасидские халифы продолжали

активно заимствовать иранские административные стандарты. Были учреждены должность великого *визиря* с большими полномочиями, центральные ведомства-*диваны*. Сфера просвещения и суд были отданы на откуп интеллектуалам ислама, хотя должности судей-*кади*, назначавшихся обычно на сравнительно небольшой срок, считались подконтрольными властям. Впрочем, все эти нововведения не привели к укреплению власти халифов. Более того, зенит могущества халифата был уже позади. Символом этого, в частности, стал сохранившийся под властью Омейядов далекий Кордовский эмират, вскоре преобразовавшийся в независимый халифат. И хотя именно в VIII–IX вв. Арабский халифат, впитав в себя наследие эллинистических, римско-христианских и персидско-месопотамских традиций, стал одним из виднейших центров мировой культуры, включая большое количество грамотных людей и интеллектуалов высокого уровня, это не привело к быстрому и успешному его расцвету. Высокая культура халифата как бы застыла, что сыграло свою роль в последующих судьбах ислама как религии и цивилизации.

Разумеется, мир ислама развивался. На некоторое время на территории Европы и Ближнего Востока он задавал тон в сфере культуры, искусства, просвещения и науки. В городах строились великолепные архитектурные сооружения, дворцы и мечети. В далекой Кордове создавался свой блестящий мавританский стиль, которым восхищались находившиеся на сравнительно более низком уровне развития интеллектуалы раннего западноевропейского средневековья. Создавались университеты и бережно собирались древние сочинения великих мыслителей, в том числе и античных, начиная с Аристотеля. Имена мусульманских ученых богословов типа аль-Газали, таких медиков как Авиценна, философов как Аверроэс, историков как Ибн Халдун и многие другие обрели мировую известность. Такого рода традиция не вовсе застыла и позже. Достаточно напомнить имя астронома Улугбека. Но, тем не менее, по мере упадка халифата его высокая культура уходила, пусть медленными шагами, в прошлое.

Это было прежде всего связано с упадком Арабского халифата, с началом постепенного его распада на части. Важную роль в этом упадке сыграли два серьезных обстоятельства. Во-первых, ослабла армия. Воины-икгадары, перестав вести регулярные войны (территория страны более не расширялась за их счет), постепенно теряли боевую выучку. Передавая по наследству свои икта сыну или зятю, что со временем стало едва ли не нормой, старые икгадары не могли передать им

ни воинской выучки, ни боевого задора. И это не могло не сказаться на общем уровне военной мощи некогда славившегося своей воинственностью огромного государства. Пытаясь как-то исправить положение, халифы сделали ставку на рабов-*гулямов* (*мамлюков*). Привезенные издалека, часто из завоеванных немусульманских стран, купленные либо полученные в качестве выкупа (своего рода «налог кровью», *девширме*), эти оторванные от родных корней подростки из тюрок, кавказцев или славян воспитывались при дворе в духе абсолютной преданности халифу. Но, несмотря на многие привилегии, эта вначале глубоко преданная повелителю гвардия вскоре почувствовала свою силу и начала не только свергать неугодных правителей, но и подчас возводить на трон своих представителей. Разумеется, это не укрепило военную опору власти. Более того, опасаясь столкновений разгулявшихся *янычар* с городским населением, правители подчас бывали вынужденными выводить гвардейцев за пределы больших городов, что несколько снижало уровень их безопасности и в то же время создавало условия для честолюбивых заговорщиков, стремившихся снискать поддержку бездельничающих гулямов.

Во-вторых, что было много более важно, со временем стал играть все большую роль сепаратизм эмиров, владения которых порой отстояли от Багдада на тысячи километров. Эмиры в своих владения жили собственными политическими интересами и вели самостоятельную политику. Это вело к тому, что, начиная с конца VIII и тем более в IX–X вв. от халифата Аббасидов стали один за другим отпадать его эмираты. Сначала это произошло в далеком Марокко, где возникло государство Идрисидов (788–905), в котором правителями стали потомки Али, т.е. враждебные халифату шииты. За Марокко последовали Тунис и Алжир, на территории которых возник эмират Аглабидов (808–909). Затем практически независимым стал Хорасан, эмират Тахиридов (821–873), а на территории Средней Азии сформировался огромный эмират Саманидов (875–999). В Египте представители гулямов из числа тюрок основали эмират Тулунидов (868–905). Кроме того, на развалинах халифата подчас укреплялись и местные немусульманские династии, какой были Багратиды, ставшие с 875 г. правителями Армении.

К сказанному стоит прибавить потрясавшие халифат восстания. Одним из них было начавшееся в 869 г. движение *зинджей*, чернокожих рабов из Африки, завезенных в устье Тигра и Евфрата для очистки там заилившегося русла. Зинджи были представителями полупервобытных африканцев. Они не знали иных форм отношений кроме тех, которые

были применены к ним и являлись по сути отношениями рабовладельцев и рабов. Неудивительно поэтому, что, одержав победу и захватив солидную территорию в устье Тигра и Евфрата (земли древнего Шумера), зинджи старались все местное население превратить в своих рабов и жить за счет их труда. Восстание вскоре было подавлено несмотря на то, что оно было поддержано сектантами из числа *карматов*.

Карматы были ветвью шиитской секты *исмаилитов*. Дело в том, что, согласно доктрине шиитов, мусульманами должны управлять потомки пророка, а точнее — Али и Фатимы. Однако на практике в вопросе о преемственности власти святых имамов (так называли признанных всеми шиитами их предводителей) то и дело возникали ожесточенные споры, нередко заканчивавшиеся образованием из недовольных особых сект. Наиболее серьезный раскол произошел в середине VIII века, когда шестой имам Джафар лишил своего старшего сына Исмаила права стать седьмым имамом. Недовольные этим решением создали секту исмаилитов, учение которой, многое заимствовавшее из зороастризма и индуизма, придало этой секте немало новых идей, что способствовало ее популярности. Всего же у шиитов насчитывается **двенадцать святых имамов**, последний из которых в подростковом возрасте в IX в. таинственно исчез (но не умер!). Он стал считаться мессией, Махди, который рано или поздно придет и принесет с собой царство справедливости. Естественно, что при этом все остальные правители шиитских эмиратов и султанатов не считались легитимными главами правоверных. К ним относились как к своего рода временным заместителям подлинного правителя, *скрытого имама*, т.е. Махди. Это с особой силой сказалось на отношении к правителям в шиитском Иране.

Итак, карматы были одним из ответвлений исмаилитов. Они проповедовали идеи имущественного равенства и стояли за перераспределение имуществ. Однако это не исключало их склонности к использованию труда рабов. Возможно, именно эти идеи побудили некоторых из них поддержать зинджей. Как бы то ни было, но вскоре после подавления восстания зинджей в 883 г. основная часть карматов подняла свое восстание. Оно привело к созданию в конце IX в. в районе Бахрейна небольшого карматского государства, казна которого пополнялась в основном за счет труда примерно 30 тысяч рабов из числа африканцев и грабежа соседей. Если принять во внимание, что все вновь создававшиеся эмираты и иные, подчас мятежные и полуразбойные государства находились неподалеку от столицы халифа в Багдаде, то не приходится удивляться тому, что на рубеже IX–X вв. под властью

халифата оставалась лишь западная часть Ирана и прилегавшие к ней земли с Багдадом. Впрочем, и это продолжалось не слишком долго. В 935 г. в западноиранских землях возникло государство Буидов, которое спустя десятилетие захватило Багдад и лишило халифа светской власти. Правители государства Буидов стали именовать себя *эмирами эмиров*, а багдадские халифы остались лишь духовными главами правоверных, да и то лишь суннитов. Стоит добавить к тому, что Буиды были шиитами, что создало напряженность в самом Багдаде. Халифы пользовались при этом подчеркнутым уважением со стороны правителей из числа Буидов. Но, тем не менее, положение их в Багдаде было более чем жалким. В этом состоянии они просуществовали в городе еще около трех веков, после чего переместились в Каир.

ГОСУДАРСТВА РАСПАВШЕГОСЯ ХАЛИФАТА

Потеря халифом политической власти была сигналом к окончательному распаду единого исламского государства. На смену ему пришло множество сменявших друг друга и возникавших заново политических образований, в рамках которых ислам, однако, оставался не только господствующей и официальной, но практически если не единственной, то главной и *своей* для всех религией. Здесь стоит специально подчеркнуть, что слабость политической структуры многочисленных пришедших на смену халифату эмиратов и султанатов, а также иных государственных образований, в том числе теократических и сектантских, во всех случаях восполнялась истовой преданностью населения исламу. Однако сам по себе факт нелегитимности правителей многочисленных и порой с калейдоскопической скоростью сменявших друг друга династий эмиров и султанов, которые — в отличие от халифов — не имели божественной санкции на власть, играл свою роль. Это означало, что при любом удобном случае некий амбициозный и коварный претендент на престол мог воспользоваться силой, чтобы занять его.

Впрочем, смена политической власти мало что меняла в жизни исламских государств. Любое из них в любом масштабе сохраняло те основы, которые были характерны для традиционного Востока. Правитель, как правило, во всяком случае, пока он сидел на троне, обладал неограниченной властью и был в силу этого, формально от имени Аллаха, высшим собственником. Именно он и подчиненная ему администрация ведали редистрибуцией совокупного общественного продукта подданных, определяли размер ренты-налога, будь то десятина-*ушр* или харадж, податей (джизия), различных трудовых повинностей

и пошлин. Власть определяла формы и размеры выплат воинам и чиновникам, а также ведала распределением владений либо выдач привилегированным лицам из числа приближенных и родственников правителя.

Города, в которых часто было немало жителей, не принявших ислам, принадлежавших к иным конфессиям и живших в рамках собственных общин, находились под властью разного рода чиновников во главе с градоначальником, *хакимом* или *раисом*, и не имели ни особых прав, ни тем более льгот или гарантий. Самоуправление горожан не выходило за пределы удобного для властей деления на производственные корпорации или конфессиональные общины, главы которых беспрекословно подчинялись местной администрации. При этом нельзя не упомянуть, что судебная власть, находившаяся в ведении кади, практически всегда защищала прежде всего интересы мусульман.

Территория бывшего халифата чем дальше, тем в большей степени напоминала мозаику калейдоскопического характера. Непрерывные перемены в ней стали нормой. Так, недолго просуществовавшее в Багдаде государство Буидов было уже через несколько десятилетий после его возникновения потеснено на востоке султанатом Газневидов, начавшим серию походов в Индию. С X в. на авансцену политической жизни вышли принявшие ислам тюрки. Тюркская династия Караханидов в 999 г. пришла в среднеазиатских землях на смену Саманидам. А *огузы-туркмены* во главе с династией Сельджуков во второй трети XI в., оттеснив Газневидов на восток, вплотную приблизились к Багдаду. В 1055 г. их предводитель Тогрул-бек, захватив Багдад, заставил халифа дать ему звучный титул султана Востока и Запада. Султанат Сельджукидов был, однако, внутренне слабым, так что, завоевав многие земли Ирака, Ирана, Закавказья, Малой Азии и Сирии, он вскоре после смерти Тогрул-бека развалился на несколько частей. На рубеже XII–XIII веков усилилось в Средней Азии государство Хорезм-шахов, которому, однако, суждено было просуществовать всего несколько недолгих десятилетий, после чего оно было разгромлено войсками Чингис-хана.

Западная часть бывшего халифата имела свою историю, в которой немалую роль привелось играть шиитам и иным сектантам. Страны Магриба, расположенные на территории северной Африки, в IX–X вв. добились высокого уровня жизни. Строительство ирригационной сети способствовало высоким урожаям. Здесь возникло много новых процветающих городов. Исмаилиты, бывшие одной из сект шиитов,

сумели в начале X в. создать халифат Фатимидов, сменивший владевшую Тунисом и Алжиром династию Аглабидов. Этот халифат просуществовал почти три века и за это время настолько усилился, что сумел присоединить к своим землям Египет и Сирию. Именно он стал основной мусульманской страной, которая вступила в ожесточенную борьбу с крестоносцами. Эта борьба успешно продолжалась и после того, как в 1171 г. знаменитый военачальник Салах-ад-дин (Саладин) сверг фатимидского султана и, признав авторитет багдадского халифа, создал династию Айюбидов со столицей в Каире. В годы крестовых походов в Кухистане (Западный Иран) усилилось влияние все той же шиитской секты исмаилитов. В горном замке Аламут в обстановке строгой секретности руководители этой секты впервые стали воспитывать смертников, готовых убивать намеченные жертвы, прежде всего из числа лидеров крестоносцев, платя за это своей жизнью в расчете на райское блаженство.

В 1250 г. Айюбиды уступили место династии мамлюков (гулямов). В годы правления именно этой династии из захваченного монголами Багдада бежали в Каир родственники убитого завоевателями халифа. Они продолжили там существование халифата как религиозной структуры вплоть до XVI в. Но в это время авторитет халифов уже мало что значил. Ислам победоносно распространялся по всему миру без войн и иных усилий бывших наместников Аллаха на земле. Как хорошо известно, ислам восприняли вполне мирным путем многие жители Средней Азии и Поволжья, в основном тюркского происхождения. К их числу следует отнести тюрок и татар, причем не только Золотую Орду, но и Казанское и Крымское ханства, с которыми столь ожесточенно воевали русские князья, а затем и цари. Однако главную роль в процессе исламизации восточной части Европы и примыкающих к ней районов Малой Азии сыграли огузы-туркмены из распавшегося на части султаната Сельджукидов. Но об этом более подробно в следующей главе, значительная часть которой посвящена роли тюрок в исламе.

Глава пятая. ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИРАН

Появление тюркоязычных народов на территории Восточной Европы и Ближнего Востока сыграло очень заметную роль в эволюции значительной части местного населения. Дело не только и не столько в его тюркизации, которая оказалась наиболее заметной на территории Византии. Гораздо важнее то, что вместе с тюрками в этой части

Старого Света появился и начал энергично распространяться ислам, прежде ограничивавший сферу своего влияния в основном южной частью этого региона. Из всех заметных тюркоязычных государственных образований на рубеже I и II тысячелетий выделилась держава Сельджукидов. У истоков ее были кочевые племена туркмен-огузов, обитавшие на достаточно обширной территории от Прикаспия и Приаралья до среднеазиатского Семиречья.

Оказавшись в центре борьбы ряда иных государств, небольшое огузское племя сельджуков двинулось из района Бухары, близ которого оно первоначально обитало, в сторону Хорезма, а затем в Туркмению, оказавшись на территории эмирата Газневидов, правитель которого выступил против нежданных пришельцев с их многочисленными стадами. Сражения завершились в пользу туркмен, как стали называть Сельджукидов, после чего глава огузов-туркмен Тогрул-бек провозгласил себя султаном. Вскоре к его разросшемуся племени, превратившемуся в крупное государственное образование, присоединились некоторые другие родственные кочевые племена, а в 1040 г. Тогрул-бек начал серию завоевательных походов, в результате которой Сельджукская держава объединила под своей властью немало территорий с земледельческим населением. В 1055 г. Сельджуки, как о том уже упоминалось, захватили Багдад и принудили халифа отдать Тогрул-беку всю светскую власть в халифате.

Существование державы Сельджукидов в немалой мере оказалось связанным с владениями, подвластными халифату, который к этому времени фактически перестал существовать, распавшись на части. Что касается Сельджукидов, то их держава после смерти Тогрул-бека тоже распалась на несколько различных государств (Иран, Ирак, Сирия и др.), каждое из которых некоторое время жило собственной жизнью. Одни из новых правителей из рода Сельджукидов расширяли свои владения, другие утрачивали их. В XII в. междоусобные войны представителей различных ветвей Сельджукидов способствовали некоторому увеличению роли халифа, вмешательство которого способствовало легитимизации власти того либо иного правителя. Но с начала XIII в. от владений Сельджукидов уже мало что осталось. Наступило время монголов, давление которых с востока привело к окончательному распаду последней западной части владений Сельджукидов (Румский султанат) на мелкие владения, так называемые *бейлики* во главе с *беями*. Сильнейшим из них вскоре оказался османский бейлик бея Османа (1288–1324), завладевший землями на северо-западе Малой Азии.

Оказавшись неподалеку от слабеющего Константинополя и вдали от грозных монголов, Осман стал проводить активную внешнюю политику, захватив у Византии несколько городов и подойдя вплотную к проливам. Перейдя через проливы, наследники Османа начали борьбу за Балканы и довольно быстро добились здесь немалых успехов. В знаменитой битве на Косовом поле в 1389 г. османская армия нанесла сокрушительное поражение Сербии, в 1392 г. турки-османы, как они теперь стали именоваться, захватили Болгарию. В итоге на месте скромного бейлика возник Османский султанат. Сами турки составляли в нем заведомое меньшинство. Но это не смущало правителей нового государства. Во-первых, на бывших землях Византии успешно шел процесс исламизации и тюркизации местного населения, а во-вторых, турки не претендовали на чистоту этнического состава подданных султаната. Для них важнее было то, что все население султаната подчинялось султану и считалось турками. А после падения Константинополя в 1453 г. и ликвидации Византии это стало объективной реальностью. На смену Второму Риму пришла Османская империя, которой суждено было сыграть большую роль в истории мира ислама, как тюрок, так и арабов. Об этой империи теперь и пойдет речь. Начнем с краткого описания ее структуры.

СТРУКТУРА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Внутренняя структура государства Османов на первых порах была достаточно слабой. Это было связано как с наследием свойственных кочевым народам примитивных форм родоплеменных объединений-знамен (*санджаков*), так и с присущим всем мусульманским государственным образованиям приоритетом военной организации перед административной. Строго говоря, держава Османов, ставшая в некотором смысле наследником не столько Арабского халифата, сколько распавшегося государственного образования Сельджуков, была примитивным протогосударством. Это и неудивительно. Иной структуры кочевые государства, сколь великими бы они в результате завоеваний ни становились, просто не имели, не могли создать. Разумеется, в результате расширения протогосударства в ходе успешных завоеваний шел процесс неизбежного взаимодействия победителей-кочевников с побежденными оседлыми народами. Единственно возможным итогом такого рода взаимодействия могло быть — и бывало в реальности — оседание кочевников и вслед за этим организация их господства

на вновь захваченных и, как правило, не пригодных для раздольных кочевий землях. Так оно и получилось в случае с Османами.

Оседание османских турок на захваченных ими землях Византии было делом не слишком спешным. Тем более, что оно происходило в процессе завоеваний, т.е. опять-таки в условиях, близких кочевому народу, которым турки все еще в значительной мере оставались. Однако по мере прекращения активной внешней политики и осознания естественной необходимости укрепления своего господства на обширных завоеванных ими территориях ситуация понемногу изменялась. Прежде всего, постепенно преодолевалась естественная в таких условиях административная слабость внутренней структуры возникшего государства. Разумеется, этот процесс укрепления власти был не простым. Ведь требовалось не просто осесть на новых землях, но и организовать свою власть таким образом, чтобы население завоеванных территорий ощущало силу новой власти. Впрочем, это-то было делом не слишком сложным.

Основой силы воинственных османских турок были воины-кавалеристы, *сипахи*, вчерашние кочевники. Поэтому главной задачей новой власти было обеспечить именно их всем необходимым, дабы воины не чувствовали никакого ущемления в своем высоком статусе и всегда были бы готовы отстаивать власть османов. Именно это и стало основой проведенной турками на территории Византии административной и — шире — социальной, политической и экономической — реформы. Суть ее состояла в том, что налоговые поступления, взимавшиеся завоевателями на правах новой власти с подданных, должны были отвечать интересам правящей элиты. Это была та самая норма, которая всегда лежала в основе традиционных для Востока институтов власти-собственности и централизованной редистрибуции. Смысл этой нормы в империи Османов сводился к тому, что каждый турок — каждый воин — получал за службу *тимар*, т.е. условное владение, выражавшееся в праве на налог с определенной территории. Это та же форма оплаты воина, что была апробирована в Арабском халифате в форме икта. Отличие разве что в том, что, если икта формально не передавался по наследству, хотя фактически такое случалось, когда вместо старого воина в ряды армии становился его сын или зять, то тимар был наследственным владением при соблюдении того же условия. Командиры воинов получали на тех же условиях более крупные владения, *зеаметы*. Ни тимариоты, ни заимы своего хозяйства обычно не вели. Но если они этого хотели,

то могли получить в рамках своего владения обычный крестьянский надел-*чифтлик*, не более того.

Крестьяне, которые обрабатывали земли тимариотов и заимов, равно как и все прочие земельные владения государства, обычно принадлежали к числу коренного населения захваченной турками Византии, т.е. в большинстве своем были греками или балканскими славянами. Понятно, что все они, по меньшей мере вначале, оставались христианами. Их именовали общим термином *райя*. Позже, по мере исламизации и тюркизации населения, этим термином начали называть всех земледельцев, независимо от конфессии, национальности, родного языка. Как бы то ни было, но и в примитивной своей ранней форме структура империи с самого начала преобразований была очень четкой. Население делилось на два слоя, на воинов-завоевателей, с одной стороны, и крестьян из числа покоренных земледельцев — с другой. Правда, были еще и города, славившиеся своим развитым ремеслом и богатой торговлей. В них по-прежнему жили персы, кавказцы, славяне, евреи и многие другие народы. Осевших в городах турок тоже было заведомое меньшинство. Но зато именно из их числа комплектовалась администрация, они же обеспечивали охрану порядка.

По мере усложнения администрации империи появились два разряда ранее единого слоя завоевателей, воинов-*аскери* — люди меча и люди пера (чиновники). Вместе с этим постепенно институционализировалась и вся остальная классическая для традиционного Востока структура. Обширные земли империи стали считаться государственными, распоряжался ими от имени султана укрепившийся аппарат администрации. Кроме условных наследственных владений, тимариотов и заимов, возникли также крупные ненаследственные[1] владения сановников и султанской родни, *хассы* и *арпалыки*. Было и немало *вакуфов*, за счет которых существовали служители исламских духовных учреждений и интеллектуалы ислама, возникли по арабскому стандарту и мелкие *мульки*, существовавшие на правах частной собственности

[1] Это стоит специально подчеркнуть, особенно имея в виду проблему феодализма, о которой уже во всех подробностях упоминалось. Если знать не имела наследственных владений, ни о каком феодализме речи быть просто не могло. Представители высшей элиты просто пользовались милостью султана и никогда не должны были этого забывать. Никаких попыток междоусобиц и т.п. османская Турция не знала. Иное дело — политические интриги, заговоры и нечто им подобное. Но это уже совершенно иная проблема.

и по принятым нормам подлежавшие отчуждению. При этом показательно, что собственность владельцев мульков была настолько ненадежной и так зависела на деле от произвола администрации, что многие из такого рода собственников добровольно передавали свои земли вакуфам, оговаривая при этом для себя гарантированный доход.

Существенно еще раз специально заметить, что ни одна из форм земельной собственности в государстве Османов — как то было и в Арабском халифате, да и во всех прочих мусульманских государствах, — не имела ничего общего с институтами феодальной системы. И хотя тимары и зеаметы специалистами подчас считаются ленами, а форма воинских владений именуется военно-ленной, это не дает ровным счетом никаких оснований для того, чтобы видеть здесь хоть какие-нибудь признаки феодализма. Это и неудивительно. Османская империя с самого своего возникновения никогда не была децентрализованной. Она вначале была слабо институционализирована, но это, как упоминалось, довольно быстро было преодолено. А что касается внутренней силы, военного могущества, то здесь все всегда было строго централизовано, так что места для сепаратизма не оставалось. Другое дело — моменты кризиса, возникавшего обычно со смертью очередного султана.

Дело в том, что кочевники-турки не имели в своей традиции строгих принципов в вопросе наследования власти. А так как у каждого из султанов был большой гарем и количество претендовавших на трон сыновей могло исчисляться многими десятками, причем едва ли не за каждым из них стояли сторонники, рассчитывавшие на его победу, то неудивительно, что с освобождением трона при дворе начиналась резня. Она длилась до тех пор, пока не побеждал сильнейший, тогда как остальные погибали или бежали, по крайней мере на некоторое время, пока не улягутся страсти. Несмотря на это слабое место империи, турецкий султан всегда и вполне справедливо считался в соседней с Турцией Европе ярким олицетворением восточного деспотизма. Собственно, именно на примере его державы и ничем не ограниченной личной власти самого султана возникло в европейской мысли представление о характере и форме восточной деспотии как феномена. Ведь перед лицом султана все были его рабами. В условиях такого рода поголовного рабства произвол высшей власти был особенно заметен. Каждого из своих подданных и в первую очередь любого из чем-то не угодивших ему его приближенных или наместников султан мог безо всяких объяснений посадить на кол или предать еще более мучительной казни.

Правительство империи, *диван-и-хумайюн*, назначалось султаном из числа представителей высшего духовенства и крупнейших сановников страны. Оно возглавлялось *великим везиром*, а деятельность его регламентировалась принятым при султане Мехмеде II (1444–1481) сводом законов *Канун-наме*, а также нормами шариата. Организационно аппарат центральной власти состоял из военно-административного, финансового и судебно-религиозного ведомств. Первое из них возглавлялось лично везиром и отвечало за порядок, безопасность и соблюдение законов. На уровне провинций-*эйалетов*, количество которых на протяжении XVI в. увеличилось с 3 до почти трех десятков, за это же отвечали подчиненные везиру губернаторы-*бейлербеи*. Провинции делились на уезды-*санджаки* (их было примерно 250) во главе с *санджакбеями*. Ниже уездов были волости-*нахии*, тоже имевшие своих руководителей. Власть каждого из управителей на любом уровне была достаточно велика, но все они при этом подчинялись вышестоящему начальству. Стоит заметить, что опорой местной власти были воины-сипахи, тимариоты. За их благосостояние местное руководство отвечало прежде всего.

Финансовое ведомство, возглавлявшееся *везиром-дефтердаром*, имело своих представителей в эйалетах и санджаках, а также в крупных городах. Ведомство делилось на ряд палат, отвечавших за казначейство, поступление доходов. Оно ведало казенным имуществом, распределением земли, особенно среди тимариотов. Практически все ресурсы страны подчинялись чиновникам этого ведомства. Система налогов в целом была достаточно разработанной, состояла из обязательных взносов и дополнительных поборов. От налогов были освобождены воины и иные государственные служащие, а также духовенство, как служилое (судьи-кади и др.), так и неслужилое, т.е. улемы.

На долю судебно-религиозного ведомства приходилась функция контроля за образом жизни и поведения населения. Во главе ведомства стоял *шейх-уль-ислам*, который на уровне эйялетов, санджаков, а также в городах и волостях был представлен *кади-аскерами* и кади различных рангов, назначавшимися обычно на год. Все эти чиновники и судьи имели широкие полномочия и ведали не только и не столько судебными делами в строгом смысле этого слова, сколько многими иными. Имеются в виду функции контролеров, следивших за установлением цен, порядком и характером общественных работ, а также нотариусов, фиксировавших документы и сделки. Существенно иметь в виду, что с представителями иных конфес-

сий, объединявшимися в религиозные общины-*миллети* (греческо-православную, армяно-грегорианскую и иудейскую), османские чиновники вели дела через руководителей этих общин, что заметно облегчало задачи администрации.

ЗАВОЕВАНИЯ ОСМАНОВ

Коль скоро государство (*бейлик*, затем эмират и султанат) Османов было результатом вторжения кочевников, туркмен-огузов, в Малую Азию и ряд территорий к югу от нее, то не приходится удивляться его активной внешней политике. Собственно, Сельджуки в этом плане мало отличались от тех же монголов, сумевших примерно в те же годы завоевать огромные территории Евразии и даже создать государство *ильханов* в Иране, откуда пришлось бежать потомкам арабских халифов. К слову, как о том мельком уже упоминалось, именно монголы сделали тот решающий толчок, который, собственно, и побудил Сельджуков двинуться далее на запад и вторгнуться во владения Византии, вплоть до Сирии, Палестины и Египта. Правда, не в меру разросшаяся держава Сельджукидов именно по этой причине и распалась на части — как то, пусть в несколько ином варианте, случилось и после завершения завоеваний монголов. Но дело сейчас не в этом. Главное, на что стоит обратить внимание, связано с внутренней структурой протогосударственных образований типа монгольского (о нем чуть позже) и туркмено-турецкого.

Характеристика этой структуры только что была дана. Но из тех данных, о которых шла речь, с непреклонностью явствует, что основой государства были по-прежнему его боевая мощь, его заботливо обеспечивавшиеся всем необходимым воины из числа бывших кочевников. Практически все это означало, что в основе политического курса империи лежала агрессивная внешняя политика. Об этом никто из султанов никогда не забывал. И, хотя простора для реализации этой политики — во всяком случае, в пределах Европы, включая и Восточную, где хозяином была Золотая Орда татаро-монголов, — было немного, это не останавливало воинственный пыл Османов. Кроме того, нельзя не учесть еще одного очень важного обстоятельства. Возникновение великой империи мусульман притягивало к ней взоры давно уже раздробленного на небольшие части исламского мира, во всяком случае расположенных неподалеку от османской Турции арабских стран. Правители крупнейшей из этих стран, мамлюкского Египта, который сумел, опираясь на авторитет жившего в Каире халифа, захватить Хиджаз

с Меккой и Мединой и восстановить свою власть в Сирии и Палестине, относились к Турции с естественной ревностью.

Они резонно видели в ней удачливого соперника. И если в XV в. Египет был еще достаточно силен для того, чтобы противостоять турецкому султану, то с начала следующего столетия ситуация в этом смысле кардинальным образом изменилась. Успех турок в борьбе с шиитскими движениями на востоке империи и удары, нанесенные ее армией сефевидскому Ирану, о котором речь чуть далее, подняли престиж империи. Это привело к тому, что в годы правления султана Баязида II (1481–1512) турки не просто оказались близ границ Сирии и Египта, но и сумели создать благоприятную для себя политическую ситуацию внутри этих стран. При преемнике Баязида Селиме I (1512–1520) антимамлюкские настроения внутри Египта и Сирии достигли такого накала, что в пятничных молитвах в мечетях при большом стечении народа начали открыто прославлять турецкого султана. Все это было недвусмысленным сигналом для начала решительных действий.

За короткий срок, начиная с 1516 г., турецкие войска практически без серьезных боев захватили восторженно встречавшие их города Сирии, а затем и Египет. Серьезные столкновения произошли лишь при боях за Каир. Присоединение Сирии и Египта позволило турецким войскам при Сулеймане Кануни (Великолепном, 1520–1566) занять зависевшие от Каира аравийские земли с Меккой и Мединой, затем Ирак с Багдадом, Йемен и некоторые другие соседние с ним территории на востоке, а также государства арабского Магриба на западе. Параллельно с этим велись успешные войны на Балканах, завершившиеся взятием Белграда. Затем Сулейман начал борьбу в Европе с Испанией за Алжир и сумел подчинить себе ряд островов Средиземного моря.

Все эти захваты Сулеймана и натиск его войск на Европу побудили европейские страны объединиться и дать отпор туркам. Мир 1533 г. и последовавшие за ним успехи европейских стран существенно ограничили приобретения турок в Европе и в конечном счете положили конец экспансии империи Османов на большей части европейской территории, исключая разве что ее восточные земли, где войны время от времени возобновлялись. Но как бы то ни было, Европа при султане Сулеймане Великолепном столкнулась с самым сильным противником, угрожавшим ей с Востока.Что же касается Османской империи, то все ее территориальные приобретения означали по сути — за немногими исключениями — включение в состав Турции исконно исламского арабского мира. Это привело к некоторой перестройке

по османскому стандарту внутренней структуры увеличившей свои земли империи, обретшей многие новые провинции-эйялеты. Арабские икта были преобразованы в тимары, налоги приведены в соответствие с турецкими. Были усилены преследования за отклонения от исконных норм ислама, в частности за появление на людях женщин без должного одеяния и т.п. Все преобразования завершились ликвидацией халифата как института и перехода от последнего из халифов верховной религиозной власти в руки турецкого султана.

КРИЗИС ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Победы над противниками империи продемонстрировали ее внутреннюю военную мощь и одновременно сильно ослабили ее. Это произошло потому, что активные военные действия на протяжении долгих десятилетий истощают любую страну, даже если она издревле привыкла ставить войны на первое место. Но не это оказалось главным. По мере увеличения количества войн и приобретения больших территорий, населенных — помимо арабов и иных мусульман — разными народами, принадлежавшими к другим конфессиям, при дворе султана стали все чаще появляться привычные в арабо-исламском мире мамлюки (гулямы). Это были выходцы из перебежчиков, пленных или подростков, полученных в качестве дани от чужеземных народов, будь то кавказцы или славяне (налог кровью, девширме). Приняв ислам и пройдя специальное обучение при дворе султана, они становились, как то бывало и при дворе халифов, гвардией правителя, на которую он возлагал особые надежды. В отличие от тимариотов гвардейцы не были связаны кровным родством с местным населением и потому считались надежной опорой власти. Из них — этот слой именовался *капыклу* — выходили надежные сановники и военачальники. Со временем именно они стали составлять наиболее боеспособные воинские части. Но беда в том, что этих частей было недостаточно. А тимариоты, чувствуя себя обделенными вниманием властей, стали особенно остро относиться к ухудшению своего материального положения.

Проблема ухудшения положения тимариотов была тесно связана с более общей проблемой экономического кризиса, который начал остро ощущаться в конце XVI в. Причиной его стало, с одной стороны, дробление тимаров и уменьшение их доходности из-за роста населения. А с другой — что оказалось много более существенным — так называемая революция цен, вызванная наплывом в Европу, в том числе и в османскую Турцию, огромного количества золота и серебра

из Америки. В Турции результаты революции цен оказались по ряду причин наиболее болезненными. В начале XVII в. инфляция достигла невиданных размеров, что очень больно ударило именно по тимариотам, получавшим доход в денежном выражении. Тимар стал нерентабельным, а тимариоты небоеспособными. В стране разразился кризис, больнее всего ударивший по ее основе, военно-ленной системе.

Остро встала проблема проведения необходимых реформ. Сначала власти попытались смягчить кризис за счет увеличения корпуса янычар из числа гулямов (в 1595 г. их было 25 тысяч, а спустя ряд десятилетий уже 50). Однако ставка на привилегированную гвардию дала обратный желаемому эффект. Расходы на армию резко увеличивались, казна оказалась пустой, а гвардейцы-гулямы, т.е. заменившие тимариотов янычары начали бунтовать и свергать неугодных им сановников, военачальников, а то и султанов. В итоге в стране воцарился хаос. Привычная военно-ленная система, на которой веками держалась боевая мощь Турции, рухнула. Нужно было срочно искать ей эффективную замену.

В 1656 г. великий везир Махмед Кёплюлю попытался было восстановить систему тимаров за счет других форм землевладения, включая вакуфы и привилегированные хассы. Частично это привело к успеху, но ненадолго. Турция продолжала слабеть, что резко сказывалось на ее престиже. Все чаще она терпела поражения в войнах и все заметней становился процесс отторжения от нее окраин, в основном состоявших из недавно завоеванных арабских стран, которые тем временем успешно осваивались европейскими колонизаторами. Кризис, о котором идет речь, продолжался достаточно долго. Серия серьезных реформ в последующие века спасла империю от окончательного крушения. Но она перестала быть великой державой, превратившись на рубеже XVIII–XIX вв. в «больного человека Европы».

ИРАН ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА

Как о том уже шла речь, Иран всегда был особой частью Арабского халифата. Здесь сохранился свой язык и, что наиболее важно, основной религией стал шиизм. Правда, иранские шииты обычно не выступали открыто против господствующего суннизма и тем более жившего рядом с иранскими землями багдадского халифа. Но в пору развала халифата они де-факто стали пользоваться своим положением, что сравнительно мало трогало захвативших Багдад

Буидов. как и сменивших их Сельджукидов. Казалось бы, снова наступил подходящий момент для восстановления, наконец, самостоятельности государства гордых персов, быть может, даже с возрождением их еще не вовсе угасшей, но преследуемой исламским большинством национальной религией огнепоклонников. Однако случилось иначе.

Не успев оправиться в новых условиях относительной независимости, Иран подвергся страшному удару со стороны монголов Чингисхана. Огненным вихрем прокатились монголы по Ирану — как, впрочем, и по государству Хорезм-шаха, а затем и по Руси и некоторым другим землям Евразии. В середине XIII в. Хулагу-хан, разгромив западноиранские очаги сопротивления и, в частности, захватив горный замок Аламут с его исмаилитами-*гашашинами* (убийцами-ассасинами), стал полновластным повелителем страны, а в 1358 г. он взял Багдад. После этого от халифата практически ничего не осталось. Халифы нашли убежище в Каире, а Иран был превращен в государство *ильханов*, «владык народа».

Сделав столицей Тебриз, расположенный неподалеку от степной полосы Евразии, зоны привычных кочевий многих скотоводческих народов, ильханы заимствовали внутреннюю структуру захваченного ими государства. Правда, растоптанные монгольскими конями города больше не процветали, торговля надолго пришла в упадок. Показательно, что даже спустя полвека после возникновения государства ильханов его правитель Газан-хан (1295–1304) смог обеспечить ежегодный доход на уровне 21 млн *динаров*, тогда как столетием раньше этот уровень достигал 100 млн. И это при всем том, что монголы щедро облагали новыми поборами местное население.

Впрочем, реформы Газан-хана сыграли определенную роль в изменении ситуации в стране к лучшему. Следуя совету своего великого вазира Рашид-ад-дина, Газан-хан принял ислам и способствовал тому, чтобы все потомки монгольских завоевателей сделали то же самое. Действуя в духе привычных норм ислама, реформатор восстановил систему икта, причем иктадарами становились все воины страны, вне зависимости от их национальной принадлежности. Были приняты меры, ограничивавшие произвол сборщиков налогов, *баскаков*. Стали возрождаться города, поощряться развитие ремесла и промыслов. Этими реформами, однако, была недовольна кочевая знать монголов, которой при ильхане Абу Саиде (1316–1335) удалось расправиться с Рашид-ад-дином.

После этого держава просуществовала недолго. Несмотря на расцвет городского строительства, сооружение многочисленных дворцов, мечетей и мавзолеев, даже заботу о процветании культуры и искусства, государство Хулагуидов с середины XIV в. начало, как и несколько раньше халифат, распадаться на части. Последний из ильханов был убит в 1353 г., а на территории Ирана возникло несколько влиятельных государственных образований, частично существовавших до его краха на окраинах страны, — Джелаиридов (1340–1410), Мозафферидов (1313–1393), Куртов (1245–1389). Существование всех этих государств не было безоблачным. В конце XIV в. все они одновременно пали под мощными ударами войск Тимура (Тамерлана, 1336–1405).

ТИМУР В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИРАНЕ

Средняя Азия представляет собой обширный регион, северная часть которого всегда была населена в основном кочевниками, тогда как в долинах южной части и предгорьях жили земледельцы. Среди народов этого региона в древности преобладали ираноязычные, тогда как примерно с V–VI вв. на смену им пришли тюрки. Что касается кочевников, то именно они в свое время, начав движение по степной полосе в сторону запада (великое переселение народов), появились неподалеку от Рима, что и привело в конечном счете к гибели великой империи и коренным образом изменило ход истории. Южная часть региона с древности находилась под заметным влиянием соседнего с ней сасанидского Ирана, а затем Арабского халифата. Влияние арабов привело к исламизации значительной части местного населения и к появлению новых государственных образований, число которых заметно увеличилось после начала распада Арабского халифата на самостоятельные эмираты.

Заметный процесс тюркизации местного населения, прежде всего кочевников, привел к возникновению ряда племенных протогосударств. Из их числа, как это хорошо известно, наиболее активно проявляли себя огузы-туркмены, сформировавшие государственное образование Сельджукидов, о котором уже было сказано в связи с историей возникновения Османской империи. Что касается эмирата Саманидов, то он просуществовал сравнительно недолго и был заменен государством Караханидов, принявших ислам в X в. Это государство в XI–XII вв. владело большой территорией, включавшей в себя Восточный Туркестан, Семиречье, Фергану и Мавераннахр (Самарканд). Однако просуществовало это государство тоже не очень

долго. А вскоре наиболее заметным государством в этом регионе стал Хорезм со столицей в Ургенче и весьма развитой городской культурой. Неподалеку от Хорезма расцветала Бухара. Нашествие монголов привело к гибели большинства среднеазиатских государств. Были разрушены почти все города. Особенно досталось Хорезму, пытавшемуся сопротивляться. На территории Средней Азии возник Чагатайский улус монгольского хана, который во многом подражал хулагуидскому Ирану. В середине XIV в. этот улус распался на два враждующих ханства, Моголистан и Мавераннахр. С этого момента начинается активная деятельность Тимура.

Уроженец Мавераннахра, Тимур с юности был обуреваем честолюбивыми стремлениями. Он то предводительствовал шайками разбойников, то служил различным местным правителям, пока не сумел добиться серьезной власти. После этого, не брезгуя интригами, убил своего благодетеля и в 1370 г. стал правителем Самарканда. С этого начались завоевательные походы, во многом повторявшие завоевания монголов Чингис-хана, которого Тимур особо чтил. И не только чтил, но и старался подражать, что особенно явственно выразилось в той жестокости, которую Тимур проявлял по отношению к завоеванным им народам. Среди государств, завоеванных и по меньшей мере сильно разграбленных воинством Тимура, следует назвать едва ли не всех его соседей в Средней Азии, Индию, Османскую империю, Золотую Орду, Иран, Афганистан, страны Закавказья и многие другие. Он подвергал, как и монголы, страшному разорению города, которые оказывали сопротивление. В многострадальном Иране был уничтожен город Исфаган, причем 70 тысяч отрубленных голов его жителей были сложены в горы типа минаретов. Сохранилось предание о том, будто бы китайский император, услышав о походах Тимура, написал ему послание, призывавшее посетить Поднебесную и представиться ее повелителю. Страшно разгневанный, Тимур готов был идти на Китай, но не успел — умер в начале пути.

Из всех стран, завоеванных на короткий срок Тимуром, лучшие мастера обычно направлялись в родной Самарканд, который в немалой степени украсился величественными сооружениями именно благодаря их усилиям. Тимур стремился восстановить во всем величии некогда созданную монголами империю и кое в чем в этом преуспел. Но сразу же после его смерти завоеванная его усилиями держава распалась на части. Она была поделена между его наследниками-тимуридами и иными властителями. Не все из них, однако, сумели удержаться у вла-

сти. На территории Западного Ирана и соседних с ним земель Закавказья и Курдистана возникло туркменское государство Кара-Коюнлу (буквально — Чернобаранные), К югу от него — туркменская конфедерация Ак-Коюнлу (Белобаранные).Что же касается тимуридов, то они удержались в основном в Восточном Иране (Хорасанский султанат) и Мавераннахре. Все эти новые государственные образования, сохранившие введенные Тимуром формы крупного земельного владения типа *союргала*, отличавшегося от исламского икта налоговым и даже административным иммунитетом владельца, оказались в силу этого внутренне слабыми. Попытки реформ, в частности в Ак-Коюнлу в годы правления Узун Хасана (1453–1478), которые были направлены на укрепление власти, успеха не имели, но напротив, породили междоусобицы феодального характера. Не сумели противостоять кочевой знати и в Ак-Коюнлу. Все это сыграло свою роковую роль в последующих событиях, которые привели к выходу на политическую авансцену новой династии — Сефевидов.

СЕФЕВИДСКИЙ ИРАН

Кризис Арабского халифата еще в начале II тысячелетия привел к резкому увеличению в исламе роли *суфизма*. Суфизм возник в свое время как некое аскетически-монашеское движение в исламе. Суфиями были вначале преимущественно люди необычные — либо тонкие интеллектуалы, позволявшие себе некоторые отклонения в привычном образе жизни (например, претензии на мистический контакт с Аллахом или открытое воспевание и потребление вина), либо бродячие юродивые-*дервиши*, святость которых нередко измерялась количеством вшей в их волосах. Со временем, однако, и тем более по мере ослабления власти в исламских государствах, как у суннитов, так и у шиитов, стали возникать так называемые суфийские ордена во главе с всевластными шейхами. Эти ордена отличались строгой внутренней дисциплиной послушников-*мюридов* и иерархической структурой. То и другое способствовало их внутренней крепости. Ордена эти, в какой-то мере напоминавшие рыцарские ордена христиан в средневековой Европе, являли собой порой немалую боевую силу. Неудивительно поэтому, что в ряде районов, например, на Кавказе (вспомним Шамиля и его мюридов в России XIX в.), а также в Африке к югу от средиземноморского побережья, т.е. в странах арабского Магриба, они становились ядром возникавшей государственности.

Нет ничего удивительного и в том, что в ситуации вакуума политической власти именно такого рода разнообразные ордена могли стать основой нового государства в Иране. Рубеж XV–XVI вв. оказался для этой страны роковым. Именно в это время большая группа полукочевых туркмен, выходцев из Азербайджана, как раз и появилась в Иране. Речь идет о шиитском суфийском ордене Сефевийя, созданном, по преданию, еще в XIV в. шейхом Сефи-ад-дином. Вначале он был, по некоторым данным, чем-то вроде полуразбойной организации воинственных кочевников. Позже орден обрел более солидную основу. Возглавленный одним из потомков его основателя, 12-летним Исмаилом, орден Сефевийя к тому времени уже не только остепенился, но и превратился в немалую боевую силу. Он имел хорошо вооруженное войско, состоявшее из так называемых *кызылбашей*, т.е. красноголовых (все мюриды и их командиры-эмиры носили чалмы с 12 красными полосами в честь 12 святых шиитских имамов).

Быстро и энергично потеснив соперников, Исмаил, провозглашенный шахом (1502–1524), захватил большую часть Ирана и основал там правящую династию Сефевидов. Первые шаги новой династии были не слишком успешны. В трудной войне с османской Турцией, к тому времени уже неплохо вооруженной огнестрельным оружием, Исмаил потерпел сокрушительное поражение, после чего вскоре умер. Главным итогом его недолгого правления, включая и некоторые популярные реформы, как например снижение налогов и замена наследственных *союргалов* условными владениями типа *тиуля*, была неудавшаяся попытка ослабить своеволие кызылбашских эмиров. При его преемниках это своеволие возросло до того, что эмиры попытались поделить Иран на владения и сферы влияния. Все это продолжалось и в годы правления сына Исмаила шаха Тахмаспа (1524–1576), и его сыновей. Ослаблением Ирана снова воспользовались османские турки, что привело Сефевидский Иран к концу XVI в. в состояние острого кризиса. В этот труднейший для страны момент шахом был провозглашен 17-летний Аббас.

В отличие от своих предшественников шах Аббас (1587–1629) оказался умным, хитрым и властным правителем. Он не только сумел избавиться от досаждавших ему вначале опекунов из числа кызылбашских эмиров, но и энергичными действиями положил конец безвластию и междоусобицам, одержал победу над соседями-узбеками. Он даже пошел на невыгодный мир с турками. Освободив себе руки, шах взялся за реформы, целью которых было укрепление центральной

власти. Реформы были решительны и дали серьезные результаты. Племенное ополчение и кызылбашская конница были замещены двумя 12-тысячными корпусами мушкетеров и артиллеристов, которые вместе с корпусом гвардейцев-гулямов, в основном из кавказцев, составили ядро новой регулярной армии. Воинство кызылбашей было решительными мерами ликвидировано, а само число эмиров сокращено со 114 до 35, причем и эти последние предводители кызылбашской вольницы были усмирены твердой рукой шаха. Кроме того, в стране были заново отрегулированы система налогов и монетное обращение. Тиуль, ставший основной формой земельного владения, был превращен — по образцу икта и тимара — в право взимания строго оговоренной суммы налога с населения тиуля. Фонд шахских земель (хассе) сильно увеличился за счет владений эмиров. Вновь расцвели ремесло и торговля в городах, давно уже не знавших подобного процветания. Мостились новые дороги, строились вдоль них караван-сараи. Торговля шелком стала приносившей огромный доход государственной монополией.

Подверглась реформе и администрация. Был создан *меджлис* из семи министров во главе с великим вазиром, у всех министров были ведомства-диваны с канцеляриями и необходимым штатом сотрудников. Вся территория страны оказалась поделенной на земли шаха и земли дивана (государства). Все эти реформы в целом способствовали не столько даже укреплению, сколько возрождению былой мощи и процветания Ирана. Существенно заметить, что наследием шаха Аббаса после его смерти его преемники жили около столетия, так что лишь в начале XVIII в. страна вступила в очередную полосу затяжного кризиса. Кризис, о котором идет речь, завершился захватом власти полководцем Надиром. Надир-шах (1736–1747) прославился тем, что совершил в 1739 г. победоносный поход в Индию и вывез из сокровищниц Дели неслыханное количество драгоценностей государства Великих Моголов. Однако после смерти Надир-шаха (он стал к концу своего правления крайне подозрительным и невменяемым, вследствие чего был убит своими же приближенными) власть Сефевидов — считая одним из Сефевидов и Надир-шаха, бывшего родом из тюрок и, строго говоря, к династии не принадлежавшего,— пришла к концу.

АФГАНЦЫ И ГОСУДАРСТВО ДУРРАНИ

Территория Афганистана, одного из государств ближневосточного региона, возникшего много позже других, издревле находилась под властью разных государств, будь то ахеменидская Персия, Бактрия,

Кушанское царство, сасанидский Иран или Арабский халифат. Она входила составной частью и в государство Сефевидов. Через горные районы этой части Центральной Азии проходили многие этнические общности. Часть их оседала в горных долинах, смешиваясь с более древними пришельцами. Собственно афганские (в основном пуштунские, хотя и не только) племенные протогосударства начали складываться в начале II тысячелетия, а к XVI–XVII вв. их насчитывалось здесь уже около 400. Афганцы были воинственными племенами, принявшими ислам. Многие из них составляли немалую часть войска известных полководцев, не раз с их помощью завоевывавших Индию.

Структура племенных образований отличалась явно выраженной неразвитостью, полупервобытностью. Основная часть афганцев вела кочевой либо полукочевой образ жизни. Но в долинах все чаще жители переходили к земледелию. Далеко не во всех племенах должности вождей-*ханов* были наследственными (они были таковыми разве что у абдали и гильзаев). Большую роль везде играли советы старейшин, *джирги*. Влиятельным было духовенство, особенно почитались потомки пророка *сейиды*, влияние и престиж которых в какой-то мере восполняли слабости административной структуры. В XVII–XVIII вв. в Афганистане появились города, в которых развивались нехитрые виды ремесла и велась пока еще слабо развитая торговля. Примерно в это же время некоторые ханства, такие как населенное племенем абдали Герат ское, Гильзайское с центром в Кандагаре или Хаттакское в Пешаваре, стали играть заметную политическую роль в составе сефевидского Ирана и на его восточных границах. А в 1738 г. весь Афганистан был включен Надир-шахом в состав Ирана.

С крушением сефевидского Ирана один из полководцев Надир-шаха глава племени абдали Ахмад-хан прибыл в Кандагар, где на состоявшейся в 1747 г. джирге был избран шахом всего Афганистана. Все племена признали этот выбор, а племя абдали, переименованное в *дуррани* (жемчужное), заняло ключевые позиции в новом государстве. За годы правления Ахмад-шаха (1747–1773) государство Дуррани заметно расширило свою территорию, присоединив Кашмир, Синд, Белуджистан, Хорасан, Балх. Как нетрудно увидеть, это расширение по большей части шло за счет Индии, с которой Ахмад-шах вел успешные войны. Престиж Дуррани за это время настолько возрос, что, когда китайский император Цяньлун вторгся в Восточный Туркестан, местное население обратилось именно к Ахмад-шаху с просьбой о помощи. Но, хотя Ахмад-шах и подумал было о том, не вмешаться ли в конфликт,

он разумно пришел к выводу, что ссориться с великой империей не стоит. После смерти Ахмад-шаха государство Дуррани стало слабеть и вскоре распалось на несколько частей. Каждая из новых частей, возникших по старому племенному признаку, сохранила наименования прежних ханств. Прошло еще довольно значительное время, пока новый претендент на объединение страны, эмир Дост-Мухаммед, не приступил к активной деятельности по воссозданию единого Афганистана.

Глава шестая. ИНДИЯ

Переход Индии от древности к эпохе, именуемой в Европе средневековой, был гладким и практически незаметным. Собственно, никаких структурных перемен не было. Пришедшее на смену могущественному, хотя и недолговременному Кушанскому царству государство Гуптов (IV–VI вв.) оказалось столь же недолговременным, хотя и много более слабым. С трудом подчинив своей власти часть северной Индии, Гупты в конечном счете сумели создать в долине Ганга единое государство. Но из немногих сохранившихся надписей этого периода явствует, что господство династии над завоеванными территориями было непрочным, а земли, реально сохранявшиеся под властью ее правителей, постоянно сокращались. Пожалуй, единственным заслуживающим вниманием важным сдвигом, на который обращают внимание специалисты, было постепенное исчезновение при Гуптах тех отсталых полупервобытных структур типа *ган* и *сангх* с ненаследственной властью выборных правителей, обычно из кшатриев. Эти полупервобытные формы власти встречались достаточно часто и прежде. Все они, как следует полагать, со временем прошли через этап трибализации и превратились в племенные протогосударства со, скорее всего, уже раджами, наследственными правителями. В итоге необходимо заметить, что конец периода правления династии совпал с энергичным натиском с севера полукочевого племенного протогосударства гуннов-эфталитов.

Падение государства Гуптов во многом было связано с недостаточной институционализацией его внутренней структуры, что ослабляло власть правителей и делало их уязвимыми для внутренних конфликтов и внешних вторжений. Наместники выходили из-под контроля власти центра. Сельская община по традиции была нейтральной по отношению к власти, что тоже никак эту власть не укрепляло. Правда, все это не мешало нормальному функционированию огромного

организма, которым уже была индуистская Индия. Общины жили своей обычной жизнью, города с их становившимся все более изысканным ремеслом продолжали благополучно существовать, как существовала и даже процветала торговля, включая транзитную. Но все это функционировало как бы само собой, рядом, параллельно с властью и не затрагивая ее. Это не означает, конечно, что структура Индии в основе своей чем-то принципиально отличалась от того, что было стандартом для традиционного Востока. Напротив, существовали и принцип власти-собственности, и централизованная редистрибуция. Но эти институты были в Индии, в частности в государстве Гуптов, да и после него, вплоть до исламского завоевания, несколько более вялыми, нежели во многих иных странах Востока.

Вообще со времен правления династии Гуптов неустойчивость власти как на арийском севере, так и на дравидском юге индийского субконтинента стала вполне очевидной. Все чаще и все более определенно здесь и там появлялись полусамостоятельные сравнительно небольшие — по индийским меркам — государственные образования, ведшие друг с другом борьбу за власть. Государственные образования подобного типа были, как правило, кратковременными и очень легко исчезали с политической карты, как впрочем, и заново на ней появлялись. Пестрая картина калейдоскопической смены их сложна для описания. Поэтому остановимся на ней лишь в самых общих чертах и отметим наиболее характерные закономерности.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ИНДИИ В VI–XII вв.

После Гуптов из тех государств, которые пришли им на смену на севере, наиболее крупным было Гауда с центром на востоке, в Бенгалии. В годы правления Шашанки (первая треть VII в.) Гауда подчинила себе едва ли не всю долину Ганга. Но вскоре после смерти Шашанки пришел конец Гауде, которая была вынуждена уступить свои земли государству Харши (606–646). Харши был умелым политиком. Он имел неплохую армию, щедро жертвовал деньги на строительство знаменитого буддийского монастыря в Наланде. Но после его смерти государство распалось. На юге Индии примерно в это же время существовали государства Чалукья и — южнее — Паллава. Они функционировали в политически более спокойной обстановке и потому имели несколько более долгую историю, хотя, насколько можно судить по имеющимся данным, тоже временами распадались, а затем воссоздавались вновь.

Постепенное проникновение на север Индии с VI в. полукочевого племени гурджаров привело к середине VIII в. к тому, что на территории ряда современных штатов Синд, Раджастан, Гуджарат, Мальва, т.е. на северо-западе Индии, появилась новая этнополитическая общность *раджпутов*. Воинственные раджпуты практически заменили в средневековой Индии некогда преобладавшую в военных действиях древнюю варну кшатриев, потомки которой уже не были в состоянии брать на себя воинскую службу. Умело создав легенду о принадлежности к мифическим Солнечной и Лунной династиям (известным по славным деяниям героического прошлого, которые зафиксированы в эпосе «Махабхарата»), раджпуты стали привилегированным слоем в Индии. Их касты были в числе весьма высоких. Гуджаратское государство Пратихаров (это прежде всего раджпуты) сумело объединить район Доаба, т.е. междуречье Ганга и Джамны. Оно стало вести войны с государством Палов на востоке, с центром в Бихаре и Бенгалии. Но, как и другие государственные образования Индии этого времени, династия Пратихаров просуществовала не очень долго. Это государство было уничтожено на рубеже X–XI вв. в результате вторжения исламских войск Махмуда Газневида.

В общем и целом, к XI–XII вв. как север, так и юг Индии представляли собой большую группу мелких враждующих друг с другом государственных образований. То одни из них выходили вперед, то другие. Никто при этом не чувствовал себя достаточно уверенно и не имел силы, чтобы прочно укрепиться и постепенно одолевать более слабых соседей. Это, как легко понять, значительно облегчило задачу завоевания Индии воинственными предводителями исламских государств. Но прежде чем перейти к рассказу об этом, необходимо сказать несколько слов о состоянии внутренней структуры Индии в тот период политической раздробленности, о котором только что шла речь.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Сразу же важно сказать, что основы этой структуры — институты власти-собственности и централизованной редистрибуции, как и специфическая для истории Индии система каст и сельских общин, сохранялись без перемен. Порой изменялись масштабы государств, на смену одним приходили другие. Но на структуру это не влияло. Правда, сложились некоторые новые нормы существования, имевшие отношение к упомянутой частой политической перестройке. Эти нормы едва ли были связаны с феодализмом как системой; кроме междоусобиц практически

больше никаких ее признаков нельзя обнаружить. Элементы иерархии и вассалитета, быть может, и можно кое-где подчас зафиксировать, но не они определяли социополитическую структуру страны. Она предстает перед нами, если мы бросим взгляд на ситуацию в целом, в виде типичного для слабой государственности сочетания обоих вариантов власти-собственности, как основного для Востока, с централизованной редистрибуцией, так и вторичного, феодального, с децентрализованной редистрибуцией. Конкретно это проявлялось в том, что в каждом из более или менее укрепившихся государств можно было, как правило, обнаружить две различные зоны администрации и соответственно две устоявшиеся формы управления.

Первая из них являла собой автономные княжества типа крупных феодов во главе с раджами, которые в рамках своих владений выступали в функции правителя, субъекта власти-собственности и редистрибутора. Раджи или махараджи имели свой аппарат администрации из родни, приближенных, чиновников и слуг. Взимавшийся с подданных княжеств налог шел на содержание правящих верхов и войска. Грамоты о дарении владений с правом наследственного пользования, а подчас и иммунитета, говорят о глубоком почтении к брахманам и индуистским храмам, кому эти грамоты обычно и жаловались. Что же касается взаимоотношений с государством, в которое княжество входило в качестве составной части, то они обычно, как следует полагать, ограничивались обязательствами вносить положенную дань и в случае войны поставлять своих воинов.

Вторая зона находилась под властью центра и управлялась наместниками из числа доверенных лиц правителя государства. Функционально власть наместника была аналогична положению раджи. Но в отличие от него наместник-губернатор был сменяемым чиновником, а в качестве субъекта власти-собственности и централизованной редистрибуции в этом случае выступал верховный правитель государства. Казалось бы, две очень разные зоны. Но в условиях политической слабости и неустойчивости они оказывались функционально и даже сущностно очень близкими друг к другу. Вчерашнее княжество, усилившись и расширившись за счет слабых соседей, легко превращалось в государство, в котором вновь завоеванные земли соответственно могли стать автономными княжествами, тогда как другие, напротив, оказаться областями государства, управлявшимися наместниками-губернаторами. И наоборот, любое ослабевшее государство легко могло стать автономным княжеством в составе более удачливого.

Легкость и безболезненность подобного рода трансформации в немалой степени была обусловлена слабо развитой бюрократической традицией, а слабость традиции тем, что система каст и общин позволяла правящей верхушке Индии обходиться без сильного аппарата централизованной власти. Но в этой ситуации, которая в иных случаях могла бы привести к хоть сколько-нибудь ощутимой феодальной системе социополитических связей, ничего подобного не происходило. Как о том выше уже специально шла речь, отнюдь не в каждой слабо централизованной государственной структуре возникали условия для феодализации. Напротив, такое бывало довольно редко. В Индии перед исламским завоеванием это случалось, наоборот, даже достаточно часто. Феодальные связи, о которых только что было упомянуто, ограничивались взаимоотношениями правителей государств с раджами входивших в их состав княжеств. Раджи при этом не были всегда вассалами в привычном европейском смысле этого слова. Они и их чиновники в рамках княжеств с завидной легкостью и без ущерба для своего статуса могли оказываться в случае иного расклада сил в системе администрации укрепившегося правителя более крупного государства, в составе которого волей судьбы оказались. Возможно, бывали и исключения. Например, воины-раджпуты с их наследственным статусом могли находиться в своего рода вассальном подчинении по отношению к раджпутским князьям. Но в любом случае признаки феодализма в ситуации длительной политической раздробленности Индии VI–XII вв., даже учитывая практику налогового и по меньшей мере частичного административно-судебного иммунитета, зафиксированного в дарственных грамотах брахманам и храмам, были слабыми и потому не слишком заметными.

ГОСУДАРСТВО, ОБЩИНЫ И КАСТЫ

Для того чтобы более детально разобраться в социальной, политической и экономической структуре Индии этого времени, обратим внимание на то, как складывались взаимоотношения между правящими верхами и основной массой индийцев. Стоит начать с того, чтобы обратить внимание на отсутствие четких форм организации власти и на огромную роль различного рода общинных, клановых, кастовых и близких к ним по характеру связей, которые, переплетаясь, создавали нечто вроде крепкой паутины, которая держала общество на своих прочных нитях. В этой паутине наибольшую роль играли, судя по имеющимся данным, нити, связанные с общинами.

Община мало изменилась по сравнению с тем, как она выглядела в древности. Но в ряде случаев, особенно после появления воинов-раджпутов, претендовавших на статус, равный древним кшатриям, общины оказывались владением таких воинов либо целых воинских кланов. Позже многие из раджпутов и брахманов сами, осев на земле, становились членами общин. Естественно, что в таких случаях внутри общины усилилось расслоение между богатыми и принадлежащими к высоким кастам, с одной стороны, и всеми остальными общинниками, с другой. Едва ли это имело отношение именно к феодальным связям, как о том порой пишут специалисты. Скорее можно говорить о неравенстве кастового статуса, что само по себе является уникальной особенностью Индии и индийской общины[1].

Как бы то ни было, но именно община весьма замкнутого типа и система каст создавали в социополитической системе отношений Индии ту самую очень явственно проявлявшуюся тенденцию к автономии, которая находила свое выражение и в практике существования автономных княжеств, о которых уже шла речь. А эта автономия — чтобы не говорить о тенденции к сепаратизму — в свою очередь подрывала основы государственных образований и делала высшую политическую власть правителя большого государства недостаточно крепкой. Иными словами, вполне очевидная слабость централизованной власти в домусульманской Индии была неизменной именно потому, что у этой власти не было опоры ни на эффективную бюрократию, в которой общинно-кастовая Индия просто не нуждалась, ни на эти самые общины и касты. Опора могла быть на армию, на военную силу, но и с этим дело во всех индийских государствах обстояло неважно. Раджпуты и иные воинские группы при правителях государств и раджах княжеств более заботились о собственных кастово-клановых интересах, нежели о том, чтобы верно служить правителям.

---

[1] Впрочем, как о том хорошо известно, что-то в этом же роде можно обнаружить и в древнекитайских общинах, где безо всяких каст существовало неравенство, а так называемые сильные дома скупали земли односельчан и затем их же бывшие участки сдавали им в аренду. И это тоже не было признаком феодализма. Как и в случае с индийской общиной, здесь мы сталкиваемся с проявлением рыночно-частнособственнических отношений, которые с древности возникли в восточных обществах, но были под жестким контролем государства, функционировавшего в рамках характерной для Востока структуры, и потому не имели реальных шансов стать структурообразующими, т.е. прото- и тем более предбуржуазными.

ДЕЛИЙСКИЙ СУЛТАНАТ (1206–1526)

Ислам стал проникать в Индию рано, уже вскоре после образования Арабского халифата. Вначале это были воинственные набеги с севера и торговые связи морским путем с запада. Результатом первого этапа вторжения ислама был захват Синда. Кроме того, в городах страны на рубеже I–II тыс. появились кварталы мусульманских торговцев. Но ослабление халифата на некоторое время приостановило победоносное шествие мусульман на восток, включая и Индию. Угроза возобновилась после возникновения на восточноиранских землях сильного эмирата Газневи. Газневидский эмир Махмуд в начале XI в. чуть ли не ежегодно совершал успешные набеги на северную Индию и с награбленным богатством возвращался домой. Раджпутское воинство оказалось неспособным защищать границы страны, а крестьяне из общин вообще не считали это, по многовековой традиции, своим делом.

Вторжение сельджуков и распад халифата затронули и газневидский эмират, что на время прекратило воинственные набеги мусульман с севера. Но в конце XII в., когда на смену Газневидам пришли Гуриды, натиск мусульман возобновился. Мухаммед Гури захватил Пенджаб и подошел к Доабу. Его военачальник Кутб ад-дин Айбак, выходец из гулямов, в 1193 г. захватил Дели и в 1206 г. объявил себя султаном индийских владений Гуридов. Так возник Делийский султанат, правители которого (династия гулямов, правившая до 1290 г.), забыв о Гуридах, стали полностью господствовать в долине Ганга, постепенно расширяя свои владения на восток, вплоть до Бенгалии.

Появление мусульман сильно повлияло на характер индийского общества. Оно как бы расслоилось на две части. Правящими верхами в стране стали мусульмане, а основной частью подданных султаната оказались индийцы. Исламские завоеватели создали невиданную прежде в Индии крепкую административную структуру, основой которой были поднаторевшие в этом деле персы-хорасанцы. Все мусульманские воины по арабскому стандарту были наделены условными владениями в форме икта, мусульманское духовенство получило вакуфы. Что касается прежних индийских правителей, то правители крупных государств, как правило, были уничтожены, тогда как в княжествах большинство раджей и их приближенных, дабы сохранить свои земли и богатство, вынуждено было подчиниться завоевателям, превратить своих воинов-раджпутов в иктадаров и служить новым хозяевам. Некоторые из бывших полновластных раджей сочли даже за благо при-

нять ислам, рассчитывая тем самым укрепить свои позиции. В любом случае, однако, раджи выплачивали династии гулямов солидную дань.

Династию гулямов в 1290 г. сменила другая, династия Хилджи. Наиболее известный из числа ее представителей, Ала ад-дин (1296–1316), прославился тем, что сумел дать решительный отпор воинству монголов, которые во главе с Хулагу после нескольких неудачных попыток так и не сумели проникнуть в Индию и, переменив направление движения, захватили Иран. Ала ад-дин совершил после этого ряд успешных походов на юг, присоединив часть южных земель Декана к своему султанату и привезя с собой большую добычу, включая золото и драгоценности, а также боевых слонов. В области внутренней политики он провел реформы, одна из которых свелась к попытке перевести воинов-иктадаров на натуральное довольствие, имея в виду регулярные выдачи из казны. Эта мера, повлекшая за собой ряд невыполнимых с экономической точки зрения решений, как например, регламентацию и снижение рыночных цен с неизбежным повышением вследствие этого зернового налога с общин чуть ли не до половины урожая, привела к стойкому сопротивлению. Вскоре после смерти Ала ад-дина реформа была отменена.

Не слишком долго просуществовавшая династия Хилджи была в 1320 г. сменена династией Туглаков, правившей до 1414 г. Это было временем постепенного ослабления Делийского султаната, не говоря уже о том, что в конце XIV в. вся северная Индия была подвергнута страшному разгрому и разграблению свирепым воинством отличавшегося своей жестокостью Тимура. После этого султаны династий Сайидов и Лоди временами укрепляли свою власть, но в целом султанат находился уже в состоянии острого кризиса. Одна за другой отпадали от него окраинные провинции. В 1526 г. он рухнул под ударами победоносного воинства Бабура, основавшего в Индии империю Великих Моголов. Но о ней чуть позже. Пока важно сказать несколько слов о сложившейся в султанате внутренней структуре и о причинах ее слабости.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В СУЛТАНАТЕ

Сила и жизнеспособность исламских государств всегда и везде зиждилась на слитности религии и политики и на вызванной этим немаловажным обстоятельством крепости централизованной административной структуры. Неважно, был ли это чересчур увеличившийся в размерах халифат или любой из эмиратов и султанатов, возникших

после его распада. Важно то, что в основе каждого государства мусульман были ничем не ограниченная власть его правителя, беспрекословно подчиняющееся ему — если не всегда, то как правило — население и боеспособная, всегда готовая идти на смерть во имя Аллаха армия. Все это подкреплялось институтами власти-собственности и централизованной редистрибуции, которые в мусульманских государствах всегда были очень сильны и восходили к сформулированной еще на заре ислама идее о том, что высшим собственником является Аллах, от имени которого всем распоряжаются его законные представители на земле.

В Делийском султанате, как и во всех исламских государствах, земля считалась собственностью государства, а владение землей имело разные формы — халисэ, вакуфы, икта. Иктадары, или *мукта*, вначале были только условными владельцами, но со временем все чаще добивались права стать наследственными — при условии несения военной службы сыном или зятем состарившегося воина. В тех княжествах, где раджи не приняли ислам, воины владели своими прежними правами на налоги с общин, что в принципе мало отличало их от мукта. Политико-административная система султаната была, естественно, типично исламской. Во главе исполнительной власти, дивана, был великий вазир, во главе министерств — сановники высокого ранга, имевшие штат подчиненных. Провинции возглавлялись губернаторами-*вали*, причем есть сведения, что эти провинции делились на округа-*шикки*. В княжествах с немалой долей автономии попрежнему распоряжались махараджи и раджи со своими приближенными, военачальниками и прочими служащими, обычно индуистами. Впрочем, индуистская специфика ограничивалась традиционным аппаратом администрации. На нижнем уровне, в деревне, власть новых правителей равно затрагивала всех.

Что касается индийской общины, то она, пожалуй, наиболее остро почувствовала жесткую руку ислама. Если прежде налог обычно равнялся примерно шестой части дохода, то теперь он заметно возрос. Индуисты — а из них в основном и состояло население общин — должны были, как все немусульмане, платить повышенный земельный налог, да еще и подушную подать джизию. И хотя предоставлявшиеся перешедшим в ислам льготы стимулировали переход части индийского сельского населения в ислам, эта часть была невелика. Сила традиционных индуистско-кастовых норм и традиций препятствовала исламизации индийской деревни. Несколько иначе обстояло дело в городах, где не только богатая верхушка, получавшая от перехода в ислам ощутимую

выгоду, но и многие низкокастовые слои населения предпочли новую религию. Однако и индийские города, как и деревни, в конечном счете в основе своей остались индийско-индуистскими. Впрочем, это не мешало расцвету в них ремесла и торговли, равно как и богатого строительства, в основном, хотя и не только, в мусульманском стиле.

Вообще уникальность Индии едва ли не более всего оказалась объективно удостоверена и подтверждена тем, как чувствовали себя в ней завоеватели-мусульмане. Нигде, ни в одной другой завоеванной ими стране они не чувствовали себя столь неуютно. И это при всем том, что индийцы не оказывали мусульманам серьезного сопротивления. Они просто — как бы это лучше выразить — игнорировали их. Не демонстративно, не неуважительно, но все же де-факто именно игнорировали. Во всяком случае, в том смысле, что постоянно давали властям понять, что они не *свои*. По отношению к своим раджам, особенно не принявшим ислам, оставались своими, а по отношению к мусульманам, при всей внешне всегда сохранявшейся респектабельности и подчас более чем подчеркнутой исполнительности, давали понять, что не *свои*. Думаю, что представителей власти это не очень трогало, ибо хорошо известно, что мусульмане сентиментальностью никогда не отличались, но нельзя сказать, чтобы они вовсе этого не замечали или что им было это все равно. Как-никак, но они хорошо понимали, что индуистскую глыбу им не удалось сдвинуть с места. И хотя власть их при всем том была намного прочней и крепче, чем то имело место в доисламской Индии, внутренней прочности это не гарантировало. В конечном счете это, похоже, сыграло свою роль в том, сколь легко англичанам удалось заместить ислам не на уровне высшей власти, но именно во всем том, что касалось внутренней структуры общества, где ислам, если говорить о мусульманских странах, оставался всгда исключительно сильным, что мы наблюдаем и сегодня.

ГОСУДАРСТВА ЮЖНОЙ ИНДИИ

Территория юга Индии, начиная с Декана, не слишком благоприятна для обитания. Густые джунгли с трудом отдавали людям землю, и за каждый ее кусок приходилось бороться. Естественно, это отнимало силы и замедляло развитие. Тем не менее, на юге субконтинента на рубеже I–II тысячелетий уже существовали достаточно крупные государства, которые выше мельком упоминались. После захвата Индии мусульманами продвижение ислама и исламских стандартов на юг пошло довольно быстрыми темпами, начиная по меньшей мере с Ала

ад-дина. В годы правления Мухаммеда Туглака (1325–1351) продвижение исламской государственности на юг Индии достигло еще более значительных размеров. Но существенно подчеркнуть, что каждая новая волна движения мусульман с севера рассматривалась теми, кто пришел сюда раньше, почти как агрессия. Если те, кто пришел в Декан первыми, именовали себя деканцами (*деккани*), то пришельцы последующих волн, стремившиеся оттеснить местную уже сложившуюся правящую элиту мусульман, считались почти чужеземцами (*афаки*). При этом методы, которые применялись новыми завоевателями, вызывали сопротивление местного населения.

Государство Бахманидов. В центре Декана, в частности, после ухода Туглака восвояси, вспыхнуло восстание местных эмиров во главе с Бахманом, объявившим себя султаном вновь созданного им мусульманского государства, которое отказалось подчиниться власти правителей Дели. Административный аппарат и основные формы земельных отношений и налогообложения остались в государстве Бахманидов теми же, что были прежде. Но сам Бахман объявил себя шахом и стал вести активную внешнюю политику, сопровождавшуюся завоеваниями и присоединением новых земель. Вскоре он и его преемники расширили свои владения от Аравийского моря до Бенгальского залива. Казалось бы, столь удачная внешняя политика должна была сопровождаться укреплением внутренней власти. Однако именно внутриполитическое положение оказалось весьма напряженным, в основном из-за соперничества деккани и афаки, которое не только не прекращалось, но временами, особенно во второй половине XV в., обострялось, сопровождаясь заговорами и острыми политическими кризисами.

Причиной соперничества была, помимо прочего, исконная вражда между исповедовавшими суннизм выходцами с севера и приглашавшимися в пику им шахами придворными-афаки из числа шиитов из Ирана. Вражда эта ослабляла государство. И хотя, как то известно из описаний тверского купца Афанасия Никитина, добравшегося во второй трети XV в. в своем путешествии до Декана, государство Бахманидов произвело на него самое благоприятное впечатление, оно именно в это время было уже на краю гибели. В конце того же века оно распалось на пять самостоятельных крупных княжеств, сильнейшим из которых был Биджапур. Правители этого княжества в союзе с Гуджаратом, к тому времени выступившим против Делийского султаната, внесли свой немалый вклад в его крушение.

Виджаянагар. В отличие от султаната Бахманидов это государство было индуистским, хотя легенды, окутывающие весьма неясную историю его происхождения и формирования, дают основания предположить, что у истоков виджаянаярской государственности были и представители ислама из Делийского султаната. Как бы то ни было, но в XV в. Виджаянагар управлялся династией индуистов и более того, достиг к концу этого века немалых успехов в деле расширения своей территории за счет окружавших его мусульманских султанатов. Власть махараджей Виджаянагара вначале была не слишком устойчивой. Дворцовые перевороты свергали одних правителей и приводили к власти других. Однако слабость правителей компенсировалась крепостью созданного ими централизованного административного аппарата, при создании которого весьма многое было заимствовано у мусульманских соседей. Первый министр *махапрадхан* был по сути вариантом великого вазира. При нем существовал совет из глав ведомств и представителей подчиненных государству княжеств. Наместники-губернаторы в провинциях регулярно сменялись и были полностью подчинены власти центра. В округах, из которых состояли провинции, чиновники тоже были ответственны перед правителем.

Формы землевладения в Виджаянагаре отличались некоторой спецификой. Главным их отличием от обычных исламских икта были размеры владений — *амарам*. Военачальники-*амаранаяки* не только были обязаны выставлять за счет доходов с амарам отряд экипированных воинов, но и ведали взиманием налогов, часть которых шла в пользу казны. Как и в случае с икта, амарам не считался наследственным владением, но на практике он часто оставался кормлением потомков амаранаяка. Что касается общины, то она многое сохранила от индуистских традиций древности, хотя в ряде случаев становилась меньше по размерам. Доля налогов, выплачивавшихся общинами, как правило, превышала прежнюю шестую часть дохода и порой, видимо, доходила до принятой в исламских султанатах третьей его части.

Виджаянагар был основным политическим соперником султаната Бахманидов, пока тот еще существовал. Позже его противниками стали те султанаты, на которые он распался. Что же касается португальцев, которые на рубеже XV–XVI вв. начали прибывать к южному побережью Индии и вступать в контакт с правителями и торговцами Виджаянагара, то с ними махараджи заключили ряд выгодных соглашений. В частности, они добились монопольного права покупать привозимых из Аравии и Ирана лошадей, что сыграло важную роль

в укреплении армии. Это способствовало процветанию государства, которое, однако, было недолгим. В 1565 г. объединенным силам северных султанатов удалось разгромить армию Виджаянагара, после чего это государство стало быстрыми темпами приходить в упадок. К началу XVII в. оно превратилось в небольшое княжество, которое в конечном счете было поделено между двумя соседними султанатами, Биджапуром и Голкондой.

ИМПЕРИЯ ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ (1526–1707)[1]

В 1526 г. тимурид Бабур, выходец из Моголистана, потомок Чингис-хана по материнской линии, в прошлом правитель Ферганы, затем Кабула, вторгся со своим небольшим войском в северную Индию. Его армия, хорошо вооруженная мушкетами и пушками, сопровождавшаяся конными отрядами кочевников, в двух сражениях разгромила войско последнего из делийских султанов и ополчение раджпутов и затем без заметного сопротивления заняла весьма значительную часть долины Ганга. Так было положено начало империи Великих Моголов, которой вскоре после завоеваний Бабура суждено было подчинить себе весь Индостан и превратиться в наиболее крупное и крепкое государство из тех, что знала история Индии. Сам Бабур, вошедший в историю как просвещенный правитель, автор «Бабур-наме», управлял созданным им государством лишь несколько лет. В 1530 г. ему наследовал его сын Хумаюн, власть которого была ослаблена в ходе борьбы с братьями за трон. Это сыграло свою роль в том, что влиятельный союзник Бабура правитель Бихара и Бенгалии Фарид Шер-хан сумел нанести поражение войску Хумаюна, заставив его бежать в Иран.

Шер-хан, теперь уже Шер-шах, заняв трон Бабура, за недолгие шесть лет своего правления (1540–1545) совершил ряд удачных походов, одержав победы над раджпутанскими княжествами. Кроме того, он немало сделал для укрепления слабой еще власти новых правителей Индии. Он ввел новое административное деление страны. Были проведены магистральные дороги с караван-сараями, начато упоря-

[1] Моголистан (XIV–XV вв.), о котором уже мельком упоминалось, — это восточная часть Средней Азии, где правили представители тюрко-монгольских династий; *могол* — термин, которым монголов именовали в Иране. 1707 г. — дата фактического распада империи. Формально она продолжала существовать при поддержке англичан еще около полутора веков.

дочение аграрных отношений, установлены система налогов (примерно треть дохода), новая монетная система и форма землевладения военачальников-*джагирдаров*. Неожиданная смерть Шер-шаха и начавшаяся борьба его сыновей за трон были умело использованы Хумаюном, который в 1555 г. вернул себе отцовский трон в Дели. Правда, через год после этого он погиб в результате несчастного случая, а наследовал ему его 14-летний сын Акбар.

Правление падишаха Акбара (1556–1605) было поистине золотым веком империи. Многочисленные удачные войны привели к территориальному ее расширению, а политика примирения с воинственными раджпутами способствовала укреплению внутреннего ее положения. Продолжив начатые Шер-шахом реформы, Акбар завершил земельную реформу (был создан кадастр, определена сумма налоговых поступлений со всех 15 провинций), усилил разветвленный аппарат администрации и с наибольшим вниманием отнесся к определению нормативов воинской повинности. Джагирдары (некоторые из них получали высокий титул эмира), чем-то напоминавшие амаранаяков Виджаянагара, были обязаны выставлять хорошо вооруженных и экипированных воинов в количестве, соответствовавшем размеру джагира, от 100 до 5000 человек. В основном джагирдары были мусульманами, но примерно 20% их приходилось на долю индуистов, главным образом раджпутов.

Вообще система джагиров, доставшаяся Акбару в наследство от Шер-шаха, не слишком ему нравилась как, впрочем, и самому Шер-шаху, ибо таила в себе много возможностей для злоупотреблений. Однако попытки обоих правителей заменить эту систему денежными выдачами из казны вызывали острое недовольство и потому не имели успеха. Но Акбар все же предпринял меры, чтобы джагирдары не обладали административной и тем более финансовой властью. Иное дело — княжества, часть которых по существу была близка к статусу крупного джагира. Большинство из них, вынужденных подчиниться власти падишаха, управлялись наследственными раджами , которые порой именовались *заминдарами*. Они выплачивали в казну империи небольшую дань и были обязаны в случае войны поставлять воинов. Но во всем остальном раджи оставались, как то было и прежде, высшими субъектами власти-собственности и централизованной редистрибуции в пределах своих владений, что позволяло им по их усмотрению распределять владения, взимать налоги.

Земельная политика Акбара отличалась тщательностью и разнообразием. В зависимости от многих разных факторов, будь то качество земли, степень удаленности или уровень развития той либо иной окраины империи, налоги были разными. Значительная часть земельных владений принадлежала казне. Некоторую часть их Акбар, придерживавшийся политики веротерпимости, жаловал в виде вакуфов на нужды исламских учреждений и улемов, а также в форме пожалования индуистским храмам и брахманам. Эти земли обладали налоговым иммунитетом.

Сын Акбара Джахангир (1605–1627) и его внук Шах Джахан (1627–1658) в основном продолжали политику Акбара. Они присоединили к империи ряд новых земель, пытались усмирить воинственных *сикхов*, много воевали с султанами Ахмаднагара, ядром войска которых были не менее воинственные маратхи. Словом, империя продолжала успешно бороться за расширение своих границ. Почти вся территория Индостана была под ее властью либо находилась в зависимости от нее. И сын, и внук Акбара отнюдь не были ревностными поборниками ислама и, более того, продолжали политику религиозной терпимости Акбара. Но с течением времени эта толерантность как бы понемногу иссякала. Для того были свои причины, речь о которых впереди. Пока же стоит заметить, что Шах Джахан даже ввел отмененную было Акбаром джизию, подушный налог для немусульман, и начал активно проводить политику исламизации своих подданных. Вместе с тем Шах Джахан был, судя по косвенным данным, человеком с тонкими душевными качествами, склонным к высоким чувствам. Ведь именно он построил близ Агры в честь своей любимой жены знаменитый комплекс Тадж-Махал, величественнейший памятник индийской архитектуры, эту ничем не превзойденную гордость страны, которая обрела мировую известность в наши дни.

Последним из выдающихся правителей империи был сын Шах Джахана кровавый деспот Аурангзеб (1658–1707). Человек не без способностей, но жесткий и злобный по натуре, он в 1658 г., когда Шах Джахан тяжело заболел, заключил его в крепость и одного за другим уничтожил всех своих братьев, возможных претендентов на трон. Но в наибольшей степени жестокие страсти его натуры проявились в его фанатичной религиозной политике. Аурангзеб долго и упорно преследовал не только отказывавшихся принять ислам индусов, но и противостоящих суннитам шиитов, и пытавшихся как-то сблизить индуизм с исламом сикхов. При нем, несмотря на жесткость политической

власти и бескомпромиссность административного произвола — а быть может, как раз из-за этого, — созданная его предшественниками могучая и сильная империя начала распадаться на части. Безуспешно пытаясь справиться с сепаратистскими движениями и сопротивлением религиозных меньшинств с воинственной и становившейся все более неодолимой вольницей маратхов во главе с их национальным героем Шиваджи, Аурангзеб лишь увеличивал количество проблем, с которыми он не был в состоянии справиться. Он вовсе не хотел развала и гибели империи. Но вся его политика вела именно к этому. И хотя к концу жизни кровавый деспот сумел утопить в крови большую часть враждующей с ним Индии, он не добился успеха. Более того, сразу же после его смерти империя вступила в состояние агонии, чем не преминули воспользоваться ожидавшие этого англичане. Но тема английской колонизации Индии выходит за хронологические рамки тома. Обратимся пока к другой, весьма важной для понимания истории Индии в период средневековья.

ИНДУИЗМ И ИСЛАМ. СИКХИ

Кроме исламизации Индии, этот период был отмечен на гигантском субконтиненте также и огромной важности религиозно-культурной трансформацией. На смену высокой философской культуре вед и упанишад, т.е. древнему брахманизму, а затем и противостоявшему ему буддизму пришла новая религия — индуизм. Вообще-то говоря, индуизм для Индии с рубежа новой эры не был чем-то принципиально новым. Он был, если уж на то пошло, неким итогом соперничества между брахманизмом и буддизмом. Можно сказать и иначе: брахманизм гармонично вписался в индуизм, придав ему философско-теологический фундамент, тогда как буддизм, несколько ослабив и видоизменив древний брахманизм, лишь воздействовал на процесс возникновения индуизма и в какой-то мере помог его укреплению в Индии. Сразу же стоит отметить, что эта помощь была в основном, что называется, «от противного». Дело в том, что кастовая Индия не приняла внекастовую религию, какой был буддизм, что и побудило буддистов направить усилия на обращение в свою религию соседних с Индией народов, в чем он со временем и преуспел. Что же касается собственно Индии, то, просуществовав на ее территории около тысячелетия, буддизм практически ушел из нее едва ли не полностью, тогда как на фундаменте древнего брахманизма развитие индуизма все это время продолжалось.

Основы индуизма сводятся к мифопоэтическому восприятию сокровенного и доступного в полной мере лишь ученым брахманам брахманизма древности всем населением субконтинента, многими сотнями миллионов простых индийцев, а точнее, если иметь в виду именно конфессию, индуистов, индусов. Идея кармы, аскезы, мудрость вед и упанишад, да и многое другое — все это в несколько упрощенной форме вошло в народную систему представлений и верований. Естественно также, что в этой системе высокая философия древних мудрецов нашла свое упрощенное и персонализованное воплощение в виде огромного множества как бы заново сконструированных божеств, на передний план среди которых вышли трое самых великих — Брахма, Шива и Вишну.

Первым в этой индуистской троице — *тримурти* — считается Брахма. Его воспринимают как творца всего сущего, который трансформировал ведическое единство Высшей Реальности и Вечности в многообразие всего живого, профанического и преходящего. А поскольку с древности главной целью активных верующих считался как раз обратный путь, от кармического состояния и вечного колеса сансары в Высшую Реальность Абсолютного Небытия (*мокша, нирвана*), то заслуга Брахмы в этом аспекте не слишком-то ценилась. Показательно, что храмов в честь Брахмы в Индии всегда было очень немного. Вместе с тем как первый элемент тримурти Брахма был необходим — без него вообще на земле ничего не было бы. Считается, что силой своего духа Брахма, сидя в первоначальном золотом яйце, разделил его на небо и землю, после чего создал атмосферу, первоэлементы, богов, время, планеты, горы и реки, наконец, людей с их чувствами, животных, растения и т.п. Словом, с одной стороны Брахма в упрощенном индуизме в чем-то напоминал великого Брахмана брахманизма, а с другой он оказался лишь символом вечности. Существуют, например, понятия «день Брахмы» или «ночь Брахмы», даже «год Брахмы» для выражения космического времени, т.е. эры, исчисляемой многими миллионами и миллиардами лет.

Совсем иное дело Шива и Вишну. Шива — это грозная, разрушительная сила. Но одновременно он считается символом мужского животворящего начала. Храмов у Шивы великое множество, причем все они украшены символизирующими его мужскую силу столбовидными изваяниями. Такое изваяние — *лингам* — притягивает к себе всех бездетных женщин (бездетность — очень большое несчастье женщин на всем Востоке и едва ли не явственней всего в Индии), которые, как,

впрочем, и их мужья, рады, если жрецы храма попытаются помочь им в их беде. Шива — гроза демонов, он величествен и прекрасен. А исполняющий ритуальный танец Шива, Шива Натараджа с четырьмя руками — любимое его изображение. Жены Шивы или его духовно-энергетическая сила *шакти*, воплощенная в богинях Дэви, Дурга, Кали, как правило, суровы, но в то же время являются объектами исступленного поклонения. Вокруг первого по значению храма Кали со временем вырос город ее имени — Калькутта.

Вишну, в отличие от Шивы, мягок, эмоционален, миролюбив и склонен к проказам. Он отличается непостоянством и обладает искусством принимать разный облик. Обликов этих, аватар, у Вишну великое множество, но главные из них — воитель и мудрец Кришна, любимый эпический герой индийцев Рама и даже сам Будда. Кришна и Рама — символы глубокой любви, сексуального наслаждения. Особенно это относится к Кришне. Женщины обычно видят в нем и веселого любовника, и шаловливого мальчика-сына. Что же касается Рамы, то он еще и символ преданности в любви, как, впрочем, и его жена Сита, в поисках которой — она была похищена демоном Раваной — Рама совершает великие подвиги. Вообще по своим симпатиям большинство индийцев делятся на шиваитов и вишнуитов, что, впрочем, не означает, что, избрав одного кумира, они игнорируют другого.

Жрецами всех богов индуизма являются все те же древние брахманы, а точнее их потомки из высоких брахманских каст. Авторитет брахмана в Индии всегда был и остается поныне незыблемым. Именно по отношению к нему прикосновение неприкасаемого, т.е. низкокастового или стоящего вне каст, считается тяжким осквернением, за которое можно безнаказанно убить. Многие брахманы являются жрецами, занятыми обслуживанием храмов, куда щедро стекаются обильные жертвоприношения индуистов. В богатых домах есть свои домашние жрецы-брахманы, участвующие за немалую плату в семейных ритуальных праздниках и торжественных событиях. Брахманы есть в общинах, о чем уже шла речь. Там они тоже исполняют необходимые ритуалы, за что обычно щедро вознаграждаются. В глухих деревнях где-нибудь в джунглях функции брахманов иногда исполняют местные жрецы из иных каст, колдуны, которые оперируют *мантрами*, т.е. освященными формулами-заклинаниями, или *янтрами*-диаграммами, обычно с буквой «О» в центре (эта буква — символ священного слова «Ом», имеющего древние индоевропейские корни и явно связанного с христианским «Аминь!»).

Индуизм как религия и образ жизни подавляющего большинства жителей субконтинента богато насыщен условностями, обрядами, порой жесткими нормами бытия. К ним относятся и священные коровы, которых можно — и нужно — доить, но нельзя убивать и вообще трогать, гнать с места на место, практика сжигания мертвых и — что практикуется в богатых высококастовых семьях — жестокая практика *сати*, т.е. сожжения жены вместе с умершим мужем. Вообще же главным символом и содержанием индуизма как религии всегда была и остается возникавшая одновременно с ним система каст, сменившая древние варны. Каста — это все в жизни человека. Она диктует нормы его поведения с рождения до смерти. Изменить касту нельзя, причем жить человек обязан, сообразуясь с положением его касты среди всех остальных. В своей касте он берет жену. Знаки касты он — и тем более она — носят на себе всю свою жизнь.

Вообще говоря, именно каста, точнее она в первую очередь и главным образом является той скрепой, которая прочно держала и держит по сей день всех индийцев в рамках того статуса и тех обязанностей, которые навечно данной касте предписаны. И это обстоятельство сыграло решающую роль в консервативном поведении и пассивном сопротивлении, которые оказал индуизм, особенно в пределах индийских сельских общин, навязанному стране силой исламу. Индуизм и ислам на индийском субконтиненте, как о том шла речь, оказались несовместимы. Правда, часть индуистов под влиянием определенных причин все же отказалась от своей религии и приняла ислам. Но показательно, что для своих сограждан-индусов новые мусульмане, как правило, продолжали оставаться представителями каст, к которым они принадлежали прежде. Предпринимались и различные попытки сблизить индуизм и ислам. Однако большинство этих попыток, которые горячо поддерживались и некоторыми правителями страны, в частности падишахом Акбаром, не привели к успеху. Исключением на этом фоне жесткого противостояния индуизма и ислама, которое усугублялось социально-политическим неравенством между мусульманскими верхами и индуистской массой, были *сикхи*.

О сикхах следует сказать особо. На рубеже XV–XVI вв. с проповедью основ нового учения, ставившего своей целью сблизить мусульман и индуистов в поклонении единому высшему божеству, выступил основатель учения сикхов гуру Нанак. Бог в его учении — это добро и любовь. Перед ним все равны. Нет нужды в кастовых различиях, не нужен аскетизм. Сикхи (ученики), т.е. последователи Нанака, долж-

ны были следовать этим основным заповедям. Символом освобождения от оков касты стали совместные трапезы в созданных Нанаком сикхских храмах (еда вместе с представителями других каст кастовыми обычаями строго воспрещалась). В этих же храмах-*гурдварах*, сикхи, включая и женщин, собирались по праздникам. Население Пенджаба, где начал свою деятельность Нанак, было в значительной степени исламизовано. Это помогло сикхам на первых порах. Они стремились, с одной стороны, сблизить мусульман с индуистами, а с другой — противопоставить тем и другим свои особые правила жизни. Сикхи давали обет не стричься, не курить, почитать священную книгу «Гуру Грантх», где излагались основы нового учения.

Постепенно община сикхов разрасталась и обретала немалое влияние, в том числе и политическое. Недовольный этим ревнитель ислама Аурангзеб в конце XVII в. приказал публично распилить девятого гуру на части. Последовал мощный взрыв возмущенных сикхов. Десятый гуру Говинд, преобразовав общину своих последователей в мощную военизированную организацию, поднял восстание. Боевая дружина сикхов — *хальса* — в условиях агонизирующей империи стала серьезной силой. Сикхи, вступавшие в нее, прибавляли к своему имени приставку сингх («лев» — это слово и поныне входит в имя каждого из них, что наряду со специфическим тюрбаном легко позволяет отличить сикха от любого другого индийца, хотя такое слово встречается и в именах других индийцев), а обряд их посвящения включал в себя правило пяти «к»: не стричься и носить бороду (кеш), носить короткие удобные для сражений брюки (качх), в волосах — гребень (кангха), иметь короткий меч-кинжал (кирпан) и боевой стальной браслет (канкан). Хальса быстро разрасталась численно. В середине XVIII в. она насчитывала 11 боевых корпусов-*мисалов*, каждый на своей территории и во главе со своим предводителем. Эти мисалы вскоре превратились во влиятельные сикхские княжества. Они, в частности, принимали участие в борьбе с нашествиями афганцев во главе с правителем государства Дуррани Ахмад-шахом. А в конце XVIII в. в Пенджабе было создано государство сикхов со столицей в Лахоре. Просуществовало оно вплоть до ликвидации его англичанами в 1849 г. Но и после этого движение сикхов, хотя оно порой и переживало тяжелые времена, не исчезло. Напротив, сикхи сохранили свое влияние как заметное конфессиональное меньшинство и в наши дни.

Сикхи были наиболее яркой и самобытной попыткой сблизить индуизм и ислам. Из этой попытки ничего путного, если не считать

возникновение самой конфессиональной общности сикхов, заметно обогатившей палитру индийской социальной реальности, не получилось. Правда, были и другие попытки. В частности, временами выдвигалось на передний план понятие *бхакти*, обозначавшее некую возвышенную любовь к божеству, неважно какому, не называемому по имени. Но это не давало должного эффекта. Индуизм и ислам в Индии как были, так и остались несовместимыми. Не случайно англичане в XX в. вынуждены были расколоть страну на две именно по конфессиональному признаку.

Глава седьмая. КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Строго говоря, Китай является, пожалуй, единственным из государств Востока, где период древней истории достаточно четко и по вполне серьезным критериям может быть противопоставлен, как то было в Западной Европе, периоду средневековья. Грань, которая имеется в виду, — создание империи. Вся доимперская история, т.е. эпохи Шан и Чжоу, в этом смысле относится к древности, когда закладывались основы будущей империи. С 221 г. до н.э. начинается период существования империи, дожившей до начала XX в. Но в интересах не столько даже удобства изложения, сколько последовательности описания тех процессов, которые сыграли важнейшую роль в создании основ империи (имеются в виду, в частности, идеологические процессы), эта четкая картина мной несколько смазана. В первом томе, «Древний Восток и античность», изложение событий древнекитайской истории было доведено до середины первой династии Хань, т.е. до времен правления наиболее известного императора этой династии У-ди (140–87 гг. до н.э.). Именно в это время серия реформ во многих сферах жизни страны и прежде всего реформы Дун Чжун-шу, направленные на синтезирование древнекитайских идей, создали фундамент империи, сохранявшийся в своих основных параметрах два с лишним тысячелетия. Естественно, что по этой немаловажной причине в настоящей главе изложение ведется не с момента создания империи, а с периода после правления ханьского У-ди.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ДИНАСТИИ ХАНЬ

После смерти У-ди империя оказалась в состоянии стагнации, а затем и затяжного кризиса. Причины кризиса заключались в основном в ослаблении аппарата власти. Слабые и не отличавшиеся способно-

стями преемники великого императора оказались в руках временщиков из числа родни дам гаремов и способствовавших им в контактах с гаремами евнухов, которые в естественном стремлении урвать поскорее и побольше вели к развалу еще не устоявшуюся администрацию империи. Это, естественно, ослабляло центральную власть, игравшую столь важную роль в период первой императорской династии Цинь. К сказанному существенно добавить, что первый ханьский император Лю Бан, оказавшись наследником империи, в которой централизованная власть была разрушена едва ли не полностью, вынужден был создать немало уделов феодального типа. Сепаратизм их владельцев сильно затруднял управление страной. Однако У-ди, приказав делить уделы по числу наследников умерших властителей (а у каждого из них был гарем и десятки сыновей и дочерей, которые тоже имели право на свою долю), сумел столь решительным образом освободить страну от большого числа полуавтономных наследственных уделов феодального типа. После этого им был решен главный для бюрократической структуры вопрос о комплектовании аппарата чиновников, которые обычно назначались по протекции. Казалось бы, положение в империи было выправлено. Однако была еще одна причина, способствовавшая развитию кризиса при его преемниках. Речь о ситуации на местах, в том числе в крестьянской деревне.

С развитием рыночно-частнособственнических отношений, пусть даже в их оскопленной государством форме, в общинной деревне появились богатые и бедные. В условиях ослабления власти *сильные дома*, как их обычно именовали, обычно становились центрами притяжения для окрестного населения. Это вело к концентрации в их руках земли многих односельчан, которые часто превращались в арендаторов. Налоги по традиции взимались с тех, кто владел землей, т.е. с сильных домов. Но парадокс был в том, что как раз представители этих домов обычно составляли основной костяк местной администрации. Итог очевиден: поступление налогов в казну уменьшалось, государство оказывалось в состоянии все обострявшегося финансового кризиса, что сопровождалось недовольством правящей элиты, жившей именно за счет централизованной редистрибуции налоговых поступлений.

Ситуация вела к тому, что реальная власть понемногу перемещалась в сторону сильных домов, представители которых находились под сильным влиянием конфуцианства и были недовольны произволом находившихся у власти временщиков. Создавалась серьезная

почва для раскола в среде власть имущих, причем линия раскола шла горизонтально, отделяя низшую и наиболее многочисленную прослойку образованных выходцев из сильных домов, формировавших в стране с позиции *чистой критики* так называемое *общее мнение*, (это официальные термины источников), от высшей немногочисленной группы коррумпированной правящей элиты. Такого рода ситуация неизбежно вела к дальнейшему ослаблению империи и к острой необходимости радикальных реформ.

Инициатором реформ стал родственник одной из императриц Ван Ман, который сумел в 8 г. н.э. низложить малолетнего правителя Китая и объявить себя императором новой династии. Сразу же после этого Ван Ман начал реформы, сводившиеся прежде всего — как то постоянно бывало в Китае после кризисов (вспомним основателя династии Хань Лю Бана) — к вопросу о земле. Используя в качестве идейной основы конфуцианскую утопию Мэн-цзы о системе *цзин-тянь*, Ван Ман приказал отобрать излишки земли у сильных домов и вернуть ее крестьянам из расчета 100 му на взрослого мужчину. В стране также были введены государственные монополии на вино, соль, железо, пущена в оборот новая монета. Противодействовавшие реформам были объявлены преступниками, государственными рабами.

Реформы шли в стране на протяжении нескольких лет и преследовали главной целью ослабить влияние сильных домов на местах и упорядочить централизованную власть. Неизвестно, чем все могло закончиться, если бы не страшная катастрофа — прорыв своенравной Хуанхэ укреплявших ее берега дамб и изменение ее русла в 11 г. н.э. Все такого рода катаклизмы считались в Китае, особенно в рамках синтезированной Дун Чжун-шу имперской идеологической доктрины, наказанием Неба за недостойное поведение людей и прежде всего ответственного за поведение людей их правителя.

Это было крахом для Ван Мана и в глазах всего населения Поднебесной означало одно: Небо не одобряет его реформы. Император вынужден был публично покаяться в храме Неба, после чего реформы были свернуты, страна вновь вступила в состояние жестокого кризиса, сопровождавшегося хаосом и неразберихой и приведшего к мощному крестьянскому восстанию. В огне восстания погибли Ван Ман и многие другие из правящей элиты, а к власти пришел один из представителей рухнувшего было дома Хань, Лю Сю. Начался период так называемой второй династии Хань (25–220).

ВТОРАЯ ДИНАСТИЯ ХАНЬ, ТРОЕЦАРСТВИЕ И ДИНАСТИЯ ЦЗИНЬ

Приняв новое имя Гуан У-ди, Лю Сю последовал примеру своего отдаленного предка Лю Бана и реформатора Ван Мана. Он позаботился о том, чтобы все уцелевшие после мятежей и войн крестьяне получили земельные наделы, временно сократил налоги до 1/30 урожая и создал условия для быстрого восстановления экономики, порядка и создания эффективной администрации. Успех деятельности первых императоров этой династии был несомненен: за полвека-век страна преобразилась, экономика наладилась, закрома земледельцев и казна были полны, а влияние сильных домов резко уменьшилось. Но все это продолжалось не слишком долго.

Здесь уместно сказать несколько слов о закономерностях китайского имперского династийного цикла. Хотя и не строго по стандарту, но в общем и целом он едва ли не на протяжении полутора-двух тысячелетий сводился примерно к следующему. Как правило, последующая династия сменяла предыдущую после тяжелого кризиса. Механизм процесса в предельно упрощенном виде сводился к тому, что пережившая кризис крестьянская деревня, вступившая после смены династии в полосу процветания, примерно через век после этого снова начинала расслаиваться на обедневших, а то и вовсе лишившихся надела арендаторов и разбогатевшие сильные дома. Сильные дома никогда не платили налогов полностью, а с бедняка, несмотря на порой вводившиеся жесткие формы круговой поруки[1], взять было нечего. Это влекло за собой не только усиление богатства и влияния сильных домов, но и оскудение казны, что в свою очередь вело к кризису в экономике, к росту напряженности в социальных отношениях (появление разбойничьих шаек из неимущих и т.п.). За этим следовали сложные политические процессы, сводившиеся к ослаблению власти центра, к упадку и гибели династии под ударами восстаний или вражеских нашествий.

Строго говоря, нечто похожее на такие циклы часто случалось в разных государствах. Но, если в других странах кризисы нередко вели

[1] Имеется в виду так называемая система *баоцзя*, в пределах которой разбитые на пятерки (реже на десятки) крестьянские хозяйства были обязаны отвечать друг за друга. Эта ответственность была весьма широкой и сводилась как к выплате всеми другими налога за неплательщика, так и к заботе о пристойном поведении каждого в данной группе семей.

к гибели не только правящей династии, но и государства, а то и страны, то в Китае было иначе. Чем бы ни кончился кризис, сила внутренней конфуцианской в своей основе традиции перемалывала все чуждое и излишнее. Вторгавшиеся в страну иноземцы китаизировались, а традиционная китайская структура восстанавливалась в своей классической форме. Иногда кризисная ситуация предотвращалась умело проведенными удачными реформами. В этом случае существование династии продлевалось, она переживала два цикла. Но в конечном счете она погибала в конце очередного цикла и замещалась другой.

Но вернемся ко второй династии Хань. После периода процветания она стала ослабевать в условиях разраставшегося беззакония и произвола представителей правящей элиты и не получавших жалованья чиновников. Это вызывало протесты со стороны как конфуцианцев, прежде всего выходцев из сильных домов, которые по традиции ревностно блюли заповеди Учителя и противопоставляли его моральные максимы распущенности правящей элиты, так и со стороны сектантов из числа сторонников нового, религиозного даосизма. Последователи прежнего даосизма к этому времени создали на его основе религию, вобравшую в себя не столько изощренную мудрость философии учения о Дао, сколько разного рода древние верования и представления простого народа, которые высокомерно игнорировались конфуцианцами. Различного рода шаманы и знахари, идеологи смутных крестьянских идей о всеобщем равенстве (*тай-пин*), искатели талисманов и эликсиров бессмертия и многие другие объединились в секту *Тайпиндао*, глава которой Чжан Цзюэ в годы поразившей страну эпидемии сумел вылечить многих. Число поверивших в его чудодейственную силу привело к тому, что на рубеже 70–80-х гг. II в. секта оказалась едва ли не главной политической силой в стране, охваченной страхом и неуверенностью. Люди ожидали чуда, а Чжан Цзюэ проповедовал, что конец эры «синего» неба, который наступит в 184 г. (это было окончание очередного 60-летнего цикла, игравшего в Китае роль века), означает наступление новой эры «желтого» неба, эры едва ли не высшего блаженства, во всяком случае царства равенства и справедливости.

Сектанты в знак своей преданности украшали голову желтыми повязками, а перепуганные власти, не дожидаясь наступления новой эры, казнили Чжан Цзюэ, что послужило сигналом для всенародного восстания. Лишенные руководства повстанцы не сумели долго сопротивляться. Но подавление восстания военачальниками, в основном конфуциански настроенными выходцами из сильных домов, в первую очередь

знаменитым генералом Цао Цао, означало по сути конец династии Хань. С Цао Цао, основавшим царство Вэй и положившим тем самым начало эпохи Троецарствия (параллельно с этим северным царством было южнее Хуанхэ создано два других, Шу и У), связано начало нового периода в истории китайской империи. Этот период, отмеченный непрестанными войнами и иноземными нашествиями, длился достаточно долго. Начало его падает на Троецарствие (220–280) и династию Цзинь. Но прежде несколько слов о сущности нового периода.

Со времен древней династии Чжоу войны в Китае были чуть ли не нормой жизни. Но внутренние гражданские войны после образования империи стали сравнительной редкостью и принимали ожесточенный характер лишь в годы острых династийных кризисов, о чем уже шла речь. Более того, военная функция в империи, где основой государственной идеологии стало реформированное конфуцианство, утратила былую популярность. Феодальные войны дафу и рассуждения теоретиков о военном искусстве ушли в прошлое и стали достоянием истории. Люди видели в войнах лишь необходимое время от времени зло, которое нужно пережить. В этом смысле период существования обеих династий Хань — а это свыше 400 лет — сыграл свою весьма позитивную роль. Но вот пришел период Троецарствия, когда гражданские войны вновь вышли на передний план и, более того, возродили характерный для далекого прошлого феномен рыцарского романтизма. Весь период Троецарствия прославился воспеванием героических подвигов в ходе ожесточенного соперничества между царствами (достаточно напомнить о славных именах Чжугэ Ляна и особенно Гуань Юя, который позже стал почитаться в качестве божества войны Гуань-ди). Но дело этим отнюдь не ограничилось.

После того, как период Троецарствия завершился победой северного Вэй, а объединитель всех трех царств Сыма Янь основал династию Цзинь, начались новые далеко идущие осложнения. Раздав по примеру первых чжоуских ванов и ханьского Лю Бана часть страны в наследственные уделы своим родственникам, Сыма Янь тем самым сильно ослабил только что созданное им централизованное государство. Он также не сумел обуздать своеволие сильных домов, у которых в годы войн появилось немало вооруженных людей, так называемой домашней стражи, *буцюй*, из числа местных клиентов и приблудных гостей, *биньке, дянькэ, инкэ*. Все эти немаловажные обстоятельства побудили Сыма Яня прибегнуть к очередной решительной реформе, сводившейся прежде всего, как то было в годы правления Ван Мана или Гуан У-ди,

к урегулированию земельных отношений. Здесь следует заметить, что в империи к этому времени уже сложилось прочное представление, что вся земля является собственностью государства, даже более того, народа (*минь-тянь*) и должна распределяться между теми, кто ее обрабатывает. Что же касается удельных владений знати либо условных служебных владений чиновников, *гуань-тянь*, то это лишь право жить на налоги с обрабатывающих свою землю земледельцев.

Руководствуясь этим и, видимо, осознав ошибочность первоначального решения раздать крупные владения слабо контролировавшимся властью родственникам, Сыма Янь в 280 г. приступил к новой реформе. Речь идет о так называемой надельной системе. Согласно имеющимся данным об этой реформе, в рамках деревенской общины мужчина получал 70 му, а женщина — 30 (всего 100 му на семью), за что каждая семья была обязана обработать для государства еще 70 му (50 — мужчина, 20 — женщина). Налог оказался довольно большим[1]. Но нет уверенности в том, что реформа Сыма Яня была реально осуществлена, ибо уже в начале IV в. Китай подвергся нападению варварских племен севера. На смену династии Цзинь двинулись с севера племена кочевников, которые заселили северную часть страны. Речь идет о периоде так называемых северных и южных династий, Нань-бэй чао.

КИТАЙ В ПЕРИОД НАНЬ-БЭЙ-ЧАО (IV–VI вв.)

Все началось с того, что еще в эпоху Хань часть кочевавших в застенной степи сюнну, испытывавших, повидимому, острый голод в связи с сильной бескормицей для скота, получила разрешение поселиться к югу от стены, т.е. на китайских землях. Правда, эти земли были не очень-то пригодны для успешного земледелия и потому никем в те времена не были заняты. Но в начале IV в. началось дальнейшее энергичное движение внутристенных сюнну, а за ними и многих иных кочевых племен на юг. Трудно с точностью сказать, каковы были истинные причины этого мощного натиска. Похоже на то, что главной из них был *джут*. Джут — это тяжелое испытание для живущих за счет своего скота кочевников. Зимой, когда скот с трудом выбивает из-под невысокого слоя мерзлого снега залежавшуюся вялую траву и питается

[1] Следует заметить, что источники весьма путанно излагают суть реформы, так что специалисты понимают и трактуют ее по-разному. В любом случае, однако, суть остается неизменной: за каждым хозяйством закреплялся надел, часть которого обрабатывалась, чтобы взимать налог в пользу властей.

ею, вдруг начинается потепление. Снег превращается в воду, которая через несколько дней снова замерзает, образуя жесткую корку льда. Пробить эту корку ослабленные животные, как правило, уже не в состоянии. Начинается массовый падеж скота, что сулит людям неизбежную гибель от голода. Именно в это время и начинается движение кочевников в новые места, в те зоны, где джута не было.

Само по себе такого рода перемещение естественно для кочевых племен, так что обычный джут, повторяющийся раз в несколько лет, они переживают без невосполнимых потерь. Вполне вероятно, что и разрешение ханьских властей части сюнну поселиться южнее стены и за то служить империи в качестве своего рода заслона от вторжений со стороны других кочевников тоже было вызвано в свое время необходимостью бежать от джута. Однако то, что случилось в начале IV в., одним джутом не объяснить. Быть может, речь должна идти об очень большой территории, охваченной природными аномалиями. Или о повторении таких аномалий несколько лет подряд. Как бы то ни было, но именно в начале IV в. кочевые племена застенного севера одно за другим стали сниматься с места, бросать свои привычные кочевья и направляться на юг, в Китай, где в это время шел достаточно сложный процесс утверждения новой династии Цзинь и проведения масштабной реформы.

В этом месте стоит еще раз приостановиться и напомнить, что в частых столкновениях кочевников с оседлыми земледельцами преимущество практически всегда за теми, кто сидит на коне. Так было на Руси и во многих других местах в годы монгольского нашествия. Примерно так же обстояло дело в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов, которое, вполне возможно, было спровоцировано все теми же упомянутыми аномалиями в степях к северу от Великой стены. Это же самое случилось и с империей Цзинь. Нашествие кочевников застало ее, как и находившуюся в состоянии упадка Западную Римскую империю или враждующие друг с другом княжества Руси, если и не врасплох, то во всяком случае не готовой к энергичному и результативному сопротивлению. Кочевники разных племенных групп — сюнну, сяньбийцы, цяны, ди, цзе — одна за другой мощными волнами накатывались на слабую империю и без стеснения расправлялись с ее населением, начиная с разорявшихся ими столичных и иных городов и кончая многими сотнями обычных деревень, где посевы пускались под выпас скота. Не приходится говорить, что все это сопровождалось варварскими жестокостями по отношению к мирным земледельцам.

В 311 г. первой из этих волн, сюнну, была захлестнута столица династии Лоян, в 316 г. — другая столица Чанань. После этого остатки правящей элиты и многие сильные дома, ища спасение в бегстве, в страхе начали перемещаться на юг. Укрепившись на юге — точнее, на юго-востоке страны, — династия изменила свое название на Восточную Цзинь, просуществовав еще около века (317–420). А на севере ее место занимали одна за другой возникавшие и сменявшие друг друга либо параллельно существовавшие варварские династии кочевников. «Шестнадцать царств пяти северных племен» — так это именуется в китайских летописях. В разорванном на части Китае возникли две очень различные, во всяком случае первоначально, зоны — варварский север и, в основном южнее Янцзы, китайский юг. Этим и отличается от многих других эпоха северных и южных династий. Она заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее. Начнем с севера.

Для возникших на севере новых варварских царств были характерны две основные тенденции эволюции. Первая и вначале наиболее заметная из них заключалась в варваризации Китая. Этот процесс особенно болезненно отразился на привычном для местного населения конфуцианском в своей основе образе жизни. Разгул жестокости, ничем не оправданного произвола по отношению к китайскому населению, мигом превратившемуся не просто в людей второго сорта, но часто в невольников, в беззащитных жертв произвола, и варваризация означали крушение принятых норм существования. Все, кто мог, бежали на юг. По некоторым данным, за годы Нань-бэй чао всего переместилось на юг около миллиона человек — огромная цифра для той эпохи. Оставшиеся вынуждены были как-то приспосабливаться. Немалое их число было уничтожено новыми хозяевами страны. Невиданного уровня достигло порабощение местного китайского населения. В упадок пришли сельское хозяйство, ремесло и торговля в городах, ирригационные сооружения. Только через несколько десятилетий после окончания нашествий и войн китайское население стало понемногу возвращаться к своим домам и обычным занятиям. К этому времени, нельзя не заметить, существенно изменилась ситуация на севере Китая.

Новые хозяева, осев на захваченной ими территории, начали понемногу приспосабливаться к новым условиям жизни. Прежде всего, они стали принимать китайские обозначения для создававшихся ими новых царств и династий (Чжао, Янь, Лян, Цинь и др.). Это и естественно. У безграмотных кочевников не было иного выхода. Более того, для управления своими царствами они призывали почему-либо остав-

шихся на севере китайских чиновников. Поколение за поколением потомки правителей того либо иного созданного варварскими племенами царства устраивали для себя по китайскому стандарту гарем из китаянок, которые по уровню культуры разительно отличались от привычного для кочевых властителей стандарта. Достаточно заметить, что они регулярно мылись и умели приводить себя в порядок, чем никогда не отличались в силу совершенно иного образа жизни женщины кочевых племен. Естественным результатом этого был процесс быстрой ассимиляции. Сыновья китаянок гарема, садившиеся на трон, оказывались уже не только по крови и языку, но и, что намного важнее, по культурной традиции все ближе к китайцам и все дальше от кочевников.

Собственно, со всего этого и начиналась, постепенно обретая все большую силу, вторая и становившаяся со временем ведущей тенденция эволюции варварских царств северного Китая. Суть ее, как то легко понять, сводилась к достаточно быстрой китаизации варваров. Само по себе такое развитие естественно. Кочевники с легкостью побеждают земледельцев, но, как только им приходится, образно выражаясь, слезать с коня, они перестают быть кочевниками (это древняя китайская поговорка) и оказываются учениками завоеванных ими культурных земледельческих народов. В нашем случае уже к концу IV в. и тем более в V в. перемена стала более чем заметной. Следует добавить к этому, что на севере Китая был преодолен не слишком длительный период первоначальной политической раздробленности. К власти пришел глава одного из сяньбийских племен Тоба Гуй, основавший династию Северная Вэй (386–534). Ликвидировав соперников и усмирив недовольных, правители этой династии стали поощрять земледелие и с этой целью вновь прибегли, как то сделал в свое время цзиньский Сыма Янь, к надельной системе.

Согласно указу от 485 г. каждый земледелец получал от государства закреплявшийся за ним земельный надел, 40 му на мужчину, 20 на женщину. Этот семейный надел увеличивался, если в хозяйстве был вол или раб (стоит заметить, что количество скота в северном варваризованном Китае заметно возросло, а практика порабощения людей, как о том только что упоминалось, была весьма распространена). Кроме того, каждая семья получала 20–30 му садово-огородной земли, т.е. приусадебный участок, не подлежавший переделу. Чиновники, в основном из переживших тяжелые времена потомков местных китайцев, получали служебные наделы гуань-тянь, на которых работали те же земледельцы, платившие налог не в казну, а владельцу слу-

жебного надела. И хотя реформа предполагала ослабление сильных домов, они продолжали существовать.

Очень интересно обратить внимание на то, что параллельно с земельной реформой Тоба Хун, который осуществлял ее, приказал перестать носить сяньбийскую одежду и даже говорить по-сяньбийски. Правда, через несколько десятилетий, когда династия завершила свое существование, уступив место другим (Северному Ци, 550–577 и Северному Чжоу, 557–581), эти запреты потеряли свою силу. Однако сам факт их существования свидетельствует о том, сколь энергично шел процесс китаизации потомков вчерашних кочевников-варваров. К сказанному существенно добавить, что неизбежному процессу китаизации варваров способствовало то важное обстоятельство, что все они, вместе взятые, составляли незначительную часть населения. Завершая тему, посвященную северной части Китая в период Нань-бэй чао, необходимо сказать, что от традиций кочевников через два-три века после их появления практически ничего не осталось. Ни к существованию большого количества скота, ни к потреблению молочных продуктов китайцы не приобщились, как не переняли и каких-либо явственно «варварских» элементов в образе жизни, лексике или хотя бы в одежде и предметах повседневного обихода. После окончания периода Нань-бэй чао северный Китай остался таким же, каким он был до нашествия кочевников.

На юге страны и особенно на неосвоенной еще китайцами в ханьское время и даже в эпоху Троецарствия территории южнее Янцзы шли несколько иные, но много более позитивные и потому чрезвычайно важные для судеб Китая процессы. В первую очередь они сводились к освоению бежавшими туда китайскими земледельцами обширных мало использовавшихся территорий. На юге местные племена издревле выращивали рис. Появившиеся там китайские переселенцы мгновенно освоили — а быть может, и обогатили — технологию рисосеяния и стали получать большие урожаи этой ценной продовольственной культуры. Собственно, именно с этого времени, только теперь Китай стал страной риса, какой он является и по сей день. Южный рисовый пояс, где урожай собирают, как правило, дважды в год, с периода Нань-бэй чао обеспечивает этим ценным зерном всю страну.

Кроме того, пришельцы с севера принесли в районы китайского юга высокую культуру, которая стала заметна во всем — и в градостроительстве, и в сооружении всей необходимой инфраструктуры, и в организации сельского общинного быта. К слову, стоит обратить

внимание на то, что деревенские поселения на юге начинали свое существование, насколько можно судить, с небольших хуторов, населенных группой родственных друг другу мигрантов. Это со временем привело к тому, что первоначальные хутора превратились в большие деревни с могущественными и весьма влиятельными клановыми сообществами, в рамках которых традиционно черпало свою силу местное население. Что касается довольно немногочисленного и в культурном плане весьма отсталого местного населения, объединявшегося в различные племенные группы, то оно частично было ассимилировано пришельцами в результате аналогичного северному процесса китаизации, а частично вытеснено в малоудобные горные долины, где обитает и сегодня. На юге страны, как и на севере, на протяжении периода Нань-бэй чао одна династия сменяла другую, но все эти династии с самого начала были китайскими, что отличало эту часть Китая и ускоряло процесс ее китаизации. На юге жили и многочисленные образованные представители китайской культуры, способствовавшие ее развитию. Кроме того, юг весьма способствовал развитию ряда разных культурных традиций, в том числе и религиозных. Но об этих традициях необходимо сказать особо.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДАОСИЗМ И КИТАЙСКИЙ БУДДИЗМ

Конфуцианству как не столько моральному стандарту для страны, но и фундаменту ее политической и идеологической системы было свойственно нормально функционировать лишь в условиях крепкой и хорошо организованной центральной власти. Собственно, именно это уже было продемонстрировано на примере тех царствований во времена первой и второй династий Хань, когда конфуцианская система администрации находилась в процессе становления и особенно остро реагировала на ослабление позиций правящей элиты. В период Троецарствия и тем более в эпоху Нань-бэй чао ситуация оказалась неблагоприятной для этой системы. То на передний план выходили политические междоусобицы, доходившие до гражданских войн, а ведущее место в политике занимала в принципе не поощрявшаяся доктриной Конфуция военная функция. То страна оказывалась под тяжелым гнетом варваров, уничтожавших не просто конфуцианские, но вообще свойственные оседлым земледельцам упорядоченные нормы жизни.

Нетрудно понять, что в этих неблагоприятных условиях конфуцианство как основа властной структуры и идеологии империи вынуждено было отступать на второй план, что объективно создавало некий вакуум, особенно остро ощущавшийся именно в сфере идеологии. В стране не было мощной и развитой национальной религиозной системы. Вообще-то говоря, функцию ее с успехом и выполняло конфуцианство. Но свободно и в полную силу оно не могло действовать при любых обстоятельствах. В периоды династийных кризисов конфуцианство, как правило, оттеснялось религиозными движениями, сектами, тайными обществами и т.п. Впервые это произошло как раз в то время, о котором идет речь. А религиозные системы, которые развились и укрепили свои позиции в империи, появились как раз в это время. Имеются в виду уже упоминавшийся религиозный даосизм и буддизм. Обратим внимание на то, как они с выгодой использовали идеологический вакуум для своего оформления и укрепления позиций в стране.

Что касается религиозного даосизма, то следует обратить внимание на то, как в обстановке тяжелого династийного кризиса и сопровождавшего его всеобщего смятения, включая возмущенные движения обнищавшего и недовольного администрацией народа, разгром восстания *желтых повязок* отнюдь не привел к крушению возникавшей в среде простого народа новой для Китая религии. Напротив, повстанцы вместе с уцелевшими главами различных сект религиозного даосизма просто покинули раздиравшийся междоусобицами центральный Китай и осели на малонаселенном и далеком от центра событий юго-западе империи (современная провинция Сычуань). Там на базе в основном секты *Удоумидао* (секта пяти *доу* риса — размер взносов ее членов) во главе с Чжан Лу ими было создано сравнительно небольшое, но хорошо организованное теократическое государство даосов. Не вдаваясь в весьма любопытные подробности об организации и ритуалах «государства» даосов, необходимо сказать, что именно оно на протяжении ряда веков было кузницей кадров многочисленных даосских проповедников, искавших бессмертие теоретиков и практиков алхимии, мастеров китайской медицины, магов, астрологов, геомантов (мастеров *фэншуй*). Из числа прошедших хорошую школу даосов выходили также жрецы, которые обслуживали храмы и кумирни различных божеств и духов, в чье существование стали охотно верить все китайцы.

Разбредаясь по стране и занимая в ней свою немалую и всегда готовую принять их социально-идеологическую нишу, даосы именно

в период разброда и отступления конфуцианства с его предельным рационализмом начали удовлетворять естественные религиозные потребности народа. Речь прежде всего о тех элементах мистики, магии, метафизики, которых не было в учении Конфуция, но которые были весьма дороги простым людям. Даосы лечили людей, утешали их, изгоняли злых духов и тем создавали обстановку душевного комфорта. Они со своими астрологическими и иными книгами, таблицами и прочими аксессуарами располагались на рынках и давали советы людям, готовившимся вступить в брак или принять какие-либо иные судьбоносные для них решения. Мастера фэншуй заботились о правильном расположении жилищ и особенно дорогих китайцу могил высокопочитаемых предков. Что же касается алхимиков и прочих искателей бессмертия, то их позиции были еще заметнее. Бессмертием очень часто интересовались высокопоставленные представители правящей элиты, начиная с императоров.

Словом, за века, отмеченные кризисом и вынужденным отступлением конфуцианства, религиозный даосизм окреп и занял прочные позиции в империи. Китай в его лице обрел наконец религию, которой прежде в стране, если не считать идущие с глубокой древности многочисленные народные верования и суеверия, осуждавшиеся властями,— просто не было. И страна, включая близких к правящим кругам конфуцианцев, вынуждена была принять это как свершившийся и в общем-то вполне приемлемый факт. Однако одним религиозным даосизмом обновление идеологической обстановки в империи в первые века нашей эры дело не ограничилось. На авансцене религиозно-философской мысли Китая именно в это время появилось новое и интеллектуально весьма мощное движение. Речь идет о буддизме.

Буддизм как высокоразвитая и интеллектуально насыщенная религиозная система появился, как о том уже говорилось, в Индии. Но там он не выдержал конкуренции со стороны трансформировавшегося в индуизм брахманизма. Буддизм был вынужден мирно и бесконфликтно, хотя и далеко не сразу, покинуть Индию и уйти в страны Востока. При этом южная школа буддизма, Хинаяна или Тхеравада, стала распространяться в странах Юго-Восточной Азии, тогда как северная, Махаяна, нашла свою вторую родину сперва в Центральной Азии, а затем и в Китае. Первые проповедники буддизма появились в империи еще во II в., а процесс укрепления новой религии пришелся на следующие два-три столетия, т.е. в основном

на эпоху Нань-бэй чао. Прежде всего буддизм проник в занятый китаизировавшимися кочевниками северный Китай. Правители варварских царств благосклонно отнеслись к новой религии, предоставив возможность ее проповедникам строить храмы, кумирни, а затем и крупные монастыри, прежде всего в районе близ древних столиц, Чанани и Лояна. Но с тем же радушием встретили буддийских проповедников и на юге, в государстве Восточная Цзинь. Количество буддийских монастырей на всей территории Китая росло год от года, соответственно увеличивалось и число монахов. Буддизм, как и чуть ранее религиозный даосизм, нашел свою нишу в религиозной жизни империи. Однако произошло это не сразу и не слишком просто.

Начать с того, что прибывавшие в империю буддисты не знали ни страны, ни ее языка, ни тем более иероглифической письменности. А без этого вся их мудрость была бессильна. Следовало поэтому обрести помощников и посредников из числа более или менее образованных китайцев, которые взялись бы добровольно и охотно содействовать утверждению буддизма в империи. И такие помощники нашлись. Ими оказались, как то ни покажется странным на первый взгляд, даосы. Казалось бы, для только-только утверждавшихся в своей позиции даосских проповедников соперники были крайне нежелательны. Однако получилось иначе. Как о том упоминалось, религиозный даосизм был очень отличен от предшествовавшего ему даосизма философского, наполненного глубокими мудрыми рассуждениями. За столетия, прошедшие после того, как философы даосизма перестали существовать, от их учения остались лишь самые основные идеи, да и те нередко были упрощены и порой вульгаризованы до предела. Словом, проповедникам религиозного даосизма, вышедшим из школы потомков Чжан Лу в «государстве» секты *Удоумидао*, недоставало как раз теоретической мудрости, которая укрепила бы фундамент их учения новыми каноническими постулатами. И именно в мудрости прибывших в Китай первых миссионеров Махаяны даосы увидели то, что им было нужно.

Так вполне естественным образом на основе взаимной заинтересованности возник своего рода творческий союз ученых буддийских монахов с образованными даосскими проповедниками, которые не только взялись помочь монахам, но и попытались, особенно на первых порах, приспособить кое-что из основ буддизма для укрепления теоретической базы религиозного даосизма. Забегая вперед, стоит сказать, что из этой попытки ничего путного в конечном счете не

получилось. Доктрины оказались весьма несхожими, чтобы не сказать несовместимыми. Со временем возникли даже споры о том, что и кто у кого заимствовал. Но главное в том, что дело было сделано. С помощью даосов буддийские монахи овладели китайским языком и грамотой, перевели или заново сочинили многие неизвестные прежде в Китае буддийские термины и тем самым создали благоприятные условия для новых поколений буддийских монахов, которые с середины III в. были уже в массе своей китайцами.

Разумеется, в ходе большой и длительной работы по приспособлению нового учения для империи буддизм Махаяны подвергся существенной китаизации. Древние и тем более конфуцианские нормы бытия побудили буддистов считаться с многим из того, что было святым для Китая и китайцев. Но эти уступки создали возможность для китаизованного буддизма не только укрепиться на китайской территории, но и стать необходимым элементом духовно-религиозной жизни страны. Буддизм нашел свою нишу в сфере отпевания драгоценных для китайцев покойников путем чтения сутр над гробом. Буддийские монастыри стали в Китае, как то было и в других странах, центрами высокой культуры и знаний. Более того, они оказались необходимыми для страны. Особенно явственно это стало именно в эпоху Нань-бэй чао с ее войнами и неурядицами. Представители творческой элиты империи, включая подчас и высокообразованных, вполне рационалистически мыслящих конфуцианцев, охотно скрывались за толстыми стенами монастырей в поисках покоя и условий для размышлений и творчества.

Важно учесть, что рационалистическое влияние конфуцианства способствовало возникновению в Китае таких школ-сект буддизма, как буддизм *чань* (японский *дзэн*), который в наибольшей степени учитывал традиционный китайский менталитет и потому со временем стал одним из наиболее распространенных и интеллектуально насыщенных направлений китайского буддизма. Вообще конфуцианство с восстановлением империи достаточно ревниво относилось к обоим своим влиятельным соперникам, появившимся в сфере духовной жизни Китая. Но, тем не менее, считая как бы ниже своего достоинства активно противостоять им, официальная доктрина империи с момента укрепления центральной власти опять решительно вышла на передний план и предпочла мирно сосуществовать с религиозным даосизмом и буддизмом, которые отвечали потребностям населения.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАСЦВЕТ ИМПЕРИИ. ДИНАСТИИ СУЙ (581–617)[1] И ТАН (618–907)

После того как к концу VI в. стало вполне очевидным, что эпоха варваризации Китая ушла в прошлое, практически не оставив в жизни страны никакого сколько-нибудь ощутимого следа, на повестку дня решительно встала проблема объединения страны. Эту проблему с успехом решил полководец северного царства Чжоу Ян Цзянь, который завоевал соседние царства и присоединил к своим владениям весь южный Китай, провозгласив себя императором новой династии Суй. Династия с ее двумя правителями была кратковременной. Но за немногие годы своего существования она сумела достичь достаточно многого. В этом смысле ее можно сопоставить с первой китайской империей Цинь, пришедшей к власти в аналогичных условиях и вынужденной справляться со сходными проблемами.

Император Вэнь-ди, как стал именоваться Ян Цзянь, начал управление объединенной и возрождавшейся именно им империи с введения надельной системы. С семейного надела примерно в 120 му брали небольшой налог в три *даня* (больших мешка) зерна, не говоря о промысловой подати с женщин, сдававших в казну некоторое количество шелка или шелковой пряжи, и о трудовой повинности мужчин (20 дней в год). За немногие десятилетия династии Суй эта политика принесла невиданные плоды: влияние и количество сильных домов уменьшилось, а число крестьянских хозяйств, напротив, резко возросло. Количество земли, находившейся в их владении, увеличилось примерно втрое, с 19,4 до 55,8 млн му.

В 605 г. на смену Вэнь-ди пришел его сын Ян-ди, заслуживший репутацию жестокого деспота под стать знаменитому Цинь Ши-хуанди. Стремясь резко усилить свою власть, он переселил в заново отстроенную столицу Лоян около 10 тысяч богатых семей и представителей правивших в недавнем прошлом династий, дабы оторвать их от родных мест и поставить под свой контроль. В районе Лояна было выстроено также множество крупных зернохранилищ, в которых хранился рис, привезенный с богатого юга. Для доставки зерна был сооружен Великий канал, соединивший Янцзы с Хуанхэ. На строительстве

[1] В хрониках и традиции китайского историописания существует жесткое правило: последний год существования той либо иной династии оставлять за ней вне зависимости от того, в каком месяце этого года она погибла.

и обслуживании этого гигантского для своего времени ирригационного сооружения работали десятки тысяч людей. Ян-ди предпринял и реконструкцию пришедшей в упадок за тысячу лет и особенно за века варварского господства Великую стену. Стена эта, как показала история, серьезной преградой для кочевников не была. Но как ограда от случайных набегов и в еще большей степени как элемент престижа великой империи она считалась делом весьма важным и свою роль, безусловно, играла.

Параллельно с огромными стройками, требовавшими колоссального напряжения страны, Ян-ди вел войны, то с Тюркским каганатом на северо-западе, то с Вьетнамом на юге, то с Кореей на далеком северо-востоке. Эти далеко не всегда успешные войны окончательно истощили империю и привели в конечном счете династию Суй к гибели. После очередного неудачного похода в Корею в 614 г. начали вспыхивать крестьянские восстания, сопровождавшиеся мятежами недовольной знати. Ян-ди был вынужден бежать из столицы и вскоре был убит. А правителем Китая был провозглашен один из военачальников Ли Юань.

Ли Юань и особенно его сын Ли Ши-минь (Тайцзун, 626–649) многое сделали для укрепления основанной ими династии Тан, которая считается периодом наивысшего расцвета в истории Китая. Прекратив непопулярные войны, они направили основные усилия на развитие хозяйства в империи. Подтвердив существование надельной системы в несколько видоизмененном виде (семья получала 80 му; если это было хозяйство женщины-вдовы, надел сокращался до 30 му, но никаких налогов с него не брали) и сохранив низкие налоги, новая власть составила земельный реестр, учитывала количество тяглых, проводила регулярные переделы земли, а также разрешила пришельцам занимать земли выбывших из деревни. Стало учитываться качество земли и степень населенности разных районов, что отражалось на размере наделов. Как и прежде, часть казенной земли выдавалась в качестве служебных наделов гуань-тянь чиновникам.

Земельные нововведения были подкреплены активной заботой об улучшении инфраструктуры, включая строительство дорог, каналов, дамб в сельской местности, а также дворцов, храмов и прочих строений в городах. Вообще расцвет городского хозяйства и рост количества городов в стране, которые были заметны уже со второй половины эпохи Нань-бэй чао, достигли своего наивысшего уровня именно в период династии Тан. Это было время резкого увеличения разнообраз-

ного населения городов, появления большого количества городских ремесленных и иных корпораций. Возникли ремесленные мастерские, в которых трудились мастера самых разных, в том числе весьма экзотических специальностей. Изготовлялись изделия из лака, слоновой кости, драгоценных и обычных металлов, дорогих сортов дерева. Много было художественных поделок из различного типа шелковых тканей, изысканно выделанной керамики и т.п. В число городского населения, имевшего свои корпорации, входили врачеватели и актеры, геоманты и предсказатели, нищие и проститутки и представители многих иных профессий.

В городах большую роль играли следившие за всем чиновники и подчиненная им городская стража. Функционировали различного рода общественные учреждения, будь то бани или бассейны. Многие улицы были вымощены камнем. В нужных местах сооружались прочные и красивые мосты. В городе жило немало богатых людей, у которых имелись целые комплексы жилых и служебных помещений, обычно окруженных высокими заборами и имевших обращенные внутрь, во двор, окна. Иначе строились дома ремесленников и торговцев, у которых фасад был обращен к улице, к покупателю, а задняя часть предназначалась для мастерской и жилья.

В период Тан были созданы, наконец, прочно устоявшиеся с той поры система административного управления империей, а также практика пополнения управлявшего ею корпуса чиновников. Что касается организации администрации, то она на уровне центра руководилась двумя первыми министрами (*цзайсянами*), левым, который считался старшим, и правым, и состояла обычно из шести основных министерств. К первой группе их относились ведомство чинов (подбор кадров и назначения), обрядов (контроль за соблюдением норм поведения в стране) и налогов. Ко второй — управление военными делами, ведомства наказаний и общественных работ. При этом работу всех шести ведомств независимо от левого и правого премьеров контролировала специальная палата *Юйшитай*, состоявшая из обладавших очень большой властью цензоров-прокуроров, назначавшихся из числа лиц, известных своей добродетельностью и принципиальностью. На уровне провинций были примерно такие же провинциальные управы во главе с губернаторами, а уезды были представлены из центра лишь одним начальником, облаченным очень широкими полномочиями и имевшим штат из местных набранных им самим помощников. Его власть контролировалась особенно строго: он назначался

лишь в те уезды, с которыми лично никак не был связан, и раз в три года перемещался на новую работу.

Что касается подготовки чиновников, то танский Китай впервые в мире разработал объективную реализацию четко сформулированной еще в период *Чуньцю* (VIII–V вв. до н.э.), если даже не раньше, идеи о выдвижении умных и способных. Для этого была создана система экзаменов. Следуя заветам Конфуция и нормам конфуцианства, которые стимулировали стремление к знаниям, в империи были созданы многочисленные школы, в которых за сравнительно небольшую плату обучали способных мальчиков. За примерно 12 лет учения они сперва выучивали наизусть конфуцианские каноны, затем учились обозначать их тексты иероглифами, после чего постигали иные древние тексты, в основном исторические и философские, а также поэтические и другие произведения. В идеале каждый выпускник должен был уметь написать эссе на заданную отвлеченную тему, сочинение на исторический сюжет и поэму свободного стиля.

Не всем удавалось одолеть программу. Но те, кто успешно завершал обучение, получал возможность проявить себя на экзаменах. Первый из них устраивался в уездах раз в три года. В замкнутых помещениях типа пеналов под строгим наблюдением смотрителей, снабженные лишь бумагой (она была изобретена китайцами примерно во II в.), тушью и кисточкой, собравшиеся со всего данного уезда абитуриенты получали задание и несколько дней взаперти поодиночке работали над ним. После этого приезжавшая из центра строго подобранная комиссия из чиновников, никогда в этом уезде не бывавших и никого в ней не знавших, проверяла обозначенные лишь девизами работы. Квота обычно была жестка: лишь примерно 3–5% лучших работ удостаивались почетной желанной степени, остальные отсеивались до следующего раза. Первая ученая степень, *сюцай*, обеспечивала каждому высокий престиж и возможность быть связанным с наиболее богатыми и высокопоставленными людьми в родном уезде, а также выполнять — за плату — отдельные поручения уездного начальника. Но главное, что обретал сюцай, это право держать аналогичный экзамен в провинции, тоже обычно раз в три года, с теми же основными правилами. Получивший вторую степень, *цзюйжэнь*, имел еще более высокий престиж, теперь уже в рамках провинции и с много большими возможностями. Но только третий экзамен в столице и степень *цзиньши* давали успешно прошедшему весь тяжкий путь испытаний право на назначение на высокую чиновную должность. Самой низшей из них была должность уездного начальни-

ка, позволявшая, помимо огромного оклада из казны иметь немалый приватный доход (вспомним пьесу о ревизоре великого Гоголя).

Система экзаменов была поистине гениальным изобретением китайского ума, столетиями искавшего путь к воплощению идей, высказанных еще в древней идеологеме о мудрых Яо, Шуне и Юе, где, если верить традиции, уже содержался призыв к тому, чтобы Поднебесной управляли умные и способные. Благодаря ей субъективные критерии уступили место строго объективным и на высшие места в администрации империи попадали прежде всего и главным образом именно они, мудрые и способные[1]. И еще важное преимущество такого решения вопроса: попадая на высокие должности, пропитанный духом конфуцианства чиновник обретал возможность получать приватные доходы, но обычно умерял свои аппетиты, ибо выше всего ценил свое *лицо* и очень боялся любого не только разоблачения, но просто подозрения. Это не значит, что в императорском Китае не было коррупции. Но благодаря строгому прокурорскому надзору и боязни потерять лицо она обретала сравнительно скромные масштабы и не наносила системе в целом слишком большого урона.

Династийный цикл не прошел мимо процветающей династии Тан, которая к тому же активно вела разорительные войны с Тюркским каганатом, с Кореей, с небольшим государством Наньчжао, расположенным на юго-западных границах империи. Все эти войны, вкупе с разорительными тратами некоторых императоров, особенно Сюань-цзуна (713–755), на роскошное строительство и содержание фавориток типа знаменитой Ян Гуй-фэй, воспевавшейся великими китайскими поэтами[2], вызвали недовольство генерал-губернаторов (*цзедуши*). Один из

[1] Случались, естественно, и исключения. Подчас должности предоставлялись по праву родства приближенным императора и иным высокопоставленным лицам, не прошедшим тройное сито экзаменов. Но их доля среди высшего чиновничества была незначительной. Кроме того, специальные исследования синологов показали, что обычно семьи, представленные чиновниками высшего класса, не находились в администрации слишком долго. За 5–6 поколений номенклатура менялась довольно радикально. Новые люди и новые семьи чиновников приходили на смену старым, от чего система управления империей только выигрывала: у ее руля всегда были умные и способные.

[2] Период расцвета династии породил плеяду лучших китайских поэтов — Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэя. Все они составляют гордость китайской культуры и, по странному стечению обстоятельств, жили примерно в одно и то же время, в годы царствования Сюань-цзуна.

них, Ань Лу-шань, поднял восстание, приведшее к гибели императора и силыюму ослаблению державы, вступавшей в состояние кризиса. Кризису, как обычно, способствовало ухудшение положения в деревне. Чиновники стали скупать крестьянские наделы. Оставшиеся без земли шли в арендаторы, а то и в разбойничьи шайки. Словом, династийный кризис вступал в свои права. Но династию спасли во время предпринятые реформы.

Реформы Ян Яня в 780 г. ликвидировали надельную систему, закрепив участки земли за теми, кто ими в данный момент владел, и разрешив практику продажи участков. Были также видоизменены принципы налогообложения. Реформы в целом оказались удачными, что позволило династии Тан просуществовать без заметных потрясений еще около столетия. Однако к концу существования династии экономический кризис, на сей раз связанный с чересчур быстрым ростом буддийского монастырского землевладения, вновь со всей остротой дал о себе знать. В 845 г. была проведена широкомасштабная конфискация имущества тех монахов, которые имели много земли и не платили налогов. Их вынудили либо лишиться всего, либо уйти из монастырей и платить налоги, как все остальные подданные. Это был сильный удар по буддизму. Свыше 4,5 тысяч монастырей и храмов оказались закрытыми, около 260 тысяч монахов были расстрижены. Но танский Китай обретенное им имущество спасло ненадолго. Восстание крестьян под руководством Хуан Чао в 881 г. привело к ослаблению, а вскоре после этого и к гибели династии. Наступил период смуты и междоусобных войн, продолжавшийся до 960 г., когда удачливый военачальник Чжао Куан-инь провозгласил себя императором новой династии Сун.

ИМПЕРИЯ И ЕЕ СЕВЕРНЫЕ СОСЕДИ. ДИНАСТИЯ СУН (960–1279) И МОНГОЛЫ

Период правления династии Сун считается в сегодняшней синологии не менее высокоразвитым и успешным, чем танский. В некоторых отношениях, например в сфере философии, техники и технологии, это несомненно так. Но в плане политической стабильности он намного уступает предыдущему. Собственно, с этого стоило бы и начать, коль скоро речь идет о едва ли не самой многострадальной из просуществовавших достаточно длительный срок династии в истории Китая. Все дело в том, что все три с лишком столетия, пришедшиеся на долю сунских императоров, прошли под знаком давления на их страну с севера,

со стороны то сменявших друг друга различных сильных полукочевых государств, а то и нескольких из них сразу.

Все началось с X в., когда рухнула династия Тан и на смену ей пришли враждующие друг с другом слабые правители разных царств и династий. Пока китайцы выясняли отношения, к северу от стены стала быстрыми темпами консолидироваться многое взявшая от Китая этническая общность киданей. Некий Апока из рода Елюй возглавил прошедшее через этап трибализации племя и объявил себя императором династии Ляо (916–1125). Войны с китайскими правителями первой половины X в. привели киданей к успеху. В 946 г. они даже ненадолго захватили Кайфын и объявили значительную часть северокитайских земель своими. Китайцы и корейцы помогли наладить в государстве Ляо систему администрации. В новом государстве строились города, развивались ремесло и торговля. Была даже создана из китайских знаков своя письменность (пока не расшифрованная). После возникновения династии Сун ее императоры попытались было отобрать у Ляо китайские земли, но не преуспели в этом. Мало того, потерпев поражение, они в 1004 г. были вынуждены подписать с Ляо унизительный договор, согласившись выплачивать ежегодную дань в сумме 200 тысяч штук шелка и 100 тысяч *лянов* (унций) серебра. А вскоре вдобавок к этому кидани захватили еще ряд северокитайских округов.

Параллельно на северо-западных границах империи по той же схеме с помощью беглых либо пленных китайцев сформировалось государство тангутов, Западное Ся (982–1227). Вначале признававшие свою зависимость от сунского Китая, правители этого государства затем начали активную территориальную экспансию, завладев исконными китайскими землями западных провинций Ганьсу и Шэньси. По мирному договору 1047 г. тангутские императоры, как и их киданьские соседи, заставили Китай ежегодно выплачивать им по 100 тысяч штук шелка и 30 тысяч *цзиней* (чуть больше фунта) чая.

Императоры династии Сун, наученные военными неудачами первых лет, практически отказались от ставки на военный успех. Имея огромную, чуть ли не полуторамиллионную армию, они с первых же лет своего царствования стали вести себя как изысканные поклонники высокой культуры и, в частности, предпочли мирную, пусть даже унизительную политику выплат малоперспективным войнам с полукочевыми государствами на бесплодных северных землях. Едва ли эта политика была лучшей из возможных. На эту тему за последние годы было опубликовано немало работ специалистов. Но, не пытаясь решить

данный вопрос, стоит заметить, что в какой-то мере такая политика себя оправдала. В период Сун страна сумела, несмотря на досадные неудачи на севере, достигнуть достаточно высокого уровня благосостояния, внутриполитической стабильности, расцвета экономики, немалых успехов в сфере народного хозяйства и культуры[1]. Именно в это время в Китае стали в широком масштабе производить изделия из фарфора, выращивать чай. Были изобретены порох и компас, стали практиковать книгопечатание, точнее, ксилографию (оттиски с досок, на которых вырезались в зеркальном виде иероглифы). Высокого уровня достигли торговля и финансовое ее обеспечение, включая меняльные конторы и даже бумажные деньги.

В сфере земельных отношений проводилась, с некоторыми частичными модификациями, политика последнего периода династии Тан. Налоги были невелики, причем бедные крестьяне получали налоговые льготы, дабы не создавались условия для поглощения их земель богачами. Правда, это не остановило характерных для китайских династийных циклов процессов, но сделало их более легкими и замедленными, что позволило реформаторам, прежде всего наиболее известному из них Ван Ань-ши, серией точных реформ остановить кризис и тем продлить время успешного существования династии. Как явствует из всего вышеизложенного, главной угрозой для династии Сун были, вопреки обычному стандарту, не внутриполитические осложнения, хотя и они случались[2], но внешнеполитические отношения с северными соседями, сорганизовавшимися в крепкие и воинственные государства. О двух из них уже шла речь. Теперь несколько слов о третьем, о чжурчжэнях.

Это была общность тунгусо-маньчжурского происхождения, обитавшая на северо-восточных границах империи. Пройдя процесс трибализации с помощью китайцев и корейцев, чжурчжэни создали свое государство. Основатель его Агуда, потеснив соседних киданей, про-

[1] По некоторым подсчетам — в России, в частности, по расчетам В. А. Мельянцева, — сунский Китай по уровню ВВП на душу населения стоял выше остальных стран мира, включая и европейские. Примерно то же можно сказать о темпах урбанизации страны и уровне грамотности населения.

[2] Одно из наиболее заметных крестьянских движений было впоследствии художественно запечатлено в знаменитом китайском романе «Речные заводи», описывающем полуразбойничью вольницу обедневших и покинувших свои земли крестьян.

возгласил себя императором государства Цзинь (1115–1234). Сначала сунские правители решили было поддержать чжурчжэней, рассчитывая с их помощью ослабить противостоявшее им государство Ляо. В 1225 г. это государство было уничтожено, а уцелевшие остатки его населения мигрировали еще далее на запад, образовав там небольшое государство кара-китаев под названием западное Ляо. Именно от этого самоназвания, насколько можно судить, пришел термин *Китай* к русским (известно, что на европейских языках Китай именуется иначе).

После разгрома и ликвидации Ляо империя Цзинь вновь обратила свои взоры на восток и здесь-то как раз и наступила очередь сунского Китая. Цзиньские войска предприняли энергичное наступление на северокитайские земли. Уже в 1227 г. чжурчжэнями была захвачена сунская столица Кайфын, а император уведен в плен. После этого семья императора бежала на юг, где один из сыновей плененного главы империи объявил себя правителем южносунской империи. По существу это была та же империя Сун, но территория ее заметно уменьшилась. Заново сложившаяся граница между Цзинь и Сун проходила теперь где-то между долинами Хуанхэ и Янцзы и была достаточно неопределенной. Чжурчжэни совершали налеты до Янцзы, но пересечь ее широкие воды они не могли. Это, впрочем, не погасило их воинственный пыл. Набеги на юг стали их любимым делом, тогда как сунская армия, следуя все той же политике жертвовать всем ради сохранения мира и процветания страны, пусть и сильно уменьшившейся в размерах, вела себя достаточно пассивно.

Впрочем, так было не всегда. Среди армейских командиров южносунского государства зрело недовольство, которое нашло свое выражение в открытом неповиновении. Уже в середине 30-х гг. генерал Юэ Фэй (1103–1141) нанес чжурчжэням несколько поражений и вышел со своими войсками далеко на север от Янцзы. Победы удачливого полководца сильно насторожили южносунскую правящую элиту, которая хорошо помнила недавнее прошлое страны, когда удачливые генералы объявляли себя императорами новой династии. Видимо, это обстоятельство сыграло решающую роль в том, что Юэ Фэю под подходящим предлогом было приказано явиться в столицу Сун Ханчжоу, где он был приговорен к смерти за неповиновение и казнен. После этого сунские власти заключили с чжурчжэнями очередной унизительный для великой державы мир 1142 г., по условиям которого северному сопернику выплачивались ежегодно 250 тысяч штук шелка и 250 тысяч лянов серебра.

Мир с чжурчжэнями вызвал сразу же острое недовольство в стране и вообще оценивался на протяжении долгих веков как унижение Китая, тогда как имя Юэ Фэя, напротив, надолго стало символом национального сопротивления и воинской славы. Не вдаваясь в спорную проблему с оценкой роли и тем более предполагавшихся тайных замыслов Юэ Фэя[1], стоит заметить, что очередное унижение сунского Китая дало ему почти вековую передышку и весьма способствовало процветанию. Великолепие Ханчжоу высоко оценил посетивший его в конце правления династии Сун венецианец Марко Поло, впоследствии с восторгом описывавший свои впечатления. Условия для расцвета экономики и культуры (последняя с особенной силой проявилась в развитии теории и практики китайской живописи — свитки сунского времени украшают многие музеи мира) говорят сами за себя. Можно добавить ко всему этому развитие философской мысли, в частности неоконфуцианства, наиболее выдающийся представитель которого Чжу Си (1130–1200) в немалой степени обновил трактовку этого учения, сделав его еще более великим и значимым для Китая и китайцев. Как известно, в последующем это учение распространялось — в частности, в Японии — именно в чжусианской форме и с комментариями Чжу Си.

Империя Сун — исключительно интересный феномен в истории Китая. Когда после длительного времени ее процветания, пусть даже ценой потери престижа великой державы и унизительной дани воинственным полукочевым государствам севера, эта империя столкнулась, наконец, с самой страшной для нее опасностью, с вторжением монголов, она нашла в себе силы и мужество несколько десятилетий сражаться до последнего. Впрочем, о монголах следует сказать особо.

---

[1] Когда мне около полувека назад довелось быть в Ханчжоу, одном из наиболее красивых городов Китая, меня специально пригласили посмотреть на могилу Юэ Фэя. И что тогда показалось наиболее удивительным: могилы героя и его жены находились рядом с погребением пославшего его на смерть руководителя южносунского правительства сановника Цинь Гуя и его жены. И все, подходившие к обоим захоронениям, не сговариваясь, выполняли один и тот же ритуал: они с отвращением плевали на изваяния Цинь Гуя и его жены и с восторгом осыпали возгласами поощрения изваяния героя и его жены. Меня в те далекие годы поразило прежде всего отношение к женам. Но суть действий была абсолютно ясна. Остается добавить, что в последние десятилетия в китайской специальной научной литературе стали появляться статьи, призывающие пересмотреть устоявшуюся традицию и изменить оценку обеих персон.

Сам этот термин, *монголы*, возник лишь во времена Чингис-хана. До того эту этническую общность именовали *черными татарами* и справедливо считали частью сибирского тюрко-татарского населения. Протомонгольские племена вроде киданей придали этой части резко монголоидные расовые черты, которые, впрочем, быстро исчезли у тех монголов, что в свое время осели на территории Европы (на землях Руси и Поволжья) или Ближнего Востока. Как и в случае с их предшественниками, киданями и чжурчжэнями, монголы испытывали очень сильное влияние китайской культуры, которое, есть основание считать, способствовало процессу их трибализации. Этот процесс нашел свое логичное завершение на знаменитом всемонгольском курултае 1206 г., где предводителем племени был избран юный Темучин, ставший Чингис-ханом.

Чингис-хан, проявивший мудрость не по годам и заслуженно ставший величайшим из монголов (собственно. единственным, кого знают все в мире), начал свою деятельность главы племени с упорядочения его воинской организации. Игнорируя устоявшиеся родовые традиции, он выдвинул на передний план стройность структуры армии, разбив ее на десятки, сотни, тысячи и десятитысячные — *тьма* — корпуса воинов (а в кочевом племени каждый мужчина воин). После этого он, не долго думая, приступил к завоеваниям. Начав с ближних соседей, с которыми стотысячная, если не более того, армия монголов легко справилась, Чингис-хан быстро одолел сопротивление чжурчжэней и в 1215 г. занял Пекин. Затем в 1219–1221 гг. в руины были превращены города и поселки цветущей Средней Азии, где господствовало до того государство Хорезм-шахов. В 1227 г. было уничтожено государство тангутов. Существенно заметить, что столь быстрые и впечатляющие успехи были достигнуты в немалой степени благодаря заимствованию достижений китайской военной техники и средств ведения войны, включая применение осадных сооружений и т.п.

После этого Чингис-хан повернул часть своей армии назад[1], двинувшись в северокитайские земли, где были быстро уничтожены уце-

[1] Остальные — и весьма не малые — части этой разросшейся в ходе войн армии пошли далее на запад, оккупировав Киевскую Русь и некоторые другие территории восточноевропейской равнины и захватив немалое количество ближневосточных — прежде всего Иран — и иных земель. Стоит в этой связи вспомнить и о Вьетнаме, и о Японии, которой удалось спастись от завоевания лишь благодаря разбушевавшемуся морю.

левшие остатки чжурчжэней, и начал наступление на Китай. С 1235 г. преемники Чингис-хана вели ожесточенную борьбу за завоевание сунского Китая. Эта борьба продлилась сорок с лишним лет — невиданно медленные темпы для монголов. И здесь стоит еще раз воздать должное правителям династии Сун. Веками они предпочитали откупаться от воинственных северных соседей, что давало им не столько даже передышку, сколько возможность мирно заниматься своими делами, которые шли в эту эпоху необычайно успешно. Но когда настало судьбоносное время, а война стала единственным способом отстоять свое существование, правители южносунского государства сумели мобилизоваться и возглавить всенародное сопротивление захватчикам. Мало кто из тех, с кем сталкивались монголы времен их великих завоеваний, оказывал им столь долгое и успешное сопротивление. Только в 1276 г. пала столица Ханчжоу. Но и после этого сунские императоры продолжали возглавлять народное сопротивление. В конечном счете, в 1279 г., они чуть ли не на кораблях отчалили от южной береговой полосы Китая, уступив великую державу монгольскому хану Хубилаю, ставшему основателем новой китайской (заметьте, не монгольской, но именно китайской) династии Юань. Этой династии не суждено было просуществовать достаточно долго.

ДИНАСТИИ ЮАНЬ И МИН

Время пребывания династии Юань в Китае, которое формально началось в 1280 г., было очень тяжелым для империи, даже учитывая северокитайские династии периода Нань-бэй чао. На первых порах монголы, привыкшие к поголовному истреблению сопротивляющихся, хотели даже уничтожить всех китайцев пяти самых распространенных фамилий. Их с трудом отговорил от этого влиятельный советник монгольского императора Угедэя Елюй Чу-цай[1]. Но что касается

[1] Интересна биография Елюя. Потомок основателя киданьской династии Ляо и сын китаянки, он получил в Китае хорошее конфуцианское образование и в 20-х гг XIII в. стал влиятельным придворным монгольского хана Угедэя, преемника Чингис-хана. Есть сведения, что этого заметного ученого пригласил ко двору еще в 1218 г. сам Чингис, пытавшийся даже обыгрывать происхождение Елюя, дабы восстановить его против Китая, на что тот не поддался. В годы правления Угедэя, когда возникла идея уничтожать китайцев, именно на этого хана подействовли трезвые расчеты Елюя. После смерти Угедэя Елюй Чу-цай утратил свое влияние при дворе и вскоре, в 1243 г., умер.

рабов, то их число в период Юань столь возросло, что намного превысило уровень начального периода Нань-бэй чао. Естественно, что экономика Китая после завоевания монголов стала быстро приходить в упадок, земледелие, ремесло, торговля были расстроены некомпетентным вмешательством монголов и приведенных ими с собой представителей иных народов.

Наибольший вред стране принес отказ от ставшей уже привычной системы комплектования корпуса чиновников посредством системы экзаменов, которая перестала функционировать. Отсутствие ответственных за свое дело квалифицированных китайских чиновников ослабило не столько даже систему администрации империи как таковую, сколько выполнение таких рутинных функций, как поддержание в должном порядке весьма развитого ирригационного хозяйства. Довольно долгое время все это давало о себе знать, так что первая половина периода Юань прошла под знаком не просто заметного упадка, но едва ли не катастрофического ослабления страны. Лишь после адаптации первого поколения иноземцев и постепенного возрождения необходимых для нормального существования империи традиций новые правители Китая в 1317 г. восстановили систему экзаменов и стали отдавать в руки китайских чиновников заботу о функционировании хозяйства империи. Однако все это оказалось недопустимо запоздавшим.

Прежде всего, хозяйство страны пришло в полное расстройство, что наиболее болезненно сказалось на ирригации. Прекращение забот об укреплении дамб и о строительстве иных необходимых ирригационных сооружений привело в 1334 г. к катастрофическому прорыву дамб и разливу Хуанхэ. Очередное изменение русла реки принесло гибель сотням тысяч людей. Попытка судорожными усилиями восстановить порядок в системе ирригации хороших результатов не дала. Зато ситуация, когда для этого в одном месте были собраны сотни тысяч китайских крестьян, способствовала оживлению деятельности даосско-буддийских сект и тайных обществ, в первую очередь общества *Байляньцзяо* (Учение о белом лотосе). Пропаганда идей этого учения с его явственно ощутимыми идеалами всеобщего равенства и скорого наступления века будды грядущего Майтрейи и связанной с ним новой династии Мин (свет) способствовала укреплению убеждений в близком конце владычества монголов.

В Китае день ото дня усиливались патриотические настроения, чему в немалой мере способствовали популярные сочинения типа хорошо всем известного романа «Троецарствие», прославлявшего

героизм китайских воинов тысячелетней давности. Свою роль сыграли и несколько явно направленных против иноземного владычества пьес (так называемая юаньская драма), которые на театральных представлениях разыгрывали бродившие по всей стране актерские труппы. Патриотический подъем оказал серьезное воздействие на состояние умов и поведение людей в стране, охваченной серьезным кризисом. В юаньском Китае, особенно в районах, пораженных бедствиями, одно за другим начали вспыхивать народные восстания, которые вскоре превратились во всенародное антимонгольское движение. Восставшие покрывали свои головы красными повязками, символизировавшими светлое начало и грядущую династию Мин. Одним из вождей этого движения стал явно склонный к авантюрным приключениям бывший крестьянин, а затем послушник в буддийском монастыре Чжу Юань-чжан. Именно под его руководством восставшие одержали победу. Монголы частично были уничтожены. Остальные бежали на север, в родные степи. А в Китае была провозглашена новая, давно всеми ожидавшаяся династия Мин.

Чжу Юань-чжан, севший на китайский трон в 1368 г., оказался энергичным и жестким правителем. Он начал с того, что установил строгий контроль в сфере земельных отношений и налогов. Были заново составлены Желтый и Рыбьечешуйчатый реестры, которые позволили определить количество пахотной земли и крестьянских дворов. Было сосчитано число дворов различных категорий, установлены налоги и повинности с них, определен размер арендной платы. Общинные старосты были обременены дополнительной ответственностью. Все это способствовало быстрому укреплению централизованной власти. И хотя Чжу Юань-чжан, следуя традиции, выделил было своим родственникам значительные уделы, даже это заметно ослаблявшее власть центра решение не привело к существенному расстройству в сфере администрации. Просуществовала система уделов недолго. При Чжу Ди, сыне Чжу Юань-чжана, она была ликвидирована.

Чжу Ди, правивший под девизом Юнлэ (1403–1424), восстановил в стране классическую конфуцианскую систему администрации, выработанную в ее полном объеме еще в период династии Тан, после чего на протяжении примерно столетия эта система и централизованный контроль за событиями в империи действовали неукоснительно. При Чжу Ди было проведено несколько успешных войн на юге, в районе Вьетнама и впервые в истории Китая построен большой и дорогостоящий флот. Несколько десятков хорошо оснащенных необ-

ходимой навигационной техникой многопалубных фрегатов во главе с адмиралом Чжэн Хэ с 1405 по 1433 г. совершили серию престижных морских экспедиций в страны южных морей, достигая порой берегов не только Индии, но и Африки, откуда в подарок императору было привезено диковинное животное — жираф. Неоценимая важность этого подарка была обусловлена тем, что рожки жирафа напоминали рога маски *тао-те*, занимавшей обычно центральное место на многих древнекитайских ритуальных бронзовых сосудах.

Важно заметить, что морские путешествия адмирала Чжэн Хэ (к слову, мусульманина — к этому времени в Китае, особенно на юге страны, было уже немало мусульман, особенно торговцев; часть представителей этой религии жила и на севере, некоторые были воинами гвардии императора) — событие весьма серьезное. Однако они не шли и не могли идти ни в какое сравнение с почти одновременными Великими географическими открытиями европейцев в конце того же века. В отличие от европейцев, совершавших открытия, изменившие судьбы всего мира, флот империи был создан для того, чтобы совершать престижные плавания и поражать воображение населения дальних стран. Чжэн Хэ в ходе своих экспедиций время от времени вмешивался в политические распри тех районов, где флот останавливался на временную стоянку. Но пользы Китаю ни плавания, ни вмешательство адмирала в чужие дела не приносили. Показательно, что в 1433 г., после возвращения из последней экспедиции, флот был поставлен на прикол и вскоре был уничтожен по той простой причине, что его эксплуатация обходилась казне слишком дорого и не приносила никакого дохода.

Пример с флотом Чжэн Хэ лучше многих словесных формул наглядно демонстрирует принципиальную разницу в структуре и потенциях Востока и Запада. С одной стороны, активное проявление потенций тех, кто привык к пробуждающим инициативу и энергию неоценимым возможностям рыночно-частнособственнических связей, а с другой — элементарная демонстрация величия гигантской и весьма развитой во многих отношениях империи, где возможности частной собственности и свободного рынка сурово ограничены властью. К слову, сказанное вовсе не означает, что минский Китай был вовсе равнодушен к торговым связям. Напротив, его буквально осаждали торговые караваны, прибывавшие по Великому шелковому пути из разных стран Азии, больших и малых, развитых и не очень. Но что показательно: сухопутная торговля привычно воспринималась в Китае как даннические отношения. С одной стороны — Поднебесная, с другой — все остальные.

И не более того. Китай всегда был самодостаточен и высокомерен. В ответ на привозимые товары, значительная часть которых, причем лучшая, обычно преподносилась императору в качестве подарка и потому воспринималась в Китае как дань, двор в соответствии с древним принципом реципрокного отдара с присущей такому взаимообмену понятием о престиже необычайно щедро отдаривал владельцев каравана, тщательно записывая при этом, откуда, из какой страны и от какого именно правителя нанесен визит с товарами-подарками. Надо особо сказать, что щедрые дары империи, всегда соответствовавшие ее неоценимому по сравнению с любыми данниками величию, дорого обходились стране, так что был введен строгий лимит, ограничивавший количество караванов из разных стран. Что же касается записей о дани, то они вплоть до второй трети XX в., когда шли нелегкие переговоры между КНР и СССР о границе, служили важнейшим аргументом китайской стороны в пользу ее варианта понимания того, кто был вассалом китайской империи и регулярно платил ей дань в сравнительно недавнем прошлом.

Примерно с конца XV в. минский Китай, как то бывало и прежде, стал ощущать признаки наступающего кризиса. Земельные отношения приходили в расстройство, бедняки лишались земли и все чаще покидали родные места. Страна нуждалась в реформах, но слабые ее правители не были в состоянии и не очень хотели заниматься реформами. Как и в далекое время ханьской династии после У-ди, делами в стране все чаще и во все большей степени начинали ведать временщики, т.е. родственники женщин гарема и помогавшие им евнухи. Это привело к тому, что в Китае сформировалась мощная антиправительственная оппозиция, состоявшая в основном из образованных конфуцианцев, чье законное право на управление империей было узурпировано лихоимцами-временщиками. Негодующие конфуцианцы писали гневные доклады на высочайшее имя и требовали положить конец произволу и беззаконию.

В организованной в XVI в. в городе Уси академии Дунлинь собралось особенно значительное количество протестующих. Надо заметить, что кризис в минском Китае принял несколько иные формы, нежели то бывало прежде. Нам неизвестно о сколько-нибудь значительных всекитайского масштаба выступлениях обедневших крестьян. Возможно, что в деревне ситуация не дошла до той степени накала, которая обычно провоцировала такого рода выступления. Как бы то ни было, но на протяжении свыше чем столетия попытки противостоять ухудшению

положения в стране проявлялись в основном в форме противостояния двора и конфуцианцев. Оно проходило чаще всего в виде упоминавшихся уже докладов, в ответ на которые от имени того либо иного императора все чаще приходили лаконичные шелковые шнуры — знак того, что писавшему стоит повеситься самому, пока не поздно[1]. Люди, получавшие эти шнуры, с честью исполняли свой долг. Но их смерть лишь возбуждала тех, кто пока еще оставался в живых. При этом обстановка в стране постепенно все более накалялась. Более того, те высокопоставленные сановники, кто имел власть, нередко тоже, используя свое служебное положение, выступали против казнокрадов и временщиков. Одним из таких сановников был хорошо известный Хай Жуй, который, используя свою власть, жестоко наказывал провинившихся в различных провинциях, чем снискал популярность не только среди требовавших реформ конфуцианцев, но и в народе.

Требование реформ в конечном счете играло свою роль. То один, то другой из императоров был готов склониться перед ним, хотя ни один из них не успевал сделать это. Его убирали с трона, заменяя более покладистым. Лишь в 1628 г. удалось свергнуть власть временщиков. Но было уже поздно. Страна в этот момент, наконец, оказалась в состоянии мощного столь долго ожидавшегося народного восстания. Это восстание было возглавлено крестьянином Ли Цзы-чэном, который в 1644 г. провозгласил себя императором. Однако династии Ли Цзы-чэна не суждено было просуществовать дольше нескольких месяцев.

За то время, что ушло в минском Китае на острую внутриполитическую борьбу, на его северо-восточных границах сложилось государственное образование маньчжуров, родственных разгромленным Чингис-ханом чжурчжэням. Вождь племени маньчжуров Нурхаци (1559–1626) создал крепкое восьмизнаменное (состоявшее из восьми корпусов по числу подразделений племени) войско, которое при его преемнике Абахае (1626–1643) все чаще тревожило границы Китая. В противовес ему маньчжуры стали именовать свое государство империей Цин. А в момент объявления Ли Цзы-чэна китайским императором маньчжурскую империю Цин возглавлял уже сын Абахая малолетний Шуньчжи. Противостояло ему войско генерала У Саньгуя, которое в тот момент еще не подчинилось Ли Цзы-чэну.

---

[1] Система наказаний в Китае была очень жестокой, хотя она обычно и не распространялась на образованный слой населения. Но нужно принять во внимание, что умереть достойно для конфуцианца было одним из важных жестов в адрес недостойного правительства.

Ли постарался привлечь У Сань-гуя, но сделал это крайне неудачно. Он нанес в Пекине визит его отцу, причем во время визита не сводил глаз с красавицы, обслуживавшей высокого гостя. Эта красавица оказалась любимой наложницей У Сань-гуя. Как явствует из соответствующих данных, отец в письме сообщил обо всем сыну и тот пришел в ярость. Обратившись к маньчжурам, он предложил открыть ворота в китайской стене и пропустить их конницу в Пекин, дабы она свергла нечестивца с его трона. Видимо, он рассчитывал вскоре воспользоваться результатами этого похода и втайне надеялся занять императорский трон. Но У Сань-гуй жестоко просчитался. Войдя в Пекин и согнав с трона Ли Цзы-чэна, который вскоре был убит, маньчжуры посадили на китайский трон своего правителя Шуньчжи. А когда пехота У Сань-гуя подошла к Пекину, генералу не оставалось ничего другого, как признать свершившийся факт и пойти на службу к новым правителям Китая. Истощенная длительным противоборством и восстанием империя не была в состоянии, да и не имела сил слишком долго противостоять энергичному натиску новых завоевателей. В результате Китай на несколько долгих веков оказался под властью последней в своей долгой истории династии, династии Цин, как стали еще при Абахае именовать себя маньчжуры.

Глава восьмая. СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Рубеж между древностью и средневековьем при всей своей условности для Востока является, тем не менее, в некотором смысле знаковым. Именно в это время происходит — наряду со многими иными — процесс заметного расширения ойкумены, т.е. вовлечения в сферы влияния уже сложившихся цивилизаций немалого количества новых территорий. К их числу относится и обширный регион Юго-Восточной Азии, от Цейлона (Шри-Ланки) и Бирмы (Мьянмы) до Индонезии и Филиппин. Процесс распространения новых очагов цивилизации в этом регионе тесно связан как с совершенствованием каботажного мореплавания, так и с распространением влияния со стороны наиболее развитых религиозных систем. К числу таких систем в данном случае относятся древнеиндийские брахманизм и буддизм.

Пользуясь случаем, уместно было бы сказать о том, сколь большую роль играет религия в истории эволюции человечества. У религии как историко-культурного феномена множество важных функций, среди которых заслуживает особого внимания именно та, которая имеет непосредственное отношение к формированию, сохранению и совер-

шенствованию позитивных культурных традиций или ментально-нравственного начала в обществе в целом и у каждого из его членов в отдельности. Говоря о позитивном влиянии традиций, следует иметь в виду все то, что так или иначе соответствует элементарным десяти заповедям Ветхого Завета и соответствующим обетам в других религиях, в частности в буддизме. Речь обо всем том, без чего коллектив людей оставался бы популяцией дикарей, время от времени готовых, особенно при подходящем случае, полакомиться печенью, а то и всей плотью захваченных ею в плен чужаков.

Юго-Восточная Азия как обширный регион, где человекообразные жили еще на заре процесса эволюции гоминид (имеются в виду прежде всего яванские питекантропы), издревле был одним из очень важных центров пересечения многих путей, как сухопутных, так и — позже — морских. Здесь специалисты порой даже фиксируют нечто вроде альтернативной зоны ближневосточной неолитической революции. Однако нельзя забывать о том, что подобного рода мини- или квазиреволюция принципиально отличалась от подлинной тем, что она была не зерновой, а клубне- и корнеплодной и что поэтому те, кто научился выращивать плоды и даже изготовлять керамику, не смогли в своем развитии сделать сколько-нибудь заметного скачка. Это было невозможно потому, что те, кто выращивал клубни и корни, оказались не в состоянии использовать их впрок (клубни, в отличие от зерна, долго хранить невозможно). А без подобного рода возможности был закрыт путь к накоплению избыточного продукта, наличие которого сыграло решающую роль в достижении великих успехов неолита на Ближнем Востоке.

Впрочем, к возделыванию зерновых и, в частности, к выращиванию риса население Юго-Восточной Азии приступило достаточно рано, по меньшей мере в IV тыс. до н.э. Рано появились здесь — если верить датировкам находок в пещерах Таиланда — следы бронзолитейного производства. Однако все это как-то не способствовало быстрому развитию региона. Возможно, свою роль играла природная среда и, в частности, тропический климат. Но, как бы то ни было, первые очаги цивилизации и государственности наука фиксирует в этом регионе достаточно поздно, где-то на рубеже новой эры, быть может, чуть раньше этого. И, что очень важно зафиксировать, внешнее, главным образом индийское влияние при этом несомненно. Иными словами, очаги, о которых идет речь, появились в результате и в ходе миграции и сопровождавшего ее иноземного культурного влияния.

Индийское культурное воздействие (брахманизм, кое-где следы варн и каст, буддизм Хинаяны, индуизм в форме шиваизма и вишнуизма) во всем юговосточно-азиатском регионе по меньшей мере с рубежа нашей эры представлено очень широко. В меньшей степени, но тоже весьма заметно, особенно на востоке Индокитая, во Вьетнаме, фиксируется влияние Китая. Если же прибавить к этому распространившееся позже, но сыгравшее огромную роль в развитии региона влияние ислама, то станет очевидным, что весь регион оказался под интенсивным воздействием всех трех великих цивилизаций Востока. Это, вкупе с многочисленными этническими миграционными потоками, спорадически двигавшимися с севера на юг, оказало решающее воздействие на формирование как его внешнего облика, так и всех его основных культурно-религиозных параметров. Неудивительно, что регион в целом оказался очень пестрым и что в нем на протяжении веков возникало множество различных государственных образований. Обратим внимание на наиболее значительные из них, взяв за точку отсчета современную политическую карту.

ШРИ-ЛАНКА (ЦЕЙЛОН)

В географическом и тем более религиозно-культурном плане этот большой остров — часть Индии. Но именно он сыграл важную роль в развитии Индокитая и потому заслуживает специального внимания, которое ему целесообразно уделить в связи с повествованием о юговосточно-азиатском регионе. Начать с того, что, как повествуют легенды, первые шаги государственности на острове связаны с появлением здесь буддийского монаха, сына древнеиндийского правителя Ашоки, который будто бы по просьбе одного из местных вождей прибыл на остров с целью пропаганды буддизма. Легендарное предание остается преданием, но в нем отражен некий исторический процесс, фиксирующий направление потока буддийских монахов в этот регион. Неясно, какую именно роль сыграло появление индийских миссионеров буддизма в развитии первого из цейлонских государств со столицей в Анурадхапуре, но одно несомненно: именно индийский буддизм Хинаяны (Тхеравады) стал основой для дальнейшего распространения этого учения во всем регионе. Здесь был торжественно высажен отросток дерева, под которым будто бы некогда прозрел великий Будда. Здесь был выстроен знаменитый храм в Канди, где как самое ценное достояние острова хранился зуб Будды, для поклонения которому стекались паломники из соседних стран.

Позже наряду с буддистами на остров с севера стали проникать индуисты из Южной Индии. Возник конфликт между представителями обеих религий, усугублявшийся этническими различиями между коренным населением, сингалезцами, и пришельцами, в основном тамилами. Конфликт этот не погашен до наших дней, хотя на протяжении полутора тысячелетий одни государства на острове сменялись другими. Впрочем, эти политические перемены не влияли на структуру общества, которая была типичной для Востока с его институтом власти-собственности. Разве что отличием была большая роль религии, буддийских монастырей и индуистских храмов, которым правители и народ обычно приносили щедрые подаяния. В позднем средневековье остров прославился выращиванием корицы, затем чая, как и некоторых иных пряностей, торговля которыми обычно шла транзитом через Индию, откуда и пошли в свое время в Европе представления об Индии как главном источнике восточных пряностей.

БИРМА

Государственность в Бирме возникла значительно позже цейлонской, причем миграция буддийских монахов сыграла в этом процессе, насколько можно судить, немалую роль. По меньшей мере с рубежа нашей эры некоторые реликвии буддизма уже были известны в Бирме и становились объектом поклонения. Протогосударства Аракан и Шрикшетра, а позже крупное государство Паган испытывали влияние со стороны Цейлона, свидетельством чего является строительство в Пагане специального храма Швезигон, в который торжественно была привезена копия зуба Будды из цейлонского храма Канди. В то же время в Бирме стал влиятельным и индуизм в форме вишнуизма, о чем свидетельствуют изваяния Вишну. Не исключено, что определенное влияние на Бирму оказывал с севера и Китай.

То, что известно о внутренней структуре государственных образований Бирмы — Пагана, а с XVI в. Пегу, — позволяет утверждать, что она вписывается в параметры, общие для традиционных восточных обществ. Здесь и власть-собственность (верховная собственность) правителя на землю, и владения крупной знати, что косвенно может быть воспринято как наличие феодального варианта структуры власти-собственности, и заметная роль аппарата чиновников-*мьотуджи*, и общинные крестьяне, платившие правителю государства либо его ставленникам-вассалам ренту-налог (централизованная и децентрализованная редистрибуция). Монастырское землевладение,

как то считалось нормой, освобождалось от налогообложения и тоже может считаться элементом той же структуры с децентрализованной редистрибуцией. При этом существенно заметить, что буддийские монастыри были важными центрами культуры. Считалось нормальным, чтобы каждый юноша провел в монастыре хотя бы год, дабы приобщиться к буддизму и, если и насколько удастся, овладеть основами грамоты и сущностью учения Будды.

ТАИЛАНД (СИАМ)

Если не считать загадочных находок бронзы в пещерах Таиланда, то о появлении самых ранних очагов цивилизации и государственности можно вести речь лишь применительно к сравнительно позднему времени, к V–VII вв., когда господство некоего аустронезийского этнического субстрата сменилось мон-кхмерским, прежде всего монским. Ранее других возникло государство народа мон Дваравати, чуть позже именовавшееся Лопбури.

Это было слабое государственное образование, в котором очень большую роль играл буддизм и которое некоторое время находилось в зависимости от соседней народности кхмеров. Другое монское государство, Харипуджайя, было современником Дваравати и тоже зависело от кхмеров. Пока ранние монские государственные образования выясняли свои отношения с более сильными кхмерами, с севера в район современного Таиланда начали волнами мигрировать племенные группы тайцев. Видимо, первые волны мигрирующих тайцев по пути на юг задержались в южных землях Китая, где ими — быть может в сочетании с некоторыми китайскими и тибето-бирманскими этническими общностями — было создано государство Наньчжао, просуществовавшее до нашествия монголов и, вполне возможно, оказавшее некоторое влияние на мигрировавших на юг тайцев, которые принесли с собой в Таиланд элементы китайской культуры и политической администрации.

Тайское государство Сукотаи, расцвет которого пришелся на XIII–XIV вв., потеснило монские Лопбури и Харипуджайю, а также главенствующих над ними кхмеров, т.е. Камбоджу. Но внутренняя слабость этого государства, обусловленная системой феодального типа уделов, находившихся в распоряжении влиятельной знати, привела к упадку этого государства и к смене его другим государством народа таи, Аютией, которое в XV в. оказалось едва ли не сильнейшим во всем Индокитае. Правители Аютии (Сиама), энергично осуществляя процесс централизации власти, создали мощный разветвленный аппарат администрации,

причем часть крестьян была переведена на положение чуть ли не военнопоселенцев. И хотя в XVI в. Аютия на короткое время оказалась в зависимости от бирманского царства Пегу, она продолжала быть достаточно сильной, чтобы дать отпор натиску с востока, со стороны кхмеров. Вторжение португальцев в том же XVI в. оказалось катастрофическим как для бирманского Пегу, так и для Аютии. Но Сиам все же сумел оказать сопротивление колонизаторам. И хотя отпор внешнему вторжению и закрытие страны от иностранцев привели к некоторому упадку хозяйства страны, она смогла сохранить независимость, что со временем стало весьма существенным отличием Сиама от соседних с ним стран Индокитая.

КАМБОДЖА

История государственности кхмеров началась сравнительно рано, в самом начале новой эры. Здесь, на юго-восточной окраине Индокитая, возникло государственное образование Фунань, о котором известно в основном из китайских хроник (откуда и китаизированное его наименование). Похоже, что основным субстратом местного населения были кхмеры, а главной религией — несколько трансформировавшийся на основе древнеиндийского брахманизма индуизм. Столкновение с соседним государственным образованием кхмеров Ченла привело к перемене названия государства, которое примерно с VI–VII вв. начало именоваться Камбоджей, что, в частности свидетельствует об усилении в нем влияния мигрантов из Индии. Именно в это время в Камбодже распространяются легендарные предания о родстве правящих родов, гордо причислявших себя к варне кшатриев, с древними индийскими Солнечной либо Лунной династиями, воспетыми в древнеиндийском эпосе «Махабхарата».

На рубеже VII–VIII вв. Камбоджа распалась на несколько соперничавших друг с другом государств, среди которых вскоре выделилась Камбуджадеша (Ангкорская Камбоджа) с характерным для нее обожествлением правителей (*дева-раджа*, т.е. царь-бог), культом индуизма в варианте шиваизма и строительством индуистского храмового комплекса в Ангкоре с его знаменитыми башнями в форме *линги*, т.е. мужского полового члена, символа Шивы. Соответственно огромную роль в стране играли индуистские жрецы-брахманы, явно прибывавшие в Камбоджу из Индии. Расцвет Ангкорской Камбоджи в XIII в. сменился ее упадком, чему, видимо, способствовало вытеснение индуизма буддизмом. А столкновения Камбоджи с Сиамом

привели в конечном счете к разграблению храмов Ангкора и к крушению кхмерской государственности. Позже она была восстановлена, со столицей в Пномпене, но героические ее времена навсегда ушли в прошлое.

Что касается структуры кхмерского общества, то она в принципе мало менялось и по существу мало чем отличалась от общего для Индокитая стандарта. Правитель, аппарат управления из чиновников, имевших служебные наделы, храмы и жрецы с налоговым иммунитетом, общинные крестьяне (*кхнюм*), выплачивавшие в казну ренту-налог, которая затем перераспределялась представителями власти, — вот те основные институты (власть-собственность и система редистрибуции), которые были для нее характерны.

ЛАОС

История Лаоса, протянувшегося длинной полосой вдоль восточных границ Таиланда, во многом близка к сиамской. Здесь, как и в Сиаме, на местную аборигенную аустронезийскую основу наложился вначале мон-кхмерский, а затем тайский этнический субстрат. Но даже самые первые протогосударственные образования возникли здесь еще позже, чем в Таиланде. Примерно в XIII в. часть Лаоса вошла в состав тайского Сукотаи, в котором господствовал южный буддизм, Тхеравада. В то время южные земли Лаоса входили в состав государств Камбоджи. И лишь с XIV в. появилось первое лаосское государство Лансанг. Как и соседний Сиам, оно, насколько можно предполагать, испытало воздействие китайской культуры, принесенной мигрировавшими через Наньчжао на юг волнами тайцев. Это влияние проявилось в весьма ранней разветвленной сети административных округов, в наличии специализированных центральных ведомств, а также в привилегированном положении представителей тайского этноса. Буддизм как религия преобладал в этой небольшой стране, не имевшей — в отличие от остальных стран Индокитая — выхода к морю и потому, видимо, отставшей от них в развитии. Лансанг в XIV–XV вв. вел войны с Сиамом, позже также с Бирмой и Дайвьетом. Но в конце XVII в. он распался на ряд княжеств, и с тех пор Лаос более не знал периодов значительного политического и тем более экономического подъема.

ВЬЕТНАМ

На фоне всех вкратце описанных выше сравнительно небольших государств Индокитая Вьетнам и по количеству населения, и по своей

богатой истории выглядит подлинным гигантом. С самого начала надлежит оставить в стороне небольшую его южную часть Чампу (Тьямпу), испытавшую на рубеже новой эры сильное индийско-буддийское влияние, тяготевшую в древности к Фунани, позже к Камбодже, и до довольно позднего времени практически бывшую чуждой основной части государства вьетов. Эта часть была присоединена к Вьетнаму много позже. Что же касается основной средней и северной частей вьетского государства, то они с древности находились под сильным влиянием Китая.

Еще во времена первого китайского императора Цинь Ши-хуана в районы к югу от страны (эти районы в Китае именовались общим термином Юэ) было направлено войско, которое — если принять во внимание быстрый и драматический ход событий в самом Китае — судя по всему, там и осело. Это не могло не оказать на население вьетнамских протогосударственных образований Намвьет и Аулак определенного влияния. Несколько позже, примерно через столетие, в 111 г. до н.э., во Вьетнам было направлено войско ханьского императора У-ди, которое фактически, несмотря на порой героическое сопротивление (восстание сестер Чынг в 40–43 гг. н.э.), положило начало завоеванию и китаизации северного Вьетнама, к тому времени порой именовавшегося Зяо. Хотя Зяо и сохраняло определенную автономию и даже на первых порах, в пику всесильным китайским наместникам, активно приветствовало буддизм, пришедший во Вьетнам в годы Нань-бэй чао из Китая, оно медленно, но неуклонно подвергалось процессу китаизации. Этот процесс шел в те века во всем Китае, так что вполне понятно, что он не миновал и его крайне южные окраины, среди которых было и Зяо (Аулак).

Страна вьетов за первое тысячелетие нашей эры обрела типичную китайскую административную и социополитическую структуру, взяла в качестве основы китайскую иероглифику и, что, пожалуй, следует считать наиболее важным, обрела в качестве доктринальной идейной основы ханьское имперское конфуцианство. Государство вьетов окрепло и не раз успешно воевало со своими южными соседями чамами (тьямами). Так продолжалось вплоть до X в., когда процветавшая китайская империя Тан пришла в упадок и Китай на полвека оказался втянутым в серьезную гражданскую войну. За эти годы ослабления великой империи находившийся под его влиянием Вьетнам обрел собственные правящие династии, сперва Кхук (906–923), затем Нго (939–965), потом Динь (968–981) и так называемых Ранних Ле (981–1009). Если принять во внимание, что начальные

годы правления китайской династии Сун, после ее воцарения в 960 г., были омрачены нелегкими взаимоотношениями с усилившимися северными соседями, киданями и тангутами, то не покажется удивительным, что в это трудное время сунским императорам было не до далекого южного Вьетнама.

Стоит вместе с тем заметить, что та династийная чехарда, которой был отмечен X век в истории Вьетнама, тоже отнюдь не была случайной. Освободившись от гнетущей зависимости от великой империи, в стране подняла голову влиятельная местная вьетнамская знать. Феодального типа властители, так называемые *сы-куаны*, вели борьбу за влияние и власть в стране. Каждый из них был главой могущественного клана и имел в своем распоряжении немалую силу. Соперничая друг с другом и оказывая давление на центральную власть, кое-кто из этих сы-куанов временами садился на трон, после чего его заменял другой. И хотя почти каждый из правителей за короткий отпущенный ему судьбой исторический срок пребывания на вьетском троне пытался провести реформы, направленные на укрепление власти центра, к большим успехам это не приводило. Укрепиться на троне сумела лишь сменившая всех упомянутых выше правителей династия Ли (1010–1225), в 1069 г. сменившая название страны на Дайвьет.

Очень показательно, что административная реформа, проведенная правителями этой династии, была до мелочей сходна с той танско-сунской системой организации управления, о которой говорилось выше и которая была в конечном счете большим достижением императорского Китая. Здесь появились примерно такие же централизованные ведомства с ответвлениями в провинциях, провинции со сменяемыми губернаторами, та же система экзаменов (на китайском языке, точнее, с сочинениями, написанными китайскими иероглифами на темы из истории Китая с рассуждениями, соответствующими духу китайских конфуцианских канонов). Китайская модель была заимствована и в организации армии, и в сфере экономики и социальных отношений, и в моральных максимах, прививавшихся населению. Парадоксально, но факт: избавившись от строгого контроля китайских наместников и вроде бы обретя независимость, Вьетнам с X в. стал как бы частью все той же великой китайской империи, которая прививала ему свои принципы бытия на протяжении более тысячелетия до того.

Династия Ли вела успешные войны с Ангкорской Камбоджей и чамами на юге. Однако уже в начале XIII в. она стала слабеть, чем воспользовался один из родственников правителя, который совершил дворцовый

переворот, основав новую династию Чан (1225–1400). На долю этой династии, в принципе мало что изменившей в положении и внутренней структуре страны, выпала нелегкая задача сопротивляться монгольскому завоеванию. Героическое сопротивление, однако, ни к чему не привело, так что сразу же после падения китайской южносунской династии Вьетнам вынужден был признать себя вассалом монгольской династии Юань. Впрочем, по условиям мирного договора с Хубилаем страна сохранила значительную долю своей независимости, что считается немаловажным успехом. До наших дней внесший наибольший вклад в сопротивление монголам главнокомандующий Чан Хынг почитается вьетнамцами как национальный герой.

Страна была серьезно ослаблена войной. Свыше века ушло на то, чтобы она как-то оправилась. Большую роль на заключительном этапе этого процесса сыграли решительные реформы главы правительства Хо Кюэ Ли, который в 1371 г. сумел осуществить ряд серьезных мер, направленных на обуздание аппетитов знати, реорганизацию армии и администрации, упорядочение системы налогообложения. Реформы вызвали сопротивление, причем недовольные обратились за помощью к китайской династии Мин. Минские войска, воспользовавшись ситуацией, вторглись во Вьетнам. Династия Чан пала. После ухода китайского войска власть оказалась в руках династии Поздних Ле (1428–1789), причем основатель этой династии продолжил реформы Хо. Доведенные до конца реформы оказали серьезное позитивное влияние на развитие страны и укрепление центральной власти. Но с XVI в. династия стала ослабевать, а крупные сановники из влиятельных кланов Нгуен, Мак и Чинь вступили в ожесточенную борьбу за трон. Эта борьба привела к успеху дома Нгуенов, который с помощью французов сумел укрепить свое влияние и основать империю (1802–1945).

История Вьетнама по-своему очень показательна. С одной стороны это вроде бы непрерывная борьба за самобытность и самостоятельность народа и власти. С другой — наглядный пример позитивной роли постоянного и очень сильного культурного воздействия со стороны великой и добившейся немалых результатов цивилизации. Не будем судить, что было бы, если бы... Факт остается фактом: Вьетнам в ходе исторического процесса был на протяжении длительного времени одной из стран, тесно связанных с Китаем. И это в конечном счете явно пошло ему, как и другим странам, оказавшимся в аналогичной ситуации, на пользу. Достаточно на мгновение оторваться от событий описываемой эпохи и хотя бы мельком взглянуть на сегодняшние события, чтобы ни у кого

не было сомнений в этом. Но покинем страны Индокитая, среди которых Вьетнам ныне, несмотря на все испытания, выпавшие на его долю в XX в., имеет явные преимущества, и обратимся ко второй — островной — части юговосточно-азиатского региона.

ОСТРОВНОЙ МИР РЕГИОНА. МАЛАЙЯ

В отличие от континентального, островной мир Юго-Восточной Азии, как и очень близкий к нему по всем параметрам полуостров Малайя (Малакка), — это совершенно особая часть региона. Здесь преобладают иные этносы, иные языки и даже господствуют — по меньшей мере в последние полтысячи лет — другая конфессия и другие цивилизационные влияния. Но, впрочем, если иметь в виду начальный этап истории стран региона, ситуация окажется несколько не такой. Сходства будет больше. Все дело в том, что на первых порах становления ранних очагов государственности и цивилизации в этой части региона шел тот же самый процесс. Островной мир был в той же мере, что и континентальный, затронут влиянием со стороны индуистской и буддийской культуры. И в этом нет ничего удивительного, ибо Молуккский пролив, отделяющий континент от островов Индонезии, — это узенькая полоса моря, пересечь которую никогда не составляло труда. И коль скоро интенсивное влияние с запада прошло по всему Индокитаю, то остановиться перед морским проливом у него не было оснований. Отсюда и результат: острова южных морей— как их именовали с древности в Китае — были сравнительно легко освоены теми же, точнее такими же буддийскими монахами либо индуистами, которые оставили свой очень весомый след в культурной традиции стран Индокитая. Своеобразным посредником между континентальной и островной частью региона является Малайя.

Малайя, представляющая собой узкую длинную полосу, глубоко вдающуюся в Молуккский пролив, издревле была едва ли не основным путем для миграционных потоков в южном направлении. Через ее территорию аустронезийский и меланезоидный этнический субстрат проникал на острова Индонезии и распространялся далее в упоминавшихся уже странах южных морей. Выгодное географическое расположение южной части полуострова способствовало превращению его в своего рода торговый перекресток, куда причаливали иностранные торговцы. Эти торговые суда возили, помимо товаров, также и миссионеров и иных мигрантов из дальних западных стран, прежде всего Индии, Цейлона и западной части южного Индокитая. Именно выходцы из южной

Индии, во всяком случае прежде всего и главным образом именно они, включая и представителей брахманских каст, и буддийских монахов, создавали в ряде портовых поселений Малайи ее первоначальную социополитическую и религиозно-культурную основу.

Первые государственные образования южной Малайи, возникшие на рубеже нашей эры, были скорее иноземными анклавами, нежели плодом самостоятельной эволюции достаточно еще отсталого по уровню развития местного населения. Однако с течением времени и в ходе процесса трибализации местного населения (это заняло несколько веков) индо-буддийское ядро городских портовых поселений обрастало тяготевшей к ней и развивавшейся быстрыми темпами периферией. Возникали своего рода города-государства, которые поддерживали активные связи не только с отдаленными странами, но и с близкими к ним государствами типа Фунани либо — чуть позже, с VII в., — суматранской Шривиджайи. А когда в XI в. южноиндийское государство Чолов овладело Шривиджайей, малайские княжества оказались в вассальной зависимости от Чолов, что, впрочем, никак не отразилось на их выгодных для дальнейшего развития торговых связях, прежде всего с тем же государством Чолов.

В XIII в. среди множества небольших малайских государственных образований выдвинулось государство Трамбралинга, вскоре оказавшееся сначала в состоянии войны, а затем и в вассальной зависимости от сиамского государства Сукотаи. Ситуация в Малайе складывалась таким образом, что для самостоятельного существования местные государства были слишком слабы, а территория их была лакомым куском для многих более сильных соседей и даже далеких стран вроде государства Чолов. Положение резко изменилось после проникновение ислама в южномайлайский торговый центр.

Дело в том, что исламизация Индии привела к тому, что главными агентами ее морской торговли стали купцы-мусульмане из Гуджарата. Именно они сосредоточили в своих руках торговлю в Молуккском проливе, где в немалом числе оседали, создавая новые портовые города, как в Малайе, так и в Индонезии. Ислам стал постепенно превращаться в этом районе в ведущую силу, причем не только и не столько как вытеснявшая индо-буддийское влияние новая и сильная религия, сколько как образ жизни, присущий всем мусульманам. Этим немаловажным обстоятельством воспользовался один из представителей правящего дома на Яве Парамешвара (стоит обратить внимание на его вполне индийское имя), который в силу сложившихся для него

обстоятельств вынужден был бежать в Малайю, где он принял ислам и, назвавшись Искандер-шахом, в 1414 г. создал из небольших и уже в немалой степени исламизированных поселений, как портовых, так и остальных, Малаккский султанат.

Султанат и его правитель оказались достаточно сильными для того, чтобы быстро и умело объединить под своей властью почти всю Малайю и даже часть индонезийской Суматры. С середины XV в. ислам прочно восторжествовал в Малайе, а султанат стал сильным централизованным государством, осуществлявшим строгий и эффективный контроль как над аграрными отношениями внутри страны, так и над торговыми связями в ее портовых поселениях. Неудивительно, что он оказал немалое влияние и на победоносное, хотя и вполне мирное, распространение ислама в соседней Индонезии, прежде всего на ее основных и наиболее развитых островах, Суматре и Яве. И хотя сам султанат прекратил свое существование в 1511 г. под натиском португальцев, превративших его портовые города в свои торговые фактории, это не привело ни к крушению мусульманской государственности в Малайе, ни к уменьшению в ней роли ислама. Просто на смену одному сильному исламскому султанату пришло несколько меньших, наиболее значительным из которых вскоре стал Джохор. Султаны Джохора вступили в контакт с голландцами, сменившими к этому времени португальцев. Мало того, они способствовали изгнанию из Малайи португальцев и тем укрепили свой престиж. Но это не изменило того факта, что подлинными хозяевами всего малайско-индонезийского региона с этих пор стали именно голландцы.

Малайя оказалась исключительно богата пряностями и иными природными раритетами. Поэтому неудивительно, что на протяжении нескольких веков она была лакомым куском, которым стремились овладеть многие, начиная с авантюриста Искандер-шаха. Неудивительно и то, что судьба ее населения на долгие века стала зависеть от продуктивности того плантационного хозяйства, которое стали обстоятельно развивать на ее территории колонизаторы. Это, помимо всего прочего, вело к миграции в Малайю многих иностранных рабочих, прежде всего китайцев и индийцев, которые со временем стали составлять едва ли не половину населения страны. Сами же малайцы долго, вплоть до сравнительно недавнего времени, оставались сельским придатком экономики страны и, в частности, ее торговли и обслуживавших торговлю портовых городов. Несколько иначе, хотя кое в чем и похоже, сложилась судьба островов Индонезии.

ИНДОНЕЗИЯ

Острова Индонезии и особенно Суматра — это территории, расположенные рядом с Малайским полуостровом и во многом связанные с ним. Именно через Малайю в глубокой древности проникали далее на юг волны народов, впоследствии вошедшие в состав малайско-полинезийской языковой семьи. Индонезийская ветвь этой большой языковой семьи представлена островитянами Индонезии, т.е. группы островов, больших и малых, которые издревле составляли в цивилизационном — да и этническом — плане нечто весьма близкое друг к другу. Из крупных островов, ранее всего освоенных и ставших первыми очагами цивилизации на этом архипелаге, следует назвать, помимо уже упомянутой Суматры, в первую очередь главный из них, Яву.

Именно на Яве и Суматре в начале нашей эры уже существовали ранние протогосударственные образования, в основном сложившиеся таким же образом, как то было и в Индокитае. Имеется в виду влияние со стороны Индии в двух ее основных религиозных формах, буддийской и индуистской. Первым крупным государством следует считать упоминавшуюся уже суматранскую Шривиджайю, просуществовавшую с VII по XIV в. и распространившую свое влияние на соседние мелкие острова, частично также и на Малайю. Шривиджайя была важным торговым центром и в немалой мере через нее шло, вместе с зарубежными товарами, и влияние извне. Яванское государство Матарам возникло чуть позже, в VIII в., и в цивилизационном отношении было тесно связано с индуизмом в его шиваистском варианте. Однако после прихода к власти в этом государстве династии Шайлендров в нем возобладал буддизм Махаяны, свидетельством чего является величественный храмовый комплекс Бороводур.

Как суматранская Шривиджайя, так и яванский Матарам в структурном плане были типичными восточными обществами с институтами власти-собственности и крепким централизованным государственным аппаратом, ведавшим редистрибуцией взимавшейся с населения ренты-налога, чаще всего десятой доли дохода. Государство заботилось о поддержании в порядке ирригационной системы, не оставляло без своего внимания портовые города с их развитой торговлей. Буддизм и шиваизм, как правило, достаточно мирно уживались друг с другом и пользовались покровительством все того же государства.

С XIII в. на Яве стало господствовать государство Маджапахит (1293–1520), самое крупное и известное в истории Индонезии.

Индийские корни его были несомненны. Достаточно заметить, что возглавлявший его правитель именовался титулом *махараджи*. Влияние нового государства было велико. Оно распространялось не только на Яву и Суматру, но также на Калимантан, Сулавеси и многие другие, более мелкие острова архипелага. Наивысшего расцвета оно достигло в годы, когда им управлял первый министр Гаджа Мада (20–60-е гг. XIV в.). Этот наиболее заметный в истории страны политический деятель очень много сделал для укрепления государства. Им был создан свод законов, в котором была закреплена сложившаяся структура общества.

Часть территории принадлежала махарадже и доход с нее шел в казну. Другая находилась под управлением наместников и князей. Реальная власть на местах в обеих зонах принадлежала аппарату администрации, т.е. чиновникам, которые за свою работу получали служебные наделы, а точнее, видимо, часть налогов с населения определенной территории. Основой сельскохозяйственного производства была община. Однако в результате частых военных действий некоторые общинники, принимавшие активное участие в боях, стали заметно выделяться среди прочих. Из их числа в общинах сложился привилегированный слой богатых *панджи*, заслуженных воинов. Панджи начинали притеснять других общинников, что вело к утрате многими из числа членов общины их наделов и статуса, к превращению их в арендаторов.

Немалое место в обществе Маджапахита занимали буддийские монастыри и индуистские храмы. Большого развития достигла культура. Уделялось серьезное внимание архитектуре, литературе и особенно театру. Театр *вайянг*, марионеток, стал национальной гордостью индонезийцев и ценится в наши дни. После смерти Гаджи Мада государство понемногу начало приходить в упадок. Вассальные князья и наместники в разных частях обширной державы вели междоусобные войны и проявляли стремление к политической независимости. В этой связи следует обратить внимание на то, что когда острова Индонезии в начале XV в. посещал флот китайского адмирала Чжэн Хэ, многие властители вассальных феодального типа княжеств обращались именно к нему за помощью в борьбе с их соседями. Неясно, вмешивался ли всерьез в эти распри Чжэн Хэ, но сам факт говорит о многом, в том числе и о слабости государства Маджапахит через полвека после ухода с политической сцены всесильного Гаджа Мады. Эта слабость в то же время проявилась и в еще одном аспекте, исторически много более существенном.

Речь идет о процессе исламизации индонезийских островов. Как и в случае с Малайей, мусульманские купцы из Гуджарата, а затем,

видимо, и из других районов Индии, где в ислам обращалось, как о том уже шла речь, прежде всего городское население, в том числе и богатые торговцы, оседало в портовых городах Индонезии. Вначале, как можно полагать, они поселялись в портах Суматры, затем также и на Яве и многих других островах. Мирное наступление ислама в условиях ослабевавшей центральной власти махараджи Маджапахита сопровождалось острой политической борьбой, в ходе которой правители многих княжеств, стремясь подчеркнуть свое стремление к политической самостоятельности, демонстративно принимали ислам. Этот, стоит снова подчеркнуть, в основе своей мирный процесс исламизации, с одной стороны, укреплял позиции князей-раджей, превращавшихся в султанов и тем обретавших дополнительную власть, свойственную мусульманским правителям, а с другой — позволял им решительнее противостоять махарадже Маджапахита.

На рубеже XIV–XV вв. процесс исламизации дошел до такого уровня, что затронул правящий дом Маджапахита, о чем косвенно свидетельствует бегство из Индонезии в Малайю представителя этого дома Парамешвары, ставшего на новой территории Искандер-шахом, главой созданного им султаната. После этого движение коалиции индонезийских султанов против правителя Маджапахита развернулось с еще большей силой, что привело в 1520 г. к гибели единого государства и образованию на его территории множества султанатов и княжеств, которые тоже быстро превращались в султанаты. Междоусобные войны султанов окончательно ослабили страну, создав своего рода политический вакуум, который позволил сначала португальцам, а затем и голландцам прочно укрепиться в Индонезии, превратив ее в свою колонию.

Ко всему сказанному необходимо добавить, что примерно в те же XIV–XVI вв. индонезийские острова начали энергично заселять мигранты из Китая. Не исключено, что этому процессу способствовали экспедиции Чжэн Хэ. Но в любом случае торговцы из перенаселенных южнокитайских провинций увидели на островах Индонезии — как и в Малайе — неосвоенные ниши в сфере ремесла и торговли. Неся с собой высокую китайскую культуру труда, навыки в производстве и торговле и завидное умение сосредоточиться именно на тех сферах деятельности, где у них не было весомой конкуренции, китайские мигранты, или хуацяо, как их обычно именуют, стали быстрыми темпами наращивать экономический, финансовый и иной потенциал. Они буквально на глазах местного населения, включая и все возраставшую

исламизованную его часть, становились едва ли не ведущей силой в ряде жизненно важных сфер деятельности. И хотя хуацяо рассматривались колонизаторами как часть местного населения, с которым они не привыкли церемониться, ситуация в стране содействовала активности китайских мигрантов.

Есть весомые основания для предположения, что среди компрадорского слоя посредников, связывавших местное население с колонизаторами, доля хуацяо была весьма заметной. Следует полагать, что Индонезия в этом плане не уступала Малайе. Тем более, что по количеству желанных для европейцев пряностей — гвоздика, корица, перец, мускатный орех и т.п. — индонезийские острова, как и Малайя, были той самой сказочной Индией, куда стремился добраться Колумб. И вообще вполне вероятно, что сводно-обобщающим термином *Индия* во времена Колумба, да и много позже, именовалась не только и, скорей всего, даже не столько сама Индия, сколько те в культурном отношении близкие к индо-буддийской цивилизации страны, о которых сейчас идет речь, начиная с Цейлона и кончая Индонезией. Стоит напомнить, что сама Индонезия после прихода туда колонизаторов долгое время именовалась Голландской Индией, для чего явно были немалые и вполне основательные причины.

ФИЛИППИНЫ

Географически Филиппинский архипелаг относится ко всему тому же юго-восточно-азиатскому региону, хотя сами Филиппины отстоят на немалое расстояние от других частей региона. Это важное обстоятельство, к слову, во многом обусловило и отставание этого архипелага в развитии. Население Филиппин издревле комплектовалось из тех же волнами набегавших на архипелаг этнических компонентов, что и другие части региона. Но некоторое своеобразие сводилось к тому, что доля индийских мигрантов здесь была намного меньшей, как, впрочем, и степень исламизации, затронувшей лишь южные части архипелага. Основная масса местного населения вплоть до начала XVI в. находилась на примитивном уровне полупервобытности. При этом характерно, что деревня-община явственно испытывала на себе — как и население всего региона — индийское влияние, которое проявлялось хотя бы в том, что общинные старейшины подчас пышно именовали себя раджами.

Когда на рубеже XV–XVI вв. португальцы изгнали из Малайи последнего султана из династии Искандер-шаха, этот султан и часть его родственников и приближенных, по некоторым данным, мигрирова-

ли именно на юг Филиппин. Под их воздействием местное население, подвергнувшись процессу трибализации вкупе с исламизацией, стало быстрыми темпами создавать протогосударственные структуры, следствием чего было появление исламских султанатов. Эти султанаты, как и развивавшиеся параллельно с ними общины, возглавлявшиеся раджами, были в силу обстоятельств весьма примитивными. Однако основы складывавшейся структуры были общепринятыми. Согласно данным судебника, датируемого 1433 г. (письменность на южноиндийской графической основе), земля была собственностью местных правителей, раджей или султанов, наделявших ею своих подданных. За различные проступки полагались оговоренные наказания.

Видимо, существовали на островах Филиппин, особенно в северной части архипелага, и некоторые портовые поселки городского типа, где селились прибывавшие из южного Китая мигранты хуацяо. Не вполне ясно, насколько быстрыми темпами удавалось хуацяо активно действовать и реализовывать свои потенции в полупервобытном обществе. Но следует полагать, что успехи их на первых порах, до появления испанцев, были невелики.

Когда в 1521 г. экспедиция Магеллана, бросившего якорь на острове Себу по пути в Малакку, привела к открытию испанцами нового большого архипелага, история Филиппин стала круто изменяться. Хотя сам Магеллан погиб в столкновении с местным населением (его победитель Лапу-Лапу до сих пор почитается как первый герой страны в ее борьбе за независимость), уже в середине XVI в. испанцы достаточно твердо обосновались на севере архипелага, названного ими в честь принца и будущего короля знаменитого Филиппа II. Создав в порту Манила столицу своей колонии, испанцы начали быстрыми темпами осваивать территорию островов. Только мусульманский юг, страна Моро, как он именуется и в наши дни, оказывал им упорное сопротивление.

Христианизованные части архипелага стали управляться испанцами с помощью системы *энкомиенд* (больших наместничеств, передававшихся аристократам либо церковным иерархам на правах опеки), которая была принята и в Латинской Америке. Энкомиендеро требовал от крестьян налоги-*трибуто* и выполнение повинностей. Однако сами испанцы, чье присутствие на архипелаге было слабо ощутимым, мало внимания уделяли развитию Филиппин. Гораздо больший вклад в это дело вносили все те же хуацяо, для которых жизнь в условиях налаженной испанцами политической и экономической системы

оказалась очень удобной. Китайская колония на Филиппинах быстро росла. Торговцы из числа хуацяо фактически монополизировали всю внешнюю торговлю архипелага. Неудивительно, что богатых хуацяо невзлюбили как испанцы, так и местное население (к слову, среди местного населения хуацяо не пользовались симпатией и в остальных странх южных морей, начиная с Индонезии). Стоит в этой связи заметить, что налоги и пошлины хуацяо обычно официально платили в удвоенном размере по сравнению со всей остальной частью населения архипелага. Тем не менее, без китайцев Филиппины не могли обойтись, причем эта ситуация сохраняется, пусть в несколько видоизмененном виде, до наших дней. Сегодня роль китайских мигрантов на Филиппинах исполняют, как правило, метисы, в крови которых большая доля прежних хуацяо. Именно они являются наиболее влиятельной частью современного филиппинского общества.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ РЕГИОН

Юго-восточно-азиатский регион являет собой сумму весьма разных стран и государственных образований. Но то общее, что их объединяет и что легко обнаруживается практически во всем регионе, это, во-первых, сильное влияние всех трех великих восточных цивилизаций и, во-вторых, их история. Естественно, что оба фактора тесно взаимосвязаны. Коль скоро регион как зона цивилизации и государственности развивался в ходе освоения его мигрантами из Индии, Китая и исламских стран, то, конечно, нет ничего удивительного в том, что основные закономерности его развития — при всем разнообразии входивших в него государств — были в достаточной степени сходными.

Разумеется, это сходство не следует преувеличивать. Огромную роль в проявлении особенностей разных стран региона играли их географическое положение, природные ресурсы, даже просто степень взаимной близости и соответственно взаимовлияний. Можно было бы поставить рядом горный Лаос, не имевший выхода к морю и в силу этого отставaвший в развитии, и филиппинский архипелаг, затерянный в океане и отставший в развитии от других в силу прежде всего того, что он тоже оказался не в состоянии наладить хорошие связи с соседями. Что же касается остальных стран континентальной и островной части региона, то каждая из них имела и хороший контакт с соседями и условия для реализации своих потенций.

Специфика региона не ограничивается одним лишь влиянием трех разных цивилизаций при мирном их взаимодействии на протяжении многих веков, что само по себе заслуживает внимания. Она видна и на примере частого волнообразного перемещения больших этнических общностей. В принципе взаимодействие различных этнических общностей нередко способствует передаче культурных традиций и взаимного обогащения за этот счет. Однако в юго-восточно-азиатском регионе однообразное движение волн с севера на юг приносило — если не считать китайских хуацяо — чаще всего лишь замену одних полупервобытных структур другими. Это немаловажное для всего региона обстоятельство вело к тому, что зачатки культурных традиций приходили сюда в основном извне. Изредка это были завоевания со стороны Китая, что касалось преимущественно северного Вьетнама. Но гораздо чаще, даже как правило, речь может идти лишь о мирных миграциях небольших коллективов, иногда, возможно, совсем маленьких групп носителей чужой, но много более высокой культуры, будь то буддисты, индуисты или, позже, мусульмане.

В итоге регион в целом не сыграл заметной роли в развитии соседних стран. Возможно, он и вовсе бы зачах и остался на невысоком уровне развития, если бы не его природные условия. Именно те редкие растения, которые столь интересовали торговцев из других регионов, начиная с далекой Европы, где пряности использовались преимущественно для приготовления и сохранения пищи, и кончая многочисленными посредниками вроде мусульманских купцов из Гуджарата, помогли ему не только выжить, но и стать желанным. Именно это обстоятельство стимулировало не только поиски морского пути в далекую Индию (стоит повторить, что имелся в виду как раз этот регион), но и освоение его природных богатств с первых шагов колониализма.

Глава девятая. КОРЕЯ И ЯПОНИЯ

Дальневосточный регион (не считая Китая), как и соседний с ним юго-восточно-азиатский, долгое время был вне воздействия развитых очагов цивилизации и государственности и обрел эти очаги сравнительно поздно, в начале нашей эры, причем опять-таки под влиянием более развитых соседей. Только таким соседом для Кореи и Японии была не столько далекая Индия, сколько близкий к ним Китай. Вообще влияние китайской цивилизации на соседние с ней народы было длительным и имело вполне ощутимые результаты. Оно коснулось прежде всего близлежащих Вьетнама, Кореи и Японии, у которых даже

в основе письменности были китайские иероглифы, не говоря уже обо всех иных сферах жизни и культуры. Но ее влияние, стоит напомнить, ощущалось и в других местах, будь то отдаленные юго-западные земли (государство Наньчжао и подвергшиеся его воздействию тайцы или лаосцы) или народы севера (тангуты, кидани, чжурчжэни и даже в некоторой степени монголы).

Словом, зона воздействия китайской цивилизации мало чем уступала соответствующей зоне индо-буддийского влияния, если вообще уступала. А вернее сказать, подчас обе зоны двух самых значительных цивилизаций Востока как бы взаимодействовали. Это вполне наглядно проявилось в той роли, которую играл тот же буддизм, пусть и в его китаизированной форме, в жизни Японии и Кореи. Даже если считать, что в этом своеобразном дуэте Китай с его конфуцианством был явно первой скрипкой, забывать о буддизме, порожденном в конечном счете индийцами, не стоит. Свою роль его идеи сыграли, что в значительной мере обусловило отличия Кореи и особенно Японии от Китая. И все же, сделав все эти необходимые оговорки, есть основания вновь вернуться к главному: Корея и Япония по сути своей культуры вполне можно считать ответвлениями великой китайской цивилизации, в некотором смысле ее субцивилизационной периферией. Обратимся к конкретным материалам, которые достаточно наглядно свидетельствуют об этом.

КОРЕЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

На корейском полуострове в начале нашей эры существовало довольно много племенных протогосударственных образований, явно возникавших в процессе трибализации под воздействием ханьского Китая. Примерно в III–V вв. на их основе сложилось три более крупных протогосударства — Когурё на севере, Силла в центре и Пэкче на юго-западе. Становление этих государств было частично связано с активным военным и иным их взаимодействием с сильным китайским государством Вэй в эпоху Троецарствия, а затем и с китаизировавшимися варварскими династиями периода Нань-бэй чао, в частности с царством Муюн. Через Китай в корейские государства уже в IV в. проник буддизм, причем в период ослабленного влияния конфуцианства эпохи Нань-бэй чао он довольно легко укрепился. Мало того, его влияние в Корее оказалось намного более сильным, нежели буддизм когда-либо был в Китае.

Вообще становление основных политических институтов — хотя оно и шло почти целиком под влиянием Китая — проходило здесь в то время, когда собственно Китай был представлен в основном южными династиями и потому напрямую не имел сухопутного контакта с корейским полуостровом. Это заметно отличает судьбу Кореи от той, что выпала на долю Вьетнама, где китаизация началась раньше и была более успешной. Но своеобразной компенсацией этого были внутренние войны между тремя корейскими государствами, которые завершились победой Силла. Успех Силла стал особенно очевидным после неудачных войн в Корее суйского Ян-ди. Однако правители Силла недолго торжествовали. В начале периода Тан это государство было вынуждено вступить в вассальные отношения с Китаем и лишь с его помощью оно сумело закрепить за собой власть надо всей Кореей. С одной стороны, это был безусловный успех Силла, но с другой — строгий вассалитет Китая с этого времени стал фактически постоянным. В стране появились назначенные из танского Китая наместники отдельных провинций, да и вся административная структура была выстроена по описанному в главе о средневековом Китае танскому стандарту, включая организацию власти, ранги чиновников, надельную систему, формы налогообложения и государственные экзамены.

История Кореи почти все время была функционально привязана к событиям в Китае. В периоды сильных китайских династий в Корее все шло благополучно. Ослабление этих династий и тем более династийные кризисы немедленно отражались на ситуации на корейском полуострове. В частности, в конце династии Тан власть Силла ослабла и это государство пало в огне народных восстаний. На смену ему в X в. пришло новое государство, Когурё (Корё). Воспользовавшись ситуацией, связанной с ослаблением сунского Китая в связи с противостоянием его с киданями и тангутами, основатель Корё Ван Гон провел ряд важных реформ и, в частности, провозгласил официальной государственной идеологией буддизм, что должно было продемонстрировать его стремление освободиться от опеки династии Сун. При всем том, однако, порывать с сунским Китаем в пользу киданей, которые пытались было добиться этого, Ван Гон не пожелал. И расчет его оказался верным. Под неназойливым покровительством Сун Корё вступило в полосу процветания.

Процветание, однако — как и в Китае с его династийными циклами — было не слишком долгим. В сфере земельных отношений заметное ослабление централизованной власти стало проявляться, как то обычно

случалось, в захвате земель богатыми землевладельцами, в усилении налогового давления на общинников, бегстве недовольных и оскудении казны. Появились и крупные полуфеодального типа владения знати, что также заметно подрывало власть центра. Неудивительно, что XII в. прошел в Корее под знаком дворцовых интриг, военных переворотов, крестьянских восстаний и потери правителями страны реальной власти, перешедшей в руки сменявших друг друга удачливых полководцев.

Монгольское нашествие, развернувшееся широким фронтом не только в Китае, но и в Корее, завершилось поражением Кореи и признанием ее вассалитета по отношению к династии Юань. Тяжесть монгольского правления, столь явственно ощущавшаяся в Китае, не миновала и Корею. Ужесточение налогов, увеличение сроков трудовой повинности и политическая слабость, временами проявлявшаяся в нестабильности, — все это вело к упадку. Только поднявшееся в Китае мощное антимонгольское движение, заставившее монголов практически забыть о Корее, привело к подъему патриотических чувств. Вскоре в Корее — по примеру Китая и частично из северо-восточного Китая — появилось сильное антимонгольское политическое движение сторонников династии Мин, надевших повязки красноголовых. Сначала это привело к своего рода гражданской войне между властью, все еще ориентировавшейся на Юань, и сторонниками Мин. Но вскоре стало очевидно, что дни монгольских властителей сочтены. Правда, это не сразу прекратило борьбу. И если в 1356 г. новый правитель Корё, который носил традиционный китайский титул ван, Конмин (1352–1374), сумел изгнать монголов из Кореи, то его противники пытались продолжать борьбу. Они сумели собрать силы и даже убить самого Конмина. Но их сопротивление длилось все же не слишком долго. Сложившаяся в стране мощная оппозиция, требовавшая реформ и смены политического курса, добилась, наконец, в начале 80-х гг. успеха. Промонгольские силы были уничтожены, а власть в стране взял в свои руки полководец Ли Сон Ге, ставший основателем новой династии Ли (1392–1910).

КОРЕЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Новая династия предприняла энергичные меры для усиления власти центра. Многие крупные землевладения знати были ликвидированы. Был строго налажен, как то проделал в минском Китае Чжу Юань-чжан, контроль за соблюдением правил налогообложения, проведен кадастр земель и введены наказания за злоупотребления власть имущих в сфере земельных отношений. Был создан по китай-

скому стандарту институт цензоров-прокуроров, обязанных следить за соблюдением порядка в стране и строго взыскивать с тех, кто его нарушает. Были ликвидированы частные военизированные отряды и восстановлена боеспособная армия. Пострадал буддизм, активно поддерживавшийся монголами. Была, в частности, проведена секуляризация монастырского землевладения. Зато конфуцианство в полной мере вышло на передний план. Неоконфуцианство в его чжусианской модификации стало официальной государственной идеологией.

Подвергся реорганизации аппарат администрации, была восстановлена деятельность системы государственных экзаменов. Словом, после века с лишком монгольского владычества классическая китайская система государственного управления восторжествовала в Корее — как и в минском Китае — в полной мере. Вассалитет Кореи по отношению к Китаю оставался таким же, что был и прежде. Правда, была официально признана автономия страны, но в обмен на признание сюзеренитета минского Китая. Страна получило новое название — Чосон, столицей ее стал возродившийся Сеул.

Все нововведения и первые их позитивные результаты пришлись в Корее в основном на XV в., который считается периодом процветания страны. Быстро росло ее население. Только за вторую половину этого века оно возросло почти в 4 раза, достигнув к 1516 г. 3,7 млн человек. Наступило время энергичного развития корейских городов, ремесла и торговли. В стране появилось множество рынков, процветала и внешняя торговля, особенно с Китаем. Вместе с тем все немалые достижения успешного периода существования новой династии стали сходить на нет с наступлением нового, XVI века. Как и в минском Китае, в это время здесь начался длительный, не в меру затянувшийся период кризиса. Только в Корее, в отличие от Китая, он принял несколько иные формы.

Вначале, как и в минском Китае, это было противостояние влиятельных группировок. С одной стороны за соблюдение всех принятых норм и с трудом созданного в стране порядка выступали конфуцианцы. С другой им противостояли могущественные группы придворных временщиков, бравшие пример с того, что происходило в то время в Китае. Соперничество часто сопровождалось казнями видных представителей оппозиции. А к концу все того же XVI в. сложились даже своеобразные политические группировки типа партий, именовавшие себя по странам света (западная, восточная). В итоге этой борьбы были сведены на нет едва ли не все достигнутые страной в XV в. успехи.

Но и это еще не было самым тяжким испытанием, которое выпало на долю Кореи в этот злосчастный XVI век.

Самое худшее началось с того, что сильно ослабленная внутренними неурядицами страна стала все чаще подвергаться опустошительным грабительским набегам японских пиратов. А на попытки выразить официальный протест всесильный правитель Японии сёгун Хидэёси ответил призывом смириться и, более того, платить ему дань. Когда возмущенные корейцы отвергли это наглое требование, всемогущий Хидэёси организовал многочисленную военную экспедицию. В 1592 г. в Корее высадилась — быть может, с использованием все тех же пиратских кораблей — 200-тысячная японская армия, которая за несколько недель прошлась победоносным маршем по всей Корее, заняв Сеул и Пхеньян. Впервые в истории Японии безжалостные ее военные, прежде всего профессионалы-самураи, наглядно продемонстрировали свою жестокость по отношению к другим народам, что проявилось в виде ничем не спровоцированных зверств. В ответ на это в Корее развернулось широкое движение сопротивления, возглавленное адмиралом Ли Сун Сином, который сумел разгромить японский флот.

Помощь со стороны минского Китая позволила изгнать японцев. Но эта победа не привела к ощутимому укреплению власти центра. По-прежнему продолжались соперничество и распри представителей различных группировок. А тем временем на севере страны в процессе трибализации консолидировалось крупное племенное протогосударство маньчжуров, отдаленных потомков некогда разгромленных монголами чжурчжэней. Те самые маньчжуры, которые в середине XVII в. захватили Китай, начинали свое победоносное наступление на развитые страны с покорения Кореи. В ходе ряда войн с маньчжурами Корея уже в 1637 г. вынуждена была признать себя вассалом только что принявшей новое наименование маньчжурской империи Цин. Позже, когда маньчжуры оказались на китайском троне, вассалитет Кореи по отношению к империи Цин был вновь подтвержден. Этот вассалитет оказался едва ли не наиболее жестким из тех форм вассальной зависимости, которые сопровождали Корею в ее взаимоотношениях с Китаем на протяжении всей ее истории. В частности, цинские власти запретили Корее — как это было сделано и в самом Китае — любые внешние сношения с внешним миром. Связи с другими странами корейцы могли иметь лишь при посредничестве Китая и через Китай. Исключение делалось только для строго ограниченной торговли с Японией.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

Японские острова заселялись различными народами, мигрировавшими с континента, на протяжении тысячелетий. Но вплоть до III в. на ее территории не было никаких очагов цивилизации и государственности. Лишь в III–V вв. одна из групп этнически пестрого населения островов сумела подчинить себе ряд других и, пройдя через обычный процесс трибализации, стимулированный связями с соседней Кореей, сумела объединить вокруг себя ряд других групп и создать первое в истории страны протогосударство Ямато. Развитию этого государственного образования способствовала миграция на японские острова корейцев и китайцев. И хотя мигранты в Ямато воспринимались как неполноправные (*бэ, бэмин*), так как они не принадлежали к местному населению, именно эти бэмин принесли на острова сравнительно высокую культуру, способствуя довольно быстрому развитию в Японии цивилизации и урбанистической государственности.

Структура раннеяпонского государства была типичной: во главе стоял правитель (сын Неба, *тэнно*), рядом с ним было немало влиятельных аристократических кланов, имевших собственные владения и возглавлявших региональные подразделения государства. Правящая элита господствовала над простолюдинами, среди которых были как члены тех же кланов, так и чужаки, в том числе и военнопленные. Из глав влиятельных кланов со временем выделились наиболее значимые, как например Сога. VI–VII вв. были временем интенсивного влияния Китая и Кореи, что способствовало развитию страны. Как конфуцианство, так и буддизм, оттеснившие на задний план более примитивную национальную религию японцев *синто* с ее поклонением духам и божествам *ками*, оказались главными формами проникновения этого влияния. В 604 г., в период правления Сётоку-тайси, был опубликован «Закон из 17 статей». Этот первый в истории Японии законодательный текст, записанный китайскими иероглифами, сформулировал основные принципы жизни и системы управления. В частности, в нем предусматривался высший суверенитет правителя, строгое подчинение младших старшим.

Сётоку настоятельно советовал юным японцам учиться в Корее и Китае. Казалось бы, Япония, как и чуть ранее Корея, целиком заимствует китайский стандарт администрации, тем более, что для этого создались подходящие условия: династия Тан как раз набирала силу и формировала совершенный для империи аппарат администрации.

Однако Япония была еще слишком слаба, а пережитки первобытного прошлого давали о себе знать. Это заметно мешало укреплению власти правителя и способствовало междоусобицам знати. И хотя в середине VII в. несколько влиятельных домов помогли правителю избавиться от гнетущей опеки всевластного клана Сога (имеется в виду так называемый «переворот Тайка» 645 г.), плодами этой политической интриги воспользовался другой очень влиятельный аристократический дом, Фудзивара. На протяжении нескольких веков именно выходцы из этого знатного клана держали под своей опекой божественного тэнно, которого мифология считала потомком великой богини Аматерасу.

В VII–VIII вв. в Японии была проведена административная реформа, укреплена власть центра, созданы восемь центральных ведомств и система провинций и уездов во главе с губернаторами и уездными начальниками. Крестьяне получали, как то было и в танском Китае, время от времени перераспределявшиеся властями земельные наделы, платили налоги и исполняли повинности. Чиновники, подразделявшиеся на ранги, имели условные служебные владения, хотя наиболее влиятельные из них фактически имели эти владения в наследственном пользовании. С VII в. быстрыми темпами развернулось строительство городов, из которых стала выделяться столица Нара. В Наре, как и позже в новой столице Киото, да и в других городах существовал строгий государственный контроль за ремеслом и торговлей.

В ходе осуществления реформ и укрепления власти центра все заметнее выдвигался на передний план дом Фудзивара, который с IX в. практически оттеснил от руководства страной ее правителей. Сделав новой столицей страны Киото, представители дома Фудзивара самовластно управляли Японией в статусе своего рода регентов, тогда как правители, обычно женатые на женщинах из дома Фудзивара, власти фактически не имели. Подчас они, недолго просидев на троне и оставляя власть малолетнему наследнику, уходили в тот или иной буддийский монастырь, где и оставались остальную часть жизни в позиции влиятельных монахов, но не более того.

Такого рода политическая картина вела к тому, что японская структура общества и прежде всего власти постепенно начинала отходить от китайского конфуцианского стандарта. Различия проявлялись в том, что временщики, с которыми с эпохи Хань энергично боролись, в конечном счете добиваясь успеха, ревностные конфуцианцы, стали в Японии некоей константой. Они укрепили свою власть и подчинили себе аппарат преданной им администрации. В результате в Японии не сложилась

опиравшаяся на фундамент конфуцианства правящая элита чиновников и не возникла формирующая такую элиту система государственных экзаменов. Это было первым очень важным, принципиальным отличием японской системы управления страной от китайской.

Второе принципиальное отличие было тесно связано с первым и напрямую зависело от него. Дело в том, что, коль скоро в Японии не возникло налаженной системы воспроизводства чиновников-конфуцианцев, аппарат бюрократии был недостаточно эффективным и, главное, не имел той обстоятельно разработанной идеологической основы, на которую в своей борьбе за интересы государства всегда опирались конфуцианцы. Неудивительно поэтому, что места в аппарате власти заняли иные деятели. Кто же именно? Ими оказались все те же представители знатных кланов.

ЯПОНСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

Выше уже шла речь о том, что если говорить о традиционном Востоке, то элементы феодализма как социополитической системы всегда были наиболее заметны почти во всех восточных государствах, начиная с ранней древнеегипетской древности, с Первого переходного периода. Только что примерно то же было, правда, достаточно бегло, продемонстрировано на примере многочисленных, практически почти всех стран Юго-Восточной Азии, в которых борьба правителей за централизацию власти постоянно наталкивалась, как то было и в позднесредневековой Западной Европе, на сильное сопротивление самовластной феодальной владетельной знати. Эта не столько специфичная, сколько, можно сказать, нормальная ситуация для подавляющего большинства государств Востока и предбуржуазного (но не античного!) Запада была естественна просто потому, что централизация всегда требовала немалых усилий со стороны власти и далеко не всегда хотя бы поэтому оказывалась реально возможной. А тогда, когда центральная власть ослабевала наступали периоды кризиса, которые далеко не везде, как в Китае, сравнительно легко и по преимуществу в ходе крестьянских войн или внешних вторжений ликвидировались. Тогда ей на смену приходил второй вариант той же структуры — феодализм с характерной для него децентрализованной редистрибуцией.

Феодализм такого типа, даже если он бывал достаточно длительным и характерным для ранней государственности (без администрации и какой-либо инфраструктуры), как то случилось в чжоуском Китае или в варварских средневековых монархиях Европы, был переходным, рано

или поздно, но обязательно преодолимым этапом существования государства, которое в идеале всегда стремилось к централизации и обычно достигало этого. Но теперь стоит специально учесть все сказанное именно потому, что в условиях Японии такого рода ситуация проявила себя едва ли не наиболее зримо и весомо. Произошло все в результате как слабости власти центра с его неразвитой, даже вовсе отсутствовавшей администрацией, так и длительного нелегитимного правления всесильных временщиков, в частности регентов из дома Фудзивара. Конечно, эти временщики, строго говоря, временщиками не были, ибо их позиция была достаточно прочной и они сохраняли ее на протяжении веков. Но функционально они были под стать ханьским временщикам, так как формально их сила и власть зиждились на родстве с божественными тэнно, которые были женаты на женщинах из дома Фудзивара. А самым главным итогом такой раскладки политических сил было то, что неполная (скажем так) легитимность захватившего власть в стране дома вызывала острое соперничество со стороны других знатных и влиятельных феодально-аристократических кланов.

Эти кланы более чем ревниво относились к позиции Фудзивара и ждали только подходящего момента, чтобы высказать свое отношение к сложившейся в стране системе власти. А момент такой неудержимо приближался, причем дом Фудзивара ничего с этим поделать не мог. Все дело в том, что в условиях отсутствия сколько-нибудь подготовленных кадров администрации посты губернаторов и уездных начальников все чаще де-факто оказывались в руках наиболее влиятельных в том либо ином районе аристократических домов. И это было явственным признаком феодализации Японии. Важно добавить к сказанному, что, следуя примеру все того же клана Фудзивара, знатные кланы на местах постепенно укрепляли свои позиции, используя при этом естественную эволюцию системы земельных наделов. Здесь суть дела сводилась к следующему.

Примерно с IX в. подлежавшие регулярному переделу земельные наделы крестьян в результате неэффективности администрации центра и саботажа со стороны местных властей все чаще переставали подлежать переделу и оказывались в наследственной собственности крестьянского двора. Практически это вело к тому, что крестьянские деревни в условиях явственного и все углублявшегося процесса децентрализации оказывались под властью местной знати, обычно сочетавшей свои клановые привилегии с чиновными должностями. И хотя часть налогов с крестьян эта знать все еще продолжала посы-

лать в государственную казну, это никак не мешало укреплению ее позиций. Владения (*сёэн*) знатных домов все возрастали численно, причем нередко представители одного и того же клана имели свои сёэн в разных провинциях, где они служили и использовали свое служебное положение для того, чтобы закрепить за собой владение той либо иной деревней. Иногда сёэн возникали в результате обработки безземельными крестьянами пустующих земель, причем и в этом случае осваивавшиеся заново земли оказывались под покровительством владельцев сёэн. Все сёэн, по меньшей мере вначале, не были частной собственностью их владельцев. Но с течением времени они постепенно обретали такой статус и логично превращались в наследственные вотчины, что резко усиливало реальную власть владевших ими знатных домов.

Приблизительно с X в. практически все земли в стране оказались в руках владельцев сёэн. Буддийские монастыри и даже сам императорский дом завели свои собственные сёэн. Иными словами, в стране возникла принципиально новая структура не только и даже не столько в сфере земельных отношений, сколько в системе политической власти и социополитических связей. Новая структура оказалась естественной и само собой разумеющейся альтернативой классической китайской конфуцианской бюрократической администрации. И именно это обстоятельство следует считать еще одним принципиальным отличием японской модели организации государства и общества от китайской. Но и это далеко не все.

Децентрализация и сопутствующее ей ослабление власти центра в сочетании с наметившимся процессом феодализации, который проявлялся прежде всего в некоей практически легализованной форме захвата крестьянской деревни сильными мира сего, вели к усилению давления сверху (речь прежде всего о князьях *даймё*) на не привыкших еще к этому земледельцев. Итогом усиления такого давления становились то восстания, то уход недовольных на новые земли. Такое нередко бывало и в Китае, особенно в годы, предшествующие кризисам. Но в Китае государству было практически безразлично, где осядет покинувший свою деревню крестьянин и кто придет на его место, лишь бы оба они исправно платили налоги. Совсем иначе все это выглядело в Японии, где земли было очень мало, а крестьяне составляли главную ценность сёэн и где поэтому уход их был для знатного клана весьма нежелательным.

Неудивительно, что в Японии были выработаны меры, пресекающие свободное движение земледельцев. Нельзя сказать, чтобы это

были запреты законодательного характера и что японский крестьянин превращался в крепостного. Здесь стала действовать система превентивных мер. Во-первых, земледельца обычно опутывали густой сетью экономической зависимости от владельца сёэн: он брал займы в виде семян, продовольствия, арендовал сельскохозяйственные орудия и т.п. Все это крайне затрудняло любую попытку сняться с места и идти искать лучшую долю в другом месте. Во-вторых, — и это гораздо более важно, — владельцы сёэн стали создавать отряды вооруженных дружинников, воинов-профессионалов. Само по себе нечто подобное естественно для любого общества, в котором централизация уступает место тенденции к феодализации, ибо возникают междоусобные схватки, появляются шайки разбойников, так что каждый, особенно богатый, должен позаботиться о своей защите. Так бывало и с сильными домами в Китае, начиная по меньшей мере с династии Хань. Но там отряды воинской стражи обычно распускались, когда кризисная ситуация уходила в прошлое, а центральная власть укреплялась. В Японии ситуация была другой, вследствие чего подобного рода отряды не только не распускались, но напротив, со временем набирались опыта и превращались в особый слой воинов-профессионалов, стоящих на службе не у государства, а у того, кто их нанимал.

Именно таким образом в средневековой Японии возникло замкнутое и привилегированное сословие воинов-самураев (*буси*). Это было началом принципиально новой формы организации средневекового японского общества. Собственно, именно с возникновения самураев появился влиятельный и численно все возраставший слой средних и мелких по социальному положению и месту в социальной иерархии не имевших отношения к владетельной знати феодалов типа служивых европейских рыцарей. С такими рыцарями их сближает довольно многое. Во-первых, род занятий: только военное дело, в сфере которого многие из самураев достигали высочайшего искусства. Во-вторых, отсутствие собственного владения и вообще сколько-нибудь значительного имущества. В-третьих, служба раз и навсегда избранному господину из представителей высшей знати, самых влиятельных кланов. Наконец, в-четвертых, строжайшее соблюдение кодекса воинской этики, *бусидо*. Воспитанием воинов и особенно их сыновей в духе бусидо занимались наставники в специальных интернатах при монастырях буддийской секты дзэн. Воспитание было суровым, по духу своему и суровой дисциплине напоминало спартанское. Оно ставило своей целью подготовить мужественных воинов, суть поведения

которых сводилась к многим важным параметрам, но прежде всего к готовности умереть во имя слова чести и преданности господину. Эта готовность, которая в чем-то была близка рыцарским поединкам или более поздним дуэлям, проявлялась на практике в *харакири (сэппуку)*, т.е. в ритуальном самоубийстве, что стало со временем важной привилегией — именно привилегией, как ни странным то может показаться на первый взгляд, — всех японских аристократов.

Перечисленные особенности японской модели организации общества и сложившихся социополитических и экономических отношений, как и многое другое, связанное с этими отношениями и моделью, отличает Японию от других стран конфуцианской цивилизации и является в какой-то степени причиной того, что все развитие страны пошло по собственному пути. Сущность такого пути, если абстрагироваться от второстепенных деталей, сводилась к некоему балансу между феодальной деструкцией и сильными центростремительными тенденциями. Тенденции, которые имеются в виду, проявили себя в начале второго тысячелетия в весьма необычном для Востока выдвижении на передний план военной элиты и военного руководителя страны, *сёгуна*, при наличии, даже заботливом сохранении прежнего гражданского правителя, все того же божественного тэнно, прямого потомка великой богини Аматерасу.

ЯПОНИЯ ПРИ СЁГУНАХ

Дружины домашней охраны, за век-полтора превратившиеся в отряды профессиональных воинов-самураев, стали с XI в. грозной силой. И в развернувшейся в XII в. острой междоусобной борьбе владетельных домов Японии за власть именно они оказались боевой опорой и основным, причем весьма надежным средством достижения цели. Началось все с того, что некоторые дома бросили открытый вызов ослабевшему к тому времени дому Фудзивара, который реально осуществлял в Японии, от имени императора, всю власть. Правда, регенты из этого дома все более погрязали в сварах с экс-императорами, проживавшими в монастырях, но продолжавшими заниматься политикой, что отвлекало их от противостояния потенциальным соперникам. Приняв это во внимание и выразив открытое пренебрежение по отношению к слабым регентам, два крупнейших владетельных дома, Тайра и Минамото, вступили в ожесточенную схватку друг с другом, в итоге которой дом Минамото одержал победу. В 1192 г. Минамото Ёритомо объявил себя верховным военным правителем Японии

с титулом сёгун. Ставкой сёгуна и его правительства (*бакуфу*) стал город Камакура. Был создан новый военный аппарат администрации, посылавший чиновников-*дзито* из числа верных самураев в сёэны и государственные земли. Во все провинции были назначены сёгуном военные губернаторы-*сюго*.

В стране возникла новая военно-административная система, признанная императором и реально осуществлявшая судебные, охранные и налоговые функции. Заменив собой прежнюю, императорско-регентскую, новая система власти дала немало прав самураям, которые превратились в сословие воинов, иногда и мелких землевладельцев. Сёгунат Минамото просуществовал около полутора веков (1192–1333), причем наибольший вклад в укрепление и развитие внес клан Ходзе, который с титулом *сиккэн* (правитель, т.е. глава администрации) фактически узурпировал власть сёгунов и управлял Японией — по примеру Фудзивара — вплоть до гибели первого сёгуната. Именно Ходзё сумел организовать сопротивление вторжению монголов, не допустив их на японскую землю. Несколько раз монголы пытались высадиться на побережье Японии, но каждый раз терпели поражение. Сопротивление японских войск или *тайфун* («божественный ветер», *камикадзе*) помогли японцам, заставив монголов уйти восвояси.

При первом сёгунате начался расцвет японских городов, а также ремесла и торговли. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, резко увеличилось число знатных аристократических домов князей-даймё, ставки которых обслуживались весьма большим количеством ремесленников и превращались в своего рода посады. Во-вторых, такими же посадами обрастали провинциальные управления губернаторов-сюго. В-третьих, города появлялись близ наиболее заметных буддийских монастырей, принимавших посильное участие в политической борьбе. Наконец, появились условия для возникновения автономно существовавших больших городов, прежде всего портовых, ведших торговлю с иностранными государствами (Китаем, Кореей, странами Юго-Восточной Азии, позже и с португальцами и сменившими их голландцами) и не брезговавших оказанием покровительства пиратскому флоту. В городах возникали профессиональные корпорации ремесленников и торговцев.

Все большую роль в развитии экономики Японии стали играть ее связи с Китаем и Кореей. Усиливались торговые связи, резко росла номенклатура товаров, вывозившихся из страны и ввозившихся в нее. При этом интенсивное развитие внешней торговли сильно влияло на

развитие до того очень слабо функционировавшей торговли внутренней. В стране начали энергично развиваться сопутствующие торговле товарно-денежные отношения. К слову, развитие этих отношений вскоре стало отрицательно сказываться на статусе самураев, многие из которых, дабы поддержать свою воинскую честь и вести достойное существование, вынуждены были продавать свой небольшой лен и, более того, влезать в долги. Власти всячески тормозили этот деструктивный для них процесс, но их вмешательство мало помогало. В итоге многие из самураев, лишившись владений, стали превращаться в воинов, живших при дворах своих патронов и получавших от них, включая и государство, жилье, снаряжение и натуральный паек.

Что же касается земли, то все большее количество ее стало концентрироваться в руках князей-даймё. Выход примерно в XIV в. на передний план в стране влиятельных князей-даймё и резкое усиление их власти и соответственно политической значимости привел к постепенной ликвидации системы разбросанных по стране сёэн и к возникновению вместо них компактных крупных княжеств. Это немаловажное обстоятельство достаточно резко сказалось на развитии страны в последующие века и, в частности, на судьбе сёгуната как феномена. Именно возвышение князей, резкое увеличение их числа и соответственно политической роли, равно как и ослабление экономических позиций большинства самураев способствовали падению первого сёгуната.

Произошло это в результате потрясшего страну общего кризиса, в котором немалую роль сыграло и недовольство усилившимся налоговым гнетом земледельцев. Символом единения всех противоборствовавших сёгунату сил стал император Годайго, который попытался укрепить свою власть, проведя ряд реформ, направленных против военного правления и вмешательства в политику экс-императоров из монастырей. Однако у императора не было достаточно сил, чтобы довести реформы до конца, преодолев сопротивление со стороны владетельной знати и связанных с ней самураев. В итоге в стране ширилось недовольство, которое возглавил один из наиболее влиятельных князей Асикага Такаудзи.

Одержав победу, Асикага провозгласил себя сёгуном, восстановив пошатнувшиеся было порядки, установленные военной администрацией полтора века назад. Это было сравнительно несложно сделать, ибо за короткий срок реформ старые нормы еще не были полностью уничтожены, а новые не обрели сколько-нибудь прочной основы. Но, тем не менее, император не хотел легко сдаться, так что война

затянулась на несколько десятилетий, причем Асикага в противовес Годайго посадил на трон другого императора из царственного дома. Два императорских двора существовали параллельно, да и борьба в стране перешла в противоборство между ними. Но в 1392 г. она завершилась. Императорский двор вновь стал единым, хотя и по-прежнему не имел реальной власти.

Пока императоры выясняли отношения друг с другом, хитрый Асикага, не старавшийся открыто вмешиваться в их противоборство, укреплял свою реальную власть в стране. Второй сёгунат пытался учесть многое из того, что послужило причиной падения первого. Однако далеко не все было в его власти. Ситуация в Японии быстро изменялась. Росло население страны. Понемногу изменялся его социальный состав. Увеличивалось количество обрабатываемых земель. Развивалась экономика. Все это влияло на характер власти в Японии. Второй сёгунат не был безразличен к переменам. Сёгуны и их правительства стремились учесть все перемены, происходившие в стране, и как-то к ним приспособиться. Но не все можно было переварить, ничего при этом не теряя. Сёгунат Асикага просуществовал свыше двух с половиной веков (1335–1573). Однако это не способствовало внутреннему укреплению сёгуната как формы правления.

Хотя дом Асикага сумел в результате всех его интриг ослабить власть императорского двора и полностью взять руководство страной в свои руки, по меньшей мере формально, многие из усилившихся даймё если и не оспаривали его могущество открыто, то фактически начали ограничивать власть сёгуна. В период сёгуната Асикага стали более частыми, даже обычными междоусобные схватки князей и выступления то одного, то другого из них против сёгуна. В 1467–1477 гг. разразилась даже настоящая война (война годов Онин), в ходе которой произошло немало важных событий. Пожалуй, главным итогом этой войны стало резкое ослабление политической позиции сёгунов и усиление тех даймё, которые сумели одолеть своих противников и укрепиться за их счет (до начала войны в стране было 260 даймё, после ее окончания их стало намного меньше).

Укрепление политической позиции даймё совпало по времени с усилением роли соседской общины в их владениях и появлением в ней и над ней немалого количество своего рода — если использовать традиционное китайское понятие — «сильных домов», *кокудзин*. Не слишком жестко давя на многочисленные крестьянские общины, находившиеся под их властью, князья и управлявшие государствен-

ными землями губернаторы-сюго обзавелись немалым количеством вассальных по отношению к ним средних и мелких землевладельцев, выходцев из нового социального слоя кокудзин, которые были посредниками во взаимоотношениях общин с даймё или представленной сюго верховной властью сёгунов.

Сёгуны постоянно — и тем более после войны годов Онин — ощущали давление со стороны даймё и стремились любым путем ослабить его, ограничив при этом возможности князей. Одним из таких путей было стремление монополизировать приносившую огромный доход внешнюю торговлю. С начала XV в. они было добились этого, заполучив для себя лицензии на торговлю с Китаем. Однако эта монополия существовала не слишком долго. Уже в середине того же века значительная часть внешней торговли вновь попала в руки князей, от имени которых действовали связанные с ними купцы. Примерно в это же время усилилась тенденция к самоуправлению в богатых торговых, особенно портовых городах, где заправляли ведшие внешнюю торговлю купцы, а также в наиболее процветавших общинах.

Конец XV и две трети XVI в. прошли в Японии под знаком дальнейшего ослабления власти сёгунов и острых междоусобных столкновений даймё, фактические поделивших значительную часть территории страны. Иногда этот заключительный период сёгуната Асикага именуют эпохой «воюющих провинций». Действительно, период, о котором идет речь, был одним из наиболее беспокойных в истории страны. Частые междоусобицы князей сопровождались порожденными ростом поборов и уменьшением площади земельных наделов крестьянскими восстаниями, а также выступлениями сектантов, в основном буддистов различных школ-сект. В ряде случаев преуспевшие в своих стремлениях к расширению владений князья становились губернаторами провинций, оттесняя от власти чиновников сёгунов. Если прибавить к сказанному, что в это время появились тесные связи с португальцами, познакомившими Японию с огнестрельным оружием и многими иными достижениями европейской техники, то несложно представить, сколь ожесточенными стали ведшиеся в стране войны.

В то же время в Японию с запада пришло христианство, представленное первым поколением католических миссионеров, начиная со знаменитого иезуита Франциска Ксавье, которые справлялись со своим делом достаточно успешно. Некоторые даймё, желая укрепить полезные для них связи с португальцами и получать регулярную поддержку, принимали христианство и способствовали тому, чтобы им следовали

их подданные. Неудивительно, что в Японии быстрыми темпами строились церкви с располагавшимися при них школами, где подрастающее поколение японцев обучалось основам новой религии и пополняло собой все растущее число новообращенных христиан. В 1580 г. в стране, по некоторым подсчетам, было уже около 150 тысяч христиан, а также 200 церквей и 5 семинарий (на рубеже XVI–XVII вв. число японских христиан-католиков возросло до 700 тысяч).

Все события, о которых идет речь, неуклонно вели к падению авторитета сёгуната Асикага и угрожали уже не только целостности, но и самому существованию самобытной Японии. Неудивительно, что в качестве естественного противодействия этой угрозе в стране стало возникать мощное движение протеста. Этот всеобщий протест был возглавлен тремя великими историческими деятелями, имена которых известны всем японцам. Это Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу.

Ода Нобунага в обстановке всеобщей сумятицы сумел одолеть одного за другим нескольких влиятельных даймё и в 1573 г. свергнуть последнего сёгуна из династии Асикага. Одним из наиболее яростных противников Ода в этой борьбе оказались буддийские монастыри, что вынудило его искать поддержку у императора и христиан. Овладев почти половиной страны, Ода начал ряд важных реформ, суть которых сводилась к ограничению произвола местных властей, включая и даймё, установлению союза с городами и торговцами и к содействию экономическому развитию страны. После гибели Ода в 1582 г. власть попала в руки его ближайшего сподвижника Хидэёси, выходца из простых крестьян (фамилию Тоётоми он получил лишь в конце своей жизни). Он продолжил реформы Ода, которые ставили своей целью упорядочить руководство страной, как крестьянами с их земельными наделами (была проведена перепись, установлены категории земледельцев, нормы налогообложения), так и горожанами (города были в основном поставлены под контроль центральной власти). Для осуществления контроля Хидэёси заимствовал классический китайский принцип баоцзя, т.е. круговой поруки, для чего им были созданы пяти- и десятидворки.

Одним из наиболее значимых нововведений Хидэёси было его решительное наступление на чрезмерно усилившихся, по его мнению, иезуитов и вообще христиан. Он даже выпустил было в 1587 г. указ об изгнании иностранных миссионеров и организовал преследование японских христиан. Но к успеху это не привело, ибо заинтересован-

ные в связях с португальцами мятежные даймё на юге страны, где и было наиболее сильным влияние христианства, выступили против преследования сторонников этого учения. Стоит напомнить и о том, что именно этот политический деятель был инициатором похода в Корею, который сопровождался жестокими репрессиями по отношению к местному населению. После смерти Хидэёси в 1598 г. власть в стране оказалась в руках Токугава Иэясу.

Третий сёгунат Токугава (1603–1868) был заключительным аккордом бурного и богатого политическими событиями XVI в. в Японии. Силой заставив подчиниться себе подавляющее большинство даймё, которых к этому времени насчитывалось около 200, Токугава Иэясу делал все для укрепления своей власти. Хотя он оставил князьям некоторые права, включая суд и административное управление в рамках их владений, все они за это в знак покорности были отныне обязаны проводить каждый второй год вместе с семьей, челядью и частью дружины самураев в столице, в специально построенной ими для этого дворцовой усадьбе. Кроме того, были приняты меры, чтобы недружественные сёгуну даймё не проживали компактно. Что же касается городов, которым прежде они покровительствовали, то все эти торгово-ремесленные центры передавались отныне в прямое подчинение центральной власти.

Если добавить к этому, что новый сёгун строго определил сословные перегородки и наладил систему полицейского контроля в стране, то суть его реформ станет еще очевидней. Пример слабого сёгуната Асикага не давал покоя Токугава, который решил во что бы то ни стало добиться создания твердой и эффективной системы администрации и обуздать всех тех, кто этому противился. К слову, Токугава, подобно Хидэёси, начал преследовать и христиан, резонно видя в них ту опору, которой пользовались мятежные даймё юга. В то же время он благосклонно отнесся к голландцам, сменившим португальцев в качестве основной силы европейских колонизаторов. С его легкой руки все европейские нововведения широким потоком пошли через голландцев в Японию, где многие из достижений европейской науки приветствовались и в меру возможностей осваивались. Появился даже специальный термин *рангаку* (*рангакуся*), «голландская наука».

XVII в. был временем процветания режима Токугавы. И лишь в следующем, XVIII, ситуация в стране стала ухудшаться. Япония быстрыми темпами входила в состояние кризиса, который продлился свыше столетия, приведя страну в 1868 г. к революционному взрыву

и реставрации власти долгие полторы тысячи лет пребывавших в бездействии японских императоров.

СВОЕОБРАЗИЕ ЯПОНИИ. ХРИЗАНТЕМА И МЕЧ

В сравнительно недолгой истории Японии как очага оригинальной цивилизации и еще более необычной государственности много интересного и поучительного. По едва ли не всем показателям эта страна выходит из узких параметров того стандарта, который был типичен практически для всего древнего и средневекового Востока. Речь не о том, существовали ли в Японии административно-распределительные отношения и была ли эта страна знакома с традиционной для Востока системой институтов власти-собственности и централизованной редистрибуции. Все это было и в этом плане Япония, безусловно, Восток. Но помимо этих институтов в Японии было и много иного, чего не было или почти не было в других восточных странах и что, надо полагать, помогло Японии уже на рубеже XIX–XX вв. фактически перестать быть одной из стран традиционного Востока и выйти в первые ряды колониальных держав, быстро развивающихся по европейскому стандарту.

В образной метафоре «хризантема и меч», использованной в заголовке одной из книг антрополога Рут Бенедикт, посвященных Японии, хорошо подмечены многие из тех особенностей, которые имеются в виду. Начнем с меча. Война всегда и везде играла огромную роль и в некотором смысле была — как ни прискорбно это фиксировать — одним из важнейших двигателей исторического процесса. Но в Японии и тем более в руках сёгунов война — меч — была не только и даже не столько обычным средством отражения либо реализации внешней агрессии (столкновений такого рода во всей обширной средневековой истории было лишь два, с монголами и с Кореей), сколько едва ли не свойственной стране, во всяком случае с появления самураев, будничной формой повседневного существования. Пожалуй, нигде более мы не встретим, если оставить в стороне феодальные распри в средневековой Европе, столь частого и обыденного применения оружия, столь четко выверенной этической нормы боя, особенно поединка.

В Китае, откуда в Японию пришла большая часть элементов высокой культуры, война была тоже вполне обыденным делом. Но там к ней относились как к неизбежному злу, не более того. Военные в Китае почти никогда, за редкими исключениями, не пользовались престижем, а все уважение и внимание общества отдавалось ученым знатокам конфуцианства, сдавшим экзамены и ставшим чиновника-

ми, разумно, бережно, эффективно управлявшими империей. Именно они, люди гражданские (хотя при случае они же нередко брались за оружие и возглавляли войско), обладали престижем. А о военных классическая китайская пословица говорила, что «из хорошего металла не делают гвоздей, хороший человек не идет в солдаты». В Японии же, по меньшей мере с возникновения сословия самураев, дело обстояло как раз наоборот. Меч, т.е. символ воина, был наивысшим элементом престижа. А сопровождавшие воина изысканная этика рыцарского поведения и принцип верности патрону вплоть до священного харакири всегда были предметом восхищения.

Невероятно, но факт: рядом с мечом всегда была и хризантема. Иными словами, воины были не только рубаками, хотя жестокости у них всегда хватало с избытком. Воины готовы были отдать жизнь за дело чести, прежде всего ради господина, которому они служили. Но это не означает, что они и тем более члены их семей, женщины самурайских домов, были равнодушны ко всему, что не имеет отношения к войне. Отнюдь! Конечно, и женщин в самурайских домах учили закалываться кинжалом в том случае, если враг у ворот и спастись от его лап уже нельзя. Но параллельно с этим и воины и их дамы всегда умели воспринимать прекрасное, будь то роскошная осенняя хризантема или прекрасный весенний цветок *сакуры*, храм или изысканная чайная церемония. Японцы преданы своему императору, они высоко чтут чувство долга, полны достоинства, искренне склоняются перед старшим.

Показательно, что те же монахи из японских монастырей секты дзэн, которые воспитывали подрастающее поколение самураев в спартанском стиле, обладали порой нежной душой. В частности, это находило свое отражение в культивируемой именно ими так называемой чайной церемонии. Связанная с определенным религиозным ритуалом, эта искусственно замедленная и изысканно разработанная процедура, суть которой сводилась к созданию возвышенного настроения души и лишь сопровождалась при этом потреблением чашки душистого чая, призвана была смягчить суровую душу воина и напомнить ему, что в прекрасном окружающем нас мире есть и нечто другое, кроме военных подвигов. Интересно обратить внимание, что японцы с охотой заимствовали в Китае — среди прочего — искусство разведения садов и парков. Но, поскольку они всегда были ограничены территориально, то это искусство приняло в Японии форму культивации мини-садов с мини-растениями, включая подчас вековые сосны, с мини-ручейками и мостиками. Весь этот — так и хочется сказать

игрушечный — сад нередко размещался, как размещается и поныне, на площади размером с комнату и часто является чем-то вроде привычной русской террасы с той лишь разницей, что он обычно огражден с внешней стороны довольно высоким забором. Сад делается для уединения, покоя, размышлений. Так что свидетелей со стороны при этом не нужно...

Хризантема и меч как две яркие, бросающиеся в глаза и очень разные — хотя и сведенные воедино — стороны японского образа жизни и культуры этой страны (пусть даже касающиеся не всех японцев, а прежде всего олицетворенные почитаемым императором и исторически представленные наиболее типично-показательным социальным слоем, самураями) позволяют лучше понять и оценить многое из того, что характерно для этой страны. Правда, до высокой романтической любви, которая была едва ли не главной в системе духовной жизни европейских рыцарей, японцы не дошли. Но к изящному, высокому, духовному они (самураи, т.е. те же рыцари) были неравнодушны. Сыграло ли все это роль в определении исторического пути, проделанного Японией?

Безусловно, да. И дело не только в том, чтобы подсчитать и сопоставить те элементы феодальной системы социополитических отношений, которые были в средневековой Европе и в Японии. Сходства здесь будет много, хотя немало окажется и различий. Главное же, однако, в том, что японцы, жители отдаленных от остального мира островов, в силу чего они в известной мере варились в собственном соку, тогда как их контакты с материком были спорадическими, а порой и весьма специфическими, оказались непохожими на других. И эта несхожесть сыграла в истории страны в общем и целом позитивную роль. По меньшей мере до того момента, когда вышедшая на мировую политическую арену милитаризованная Япония не стала применять свой воинский опыт и свои жесткие принципы обращения с противником по отношению к огромному числу народов Азии, что и привело ее к Хиросиме. Правда, после Хиросимы усилиями американского генерала Макартура и его советников Япония быстро и радикально преобразилась. И если ставить вопрос о причинах этого, то окажется, что причины опять-таки стоит поискать в истории страны и, более того, в тех основополагающих принципах китайской конфуцианской цивилизации, соками которой Япония, как и другие страны дальневосточного региона, щедро питалась.

И пусть Япония в силу ряда причин во многом отличалась от других стран этого региона. Пусть она раньше других сумела реализовать накопленные ею определенные преимущества, направленные вначале

в деструктивную сторону, а позже в позитивную. Главное все же в том, что японцы сумели в конечном счете реализовать все то, что было заложено в их образ жизни историей их территориально небольшой и по ресурсам весьма скромной страны, к тому же спорадически страдающей от геокатаклизмов.

Глава десятая. АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ И АМЕРИКА ДО КОЛУМБА

Эти огромные континенты рассматриваются в одной главе и не слишком подробно прежде всего потому, что они принадлежали в древности и период средневековья к числу сравнительно отсталых и по этой причине внесли не слишком значительный вклад в историю человечества. Разумеется, здесь нужны оговорки. Африка, этот гигантский континент, где возникли и формировались гоминиды, откуда один за другим выходили разные виды этого семейства, включая Человека Разумного, оказалась в силу климатических условий не очень подходящим местом для успешной эволюции человека. Новый Свет из-за изоляции от остального мира в те же века заметно отставал в своем развитии. Но зато после его открытия он не только оказался в состоянии засыпать золотом и серебром всю Европу, но и подарил миру такое количество полезных продуктов, начиная с картофеля, томатов и кукурузы и кончая табаком и каучуком, что и не перечислить. Но, оговорившись, вернемся все же к тому, что в великий исторический процесс человечества оба континента, особенно в те времена, которых касается данный том, большого вклада не внесли. Поэтому логично уделить им сравнительно меньше внимания, постаравшись вместе с тем не упустить из вида самое основное.

Начнем с Африки. Если не иметь в виду Египет, этот дар Нила, и некоторые страны к северу и югу от него, включая средиземноморское побережье и Эфиопию, то окажется, что почти вся остальная часть континента и особенно земли южнее Сахары долго не были освоены человеком. А когда довольно значительная их часть все же начала осваиваться, то оказалось, что она мало пригодна для этого. Почему же? Этот вопрос задавали многие, хотя на первый взгляд все вроде бы вполне понятно: тропический климат, непроходимые и кишащие зверьем леса, поражающие людей и скот тяжелые болезни, будь то лихорадка или вызываемая укусом мухи *цеце* сонная болезнь, ведущая к смерти, мешают людям жить здесь. Кроме того, недостаточно плодородные почвы вкупе с примитивными приемами агротехники и, нако-

нец, низкое качество орудий труда и культуры труда говорят сами за себя. Но почему это было именно так?

Отвечая на подобного рода вопросы, специалисты давно уже пришли к выводу, что в отсталости африканского населения, особенно той его части, которая издревле живет южнее Сахары, виновен целый комплекс прежде всего объективных, но частично и субъективных факторов. Иными словами, в отсталости виновны не только и не столько жители Африки — хотя и об этом не стоит забывать,— сколько сама тропическая Африка как очень мало пригодный для жизни континент. И трудно оспаривать этот факт. Известно, например, что некоторые места той части Африки, о которой идет речь, и прежде всего значительная часть юга континента вполне пригодны не только для скудного обитания, но и для ведения хорошо развитого хозяйства, не говоря уже об обилии ценных ресурсов. Однако все такое хозяйство, как и использование ресурсов, начались лишь после того, как южную Африку стали осваивать европейцы. Отсюда следует вывод, что, кроме многих неблагоприятных объективных факторов, есть основание говорить и о факторах субъективных. Иными словами, выходит, что Африка как вообще-то неудобный для существования человека — хотя и не везде — континент в какой-то мере соответствует уровню развития африканцев, живущих здесь.

Но все-таки, где начало и где конец? И какова история Африки? Есть ли — кроме средиземноморского побережья и отдельных анклавов вроде Эфиопии — примеры того, как африканцы делали попытки освоить Африку (имеется в виду, снова оговоримся, прежде всего и даже только ее тропическая зона, а не Египет), познакомить ее с достижениями цивилизации и государственности? Как и когда это происходило — если такое случалось — и что из этих попыток реально следовало? И еще: что способствовало развитию и что активно или пассивно препятствовало ему? Какую роль в истории континента сыграли его размеры, климат и прочие природные условия, относительная, но весьма устойчивая изоляция и многие иные факторы? Попытаемся рассмотреть все эти проблемы и дать какой-то ответ на связанные с ними конкретные вопросы.

ЗАПАДНЫЙ СУДАН

К югу от великой пустыни Сахары, где жизнь практически отсутствует и которую можно лишь пересекать, не особенно задерживаясь в пути, лежит обширный пояс полупустынь Сахель, этот своеобразный

переход от песков к дикорастущей саванне. Далее к югу начинается саванна, земли которой пригодны для земледелия, а в еще большей степени для скотоводства. Пояс тропической саванны именуется хорошо известным термином Судан, который в Африке используется также и для наименования одного из современных восточноафриканских государств.

Судан в географическом смысле этого слова являет собой опять-таки обширный пояс северной саванны, идущий от атлантического побережья континента почти до восточного его берега. Это одна из наиболее удобных для освоения часть континента. И неудивительно, что именно здесь едва ли не ранее всего поселились ее чернокожие обитатели. Основная и наиболее удобная для земледельцев часть Судана находится на западе. Вот почему Западный Судан ранее других стал центром транзитной торговли, которая и в древности, во времена Карфагена, и тем более позже, примерно с VII–VIII вв., после заселения средиземноморского побережья арабами и возникновения там нескольких стран Магриба, функционировала достаточно активно. Скотоводы как южного негроидного, так и северного ливийско-берберского происхождения обычно предоставляли купцам для путешествия через Сахару своих неприхотливых верблюдов-*дромадеров*. На плодородных западносуданских землях, которые были обычно конечным путем и целью североафриканской торговли, возникали поселения, позже порой целые города с ремесленниками, местными торговцами и прочим населением. Это вело к тому, что в отдельных районах Западного Судана создавались условия для появления там, по меньшей мере в период интенсивной торговли с арабами Магриба, ранних очагов цивилизации и государственности. Что же способствовало этому?

Ответ удивительно прост. Во-первых, сама транзитная торговля, которая всегда несет с собой важные элементы контакта, разрушающего изоляцию и способствующую ознакомлению местного населения с достижениями иных стран и народов. А во-вторых, что намного важнее, та цель, ради которой североафриканские торговцы были готовы пересекать Сахару в ходе длительного и изнурительного путешествия. Цель эта до предела банальна — золото. Именно золотые прииски западной части Судана, о существовании которых знали еще во времена Карфагена, притягивали к себе жителей, а точнее торговцев средиземноморского побережья, особенно после освоения его многочисленным арабским населением. Несколько слов о различных скла-

дывавшихся здесь в результате упомянутых контактов самых ранних государственных образованиях.

Гана. На территории, расположенной в районе приисков, достаточно рано, где-то, быть может, в V–VI вв., возникли едва ли не первые в Африке южнее Сахары (не считая Эфиопии, которая, к слову, довольно далека от Сахары и знакома с горными хребтами) протогосударства. Существуют предания, что самое раннее из них, Гана, которую не следует путать с современным государством того же наименования, была основана выходцами с севера, сохранившимися в памяти местного населения «белыми правителями», возможно, берберами. Однако уже в VIII в. правители Ганы в расовом и этническом плане ничем не отличались от своих чернокожих подданных этнической общности **сонинке.** Существовало протогосударство — и это очень существенно подчеркнуть — практически только за счет таможенных сборов и пошлин с купцов, хотя кое-что, быть может, перепадало правителям Ганы в период ее процветания и в виде дани от ее близких соседей. При этом господствовало жесткое правило: все самородки, найденные на приисках, принадлежат правителю. Только золотой песок считался законной добычей старателей. Правда, и самородки, и песок в конечном счете доставались прибывавшим с севера купцам, в числе которых, кроме арабов, были берберы и евреи и которые в обмен на золото снабжали Гану многими товарами.

Таким образом, Гана существовала за счет своих природных ресурсов, причем более или менее безбедное ее существование длилось до тех пор, пока не начали истощаться прииски, а альморавидский султан Абу-Бекр в 1076 г. не разрушил столицу страны. Словом, уже в начале XIII в. от былого процветания Ганы не осталось и следа. А преемником ее стало расположенное рядом с ней протогосударство Мали.

Мали. Это государственное образование, расположенное к югу от Ганы и тоже богатое золотом, стало развиваться чуть позже Ганы, примерно с VIII–IX вв. Доступ туда был несколько сложнее, чем в Гану. Но зато исламизация в XI в. правящей верхушки Мали из рода Кейта (он не угас и поныне) способствовала установлению контактов ее населения из общности **малинке,** родственной сонинке, с мусульманскими купцами. В 1235 г., когда Мали присоединило древние земли Ганы и ряд иных соседних территорий, связи северных торговцев с ним стали почти регулярными. Золота в Мали было едва ли не больше, чем некогда в Гане. Когда в 1324 г. местный правитель Муса I совершил хадж в Мекку, его чернокожие подданные несли с собой столько зо-

лота, что после этого долгие годы цена на него в арабском мире, как утверждают, заметно снизилась. Города Мали были богатыми, в них строились мечети и дворцовые здания, процветали торговля и ремесло. Существовало немало рабов из числа иноземцев, причем многие из них выполняли функции администраторов и воинов, получавших за свою службу часть налогов с населения. Иными словами, перед нами типичная для восточных обществ, хотя и, видимо, еще крайне слабо развитая система институтов власти-собственности и централизованной редистрибуции. С конца XIV в. Мали стало слабеть и вскоре почти все его владения перешли под власть нового возвысившегося государственного образования Сонгай.

Сонгай. Общность **сонгаев** занимала земли к северо-востоку от Ганы и Мали, в районе важного торгового центра Гао, возвысившегося благодаря превращению Сонгая в центр транзитной торговли. Еще в XIII в. сонгаи были под властью Мали. И только после этого, в связи с ослаблением Мали, сонгаи, тоже принявшие ислам, создали свое большое государство со столицей в Томбукту, наиболее известном городе Западного Судана. Сонгайские города и вся развитая инфраструктура государства существовали — как то было с Ганой и Мали — тоже в основном за счет золотых приисков. Правда, здесь, как и в Мали, была известна практика взимания с населения налогов. А вассальные вожди платили правителю сонгаев дань. Но все эти доходы были мизерными и не шли ни в какое сравнение с тем, что казна получала от золота. Рухнул Сонгай под ударами марокканского войска в конце XVI в. Марокканцы появились из-за преувеличенных слухов о сонгайском золоте. Но прииски к этому времени уже истощились, так что султан Марокко потерял интерес к Сонгаю и ушел. А Сонгай вскоре после этого стал, как в свое время Гана и Мали, приходить в упадок.

Кроме описанных выше сравнительно развитых урбанистических центров на территории Западного и Центрального Судана, вплоть до озера Чад, в начале II тысячелетия существовали и более примитивные племенные протогосударства **фульбе, бамбара, моси, хауса** и ряд других. Практически все они были исламизованы и находились под сильным влиянием арабского севера. Некоторые из них, в частности хаусанские, были уже знакомы с элементами урбанистической цивилизации. Однако появление городов в них было, как следует полагать, более результатом влияния ислама и транзитной торговли мусульманских купцов, нежели спонтанного развития местного чернокожего населения. Впрочем, о роли ислама в возникновении на территории

Африки очагов цивилизации и государственности еще пойдет особо речь ниже. Пока же обратимся к восточной части континента.

ЭФИОПИЯ И АРАБЫ НА ВОСТОКЕ АФРИКИ

Арабы, оккупировавшие в VII в. средиземноморское побережье континента, где было создано несколько новых стран Магриба, не оставили в покое и восток континента. Правда, здесь им пришлось столкнуться не только с первобытными этническими общностями, но и с весьма развитыми древнейшими цивилизациями. О судьбе важнейшей из стран этой части Африки, Египта, о его исламизации и сопутствующей этому арабизации уже шла речь. Но не миновали внимания арабов и более южные районы, население которых также подверглось исламизации и — правда лишь частично — арабизации. Пожалуй, единственным исключением в этом плане осталась Эфиопия.

Эфиопия с глубокой древности была христианским государством, причем управляла им династия, с гордостью именовавшая себя Соломоновой по той причине, что, как гласит предание, первый правитель этой страны Менелик был будто бы сыном Соломона и царицы Савской. Легендарное предание, во многом восходящее к ветхозаветным рассказам, не внушает особого доверия. Но, тем не менее, нельзя отмахнуться от того факта, что среди эфиопов с глубокой древности существовала и до недавнего времени еще была общность так называемых черных евреев, **фалаша,** которые уже во второй половине XX в. были вывезены в Израиль. Однако древние предания и пышные титулы правителей не спасли Эфиопию от сложностей ее исторического пути. Лишившись поддержки со стороны Византии, это государство стало, как весь остальной Судан, испытывать сильное давление со стороны правителей исламизированных африканских государств.

Стоит принять во внимание сохранившееся со времен первых поколений сторонников ислама предание, сводящееся к тому, что в первые годы преследований пророка Мухаммеда в Мекке некоторые из только что новообращенных им его последователей эмигрировали именно в Эфиопию. Если это предание верно, то есть все основания прийти к выводу, что ислам попал в эту страну раньше, чем в какой-либо иной район Африки. И хотя он так и не добился победы в сохранившей в основном верность христианству Эфиопии, о сложностях, сопутствовавших этому древнему государству за тысячелетия его самобытного существования, нельзя забывать. Суть их в том, что оно очень мало продвинулось с точки зрения элементарной позитивной

эволюции. В отличие от ее суданских соседей Эфиопия, знакомая и с христианством, и с исламом, и с иудаизмом, не была обязана своей государственностью одним лишь исламским торговцам. Видимо, в немалой степени именно поэтому она все-таки сохраняла свой статус, хотя и всегда оставалась бедной и в крайней степени неразвитой страной. Этому способствовало географическое положение страны, лишенной выхода к морю. Что же касается остальной части восточноафриканского побережья, то здесь в большинстве случаев, как и в Судане, сказал свое веское слово ислам, представленный в первую очередь опять-таки транзитными торговцами.

Арабы в Восточной Африке. В отличие от средиземноморского побережья, которое было завоевано арабами и где возникли арабские государства Магриба, бывшие составной частью сперва халифата, а затем Османской империи, в Восточной Африке арабы появились, как и в протогосударствах западного Судана, в качестве торговцев. Первые арабские колонии здесь возникли примерно в VII–VIII вв. и вскоре приняли форму поселений метисного характера, ибо женами оседавших в Восточной Африке арабов были в основном местные чернокожие женщины. Поселившиеся здесь арабы, постепенно ассимилировавшиеся и обретавшие облик метисов, становились подлинными хозяевами осваивавшихся ими территорий, на которых быстрыми темпами возникали торговые города-порты типа Могадишо, Момбасы и ряда других.

Более того, ставшие во главе возникавших протогосударственных образований представители новой арабоафриканской этнической общности **суахили** вели активную торговлю рабами-неграми. Некоторые из них отправлялась и в халифат, в частности в устье Двуречья, где эти рабы, зинджи, о которых уже шла речь, были заняты тяжелыми работами по расчистке русла рек и где они, не выдержав условий жизни, даже подняли восстание, образовав на некоторое время свое государство зинджей. Арабоафриканские мусульмане оказали прямое воздействие и на становление государственности в более северных приморских районах, в частности в Сомали, где в XII–XVI вв. возникло несколько султанатов, обычно имевших тесные связи с Могадишо и иными портовыми городами-государствами суахилийцев. В XV–XVI вв. появление на восточноафриканском побережье португальцев сильно ограничило торговлю процветавших до того суахилийских городов, хотя и ненадолго. Довольно скоро португальцы предпочли уйти из этих мест на юг, в район Мозамбика, где они и закрепились довольно прочно.

Мадагаскар. Наиболее древней популяцией этого большого острова, расположенного близ восточного побережья Африки, были переселенцы-**мальгаши,** суденышки которых время от времени прибывали сюда, гонимые морским течением, из своих родных мест в районе Молуккского пролива, Малайи и Суматры. Но затем, в XI–XIII вв. здесь на мальгашскую этническую основу наложился суахилийский арабоафриканский этнический субстрат, а еще позже сюда прибыли португальцы. Первые протогосударства на острове возникли, видимо, примерно в XIV–XVI вв., причем скорей всего этому способствовало сильное влияние ислама. Позже, однако, это влияние под воздействием португальцев стало много менее заметным, если вообще сохранилось. В принципе стоит заметить, что культурный уровень населения Мадагаскара был по восточноафриканским меркам достаточно высоким.

ГВИНЕЯ И ЮЖНАЯ ЧАСТЬ КОНТИНЕНТА

Гвинея как гигантская лагуна, полукругом очерчивающая западную часть южного побережья Африки, была одним из наиболее удобных мест для обитания там человека и для обеспечения его необходимыми жизненными ресурсами. Пожалуй, только экваториальный климат и густая тропическая растительность были помехой благоустройству. Тем не менее, еще в древности существовали связи бантуязычного населения более северных суданских районов, группировавшегося близ оз. Чад, с гвинейским югом. В ходе этих связей и иных сложных этноэкономических процессов в районе Гвинеи возникли различные местные этнические общности, среди который наиболее развитой была общность **йоруба,** располагавшаяся в центре лагуны.

Предания исходят из того, что предки этой общности пришли на юг, к берегу океана, с севера, из района оз. Чад, и основали на новом месте нечто вроде конфедерации, суммы весьма примитивных в своей основе городов-государств, священным центром которых считался Ифе. Полагают, что Ифе был основан примерно в VII в. и достиг своего расцвета в XI–XIII вв. Но этот город при всем его престиже среди других районов обитания йоруба не был их политическим центром. Вообще единого политического центра у весьма своеобразной конфедерации йоруба (напоминавшей описанную антропологами систему разросшейся этнической общности, которая под влиянием вызывавшейся возможной угрозой извне механической солидарности начинала обретать признаки племени и соответственно племенного протогосударства), еще не было. Со временем на приоритет в полити-

ческом плане среди йоруба претендовали вожди-*алафины* из Ойо. Но показательно, что процесс эволюции у йоруба шел столь медленными темпами, если его вообще можно зафиксировать, что сохранению этой общности в форме незавершившейся политической конфедерации не приходится удивляться. И все это при том, что йоруба на протяжении веков были едва ли не наиболее развитым народом среди обитателей Гвинеи. Они, в частности, обладали достаточно заметной — чтобы не сказать развитой — культурой, о чем свидетельствуют скульптурки из дерева, металла, камня и терракоты, которые до наших дней охотно раскупаются туристами и занимают почетное место в музеях.

Описанное обстоятельство побуждает еще раз обратить внимание на ту колоссальную роль, которую в процессе формирования очагов цивилизации и государственности оказывает воздействие со стороны представителей более развитых культур, с ними давно уже знакомых. Ведь именно за счет такого влияния формировались государства Юго-Восточной Азии или только что описанных районов Африки, в том числе Западного Судана и части восточноафриканского побережья. В Гвинее ни арабов-мусульман, ни иных представителей развитых цивилизаций не было. Эволюция шла, насколько можно судить, самобытно или в основном самобытно. И это обстоятельство объясняет крайнюю замедленность темпов ее у йоруба (при всем том, что нельзя категорически отрицать возможность контактов с теми же Египтом или Эфиопией в то далекое время, когда предки йоруба жили еще в районе оз. Чад).

Сказанное относится и к родственной йоруба общности эдо, населявшей Бенин. А уж что касается населения лесной зоны, расположенной в непосредственной близости к гвинейскому побережью и явно никак не связанной с миграционными потоками из района оз. Чад, то о нем в силу именно этих обстоятельств не приходится и говорить. Общности, населявшие эти территории, оставались на первобытном уровне вплоть до появления в Африке португальцев, создававших здесь свои фактории, пытавшихся распространять христианство и занимавшихся в основном работорговлей. Только после этого стали возникать примитивные протогосударственные образования в Дагомее и некоторых других местах близ гвинейского побережья.

Примерно то же можно сказать и о государственных образованиях южной саванны, включая Мозамбик, Анголу, Конго и небольшие протогосударства Межозерья, где именно вмешательство португальцев оказалось фактором, стимулирующим политическое развитие.

Наибольших успехов в этом плане достигло Конго, правители которого в начале XVI в. даже приняли католичество. Однако при всей важности того толчка, который колонизаторы дали местному населению в плане социополитической эволюции, результаты были незначительными. Если обратить, наконец, внимание на самый юг Африки, где природные условия наиболее благоприятны для обитания человека и успешного земледелия, то окажется, что и здесь картина аналогична тому, что только что было описано на примере примитивных государственных образований гвинейского побережья, зоны южной саванны и Межозерья. Существуют загадочные следы существования в далеком прошлом протогосударственных структур, усилиями которых в районе опять-таки золотых приисков на востоке Южной Африки строились различного рода неясные сооружения. Но скорее всего создание их было результатом экономического интереса к этим районам все тех же арабов либо метисов-суахилийцев. Позже, примерно в XV в., здесь было, согласно преданиям, некое загадочное государство Мономотапа, существовавшее — как и государства Западного Судана — за счет таможенных сборов и пошлин с купцов, интересовавшихся золотом, а также слоновой костью и редкими зверями. Но подлинное развитие всех этих богатейших ныне в Африке плодородных территорий началось лишь с появлением в Южной Африке европейцев, голландцев и англичан.

АФРИКА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Африку южнее Сахары в принципе обычно рассматривают как нечто единое — при всем том, что, как о том только что шла речь, это не вполне так. Тем не менее, для глобального подхода к оценке своеобразия основной части континента есть веские основания. Они прежде всего в том, что население территории весьма однородно, причем не только в расовом или этническом плане, но и с точки зрения уровня культуры. Есть, конечно, определенные различия, которые вызваны особенностями исторического процесса в разных частях столь обширного континента. Но эти особенности не столь заметны и существенны, как все то, что сближает друг с другом разные районы и очень разные, причем весьма многочисленные, порой весьма резко отличающиеся друг от друга группы населения.

Пусть это не покажется парадоксом. При всем кажущемся, да и реальном многообразии, начиная с многих сотен, если не тысяч различающихся языков, диалектов и наречий, в основе своей африканцы

едины. Единство их хорошо видно на примере главных форм бытия, будь то родовые связи, семейно-клановые традиции, формы организации различного типа коллективов, религиозные обряды и культы, традиционные нормы поведения, даже характер пищи и одежды. Едины же все потому, что в подавляющем своем большинстве с глубочайшей древности и до начала колониального освоения Африки европейцами они, как правило, очень медленно развивались.

Первичными организационно-хозяйственными ячейками аборигенного (арабы не в счет) африканского населения были либо локальные группы охотников и собирателей, либо большесемейные коллективы земледельцев и скотоводов на очень ранней ступени развития этого типа общества. Вполне понятно, что Африка в этом смысле давно уже является заповедным полем для работы антропологов, которые на материале этого континента сделали немало важных научных наблюдений и даже открытий. В Африке до прихода туда иностранцев никогда не было понятия о частной собственности. А совокупность большесемейных коллективов и родственных друг другу деревень-общин, расположенных компактно и сознающих свое родство, и являла, собственно, ту основу, за пределами которой *свои* четко отделялись от *чужих*. По отношению к своим соблюдалась совокупность этических и иных запретов типа табу, чужие же были вне закона и нередко, пусть даже далеко не всегда, просто уничтожались, если даже не съедались.

Иными словами, судьба Африки судила так, что на этом континенте долгое время жили люди, которые по уровню развития соответствовали тем, кого антропологи прошлого и тем более позапрошлого века именовали дикарями. Естественно и логично, что в обществах такого типа родственные связи или возрастные классы, делившие людей на определенные группы, играли гораздо большую роль, нежели имущественное неравенство или тем более претензии возвысившегося над коллективом главы общины или вождя племени, возникшего под влиянием привходящих обстоятельств в процессе механической солидарности либо трибализации. Оба эти процесса вызывались к жизни — это важно подчеркнуть — только при соприкосновении традиционных структур с внешним миром. Внешний же мир мог предстать либо в форме транзитной торговли и более или менее постоянного общения с представителями развитой цивилизации и государственности, либо в виде вторжения, агрессивного натиска иноземцев.

Пройдя через этап трибализации и обретя в ходе связанной с этим этапом перманентной механической солидарности не столько даже

импульс к единению, сколько жизненную необходимость создания хотя бы примитивной политической структуры, некоторые этнические общества Африки становились на путь возникновения государственности. Этот путь предполагал появление правителя с окружавшей его родней и обслугой, а иногда и с охранявшими его чужаками, на преданность которых он мог полагаться по ряду причин в большей мере, чем на лояльность своих. Но при всем том структура общества оставалась настолько примитивной, что существовать за счет избыточного труда и продукта соплеменников, подданных, правящая элита и обслуживавший ее персонал просто не могли. Продукта для этого было явно недостаточно. По этой простой причине протогосударственные образования и в Западном Судане, и в других местах негритянской Африки сохранялись лишь тогда и постольку, когда и поскольку для этого были созданные за счет внешних факторов условия. Такие, как золотые прииски, привлекавшие иностранных торговцев, что сопутствовало развитию и подчас позволяло строить и содержать целые города. Но показательно, что коль скоро прииски иссякали, ничто не могло сохранить государство, которое вскоре просто распадалось.

Иными словами, за счет собственных ресурсов развитие не шло. Не шло, стоит повторить, не потому, что этого не могли обеспечить правители, а потому, что объективные обстоятельства развитию никак не способствовали. В понятие «объективные обстоятельства» в данном случае включаются и субъективные факторы, связанные прежде всего с отсутствием культуры труда, неумением и нежеланием неприученного к этому местного населения много и упорно трудиться ради, скажем, выращивания хорошего урожая, часть которого должна идти в качестве налога на содержание правителя и его окружения. В порядке некоторого оправдания ситуации, о которой идет речь, следует заметить, что африканский климат, растительность, сами почвы (гумус) не способствовали интенсивному хозяйству, а экстенсивное многого дать не могло. Поэтому само понятие избытка и тем более вопрос о некоей кумуляции избытков в африканских коллективах, как правило, не вставал. Об этом просто не было речи.

Конечно, это вовсе не означает, что в некоторых обществах скотоводов и тем более земледельцев не возникали — быть может, под влиянием тех структур, которые получили некогда внешний импульс для развития, — процессы трибализации и не появлялись племенные вожди. Напротив, вождей в многочисленных африканских племенных образованиях было немало. Но стоит обратить внимание на то, сколь

примитивны были, как правило, племенные группы, в которых появлялись такие вожди. И сколь незначительно отличались эти вожди по своему социальному положению от окружавших их соплеменников. Лишь в немногих обществах типа йоруба ситуация складывалась таким образом, что некоторое количество избыточного продукта все же появлялось, что и служило материальной основой для более или менее длительного существования там примитивных протогосударственных структур с вождем-правителем и его окружением, существовавшими за счет излишков произведенного населением продукта. В подобного рода случаях вождь уже стоял намного выше соплеменников и был окружен ореолом сакрального почитания. Но это было исключением, в принципе лишь подтверждавшим правило, т.е. общую норму.

В складывавшихся таким образом условиях не было материальной основы для хотя бы медленного, но поступательного развития. Соответственно не создавались условия для возникновения товарно-денежных отношений и сколько-нибудь серьезного рынка. Не было никакой необходимой для этого инфраструктуры. Не мог появиться хотя бы в слабой начальной форме процесс приватизации, тем более заметное расслоение общества на имущих и неимущих. Общество оставалось таким, каким оно было с незапамятных времен. И вот здесь-то, причем именно в связи со всем тем, о чем только что шла речь, и начинали играть свою огромную роль развивающего импульса внешние контакты. Контакты эти сводились прежде всего к транзитной торговле, которая в Африке появилась в сколько-то заметном объеме (эпоху Карфагена оставим в стороне) лишь с появлением на севере континента арабских государств и с началом проникновения мусульманских купцов в Западный Судан и на восточноафриканское побережье.

В этой связи существенно обратить внимание еще на одно очень важное обстоятельство. Речь о роли ислама в возникновении процессов трибализации и появления пусть очень слабых, но все же ощутимых, можно сказать, тлеющих (не пылающих!) очагов цивилизации и государственности на западе и на востоке континента. Роль внешнего толчка для Африки была едва ли не решающей. Без него движение вперед вообще замерло бы, причем достаточно давно. Но все дело в том, что ислам в Африке не сумел развернуться с характерной для него силой и добиться таких успехов, которые были бы сравнимы с теми, каких он добился в островной части Юго-Восточной Азии, тропики которой вроде бы вполне сопоставимы с африканскими. Почему же?

Во-первых, потому, что юго-восточно-азиатский регион был несравним по уровню развития с африканским. Его несомненное преимущество было в том, что задолго до появления там ислама он уже подвергся мощной волне влияния со стороны развитых цивилизаций и религий, в первую очередь индо-буддизма. Та почва, которую — метафорически выражаясь — разрыхлил индо-буддизм, была вполне пригодна для энергичного освоения ее исламом.

Во-вторых, сам африканский ислам был в Африке намного менее активным. Даже просто в какой-то степени иным. Мало сказать, что в количественном, он и в качественном отношении заметно уступал тому, что заявил о себе в Юго-Восточной Азии. Гораздо существенней отметить, что принимавшие ислам правители примитивных протогосударств и тем более их подданные просто не были в состоянии стать более или менее прочным фундаментом для возникновения мусульманского общества. Сразу стоит заметить, что обычно для такого рода фундамента от общества не слишком много требовалось. Немало обществ, едва вышедших за пределы первобытности, оказывались вполне пригодными для того, чтобы принять ислам, и более того, ревностно исполнять его нормы и активно бороться за его упрочение. Тому тьма примеров, начиная с бедуинов Аравии. Но Африка оказалась на еще более низком уровне социального и культурного развития. Она до появления ислама в массе своей — за редчайшими исключениями вроде Эфиопии или йоруба (о Египте нет речи) — была еще первобытной. И этого было вполне достаточно для того, чтобы нормы ислама — хотя именно эта религия легче всего воспринимается самыми отсталыми общностями, — все же не были усвоены населением, не готовым к восприятию развитой религии. Для этого нужна хоть минимальная степень готовности, которая, к слову, могла создаваться в результате длительного воздействия на общность хотя бы того же ислама, а иногда, как в случае с португальцами в Конго, даже и христианства.

Проще говорить о том, что такого рода воздействие в конечном счете, опять-таки в строгой зависимости от благоприятно складывавшихся обстоятельств и далеко не сразу, могло сделать свое дело. В итоге и возникали те протогосударственные образования, о которых уже шла речь. Можно даже сказать, что в общем и целом только спустя век-два, а то и ряд веков импульс со стороны того же ислама (с христианством все было сложнее) мог постепенно воздействовать на местное население, создавая племенные протогосударственные структуры типа хаусанских, где ислам действительно оказывался религией, способной

конкурировать с традиционными местными верованиями примитивного раннерелигиозного характера.

В итоге, подводя черту, следует сказать, что несмотря на все сказанное, на все необходимые оговорки, именно ислам сделал великое дело в том плане, что он дал сильный цивилизационный импульс негритянской Африке. Пусть сила этого импульса не была равна степени его реализации, пусть требовались новые волны все того же мусульманского влияния, но в конечном счете — во всяком случае, до появления в Африке европейских колонизаторов — именно ислам был источником социально-культурной эволюции на континенте. Ведь не стоит забывать, что его влияние было не просто спорадическим воздействием на первобытных жителей тех районов, куда проникали мусульманские торговцы, пусть даже и работорговцы, хотя нередко бывало и так. Важно принять во внимание процесс кумуляции этого влияния, что порой вело к созданию исламской инфраструктуры, городов вроде Томбукту, в котором было даже учебное заведение типа университета, а также восточноафриканских суахилийских городов-государств, начиная с Могадишо.

Завершая тему доколониальной Африки, необходимо еще и еще раз обратить внимание на ее отсталость. Как то хорошо известно, она в принципе не преодолена и сегодня. И если ставить всерьез проблему причин этой отсталости, которая постоянно вновь и вновь напоминает о себе миру, то нельзя не принять во внимание весь тот комплекс сложностей, о котором вкратце было сказано выше. Разумеется, в рамках данной работы это лишь очень сжатое изложение далеко не всего того, что можно и следовало бы сказать об Африке. Но в любом случае сказанное дает о древней и средневековой Африке некоторое представление.

Исключая отдельные анклавы, у которых была своя судьба, не похожая на ту долю, что выпала на подавляющее большинство населения континента, в целом есть все основания сравнить Африку с неким великим океаном первобытности, поверхность которого покрывают отдельные небольшие островки едва возникших и, как правило, очень слабо развитых цивилизаций и государственности. Это островки легко при случае навсегда поглощались волнами все той же неумолимой первобытности. Но на смену одним островкам приходили другие, которые, впрочем, чаще всего ждала та же судьба. Иногда островки соединялись друг с другом, что создавало момент кумуляции и вело к образованию небольших архипелагов, потенциально готовых слиться

и сформировать территорию сравнительно большого размера, выплывающую из океана первобытности.

Однако и эти архипелаги никогда не были слишком устойчивы. Ни одного сколько-нибудь крупного и тем более сильного и централизованного, длительное время просуществовавшего государственного образования в Африке южнее Сахары так и не было создано. Единственное в этом плане нечто вроде исключения — Эфиопия — не слишком отличается от нормы. Слабость этого государства, которое веками держалось на религиозном фундаменте, вполне очевидна.

АМЕРИКА ДО КОЛУМБА

История Америки начинается с освоения ее Человеком Разумным. Первые люди появились на территории Нового Света в ходе длительных миграций вдоль южносибирского степного пути. Начался процесс проникновения сапиентных людей на территорию Нового Света примерно 20–25 тысяч лет назад, но похоже на то, что протекал он достаточно медленно и накатывался на Америку волнами. Видимо, так продолжалось много тысячелетий, пока путь в Новый Свет не был перекрыт океаном, а наступление ледников не сделало его вовсе невозможным. Это произошло, похоже, до серьезных успехов в процессе неолитической революции, т.е. не менее 10 тысячелетий назад, так что люди, хорошо знакомые с достижениями неолита, насколько можно судить, в Америку из Евразии уже попасть не смогли.

Есть основания полагать, что первые популяции переселенцев являли собой группы людей монголоидного расового типа со слабо выраженными монголоидными признаками и что миграции шли через Берингов перешеек, существовавший тогда вместо современного пролива. По-видимому, основная часть переселенцев не слишком долго оставалась в северных широтах с их неблагоприятным климатом и неудобными условиями для жизни (тем более, когда климат стал холоднее). Естественно, что основная масса переселенцев двигалась на юг, пересекая умеренные широты современных Канады и северной части США и расселяясь на территории нынешних южных штатов, соседней Мексики и северной части южной половины континента. Во всяком случае, наиболее очевидные следы обитания древних людей археологи находят на территории так называемой Мезоамерики, т.е. Мексики и центральной зоны Нового Света чуть южнее ее, включая Перу.

На территории Нового Света первые переселенцы были в небольшом числе, долгое время вели свойственный насельникам эпохи палео-

лита бродячий образ жизни и соответственно оставили не слишком много свидетельств своего пребывания. Как полагают специалисты, лишь примерно в V–IV тыс. до н.э. здесь можно зафиксировать начало того, что в Старом Свете именуется неолитической революцией. Трудно, однако, сказать, как именно протекал в Мезоамерике процесс перехода к оседлому образу жизни со свойственными ему земледелием, домашним скотоводством и многими иными важнейшими нововведениями. Сложность, в частности, в том, что одомашненными животными здесь могли стать преимущественно ламы, вполне пригодные для использования в качестве вьючных животных, но явно не способные заменить корову или козу. Стоит упомянуть, что на территории Нового Света не было лошадей и потому не появились повозки и широкие дороги. Иными были и пригодные для доместикации продукты. Но как бы то ни было, а нечто вроде неолитической революции в Мезоамерике имело место. Главной зерновой культурой здесь стал маис (кукуруза). Но в пищу шли и выращивавшиеся земледельцами фасоль, картофель, томаты, тыква, перец и многие другие продукты, вплоть до бобов какао. Все это и составляло основной рацион американских индейцев.

Самые ранние признаки возникновения наиболее примитивных очагов цивилизации и начальной государственности восходят в Мезоамерике примерно к рубежу II–I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют данные археологических раскопок как на побережье Мексиканского залива (протогородские центры ольмеков), так и в северном Перу (городище Чаван). Обе зоны были в чем-то сходны и во всяком случае в религиозно-культурном отношении близки друг к другу. Эта близость ярче всего видна из того, что в обеих преобладали изображения ягуаров, воспринимавшихся в качестве священных животных. Однако степень и темпы развития очагов были очень разными.

Североперуанская зона цивилизации на долгие века, вплоть до появления инков, застыла на сравнительно невысоком уровне. Правда, и этот уровень подчас впечатляет. Достаточно напомнить о культуре Наска с ее до сих пор остающимися загадочными гигантскими полосами и орнаментами на пустынном плато, которые в их полном виде оказывают сильное впечатление на тех, кто смотрит на них с высоты, при облете их на самолете. Но, тем не менее, южные районы Центральной Америки развивались медленней и скорее всего под влиянием с севера. Что же касается северной части Мезоамерики, то там вначале, как уже было сказано, доминировали ольмеки, которые, судя по имеющимся данным, и были создателями в Новом

Свете первичных очагов цивилизации и урбанистической государственности.

Культура ольмеков на рубеже нашей эры была уже хорошо знакома с градостроительством, монументальными скульптурными изображениями, мелкой керамической пластикой, изделиями из полудрагоценного камня, а также с календарем, письмом (иероглификой) и многими прочими важными достижениями цивилизации. Города ольмеков, следы которых хорошо известны археологам, поражают воображение своей четкостью с точки зрения архитектурного решения, богатством вложенных в них ритуальных представлений. Существует точка зрения, что планировка ольмекских городов имела определенный сакральный смысл, связанный с восприятием жизненного пути людей и их связи с предками.

Район Мезоамерики развивался не только и не столько в ходе спонтанной эволюции, но также и под влиянием все новых и новых волн мигрантов. Эти мигранты уже не были просто переселенцами из Старого Света, ибо путь оттуда был давно и надежно перекрыт. Скорее всего они были потомками тех, кто некогда удовлетворился зоной обитания в более северных районах и со временем, быть может, под влиянием ухудшения климата, предпочел двигаться на юг. Это предположение тем более вероятно, что достижения тех племен, которые создали ранние очаги цивилизации и урбанистической государственности, не могли не стать им известными и не побудить их поближе ознакомиться с этими достижениями.

Примерно на рубеже нашей эры с севера в район Мезоамерики проникают племена науа, осевшие близ столицы современной Мексики. Там был создан ими город Теотиуакан, один из наиболее значительных центров культуры центральноамериканских индейцев. Это был шедевр градостроительства. Город украшали гигантские пирамиды Солнца и Луны, многочисленные проспекты с сооруженными вдоль них комплексами крупных жилых построек, с огромной рыночной площадью в центре. Едва ли строили сами науа. Скорее всего, к сооружению Теотиуакана были привлечены покоренные ими ольмеки, быть может, и другие этнические группы Мезоамерики. Но мигрировавшие сюда науа, безусловно, играли при этом важнейшую роль. Все-таки это был их город, отражавший в системе градостроительства их идеи, пусть даже в немалой степени заимствованные у много более развитых местных народов. Существенно отметить, что преобладающим среди изображений на фасадах был крылатый змей-

дракон Кецалькоатль, почитание которого со временем стало общим для всей Мезоамерики.

Несколько позже, в середине I тыс., все тот же великолепный город оказался центром новых мигрантов с севера, тольтеков, которые продолжали поддерживать культ Кецалькоатля, но добавили к нему новую детально разработанную мифологему, суть которой сводилась к тому, что боги, включая и крылатого змея-дракона, создали землю, календарь, людей и т.п. Еще позже центром тольтеков стал город Толлан, причем один из правителей Топильцин, управлявший тольтеками в IX–X вв., т.е. в последний период их существования в центре Мезоамерики, прославился будто бы реформами, ставившими своей целью ограничить кровавые жертвоприношения и выдвинуть на передний план принципы гуманности. Неясно, насколько эта легенда соответствует действительности. Но сама идея вполне возможна, если принять во внимание, что в эти века тольтеки существовали рядом с майя, где кровавые жертвоприношения были каждодневной нормой обыденного бытия. После Топильцина тольтеки, насколько можно судить, мигрировали на юг.

МАЙЯ

Преемником ольмеков и науа, а также современником чуть потесненных ею тольтеков стала цивилизация майя, одна из самых известных и значительных в Мезоамерике. Хронология майя, с трудом восстановленная современной наукой, восходит к достаточно древнему времени, но так называемый классический период процветания этой цивилизации приходится на вторую и третью трети I тысячелетия. В эти столетия майя, несмотря на существование рядом с ними тольтеков, стали уже по существу безоговорочными властителями Мезоамерики, олицетворением ее успешно развивающейся цивилизации и государственности. Культура майя с ее длительной предысторией развивалась, впитывая в себя все те великолепные достижения, о которых уже было вкратце сказано и которые составили фундамент развитой цивилизации. Изучена она достаточно хорошо. Насколько можно судить, население майя проживало компактными сообществами преимущественно в виде городов-государств. Некоторые из городов были весьма крупными, но большинство представляли собой небольшие поселения городского типа, окруженные сельской периферией. Мелкие городские сообщества подчинялись более крупным, что создавало иерархическо-бюрократическую структуру и укрепляло власть центра.

Правители и жрецы стояли во главе сообществ, им помогали чиновники разных рангов и сфер деятельности. Среди этих сфер важное место занимала забота об ирригационных сооружениях и землеустройстве. Возделывание земли и выплата налогов были делом общин, в которых, как следует предполагать, большую роль играли родовые связи и клановые большесемейные группы. Огромную роль — здесь уже не может быть никаких сомнений — играли религия и ритуальный церемониал, сопровождавшийся, как правило, кровавыми жертвоприношениями, причем в достаточно большом количестве. Жертвами чаще всего были пленные, во всяком случае, когда они имелись. Если их не было, за кандидатами дело не вставало. Многие, как то ни покажется странным, напоминали современных *шахидов* и были готовы умереть в качестве принесенных в жертву богам. Интересно заметить, что элементом ритуала и жертвоприношений был не только сам факт принесения жертвы на вершине пирамид (из тела вырезали сердце, преподносимое богам, а остатки сбрасывали вниз, где их, с исступлением разрывая на куски, сладострастно пожирали собравшиеся зрители, приобщаясь тем самым к величественному ритуалу). Гораздо существеннее обратить внимание на то, что приносимые в жертву считались как бы отмеченными божественными силами. И хотя каннибализм, увы, всегда был свойствен примитивным обществам и сохранялся подчас и в тех, которые уже вроде бы стали на путь цивилизации, он отнюдь не сводился просто к закуске. Поедая сердце или печень, даже просто кусок тела принесенного в жертву, человек считал себя приобщившимся к ритуалу, что было для него наиважнейшим. Стоит в этой связи заметить, что элементом кровавых ритуалов была и такая, казалось бы, совершенно лишенная ритуального смысла форма, как игра в мяч, в завершение которой проигравшая команда (иногда только ее капитан) тоже приносились в жертву.

Большую роль в обществе майя играла война, в том числе с соседними тольтеками. Военачальники были обычно привилегированной правящей элитой, а воинами становились общинники в свободное от полевых работ и иных дел время. Похоже на то, что главной целью войн было не столько расширение территории или военная добыча, грабеж, сколько приобретение пленных, предназначавшихся, стоит повторить, для ежедневных кровавых жертвоприношений. Большую роль у майя играл и культ предков, особенно в среде правителей. Богатые царские захоронения наглядно об этом свидетельствуют. Классический период майя завершился их отступлением на юг, где они

смешались с потомками некогда двигавшихся в том же направлении тольтеков. Постклассический период существования майя длился долго, до появления испанцев. Но многое из прежней цивилизации к тому времени было утрачено. В частности, великолепный Теотиуакан стал приходить в упадок уже на рубеже VII–VIII вв. А с XIII–XIV вв. почти вся Мезоамерика стала центром обитания новой крупной этнической общности ацтеков, также прибывшей с севера.

АЦТЕКИ

Похоже на то, что ацтеки принадлежали к выходцам из все той же пребывавшей где-то в северной части Америки обширной этнической общности науа. Но появились они в Мезоамерике достаточно поздно. Согласно легенде, им было предсказано остановиться и осесть в районе, где они увидят орла, терзающего змею. Эту впечатляющую картину они будто бы увидели опять-таки близ современного Мехико, где некогда был город Теотиуакан. Свой новый город ацтеки, однако, построили на новом месте, на острове посреди озера, и назвали его Теночтитлан. Наиболее почитавшимся ими божеством стал воинственный Уицилопочтли. Агрессивная энергия ацтеков позволила им сравнительно быстро одолеть соперников и захватить значительную часть Мезоамерики. Вытесненные на юг остатки тольтеков и майя превратились в периферийных ее обитателей.

Власть правителя государства ацтеков (существует малоправдоподобная легенда, будто первым своим правителем ацтеки выбрали одного из уцелевших в этом районе тольтеков) укреплялась. Вожди подвластных ему соседних народов превратились по существу в его вассалов и данников. Воинственность ацтеков, их бесстрашие и готовность умереть и в сражении, и даже на жертвенной площадке, потрясают воображение. Можно было бы считать это фанатизмом верующих. Но в том-то и дело, что развитой религиозной системы ни одна из древнеамериканских цивилизаций не знала. И потому приходится иметь в виду, что готовность умереть во имя богов была чем-то престижным, выделявшим жертву из числа всех прочих.

Для не слишком длительного периода господства ацтеков в Мезоамерике характерны попытки реформ, сводившихся как к некоторым изменениям в социальной организации общества, к содействию развития ремесла и торговли, так и к укреплению власти центра. В принципе у ацтеков — как, видимо, и в остальных государствах Мезоамерики — функционировали общие и структурно сходные для всего

незападного мира институты власти-собственности и редистрибуции. У ацтеков они проявлялись в том, что землей крестьян наделяли от имени правителя представители власти, которые взимали налоги (или дань). Наделы крестьянских хозяйств время от времени, похоже, перераспределялись, представители привилегированных слоев населения имели, насколько можно судить, служебные владения, на которых работали арендаторы либо зависимые. Если и существовали рабы, то статус их был достаточно высоким. Они, скорее всего, имели право на жилище, имущество, брак со свободной женщиной. Дети их, надо полагать, не оставались рабами. Собственно, все это может обозначать, что рабов как заметного социального слоя скорее всего практически не было. Был слой зависимых, работавших в основном на правах арендаторов.

Ацтеки были одним из первых государств Америки, которые встретили испанцев и, приняв их едва ли не за богов, допустили роковую ошибку в отношениях с ними. В 1519 г. Э. Кортес с несколькими сотнями всадников появился близ столицы ацтеков и вскоре сумел пленить правителя этого государства Монтесуму, заставить его подданных принести ему в качестве выкупа огромное количество золота и после этого, убив пленника, выступить против перепуганного всем случившимся населения страны. Как известно, уже в 1521 г. это привело к крушению государства и к полной победе обнаглевших колонизаторов. Победоносный, даже триумфальный поход Кортеса, сопровождавшийся неслыханными жестокостями и хитрой игрой на противоречиях между различными представителями правящей элиты, положил начало дальнейшим завоеваниям испанцев, на сей раз в Перу, где в то время существовало государство инков.

ИНКИ

Перуанско-андский регион, вплотную контактировавший с разными древнемексиканскими культурами, о которых уже шла речь, развивался сравнительно медленно. Начиная с Чавана и Наска, эта зона ранней цивилизации долгое время практически не эволюционировала. Правда, на рубеже новой эры здесь появилось несколько урбанистических центров, знакомых как с культом ягуара, что свидетельствует об определенной преемственности в сфере религиозного наследия, так и с человеческими жертвоприношениями, что явно доказывает существование влияния с севера. Среди них стоит особо выделить культуру Мочика, где в городах строились пирамиды в честь все тех же Солнца

и Луны, а жрецы пользовались особым почетом и влиянием, а также чуть более позднюю культуру боливийского Тиуанако. Полагают, что со временем на основе некоего сводного субстрата всех этих культур, как ранних, так и более поздних, сложилась цивилизация инков.

Легендарные предания самих инков или народа кечуа (это их второе имя), чаще всего имевшие мифологический характер и связывавшие деяния предков с волей богов либо с их родством с богами, увязывают свое происхождение с районом озера Титикака. Считается, что по воле богов первый правитель инков должен был найти новое место, где следовало основать город, который станет центром нового государства. Это место было найдено и получило наименование Куско. Произошло это, если верить легендарным сказаниям, примерно на рубеже I и II тысячелетий, быть может, даже в XII в., т.е. сравнительно поздно. Вне зависимости от того, насколько стоит верить легендарным преданиям, факт появления новой этнической общности, уже давно, как следует полагать, находившейся на стадии трибализации и заполучившей на новом месте своего признанного всеми вождя, едва ли можно подвергать сомнению.

Более того, есть серьезные основания полагать, что очаг урбанистической цивилизации и протогосударство Тауантинсуйу, созданные пришедшими в район Куско инками, стали, в отличие от своих предшественников в том же перуанско-боливийском регионе, развиваться достаточно быстрыми темпами. Возможно, этому помогла упоминавшаяся уже миграция тольтеков и майя как раз в это время, в начале II тысячелетия, на юг. Но, как бы то ни было, государство инков не только быстро развивалось, но и оказалось сильнейшим среди других соседних с Куско племенных протогосударств, что привело к расширению его территории за счет успешных завоеваний. Примерно в XV в. правители Куско были уже не просто сильнейшими в регионе, но фактически главными и единственными, чье имя наводило страх на всех тех, кто был уже либо вот-вот должен был оказаться в числе их подданных. Государство инков превратилось в огромную державу, в «империю», как ее подчас именуют. По некоторым данным, это государство занимало большую часть территории современных Перу, Боливии, Аргентины и Чили и насчитывало несколько миллионов жителей. Язык инков кечуа превратился в государственный, что, однако, не исключало существования периферийных частей страны, где население использовало иные языки. Что же представляло собой это наиболее крупное и безусловно самое сильное во всей доколумбовой

Америке государство, созданное буквально накануне его гибели под ударами немногочисленных отрядов испанских конкистадоров?

Вся страна делилась на четыре части (это была дань традиционному религиозному восприятию мира) и ряд провинций и иных периферийных подразделений во главе с губернаторами-*суйу* или местными племенными вождями-*кураки*. Провинции, в свою очередь, делились на более мелкие подразделения, причем критерием членения, если верить сохранившимся данным, была десятиричная система (10, 100, 1000 и т.д. домохозяйств). Практика едва ли способна подтвердить реальность такого рода системы административного членения страны. Но ведь важна не точность чисел сама по себе. Важен принцип, который вообще-то был достаточно удобен и приемлем в качестве генерального критерия. Возглавлял всю эту по-своему стройную административную систему сам верховный правитель страны, обожествленный Великий Инка, считавшийся родственником, если даже не прямым потомком легендарного бога-правителя Виракочи, который будто бы некогда создал мир, людей и, в частности, самих инков.

Есть сведения, что инки в процессе завоевания ими многочисленных соседних народов использовали свойственный еще древнеассирийским царям нехитрый, но весьма эффективный прием предотвращения возможного недовольства покоренных иноплеменников. Речь о практике массового перемещения людей на новые места и этнического смешения их. Образ жизни подданных Великого Инки был обычным для традиционных восточных обществ. Считалось, что каждый взрослый член общины-*айлью* (возможно, это касалось лишь главы домохозяйства, т.е. большесемейной группы) получал от имени правителя свой надел. Сам Великий Инка — как и правители Китая — на своем явно сакральном поле торжественно начинал сельскохозяйственный сезон.

Следует заметить, что горная поверхность перуанско-андского региона способствовала тому, что поля его подданных располагались не только в долинах, но и на предгорьях. Поэтому у инков возникла и тщательно культивировалась — опять-таки, как и в Китае — система террасирования предгорий. Во всех общинах существовали специальные *поля Инки* и *поля Солнца*, урожай с которых изымался в качестве налога. Налоги были достаточно высоки, что в немалой степени объясняется большой ролью религии. Религия в стране инков, как и во всей Мезоамерике, требовала для своего существования больших средств. Достаточно напомнить о дорогостоящих сооружениях типа

пирамид, которые служили в качестве храмов Солнца либо иных божеств.

Административным центром стал богато отстроенный город Куско, в котором жил сам Великий Инка, а также его многочисленные знатные родственники (их обычно именовали *инками по крови*) и жрецы либо чиновники из числа соплеменников (*инки по привилегии*). Иероглифов, которые использовались в северных частях Мезоамерики, в частности у майя, инки не знали. Они пользовались для передачи необходимых приказов на места так называемым узелковым письмом. К слову, в разросшемся государстве были построены хорошие мощеные дороги, налажена почтовая служба и существовало даже нечто вроде государственной статистики, что в условиях отсутствия в стране знакового письма не может не вызывать удивления и даже восхищения. Можно лишь добавить, что среди многих категорий жрецов-чиновников имелись и такие, специальностью которых было разбираться в сведениях, зашифрованных в узелковом письме. Вообще чиновников и близких к ним жрецов-чиновников у инков было великое множество, это опять-таки напоминает систему администрации в Китае. По некоторым современным подсчетам, чуть ли не на каждые три семейные группы приходилось по одному администратору. Это едва ли было так, но предание о столь насыщенной служащими административной системе существует, и сам этот факт не может не быть отмеченным.

Все земледельческие районы большой страны были хорошо связаны разветвленной сетью дорог с местными городскими центрами, в которых жили чиновники и работали различного рода ремесленники. Местные центры посылали часть собранных с населения налогов в центр государства, в Куско. За счет этих ресурсов и трудовых повинностей населения столица процветала. Храм Солнца в ней был наиболее впечатляющим сооружением, облицованным золотыми плитками. Здесь приносились кровавые жертвы Солнцу. Стоит специально заметить, что именно в стране инков в наибольшей степени по сравнению с остальной Мезоамерикой жертвы воспринимались как большая честь. До 500 юношей и девушек, подчас и детей-подростков, ежегодно закапывалось живьем в землю, причем кандидатов для этого специально отбирали, принесение в жертву обставлялось весьма пышно, а сами принесенные в жертву рассматривались чуть ли не в качестве святых, добровольно отдавших свои жизни во имя процветания государства и народа.

Наиболее ценимым всеми инками был священный ритуальный центр в районе озера Титикака, откуда по преданию некогда вышли

предки Великого Инки. В этом сакральном центре находилась величественная пирамида из семи уровней с немалой подземной частью, причем все элементы строения были сориентированы в соответствии с космологическими представлениями инков, во многом схожими с соответствующими верованиями майя. Специфический интерес инкских жрецов к проблемам космогонии нашел свое отражение и в их внимании к астрономическим выкладкам, которыми они занимались столь же тщательно, как жрецы майя календарем.

«Империя» инков — вершина того, что было создано американскими индейцами до появления испанцев. На первый взгляд, можно прийти к выводу, что структура государства придавала ему немалую силу. И тем более представляется невероятным тот безусловный исторический факт, что она в 1532 г. была взломана и уничтожена пришельцами во главе с Ф. Писарро с такой непостижимой легкостью. Но факт остается фактом. И на нашу долю приходится лишь постараться понять, как же конкистадоры сумели так легко добиться своего. Почему они не встретили ни со стороны ацтеков, ни от инков сколько-нибудь существенного сопротивления. В чем загадка?

ЗАГАДКА ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ

Видимо, загадка здесь не столько реальная, сколько кажущаяся. Едва ли по этому поводу можно сказать что-либо новое. Разве что следует расставить некоторые акценты. Начнем с того, что специалисты много раз обращали внимание на все события, связанные с завоеванием Америки и уничтожением ее цветущей цивилизации. Немало говорилось о том, что едва ли не все из этих цивилизаций, в частности ацтекская и инкская, находились в состоянии кризиса, что помогло испанским конкистадорам. Еще больше было сказано в соответствующих трудах о том, что у испанцев было огнестрельное оружие, с которым американские индейцы не были знакомы, или что завоеватели сидели на лошадях, которых в Америке не знали. Говорилось и о преданиях, смутно напоминавших индейцам Америки, что некогда некие божества ушли за море и обещали со временем возвратиться и что эти божества, в отличие от местного населения, были будто бы бледнолицыми.

Все это достаточно хорошо известно и, видимо, каждый из пунктов, перечисленных выше, в немалой степени соответствует реальности и потому должен быть принят во внимание. И все же остается впечатление, что сказанного недостаточно. Ведь вооруженные колонизаторы в том самом XVI в., о котором идет речь, побывали практически на всем

Востоке, т.е. по сути дела везде вне Западной Европы. Однако вовсе не повсюду им столь легко удавалось добиться столь впечатляющих успехов. В чем же дело?

Справедливости ради стоит напомнить, что, если завоевание государства майя далось Э. Кортесу с его отрядом головорезов удивительно легко, то конкистадорам, пришедшим с Ф. Писарро, после первых впечатляющих их достижений, связанных с победами над правителем «империи» Атауальпой, пришлось несколько труднее. Длительное время, чуть ли не полвека, оказывали сопротивление некоторые воины инков во главе с наследниками последнего Великого Инки. Но роль этого сопротивления оказалась слишком незначительной для того, чтобы одолеть захватчиков, умело и жестокими методами укреплявших свою власть.

По-видимому, причины столь впечатляющих побед незначительного числа испанских конкистадоров над миллионными государствами следует искать прежде всего в структуре самих этих государств. Всего сказанного о них как о развитых очагах урбанистической цивилизации с отстроенными огромными городами, развитой инфраструктурой и хорошо налаженным хозяйством, как следует полагать, недостаточно для того, чтобы понять и адекватно оценить происшедшее. Видимо, самобытность и уровень развития этих очагов сами по себе оказались весьма недостаточной фундаментальной основой для того, чтобы выдержать даже вроде бы незначительный натиск со стороны силы, которая была основана на совсем иных цивилизационных и структурных принципах. Ведь со своими противниками инки справлялись спокойно и уверенно, пусть даже не сразу. Но небольшой, до смешного незначительной группе чужаков они оказались не в состоянии успешно сопротивляться. В этом, собственно, и кроется решение загадки столь легкой гибели всего, что было создано американскими индейцами Мезоамерики за ряд тысячелетий.

Но почему же фундамент цивилизации американских индейцев оказался столь легковесным? Неужели все только из-за огнестрельного оружия? Ведь и оружия этого было не слишком много. Да и умереть инки (видимо, и ацтеки), судя по данным об их жертвоприношениях, не очень-то боялись. И могли ли сыграть роковую роль лошади? Ведь ацтеки и инки не могли не увидеть, пусть не сразу, что и бледнолицые, и их лошади смертны, что это явно не некие мистические бессмертные божества, когда-то покинувшие Америку, а теперь возвратившиеся. Так в чем же все-таки дело? Есть несколько соображений, которые можно

предложить, коль скоро речь идет о столь виртуальной материи, как загадка, противоречивая неясность причин, совокупность которых сыграла решающую роль в историческом процессе на большом двусоставном континенте, именуемом с легкой руки конкистадоров Новым Светом.

Первой в этом ряду стоило бы считать разрозненность доколумбовых обществ Америки, пестроту их этнической основы и силу родоплеменных связей, стойко противостоявших государственным образованиям. Конечно, конкретных фактов для подобного рода утверждений мало, практически нет вовсе. Нет упоминаний о народных восстаниях и серьезных внутренних проблемах. Когда заходит речь о чем-то вроде кризисов, обычно имеются в виду династийные распри либо какие-нибудь противоречия между отдельными группами правящей элиты, например, между правителями и жрецами, что существенно, но в то же время не равно массовым движениям протеста. Но, тем не менее, все говорит о том, что силу этнических связей и роль противостояния *своих чужим* даже в самых развитых государствах Мезоамерики не стоит недооценивать. И именно эту силу умело и коварно использовали конкистадоры, находившие людей, которые по тем либо иным причинам охотно им помогали.

Вторым важным фактором была недоразвитость цивилизаций как таковых. Судя по многим данным, жители этих вроде бы вполне развитых государственных образований, о которых шла речь, чем-то напоминают детский тип восприятия. Как дети, люди были готовы верить не просто в божеств и чудеса, но в то, что добровольная смерть в честь божества не только угодна ему, но и дает некие очень ценные преимущества, более ценные, чем сама жизнь. Подобное можно, конечно, встретить и в развитых современных странах. Не случайно в этой связи было упомянуто о шахидах. Но разница в том, что в Старом Свете самопожертвование такого типа обычно реализовалось в экстремальных ситуациях под знаком героизма или великой преданности кому-то, будь то совсем недавно божественный тэнно в Японии или Аллах у мусульман. А в доколумбовой Америке это было не осознанное и добровольное самопожертвование, а нечто вроде банальной нормы бытия: на тебя выпал жребий — и ты, и вся твоя семья рады, что именно всем им оказана столь высокая честь. Привычка такого рода могла сыграть свою роль, особенно на первых порах, когда индейцы воспринимали конкистадоров в качестве чего-то вроде свиты прибывшего из-за океана божества Кецалькоатля и потому вели себя более чем покорно.

Наконец, третьим и едва ли не важнейшим фактором следует считать золото, а затем и серебро, коими оказался столь богат Новый Свет. Сами индейцы не подозревали, что металлы могут быть столь важными для пришельцев. Они с готовностью приносили им чуть ли не тоннами свои изделия из драгоценных металлов и искренне полагали, что насытят этим конкистадоров и те будут удовлетворены. Но в мире чистогана золото способно только разжигать страсти. Получив много, чужаки захотели еще большего, намного большего. И эта жажда обогащения удесятерила их силу и страстное желание подчинить себе — как они вполне могли полагать — глупых и по-детски наивных аборигенов, которые к тому же очевидно побаивались хорошо вооруженных всадников, сколь бы мало их ни было.

Вероятно, к высказанным соображениям можно прибавить и иные. Но дело в конечном счете не в их количестве. Важен вывод, позволяющий решить загадку: индейцы Америки не были готовы к встрече таких чужаков, которые явились к ним в виде вооруженных всадников и вели себя к тому же столь необычно, не так, как это было принято на их континенте. И сколь ни важны при этом ссылки на кризисные явления, вроде бы ослабившие до того вполне могущественные государства ацтеков и инков, сами по себе все эти кризисы, как и умелая игра конкистадоров на противоречиях и даже взаимной вражде соседних социоэтнических общностей, в данном случае второстепенны. На первое место уверенно выходят роковые для индейцев Америки отличия структуры их общества и принятые у них нормы бытия от всего того, что принесли с собой и столь жестоко внедряли в их практику пришлые конкистадоры. С этой чужой, жестокой и коварной силой индейцы не могли справиться потому, что они просто не знали, как это сделать. Они не были готовы к этому и потому вели себя — да простит меня история за такое сравнение! — как кролики перед удавом.

Что касается последующей судьбы потомков тех индейцев, которые пережили нашествие конкистадоров и стали покорно служить созданной ими власти с новыми католическими миссионерами вместо всех своих прежних влиятельнейших жрецов, то о ней речь должна идти особо. Пока же обратим внимание на другие регионы планеты в период европейского средневековья. Это побудит нас переключить внимание со стран традиционного Востока либо близких к нему, наподобие государственных образований Тропической Африки либо доколумбовой Америки, к тем, что находились в Западной Европе или рядом с ней.

Глава одиннадцатая. НЕЕВРОПЕЙСКИЙ МИР В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Как читатель без труда мог заметить, средневековья как периода, чем-то заметным отличавшего его от древности (деление, столь характерное для истории Европы с ее античностью и средневековым феодализмом), вне Запада не было, о чем достаточно подробно шла речь в первой главе тома. Но, тем не менее, нечто важное, что отличало весь неевропейский мир от Европы в тот же исторический период, не только существовало, но и буквально выпирало, выходило на передний план. И это нечто достаточно легко определить и описать. Оно в динамике эволюции, а если точнее, то в особенностях замедленного развития с постоянной ориентацией на столь характерную для мира вне антично-европейского Запада консервативную стабильность.

Дело в том, что, если оставить в стороне маргиналов типа некоторых отставших в прошлом обществ Центральной и Юго-Восточной Азии или Тропической Африки, часть которых, впрочем, наверстав упущенное, вошли в средневековье, не слишком отличаясь от тех, чья история урбанистической цивилизации уходит в глубокую древность, то выяснится, что **для всех, о ком идет речь, был вполне определенный потолок потенциальной эволюции.** Его пределы вырисовываются достаточно отчетливо. Они сводятся к тому, что структура власти-собственности во всех возможных ее вариантах и модификациях, включая и их сочетание (имеется в виду сосуществование в некоторых странах — Египет в древности, Индия, Япония и ряд других — этой структуры с централизованной редистрибуцией с элементами феодализма), **не совместима с буржуазной, т.е. независимой от произвола власти частной собственностью.** Если быть предельно точным, то можно сказать более осторожно: несовместима до тех пор, пока контакт этой структуры с протобуржуазно-античной в ближневосточной древности или с предбуржуазно-европейской в средневековой Западной Европе (о чем пойдет речь в последующих главах этого тома) не окажется для нее роковым.

Вывод из этого постулата бесспорен: структура власти-собственности в любом ее варианте, включая контактирующий с резко противоположной и противостоящей ей антично-буржуазной, не имеет шансов для успешной эволюции и потому практически нежизнеспособна. Или, если мягче, она вынуждена трансформироваться в сторону буржуазной, ибо в противном случае обречена на отставание

и на статус иждивенца, что весьма наглядно предстает перед опытным взглядом исследователя в наши дни. Но все это начинало более или менее наглядно выявляться уже позже, не в период средневековья. Больше того, для этого периода сказанное было не только далеко не очевидным, но и даже почти невероятным. Все дело в том, что крушение античности и примитив европейского Запада на протяжении большей части средневековья, по меньшей мере до эпохи Ренессанса, в глазах современников и прежде всего европейцев свидетельствовали как раз об обратном. Богатый и процветающий Восток, особенно страны традиционного Востока с его впечатляющей древней урбанистической цивилизацией, т.е. Ближний Восток, Дальний Восток и особенно Индия со всем блоком стран индо-буддизма, вызывали восхищение редких европейских путешественников и тем более торговцев, привозивших в Европу восточные редкости, включая желанные и не произраставшие в Европе пряности.

Разумеется, Восток, рассматриваемый в главе пока что как нечто единое и цельное, как совокупность разных стран и, что самое важное, первобытно-восточных или традиционно-восточных обществ восточного типа, на самом деле никогда столь единым и вообще одинаковым не был. Как раз напротив — и об этом как раз и шла речь в томе, как и в предшествовавшем ему, посвященном восточной и античной древности, — он был очень разным. Но сразу же необходимо оговориться, что различия были только на уровне несходных религиозно-цивилизационных черт и признаков, которыми, как яркими красками и в различной манере мастеров были расписаны разные социоэтнические общности, племена и народы, а то и целые континенты или субконтиненты. Однако, если абстрагироваться от этой яркости, не забывая, разумеется, о ней, обращать внимание на главное, на внутреннюю сущность, окажется, что и Америка, и Африка, и весь азиатский или океанийский Восток **един в самом основном, о чем только что было сказано.**

Мало того, это следует считать само собой разумеющейся особенностью всего нормально развивавшегося человеческого общества в процессе его эволюции, на что специально обращалось внимание в первом томе, когда шла речь о процессе социо- и политогенеза. Поэтому несходство первобытного общества и традиционного цивилизованного Востока с тем полисно-античным, которое появилось достаточно поздно на периферии ближневосточной древности и на ее основе в результате социополитической мутации, не только нормально и есте-

ственно, но и обусловлено той самой эволюцией, которую следует считать движущей силой исторического процесса.

О ДВИЖУЩЕЙ СИЛЕ ЭВОЛЮЦИИ

Об этом уже шла речь и в первом томе, и в нескольких словах в начале данного тома, в рубрике «От автора». Но теперь есть смысл повторить кое-что, ибо вся авторская конструкция во многом зависит от того гипотетического постулата, который был положен в ее основу. И здесь важно начать с того, что в современной историософии и тем более политической экономии давно уже утратило актуальность и считается недостоверным, хотя в отечественной теоретической мысли нет-нет да воскресает. Речь о тезисе марксизма, настаивавшем на том, что человечество эволюционирует именно благодаря своей трудовой активности («труд создал человека»), что движущей силой этого процесса следует считать так называемые производительные силы, т.е. сочетание имеющихся в распоряжении данного общества средств производства и людей, обладающих определенными навыками к труду, производственным опытом.

Если вдуматься в эту формулу и внимательно изучить проблему (для тех, кто с ней не знаком, можно порекомендовать кликнуть тему в интернете; он буквально завален перепевами неомарксистов), окажется, что главное — уметь трудиться. А дальше дело пойдет как бы само собой. Характерно, что никому, начиная с основоположников, не приходило в голову, что с чего-то надо начинать и что те, кто с этого начать не умел, вплоть до сегодняшнего дня вынуждены либо пользоваться примитивнейшими каменными орудиями, либо приобретать то, что придумано и продается другими, т.е. теми, кто сумел достичь большего. Встает вопрос, с чего же все начинается, в чем подлинные движущие силы эволюции, на чем держится весь исторический процесс. И хотя в наиболее полном виде ответ на этот вопрос будет дан в одной из глав в конце тома, пока следует рассказать, на чем основан только что упомянутый гипотетический постулат, являющийся одной из важных опор всей авторской концепции исторического процесса.

Эта основа не имеет отношения к производству, ибо, по мнению автора, производство — лишь метод, форма, принципиальная возможность реализации постулируемой им основы. И хотя именно благодаря хорошо налаженному производству человечество многого достигло (а кто не мог наладить, тот и не достиг), сами эти достижения не имеют ничего общего с производством как способом их достижения.

В фундаменте же лежит нечто, что определяет необходимость движения к определенной цели и тем самым ведет шаг за шагом, причем не всех, а вначале некоторых, наиболее для того пригодных, вперед. Оставив пока в стороне вопрос, что такое вперед, взглянем сперва на генеральный принцип эволюции. Он начинается издалека.

Наша Вселенная, возникшая в результате Большого взрыва примерно 13–14 миллиардов лет назад, определяет статус всего сущего и живого, что было и есть в ее рамках. С этим едва ли кто-то станет спорить, разве что те, кто предпочтет законам Вселенной волю Творца. Сразу же замечу, что в идею Творца верить не склонен, но вслед за И. Кантом, тоже высказывавшим сомнения на этот счет, соглашусь в том, что все, однако, далеко не просто и что есть немалые основания для того, чтобы рассуждать об объективной целесообразности природы[1]. Обратив на это обстоятельство серьезное внимание, добавлю, что уже некоторое время в своих работах[2] разрабатываю проблему этой самой целесообразности применительно к эволюции всего сущего и, в частности, нашей скромной планеты с уникальным феноменом жизни на ней, включая и разумную жизнь человечества. Не считая себя первым из тех, кто задумывается над такими проблемами, обычно стоящими в стороне от социальных и политических исследований, специалист, весьма далекий от астрофизики, не может уйти от вывода, что социополитическая обстановка в современном мире — если изучать вопрос в теоретическом плане — сталкивает человечество с темой, касающейся генеральных законов эволюции.

Небрежение к ним, вполне естественное в нашей стране после крушения марксизма как идеологии с ее до предела примитивно-утопической идеей формаций (из которых сам Маркс не изучил ни одной, кроме разве что капиталистической, да и ту с многими оказав-

---

[1] «...телеологическое рассмотрение, по крайней мере проблематически, по праву вводится в исследование природы, но только для того, чтобы по аналогии с целевой каузальностью (Kausalität nach Zwecken) подвести его под принципы наблюдения и исследования, не притязая на то, чтобы объяснить его в соответствии с ней». (*Кант И.* Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1976. Т. 5. Критика способности суждения. Часть вторая. Критика телеологической способности суждения. Глава 8, параграф 62. С. 383. См. также следующие параграфы, до 75.

[2] *Васильев Л. С.* История Востока в двух томах. 6-е изд. М.: ЮРАЙТ, 2011. Т. 1; *Он же.* Законы эволюции и проблемы развития. Что догоняет догоняющее развитие. М., 2011. С. 135–173.

шимися ложными, отвергнутыми историей посылками и предсказаниями), не имеет серьезных оправданий. Исторический процесс для тех профессионалов, кто хоть немного склонен заниматься проблемами макроистории, был и остается в генеральной своей основе линейным, вне зависимости от того, уделяется ли этому должное внимание. Ведь именно процесс неумолимо движущейся куда-то истории не только все более энергично привлекает к себе внимание, но и властно требует понимания. Не хотите — вам же будет хуже, как бы говорит он всем нам, человечеству. Попытаемся же разобраться в этом.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕЛЕНСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Не стремясь постичь непостижимое, вполне можно понять несколько имеющих к нему отношение элементарных и в общем-то неопровержимых истин. Прежде всего то, что мир вокруг нас (наше Солнце с его планетами; галактика, небольшой звездочкой в которой оно наряду с миллионами других является; скопление галактик, в которое входит наша, т.е. Млечный путь; да и вся постоянно расширяющаяся Вселенная, как и нечто — назовем это условно *космосом*, — за счет чего и куда она расширяется) не может функционировать иначе, как соответствуя каким-то генеральным закономерностям. Ведь отсутствие их давно определено в науке как хаос, но никогда не приходилось слышать, чтобы астрофизики рассуждали о своем предмете как о чем-то хаотично-непостижимом. Как раз напротив, они все более уверенно ищут, находят и исследуют именно закономерности. Без них не было бы их весьма уважаемой науки, в рамках которой причудливо сходятся все бесконечно большое и неизмеримо малое, как непостижимо длительное, так и настолько кратковременно живущее, что диву даешься, как его можно измерить. И это, повторю, не хаос, а нечто весьма строго структурируемое, изучаемое и даже в чем-то предсказуемое. Другое дело, что найти и строго зафиксировать генеральные закономерности эволюции им все еще не по силам. Да едва ли это вообще возможно. Поэтому, ставя проблему законов вселенской эволюции, нужно сразу же заметить, что в любом случае мы имеем дело не более чем с гипотезой. Однако с такой, которую нельзя доказать, но и сложно опровергнуть. Разве что можно просто игнорировать, заменив, в частности, все тем же Творцом.

Итак, начнем с того, что свыше 13 миллиардов лет назад произошел Большой взрыв, в результате которого из чудовищно плотной пылинки под влиянием некоего импульса началось то, что астрофизики именуют инфляцией и что известно как постоянно расши-

ряющаяся Вселенная. Но в процессе расширения происходит то, что астрофизическая теория именует релаксацией и что в конечном счете сводится к коллапсу некоторых звезд с превращением их в гравитационно неописуемо сильные черные дыры, которые — гипотетически предполагается — могут сжаться до размера все той же неимоверно плотной пылинки, имеющей потенциальную возможность под влиянием импульса взорваться, породив очередную из бесконечного ряда расширяющихся, а затем релаксирующих, коллапсирующих и сжимающихся вселенных.

Гуманитарию по образованию и интересам это не просто уразуметь, что я знаю по собственному опыту. Но это очень существенно понять, если мы хотим оценить объективную динамику вселенского процесса эволюции, этого своеобразного вроде бы перпетуум мобиле. И автор, менее всего собирающийся поучать высококвалифицированных астрофизиков, но лишь пользующийся их невообразимо сложными умными теориями, просто принимает брошенную ими всему остальному человечеству перчатку (разумеется, не от имени человечества, не уполномочившего его на это).

Суть же предлагаемой им гипотезы в том, что существует объективная вселенско-многомиллиардолетняя реальность и что эта реальность не статична, а динамична. Больше того, эволюционная ее динамика, насколько можно судить, непрерывна и бесконечна. И все в ней вроде бы, если иметь в виду доступные разуму пределы, более или менее понятно, **кроме** одного, **проблемы загадочного импульса** (здесь есть элемент мистики — но явно не место для Творца, скорей для механизма, переключающего рубильник), который проявляет себя, как можно полагать, в некоторые критические для эволюции моменты. Эти моменты, ориентировочно, насколько это в состоянии понять разум не астрофизика — завершение коллапса, сжимание массы черной дыры до пылинки, взрыв пылинки с расширением очередной вселенной, тянущимся невообразимое количество лет, гибель данной вселенной с заменой ее новой (новыми?).

Итак, исходя из сказанного, формулируем упомянутые выше предлагаемые гипотетические законы эволюции, имеющие отношение к теме. Первый из них — **закон вызова и ответа**. Вообще-то ссылка на некий чаще всего невнятно объясняемый, а то и вовсе необъясненный вызов ныне широко используется в публицистике, особенно политической. Восходит же теория вызова и ответа к обстоятельно рассмотревшему ее британскому историку А.Тойнби, автору многотомного

труда "A Study of History", опубликованного во второй трети прошлого века. Тойнби, уделивший много внимания процессу генезиса *локальных цивилизаций*, что было одной из основных задач сочинения, считал, что каждую из них (он насчитал их, меняя в процессе работы это число, два-три десятка) следует считать ответом на вызов природной среды, в разных случаях различный. Если принять не выкладки, а идею, принцип поставленной им проблемы и обратить внимание на то, как возникла первооснова всего сущего, выяснится немало интересного. Результатом вызова, т.е. загадочного импульса, а точнее адекватным на него ответом стала когда-то наша Вселенная.

Возникнув, Вселенная сама оказалась (что-то ей делегировало эту функцию) источником вызовов, ответами на которые было появление в невообразимо необъятном пространстве бесчисленных галактик, состоящих из гигантского количества звезд, лишь ничтожная часть которых обрела сопровождающую их систему планет. В тех крайне редких случаях, когда планеты оказывались пригодными для возникновения жизни — а насколько пока известно, наша единственная, где существование ее бесспорно, — вызов должен был как-то регулировать и ее поведение. Следует предположить, что, точно так же, как наша Вселенная удостоилась обязанности посылать вызовы всему тому, что оказалось в ее ведении (повторяю, это отнюдь не хаос, ибо в хаосе нет нормативов, а во Вселенной они есть и доступны изучению), она то же самое проделала с нашей скромной планетой, в которой завелась жизнь и которая тем самым и с того момента превратилась — как то произошло некогда и с самой Вселенной — в неизмеримо сложную так называемую неравновесную систему[1]. Словом, право и обязанность делать вызовы **в пределах пригодной для жизни нашей планеты, назовем ее Природой с большой буквы,** были делегированы именно ей.

И в этом пункте чуть окутанная мистикой гипотеза превращается в строгую реальность закона, давно выработанного современной наукой. Великий Ч. Дарвин обозначил генеральный смысл такого рода вызовов, равно как и адекватного и неадекватного ответов на них, *естественным отбором и борьбой за существование,* и, насколько известно, никто, кроме разве что просто вынужденных делать это служителей религий

[1] См., в частности: *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2004. С. 221. Неравновесная система — это система, способная к самоорганизации. Ей, помимо прочего, присуще восприятие воздействий на нее извне.

и тех, кто склонен им верить, его открытие не оспаривал. Возникает естественный вывод: перед **нами вселенский закон эволюции. В форме вызовов, властно *требующих адекватного ответа*, он диктует всему сущему запрограммированное неким механизмом (здесь тоже мистика) движение не столько вперед, от менее к более развитому, от прошлого к будущему, сколько от одного состоянии к другому, в конечном счете от бытия к небытию или от небытия к бытию.**

Но что происходит, если ответ не адекватен или его вовсе нет? В космическом мире появляются или не появляются коллапсирующие звезды и черные дыры (а вместо этого происходит нечто, кое-что другое, обычному непрофессиональному уму, не физику или астрофизику, непостижимое), а в мире живого на нашей планете — иного поля изучения нет — кто-то неизбежно проигрывает в борьбе за существование. Веками и тысячелетиями, что хорошо известно из науки и механику чего убедительно разъяснил Дарвин, одни виды живых существ или одни группы предлюдей и людей гибли, а другие — по идее обычно сильнейшие, но главное, как считается, в каждый данный момент наиболее приспособленные — оставались. А что, если случалось не так? Если отлаженный механизм эволюции в целом давал сбой?

Закон Великого баланса. Тогда гипотетически должен был бы вступать в действие **второй закон эволюции,** великий баланс. Смысл его (а он и есть то самое, наличие чего доказал Дарвин своими законами естественного отбора в процессе борьбы за существование) в том, чтобы строго регулировать и контролировать эволюционный процесс. Если что-то мешает, оно должно быть устранено. Для этого, собственно, и **дается сигнал, в критический для процесса эволюции момент посылается импульс, обретающий форму очередного, корректирующего вызова.** Все тот же первый закон эволюции, действующий в соответствии с сигналами второго, их и посылает. Только таким образом строго скоординированное действие обоих гипотетических законов эволюции и регулирует все, что происходит как со всем сущим во Вселенной (да простят меня астрофизики за вторжение в их епархию) и с жизнью на планете, где от имени космического тела, стоит повторить, выступает Природа, чувствительная ко всему тому, что происходит на нашей планете.

Нельзя сказать, чтобы автор был уверен в том, что выдвигаемая им гипотеза о законах вселенской эволюции неоспорима и истинна. Однако, помимо неоспоримых законов дарвинизма, которые в наши дни со все большей уверенностью можно относить и к обществу (со-

циополитический дарвинизм), многое из того, что происходило и происходит с человечеством на последнем этапе постоянно ускоряющегося исторического процесса, говорит именно об этом. Имеется в виду резкое возрастание в сегодняшнем, казалось бы, до предела развитом, даже явно переразвитом мире все возрастающего числа крайне отсталого и бедного населения. Доля его в мире неудержимо растет с каждым годом и явно недалек тот час, когда — примерно в середине нашего века — именно они будут составлять 70–80% ее населения. И это, пожалуй, единственно неотвратимое из всего, что можно было бы предсказать о близком будущем — разумеется, с оговоркой о возможных катаклизмах.

В основу гипотезы, таким образом, положен **элементарный постулат, сводящийся к тому, что существование всего сущего и тем более жизнь всего живого зависит от непрерывного движения в пространстве и во времени.** Вне этого нет и не может быть ничего. Альтернатива движению — энтропия, т.е. гибель, смерть. А движение, хотя оно бывает и хаотическим, реверсивным — это эволюция, т.е. преобразование и/или перемещение от чего-то к чему-то. Пусть очень медленное, но обязательное, что означает признание, помимо прочего, генерального принципа линейности процесса эволюции, включая не только появление где-то чего-то, в том числе нашей планеты, жизни на ней, человека с его разумом, цивилизации, но и, тем более, непрерывное движение всего этого. О том, каков конечный результат этого движения, можно, конечно спорить (марксисты предполагали — коммунизм), но одно безусловно, конец есть и смысл его в каком-то и когда-то завершении бытия всего сущего. Вопрос лишь в том, каким он может быть и, тем более, как и когда. И стоит заметить, что главное не в том, чтобы узнать, апеллируя к астрофизикам, сколько миллионов лет может еще просуществовать планета как сгусток материи, замерзшей или, напротив, раскаленной, а в том, чтобы трезво оценить реалии того, что происходит на ней на самом деле. Следует разобраться во всем.

ТРАДИЦИОННЫЙ ВОСТОК КАК ФЕНОМЕН

Из всего того, о чем только что шла речь, явствует не только то, что Жизнь всегда есть движение, но что в масштабах нашей планеты — скорее всего, и всей Вселенной — это движение линейно, но не всегда является поступательным, оно может быть и реверсивным. Применительно к человечеству и к его эволюции в тот период, который наука в состоянии — при всех своих слабостях и неточностях — более или

менее аргументированно проследить (речь об историческом процессе), это значит, что эволюция воспринимается только как движение вперед. Куда и как именно *вперед*, не вполне ясно. Правда, с высоты современного опыта кажется бесспорным и вполне очевидным, что не к коммунизму. Скорей уж в *царствие небесное*, а то и ускоренными темпами к всемогущему Аллаху. Но это разговор особый. Пока же речь о другом. Если движение может быть реверсивным, то, опираясь пока лишь на опыт истории Востока в период средневековья и не апеллируя к большему (это тема других томов), следует заметить, что элементом реверсии необходимо считать и те времена многовекового застоя, которые издревле стимулировались осознанной и тщательно соблюдавшейся политикой консервативной стабильности. Что угодно, только не рискованные реформы, провоцирующие движение в незнаемое. Нам хорошо здесь и сейчас и потому не нужны перемены.

В такой политике, свойственной традиционному Востоку и само собой воспроизводящейся там, где общности не достигли уровня государственности или находятся, как то было в доколумбовой Америке, на крайне примитивном ее уровне, есть свой немалый смысл. Зачем рваться в неведомое, если нам пока что и здесь хорошо? Мы живем прилично, и наши боги помогают нам, за что все мы с готовностью приносим им жертвы, включая и кровавые, в том числе самое дорогое, что у нас есть, наших детей. И еще. Мы — это определенный и вполне целостный социополитический организм, составляющий, даже если это миллионы людей, единое целое. И благо организма много выше ценности мелкой его части, т.е. отдельной жизни каждого. Ради блага всех разве жалко пожертвовать малым? А если не жалко и все это пусть даже не понимают, но как-то ощущают, то почему бы не распространить это ощущение и на большее? Коль скоро мы крепче других, а война с соседями может принести нам дополнительные и немалые бонусы, то почему бы и не повоевать? А если в войне погибнут миллионы поверженных нами соседей, что в этом плохого? Мало того, если погибнет и немалое количество своих, то и здесь не стоит сокрушаться. Это плата за успех и за обеспеченное будущее. Это просто необходимые жертвы во имя нашего единого целого, *коллективного тела*, всей совокупности *наших*.

Пусть читатель не думает, что все это беспочвенные рассуждения. Достаточно познакомиться с реалиями прошлого, чтобы убедиться, что примерно так и рассуждали те, кто выступал от имени огромных общностей. Больше того, основой такой политики оказывалась сама жизнь. А отдать свои жизни во имя существования общности было

нормой в условиях, когда войны, нашествия или самоотверженная борьба против наступающего врага были естественным ходом жизни чуть ли не для каждого поколения. Это, если быть серьезным и не бояться правды, и представляло собой важнейший элемент повседневного существования. Больше того, именно в этом проявлялся постулированный великим Дарвином применительно ко всему живому естественный отбор, в процессе реализации которого многие гибли, а оставшиеся — не обязательно лучшие и сильнейшие, но часто просто случайно уцелевшие, — оказывались теми, на чью долю выпадало воспроизводство себе подобных.

Описываемый механизм всегда был неотъемлемой частью реального существования человечества. Но на том этапе его истории, о котором идет пока речь, он был вместе с тем и важнейшей частью. Он многое регулировал в жизни людей и в этом смысле выступал в функции того закона баланса, без учета деятельности которого трудно представить законы, управляющие обществом. А законы такие существуют, причем они вовсе не определяются марксистскими производительными силами. Они не определяются, во всяком случае до поры до времени, и совокупным разумом человечества. А реалии традиционного Востока — великолепный плацдарм, стоя на котором можно воочию увидеть, чем именно и как руководствовались в ходе исторического процесса различные общности и государства и какая политика предоставляла возможность тем или другим из их числа достигать наиболее ощутимых результатов.

Не следует думать, что нечто в этом роде характерно только для больших общностей и сложившихся крепких государственных образований. Реалии слабых государств Нового Света свидетельствуют примерно о том же. А если обратиться к примитивным общностям, скажем, Тропической Африки, то с легкостью выяснится, что и там обстояло дело примерно так же. Там, где еще не сложились государства, механизм подобного рода действовал на уровне родоплеменных или этнических конфликтов. Это даже не обязательно войны, для ведения которых нужны воинские организации, возникавшие только при формировании государственности. Достаточно просто конфликта между *своими* и *чужими*, чтобы начались кровавые схватки типа тех, с которыми мир сталкивался даже в XX в. где-нибудь в Руанде, где *тутси* и *хуту* яростно вырезали друг друга чуть ли не миллионами, не жалея ни женщин, ни детей. И хотя масштабы XX столетия несопоставимы с нормами для средневекового и еще более раннего периода истории,

сам принцип в прошлом ничем в этом смысле не отличался от того, что встречалось в XX в. И в этом, если начистоту, тоже объективно проявлялся всемогущий принцип естественного отбора.

Восток как древность, своего рода младенчество и детство взрослевшего цивилизованного человечества отнюдь не был и не мог в то далекое время быть чем-либо безоблачным. Такое случалось только в сказках. Но и сказки, мифы в этом смысле чаще всего были лишь отражением трагической реальности, правда, нередко закамуфлированной в героической форме победы сил добра над силами зла. Психика людей требовала такого камуфляжа, без него было бы трудно жить. И сказка, как и вообще утешение, религия в конечном счете, играла свою очень важную роль. Она была тем лекарством, которое лечило уцелевших и жаждавших успокоения. Но она и воспитывала людей, вечно напоминая о сосуществовании добра и зла и не забывая подчеркнуть, что добро на стороне наших, а зло присуще **чужим, злым недругам.**

ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОЕ НА ВОСТОКЕ

Еще одно, о чем стоит упомянуть, это тенденция приукрашивания истории. Обратите внимание, в мифах и эпических сказаниях прошлого, особенно там и у тех народов, где они существуют в более или менее впечатляющей форме (а это характерно и для предельно толерантной Индии, и для воинственных кочевников), подчеркиваются героизм и сверхъестественные возможности воинов и победителей. И делается такое отнюдь не только в совершенно очевидных назидательно-воспитательных целях. Косвенно не меньшую роль играет стремление ориентироваться на великое прошлое как на период если не «золотого века», то славного ушедшего времени заслуживающих уважения наших предков. Это естественная охранительная норма общества, стоящего на страже консервативной стабильности. В этом направлении формируются национально-патриотические стереотипы. И все в таком роде обычно реально работает. Но значит ли это, что прошлое всегда в реальности предпочтительней настоящего со всеми его непредсказуемыми жизненными выкрутасами?

Снова обратимся к неевропейскому миру периода средневековья. Если взглянуть на него с высоты современности и оценить те пределы роста, которые высвечивают сегодня неясное будущее человечества, вполне может показаться, что для очень весомой его части уверенное пребывание в мире неторопливого Востока с его культом консервативной стабильности будет едва ли не предпочтительней. **Правда, при**

этом очень трудно сделать такой эксперимент достаточно академически чистым. Поясню свою мысль, имея в виду именно теоретический эксперимент.

Представьте себе на минуту, что вы живете в не слишком продвинутой современной стране Востока и никаких гарантий на заметное улучшение стандарта повседневного бытия у вас нет. А количество людей в вашей стране неудержимо растет, работы для них и соответствующего дохода, как то стало очень наглядным в дни бунтующей молодежи на площадях арабской Африки в 2010–2012 гг., нет. Бунтующая молодежь искренне верит, что виной всему проворовавшееся бессменное руководство и что смена его может привести к существенному изменению положения дел в их стране. Пока она еще не понимает, что смена сменой, а жизнь в их стране зависит не только от этого и даже не от того, чего смогут добиться новые, путь даже вполне честные и к тому же демократически избранные правители.

Сложность ситуации в том, что структура власти-собственности с легкостью на другую, более привлекательную с точки зрения уровня жизни, т.е. антично-буржуазную, не меняется. Для этого нужны не столько желание и усилия, сколько время и умение. А вот этого-то в их распоряжении нет и не предвидится, особенно в условиях таких темпов прироста, о которых только что мельком было упомянуто. И бунтующая арабская молодежь — во всяком случае та ее часть, которая живет неподалеку от зажиточной Европы, — которой ждать неохота и недосуг, которая не очень-то верит в счастливое будущее на родине, решает свои проблемы ногами, массами стремится в европейские страны. Представьте далее, что Европа вскоре перекроет свои границы, а в странах Востока с каждым годом станут появляться десятки миллионов новых рабочих рук, у которых нет работы. И примите, пожалуйста, во внимание, что речь не просто о работе и вовсе не о куске хлеба для голодающего, что было в далеком средневековом прошлом главной заботой среднего жителя планеты. Сегодня другое время, другие потребности, отказаться от которых молодежь не сможет и не захочет.

Учтя все сказанное, прикиньте, захотела ли бы бунтующая молодежь современного Востока жить так, как жили отдаленные ее предшественники. Конечно, она не знает, как именно это тогда было, а услужливые муллы на проповедях в мечетях уверяют ее, что во времена пророка жизнь была настолько хороша, что лучшего желать просто невозможно. Разумеется, это действует. Но действительно ли настолько, чтобы толпами устремиться в райское прошлое времен

пророка? Вопрос по меньшей мере серьезен. С одной стороны, жесткое воспитание в странах ислама сегодня говорит в пользу именно этого, что и ведет немалую часть молодежи в объятья экстремистов и толкает ее на путь самоубийства шахидов. Но с другой, добровольно на это идут все-таки пока лишь немногие. А теперь представьте, что другого выхода просто нет. Выясняется, что принять к себе скверно живущее население Востока мир зажиточного Запада не в состоянии. Он готов помогать и помогает, но этого с каждым годом все ощутимей оказывается мало, во всяком случае во многих странах вне Запада. Не намного лучше положение и в тех странах вроде Китая или Индии, что добиваются в наши дни немалых успехов, но обременены таким количеством постоянно возрастающих в числе собственных бедных и обездоленных, что трудно представить, как они с этим справятся, если это вообще возможно.

Есть, конечно, альтернатива, представленная, о чем только что было упомянуто, экстремистами ислама, делающими ставку на войну с зажиточным Западом. Предположите, что они добьются успеха, особенно заманив в свои ряды немалое число той молодежи, которая не имеет работы и шансов на нее. Выход ли это? Ведь прокормить всех своих эти экстремисты в случае, если судьба станет на их сторону, все равно не смогут, не говоря уже о том, что отказаться от всех современных потребностей, которые создаются и удовлетворяются в основном усилиями передового Запада, молодые не захотят. Они уже вкусили сладость интернета и предоставляемых им возможностей для общения. Учтя все эти далеко уже не гипотетические сложности, взглянем снова на то, что в наши дни, как и в далеком средневековом прошлом, альтернатива оказывается весьма четкой, Запад или Восток.

И если консервативная стабильность Востока имела (и кое-где все еще имеет) свои достаточно заметные преимущества, проявляющиеся прежде всего в том, что жизнь в таком обществе меняется медленно, население почти не возрастает, всем хватает того немногого — хижины, грубой одежды и гарантированного куска хлеба, — то согласятся ли на такое нынешние бунтующие молодые? А другого им никто не предложит. **Или, иначе, теоретический эксперимент в этом пункте начинает заваливаться.**

Но сказанное означает, что гипотетические законы эволюции отнюдь не пустой звук. Человечество не стоит и не может стоять на месте. Оно все время неизбежно движется, причем именно вперед, хотя это движение отнюдь не равномерное и никогда не сможет быть удовлетворяющим в равной мере всех, что стоило бы учесть сторонникам

коммунизма, особенно после крушения всех его начинаний, столь дорого обошедшихся десяткам, если не сотням миллионов. Стало быть, с тоской смотреть на прошлое и пытаться воззвать к нему с позиций равенства или фанатичной веры не поможет выйти из тех трудностей, что одолевают сегодня весь мир и особенно мир Востока, в котором так много бедных и обездоленных и которому не светит ничего в скором будущем (о более отдаленном не стоит вообще упоминать).

Все то, чему только что было уделено внимание, может восприниматься, может и с негодованием отвергаться. Вообще рассуждать о будущем дело неблагодарное. Еще никому и никогда не удавалось его верно предвидеть. А те, кто стремился во имя утопической картины ими же нарисованного будущего силой повернуть ход истории, обычно терпели поражение и уводили с собой в небытие многих, им поверивших. У истории, таким образом, есть свой ход. И, насколько можно судить, он подчиняется только одному, закону эволюционной динамики. Правда, движение вперед, о чем шла речь, не отрицает в качестве своего элемента реверсии, в том числе, быть может, и масштабной. Реверсия может быть, стоит предупредить, разной. И обойтись она может в наши дни в перенаселенном мире, обладающем средствами массового уничтожения, очень дорого для всего человечества. Но вопрос не только в этом. Он сводится к тому, что поступательная динамика в любом случае останется нормой, даже если отклонение от нее будет чревато непредсказуемой по масштабам расплатой. Для планеты, для человечества любая реверсия может стать невосполнимой утратой, а в масштабе не только Вселенной или галактики, но и скромной Солнечной системы просто быть никем никогда не замеченной.

Речь, как многие, видимо, уже поняли, о пределах роста и в этой связи о шансах человечества, в конечном счете, о взаимоотношениях человека с природой. И, как мне кажется, главное в том, чтобы верно оценить все возможности и риски, чтобы, учитывая потенции и реалии современного все растущего численно Востока[1], добиться макси-

[1] Из сегодняшних семи миллиардов населения лишь один, так называемый «золотой», приходится на не блещущий темпами прироста буржуазный Запад. Перенаселенные Индия и Китай имеют гораздо больше бедных и обездоленных, чем зажиточных, хотя бы относительно сравнимых с населением Запада; в остальном мире абсолютно преобладают отставшие в развитии бедные и обездоленные, число которых к середине нашего века вполне может серьезно возрасти.

мально возможных позитивных результатов, особенно имея в виду те перемены в ходе исторического процесса, которые были продиктованы обстоятельствами, связанными с движением человечества вперед. Снова и снова есть основания принять во внимание, что в этом движении давно уже были призваны лидировать те, кто ранее других воспринял нормы эволюционной динамики передового Запада и более всего преуспел в развитии в соответствии с ними. Собственно, именно для этого и во имя благоденствия человечества и следует знать, как шел исторический процесс и чему в ходе этого процесса стоило бы учиться. Если быть еще более откровенным, спасение человечества видится в том, чтобы традиционный Восток максимально быстро преобразовывался. Однако это едва ли вероятно, а позитивные альтернативы не просматриваются.

Как бы то ни было, но, оценив ситуацию со средневековым Востоком и приняв к сведению его достижения в наши дни, можно лишь пожелать человечеству успехов в его будущем. Приняв все это во внимание, обратимся теперь к истории крохотной части планеты, Европы, и прежде всего Западной Европы, ход которой в период средневековья сыграл наиболее заметную роль в поступательном развитии мира разумных людей. Разум, как выясняется из сказанного (и о чем пойдет речь в заключительных сводно-обобщающих историософских главах тома), а вовсе не *производительные силы* — это то, на что может надеяться преуспевающее в науках современное человечество в своем движении вперед.

Часть третья

Западноевропейское средневековье

О средневековье как хронологическом этапе истории человечества уже достаточно подробно шла речь в начале тома. После этого было уделено немало внимания тому, как именно и с чего конкретно этот период берет свое начало и как он, оформившийся для всего мира (не для одной только Западной Европы!) в виде варварских нашествий на Рим, а также едва ли не прежде всего и главным образом экспансии ислама, повлиял на развитие многих стран Востока. Разумеется, при этом были затронуты и те страны Востока, которые не оказались под влиянием ислама, хотя таких, как выяснилось, было сравнительно немного, явное меньшинство. В связи с этим, однако, стоит обратить внимание на то, что всемирного халифата — о чем, вполне возможно, мечтали в свое время представители первых поколений мусульман, чья воинственная энергия во многом питалась привычным кочевым образом жизни, не говоря уже о многих призывных текстах Корана, обращенных к правоверным и призывавших их решительно противостоять всем неверным, — создать не удалось. Бедуины, начавшие движение за создание халифата, успели, однако, на протяжении жизни нескольких поколений слезть с коней и уже по одной этой причине утратить энергию воинственности кочевых племен. И хотя эта пассионарность кочевников, как ее иногда предпочитают именовать, не была утрачена полностью, о чем говорят успехи ислама в позднесредневековой Индии или Индонезии, в степном поясе Евразии, кое-где в Тропической Африке, факт остается фактом. Халифат распался гораздо раньше, чем победоносное шествие ислама успешно завершилось.

Тем не менее, даже приняв во внимание распад халифата на части, нельзя не учитывать возникновения огромного количества стран, ставших в средние века мусульманскими. Народы этих стран принимали ислам либо в результате завоевания, либо в процессе вполне мирного

хода интенсивной исламизации, иногда даже просто вследствие осознанно сделанного выбора. Если учесть это важное обстоятельство, есть немало оснований заметить, что условно названный средневековым период был густо окрашен в зеленый цвет ислама. Речь идет именно о мире, по меньшей мере обо всем Старом Свете, но никак не о маленькой его части, которую мы сегодня именуем Западной Европой, хотя и в ней был ощутимый район, захваченный мусульманами и, более того, отличавшийся вначале своим высоким уровнем экономического и культурного развития (Кордовский халифат).

Сказанное означает, что европейское средневековье было, по меньшей мере в первый период своего существования, территориально небольшим регионом Старого Света, населению которого помог случай: в знаменитой битве при Пуатье, уже на юге Франции, в 732 г. христианскому воинству Карла Мартелла удалось остановить победоносное шествие арабов по территории Европы и тем спасти Европу от исламизации. Это стоит принять во внимание не столько как свидетельство силы только что оформившихся государственных образований сложившейся на развалинах Рима варварской Европы, сколько именно как счастливый случай, как благоприятное стечение обстоятельств — фактор, всегда игравший еще далеко не оцененную специалистами в полной мере исключительно важную роль в мировой истории.

Как бы то ни было, но настоящая средневековая история для Западной Европы началась в определенной степени именно с 732 г., причем как раз в связи с отражением той единственной реальной опасности, которая вполне отчетливо угрожала последующему развитию этого субконтинента. Стоит сказать, что именно разгром воинственного исламского движения, а не великое переселение полупервобытных народов, лишенное какой-либо осознанной агрессивно-экспансионистской цели, — разница, как каждому должно быть ясно, немалая, — стало своего рода знаком наступления в этой части Старого Света средневековья как некоего принципиально нового этапа в мировой истории. Это утверждение может не всем показаться достаточно убедительным. Но оно вполне заслуживает того, чтобы всерьез поразмыслить над ним и еще раз подумать о том, какую роль играли случай, благоприятное стечение обстоятельств и просто исход той либо иной битвы в истории человеческого общества. Впрочем, к этому вопросу как к важной теоретической проблеме истории мы еще вернемся. Пока же обратимся к истории Западной Европы.

Глава двенадцатая. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Если для всего Старого Света история средневековья отмечена двумя кардинально важными изломами в ходе исторического процесса (имеются в виду сперва эллинизация ближневосточного мира, а затем его и далеко не только его одного успешная исламизация), то для Западной Европы дело обстояло несколько иначе. Как то принято считать, здесь свою важнейшую роль сыграло именно падение Рима в условиях варварского нашествия. Конечно, при этом нельзя не учесть, что в силу ряда серьезных объективных причин движение к своему крушению Западная Римская империя начала достаточно давно. Уже в период золотого века империи (первые века нашей эры) стали четко заметны существенные изменения в той сложившейся в конце древнегреческих темных веков свойственной античному Западу социополитической, экономической и ментальной структуре, которая принципиально противопоставила его традиционному Востоку.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Этих перемен было достаточно много. Можно напомнить о возвеличении императоров как практически бессменных носителей высшей власти, стоит упомянуть о сдвигах во всей совокупности политических отношений, особенно на последнем этапе существования империи, когда заметные тенденции в сфере реализации власти центра привели к ее ослаблению. Не следует забывать и об изменениях в системе социально-экономических связей, приведших к развитию института колоната. Потерял свое значение институт рабства. Хотя в ходе завоеваний в Рим притекало множество порабощенных иноплеменников, прежние формы жесткого применения рабского труда в рамках строгой патриархальной семьи эпохи республики уходили в прошлое — к слову, вместе с самой этой большой разросшейся и находившейся под строгим руководством ее главы семейной ячейкой. На смену прежним рабам широким фронтом шли отпущенные их хозяевами на пекулий зависимые либо сумевшие выкупиться или иными путями добиться освобождения вольноотпущенники. Это решение проблемы жесткого насилия над рабами было вызвано — стоит специально заметить — не восстаниями типа возглавленного знаменитым Спартаком, но становившимся все

более очевидным уменьшением экономической выгоды от использования рабского труда, особенно вне домашнего хозяйства, в сфере земледельческого либо ремесленного производства, которое стало основной сферой его применения после распада прежних больших семей.

К этому важно добавить, что многие из обычных свободных земледельцев, а также получивших свои земли ветеранов и их потомков — не говоря уже о почти силой выведенных из Рима люмпенах — со временем оказывались не слишком пригодными для ведения заботливого и требовавшего немалой повседневной отдачи хозяйства. Они теряли свою землю, становились малоимущими либо вовсе разорившимися и оказывались в положении колонов. О сущности института колоната, а также об обстоятельствах его появления и роли в дальнейших судьбах империи специалистами написано очень много, причем существуют весьма разные точки зрения. Но основной его смысл бесспорен: в условиях постепенного ослабления административной власти центра и тем более агонии империи, варварских нашествий и связанных со всем этим все более ощутимых для всех неурядиц неимущие и малоимущие вынуждены были искать защиты от всех невзгод. Выход был найден в сплочении между собой и прежде всего в объединении вокруг сильнейшего из них, наиболее крепкого и зажиточного соседа, того самого патрона, который был в состоянии защитить своих клиентов в смутное время.

Все эти процессы в политической, социальной и экономической сферах приводили к существенному изменению в характере взаимоотношений между прежде заметно противостоявшими друг другу социальными слоями. На нижнем и наиболее массовом уровне это приводило к постепенному возникновению некоего нового типа взаимоотношений в обществе. Прежние нормы античности, традиции полиса, длительное время сохранявшиеся и даже культивировавшиеся и в империи, отходили на задний план. Они не исчезли вовсе, оставалось живым главное: понятие о римском гражданстве, священное право частной собственности, защищенная строгим и в принципе все еще соблюдавшимся законом неприкосновенность ее, равно как и свобода личности, справедливая и дотошно разработанная судебная система или господство никем не контролируемого рынка. Но, несмотря на все это, жизнь людей изменялась. Нашествия варваров и слабость власти вполне определенно заставляли приспосабливаться к новым условиям, что, собственно, и приводило к тому, что богатые теряли свою прежнюю власть, а обнищавшие земледельцы искали защиты у тех же богатых.

В ходе этого медленного, но нараставшего процесса в Западной Римской империи возникала новая сливавшаяся практически в единый социальный слой большая группа производителей, в определенной степени, быть может, уже объективно лишенных той полной свободы, которая некогда была основной ценностью древнегреческого полиса и всегда высоко ценилась в Риме. На смену как рабам, так и свободным шли зависевшие от патрона клиенты. И пусть никого не смущает различное происхождение и несходный статус этих клиентов. Главное было в том, что заново возникла, как бы ожила в новых условиях некогда широко практиковавшаяся система клиентеллы, принявшая теперь форму колоната. Поздний западноримский колонат как массовая форма оптимальной организации населения в специфических условиях сложившихся обстоятельств оказал немалое влияние как на ход развития Западной Римской империи, так и на сложение в последующем основных форм взаимоотношений между производителями и их господами в варварских государствах раннего европейского средневековья. Ведь не стоит забывать, что в этом новом обществе на передний план вынужденно опять выходило свойственное примитивной полупервобытности натуральное хозяйство, заменившее собой на первых порах развитое товарное хозяйство, определявшее облик прежнего Рима.

Но менялось не только это. Упадок товарного хозяйства в сфере земледелия, столь очевидно связанный с общим ослаблением империи и существенным сокращением ее торговой активности, вел к постепенному вырождению ремесла. Искусное мастерство выдающихся строителей, каменщиков, гончаров или ювелиров было теперь мало кому нужно и по этой причине приходило в упадок вместе с империей. Многие из ремесленников находили приют у тех же сельских патронов, к которым в качестве клиентов прибегали за покровительством вчерашние свободные, отпущенники и рабы. В итоге с уменьшением роли товарно-денежных отношений и в сфере ремесла обретало значимость более примитивное натуральное хозяйство, которое в суровую годину неожиданностей всегда представлялось людям надежнее.

Сложившееся положение вещей закреплялось законодательно. Тот самый император Константин, который стал основателем христианской Византии, в 332 г. издал указ, в некоторой степени прикреплявший колонов к той земле и к тому покровителю, с которыми они были связаны. К слову, перенос столицы, вызванный разными причинами, но в первую очередь и главным образом прогрессирующим экономическим, социальным и административно-политическим упадком

западной ее части, окруженной воинственными варварскими племенами, активизировал действия соседей Рима. Он ведь фактически послужил сигналом сначала для раскола империи в 395 г., а затем и для крушения ее под натиском варваров. Справедливости ради стоит напомнить, что годы правления императоров Диоклетиана и Константина, проведенные ими в начале IV в. реформы несколько замедлили процесс упадка империи и привели ее к некоторой стабилизации. Однако дать процессу обратный ход эти реформы уже не могли. Обретшие немалую долю независимости сильные дома, особенно в отдаленных от Рима провинциях, препятствовали укреплению эффективной власти империи. Одна за другой эти западные провинции отказывали центру в послушании, что было, помимо всего прочего, существенной причиной для перенесения столицы на восток и последующего раскола Рима на две части. Как бы то ни было, но серьезные перемены во многих основных сферах жизни, включая и христианизацию, центром которой стала опять-таки восточная ее часть, привели и к переносу столицы, и к укрепившемуся в результате этого давно уже назревавшему расколу чрезмерно расширившейся империи. Это не могло не ослабить ее западную часть, которая как раз и стала мишенью варваров, не говоря уже о пытавшихся было следовать за ними воинственных правоверных. Теперь надлежит подробней рассказать о том, что же происходило в Европе после всего этого.

ВАРВАРЫ. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

О мусульманах и пределах их экспансии уже было сказано достаточно подробно. История судила так, что дальше Пиренеев они на территорию европейского Запада не проникли. А вот о полупервобытных варварах, чье нашествие на Рим, не осложненное никакой великой идеей, оказалось более чем успешным, теперь необходимо сказать более подробно. В историю эта серия нашествий вошла под наименованием Великого переселения народов, причем в ряде случаев такого рода перемещение этнических общностей было весьма долгим и начиналось, как например в случае с гуннами, издалека, с северных границ Китая. Но гунны — случай особый. В большинстве же речь должна идти о народах, находившихся уже на протяжении многих веков практически рядом с Римом, т.е. о тех, кого завоевывали и пытались цивилизовать (романизировать) многие римские полководцы, едва ли не более других Цезарь. Имеются в виду первые волны вторгавшихся в малозаселенную либо почти вовсе не освоенную в то далекое время северную и среднюю

Европу индоевропейцев, начиная с кельтов (галлов и др.) и германцев. До поры до времени сильному Риму удавалось не только сдерживать натиск варваров, но и успешно усмирять их, выводя на территорию покоренных соседей одну за другой многочисленные римские колонии ветеранов, строя дороги и мосты, подкупая подарками и льготами, вплоть до римского гражданства, племенных вождей и влиятельных военных предводителей. Но это время быстрыми темпами уходило в прошлое.

Трудно однозначно объяснить причины столь энергичного движения разнообразных этнических общностей и складывавшихся на их основе в процессе трибализации племенных протогосударственных образований, возникавших на обширных пространствах северной и средней Европы. Едва ли можно все объяснить только толчком с востока от начавших миграцию по Великому шелковому пути живших к северу от Китая гуннов — тем более, что немалое количество тех же гуннов примерно в те же века выбрали более легкий и короткий путь на юг, что привело к захвату ими части Китая и к возникновению там феномена Нань-бэй чао (южных и северных династий). Но как бы то ни было, факт остается фактом: одно за другим полукочевые общности и разные племена Великой степи и более северных районов (что касается Европы) пришли в некое безостановочное, хотя и не слишком быстрое движение и, сталкиваясь друг с другом, нередко заметно меняя вектор, начали достаточно хаотическое на первый взгляд перемещение. Хаотичным оно было именно на первый взгляд, тогда как более пристальное изучение того, что именуется Великим переселением народов, позволяет считать его целенаправленным и даже легко понятным и объяснимым. Племена как магнитом тянулись к границам явственно слабевшей империи, желая при этом, естественно, как-либо поживиться за ее счет.

Это движение началось, как принято считать, в III–IV вв. Однако первые столкновения с жившими к северу от Рима кельтами и германцами начались гораздо ранее. Вспомним тевтонов и кимвров, которых разбил Гай Марий соответственно в 102 и 101 гг. до н.э. Правда, это были не слишком большие племенные группы то ли кельтского, то ли германского происхождения, возможно, родственные другим кельтам, прежде всего галлам, игравшим центральную роль среди северных соседей Рима задолго до того, как началось Великое переселение народов. Но в любом случае есть основания говорить о тенденции. Столкновения с варварскими соседями Рима, в первую очередь теми же галлами, с которыми столь долго и успешно воевал в свое время Цезарь, добравшийся и до Британии, были как бы предтечей, прологом крушения Рима.

В результате вооруженного конфликта с различными племенными группами, который начался несколькими веками позже (еще раз стоит напомнить о замедленных темпах процесса Великого переселения народов) и принял гораздо более внушительные размеры, Западная Римская империя погибла. Что же это были за племена?

Как считается, уже на рубеже II–III вв. волна индоевропейцев, а именно восточногерманские племена готов, бургундов и вандалов начали свое медленное продвижение с северо-западной части Европы в сторону Черного моря, а оттуда — к римским границам. Племена готов, впоследствии разделившиеся на западных (вестготы) и восточных (остготы), вобрали в себя немалое количество представителей и иных племен и различных этнических групп. В их числе были, видимо, скифы и даже, вполне возможно, кое-кто из протославян. Все они уже в этой обновленной трансформированной форме массы разнородных племенных групп начали двигаться в сторону восточноримских границ, наводнив Фракию, Македонию и даже Грецию, включая и ее малоазийскую часть. В конце III в. давление со стороны готов заставило римлян покинуть придунайскую (занимавшую левобережье Дуная) Дакию. Примерно в то же время, в середине III в., западногерманские племенные группы алеманнов вторглись в район между Рейном и Дунаем, нападая на римскую Галлию с юга и дойдя до северной Италии, а франки с территории прирейнских земель обрушились на Галлию чуть севернее.

Около века позиции на границах Рима оставались после этого достаточно стабильными. Но это было для него лишь краткой — в историческом плане — передышкой. Уже в последней трети IV в. ситуация на северных границах империи вновь обострилась. В 375–376 гг. подошедшие к Дунаю гунны начали теснить вестготов и остготов, часть которых, вначале с разрешения римских властей, перешла через Дунай, но вскоре подняла восстание, которое было подавлено. Однако после этого последовали новые, на сей раз неудачные сражения римлян с вестготами, сумевшими в 410 г. захватить и разграбить Рим. После этого вестготы через южную Галлию направились в Иберию, основав там в 418 г. Тулузское королевство — первое из многих варварских королевств, появившихся в V в. на территории Рима.

Вслед за вестготами через Иберию в Африку с боями прошли вандалы[1], которые обосновались на территории римской провинции

[1] Испанская провинция Андалузия получила свое имя именно от этого народа.

Африка, где ими в 439 г. было создано королевство. В 457 г. создали с центром в Лионе свое королевство бургунды. В конце V в. в северо-восточной Галлии возникло королевство франков. Несколько королевств появилось на Британских островах, куда переселились англы, саксы и юты. В Галлии в 451 г. в знаменитом сражении на Каталаунских полях римляне в союзе с вестготами, франками и бургундами сумели нанести сокрушительное поражение победоносно двигавшимся до того вперед гуннам во главе с их знаменитым предводителем Аттилой. В ответ гунны в 452 г. жестоким вихрем прошлись по северной Италии, что помогло спустя три года воинственным вандалам из Африки достичь Рима и еще раз разграбить его. На сей раз опустошения, нанесенные столице империи, были столь страшными, что после этого сам термин *вандализм* вошел в историю как обозначение бессмысленно жестокого и варварского уничтожения всего, что попадается под руку.

Уничтожение Западной Римской империи, как упоминалось, датируется захватом в 476 г. Рима Одоакром, низложившим последнего из императоров. Однако передвижение народов продолжалось и после этого. В конце V в., после убийства в 493 г. Одоакра большая часть территории Италии была включена во вновь созданное во главе с Теодорихом королевство остготов, переселившихся сюда с востока, из Паннонии. В 568 г. северная часть Италии была захвачена лангобардами, создавшими здесь свое королевство (отсюда наименование северной части страны — Ломбардия).

Собственно, на этом завершилось завоевание Западной Римской империи, хотя процесс Великого переселения народов продолжался еще долго. На востоке Европы шло массовое перемещение этнических общностей славян, тюркского племени волжских булгар, мадьярского народа венгров, на севере оно проявлялось в энергичной агрессии норманнов, сыгравших особо заметную роль в истории ряда стран, включая и нашу. Но в том, что касается Западной Римской империи, именно лангобарды, насколько известно, поставили точку. Рим полностью перестал существовать как государство. Лихие и воинственные конники, какими в большинстве своем и были пришедшие с востока кочевники либо полукочевники, сумели за несколько веков сломить могущественную империю, от которой уцелела лишь ее восточная часть, имевшая иную судьбу. Но нас сейчас интересует судьба Западной Европы, так что именно о ней и пойдет речь.

АККУЛЬТУРАЦИЯ И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНЫХ ВАРВАРОВ

Завоевавшие империю воинственные народы, образовавшие на ее землях ряд королевств[1], достаточно быстро осели на тех землях, что им достались. Знакомство с земледелием, с которым по меньшей мере часть пришельцев оказалась тесно связанной благодаря достаточно длительному контакту как с издавна обитавшим здесь местными кельтским населением, так и, видимо, в гораздо большей степени с имевшими немалый опыт в этом деле римскими поселенцами, позволило слезшим с коней новым жителям Европы довольно быстро освоиться на занятых ими территориях. Источники свидетельствуют о том, что германские племена жили — по меньшей мере вначале — мелкими хуторами, которые со временем разрослись в достаточно крупные деревни-общины. В одних из этих новых общин длительное время преобладали еще старые кровнородственные связи, другие быстрее становились соседскими общинами-*марками*. Однако основой и тех, и других была типичная для еще неолитических поселений большая патриархальная семья, которая, правда, довольно быстрыми темпами распадалась на мелкие нуклеарные семьи, каждая из которых владела своей землей, **аллодом.** Аллод, т.е. земельный надел крестьянской семьи, обычно наследовался по мужской линии, а в случае нехватки земли при разделе ее после смерти патриарха между его сыновьями из общинного фонда выделялись новые аллоды, благо земли на первых порах было более чем достаточно.

Большую роль у осевших на полупустые земли средней и северной Европы вчерашних кочевников и полукочевников продолжало играть интенсивное скотоводство. Обширные хуторские и общинные луга и пастбища были общей собственностью и местом для выгула скота. Между общинными деревнями развивались хозяйственные связи. Организующую роль в них играли, насколько можно судить, бывшие многочисленные римские колонии, в которых уцелевшие — хотя и всерьез изменившиеся после всех перипетий — потомки осевших в них некогда легионеров хорошо знали, что такое товарное хозяйство, и явно могли, даже должны были содействовать тому, чтобы к нему со временем приобщались и их новые соседи.

---

[1] Стоит заметить, что это условное наименование отнюдь не означает, что возникали сколько-нибудь прочные государственные образования; скорее речь идет о территориях, занятых той либо иной едва успевшей пройти через процесс трибализации этнической общностью.

На вновь осваивавшихся варварами землях шел стимулированный и ускоренный уцелевшими потомками римлян (их среди населения в средней Европе оказалось большинство) процесс аккультурации. Он протекал, естественно, по-разному в различных частях бывшей империи. Однако везде, особенно в пределах широких лесистых плодородных равнин, этот процесс способствовал быстрому освоению завоевателями основ уже давно существовавшей здесь производственной, а также социальной и, что особенно важно, бытовой культуры.

Постепенно аллод переставал быть, как считалось прежде, исконной собственностью общины, а право наследования его начинало признаваться за дочерьми и иными родственниками умершего хозяина. За общиной оставалось лишь право распоряжаться находившимися в совместном пользовании общественными землями (лесами, пастбищами, различного рода неудобьями и т.п.), которых было еще достаточно много. Эти новации вели к тому, что в деревнях появлялись бедные и зажиточные, следствием чего было возникновение арендных отношений и кабальной зависимости, весьма напоминавших те оживившиеся в конце существования Западной Римской империи патронажно-клиентные связи, о которых упоминалось в начале главы. Правда, это уже не была система типа колоната. Вчерашние варвары, усваивая римскую агротехнику и всю тесно связанную с ней организацию ведения хозяйства, а также знакомясь с основами многими веками вырабатывавшихся правовых норм, проходили процесс аккультурации достаточно быстрыми темпами. Сохранившиеся ранние письменные тексты типа «Салической правды», составленной франками в начале VI в., говорят именно об этом. Написанный на исковерканной латыни (с прибавлением франкских слов), этот текст довольно подробно повествует о запретах, проступках, преступлениях и наказаниях за них. В нем еще преобладали нормы варварского германского обычного права с указанием размера выкупа-*вергельда* за убийство людей разного социального статуса и с перечнем штрафов. Но именно в этом документе была уже отражена идея о наследовании аллода и даже о движении в сторону превращения аллода в отчуждаемую частную собственность.

Разумеется, на процесс аккультурации оказывало огромное воздействие и остаточное влияние рухнувшей, но не исчезнувшей вмиг старой римской государственности с ее высокоразвитыми формами и многочисленными нормативами, прежде всего в сфере политических институтов, организации управления и налогообложения, а также образа жизни высокопоставленных слоев общества, нобилитета. Пред-

водители варваров не случайно один за другим именуют свои едва возникшие протогосударственные структуры чем-то вроде царств (привычно используемый в наши дни специалистами термин «королевство», строго говоря, возник чуть позже и был образован от имени франкского **Карла** Великого), как не случайно окружают они себя и свои троны привилегированной титулованной родней, высшей знатью, а также приближенными различного ранга. Все это сыграло свою роль в ускорении процесса превращения этнических общностей варваров в государства, пусть даже вначале еще весьма рыхлые и слабые, структурно далеко не совершенные.

Огромную роль в процессе аккультурации потомков варваров-кочевников сыграла их христианизация (франки, жившие в контакте с Римом до того уже несколько веков, приняли его еще в 496 г.). Переняв от римлян основы христианства — иногда в форме ранних ересей, преимущественно арианства, о котором шла речь в связи с развитием раннего христианства и Вселенскими соборами в Византии (это касается прежде всего вестготов и лангобардов),— народы пришедших на смену Западной Римской империи королевств вместе с развитой религиозной системой воспринимали многие элементы тесно связанной с ней культуры. Имеется в виду не столько само по себе строительство церквей и монастырей, сколько влияние этих церковных организаций на прилегающее пространство, довольно быстро забывавшее своих языческих богов и энергично приобщавшееся к новой духовной культуре и проповедуемым ее адептами идеям. Нельзя не отметить в этой связи и огромную роль церковной службы со всеми ее торжественными и красочными обрядами. Производили на новообращенных огромное впечатление и соборы, эти величественные архитектурные сооружения, символизировавшие связь земного начала с божественным. К сказанному стоит добавить и воздействие на людей образа жизни трудолюбивых и образованных монахов из многочисленных монастырей. Своей простой, но зато каждодневной и к тому же весьма нелегкой физической и умственной работой они создавали островки высокой культуры. Неудивительно, что простому народу у них всегда было чему поучиться.

Наконец, ни с чем не сравнимую роль продолжал играть сам Рим, хотя и подвергавшийся нашествиям и разграблениям, но остававшийся при этом священным центром западноевропейского христианства. Христианство и Рим как его центр, в котором жил первосвященник, Римский папа, еще в пору создания первых варварских королевств мистически воздействовал на некоторых из тех варварских

предводителей, которые сами еще не были христианами. Существует предание, будто в 452 г., когда потерпевший поражение в знаменитой битве на Каталаунских полях вождь гуннов Аттила вихрем прошелся по северной Италии и подошел к Риму, папа Лев I вышел навстречу ему с одним лишь крестом в руках и тем не менее сумел убедить предводителя варварских орд отказаться от намерения захватить Рим и разграбить его. Правда, это не помешало вандалам, о чем уже упоминалось, сразу же после этого (неизвестно, было ли на сей раз вмешательство со стороны понтифика) разграбить Рим до основания. Но, тем не менее, само по себе это печальное для Рима событие не изменило той значимости, которую обрело христианство уже в первые века после его официального признания в Риме.

СТАНОВЛЕНИЕ И СПЕЦИФИКА ФЕОДАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Теперь — хотя об этом уже специально шла речь, надлежит сказать еще несколько слов о западноевропейском феодализме. Вплоть до настоящего времени многие полагают, что феодализм — во всяком случае, так называемый «классический» феодализм — это что-то вроде новации в мировой истории, свойственной именно Западной Европе и вызванной крушением Рима. Это не так. Да и вся история Западной Европы оказалась именно такой, а не какой-либо иной, не вследствие существования в ней феодальных социополитических отношений со всеми присущими им признаками, о которых уже шла речь. Западноевропейский феномен — это вообще-то конечный и великий результат той социальной мутации и бифуркации, которые в свое время способствовали появлению на свет античного полиса и всего того, что было с ним связано. Только из-за этого, а не по какой-либо иной причине здесь сложилась структура рыночно-частнособственнических связей, которой суждено было со временем, прорвавшись сквозь дебри примитивного варварского, постепенно цивилизовавшегося общества, лечь в основу европейского капитализма.

Именно это очень важно сразу же подчеркнуть: западноевропейский «классический» феодализм не был единственной структурной основой европейского средневековья. Такой основой было сосуществование в нем, по меньшей мере на первых порах, полупервобытно-восточных институтов власти-собственности и редистрибуции с оставшимися в наследство от Рима и сохранявшимися в основном в городах рыночно-частнособственническими отношениями. Вначале эта ги-

бридная структура, сочетавшая признаки **мирового города** и **мировой деревни**, обществ восточного и западного (античного) типа, приняла внешне бьющий в глаза социополитический облик феодализма. Этот антураж преобладал де-факто, причем именно и только потому, что в обществах, о которых идет речь, не сложилась еще крепкая централизованная власть. Однако уже через ряд веков естественная, всегда и везде проявлявшая себя тенденция власти к централизации взяла свое. Сразу же выяснилось, что одолевавшие полупервобытно-восточную структуру античные рыночно-частнособственнические отношения несовместимы с феодализмом как социополитической системой. Эта система со столь свойственными ей политической раздробленностью и междоусобицами способствовала ограничению рыночных связей и в еще большей степени политических свобод и гражданских прав, которые одни только и могут гарантировать господство предбуржуазной частной собственности. Свободы, права и патронируемый государством рынок в принципе свойственны античности и порождались, как известно, не системой полупервобытного или даже более развитого феодализма, а структурными основами эпохи. Эпоха Ренессанса все в этом смысле расставила по своим местам. Но об этом позже.

Пока же, обратив на все сказанное должное внимание, вернемся к раннесредневековой полуварварской Европе и взглянем на то, как возникал в ней феодализм как система социополитических институтов. Здесь важно принять во внимание, что очень многое из институтов городского самоуправления, не говоря уже о некоторых элементах заново рождавшейся государственности в варварских королевствах, было заимствовано из римской традиции, включая и первоначальные нормы древнего полиса. Соответственно и феодализм, бывший формой типично восточного института власти-собственности и редистрибуции, оказался в условиях отсутствия инфраструктуры и администрации чем-то вроде активного приспособления варваров-новопоселенцев к сложившейся в разных бывших западных римских провинциях — да и в самой Италии — обстановке. В ходе процесса феодализации приближенные и родня правителя наделялись доходами, соответствующими их роли, заслугам и месту в складывавшейся системе управления королевством. Государства развивались в зависимости от того, как и какими темпами шло формирование обществ. Те из пришлых народов, кто оказывался в этом смысле в наиболее благоприятных условиях, достигали больших успехов и тратили на это меньше времени, что, естественно, сказывалось на результатах.

Первыми здесь были франки, осевшие на давно и хорошо освоенной римлянами территории Галлии и к тому же раньше других, как о том уже шла речь, принявшие христианство. В соседской общине-марке франков аллоды прежде всего стали превращаться в частную собственность и соответственно именно там начали появляться богатые и бедные, что вело не только к аренде и долговой кабале, но и к процессу коммендации, который был родственным институту колоната и сводился к тому, что в условиях слабой власти центра и обилия желающих поживиться за чужой счет авантюристов мелкие землевладельцы добровольно соглашались поступиться своей независимостью и пойти под покровительство более сильного соседа, т.е. все того же патрона, похожего на его древнеримского предшественника, который был в состоянии дать отпор недоброжелателям. Именно это создавало основу для возникновения неких общинных структур, которые могли оказаться в составе владения кого-либо из обладавших военной силой и политической властью людей, более или менее близких к королю. К сказанному стоит добавить, что процесс коммендации был, как правило, ненасильственным. Более того, этот вполне естественный в условиях политической раздробленности процесс логично дополнялся и восходящей к первобытной древности (а частично, безусловно, к традициям ранних античных полисов) заметной роли народного собрания. Такие собрания в варварских королевствах принимали чаще всего формы сельского схода с правом выносить необходимые и обязательные для населения общины вердикты.

Эти вердикты подытоживали уже реально сложившиеся патронажно-клиентные связи, которые в новых условиях постепенно, но неуклонно трансформировались в вассально-сеньориальные. Появление их в обществе, собственно, и формировало основу для феодальной системы отношений. Отношения подобного типа становились неизбежной и важной формой существования политических образований, уже не основанных на веками складывавшейся восточной структуре крепкой власти-собственности с присущей ей **централизованной** редистрибуцией. **Перед нами поэтому не слишком обычная — хотя, тем не менее, достаточно часто встречавшаяся — известная на древнем и средневековом Востоке форма существования возникавшего слабого государственного образования с соответствующей именно ему децентрализованной редистрибуцией, что, собственно, и именуется феодализмом (государство и общество с существованием феодов).** Таким было, в частности, государство франков.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ФРАНКОВ

Первым главой Франкского королевства был вождь салических франков Хлодвиг (465–511), который сумел одолеть бывшего римского наместника в Галлии, потеснить алеманнов, остготов и вестготов, занять большую часть территории современной Франции и сделать своей столицей Париж. Происходя из рода Меровея, он основал династию Меровингов, одну из первых в варварской раннесредневековой Европе. Принятие христианства в его ортодоксальной форме католичества обеспечило Хлодвигу поддержку Рима и благожелательное отношение всего христианизованного уже галльского и римского населения. Хлодвиг и его преемники постарались фактически присвоить себе право распоряжаться всеми землями созданного ими королевства с тем, чтобы за этот счет создавать большие владения для своих приближенных как из числа светской, так и духовной, т.е. церковной знати, которые становились его вассалами. О том, какими способами это происходило в реальности, только что уже шла речь. Стоит разве что еще раз подчеркнуть, что само появление практики вассалитета было вызвано появлением неизбежной в силу сложившихся обстоятельств **модификацией** столь характерного для варварской постпервобытности **восточного принципа власти-собственности. Речь идет о власти-собственности в специфических обстоятельствах ослабленной роли центральной власти и, соответственно, децентрализованной редистрибуции.**

Такого типа модифицированные восточные институты создали специфику всей раннесредневековой европейской структуры власти-собственности, которая обрела форму феодальной иерархии, столь характерной для подобной системы власти вплоть до начала процесса ее дефеодализации. Как зафиксировано в текстах, в королевстве Меровингов существовали крупные землевладельцы из числа потомков римских сенаторов, а также епископы, обычно жившие в прежних римских поселениях, перераставших в города с торгово-ремесленным населением. Земли, которые принадлежали вассалам короля, — это прежде более или менее свободные либо заново возникавшие деревни-общины, марки, где отношения колоната трансформировались, как о том уже упоминалось, в типичную феодальную зависимость крестьян от высокопоставленного сеньора.

Параллельно с вассально-сеньориальными иерархическими связями, число ступеней в лестнице которых понемногу возрастало,

возникали и слабые пока еще территориально-административные связи. Королевство делилось на территориальные единицы, графства, во главе с назначавшимися двором администраторами-графами, которые исполняли функции судей и взимали штрафы за нарушение порядка. Графам подчинялись должностные лица, руководившие более мелкими административными подразделениями, сотнями. Сотники обычно контролировали деятельность местных народных собраний, тон в которых задавали, как то везде обычно бывало, наиболее уважаемые и зажиточные члены общин. Народные собрания были и в марках. Вся эта схема, кажущаяся достаточно стройной и жизнеспособной, на самом деле была крайне слабой и продержалась — в том виде, как была создана Хлодвигом, — фактически лишь до его смерти. При его преемниках власть перешла в руки майордомов, бывших военачальниками, тогда как короли ее лишились и получили прозвище «ленивых».

В VIII в. майордом Карл Мартелл (688–741) устранил последнего из ленивых королей династии Меровингов и начал управлять королевством франков, проведя в нем ряд важных реформ. Главная из них сводилась к изменению характера крупных земельных владений, которые давались теперь в качестве **бенефициев**, т.е. условных держаний, за которые следовало верно служить королю. Осуществляя реформу, Мартелл не останавливался перед тем, чтобы силой отбирать владения у непокорных вассалов, включая и церковных. И хотя бенефиций уже через столетие после реформы обрел черты классического наследственного **феода** (лена, владения, вотчины), реформа позволила королям наделить бенефициями многочисленных приближенных, превратив их в профессиональных воинов, предшественников будущих рыцарей. Конные воины изменили характер войска, где пешему крестьянскому ополчению стала отводиться второстепенная роль. Все это, к слову, помогло Мартеллу одержать ряд побед над врагами, в том числе остановить продвижение арабов в Европу в знаменитой битве при Пуатье в 732 г.

Преемник Мартелла Пипин Короткий покровительствовал церковным магнатам, за что заслужил признательность папы, который в это время, теснимый лангобардами, мог рассчитывать лишь на поддержку Франкского государства. Добиваясь этого, папа Стефан II официально провозгласил Пипина правителем земли франков, за что последний сумел заставить господствовавших тогда в Италии лангобардов вернуть церкви земли Рима и Равенны — те самые, где позже и был создан патримоний св. Петра, т.е. папские церковные владения.

ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Наследником Пипина Короткого стал в 787 г. его сын Карл, за несколько десятилетий (он умер в 814 г.) в ходе ряда успешных войн увеличивший свое государство почти вдвое и превративший его в своеобразную, еще не очень-то институционализировавшуюся, но уже огромную «империю», как ее обычно именуют специалисты. Войны с германцами-саксами, с баварами, затем со славянами и тюркоязычными аварами позволили ему расширить свои владения и способствовать христианизации завоеванных народов, прежде всего саксов. На западе Карл заметно потеснил мусульман, испанских мавров, создав в районе Пиренеев новую Испанскую марку. Стоит заметить, что именно в результате таких походов франков впоследствии возникла «Песнь о Роланде», с преувеличенным пафосом, но зато в очень хорошем литературном стиле воспевавшая подвиги мужественных христианских воинов. На юге, в северной Италии, уже в завершение своих воинских успехов, Карл нанес поражение лангобардам и подошел к Риму, где был торжественно встречен папой Львом III.

Эта встреча была по-своему весьма знаменательной. Сильно теснимый в своих скромных владениях варварами, прежде всего лангобардами, римский первосвященник был очень заинтересован в покровительстве ставшего уже самым сильным в Европе христианского правителя, а этот последний в свою очередь, в условиях противостояния с Византией, глава которой все еще формально считался римским императором, стремился сам к императорской короне. Близость интересов и духовно-политическая взаимозависимость Льва III и Карла сыграли свою роль. Карл громко заявил о том, что папа Римский неподсуден никому. Тем самым он возвысил римского первосвященника, сделав шаг к превращению его в главу фактически самостоятельной католической церкви (до того папа считался наместником византийского императора в Риме, ибо этот император в те годы был едва ли не всеми признан высшим покровителем христианства). В ответ на это в 800 г. папа торжественно возложил на голову Карла императорскую корону.

Корона императора не только превратила владения Карла в империю, но и способствовала росту его престижа, укреплению его власти в завоеванных им землях. Вся огромная империя Карла Великого, как он обычно именуется в хрониках, была сравнительно неплохо организована. Она была поделена на графства, которыми управляли наместники императора в должности графа. Граф был обязан умело

управлять, вершить справедливый суд, возглавлять в случае нужды собранное им из крестьян ополчение. Все графства время от времени контролировались посылавшимися Карлом представителями с большими полномочиями («государевыми посланцами», как их именовали). Своим приближенным и доверенным людям император щедро дарил земли, требуя за это как личной верности, так и выполнения возлагавшихся на них служебных обязанностей. Требование верности касалось не только светской знати, но и церковных иерархов, чьи владения тоже имели характер бенефициев, условных держаний. Все бенефициарии официально считались вассалами короля и приносили ему на торжественной церемонии (позже она стала именоваться **оммажем** — от латинского homo, «человек») клятву верности.

Помимо верных вассалов, в числе которых были, конечно, и те же графы, Карл Великий создал некую систему центрального аппарата власти, состоявшую из канцлера, архикапеллана и пфальцграфа. Первый был кем-то вроде секретаря-управителя делами. Он держал при себе государственную печать, но, насколько можно судить, его статус был еще далек от положения главного министра или великого визиря в других, более древних и развитых государствах. Архикапеллан ведал духовенством, а пфальцграф дворцовым хозяйством и в какой-то степени администрацией. Система была, судя по приведенным данным, весьма слабой. Она, видимо, в значительной степени держалась на бурной деятельности самого императора, который не ленился созывать встречи знатных персон для обсуждения с ними важнейших государственных проблем, издавать после этих встреч различные указы и целые капитулярии, сборники письменных распоряжений.

Важной привилегией многих вассалов императора были иммунитеты, т.е. практика освобождения от надзора со стороны должностных лиц империи и даже подчас от налогов. Иммунитет резко усиливал власть его обладателя и соответственно ослаблял систему центральной власти империи. Видимо, он был вынужденным в условиях быстрого разрастания территории владений Карла Великого при явном отставании необходимой для эффективного управления этой территорией аппарата администрации центра. Иммунитет усиливал власть его обладателя над прежде свободными землевладельцами, жившими рядом с ним и вынужденными принимать его покровительство. Именно за этот счет многие влиятельные крупные вассалы короля становились феодальными сеньорами, по отношению к которым население, оказавшееся под их реальной властью, становилось в положение вассалов.

Политически и юридически ранее свободные мелкие землевладельцы не могли избежать реального снижения их статуса, ибо новый их хозяин обладал правом суда, сбора пошлин и иными существенными правами на своей территории. Нельзя забывать и того факта, что позднеримский колонат уже давно приучил крестьян — а среди подданных Карла Великого было немало потомков римлян, скорее их даже было значительное большинство — к тому, что зависимость от соседнего сильного господина взаимно выгодна, ибо обеспечивает мелкому земледельцу, пусть далеко не безвозмездно, весомое покровительство. В ситуации, которая сложилась при Каролингах, такого рода покровительство обрело своеобразные формы феодальной по характеру зависимости, которая, правда, в то время только начинала складываться. Как бы то ни было, но именно таким образом возникала и приобретала свой столь специфический облик характерная именно для средневековой Европы феодальная иерархия со всеми постепенно возраставшими в числе ее ступенями.

Слабость внешне казавшейся столь успешно развивавшейся «империи» Карла Великого была очевидной. Еще раз стоит заметить, что император, будучи незаурядной личностью, поклонником античной культуры и ценителем знатоков теологии, стремившимся к просвещению (при всем том, что сам долго оставался неграмотным), немало сделал для того, чтобы его правление оставило добрый след в истории. Однако эти усилия, войдя в конфликтное соприкосновение с объективной реальностью, не принесли большого успеха. После смерти Карла империей несколько десятилетий (814–840) управлял его сын Людовик Благочестивый, получивший свое прозвище за содействие распространению христианства и щедрые дары церкви. Сразу же после его правления империя по Верденскому договору 843 г. была разделена внуками Карла на три части — будущие Францию, Германию и северную Италию. Собственно, именно с этого членения было положено начало политической раздробленности, которая стала доминантой в Европе после падения эфемерной «империи» Карла Великого.

Учитывая это обстоятельство, есть основания заключить, что Карл опередил время. Его незаурядная личность и его победы помогли ему в создании большого государства. Но ни население, ни институты этого рыхлого государственного образования, которое только по размерам можно называть империей, не соответствовали возникшей военно-политической структуре. Ситуация очень напоминает раннечжоуский Китай после реформ Чжоу-гуна. Как и у него, у Карла не

было возможностей долго сохранять единство большого государства. Неудивительно, что на смену рыхлому единству после смерти Карла Великого и Верденского договора на несколько веков пришла феодальная раздробленность.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРОЛЕВСТВА ПОСЛЕ РАСПАДА ИМПЕРИИ

Ни Франция, ни тем более Германия или северная Италия как цельные и крепкие государства после развала империи не сложились. Уже в конце все того же IX в. во Французском королевстве потомки Карла Великого, калейдоскопом сменявшие друг друга, правили лишь номинально, тогда как реальная власть перешла к их могущественным вассалам. Важно учесть, как было отмечено, что прежние бенефиции, бывшие условными владениями, постепенно превращались в передававшиеся по наследству феоды. Феодалы различного ранга — герцоги и графы (эти последние легко вписались в иерархическую лестницу), считавшиеся вассалами короля, а также бароны и виконты, бывшие обычно их вассалами, во второй половине X в. становились все более полновластными, а их феоды — безусловными и наследственными владениями. Дело кончилось тем, что в конце X в. династия Каролингов прекратила свое существование, уступив свое место новой династии Капетингов. И хотя эта династия, происходившая от графа Гуго Капета, избранного в 987 г. французскими феодалами новым королем, как известно, просуществовала в лице своих разных ветвей (Валуа, Бурбонов) практически до середины XIX в., на первых порах ее власть еще мало чем отличалась от того, чем обладали последние Каролинги.

Потомки Капета имели домен в районе Парижа и вплоть до XII в. их попытки расширить владения и укрепить свою власть не имели успеха. Узкая полоса земли (Иль-де-Франс, как она именовалась) с двумя городами, Парижем и Орлеаном, — вот, собственно, все, чем они реально обладали. Более того, даже на этой территории было немало феодальных владений с хорошо укрепленными замками, хозяева которых, считаясь формально вассалами короля, нередко вели себя весьма независимо, порой напоминая разбойников с большой дороги. На усмирение их у первых Капетингов ушло свыше столетия.

Южные владения Каролингов — север Италии — включали в основном бывшие земли лангобардов. Здесь Карлом Великим были созданы двадцать графств, во главе которых оказались представители франкской знати. Кроме того, часть североитальянских владений Каролингов

находилась под юрисдикцией епископов, а другая, в экономическом отношении наиболее развитая, представляла собой городские общности — Венеция, Генуя, Милан, Флоренция, Верона, Болонья, Равенна, Лукка и некоторые другие. Каждая из них тоже являла собой нечто вроде самостоятельного округа-графства (впрочем, иногда эти города считались владением епископов). Север Италии был частью древнего Рима и здесь еще сохранялись и даже очень чтились античные традиции, особенно связанные с развитым частным рынком, ремеслом и оживленной торговлей, в том числе и транзитной. Поэтому нельзя не признать, что представители итальянской ветви Каролингов вели себя весьма разумно, когда они оставляли города в покое, довольствуясь взиманием с них весомых доходов. Вместе с тем политическая мозаика, столь характерная для северной Италии, не вела к укреплению здесь власти центра, что и сказалось вскоре на судьбах всего королевства.

Восточные земли, присоединенные Карлом Великим к владениям франков — будущая Германия — заметно отличались от давно освоенной римлянами и христианизованной франками древней Галлии. Эти отличия были связаны со слабым заселением восточных земель римлянами и большей, по сравнению с франками, отсталостью восточной части все более очевидно расчленявшейся огромной этнической общности поселившихся в средней и северной Европе германцев. Не стоит забывать, что эта часть империи Карла еще сравнительно недавно состояла из формировавшихся племенных протогосударств. В только что завоеванных Карлом землях не укрепились даже привычные на западе административные округа во главе с графами. Бенефициарии здесь обладали не слишком большими правами в отношении живущих в их владениях крестьян. Они имели, например, право суда только по отношению к несвободным, тогда как лично свободные крестьяне, находившиеся в сфере земельных отношений в определенной зависимости от них, были им неподсудны. Не были на востоке столь же распространены, как во Франции, иммунитеты, не сложилась иерархическая лестница феодальной знати. Зато на племенной и достаточно архаичной старогерманской основе возникло несколько очень сильных и влиятельных герцогств, практически независимых от власти центра или во всяком случае имевших явственно выраженную автономию. К их числу следует в первую очередь отнести Саксонское и Баварское. Кроме них сложился на несколько иной внутренней основе и ряд других сильных герцогств — Швабское, Франконское, Лотарингское.

Словом, политическая ситуация, существовавшая в Германии, оказалась достаточно сложной. И неудивительно, что местные потомки Карла Великого на протяжении почти полутораста лет не могли укрепить власть центра, хотя, видимо, стремились к этому. Нельзя, в частности, не заметить и не учесть того, что некоторые из восточнофранкских Каролингов, как, например, Карл III (да и кое-кто из его преемников), обладали вполне достаточным политическим весом, чтобы заставить римского понтифика восстановить их императорский титул. Правда, это не слишком помогало им в подтверждении их амбиций реальными политическими успехами. Они и с императорским титулом оставались малозначительными и более номинальными, нежели реальными правителями крупного государства. И только после смерти обладавшего весьма незначительной властью последнего из династии Каролингов в стране произошли некоторые существенные для нее перемены. Они начались с того, что королем был избран герцог Франконии Конрад (911–918), который, однако, не сумел удержаться у власти и вскоре умер. Тогда правителем страны избрали саксонского герцога Генриха I (919–936), довольно успешно наведшего порядок внутри Германии (в частности, были ликвидированы сепаратистские тенденции Лотарингии) и начавшего войны вне ее. Создав новую армию, ядром которой стала тяжеловооруженная конница, Генрих сумел дать отпор венграм, которые незадолго до того появились на его границах и наводили ужас на местное население.

Сын Генриха I Оттон I (936–973) продолжил борьбу с мадьярами и жившими неподалеку от Германии славянами, после чего отправился в Италию, где ему удалось одолеть лангобардов и снискать благосклонность папы, возложившего на него в 962 г. императорскую корону. С этого момента государство Оттона стало именоваться Священной Римской империей с соответствующими политическими и иными претензиями. Но обо всем этом специально пойдет речь далее. Пока обратим внимание на события в других странах Европы.

ИСПАНИЯ, АНГЛИЯ И СКАНДИНАВИЯ. ВИКИНГИ

Большая часть Испании, как уже упоминалось, была в VIII в. завоевана арабами, которые в ходе передвижения вдоль северной Африки смешались с местными берберами и обрели несколько иной внешний облик, за что их стали именовать маврами. Арабы и берберы, заместив господствовавших в Испании до того вестготов, принесли в эту

западную часть Европы много нового. Созданный здесь Кордовский эмират, а затем халифат (его основал один из бежавших сюда представителей поверженной династии Омейядов), просуществовал — в своем первоначальном виде, а позже в форме автономных политических структур, на которые он распался, — практически до XV в. и принес с собой в страну много нового. За счет привнесенных арабами культур расцвело сельское хозяйство. Появились посевы сахарного тростника, риса, хлопка, различных овощей и фруктов. Была создана система ирригации, способствовавшая урожайности зерновых, винограда и т.п. Широкое распространение получило столь развитое в Азии перегонное овцеводство.

Арабами-маврами были выстроены большие города, характеризовавшиеся высокой городской культурой. В городах Кордовского халифата обращали на себя внимание постройки в так называемом мавританском стиле, которыми Испания гордится вплоть до сегодняшнего дня. Но не только величественные дворцы и мечети делали городские центры притягательными для всех, кто там жил либо туда приезжал. В городах жили искусные ремесленники и торговцы. Там же были созданы образовательные центры, обладавшие уникальными библиотеками с сотнями тысяч свитков арабских рукописей, многие из которых были переводами античных и византийских авторов. В учебных заведениях изучали философию и математику, физику, медицину, астрономию. Сюда приезжали учиться жаждущие знаний из других стран Европы. Отсюда — через арабов — варварская Европа черпала многое из наследия античности. Разумеется, сам факт превращения Испании в мусульманское государство не устраивал ее христианских соседей. После походов Карла Великого на пиренейских северо-восточных окраинах страны была создана, о чем уже упоминалось, Испанская марка, появление которой положило начало так называемой Реконкисте, которая длилась почти восемь веков и в результате которой Испания была отвоевана у арабов.

Территория британских островов, до того заселенных кельтами-бриттами, в V–VIII вв. была оккупирована германскими племенами англо-саксов, которые создали здесь, прежде всего на юге Англии, несколько небольших королевств. Вначале сильнейшим из них был Кент, затем Нортумбрия, а в начале IX в. всех соперников подчинил себе король Уэссекса Экберт, который стал управлять Англией с помощью совета знати (*витенагемот*). Основную массу населения страны составляли земледельцы-общинники, *кэрлы*, каждый из которых имел

свой земельный участок и решал общие дела коллектива на народных собраниях. Но наряду с ними существовали и имевшие немалые земельные владения аристократы-*эрлы* и королевские дружинники-*гезиты*, на полях которых работали безземельные арендаторы из числа пленников-кельтов или посаженных на землю вчерашних рабов. Эта система исторически восходившая к позднеримскому колонату, была известна тогда практически всей романизованной и христианизованной Европе. Стоит добавить к сказанному, что короли давали приближенной знати грамоты на владение такого рода землями. Эти земли именовались термином *боклэнд* (земля, пожалованная с грамотой), а работники на таких боклэндах понемногу превращались в зависимых от своих господ-*глафордов* (лордов).

Боклэндами щедро одарялись и иерархи христианской церкви, а также монастыри, число которых в Англии — как и в других странах Европы — все время росло. И надо сказать, что, несмотря на временами весьма заметное сопротивление со стороны кэрлов, бывших язычниками, христианство в Англии под покровительством власти делало свое дело. Росли новые церкви, внедрялись христианские обряды, все интенсивнее воздействовали на умы людей идеи религии Христа.

Главной заботой англичан с VIII в. было отражение грабительских набегов норманнов (викингов), с чем справиться было очень нелегко. Скандинавские мореходы, прежде и чаще всего в то время датчане, на своих небольших лодках, хорошо приспособленных к длительным морским плаваниям, легко преодолевали проливы и высаживались на берегах Англии, где они разоряли и грабили все, что попадалось под руку. Король Альфред в конце IX в., создав тяжеловооруженную конницу и большой флот и заключив договор с датчанами (им была оставлена часть северной Англии), на время добился прекращения грабительских набегов. Он также создал «Правду короля Альфреда» — документ, в котором было собрано многое из тех прежних *правд*, что существовали в более ранних англосаксонских королевствах.

Северогерманские племена, населявшие Скандинавию, долгое время были сравнительно более отсталыми, чем родственные им германцы средней части Европы или Англии. Однако экономическую, культурную и политическую отсталость викинги с лихвой компенсировали, как о том уже было сказано, энергичными морскими грабительскими набегами, позволявшими привозить домой, в скудные земли неосвоенной еще Скандинавии, огромные богатства. Стоит заметить, что многое из этих богатств викинги не могли, не умели использовать.

Они, включая все боевые дружины с их вождями-*конунгами* (отсюда, к слову, русское «князь»), привыкли к простой и грубой жизни. Изысканная роскошь (а многое из награбленного приходилось именно на ее долю) была им чужда. Так что неудивительно, что многое из богатств уходило под землю в виде сакральной жертвы богам в форме кладов. И долгие века после эпохи викингов такого рода клады в Скандинавии время от времени обнаруживали.

Скандинавы с VIII в. стали грозой многих европейских государств. Начав с близлежащей Англии, они распространили свои набеги на государство франков, отхватив на северо-западе приличный кусок его территории, современную Нормандию. Викинги-норманны на своих утлых суденышках пересекали большие морские пространства, ходили по рекам, даже небольшим, и таким образом уже в IX в. познакомили со своими грабительскими нравами всю Европу. В некоторых ее местах, как в той же Нормандии, они строили поселения и затем оседали, превращая свои местопребывания в пугающие местных жителей очаги разбойничьих набегов. Впрочем, справедливости ради существенно заметить, что со временем, особенно после оседания воинственных дружинников со своими конунгами на чужих землях, викинги начинали сочетать грабежи с торговлей, что наиболее отчетливо проявило себя на востоке (знаменитый путь «из варяг в греки», о существовании которого, к слову, существуют разные мнения, как и вообще все, что связано с появлением Киевской Руси).

В X в. викинги начали подвергаться заметной трансформации. Вместо конунгов в Дании, Швеции и Норвегии появились короли. Короли по разным причинам и прежде всего ради сохранения необходимой для их стран политической стабильности пресекали новые грабительские набеги и пытались обуздать воинственных конунгов, которые в свою очередь вместе со своими дружинами все реже возвращались домой, привыкая оседать в чужих землях. В этих землях воинственных норманнов со своей стороны стремились приблизить и использовать в качестве боевой силы местные правители. И, наконец, едва ли не самое главное: и у себя дома, и в тех местах, где они оседали, вчерашние воины-грабители начинали принимать христианство и соответственно существенно изменять свой привычный образ жизни. Норманны привозили домой христианские идеи после своих набегов и иных приключений, а дома эти идеи воспринимали, пусть не сразу, но достаточно активно. Способствовали христианизации и многие миссионеры, отправлявшиеся на север Каролингами со времен

Людовика Благочестивого. В Гамбурге, поблизости от скандинавских земель, было специально создано архиепископство, главной задачей которого стала проповедь христианства среди викингов.

Проповедь эта, как о том уже шла речь, имела успех. Правда, не сразу. В 845 г. викинги разгромили Гамбург и архиепископство было перемещено в Бремен. Но, как бы то ни было, процесс шел и в X в. привел к успеху. Скандинавы — как примерно в то же время и воинственные венгры, осевшие к юго-востоку от Германии на сравнительно пустынных землях и создавшие свое королевство, — приняли христианство. Это в большой степени способствовало их аккультурации и постепенному превращению в более или менее миролюбивых обитателей преимущественно северных районов Западной Европы.

Глава тринадцатая. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВАРВАРСКОЙ ЕВРОПЫ

Кризис и падение Рима, длившиеся несколько веков и сопровождавшиеся нашествием варварских племен, понемногу расселявшихся на территории Западной Европы, включая и Италию, вел к упадку всей веками налаженной римлянами инфраструктуры, к разрушению древних дорог и особенно мостов, к запустению освоенных территорий, а также к разгулу грабежей и уничтожению памятников культуры. Все это было естественным результатом сложившейся ситуации, даже принимая во внимание, что потомки римлян, включая население отдаленных колоний, вообще-то численно преобладали в раннесредневековой Европе, тогда как воинственных пришельцев было не так уж много. Впрочем, сколько бы их ни было, сама новая политическая обстановка вела — по крайней мере вначале, до падения империи и на первых порах после этого — к деградации.

Варвары не слишком-то заботились о сохранении римской культуры, а римляне и тем более их потомки были просто не в состоянии даже думать об этом. Скученные в основном в больших городах или прилежащих к ним поселениях, бывших колониях, они с тревогой ожидали, что может случиться завтра. Что же касается всех многочисленных окружавших их опустошенных варварскими нашествиями или пришедших в запустение земель, то они оставались в ту далекую пору, как правило, заброшенными. Огромные территории были пустынны, так что преодолевать расстояния между поселениями было не так-то просто, не говоря уже о подстерегавших путников опасностях.

На дорогах орудовали шайки грабителей, а путешествующих нередко не только обирали до нитки, но и держали в плену, требуя выкупа. Тем не менее, сама жизнь требовала от многих постоянных перемещений. Так, почти не вылезали из седла правители и знатные аристократы, вынужденные чуть ли не постоянно объезжать свои владения. Странствовали по своим делам монахи. Активно перемещались торговцы. Разумеется, во всех этих случаях — кроме разве что монахов — обычно пускалась в путь большая группа людей, которая могла постоять за себя. Но это тоже не было полной гарантией успеха. И если на короля со свитой едва ли кто отваживался нападать, то участь группы торговцев нередко могла быть совершенно иной. Следует прибавить к числу путешествующих многочисленных беженцев, бежавших от войны, спасавшихся от голода. Нельзя также забывать о всегда существующих, а в смутное время быстро плодящихся искателях приключений и всех любителях легкой наживы. Наконец, нужно еще раз напомнить о викингах, дружины которых с легкостью проникали повсюду, где можно пограбить. Все это позволяет получить примерное представление о европейских дорогах раннего средневековья.

Как писал в свое время на эту тему один из наиболее известных знатоков средневековой истории М. Блок, подобного рода сложности, тем не менее, не отбивали у людей естественной тяги к общению. Кроме того, не могла прекратиться постоянно функционировавшая торговля, в том числе транзитная, соединявшая скудные земли средней Европы с богатыми и процветавшими далекими, а подчас даже не слишком дальними странами, будь то мавританская Испания или Византия. Торговые пути пролегали редкой сетью по всей территории субконтинента, причем многие пункты в конце раннего средневековья расцвели и превратились в города именно благодаря этому. К их числу можно отнести, например, Киев. Обычно на пересечении торговых путей существовали рынки, где окрестное население приобретало такие необходимые для повседневной жизни товары, как соль или железо, не говоря уже о пряностях или драгоценностях, которыми чаще интересовались богатые и знатные.

Что касается поземельных отношений, то они сохраняли по большей части самые примитивные формы, что не мешало, впрочем, существованию в крестьянских общинах экономического расслоения и системы аренды, чего-то вроде колоната и коммендации, т.е. практически почти добровольной зависимости бедных и слабых от сильных, способных защитить. Как уже упоминалось, эта осо-

бедность аграрных отношений со временем становилась одной из базовых основ формировавшейся в эти века феодальной системы социальных и политических взаимоотношений.

Несмотря на кажущуюся безысходность обрисованной ситуации, она эволюционировала, пусть и очень медленно. Эволюция шла в одном очень важном направлении: к созданию более цивилизованных отношений или, точнее, к постепенной ассимиляции и аккультурации населения. Речь не идет о том, что все население Европы поголовно нуждалось в повышении культурного уровня. Ведь потомки римлян отнюдь не утратили древних античных традиций, а христианство активно способствовало духовному просветлению потомков варваров. В сущности, есть все основания вести речь о том, что воздействие римско-античной культуры и христианизация нового по многим параметрам западноевропейского населения (лишь мавританская Испания, естественно, исключается из разговора) способствовали ускорению развития. Они сыграли за несколько веков раннего средневековья очень важную, во многих отношениях решающую роль в преобразовании всего общества средней и северной Европы, вплоть до таких его сегментов, как скандинавские викинги или воинственные мадьяры.

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ РИМА В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Эта роль на первый взгляд не очень заметна. Может показаться, что времена римской античности ушли в далекое прошлое. Но на деле это не совсем так. Варварские бесписьменные языки с их примитивной лексикой в большинстве случаев уступали латыни — во всяком случае везде, где требовалась хоть какая-то письменная культура, где шло образование и постигались азы знаний. Не приходится говорить и о том, что латынь долгое время была средством международного общения. К этому стоит добавить, что она была и языком христианской церкви, о роли которой в процессе аккультурации варваров чуть далее. Это не значит, как то хорошо известно, что со временем в различных странах Европы, где на основе латыни (романские языки), где на базе германской, позже также и славянской речи, не возникали собственные языки, использовавшие, как правило, все тот же римский (у славян — модифицированный греками Кириллом и Мефодием славянский) алфавит. Более того, местные языки у всех народов стали со временем абсолютно преобладать, что и естественно, если принять во внимание, что население было почти поголовно неграмотно. Но при всем том латынь сыгра-

ла очень важную роль, ибо вместе с этим письменным языком и через его посредство трансформировавшееся население — и прежде всего его элита — воспринимало многое из античной культуры.

Конечно, из источников известно, что у большинства представителей верхов, очень рано садившихся на коня и почти всю жизнь проводивших в походах, не было времени для учебы. Многие из них так и оставались неграмотными, некоторые одолевали грамоту уже в весьма почтенном возрасте. Однако это никак не мешало тому, что сама по себе латынь уважалась, как уважались со временем и обретшие письменную форму собственные языки, особенно те, на которых много писали. Усилиями — правда, пока еще очень немногих — создавалась национальная литература. Впрочем, существенно заметить, что в большинстве случаев те из элиты, кто по долгу службы вынужден был пользоваться и латынью, и местными наречиями, а это были прежде всего церковники, оказывались в силу необходимости двуязычными, что, к слову, в немалой степени помогало им в их повседневной деятельности. Говоря о повседневной деятельности, следует иметь в виду прежде всего то хорошо известное обстоятельство, что в системе администрации различных возникавших на базе ранних варварских королевств много более развитых государственных образований, прежде всего государств франков эпохи Меровингов и Каролингов, да и более поздних, едва ли не преобладали именно хорошо образованные и владевшие латынью двуязычные деятели христианской церкви.

Влияние античности, в частности римского права, сказалось и на самом факте появления в письменной форме так называемых «варварских» правд, начиная с Салической и кончая Русской[1]. Само появление таких документов в очень раннюю пору средневековья убедительно свидетельствует о том, что классическое римское кодифицированное право не ушло в прошлое как таковое. И пусть Салическая и иные правды наполнены нормами, которые свойственны очень архаичным обществам, например, практикой кровной мести или различных штрафов-вергельдов, важно то, что они фиксированы. При этом существенно заметить и коренное отличие этих документов от восточного типа законов Хаммурапи или Шан Яна. Если там преобладали нормы, в выполнении которых был заинтересован прежде всего

[1] Русская Правда составлялась не ранее XIII в. из изречений Ярослава Мудрого и его потомков, Устава Владимира Мономаха и некоторых иных ранних текстов нерелигиозного характера.

аппарат власти, то здесь выходит на передний план, наряду с обычным правом примитивных структур и многочисленными свидетельствами грубых нравов и жестоких издевательств, частное право римлян либо, во всяком случае, нечто, явно связанное с этим правом.

Важно оговориться, что имеется в виду не суд и система судопроизводства, которые длительное время базировались на нормах обычного права или осуществлялись должностными лицами (графами) и имевшими иммунитет крупными землевладельцами. Эти нормы были варварскими в полном смысле этого слова. Традиции же римского права и особенно проникший в Рим после завоеваний правителя Византии Юстиниана в VI в. новый составленный им Кодекс Юстиниана, который был вершиной римского частного права, относились в первую очередь к таким кардинальным явлениям, как право частной собственности, уважение к закону, нормы поведения. Стоит принять во внимание, что в раннесредневековой Европе — как, впрочем, и в более поздней, с уже весьма развитыми феодальными отношениями, — практически просто не было места централизованному государственному аппарату с неизменно присущей ему коррумпированной бюрократией. Поэтому вполне можно понять то уважение к закону, которое восходило к античной традиции и отнюдь не было лишним в условиях трансформации варварского стандарта жизни.

Это уважение к закону и стремление соблюдать нормы права, которое в условиях средневековой Европы было прежде всего частным правом — неважно, касалось оно сеньоров, вассалов, либо простолюдинов, крестьян и горожан, — обычно подкреплялось документами, в которых твердо и недвусмысленно, по римским стандартам, указывалось, что обязана делать каждая из сторон, принимавшая участие в заключении контракта. Если речь шла о феодально-сеньориальных связях знати, то там четко упоминалось, как именно вассал обязан служить своему сюзерену и как сюзерен обязан обеспечивать своего вассала и покровительствовать ему за его верную службу. Нечто в этом же роде касалось и взаимоотношений феодалов с зависимыми от них крестьянами. Естественно, все это не могло не сказаться в какой-то мере и на практике судебных разбирательств, коль скоро они осуществлялись не в рамках общины, где господствовало обычное право, а поставленным над общиной должностным лицом, графом. Главный вывод в конечном счете сводится к тому, что римский закон, точнее даже традиции, восходящие к уважению закона как такового, начали играть в системе социальных связей раннесредневековой Европы большую

и серьезную роль, что коренным образом отличало формировавшееся так средневековое западноевропейское общество от классического восточного с его всегда неизменным произволом аппарата власти по отношению ко всему, что к этому аппарату и вообще к власть имущим не имело отношения.

Особенно часто и ощутимо все сказанное проявлялось в городах, т.е. как раз там, где в рамках восточных структур произвол власти был особенно тягостным. С самого начала возрождения прежних римских городов и поселений (колоний) городского типа, а также ремесла и торговли европейские города обычно не только не подвергались насилию со стороны представителей центральной власти, но, напротив, имели ряд документально фиксированных вольностей и привилегий, которые ограждали их от притеснений со стороны местных феодальных властителей. Именно этим, что генетически восходило к античному городскому самоуправлению, они принципиально были отличны от традиционных восточных городов, где частные собственники практически никогда не имели никаких защищавших их документов, а если таковое и случалось, то эти документы в глазах стоявших над ними чиновников были не более чем бумажкой, которую ничего не стоило порвать. На Востоке никогда не было античного уважения к праву и принципа «законы должны соблюдаться». Там представители власти всегда были уверены в своем праве ставить под сомнение чужую частную собственность и обычно вообще не желали знать, что такое частное право.

Разумеется, и в медленно подвергавшемся аккультурации варварском обществе нормы римского права, особенно вне больших городов, отнюдь не сразу принимались и становились нормой. Поединки, клятвы, ордалии часто играли в глазах общества большую роль, чем строгие параграфы правовых документов, апеллирующие к доказательствам и уликам. Это естественное влияние архаического сознания жило веками и бороться с ним было нелегко. Более того, нельзя забывать о том, что столь характерная для Востока связь власти и собственности (феномен власти-собственности) была близка варварскому миру германцев. Но, тем не менее, праву с каждым веком уделялось все больше внимания. И хотя насилия в восточном стиле было у германцев немало, особенно на ранних этапах, а право сильного всегда вынужденно принималось во внимание, закон все же оставался законом. Мало того, уважение к нему понемногу росло, особенно, если корни этого закона, как в случае с римским правом, уходили в глубокую освященную временем традицию. Письменно оформленный

закон, кодекс правовых норм, обретал в глазах новых поколений силу непреложной нормы. И пусть эту норму время от времени искажали, опираясь на обычное право, слабость обычного права в условиях очевидной культурной трансформации создавала условия для выхода закона на передний план. Пусть не везде и не всегда, но процесс такого рода постепенно шел и давал о себе знать.

Традиции поверженного Рима проявляли себя не только в распространении латыни и культе частного права. Они были гораздо более емкими и влияли на очень разные стороны жизни населения средневековой Европы. Правда, в ходе этого своего влияния они сталкивались с другими. Речь прежде всего и главным образом о христианстве. Но и здесь все было далеко не однозначно.

Надо сказать, что античные традиции и христианское вероучение, оба едва ли не в равной мере способствовавшие трансформации варварской Европы, отнюдь не шли единым фронтом, как то может показаться на первый взгляд. Ж. Ле Гофф, цитируя источники, специально обращает внимание на то, сколь брезгливо церковники воспринимали книги и вообще идеи античности, которые они, тем не менее, охотно поглощали. Конечно, поглощение такого рода вело к искажению многого из традиций и идей греко-римского мира. Но вместе с тем через христианство все эти усвоенные церковниками идеи так или иначе, но становились достоянием общества и содействовали его уже не раз упоминавшейся аккультурации. Здесь существенно принять во внимание, что влияние античности шло в основном через писания позднеримских эпигонов, что не могло не сказаться на качестве воспринимаемой традиции. Однако, несмотря на это, перемены в интеллектуальной сфере век от века становились все более заметными. Люди понемногу становились ближе к тому стандарту, который был выработан античностью. Более всего это было заметно в городах. Хотя едва ли не все города неоднократно подвергались разграблению, они тем не менее все-таки выживали и, как правило, сохраняли — пусть не сразу, не везде и тем более не полностью — заложенный в свое время римлянами античный стандарт.

В ряде случаев этот стандарт искусственно оживлялся и в высших кругах правящей элиты. Сам Карл Великий, который поздно научился читать (писать он так и не научился) создал при своем дворе, о чем упоминалось, группу интеллектуалов, которая в немалой степени способствовала культу античности, и по этой причине некоторые специалисты даже считают возможным говорить о «каролингском Возрождении». И хотя эта формула содержит явное преувеличение,

нельзя не отдать должное Карлу. Он действительно в немалой степени способствовал возрождению по меньшей мере отдельных сторон полузабытой римской культуры. Правда, есть и иные мнения, суть которых сводится к тому, что возрождение, о котором идет речь, было в большей степени результатом серии мелких «возрождений» в ряде монастырей, нежели итогом царственных забав Карла. Но даже если согласиться именно с этим, то сам факт остается незыблемым: варвары уже во франкском королевстве Каролингов устали быть варварами. А культура шла только из прошлого.

Правда, существует мнение, что в немалой мере, помимо прочего, культура, о которой идет речь, могла притекать и из мавританской Испании, об уровне развития которой уже мельком было сказано. В некоторой степени это вполне возможно. Но едва ли стоит все же преувеличивать роль ислама. Как уже говорилось, сами испанские мавры черпали свои знания в основном из переводов все тех же античных авторов, правда, более ранних, греческих, или имевших больше условий для развития византийских. Это должно быть принято во внимание. Но даже и при этом условии наибольшую роль в культурной трансформации раннесредневековой Западной Европы играли — да и практически только могли сыграть — все те же церковники. Ибо просто некому, кроме них, было заботиться о старых книгах и тем более писать новые, а в конечном счете учиться грамоте, самим получать образование и образовывать всех остальных.

НЕОЦЕНИМАЯ ВАЖНОСТЬ ХРИСТИАНИЗАЦИИ

О роли христианизации в деле аккультурации варваров уже было сказано. Рассмотрим теперь подробнее, в чем именно заключалась эта роль и как принятие христианства сказалось на культурном уровне населения Европы в раннем средневековье. Обратим внимание на то, что некоторые из многих поселившихся здесь племен, как, например, готы, а затем вандалы, свевы, бургунды и лангобарды были уже знакомы с христианством в арианской его форме, в виде ереси, осужденной, как о том уже шла речь, еще на Первом Вселенском (Никейском) церковном соборе 325 г. Лишь со временем, далеко не сразу, усилиями миссионеров арианство было преодолено и христианство римского ортодоксального толка повсюду взяло верх и стало единственной формой этого учения в Западной Европе. Нельзя забывать и о том, что языческие нравы и подкреплявшее их обычное право — тот же институт кровной мести, которому уделено столько внимания в варварских

«правдах», — в немалой мере замедляли победоносное шествие нового учения, которое дошло до Скандинавии с ее викингами лишь где-то на рубеже I и II тысячелетий.

Очень важно обратить внимание на то, что прежде всего христианство укрепилось в городах. Деревни долго оставались прибежищем язычества, и сам термин *paganus* (отсюда русское «поганые», «погань») обозначал в то далекое время жителей *пагов*, т.е. деревень. Иное дело — города. Именно здесь обычно строились величественные соборы, здесь были расположены кафедры высших иерархов — епископов. Нередко епископ становился одним из крупнейших землевладельцев в округе, обладавшим к тому же еще и иммунитетом. В связи с этим существенно заметить, что и церковные иерархи отдавали должное юридическим нормам Рима.

Что касается соборов, то они, особенно в больших городах, строились долго, часто веками. Но, как правило, это были величественные и совершенные в своем роде сооружения, чаще всего, если иметь в виду раннее средневековье, в классическом романском стиле. Их обычно ставили на возвышенном месте, они имели прочные стены и, как правило, невысокие купола, что делало их архитектурно близкими к феодальному замку. Позже, примерно с XIII в., романский стиль был заменен готическим со столь свойственными ему устремленными в небеса стрельчатыми башнями-иглами и обильными мозаичными витражами. В любом случае собор, а до того, в начале средневековья, просто небольшая церковь, причем не только в больших городах, были обычно не просто некими религиозными центрами. В какой-то мере эти сооружения являлись центрами притяжения. И дело отнюдь не только в том, что сюда регулярно стекались люди из окрестных поселений для совершения религиозных ритуалов разного рода. Гораздо важнее была некая духовная притягательная сила, влекшая прихожан.

Церковь и тем более собор — это было нечто красивое и величественное, как снаружи, так и изнутри. Служба в храме, пусть она шла на латыни, мало знакомой простым людям, как-то приобщала пришедших в их мыслях к чему-то высшему, радостному, обнадеживающему. Этому же содействовали многочисленные росписи, ярусами покрывавшие все стены и повествовавшие о рождении Христа, о его подвигах и мученичестве, о его близких и верных сподвижниках, святых апостолах и иных отмеченных в новозаветных преданиях людях. Изображались наиболее значительные сюжеты, включая распятие Спасителя, грядущий Страшный суд после второго пришествия Хри-

ста, да и многое другое. Все это запечатлевалось в памяти и своими яркими образами подкрепляло проповеди церковников, многократно повествовавших людям о том же.

Нельзя не принимать во внимание и социопсихологический фактор. Усталые и измученные, запуганные постоянными окружавшими их несчастьями, от грабежей на дорогах до выкашивавшей половину населения чумы (первый ее страшный смертельный вал пришелся в Европе на VII в.), люди видели в благостном умиротворении церкви и ее литургических служб нечто успокаивающее и дающее надежду. Это снимало стресс, рождало некий духовный комфорт и какую-то веру в высшую силу, способную защитить тебя. Но и это еще далеко не все. Огромная сила христианства и секрет воздействия этой религии на людей заключались в провозглашении высокой идеи любви к людям. Любовь должна быть не только к Богу, хотя лозунг «Бог есть любовь» был понятен всем и открывал сердца для смягчения состояния злобы и недоброжелательства. Сила лозунга и того, чем он обычно — и прежде всего именно в церкви — реально подкреплялся, заключалась в проповеди любви ко всем людям, очень разным, благополучным и убогим, живым и мертвым. При этом имелась в виду не столько демонстрация любви как таковой, сколько путь к Христу, который каждому дарил свою любовь и завещал распространять ее среди всех. Иными словами, приобщение к Христу облагораживало верующего, причем это не могло не затрагивать души людей.

Конечно, кое-что в этом же роде получали от разного рода божеств и духов в своих примитивных храмах и местных святилищах и язычники, предки германцев. Но стоит принять во внимание, что за ряд веков люди изменились и что потребности и заботы потомков этих язычников выросли. Выросли настолько, что теперь их духовные запросы могла удовлетворить лишь развитая церковь с ее величественными храмами, регулярными службами и постоянной заботой о духовном умиротворении паствы, включая и призывы любить Христа и всех людей. Не стоит забывать и о молитве. Церковь научила людей молиться о спасении души. Опять-таки нельзя сказать, что язычники вовсе никогда не практиковали чего-то вроде этого. Но — как то хорошо известно — в христианской религии мольба такого рода была насыщена экзистенциальным смыслом. Люди молились именно за то, чтобы спасти свою и своих близких бессмертную душу и обеспечить ей спасение после второго пришествия Христа. Еще большего стоила, была ближе к Богу и имела больше шансов на то, чтобы быть услы-

шанной, такого рода молитва, коль скоро ее читал служитель церкви, за что ему всегда соответственно платили.

Прибавьте к этому церковные таинства — крещение, причащение, покаяние и отпущение грехов, — которые никак нельзя поставить в один ряд с обрядами язычников. И, наконец, обратите внимание на весь тот антураж, который всегда сопровождал церковную архитектуру и очень тесно связанное с ней изобразительное искусство. Икон в западноевропейском христианстве не было. Но их с лихвой заменяли богатейшая роспись и искусная мозаика. Христианство принесло с собой и обогатило духовную культуру прихожан высококачественным изобразительным искусством — тем самым, что обычно господствовало на стенах и витражах церквей и особенно больших соборов. Конечно, необходимо иметь в виду, что церковь и то понимание всего духовного, что она несла с собой, включая едва ли не в первую очередь столь наглядную агитацию, как изобразительное искусство, были опосредованы нормами священного писания, которое весьма ограничивало круг обычного восприятия. Классические принципы античности, уподоблявшие богов людям и выработавшие соответствующие приемы изображения, особенно очевидные в скульптурных комплексах, не были приняты христианством. Здесь в центре изображения находилось божество, а видимый мир и по характеру изображаемого, и по пропорциям его осознанно не соответствовал миру церковной живописи. Но люди привыкали к этому и, более того, видели в этом еще одно важное отличие возвышенного мира божественной духовности от их собственного каждодневного профанического существования.

И наконец еще одно очень важное обстоятельство. Христианство, в отличие от язычества и едва ли не всех восточных религий, не требовало от своих прихожан отказа от себя, от своего «Я» ради любви к божеству, как и решительного обязательного сиюминутного отказа от привязанности к старым традициям. Это тоже, пожалуй, одно из наследий античности, где к этому все привыкли (имеется в виду чувство собственного достоинства). Человек должен вести себя в обществе, как того требует окружающее его общество. Но в христианском — как и в античном — мире это общество не обязывало человека быть песчинкой перед Аллахом или растворяться в любви к обожаемому божеству, трепетать перед новыми обрядами. Больше того, оно предполагало, что человек сам должен понимать, как ему следует вести себя. В противном случае он грешит. Грех же можно осознать, замолить, в конце концов ответить за него на Страшном суде. Вот эта

некая свобода поведения была — стоит повторить и, более того, специально обратить на это внимание — свободой индивида в его личной жизни. А свобода такого рода стоила многого. Она отнюдь не всегда вела к греху. Напротив, она нередко открывала человеку глаза, предоставляла ему простор для его мысли, что особенно существенно в тех случаях, когда речь идет о людях с достаточным уровнем интеллекта. Правда, в позднем средневековье, когда свобода мысли стала всерьез угрожать церковным догматам, христианская инквизиция оказалась настолько напугана ею, что прибегла к насилию, к инквизиции. Это было страшно, но, к счастью, уже поздно. Традиции свободомыслия были уже впитаны европейцами и нашли свое выражение в великом явлении Возрождения, Ренессанса, одном из тех, что способствовали возникновению нового времени, нового периода в истории Запада.

Христианство распространялось в средневековой Европе медленно и постепенно, о чем уже шла речь. Стоит добавить к сказанному, что это распространение было отнюдь не равномерным. Одними из первых, например, приняли христианство в далекой Ирландии, где до сих пор чтут внесшего в это дело наибольший вклад святого Патрика (рубеж IV–V вв.). Но дело вовсе не в этой случайной неравномерности. Гораздо важнее тот факт, что слово Божье, пусть медленно, но целеустремленно, шаг за шагом, расширяло сферу своего влияния и к концу первого этапа феодализма (по М. Блоку), т.е. примерно к рубежу I и II тысячелетий, добилось весьма и весьма ощутимых успехов, о чем уже вскользь упоминалось. К этому движению приложили свою руку, как то ни покажется на первый взгляд неожиданным, и христианские миссионеры из Англии. Англо-саксы во главе с Бонифацием (будущий святой) из Уэссекса в VIII в. выехали в немалом количестве на континент с тем, чтобы помочь Каролингам обратить в христианство завоеванные им народы. При этом Бонифаций в союзе с папой немало потрудился над тем, чтобы ввести единообразие в церковную жизнь франков, что способствовало сближению папства с Каролингами.

РОЛЬ МОНАСТЫРЕЙ В КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Очень важно принять во внимание, что огромный вклад в распространение христианской культуры внесли подвижники-монахи. Монахи принадлежали к числу наиболее преданных Богу и готовых отдать всего себя служению Ему и только Ему. Разумеется, следует сразу же заметить, что в истории средневековья встречались отнюдь

не только монахи-подвижники. Было немало и проходимцев, чей облик не раз был запечатлен в литературных произведениях. Однако, учитывая это, нельзя не признать, что основная часть монахов была иной. Они строили монастыри, обычно в несколько удаленных от поселений и дорог красивых местах (выбору места уделялось всегда серьезное внимание), укрепляли их как следует, не жалея на это сил (время-то было лихое, а монастырские склады со временем наполнялись за счет как труда самих монахов, так и подарков и приношений), так как охотников ограбить монастырь всегда было более чем достаточно, начиная с тех же викингов.

Кем же были монахи, о которых идет речь? Вообще христианство в лице своего основного канона — Нового Завета — института монашества не знало. Монахи как удалившиеся от мира аскеты были кем-то вроде сектантов, но таких сектантов, которые не спорили с господствующей церковью, а лишь отделялись от проповедуемых ею нормативов поведения в сторону еще большей жесткости повседневной жизни. Не исключено, даже более чем вероятно, что сам институт монашества, хорошо известный на Востоке по меньшей мере с появления там буддизма, был заимствованным. Но это никак не меняет дела. Сходство буддийского монаха с христианским в основном в том, что оба они вели аскетический образ жизни, отрекаясь от семьи и всех мирских радостей и посвящая себя одной-единственной цели. Отличие же сводилось к тому, какова цель. В то время как буддийский монах старался только ради того, чтобы лично ему уйти из мира вечного колеса сансары и обрести нирвану (правда, в буддизме Махаяны есть и такие — их именуют бодисатвами, — кто не столь эгоистичен, но напротив, заботится о том, чтобы и другие могли обрести нирвану), христианские монахи заботились прежде всего о служении Богу. Разумеется, они при этом рассчитывали, что их аскетический образ жизни и посвящение всего себя угодным Богу делам сыграют роль в их судьбе в будущем (Страшный суд и вечное блаженство). Однако, служа Богу, христианские монахи не забывали о земных делах. Мало того, земные дела оставались для них едва ли не главными. И проявлялось внимание к ним как в повседневном личном поведении (старательный труд, умственный и физический, при ограничении всех иных потребностей), так и во внимании к более важным социальным и даже политическим делам. Многие монахи не были чужды и честолюбивым помыслам, ибо именно из числа отрешенных от мира монахов христианская церковь с ранних пор предпочитала выбирать иерархов, занимавших высокие ступени в церкви, вплоть до папы.

Как бы то ни было, но в монахи обычно шли люди незаурядные, так что созданные ими монастыри имели немало заслуживающих внимания и уважения достоинств, которые привлекали к ним людей и способствовали их обогащению. В первую очередь к этим достоинствам следует отнести строгую внутреннюю дисциплину, жесткий распорядок дня и умение трудиться почти все свободное от служения Богу время. Монахи обычно исправно трудились на любом месте, одинаково охотно занимаясь как земледельческим хозяйством, ремеслом либо строительством, так и интеллектуально-духовными делами, требовавшими от них проводить немало времени в библиотеках, работать с книгами, заниматься перепиской и переводом текстов, не говоря уже об обучении подрастающего поколения.

Первые европейские монастыри возникли в начале V в., а уже в 530 г. знаменитый монах, позже возведенный в ранг святого Бенедикт, создал устав (бенедиктинский), впоследствии принятый монастырями. Следовавшие этому уставу именовали себя бенедиктинцами и на первых порах абсолютно преобладали. Суть устава сводилась к тому, что монастырь с его имуществом — это собственность живущих в нем монахов, некое священное братство, вступить в ряды которого можно было лишь тем, кто соответственно себя проявил, прошел испытательный срок и заслужил одобрение остальных братьев. Устав учил братьев доброжелательству, трудолюбию, терпимости, готовности помочь ближнему. Обычно монастырь открывал свои двери преследуемым и гонимым, которые именно за его крепкими стенами только и начинали чувствовать себя в безопасности.

В отличие от бенедиктинцев монахи в Ирландии, куда христианство проникло очень рано, до возникновения там государственности в какой-либо форме, отличались иным поведением, сближающим их с их восточными предшественниками, часто склонными к различного рода экстравагантным деяниям, вроде известного Симеона-столпника. Немалое количество ирландцев принимали на себя различные строгие обеты (например, жили на скалах) или пускались в рискованные приключения, пересекая в утлой лодчонке огромные морские расстояния. Эти монахи не довольствовались аскезой и как бы стремились нечеловеческими подвигами утвердить свою преданность Богу. Усилия ирландцев — стоит отдать им должное — не остались без внимания в христианском мире. Не стремясь противостоять бенедиктинцам, последователи ирландцев обычно способствовали увеличению роли индивидуальной аскезы. Примерно с VI в. довольно много выехавших

из родных мест ирландских монахов основали немало монастырей на континенте, особенно в долине Рейна. Монастыри ставили своей целью обращать в христианство население восточных территорий, прежде всего несколько отставáвших в развитии от остальных зарейнских германцев. Особенно стоит отметить миссионерскую энергию ирландских монахов, устремлявшихся на дальние острова вроде Исландии, где они появились еще до викингов.

Усилиями как бенедиктинцев, так и ирландцев монастыри и монашество стали обретать в христианском мире большой моральный авторитет. Своей истовостью и — во всяком случае, по большей части — чистотой помыслов монахи воздействовали на церковный клир, требуя и от него целибата (безбрачия) и посвящения всей своей жизни интересам церкви. В некоторой степени и чаще всего в силу необходимости монахи вынуждены были замещать церковников для того, чтобы обслуживать небольшие сельские храмы.

В деревнях монахов ценили достаточно высоко. Дело в том, что во многих монастырях уже достаточно давно грамотные и трудолюбивые монахи внедрили высокую римскую, подчас даже усовершенствованную ими агротехнику, освоили новые сельскохозяйственные культуры, что охотно заимствовалось окрестными крестьянами. Правда, когда монастырские владения начали расширяться за счет дарений, а многие из крестьян стали зависимыми от епископов или аббатов, глав монастырей, тяжелая рука церкви стала ими ощущаться. Если неопытные в сельскохозяйственных делах светские феодальные сеньоры могли кое-чего не заметить и кое на что не обратить внимания, то серьезные и грамотные монахи спуску не давали, что и ощутили на себе монастырские земледельцы. И все-таки это не вызывало резкого отторжения. Монастыри щедро воздавали своим крестьянам тем, что брали их детей в монастырские школы, давая им там начатки грамотности и культуры, прежде всего, если не исключительно, имевшие отношение к религии. Конечно, в школы шли не все, за обучение нужно было платить. Но даже низшая ступень образования помогала людям не только лучше вести свое хозяйство, но и рассчитывать на какое-то продвижение в жизни, например на то, чтобы стать тем же приходским священником, в которых в то время распространения христианства была столь большая нужда.

Что должен был знать приходский священник? Судя по тому, что известно о начальном школьном образовании в монастырях либо при епископских соборах в городах, это были чтение и письмо (речь идет,

естественно, о латыни), начатки арифметики и богословия. С этим багажом они шли к своей пастве и по мере своих сил удовлетворяли ее запросы. Это было, конечно, немного. Но и это немногое способствовало, вкупе с эстетическим образованием при посещении храмов и внушаемыми с детства основными моральными заповедями, весьма заметному повышению уровня культуры населения.

ЦЕРКОВЬ И КОРОЛИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

На первых порах христианизация, требовавшая огромных усилий едва ли не всего западноевропейского церковного мира, довольствовалась теми успехами, о которых уже шла речь. Распространяясь вширь, христианство не могло одновременно с той же энергией развиваться вглубь и тем более активно бороться за достойное место в политической жизни. Это, конечно, не означает, что ранняя церковь не блистала своими высокоучеными богословами-теологами, чьи имена навеки запечатлены в ее истории. Тертуллиан (160–220) фиксировал пропасть между Библией и всеми писаниями античных философов, возвышая тем самым веру над разумом. Блаженный Августин (354–430) написал знаменитую книгу «О граде Божьем», в которой он противопоставил земной град — государство — божьему, т.е. церкви, и активно отстаивал учение о предопределении. Рассуждая более всего о приоритете божественной благодати, он полагал, что только и именно те, кто отмечен перстом Господа, могут рассчитывать на вечное спасение. Всю раннюю церковную историю Англии описал в своих сочинениях Беда Достопочтенный (672–735). Много было и других ученых, столпов раннего западноевропейского христианства. Но основные свои потенции церковь в то время использовала для распространения ее учения, на что уходили едва ли не все силы. Только в Риме первосвященники и их приближенные могли позволить себе всерьез заниматься политикой и, в частности, вести споры с королями за политическое верховенство.

Собственно, причиной этого стало стремление королей обзавестись собственными церквами и командовать своими вассалами-епископами примерно так же, как они обращались со светскими вассалами. Формально на это у них вроде бы были все права. Вассал есть вассал и у него может быть лишь один сюзерен, т.е. давший ему то либо иное владение король. Опираясь на этот бесспорный факт, короли созывали церковные соборы (съезды своих епископов), утверждали их решения, а также участвовали в выборах новых иерархов. Примерно

с V по VIII в. в Риме вынуждены были терпеть такое самовольство, ибо папа, как упоминалось, зависел от помощи со стороны сильной королевской власти, прежде всего от франкских Каролингов.

Однако папство не сложило руки. В конце VII в. оно добилось подчинения себе англосаксонской церкви. Соглашение с Карлом Великим обеспечило римским понтификам покровительство светской власти и — в обмен на признание Карла императором — право считаться неподсудными никому. Это был немалый успех, хотя реальной власти церкви как бюрократической структуре это не прибавило. Однако уже в середине VIII в. появился подложный документ — «Константинов дар»,— согласно которому император Константин в свое время будто бы пожаловал Римскому папе право быть законным преемником римских императоров на западе и в качестве такового короновать королей, т.е. выступать в виде их сюзерена. В IX в., после Верденского договора наследников распавшегося государства Каролингов, эта фальшивка уже фактически сделала свое дело: было принято решение, что только после утверждения престолом святого Петра статус императора может быть подтвержден. Это было подкреплено в 962 г. саксонским правителем Германии Оттоном I, совершившим для утверждения в императорском титуле визит в Рим и к тому же оказавшим поддержку папе в его нелегкой борьбе с соседями.

Правда, стоит заметить, что эти кажущиеся политические успехи папства на деле были лишь небольшими передышками в борьбе, о которой идет речь. В промежутках между встречами с сильными и оказывавшими покровительство римской церкви королями-императорами папа и его власть были в те века весьма слабыми, а окружавшие Рим и Равенну местные правители делали все, что в их силах, дабы ослабить влияние папы еще больше. Довольно долго престол святого Петра был даже фактически игрушкой в руках тех представителей владетельной знати, которые меняли понтификов по своей прихоти. Однако вскоре этому пришел конец. Один за другим папы начали вести речь о реформах и проводили такого рода не очень заметные на первый взгляд реформы на самом деле, что в конечном счете привело папство к успеху. Успех был связан с деятельностью прежде всего и главным образом одного из самых дельных и знаменитых людей, которые вообще когда-либо занимали престол святого Петра. Речь о Григории VII, монахе Гильдебранде. Но этот папа, живший уже в XI в., заслуживает особого разговора.

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ПАСТВА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Теоретическая мысль раннего средневековья в основном переместилась на Запад вместе с императором Константином и большинством близких к нему либо живших на Востоке, включая и север Африки, видных представителей христианства. Нехристианские учения в этот период одно за другим исчезали, уступая место теологическим спорам христиан. Частично об этом было сказано, когда речь шла о Византии. Теперь есть смысл высветить суть дискуссий, точнее, то, что во всех них способствовало благотворным переменам в сфере культуры. Здесь, пожалуй, снова стоит вернуться к Августину, который — хотя он и прожил всю свою жизнь в Африке и едва ли принимал активное участие в дебатах при дворе византийских императоров — первым сформулировал основы христианского видения философии истории.

Философия истории, о которой уже шла речь во Вводной части первого тома и которой посвящали и посвящают поныне свои труды многие авторы, — вещь довольно серьезная, так что далеко не каждый, даже среди весьма ученых иерархов, брался за ее толкование. Но главная идея ее в теории христианства стала с легкой руки стоявшего за распространенную в его время идею предопределения Августина сводиться к ожиданию второго пришествия и того времени, когда праведникам и грешникам достанется по заслугам. Взгляд на историю как на линейный процесс, имеющий начало и конец, был тогда новым в своем роде и сыграл немалую роль, причем не только в христианской теологии. Люди начали ожидать второго пришествия. Сначала это было не очень заметно, но с приближением тысячного года — то ли со дня рождения Христа, то ли его смерти и воскресения (нельзя не учесть и того, что календарное счисление в те времена было отнюдь не общедоступным делом) — идея начала будоражить умы.

Милленаризм опирался на загадочную фразу из Апокалипсиса «пока не пройдет тысяча лет», а люди с волнением ждали, когда же это, наконец, случится. Конечно, не стоит преувеличивать тех волнений, которые были связаны с ожиданием перемен в новом тысячелетии, но нельзя и вовсе сбрасывать их со счетов. В большинстве районов Западной Европы нервное ожидание конца света будоражило умы, и если это не достигло уровня паники и безумия, то во многом из-за того, что основная масса населения еще не умела толком воспринимать время и точно считать годы. В подобных условиях не приходится удивляться тому, что многим

тогда казалось, что человечество стремительно мчится к своему концу. И лишь спустя несколько десятилетий после опасливых милленаристских ожиданий Европа стала понемногу успокаиваться.

Теология как таковая имела значение не только для высокообразованных церковников, часть которых была предтечей для появившихся в позднем средневековье носителей подлинных научных знаний. Очень важно принять во внимание, что переданные церковью через посредство таких выдающихся ее интеллектуалов, как Тертуллиан или Августин, многие идеи из различных произведений древних ближневосточных и раннеантичных авторов казались европейцам, только что приобщившимся к христианству, очень необычными. На Востоке, в Византии и соседних с ней давно уже христианизованных (или воспринявших христианство именно из Византии) землях, все эти идеи были более или менее знакомы многим уже достаточно давно. И если они не сочетались друг с другом, то все же обычно воспринимались людьми как бы in согроре, т.е. как нечто естественное, всегда существовавшее. В Западной Европе ситуация была иной. Здесь из всей этой чуждой вчерашним варварам смеси различных учений приходилось выбирать что-то одно. Да и это одно — в данном случае имеется, конечно, прежде всего в виду западноевропейское христианство — было не слишком легко постичь. Отсюда следовал вывод: каждый самостоятельно мог идти к Богу. При этом древняя античная традиция свободы, о чем уже шла речь, способствовала тому, чтобы в этом Боге человек, не слишком искушенный в теологии и не привыкший к стадному инстинкту, видел то, что ему хотелось увидеть. Чтобы Бог не мешал человеку быть человеком.

Иными словами, элемент личной веры, личностного восприятия Бога как одна из традиций античной свободы индивида автоматически передавался теологами и воспринимался паствой. Это значит, как на то уже обращали внимание специалисты, в частности Ю. Павленко[1], что западное христианство было чуждо восточнохристианскому православному принципу соборности, что здесь с самого начала уделялось гораздо большее, чем на Востоке, внимание рациональному обоснованию веры.

Если обратиться к истокам этого рационализма, то окажется, что и здесь римская склонность к соблюдению норм гражданского права сыграла свою роль, ибо именно она веками вырабатывала столь быстро воспринятые варварами умение и привычку мыслить в правовых

[1] *Павленко Ю. В.* История мировой цивилизации. Киев, 2002. С. 483.

категориях, требующих рационального подхода ко всему, включая и веру. Человек и в вере в Бога остается индивидом — это, пожалуй, главное, что нужно отметить.

Показательно, что и в строительстве храмов эта разница нашла свое показательное отражение. Не имея возможности судить о том, как выглядели мелкие храмы в селах раннего западноевропейского средневековья, стоит обратить внимание на то, что в городских соборах, а затем и во всех остальных церквах более позднего времени в средневековой Европе всегда существовали сиденья для паствы, чего никогда не было даже в самых шикарных соборах православных храмов. Это на первый взгляд может показаться мелочью. Но в мелочи такого рода скрыт глубокий внутренний смысл. Для православия соборность, кучность, теснота — чуть ли не первое и главное условие подлинного богослужения. Все теснятся и, озираясь друг на друга, повторяют то, что надлежит повторить вслед за священнослужителем в данную минуту. Это хорошо отлаженный механизм, почти как в исламской мечети, где молящиеся строго следуют за каждым движением находящегося впереди имама.

Совсем иначе поставлена служба в западнохристианских храмах. Там человек сидит и чувствует себя отдельно взятой и уважаемой личностью, к которому обращена речь проповедника и который сам воспринимает из этой речи и всей службы именно то, что ему кажется наиболее существенным. И еще одно. Пока латынь была едва ли не общим языком, с трудом, но воспринимаемым всей раннесредневековой Европой, церковная служба, естественно, шла на этом языке. Но коль скоро в странах средневековой Европы сложились свои языки, служба перешла к использованию именно их. Это тоже проявление уважения церкви к личности. И невольно возникает параллель со все той же православной соборностью, в частности, с русскими церквами, где до сих пор служба в основном идет на церковнославянском языке далекой древности. Зачем и почему? Ответа обычно никто не дает. Но ответ все же существует. Он вложен в то, о чем сейчас идет речь.

Из всего изложенного уже вполне отчетливо видно, что римская культура античности оказала большое влияние на трансформацию нахлынувших на Европу и вроде бы растоптавших Рим варваров. Как то ни покажется странным, Рим не погиб. Он исчез как империя. Он лишился многого из того, что имел в качестве многовекового сильного государства. Но у него осталось нечто главное, можно сказать, бесценное, не имеющее никакой цены, — его многовековая античная культура, подкрепленная полезными и ценными заимствованиями у античной

Греции и обогащенная величайшей из интеллектуальных религий. И именно это — то, чего не было у растоптавших Рим варваров, — оказалось в конечном счете наиболее важным. Именно это способствовало коренному преобразованию, пусть длительной, но однонаправленной трансформации варваров. Античность и христианство, Иерусалим и Афины (хотя и Рим тоже) — вот та основа, которая сделала из варваров европейцев. Более того — то, что сделало из потомков варваров европейски мыслящих и европейски ощущающих себя **личностей.**

Этот процесс был длительным. Вначале он шел лишь среди элиты, где развивался нередко в форме поэзии, героического эпоса. В этих поэтических жанрах превалировала достаточно высокая рыцарская культура с ее трубадурами, миннезингерами, куртуазной лирикой и многочисленными рыцарскими романами, воспевавшими благородство, храбрость, щедрость, преданность, верность и, наконец, любовь. Среди таких романов, пусть изредка, но встречались шедевры типа знаменитой истории о Тристане и Изольде. Позже центрами культуры стали города с их новеллами и сатирическими миниатюрами, нередко наполненными грубоватым юмором. Все это было своего рода пьедесталом, на котором позже стали располагаться жанры более серьезные и значимые. Но в любом случае процесс активного формирования средневековой культуры шел, причем его путь со временем все более расходился с церковным, в рамках которого оставались теология, схоластика, догматика, мистика и риторика. При этом стоит отметить, что даже в этих жанрах порой пробивалась свежая мысль, представителем которой в XI–XII вв. был Пьер Абеляр с его спорными с точки зрения христианских ортодоксов сочинениями.

Словом, на протяжении Средних веков медленно, но неуклонно шло развитие светской культуры. Этот процесс готовил почву для появления той независимой — независимой прежде всего и главным образом от церкви — личности, которая стала формироваться несколько позже, в позднем средневековье, да и то далеко не сразу. Формирование такого рода личности требовало благоприятного сочетания многих важных факторов. Только в таких условиях предпосылки для ее формирования могли реализоваться. И они действительно реализовались, о чем специально будет идти речь в одной из последующих глав данной работы. Пока же стоит еще раз напомнить, что раннее средневековье хотя и выдвинуло на передний план первобытные традиции варваров, отнюдь не уничтожило традиции античности. А справедливости ради к этому следовало бы добавить, что церковь в это вре-

мя играла безусловно прогрессивную роль, способствуя укреплению антично-христианских традиций.

Христианство как таковое — существенно оговориться — никогда не было заинтересовано в воспитании независимо мыслящей личности. Это безусловно так. Но оно было очень заинтересовано в успехах своей миссионерской деятельности. А христианизация варваров неизбежно вела к тому, что в новом обществе, складывавшемся на формировавшейся в Западной Европе интеллектуально-культурной основе, возникали предпосылки для появления такой личности. И именно на это ушли века европейской истории. К концу средневековья, о чем уже было упомянуто, все то, что символизировали собой Иерусалим и Афины, сделало свое дело. Потомки варваров начали превращаться в наследников античности и лучших сторон христианской религии.

Глава четырнадцатая. ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Примерно с XI в. начинается второй, или поздний, феодальный период, который, по словам М. Блока, «преобразил облик Европы». Преобразование это шло по многим направлениям, но началось оно с демографического взрыва, который вызвал в качестве своего логического следствия великую распашку многих пустующих европейских земель. Прежние нетронутые крестьянским плугом территории, неосушенные болотистые равнины, многочисленные вырубленные лесные территории стали заселяться. Возникали новые села, резко уменьшались прежде обширные никем не заселенные пространства, отделявшие одни поселения от других. Люди сближались друг с другом, резко облегчались торговые и иные связи между ними, процветали города, находившиеся под покровительством феодалов или королей, весьма заинтересованных и в спокойствии на торговых путях, и во взимании законных пошлин с увеличивавшихся в числе торговцев. Дороги приводились в порядок, активно строились мосты. Словом, уделялось немало внимания всей инфраструктуре, что свидетельствовало о создании, наконец, устоявшегося в основных своих структурных принципах общества. В той или иной степени это было характерно для вчера еще полуварварского, а ныне уже вполне освоившегося с нормами цивилизованной жизни общества.

Изменился и характер связей Европы с внешним миром. Из импортера, жадно поглощавшего зарубежные редкости, она превратилась в экспортера, активно снабжавшего неевропейский мир, т.е. пре-

жде всего страны Востока, различными изделиями ремесла, в первую очередь превосходными сукнами. Соответственно ремесленники и торговцы стали более зажиточными, их труд приносил в Европу немалые деньги и с этим вынуждены были считаться правители и все еще сохранявшие немалую политическую силу феодалы, как светские, так и церковные. В связи с этим статус и социальная роль городов как важных экономических центров начали заметно повышаться. Впрочем, о западноевропейских городах и об их населении на рубеже I–II тысячелетий следует сказать особо.

Основное население городов, число которых в Западной Европе в это время росло быстрыми темпами, состояло из специалистов-ремесленников, обычно организованных по профессиональному признаку в социальные корпорации, цеха. Такие цеха, как правило, отличались строгой организацией, имели свой устав и выборное руководство, бдительно следили за тщательным соблюдением всех правил и норм каждым из членов союза. Обычно члены союза предпочитали общаться преимущественно друг с другом и, как правило, роднились между собой с помощью брачно-семейных связей. Цехи возникали не сразу. На первых порах, когда шел процесс возникновения новых городов, большая часть их населения состояла из бежавших в город от невыносимых условий жизни либо по иным причинам крестьян, которые еще мало что умели. Со временем, поступая в ученики к немногим еще тогда специалистам-ремесленникам, они овладевали той либо иной профессией, которая затем становилась для них наследственной и в деталях которой совершенствовались их дети и внуки. Впрочем, изредка к тому либо иному мастеру приходили новые выходцы из деревни. Они тоже долго работали в мастерской на правах учеников. Когда овладевали основами профессии, могли стать подмастерьями. И только в тех случаях, если они по мастерству становились равными хозяину, можно было претендовать на то, чтобы стать членом цеха. Полноправными членами любого цеха могли стать лишь мастера высокой категории, владельцы мастерской. Чтобы стать мастером и основать собственную мастерскую, каждый кандидат должен был продемонстрировать свое мастерство другим членам цеха. Только после этого он мог считаться достойным того, чтобы стать полноправным его членом.

Цехи были достаточно разнообразны по роду деятельности. Например, среди суконщиков одни мастера занимались пряжей, другие были ткачами, третьи занимались изготовлением красок, четвертые — окончательной отделкой ткани. Как правило, в мастерских не существовало

внутреннего разделения труда. Над тем делом, которое было основой деятельности мастерской, трудились обычно все вместе, включая подмастерьев, учеников и членов семьи мастера. Цех обычно воспринимался в городе как корпорация, выполнявшая и ряд общественных функций. Он принимал участие в организации охраны города, являл собой нечто вроде боевой дружины в случае военных действий. У каждой профессии был обычно свой святой, патрон-покровитель, день которого отмечался праздником. Богатые горожане из числа членов цехов, а также успешные торговцы и некоторые из числа проживавших в городах аристократов, имевших земельные владения заметного масштаба вне города, обычно составляли городскую верхушку, чаще всего выборную. Все они вместе призваны были отражать интересы города, причем не только и не столько торгово-производственные, сколько социополитические. Города обычно претендовали не просто на автономию, но и на независимость от власти какого-либо знатного аристократа. Часто достижение такой независимости добывалось посредством выкупа. Иногда городам как союзникам в борьбе с владетельными аристократами помогали в таких случаях короли.

В целом же можно сказать, что с начала II тысячелетия в Западной Европе быстрыми темпами увеличивалось количество свободных от феодальной зависимости городов. Многие из них устанавливали связи друг с другом и оказывали друг другу необходимую поддержку. В отдельных случаях создавались целые агломерации крупных и объединенных общими, в первую очередь торговыми, интересами городов, как то было в североитальянской Ломбардии. Иногда эти агломерации обретали форму союзов, как то было с объединенными в Ганзу многими десятками северогерманских городов.

Вообще торговля городскими товарами со временем обретала все более крупные масштабы. Для реализации товаров в ряде городов устраивались ярмарки, где шла широкая оптовая и розничная торговля. На ярмарках реализовались и товары из дальних стран, транспортировкой которых занимались специальные торговые организации типа фирм, занимавшиеся транзитной торговлей. В связи с развитием торговли расцветали товарно-денежные связи, становились все более разнообразными необходимые для этого финансовые организации, появлялись кредитные конторы, ломбарды, лавки менял-ростовщиков и т.п. Словом, на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры многое в средневековой Европе, как о том уже шла речь, изменилось. Изменения, как обычно и случается, шли в самых разных направлени-

ях. И в то время как одни способствовали росту культуры и развитию общества, другие вели в обратном направлении, рождая в людях угаснувшие было звериные инстинкты. Впрочем, развитие обычно склонно именно к такому пути. Так что не будем сетовать на превратности судьбы, но обратимся к описанию важнейших из тех проблем, о которых теперь пойдет речь.

ПАПЫ И СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Исторически в средневековой Западной Европе одной из главных среди прочих острых проблем, причем на протяжении многих веков, был характер взаимоотношений между церковью и королями. Как о том уже шла речь, со времен императора Константина, признавшего христианство официальной государственной религией Рима и перенесшего столицу на Восток, в этих связях сложилось весьма своеобразное положение. На Востоке, в греческом варианте христианства возникло несколько фактически почти независимых патриархатов, но формально главой церкви считался все же император. На Западе, особенно после краха империи, создались совершенно иные условия. Римский епископ, ставший признанным главой западной латинской церкви, был единственным в своем роде, а королей в раннесредневековой Европе оказалось много. Естественно, что папа претендовал на высшую власть в латинском мире, особенно если принять во внимание, что на первых порах короли варварских государств Западной Европы были, как правило, неграмотными и невежественными и в лучшем случае лишь недавно обращенными в веру Христову.

Неудивительно, что во второй половине I тысячелетия это явственное стремление первосвященников стать во главе христианского Запада, бывшее вполне логичным в сложившихся условиях, не вызывало особых споров и конфликтов. С этим не спорили ни в Византии, куда посланцы Рима довольно регулярно приезжали на Вселенские церковные соборы, ни в Европе, где королям было пока еще не до выяснения своих отношений с церковью. Правда, в Европе понтифики порой ощущали давление арианской ереси, особенно в конце V в., когда некоторые варварские королевства, прежде всего остготы, предпочитавшие ее, оказались в непосредственной близости от Рима. Чуть позже, в середине VI в., когда войска Юстиниана высадились в Италии, позиции папы оказались не только ослабленными, но также и двусмысленными: Византия попыталась превратить римского понтифика в еще одного из подчиненных ее императору патриархов, тогда

как Рим вовсе этого не хотел. Впрочем, эта ситуация длилась недолго и вскоре после вынужденного ухода Византии из Италии все вернулось к прежнему состоянию. Уже в конце VI в. папа Григорий I (его краткий понтификат пришелся на 590–604 гг., когда значительная часть Италии была захвачена и разграблена лангобардами) почувствовал свою полную ответственность за едва ли не всю христианскую Европу. Именно он сумел приостановить натиск лангобардов, позаботился наладить с ними регулярные связи и даже начал выкупать пленных и укреплять охрану оставшихся вне варварского нашествия городов.

В этой политической обстановке главы западнохристианской церкви резонно сделали ставку на быстрыми темпами усиливавшееся и принявшее христианство молодое государство франков, признав в конечном счете его правителя императором. Это важное признание в середине VIII в. не было, как о том уже шла речь, односторонней уступкой. В обмен на императорскую корону Каролинги признали понтифика главой небольшого, но крайне важного папского государства со столицей в Риме. Тем самым понтифики в Риме получили не только весьма прочную территориально-политическую основу для своего последующего существования, но и оказавшийся — несмотря на спорадические конфликты — довольно устойчивым раздел в Европе между властью религиозной и политической. Уже в VIII в. авторитет Рима признавали едва ли не все европейские церкви с их иерархами, включая достаточно дальние, как например англосаксонская. А верденский раздел в 843 г. наследия Карла Великого закрепил за Римом право короновать императоров, что было подкреплено коронацией Оттона I Великого в 962 г.

Казалось бы, проблема была решена. Но на рубеже I–II тыс., когда европейские христиане с таким внутренним страхом ожидали второго пришествия, западноевропейская церковь переживала некоторый внутренний кризис. В Европе шла торговля церковными должностями, резко упал моральный стандарт среди монахов, часть которых стала даже нарушать закон о безбрачии. Впрочем, этот период длился недолго. Попытки реформировать монашество, начатые в X–XI вв. в монастыре Клюни, привели к широкому движению церковной реформы, укрепившей власть папства, чему способствовал — как это ни покажется парадоксальным — германский император Генрих III. Именно эта реформа утвердила строгий целибат (безбрачие) среди не только монахов, но и всего клира. Вместе с тем роль западного христианства заметно повысилась после окончательного его разрыва с византийским православием (1054), а вслед за этим наступило время

знаменитого Гильдебрандта, едва ли не самого значительного из всех римских понтификов.

Спор ставшего Папой Григорием VII Гильдебранда с европейскими королями за верховенство формально начался с борьбы за право инвеституры всех духовных вассалов королей, т.е. епископов. Но на деле это была отчаянная борьба за политическое господство, завершившаяся, как известно, победой папы. Гильдебрандт в 1076 г. отлучил от церкви императора Генриха IV, что вынудило этого императора в 1077 г. зимой в Альпах чуть ли не на коленях вымаливать прощение в Каноссе. И хотя Генрих IV вскоре после этого унижения сумел формально взять верх над папством, победы в долгом единоборстве с церковью ни он, ни его последователи так и не добились. Вормский конкордат 1122 г. определил соучастие представителей духовных и светских властей при актах инвеституры вассалов-епископов, которые теперь вынуждены были проходить через этот обряд дважды. Формально борьба за инвеституру была тем самым решена как бы в результате полюбовного соглашения. Поколебать авторитет церкви никто из европейских королей средневековья так и не смог.

В результате Рим добился признания светской властью теории непогрешимости пап, а практика отлучения от церкви и угроз такого рода — или интердикта, т.е запрета на отправление некоторых церковных обрядов и таинств, — стала мощным орудием в его руках, хотя и оказывала действие не всегда. Но этого римским понтификам было уже мало. Они, воодушевленные успехами политики Григория VII, теперь уже желали большего. Вопрос был лишь в том, как и каким образом этого можно было в создавшейся обстановке добиться. И Рим решил сделать ставку на военные успехи.

РЫЦАРИ И РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА

С начала II тыс. главной боевой силой в Западной Европе стало рыцарство. Говоря о причинах появления и выхода на передний план этого весьма заметного сословия правящей элиты, необходимо заметить, что они были связаны с практикой превращения ненаследственного бенефиция в наследственный феод. Если наделение бенефицием в условное владение каждому знатному лицу за его заслуги было более или менее справедливой наградой для всех аристократов, то появление вместо него наследственного феода изменило это. С одной стороны, феод стал фактором, укрепившим позиции феодалов, а с другой — сопровождавший его строгий порядок передачи феода в наслед-

ство лишь одному, обычно старшему сыну, стал формальной основой для появления знатных отпрысков, лишенных отцовского наследства. Именно это и стало первопричиной появления рыцарей, т.е. профессиональных воинов, лишенных какого-либо имущества кроме своего воинского обмундирования.

Появление большого числа такого рода рыцарей, готовых служить своему патрону и надеяться на щедрый подарок судьбы, сильно изменило характер войн в средневековой Европе. Они в большинстве своем стали феодальными не только по сути (имеются в виду междоусобицы знати), но и по форме, так как основой боевой силы стали именно рыцари. Рыцари составляли основу войска королей и крупных феодальных властителей, свои рыцари были и у епископов, тем более у Рима, а точнее — у церкви. В отличие от всадников далеких времен, ранних степняков-кочевников, средневековый рыцарь был не просто воином-профессионалом высокого класса. Он был прежде всего хорошо вооруженным, искусным и опытным в сражениях и — что очень важно — плотно и расчетливо одетым, а точнее — защищенным могучей броней буквально со всех сторон. Правда, это ему, точнее, его родителям, дорого обходилось. Полное вооружение рыцаря, включая его тоже хорошо защищенного коня, стоило очень дорого и нередко было плодом высокого искусства. Далеко не случайно до сих пор рыцарское обмундирование выставляется в музеях как пример прикладного искусства высочайшего качества.

Рыцари, о которых идет речь, были образцом умелого воина. Практически все вассалы королей — да и они сами (вспомним хотя бы знаменитого Ричарда Львиное Сердце) — были рыцарями. Они часто и проводили все свое время на охотах и турнирах, демонстрируя там высокое искусство и рассчитывая на поощрение окружавших их и восхищавшихся их способностями прекрасных дам (именно это обстоятельство, скажем в скобках, породило в свое время бесчисленное количество рыцарских романов — тех самых, после чтения которых несколько свихнулся знаменитый Дон Кихот, персонаж самого знаменитого из всех такого рода романов, бывшего уже, правда, пародией на них). Но главным их занятием были все же войны. В военных столкновениях именно рыцари были основной воинской силой, причем досадные неудачи типа Ледового побоища, когда тяжесть рыцарей не выдержал лед, были не более чем случайными казусами. Как правило, рыцари воевали хорошо и умело, а обилие их едва ли не всегда приносило победу. Каждый рыцарь обычно имел оруженосца, а то и нескольких, которые были

снаряжены полегче и в случае нужды помогали своим господам подняться с упавшей лошади и вообще выбраться из трудного положения. Но при всем том основными воинами были все-таки именно они, рыцари. Особенностью рыцарского боя были столкновения типа поединков, что и неудивительно: закованные с ног до головы, они могли единовременно сражаться только друг с другом. Это создавало определенные неудобства с точки зрения маневра и тактики боя, но в конечном счете оправдывалось. Тем более, что выработанная тактика борьбы клином ставила под удар врага лишь нескольких первых рыцарей, тогда как остальные, сминая ряды стрелков, добирались до равных им окованных железом воинов и сражались именно с ними.

Особую категорию рыцарства в европейском средневековье играли духовно-рыцарские ордена. Покровительствуемый папством и защищавший его интересы, каждый из таких орденов был тем не менее самостоятельной военно-церковной строго иерархической структурой, имевшей свои цели и подчинявшейся великому магистру ордена. Члены орденов такого рода, вначале имевшие некоторое сходство с воинствующим монашеством, появились как особая категория рыцарей в начале II тыс. и быстро обрели типично воинскую выправку, форму и профессионализм. Да и создававшиеся из них воинские подразделения мало чем отличались от соответствующих объединений королевских вассалов. Разница была, пожалуй, лишь в том, что рыцарские ордена во главе со своими магистрами или гроссмейстерами не были в подчинении у королей и не выполняли поставленные ими политические задания. Они имели, как упоминалось, собственные цели, в основном сводившиеся к насильственному обращению в христианство тех либо иных народов и к защите христианства как религии. Еще важным отличием рыцарей такого рода были дававшиеся ими церковные по сути обеты — целомудрия, послушания, иногда и бедности. Церковно-рыцарские ордена сыграли важную роль в ходе крестовых походов, так что они заслуживают того, чтобы подробней рассказать о некоторых из них, наиболее значительных.

Орден госпитальеров (иоаннитов) возник в Палестине на рубеже XI–XII вв. на базе госпиталя св. Иоанна и был вначале своего рода братством людей, покровительствовавших больным и раненым, а затем и всем прибывавшим в святые места паломникам. Члены братства вначале не отличались особой воинственностью и носили накидки с красным крестом — знак милосердия. В числе учредителей ордена оказалось немало рыцарей, так что неудивительно, что вскоре из покро-

вителей больных и бедных члены ордена стали скорее защитниками паломников и борцами с неверными. Еще позже иоанниты превратились в весьма заметную военно-политическую силу сначала в Иерусалимском королевстве, а затем (с 1291 г.), когда крестоносцы вынуждены были покинуть Палестину, на Кипре, куда они перебрались со всем накопленным ими немалым имуществом. Члены ордена давали обеты бедности и целомудрия, при этом все они соблюдали строгую дисциплину и подчинялись великому магистру ордена. В 1308 г. иоанниты захватили остров Родос, где надолго, до 1530 г., обосновались. Когда Сулейман Великолепный изгнал их из Родоса, они по предложению императора Священной Римской империи Карла V обосновались на острове Мальта, изменив название (Мальтийский орден). Орден после этого утратил свои накопления и воинский пыл, по существу перестав быть значимой военно-политической силой.

Орден тамплиеров (храмовников), первоначальное местопребывание которого было рядом с разрушенным некогда римлянами Иерусалимским храмом, откуда и его второе название, имел много более богатую историю. Будучи созданным в начале XII в., этот орден, как и иоанниты, первоначально служил для поддержки и защиты прибывавших в Палестину паломников, а члены его тоже носили накидку с красным крестом. Члены ордена давали такие же обеты, причем их состав — как и у иоаннитов — со временем все интенсивней пополнялся за счет рыцарей. Возглавлял орден великий магистр, а устав 1128 г., утвержденный Римом, превратил тамплиеров в мощную и быстро богатевшую централизованную организацию. Тамплиеры принимали участие в поздних крестовых походах , были в последний период существования Иерусалимского королевства едва ли не основной его силой. Потерпев поражение в столкновениях с Саладином, тамплиеры переместились вначале на Кипр, а затем осели во многие европейских странах. В XIII в. орден, включая всех его рыцарей, оруженосцев, слуг и священнослужителей, насчитывал 15 тысяч членов. Дарованные этому отличному от других своей уникальной судьбой ордену льготы и притекавшие к нему владения превратили его в обладателя неслыханных богатств, сведения о которых, к тому же явно преувеличенные, заставляли засматриваться на орден даже коронованных особ. Собственно, это и привело к трагической гибели ордена, о чем будет сказано в следующей главе.

Тевтонский орден возник все в той же Палестине в XII в. при госпитале, основанном любекскими и бременскими купцами. Но этот

орден сильно отличался от других. По сути он превратился в целое государство и довольно долгое время играл большую роль в политической жизни восточной части Западной Европы. Спецификой его вначале было обслуживание в Палестине немецкоязычных паломников. Члены ордена, в основном из числа немецких рыцарей, носили белые плащи с черным крестом и давали все те же обеты целомудрия, бедности и скромности. Однако уже в XIII в. орден владел большими территориями в северо-восточной части Германии, близ тех мест, где проживали пруссы. Орден долго воевал с пруссами и в конечном счете одолел их, сделавшись по сути своеобразным государством в Прибалтике, между устьями рек Вислы и Немана. С XIII в. он активно способствовал онемечиванию и христианизации местного населения — ливов, чуди, латышей. В XIV в. Тевтонский орден расширил свои владения за счет остальных районов Прибалтики и стал на достаточно длительный срок мощной преградой для Польши, Литвы и Руси, лишив всех их выхода к морю.

Во главе ордена стоял пожизненно избиравшийся гроссмейстер, которому подчинялись правители отдельных провинций ордена. Конец XIV в. был периодом наивысшего могущества тевтонов. Члены его вели активную торговлю, причем многие основанные орденом города, начиная с Данцига, входили в состав объединения Ганзы. Экспансия ордена приостановлена была в 1410 г. в знаменитой Грюнвальдской битве, а в 1466 г., после Тринадцатилетней войны, орден признал себя вассалом Польши, которая захватила у него большую часть побережья Балтийского моря. Вскоре он практически прекратил свое существование.

Орден меченосцев возник в начале XIII в. в Прибалтике. На плащах его членов был красный меч с крестом, а устав тамплиеров был взят ими за основу. Сражаясь с ливами, эстами и иными прибалтийскими племенами, орден добился некоторых успехов и овладел немалой территорией, к которой позже был прибавлен и Полоцк. Однако в 1234 г. новгородский князь Ярослав разгромил войска ордена, а еще два года спустя остатки его боевых сил потерпели поражение от литовцев и земгалов, после чего этот орден, сблизившись с Тевтонским, вошел в состав Ливонского.

Ливонский орден возник в XIII в., в следующем уже включал в свой состав большую часть эстонских и латвийских земель. Этот орден активно сотрудничал с Тевтонским и нередко действовал совместно с

ним. Немецкие миссионеры основывали в Прибалтике свои опорные пункты, одним из которых стала возникшая на рубеже XII–XIII вв. Рига. Вскоре в восточной части Прибалтики возникло целое государство — Ливония, в котором большую роль играли члены Ливонского ордена и несколько епископств, находившихся под покровительством Рима и германской империи. С Ливонией со времен Ивана Грозного Россия вела постоянную борьбу за выход к морю.

Орден доминиканцев, основанный в начале XIII в., представлял собой несколько иное образование. Он считался нищенствующим и монашеским, однако на первых порах оказался в числе наиболее истовых и безжалостных орудий насилия в руках высших иерархов Рима. Именно усилиями членов этого ордена, своеобразных жандармов католической церкви, велась борьба с еретиками и зажигались первые костры инквизиции. Кроме того, многие из доминиканцев в силу необходимости (борьба с еретиками требовала хорошего знания церковной догматики) оказывались в числе ученых богословов и занимали соответствующие кафедры в западноевропейских университетах. Из их рядов вышли и выдающиеся умы церкви, начиная с Альберта Великого и Фомы Аквинского. Орден сохранял свои позиции на протяжении многих веков и существует в Ватикане и поныне.

Орден францисканцев (братство миноритов) был основан в начале XIII в. известным богословом Франциском Ассизским и провозгласил основой своего существования и деятельности проповедь бедности, аскезы и любви к ближнему. В отличие от остальных этот орден вначале не был воинственным и даже, видимо, не привлекал к себе рыцарей. Коричневая шерстяная туника и сандалии на босу ногу были одеянием его членов, которые в пику еретикам, клеймившим стяжательство иерархов, призваны были наглядно демонстрировать отказ от мирских благ. Однако эта провокационная позиция привела орден к тому, что его члены — независимо от того, каковы были первоначальные намерения основателя ордена, — стали активно содействовать инквизиторам. Как и доминиканцы, францисканцы подчас были учеными богословами и преподавали в университетах, хотя среди них выдающихся умов не оказалось. Внутри ордена порой шли распри между отдельными его группами, в начале XVI в. от него отделился **орден капуцинов.** Члены ордена францисканцев существуют и в наши дни.

Как видно из всего вышеизложенного, духовно-рыцарские ордена, возникшие в основном в период крестовых походов, были весьма

разными организациями. Некоторые из них, как Ливонский или Тевтонский, очень хорошо известны своими военными действиями в Восточной Европе. Другие — более широкими по характеру военными действиями и откровенными притязаниями на власть. Этим отличался, например, орден тамплиеров, вначале завоевавший в Иерусалиме, а затем и в Европе много владений и обретший, если верить преданиям, неисчислимые богатства. Но при всех весьма существенных различиях общим для всех них было стремление служить католической церкви и способствовать расширению ее влияния и укреплению ее политических позиций. С помощью активизации деятельности орденов церковь стремилась усилить свои позиции в противостоянии с соперничавшей с ней светской властью, что особенно наглядно предстает при ознакомлении с деятельностью Тевтонского и Ливонского орденов.

Конечно, церковно-рыцарские ордена заметно отличались от остальных европейских рыцарей. Но эти различия стали особенно очевидными лишь после окончания крестовых походов. Завершая рассказ о рыцарях и церковно-рыцарских орденах, следует заметить, что они были в некотором смысле символом воинской силы позднего средневековья. Стоит, между делом, отметить и благородство большинства светских рыцарей, которые, как правило, были полны достоинства и умели проявлять милосердие, особенно к поверженному врагу. И не случайно кое-кого из храбрейших и благороднейших среди них воспевали поэты, а рыцарские романы положили начало европейской приключенческой романистике как жанру.

Все изменилось лишь с изобретением уже в конце средневековья огнестрельного оружия, после чего рыцарские поединки перестали играть свою роль, а Европа вслед за тем шаг за шагом вступала в новое время, когда место рыцарей заняли дворяне. Они были подчас такими же воинами, дуэлянтами и забияками, что и рыцари, но уже с мушкетами и пистолетами в руках, как то хорошо показано в «Трех мушкетерах», классическом романе по сути из все той же рыцарской жизни. Тем не менее, рыцари как таковые сделали свое дело и со всем своим громоздким, тяжелым и дорогостоящим снаряжением сошли со сцены. Потому-то и оказался столь смешным и в то же время великим знаменитый Дон Кихот. Ну а теперь, завершив рассказ об орденах и рыцарях, обратимся к той роли, которую все они, включая и католическую церковь, возглавившую и благословившую это начинание, сыграли в крестовых походах.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

С историей европейского рыцарства — хотя и далеко не только с этим — связаны крестовые походы, одно из наиболее ярких и известных событий позднего европейского средневековья. Походы, о которых теперь пойдет речь, это, собственно, даже не столько походы как таковые, сколько отражение всех или во всяком случае очень многих сторон жизни европейцев той поры, о которой идет речь. Все дело в том, что это были не просто походы и даже не столько они, сколько очень убедительное свидетельство восприятия европейцами окружавшего их внешнего нехристианского мира. А Гроб Господень в Иерусалиме, с проблем которого все началось, был лишь поводом для этого воинственного восприятия.

Причин, по которым европейские христиане начали свои крестовые походы, было достаточно много. К ним следует отнести и заметный демографический рост, увеличение крестьянского и городского населения с соответствующим возрастанием потребностей как в новых рынках, так и в высоко ценившихся привозных товарах, например употреблявшихся для придания вкуса и длительного хранения продуктов пряностей. Особенно стоит еще раз сказать об увеличении числа младших сыновей в феодальных домах, которые, не имея права на наследование отцовского владения (по господствующему и строго соблюдавшемуся в это время праву майората оно, как только что было упомянуто, не делилось и принадлежало старшему сыну) и вынуждены были ограничиваться теми рыцарскими доспехами, о которых уже шла речь. Доспехи, воинская выучка и яростное стремление что-то добыть в успешной войне — все это было немалым стимулом для похода хоть на край света. К ним следует добавить весьма преувеличенное представление о богатствах и роскоши Востока, откуда купцы привозили многие вещи, которых в Европе делать не умели и которые украшали дворцы европейской знати. Но все это, при всей важности, не было главным. Главным оставалось то, о чем уже подробно шла речь, — борьба за политическое превосходство между папством и светской властью. Эта борьба шла с переменным успехом и, как было уже замечено, не прекращалась веками. И для достижения цели годилась любая причина. И вот такая причина, наконец, появилась.

Выше уже шла речь о том, что мусульмане, начиная с пророка Мухаммеда, набиравшегося знаний из рассказов многих ученых мужей иудейского и христианского вероисповедания, с уважением относились

к людям Писания. Хорошо известно также, что христианский Иисус был даже включен в число немногих перечисленных в Коране пророков, чей список завершался самим Мухаммедом. Это было одной из важных причин того, что, завоевывая христианские земли, включая и Палестину с ее Гробом Господним, арабы-мусульмане относились к христианским святыням с достаточным почтением. Во всяком случае, повода для конфликтов не было. Иное дело — полудикие орды тюркских кочевников, огузов-сельджуков, которые, приняв ислам и не спеша толком его усвоить, обрушились на провинции Византии, включая ту же Палестину. В 1071 г. они ворвались в Иерусалим. Полудикие орды новых мусульман имели обыкновение уничтожать все на своем пути. Неясно, как это отразилось на Иерусалиме, но неудивительно, что сведения об этом, достигшие Рима, не на шутку взволновали церковных иерархов. Поэтому вполне понятно и объяснимо то тревожное беспокойство, с которым папа Григорий VII Гильдебрандт в 1074 г. обратился к странам христианского Запада с призывом защитить святые места от бесчинств со стороны неверных.

Призыв был услышан. Правда, пока в Западной Европе шел нескорый процесс осознания событий, происходивших весьма далеко от нее, войска фатимидского Египта сумели нанести удар по сельджукам, чья держава к тому времени уже начала распадаться на эмираты и султанаты. Статус кво в далекой Палестине вроде был восстановлен. Но это никак не повлияло на решимость западноевропейской церкви активно вмешаться в события, происходившие близ Гроба Господня. В этих событиях церковь вполне резонно увидела для себя хороший шанс резко усилить уже и без того укрепленную усилиями Гильдебранда роль церкви в политических делах Европы. Естественно поэтому, что спустя несколько лет после всех только что описанных событий на Клермонском соборе 1095 г., в котором приняли участие и посланцы Византии, ожидавшие помощи, папа Урбан II выступил с открытым призывом к крестовому походу, обещав всем его участникам отпущение грехов. Формой похода должно было стать всеобщее паломничество «христовых воинов», которые призывались «исторгнуть ту землю у нечестивого народа и подчинить ее себе». Предполагалось, что все христиане, как профессиональные воины-рыцари, так и обычный народ, в том числе неграмотные крестьяне, отправятся в далекий поход с сознательным стремлением к покаянию и страданиям, а также с готовностью принять любые лишения и даже умереть за правое дело. Призыв был услышан, и со всех сторон Европы стали

стекаться крестьяне с телегами и скудным скарбом, подчас с семьями, а также и многие горожане. Всем им были обещаны льготы, в том числе и налоговые. Понятно, что к походу приготовились и многие рыцари, хотя они не стремились смешаться с общей массой необученных воевать паломников.

Во главе похода неорганизованных групп мало что понимавших, но воодушевленных великой задачей невооруженных людей (стоит обратить внимание на принципиальную разницу между ними и теми воинами ислама, которые распространяли свои идеи с оружием в руках) стали проповедники. Они во многом определяли суть движения. Стоит в этой связи заметить, что долгий поход простолюдинов, нашивших себе на спину большие кресты, сопровождался лишениями, голодом, иногда даже еврейскими погромами[1]. Добиравшееся через Венгрию и Болгарию к Константинополю и по дороге пополнявшееся бродягами и авантюристами крестьянское ополчение, в лучшем случае было вооружено косами и топорами. Неудивительно, что оно было уже на территории Малой Азии разгромлено сельджуками и перестало существовать как сколько-нибудь серьезная военная сила. Многие из таких «воинов» были проданы в рабство.

Рыцари, ехавшие в Константинополь морем и не смешивавшиеся с остальной толпой, прибыли позже и, после ряда конфликтов с византийцами, добрались в 1098 г. до Сирии, а в 1099 г. штурмом взяли Иерусалим, где ими было создано Иерусалимское королевство и еще несколько владений, правители которых считались вассалами Иерусалимского короля. Местные крестьяне оказались данниками новых правителей, а венецианские, генуэзские и иные купцы, в основном из Ломбардии, развернули на захваченном Западом плацдарме активную торговлю. Огромное влияние обрела на завоеванных землях церковь. Именно в это время стали возникать первые церковно-рыцарские ордена (тамплиеров, госпитальеров), призванные составить ее основную военную силу.

В первой половине XII в. мусульмане стали одолевать Палестинское королевство. Дабы сохранить его, в 1147 г. был предпринят Второй крестовый поход, возглавленный французским королем и германским императором. Однако столь высокое представительство не помогло, а крестоносцы были разбиты в Сирии. В 1189 г., после того как в 1187 г.

---

[1] В отличие от исламского пророка Мухаммеда христиане давно уже считали иудеев своими врагами, возложив на них вину за распятие Христа.

египетский правитель Саладин, впоследствии воспетый европейскими трубадурами как истинный рыцарь, захватил в плен Иерусалимского короля, был предпринят Третий поход, во главе которого — кроме правителя Франции (Филипп II) и императора Германии (Фридрих Барбаросса) — на сей раз оказался и английский король Ричард Львиное Сердце. Вскоре германский император утонул при переправе через горную реку, а раздоры между английским и французским королями привели к отъезду французских рыцарей, а затем и к столкновениям между ними. Ричард же ни договориться с Саладином, ни взять Иерусалим силой не сумел и перенес столицу королевства в Акру.

Четвертый крестовый поход 1202 г., начатый по инициативе папы Иннокентия III, был хитрым образом использован Венецией, чьи корабли привезли крестоносцев в Константинополь. Дело в том, что Иннокентий вел заблаговременно переговоры с византийским императором Алексеем III, уговаривая его примкнуть к христову воинству. Но император, хорошо понимая хитрую политику понтифика, желавшего подмять под власть римских иерархов еще и православную Византию, отказался. Весьма вероятным кажется предположение, что разгневанный Иннокентий пытался запугать Алексея и, насколько можно предположить, предпринял со своей стороны некоторые действия. Это вполне возможный вывод из того, что случилось дальше, особенно если принять во внимание, что соперником Византии в торговле с Востоком была именно Венеция. Во всяком случае, ясно одно: когда крестоносцы полагали, что они наконец приплывают на венецианских кораблях в Египет, оказалось, что эти корабли доставили их в Константинополь. Как позже выяснилось, интрига как раз и заключалась в том, чтобы натравить западноевропейских рыцарей на Византию.

Рыцари, не впервые уже оказывавшиеся в этой стране и всегда с завистью оценивавшие ее богатства, достаточно легко изменили свои намерения и вступили в войну с Византией. Вскоре они добились развала империи на несколько частей, одна из которых — Латинская империя — просуществовала во главе с крестоносцами до 1261 г. После этих событий крестовые походы на небольшое время были приостановлены. Но затем в 1212 г. последовал трагический Пятый крестовый поход детей (был пущен слух, что невинным подросткам поможет Бог, причем многие поверили), большинство которых, не доехав до цели, были проданы в рабство. Шестой поход удачливого германского императора Фридриха II Гогенштауфена на несколько лет освободил Иерусалим, но вскоре рыцари потеряли его окончательно. Седьмой (1248–1254)

и Восьмой (1270) походы во главе с французским Людовиком IX Святым успеха не имели, а вскоре от бывших европейских владений на средиземноморском побережье не осталось и следа. Заключая рассказ о крестовых походах, необходимо заметить, что основная задача — политическое верховенство — ими, а точнее церковью, решена не была. Ни короли с их рыцарями, ни церковные рыцарские ордена и все мобилизованные во имя спасения Гроба Господня от неверных крестьяне и горожане, даже дети, успеха не добились. Для церкви и папства этот ничейный результат означал, однако, поражение.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ ПОХОДОВ

Казалось бы, авантюра с крестовыми походами была беспроигрышной. Успех означал триумф Рима, а неудачи — даже если их было довольно много — можно было списать на неумение воевать или на досадные случайности. При этом в обоих случаях вся ответственность падала на тех, кто брался возглавить борьбу с неверными за святую Палестину. И в общем в Европе результаты крестовых походов большинством были примерно так и восприняты. Во всяком случае, ответственность за неудачу никто не пытался возложить на Рим. И все же эта неудача оказалась серьезным поражением католической церкви. Более того, примерно с этого времени, с рубежа XIII–XIV вв., католическая церковь и Рим как ее центр начинают, сперва понемногу и постепенно, а затем все более очевидно для всех терять свое влияние в Западной Европе.

Стоит начать с того, что церковь примерно с XII в. для пополнения своей казны стала торговать индульгенциями, т.е. документами, дарующими приобретшим их отпущение грехов. Это достаточно непочтенное, чтобы не сказать постыдное дело стало быстро набирать обороты. Индульгенции и их широкая распродажа (разумеется, при этом не делалось различий между теми, кто приобретал церковные бумаги, даже если это были отъявленные негодяи, грабители и убийцы) сразу же всем ясно продемонстрировали, что церковники пренебрегают главным в их деле, т.е. благочестием и небесной справедливостью. Стремление к беззастенчивой наживе уже в XIII в. и тем более в последующих веках сильно уронило престиж Рима.

Разумеется, это стало заметным далеко не сразу. В XII–XIII вв. церковь была еще авторитетна, причем авторитет ее подкреплялся не столько акциями Рима, сколько именами великих богословов — П. Абеляра (1079–1142), Фомы Аквинского (1225–1274) или Д. Скотта (1266–

1308). В широко распространенных богословских спорах преобладали схоластика и мистика. Однако ситуация в целом, особенно после начала энергичной и все более распространявшейся торговли индульгенциями, ухудшалась. Среди видных богословов все чаще появлялись такие, как Д. Уиклиф (Виклиф, 1324–1384), кто выступал с развернутыми нападками на церковь, осуждал ее за стяжательство, включая торговлю индульгенциями, и претензии на некое пресуществление, которое будто бы давало священнослужителям право совершать таинства. И хотя все такого рода выступления все еще клеймились как ересь, они ясно свидетельствовали о том, что католическая церковь, так много сделавшая для культурного развития стран и народов Западной Европы в первом тысячелетии нашей эры, после бесславной эпохи крестовых походов вступила в полосу стагнации и постепенного разложения. Это разложение, отмеченное более всего практикой распродажи индульгенций, явственно вело к ее крушению или, во всяком случае, к потере ею своего в прошлом столь бесспорного влияния на умы людей, прежде всего из числа причастных к богословию.

Этот упадок влияния церкви, который хронологически совпал с потерей ею политической мощи, что наиболее ярко проявило себя в так называемом Авиньонском пленении пап (1309–1377), речь о котором впереди, был весьма серьезным знаком грядущих перемен. Другим таким знаком стало резко пошатнувшееся положение дел с избранием понтификов. Начиная с последней четверти XIV в. избрание их стало превращаться в непристойное шоу. То избранный оказывался подвергнут критике (а этого церковь прежде категорически не дозволяла — вспомним тезис о непогрешимости понтифика), а вместо него избирали другого. То возникало соперничество между кардиналами разных национальностей, которые выбирали себе своего папу. Возникла ситуация *схизмы*, т.е. раскола. Встал даже вопрос о реформе, причем в этой связи светские правители вспомнили объявленного еретиком Д. Уиклифа, который утверждал, что светские правители имеют право вмешиваться в церковные дела. Все кончилось тем, что они это и сделали.

Обратившись за содействием к богословам почтенных Парижского и Оксфордского университетов, короли ряда западноевропейских стран и кардиналы обеих папских курий созвали в 1400 г. съезд (кроме примерно 200 иерархов церкви было приглашено 300 университетских докторов богословия), на котором объявили обоих пап низложенными. Был избран понтификом Александр V. Казалось бы, проблема решена.

Но новый папа оказался человеком со слабым характером, так что он не сумел крепко взять в руки вожжи. Поняв это, оба низложенных понтифика не торопились подчиниться решениям съезда. В итоге в Западной Европе оказалось сразу трое наместников святого Петра. К этому стоит прибавить появление в Чехии ереси Яна Гуса, развивавшего некоторые позиции учения Д. Уиклифа и добавившего к ним много иных, резко направленных против распущенности иерархов.

Собор иерархов и богословов 1414 г. потребовал низложения всех трех пап (вместо умершего Александра третьим был в это время Иоанн XXIII). Собор резко выступил против Гуса, приговорив его к сожжению на костре, но одновременно восстановил порядок в деле избрания пап. Новым и на сей раз единственным стал Мартин V, понтификат которого был наполнен — чтобы не сказать отравлен — долгой и яростной борьбой с гуситами, сторонниками Гуса. Кроме того, следовавшие один за другим церковные съезды сильно ограничивали власть Мартина и его преемников. Это, разумеется, не поколебало основ католической церкви, но зато показало, что время безусловного господства и притязаний на верховенство Рима уходит в прошлое. Светские государи становились гораздо более реальной силой в Западной Европе.

Глава пятнадцатая. ФРАНЦИЯ, АНГЛИЯ И ГЕРМАНИЯ В XI–XV вв.

Пока в Западной Европе шла ожесточенная борьба церкви и светской власти, которая нашла свое наивысшее выражение в форме провозглашенных Римом и в конечном счете завершившихся неудачей крестовых походов, жизнь во всех европейских странах шла своим чередом. Более того, массовый выход людей за пределы Европы привел к появлению у них новых горизонтов, как политических, так и цивилизационных, в том числе производственно-культурных и бытовых. Проще говоря, европейцы достаточно многое повидали и немалому научились. Были установлены новые связи, получены представления о новых людях и образе их жизни. Это, помимо всего прочего, обогатило каждое из европейских государств знаниями о мире и создало в общем весьма благоприятную ситуацию для ускорения их развития. Следует вдобавок к сказанному принять во внимание, что сравнительно благоприятные природные условия и все возрастающая плотность населения в западноевропейских странах способствовали достаточно быстрому процветанию в них давно уже сложившихся государств.

ФРАНЦИЯ

Едва ли не в первую очередь это относится к государству франков, которое стало именоваться Францией. Особенные успехи в развитии демонстрировали район Парижа, да и весь бассейн рек Сены и Луары. Не отставали и богатые южные, особенно портовые, города. В Марселе, например, производили хлопчатобумажные и суконные ткани, изделия из серебра и эмали, кожи и многие другие продукты, составлявшие основу морской транзитной торговли. Кроме всего прочего, в стране активно развивалось и сельское хозяйство, как зерновое, так и садово-огородное, чему в немалой мере способствовало более широкое применение усовершенствованных железных орудий труда. Немалыми успехами могли похвастать животноводы. Были уменьшены в размерах и облагорожены леса.

Но главное — резко увеличилось количество поселений, в том числе и городов. В стране франков ранее других сложилась сложная, но достаточно стройная система вассально-сеньориальных связей и соответствующая ей иерархическая лестница, строго фиксированная в документах, обстоятельно описывающих взаимные обязательства сторон. Эти обязательства сводились к тому, что одни клялись в верности и обязывались служить, а другие за это вознаграждали и покровительствовали. В какой-то степени этот принцип коснулся и системы взаимоотношений сеньоров с крестьянами. Исчезла практиковавшаяся ранее барщина, а крестьянские земли все чаще становились наследственным владением семьи с обязательством выплачивать господину нормированную продуктовую ренту, правда, нередко с сохранением при этом ряда других унизительных обязательств.

Важно заметить, что города Франции, вначале особенно на юге страны, постепенно, причем подчас в нелегкой борьбе, обретали самостоятельность, либо откупившись от сеньоров, либо заинтересовав их в участии в торговых сделках с определенной долей прибыли. В любом случае сам этот факт освобождения городов от феодальной зависимости был не просто движением вперед, но и — пусть это не покажется парадоксом — возвратом назад, к позднеримской традиции, к тем временам, когда все римские города имели зафиксированное в документах право на муниципальное самоуправление. Стоит заметить, что сложнее всего было договориться с церковными иерархами, которые очень цепко держались за свои привилегии.

Освободившиеся от феодальной зависимости города организовывали по античной традиции самоуправление во главе с выборными консулами и собраниями, в которые входили полноправные горожане, имевшие собственность в городе и платившие налоги. Выступившие несколько позже за свои свободы города северной части страны при этом встретились со значительными сложностями. Их борьба за освобождение от власти феодальной знати нередко сопровождалась кровопролитными восстаниями. Однако следствием этой обостренной формы борьбы за автономию было то, что северофранцузские горожане стали выдвигать более решительные требования. В частности они начали претендовать на создание системы самоуправляющихся коммун. И это движение в конечном счете добилось успеха. Большинство северофранцузских городов получило желанные хартии городских вольностей, т.е. утвержденные королем законодательные документы, имевшие непреложную силу и обеспечивавшие их обладателям практически полное внутреннее самоуправление. Именно это движение городов за свободу положило начало наметившемуся сближению короля с городами как его верными союзниками в борьбе с мятежными феодалами, да и с церковью. Как бы то ни было, но по меньшей мере XIII в. во Франции стал уже веком расцвета городского хозяйства, обилия различных ярмарок и объединений купцов из разных городов, имевших общие интересы.

К этому стоит добавить, что трансформация городов во всей Франции способствовала и развитию крестьянского хозяйства. Крестьяне активно продавали свои продукты на городских рынках, а многие из них, чуть разбогатев, выкупали у своих хозяев наиболее тяготившие их повинности. Земли оставались во владении сеньоров, но рента становилась строго фиксированной и уже не обремененной никакими другими обязательствами. Нередко договоры такого рода были коллективными и касались всей деревни сразу. Крестьяне при этом обретали личную свободу, переставая быть зависимыми *сервами* и становясь свободными *вилланами*. Как правило, после достижения этого борьба за освобождение вступала в новый этап, права сельских общин значительно расширялись и закреплялись письменной хартией, предоставлявшей общине не только право личной свободы для каждого ее члена, но и выборное самоуправление, самостоятельный сбор ренты в пользу казны, короля или сеньора и т.п.

Короли не случайно поддерживали все эти начинания снизу. Они резонно рассчитывали — и расчет этот был справедлив — на ослабле-

ние феодальной знати, которая не просто окружала, но душила их, мешая создать в стране централизованную систему администрации. Укрепление королевской власти шло медленно. Сначала, практически вплоть до конца XII в., шла борьба за усиление власти короля хотя бы в пределах его собственного домена. Одолевая непокорных вассалов и присоединяя к домену одно владение за другим, короли порой сталкивались с непреодолимыми преградами. Они стали особенно заметными, когда королевский вассал Генрих Плантагенет, граф Анжуйский, усилив свои позиции за счет брака с Элеонорой Аквитанской, стал королем Англии. Это привело к появлению на континенте крупных английских владений — Нормандии, Анжу, Аквитании, Пуату и ряда других, которые территориально в совокупности превышали домен короля. И только при Филиппе II Августе (1180–1223) в ходе его ожесточенной борьбы с английским королем Иоанном Безземельным французам в ряде войн удалось захватить Нормандию, а затем энергично потеснить англичан, объявив все их владения во Франции конфискованными. Одерживая победу за победой над англичанами, Филипп II Август при этом неизменно опирался на помощь северофранцузских городов.

После этого он, а затем и король Людовик VIII приложили немало усилий для того, чтобы подчинить королевской власти непокорный, а временами и мятежный юг Франции. Здесь, на юге с помощью церкви (часть южных земель в это время оказалась охвачена ересью альбигойцев, призывавших к простоте и равенству раннего христианства, что вызвало гнев церковных иерархов) они сумели одержать ряд важных побед, а влиятельное Тулузское графство было присоединено к королевскому домену. При Людовике IX (1226–1270) французские Капетинги покончили с альбигойцами, подчинили себе оказывавшие им поддержку южные города, укрепили свою власть в стране и приступили к созданию во Франции крепкого административного аппарата.

Справедливости ради необходимо заметить, что первые и весьма важные административные реформы в этом плане провел еще Филипп II Август. Именно он разделил королевский домен на несколько округов во главе с губернаторами. Позже были созданы Королевский совет из приближенных короля и его близких родственников, влиятельные должности канцлера и коннетабля, а также Парижский парламент (Верховный суд), Палата счетов. Была начата чеканка золотой королевской монеты. Кроме того, был сделан упор на создание во всей стране подчиненной королю администрации. Часть страны была

разделена на административные округа во главе с *прево*, т.е. бывшими управляющими королевских поместий. На юге, где власть короля была слабее, были созданы своего рода генерал-губернаторства, *сенешальства*, соединявшие в одних руках административную, судебную и военную власть. На все вновь созданные должности назначались приближенные короля, обычно из числа представителей знати, пользовавшихся его доверием. Кроме того, в стране был принят строгий принцип майората, ограничивавший выборность наследников короны. Государство перестало считаться чем-то вроде личной собственности короля. При этом король стал олицетворением законодательной власти в стране. Высший королевский суд получил права апелляционного органа, так что последнее слово в случае каких-либо неразрешенных споров всегда было за ним.

Конец XIII и начало XIV в. были периодом продолжения политики централизации и по существу постепенно вели страну к начальной стадии ее дефеодализации. В начале XIV в. домен короля занимал уже 3/4 королевства, а для содержания аппарата власти был введен вызвавший недовольство народа косвенный налог на продаваемые в стране товары. Введший этот налог Филипп IV (1285–1314) Красивый, усилиями которого королевский домен был значительно увеличен в размерах, вел себя достаточно жестко по отношению к подданным, особенно имущим. Он требовал займы у городов, не возвращая их, изгонял из Франции евреев-ростовщиков и явно стремился ограничить городские вольности, поставив для управления ими своих чиновников. Но перед лицом окрепшей королевской власти стали активно защищать свои интересы и дворяне, и духовенство, и горожане. А поскольку королевская власть не располагала достаточными средствами, чтобы обойтись без помощи всех этих сословий, то неудивительно, что в рамках приходящей на смену прежним всесильным феодалам новой многосословной системы организации централизованной администрации был создан комплексный административный орган. Имеются в виду Генеральные штаты, сыгравшие важную роль в борьбе Филиппа с папой Бонифацием VIII, который запретил светской власти взимать налог с духовенства. Как известно, Филипп сумел одолеть эти притязания и наказал Бонифация, что проявилось в форме знаменитого Авиньонского пленения пап (1309–1378).

Это пленение, продолжавшееся достаточно долго и сопровождавшееся активным вмешательством французской короны в дела Рима, включая выборы новых понтификов, было печальным для

католической церкви. Оно стало предвестником резкого ослабления ее политических позиций и вскоре последовавшей за этим уже упоминавшейся схизмы, в результате которой престиж папства на рубеже XIV–XV вв. упал до самого низшего своего уровня.

Впрочем, этим наступление Филиппа на церковь не ограничилось. Еще в 1309 г. он выступил против влиятельного церковно-рыцарского ордена тамплиеров, который тоже был в числе его щедрых кредиторов. Не желая платить долги (это было одной из характерных черт прижимистого короля Филиппа), он, воспользовавшись ссорой с понтификом и Авиньонским пленением преемников Бонифация, сумел обвинить руководителей ордена в ереси и по решению суда добился их казни. В итоге орден был ликвидирован, а его огромное имущество перешло во французскую казну. Стоит заметить, что ликвидация ордена происходила в форме коварных интриг и крайней степени жестокости по отношению к его руководству. Как известно, стоя на медленно горевшем костре (это была последняя изуверская форма издевательств Филиппа), великий магистр ордена де Моле публично проклял и Римского папу, и весь род Филиппа. И как то ни покажется мистикой, проклятие сбылось. Папа и Филипп умерли через несколько месяцев, а затем в течение немногих лет один за другим ушли на небеса, не оставив наследника мужского пола, трое молодых сыновей французского короля.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ И СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1337–1453)

Несмотря на столь страшный финал, нельзя не отметить, что деятельность Филиппа IV была отмечена немалыми достижениями, включая и военные успехи. Существенно в первую очередь обратить внимание на то весьма немаловажное обстоятельство, что созданные Филиппом Генеральные штаты оказали заметную поддержку королю в его финансовых претензиях ко всем, начиная с упомянутых уже влиятельнейших церковных иерархов, будь то предводители ордена тамплиеров или сам Римский папа. Генеральные штаты как государственный институт высшего ранга стали со времен Филиппа играть во Франции роль важнейшего финансового органа, регулирующего налоговую систему страны. А так как налоги в казну так или иначе должны были платить все (времена налоговых иммунитетов давно уже практически ушли в прошлое), то неудивительно, что со временем роль этого учреждения все возрастала. А численность его увеличивалась прежде всего за

счет представителей лояльных по отношению к королю городов, за счет прежде всего богатых и влиятельных горожан.

Горожане, это будущее официально оформленное третье сословие, и их налоги позволяли королевской власти успешно бороться не только с церковными иерархами, орденами и самим папством, но и с непокорными аристократами. Введение представителей горожан в состав Генеральных штатов было в создавшихся условиях естественным, само собой разумеющимся и в то же время очень удачным политическим ходом. Сделав этот важный ход, Филипп Красивый создал условия для значительного укрепления королевской власти и централизованной администрации во Франции. А это, как о том уже немало было сказано, объективно создавало условия для уменьшения значимости феодализма как соперничавшей с королем системы и вместе с ним прежде столь большой политической силы влиятельной владетельной знати в стране.

Сказанное отнюдь не означает, что короли во Франции с этого времени стали полновластными. Этому препятствовало множество различных обстоятельств и не в последнюю очередь слабость династий. В частности, когда в 1328 г. случилось так, что ни один из умерших в сравнительно молодом возрасте сыновей Филиппа не оставил мужского потомства (вспомним проклятие де Моле!), проблема заполнения престола оказалась в руках высшей знати страны. Она предпочла посадить на трон Франции Филиппа VI Валуа, представителя одной из боковых ветвей Капетингов. Трудно сказать, чем это было вызвано. Но династия Валуа пришла к власти в нелегкое для страны время. Нельзя не напомнить, что одновременно с Филиппом VI на королевский трон Франции претендовал внук Филиппа IV английский король Эдуард III, сын дочери французского короля. И хотя отказ ему в праве на французский трон нельзя считать главной причиной обострения англо-французских отношений, которые привели обе державы к так называемой Столетней войне, этот отказ сыграл свою роль в сложившейся политической ситуации. Суть же ситуации, о которой идет речь, заключалась в том, что англичане стремились вернуть французские земли, утраченные при Иоанне Безземельном. Кроме того, между Англией и Францией назревал конфликт из-за богатой промышленно развитой Фландрии.

Во Фландрии позиции Франции были предпочтительней. Филипп VI помог фландрскому графу противостоять влиятельным городам и тем обрел немалое влияние на дела в этой небольшой стране.

Однако для успешно развивавшейся промышленной Англии Фландрия была жизненно необходимой. Да и жители Фландрии остро нуждались в английской шерсти. Словом, причин для военного столкновения двух держав было более чем достаточно. Война становилась неизбежной, хотя ни одна из сторон не предполагала, что она будет столь длительной.

Столетняя война стала логическим завершением территориального спора между двумя уже давно сложившимися державами. Эта война (1337–1453), втянувшая в конфликт и многие другие европейские страны, проходила в сложных обстоятельствах и сопровождалась многими важными событиями. На первых порах она шла при явном и весомом преимуществе англичан, разгромивших французскую армию в битвах при Креси (1346) и при Пуатье (1356). Эти поражения были тяжелым ударом для династии Валуа. На созванных Филиппом VI Генеральных штатах, которые должны были вотировать налоги для продолжения войны, король выслушал немало горьких упреков со стороны прежде всего представителей городов, на кошельки которых ложилась основная тяжесть военных расходов. А когда французский король Иоанн Добрый после битвы при Пуатье сам попал в плен к англичанам, Генеральные штаты собрал уже его сын Карл, который отказался от требования подчиниться контролю Генеральных штатов во всех делах, касающихся продолжения войны. Недовольство горожан ведением военных действий стало настолько резким, что выплеснулось на улицу. В Париже вспыхнуло восстание горожан, после чего Карл вновь созвал Генеральные штаты и согласился провести в стране ряд реформ.

Согласно выпущенному Карлом ордонансу, Генеральные штаты получили право собираться по собственной инициативе дважды в год, назначать королевских советников и обладать исключительным правом решать вопрос о налогах. Одновременно Карл заключил перемирие с англичанами и удалился из охваченного недовольством Парижа. Тем временем обстановка в стране накалялась. На помощь недовольным парижанам выступили в 1358 г. восставшие крестьяне северной части Франции, поля военных действий. Недовольство ходом войны, равно как и сопровождавшими ее грабежами англичанами и мобилизацией крестьян для укрепления замков видных сеньоров, — все это вызвало острое недовольство населения и привело к крестьянскому восстанию, известному под наименованием «Жакерия». Восставшие двинулись было к бурлившему недоволь-

ством Парижу. Но в городе не слишком радовались этому, опасаясь непредсказуемых последствий от союза с разоренной крестьянской беднотой. Тем временем король Наварры Карл Злой, втайне мечтая о французском престоле, взял в свои руки инициативу и летом 1358 г. напал на восставших и сумел одержать победу. С Жакерией было покончено, а попытки Карла Злого захватить Париж потерпели неудачу. В столицу Франции возвратился дофин Карл, вскоре ставший королем Карлом V. Он предпринял ряд решительных шагов, в частности, потеснил некоторых феодальных властителей. Король заставил герцога Бретанского признать вассальную зависимость от Франции, изгнал, конфисковав его королевство, Карла Злого, укрепил свои позиции в Бургундии. Кроме того, Карл V умерил власть Генеральных штатов, добившись права собирать налоги самому в случае острой нужды, и, что едва ли не наиболее важно, реорганизовал армию, включая и созданный фактически заново военный флот. Реформы принесли успех. Карл умело лавировал в политике, то соглашаясь на мир и уступая англичанам часть французской земли, то вновь возвращаясь к боевым действиям. С 1369 г. англичане постепенно отступали, освобождая захваченные ими французские территории. К концу царствования Карла V, в 1380 г., у англичан оставалось лишь несколько приморских портов Франции в районе Па-де-Кале.

Однако с приходом к власти его сына, юного Карла VI (1380–1422), ситуация в стране изменилась. Сильные феодальные властители, близкие родственники короля, стали вести активную междоусобную войну. Городские и крестьянские волнения были ответом на эти междоусобицы. В сложившихся условиях военная удача вновь выпала на сторону англичан, возобновивших активные военные действия в 1415 г. Английские войска на этот раз действовали более чем удачно и, подойдя почти к Парижу, вынудили Карла VI пойти на серьезные и унизительные уступки. Только неожиданная смерть английского короля Генриха V спасла Францию от присоединения ее к Англии. Новый французский король Карл VII (1422–1461), будучи вынужденным бежать из Парижа, не знал, как спасти страну от наступавших на нее англичан. И здесь на политическую сцену Франции выступила Жанна д'Арк, величайшая из героев этой страны.

Страдавшая галлюцинациями крестьянская девушка, которой — как в свое время пророку Мухаммеду — по ночам слышались голоса, была убеждена в том, что на ее долю выпало спасти страну. Обретя с помощью

поверивших ей сограждан рыцарские доспехи, Жанна отправилась к королю и призвала его начать военные действия под Орлеаном. Король, не имея альтернативы, не только поверил Жанне, за которой уже шла молва, призывавшая слушать ее и верить ей, но и назначил ее руководителем войска. Смело возглавив французскую армию и демонстрируя жесткость руководства и разумность военных маневров, Жанна добилась потрясающего успеха, одолев войско англичан и освободив в 1429 г. Орлеан. После этого Орлеанская дева, как ее стали именовать, одерживала одну победу за другой. Однако высшая знать Франции была испугана ее популярностью и при первом удобном случае способствовала тому, чтобы она попала в плен. Англичане объявили ее колдуньей и в 1431 г. сожгли на костре, а Карл VII, тоже явно напуганный успехами Орлеанской девы, не пытался ее спасти. Лишь много лет спустя он приказал пересмотреть решение суда церковников и оправдать Жанну. Но великая героиня сделала свое великое дело. Военная удача отказала англичанам, которые стали терпеть одно поражение за другим. Столетняя война близилась к концу, а результатом ее было освобождение территории Франции от англичан.

Итоги Столетней войны оказались благоприятными для Франции. На волне патриотического подъема усилилась власть короля и были ослаблены позиции владетельной знати. Генеральные штаты на время прекратили свою активную деятельность, а энергичный рост влияния централизованного правительства Карла VII и его сына Людовика XI (1461–1483) привел к тому, что последний могущественный соперник французского короля бургундский герцог Карл Смелый, владевший в то время и Нидерландами, был побежден с помощью коалиции фландрских городов и Швейцарии. Присоединив к своим владениям Бургундию, а также Прованс с его главным торговым портом Марселем, Людовик XI завершил объединение Франции. Этот король многое сделал и для развития экономики страны, ее торговли и культуры. Его правление заложило основы французского авторитаризма, что означало очередной и очень важный шаг в процессе дефеодализации Франции, бывшей прежде едва ли не образцом западноевропейского феодализма.

Территориальное воссоединение Франции и окончание длительных и иссушающих страну войн оказало благотворное воздействие на возрождение экономики и культуры страны. И если в сфере экономики больших сдвигов еще не ощущалось, то значительные позитивные перемены в остальных сферах жизни можно четко зафиксировать. Больших успехов достиг в стране интерес к ее истории, далекому про-

шлому. Появилось немало хроник и мемуаров, росло число литературных произведений разного жанра, расцветала поэзия, получили развитие театральные постановки, особенно те из них, что обличали разврат знати либо церковников, алчность богатых. И хотя крупных, тем более великих имен этот период истории Франции еще не оставил, то, что было сделано предшественниками великих, заслуживает внимания. Сделанное ими было началом, но это начало в самых разных сферах литературы, культуры, науки и искусства было многообещающим.

АНГЛИЯ

Регулярные набеги викингов проложили дорогу этому воинственному народу на Британские острова. Несмотря на отчаянное сопротивление англо-саксов, дело завершилось тем, что герцог Нормандии Вильгельм в 1066 г. с большим войском переплыл через Ла-Манш и в знаменитой битве при Гастингсе наголову разбил ослабленное схватками с другими врагами войско короля Гарольда, павшего в неравном сражении. Захватив Лондон, герцог объявил себя королем Англии и, подавив восстания тех, у кого он отнял земли для своих приближенных, присвоил себе львиную долю земель, а остальные отдал пришедшим с ним рыцарям и нормандским баронам. Перепись 1086 г. («Книга Страшного суда», как ее называли) позволила точно установить во всех графствах и сотнях страны количество подданных, земель, скота и всего прочего имущества, включая доходы. Перепись дала возможность Вильгельму Завоевателю точно знать, какими доходами располагают его английские вассалы, и заодно усилила степень зависимости прежде практически свободных крестьян-вилланов от своих новых господ. Уровень зависимости и количество зависимых разных категорий увеличивались и в XII в., хотя в стране все же более половины земледельцев оставались свободными *фригольдерами*. Согласно полученным данным, всего в Англии проживало в то время около полутора миллионов человек, причем 95% их жило в деревне.

Кроме земледелия большую роль в системе хозяйства английских крестьян уже в XI в. играло овцеводство. Овечья шерсть продавалась в соседнюю Фландрию, где из нее выделывали великолепные сукна, о широкой торговле которыми европейскими купцами уже упоминалось. В стране сложилась система феодальных поместий-маноров, земли которых обрабатывались зависимыми крестьянами, виллланами, на правах барщины. Росли и многочисленные поборы в виде оброка либо разовых взносов, включая и церковную десятину. С пор-

мандским завоеванием ускорился процесс возникновения городов. Если до Вильгельма их было по всей стране не более сотни, то после завоевания, причем в основном на территории домена короля, начали быстрыми темпами возникать новые. Освобожденные от феодальных выплат и платившие королю лишь небольшой налог, английские города, однако, не стали самоуправляющимися коммунами, как то бывало во Франции либо независимыми, как в Ломбардии. Но обретенная ими определенная доля самоуправления позволила им активно торговать шерстью, скотом, затем также зерном и кожами и многими другими изделиями. В процветавших городах появлялись торговые гильдии и ремесленные цехи, выделялись богатые горожане, за чей счет в первую очередь производился выкуп все новых льгот и привилегий. Новые власти активно поддерживали торговлю, включая большие ярмарки, на которых продавались продукты сельского хозяйства и прежде всего шерсть, вывоз которой особенно усилился в связи с установлением хороших отношений с материком, как с Нормандией, откуда король был родом, так и с Фландрией[1], откуда родом была его жена.

Вильгельм ввел в Англии новую и выгодную для центра систему власти. В отличие от континента, где господствовало правило «вассал моего вассала — не мой вассал», превращавшее крупную знать во всесильных соперников короля, в Англии была создана иная норма. Сущность ее сводилась к тому, что не только бароны, но и вассальные по отношению к ним рыцари обязаны были — согласно «Солсберийской присяге 1085 г.» — нести службу в королевском войске и приносить присягу верности королю. Характерной для континентальной Европы многоступенчатой феодальной иерархии Англия не знала. При этом поместья наиболее влиятельных баронов были, как правило, — почти как у японцев с их сёэн — разбросаны по разным графствам. Мало того, в стране не было и разговора о налоговом иммунитете. Напротив, все владельцы имений были обязаны, кроме несения военной службы, платить налоги в королевскую казну, особенно ощутимые при наследовании.

Преемники Вильгельма сделали ряд дальнейших шагов для укрепления власти центра. Была увеличена роль Королевского совета, куда входили ведомства, ведавшие казной и королевским судом. Суду при

[1] Фландрия, в будущем часть Голландии, входила в те времена, да и позже, в состав Франции.

сыне Вильгельма Генрихе I (1100–1135) уделялось особое внимание: специальные судебные чиновники регулярно разъезжали по стране и осуществляли нечто вроде строгого и беспристрастного судебного надзора. В то же время в рамках графств и сотен по-прежнему действовали покровительствуемые властями традиционные местные суды, разбиравшие мелкие дела. После смерти Генриха I, не оставившего наследника, королем Англии в итоге соперничества двух претендентов из числа близких его родственников (оба были французами), стал сын его дочери Матильды Анжуйской Генрих Плантагенет, женатый на Элеоноре Аквитанской. Генрих II (годы правления 1154–1189) был человеком весьма образованным, хотя и не знавшим английского. Он принес Англии в качестве приданого немалую долю французской земли, что впоследствии послужило главной причиной Столетней войны.

Генрих II провел в Англии ряд серьезных реформ. В первую очередь он все делал для того, чтобы ослабить мощь баронов. Срыв многие замки и распустив военные дружины своих вассалов, он стал назначать на важные государственные должности графов и шерифов верных своих ставленников, подчиненных Королевскому совету. Придавая, как и Вильгельм, большую роль закону и праву, он ввел норму, согласно которой любой за некоторую плату получал право отказаться от вотчинного суда, где по старинке использовался принцип *божьего суда* (испытание водой, огнем и т.п.) в пользу королевского суда присяжных. И хотя далеко не все, особенно из бедных и зависимых крестьян, могли воспользоваться этой возможностью, сам по себе факт был знаменательным и многое значил для укрепления королевской власти и законности в стране. В Англии начало постепенно вырабатываться знаменитое *common law*, которое вскоре легло в основу всей судебной системы Британии.

Военная реформа Генриха Плантагенета свелась к тому, что он ограничил срок воинской службы вассалов-баронов, беря вместо этого с них *щитовые деньги*, на которые он мог нанимать рыцарей. Это уменьшало зависимость короля от всесильных баронов и содействовало постепенной дефеодализации государственной структуры и централизации власти. Мало того, новая армия помогла Генриху II несколько потеснить Шотландию, поставив ее правителя в вассальную зависимость от английской короны. Правда, этот вассалитет продержался недолго. Но начало наступлению на Шотландию было положено. Генрих II стремился противостоять церковным иерархам, что было провозглашено им на церковном соборе в Кларендоне в 1164 г.

В частности, он настаивал на том, чтобы высшие английские иерархи имели сношения с Римом только с его ведома. Архиепископ Англии, известный богослов Фома Беккет, а также поддерживавшие их бароны были резко против притязаний королевской власти. А когда Генрих приказал убить Беккета, в стране начались волнения, усугубленные угрозами Рима отлучить короля от церкви. Генриху пришлось покаяться и отказаться от своих притязаний. Однако последовавшее за тем в 1171–1174 гг. завоевание Генрихом Ирландии помогло ему не только приобрести новые земли и подданных, но и окончательно уладить отношения с Римом, для которого независимая церковь Ирландии была бельмом на глазу.

К концу XII в., при Ричарде Львиное Сердце (1189–1199), который большую часть своего правления провел вне страны, воюя в составе крестоносцев за Гроб Господень в Иерусалиме, Англия добилась немалого. В ней было уже 280 городов, в большинстве своем процветавших. Многие из них имели различного рода льготы и привилегии, закрепленные в специальных документах, хартиях. Активно вовлекалась в рыночные связи и поставлявшая городам продукты деревня. Владельцы маноров также стремились не отставать от этих выгодных операций, следствием чего были частые споры за общинные угодья и за сохранение зависимости крестьян от их господ. Однако в этой борьбе все большую силу обретали зажиточные крестьяне из числа виллanов и земледельцев иных категорий, часть которых все чаще сближалась в статусе со свободными фригольдерами.

Начало XIII в. совпало с обострением политического конфликта брата Ричарда Львиное Сердце короля Иоанна Безземельного (1199–1216) с захватившим многие его французские владения французским королем Филиппом II Августом. А конфликт с папой Иннокентием III, назначившим главой английской церкви архиепископа Кентерберийского без согласия Иоанна, привел к разрыву отношений с церковью и отлучению от нее короля. Бароны и рыцари Англии, недовольные политикой короля, взимавшего с них все новые и новые налоги на нужды Столетней войны, воспользовавшись этим, выступили против короны. Бурлил недовольством и весь Лондон. Горожане осуждали многие необдуманные действия правителя, включая его разрыв с Римом. Недовольство усугублялось неудачными военными действиями англичан во Франции, где ряд провинций были возвращены под власть французской короны. В итоге Иоанн — как и в свое время его отец — должен был покаяться, чем воспользовались недовольные им бароны. В 1215 г.

Иоанн Безземельный был вынужден пойти на уступки недовольным и под их серьезным нажимом подписать знаменитую Великую хартию вольностей.

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ И ПАРЛАМЕНТ АНГЛИИ

Состоявшая из нескольких десятков статей, эта Хартия обеспечивала немало прав и льгот всем свободным людям страны. Особо оговаривались права и привилегии баронов, рыцарей и городов, которым гарантировалось самоуправление, а также крестьян-фригольдеров. Более умеренный характер имели статьи, касавшиеся вилланов. Но при всех ее недостатках Хартия вольностей была действительно великим документом. Хотя по букве Хартии большинство выгод доставалось баронам (они освободились от «щитовых денег») и церковникам, меньше рыцарям и тем более простым крестьянам, этот документ оказался выгоден всем свободным, сохраняя для них защиту королевского суда. Особенные льготы получили, о чем стоит особо упомянуть, города. Как и во Франции времен Генеральных штатов, они стали ощущать себя весьма важным для страны ее третьим сословием, что сыграло в истории Англии немаловажную роль.

Правда, вскоре после 1215 г. Иоанн, помирившись с папой, отказался было соблюдать Хартию. Этот отказ резко восстановил против него все сословия страны. Бесцеремонное обращение с населением приводило ко все нараставшему недовольству. Ускоренное развитие городов и торговли, успехи земледелия при сохранении зависимости вилланов создавали в стране обстановку напряженности. Люди помнили все то, что было им обещано Хартией, но так и не было реализовано. Они надеялись, что король исполнит свое обещание. Год спустя после подписания Хартии Иоанн умер. Спрашивать больше было не с кого. Малолетний сын Иоанна Генрих III (1216–1272) долго не мог отвечать за управление страной. А когда он взял в руки власть, то оказалось, что в борьбе с наседавшими на него английскими баронами король предпочел опереться на своих французских родственников (его жена была из Франции), которым он стал щедро раздавать поместья в Англии. Более того, он начал требовать от страны денег для войны за сицилийскую корону для своего сына (эта корона была обещана ему Римом, с которым Генрих установил хорошие отношения).

Недовольство действиями Генриха III привело к новому конфликту короля с баронами. В июне 1258 г. бароны собрались в Оксфорде

и потребовали от короля прекращения вымогательства у них денег, удаления всех иностранных приближенных, и проведения политики иод контролем баронов. «Оксфордские провизии», как были названы эти требования, вначале были приняты Генрихом. Однако вскоре, в 1259 г., собравшиеся в Вестминстере английские рыцари выступили против привилегий для баронов. Они выдвинули свои требования, так называемые «Вестминстерские провизии», в которых высказывались протесты против своеволия королевских судей и шерифов. К рыцарям примкнули многие горожане, подчас и крестьяне. Более того, часть баронов во главе с графом Лестерским Симоном де Монфором заключила с ними союз. В стране возникла мощная и революционно настроенная коалиция недовольных. Дело кончилось тем, что эта коалиция во главе с Монфором в 1264 г. разбила войско баронов и захватила в плен короля. В начале 1265 г. Симон де Монфор созвал в Англии парламент, на заседаниях которого могли присутствовать все бароны и епископы, по два рыцаря от каждого графства и по два представителя от каждого замстного города. Английский парламент, как и французские Генеральные штаты в наиболее острые моменты Столетней войны, стал теперь хозяином положения в стране.

Создание парламента многими в стране было воспринято как победа над королем. Но вскоре часть баронов бежала из Лондона, а принц Эдуард возглавил коалицию недовольных Монфором. Осенью в сражении Монфор был убит, а королевская власть вновь укрепилась. Однако, несмотря на это, парламент остался. Более того, он продолжал укреплять и отстаивать свои полномочия. Оценив значение этого учреждения, король Эдуард и его преемники справедливо увидели в нем противовес всесилию баронов и возможность привлекать к себе в случае нужды городскую верхушку. В 1297 г. король даже издал указ, специально подтверждавший действие Хартии и право парламента вотировать налоги.

Годы правления Эдуарда I (1272–1307) были отмечены удачными войнами в Уэльсе и Шотландии, причем для ведения этих войн, особенно с шотландцами, потребовалось финансовое содействие парламента. Поэтому после ряда конфликтов парламенту в XIV в. был предоставлен ряд дополнительных прав, включая очень важное право издания законов. При Эдуарде III (1328–1377) это высшее представительное учреждение Англии стало представлять четыре сословия — баронов, рыцарей, иерархов церкви и горожан. Сам парламент начал делиться на две палаты — лордов (т.е. баронов и некоторых

иных аристократов; иногда всех их именовали пэрами) и общин. Роль парламента особенно возросла в годы Столетней войны, когда именно это учреждение вотировало средства на ее ведение.

В годы правления Эдуарда III Столетняя война на начальном ее этапе приняла, как о том уже шла речь, благоприятный для англичан оборот. Но позже ситуация стала меняться. Начать с того, что страшная и прокатившаяся по всей Европе чума середины XIV в. с особой силой ударила по Англии, лишив ее примерно трети населения. Ценность уцелевших рабочих рук возросла, в результате чего было издано так называемое рабочее законодательство, обязывавшее работать за ту же цену, что и до эпидемии. Этот королевский указ привел к массовому недовольству нищих батраков, к росту недовольства по всей стране, что нашло свое отражение, в частности, в легендах и балладах о справедливом разбойнике Робин Гуде. Кроме того, давление со стороны церковников, требовавших свою десятину несмотря ни на что, было поводом к очередному обострению отношений в стране. К этому существенно добавить, что в 1377 г. из-за неудач в Столетней войне был введен новый поголовный налог, вызвавший массовое недовольство. Все это, собственно, и стало причиной восстания Уота Тайлера. Правда, идейная подоплека этого восстания была по меньшей мере частично связана с проповедями уже упоминавшегося Д. Уиклифа, выступившего против стяжательства церковников, за удешевление церкви и превращение ее в национальную организацию (он даже перевел Библию на английский язык).

Проповеди Уиклифа имели успех. Король и парламент, рыцари и горожане, а затем даже и нищие приходские священники-*лолларды*, последователи Уиклифа, единодушно выступили против зависимости английской церкви от папства. Однако общая ситуация в стране тем временем настолько ухудшилась, что послужила причиной упомянутого восстания 1381 г. во главе с Уотом Тайлером, которое было — правда, далеко не сразу — подавлено. Итогом восстания было заметное ослабление феодальных порядков в Англии. Это был еще один важный шаг по пути дефеодализации страны. Антифеодальные настроения наиболее наглядно проявились в том, что зависимость крестьян от сеньоров была фактически ликвидирована. Крестьянское землевладение укреплялось, а земли феодальной знати начали обрабатываться преимущественно батраками или сдаваться в аренду. Деревня стала основой товарного хозяйства. В стране появилось так называемое новое дворянство, *джентри*, состоявшее из обедневших

рыцарей, богатых горожан или зажиточных крестьян. Английские джентри, по статусу и тем более по роду занятий сближавшиеся с городским бюргерством, предбуржуазией, начали делать основной упор на овцеводство, дававшее столь высоко ценившуюся на европейском рынке шерсть. Соответственно в городах активно развивалось суконоделие. По количеству вырабатываемого и вывозимого на рынок сукна Англия к концу XV в. заняла первое место в Европе.

Стоит заметить, что и богатые горожане со своей стороны нередко вкладывали часть своих денег, дабы приобрести земли, причем не только и даже не столько для того, чтобы выращивать овец, сколько ради того, чтобы получить статус дворянина и тем упрочить свои позиции. Очень важно обратить внимание на то, что новое дворянство, джентри, стояло за укрепление власти центра, ибо это гарантировало им их бизнес. Иное дело — «старые» дворяне, бароны и рыцари, которые, теряя свои экономические позиции в стране, с тем большей энергией боролись за сохранение политических привилегий и потому не были заинтересованы в укреплении центральной власти. Эта часть английской знати в первой половине XV в. была еще достаточно сильна. Она использовала свою силу и влияние в своих владениях для того, чтобы проводить в палату общин своих ставленников. Более того, она сумела повлиять и на политику страны в целом.

ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ В АНГЛИИ

Вообще XV в. вызвал новые и очень серьезные события в политической жизни Англии. Еще в 1399 г. был вынужден, по настоянию баронов северной части страны, покинуть престол Ричард II, последний из Плантагенетов. Вместо него северные бароны поставили Генриха IV Ланкастера, сын которого, Генрих V, возобновил утихшую было Столетнюю войну за французские владения. Война, однако, не принесла Англии победы. Деятельность Жанны д'Арк способствовала мобилизации сил Франции, и война в конечном счете была выиграна именно ею. Естественно, это привело к росту недовольства, которое вначале вылилось в форме народного восстания Джека Кэда, а затем переросло в междоусобную борьбу баронов, разделившихся на два лагеря, с одной стороны, защитников правивших, но не оправдавших надежд Ланкастеров, а с другой — их противников Йорков, также претендовавших на трон. Война Алой и Белой розы (на гербе Ланка-

стеров была алая роза, у Йорков — белая) затянулась на тридцать лет (1455–1485).

Эта война была одной из самых кровавых гражданских войн в истории Англии. Кроме всего прочего, соперничество аристократических элит привело к появлению дьявольских интриг и коварных убийств, в ходе которых члены обеих группировок изрядно потрепали друг друга. Великое множество английских аристократов сложили свою голову в кровавой схватке за власть. А война завершилась тем, что обе группы баронов в конечном счете потерпели поражение. Королем Англии стал Генрих VII Тюдор (1485–1509), один из дальних родственников дома Ланкастеров. Тюдоры пришли к власти в фактически новой Англии. Истребительная война одних баронов с другими за тридцать лет привела к гибели весомого большинства знатных домов Англии, что сильно укрепило королевскую власть, сделало еще один серьезный шаг по пути к дефеодализации страны и созданию в ней сильной централизованной власти короля, несколько ограниченной парламентом. Речь, разумеется, не идет о том, что эффективная власть центра сразу же и окончательно покончила с феодалами и феодализмом. Знатные дома продолжали существовать, иметь немалые владения и доходы (как известно, палата лордов есть в Англии и сегодня), но их влияние и роль в стране постепенно продолжали уменьшаться. И именно этот важный процесс, протекавший параллельно с укреплением городов и расцветом бюргерства, вел к постепенному выходу на передний план принципиально новой социополитической структуры — капитализма, пусть вначале в форме слабого еще предкапитализма.

Столетняя война, как и война Алой и Белой розы (в обеих Англия по сути потерпела поражение), оказались в конечном счете едва ли не благом для этого государства. Отказ от притязаний на чужие земли обеспечил островному государству достаточное спокойствие на долгие годы, а взаимоистребление баронов сыграло на руку развитию страны по новому и многообещающему для нее пути. На передний план в Англии XV в. и тем более последующих веков вышли новые социальные слои, связанные теперь уже не столько с борьбой за власть, сколько со стремлением к обогащению. В стране быстрыми темпами складывался рынок, развивалась торговля. Конец борьбы с французами, которые то и дело вмешивались в той либо иной форме в дела Англии, привел к тому, что народный английский язык стал государственным и по сути единственным.

С XV в. Англия вступила — едва ли не раньше всех остальных государств Западной Европы — на путь раннебуржуазного развития во многих сферах жизни. В ее университетах появились серьезные ученые, разрабатывавшие проблемы фундаментальной науки. Имена Дунса Скотта и Вильяма Оккама уже никак не были связаны с университетским богословием и теориями прежде заполнявших кафедры служителей церкви. Влияние Д. Уиклифа, хотя он и был официально объявлен еретиком, заметно сказывалось на работах выдающихся представителей ранней литературы, в частности Д. Чосера, автора «Кентерберийских рассказов». Изобретение книгопечатания, получившего широкое развитие и распространение в стране, познакомило англичан с переводами многих древних, особенно римских, классиков античной литературы. Появился в Англии театр, этот важный предвестник великого взлета времен У. Шекспира, немалых успехов достигла архитектура (английская готика всегда вызывала и поныне вызывает у ценителей немалый интерес). Словом, Англия быстрыми темпами двигалась вперед, имея все основания вырваться к финишу европейского средневековья ранее многих других стран остального западного мира.

ГЕРМАНИЯ

В начале X в. при короле Генрихе I Птицелове (919–936) все германские земли входили в административно слабое и децентрализованное тевтонское королевство. При его преемнике Оттоне I (936–973) ряд успешных войн и немалые территориальные приобретения в Италии позволили королю с помощью Рима приобрести высокий титул императора Священной Римской империи, который вслед за тем долгое время носили и его преемники. Надо заметить, что это звучное наименование не было подкреплено никакой реальной силой. Совсем напротив, из трех государств, которые были распределены между внуками Карла Великого по Вердэнскому договору 843 г., Германия, особенно после Оттона I, была если и не наиболее слабой (Италия вообще не была единым государством с одним всеми признанным правителем и по меньшей мере северная ее часть то и дело оказывалась под властью немцев, а подчас и не только она), то во всяком случае много более слабой, чем Франция. Об Англии, не входившей в состав державы Карла Великого, в этой связи говорить не приходится.

Словом, не Германия, а Франция долгие века позднего средневековья задавала тон в континентальной Европе, а вот императорами

Священной Римской империи были сменявшие друг друга немецкие правители, чаще всего герцоги различных земель Германии. Во времена Оттона II (973–983), который совершил ряд удачных походов и во Францию, и в Италию, а также усмирил недовольство ряда немецких герцогов, однако, складывалось впечатление, что немецкие императоры стремятся оправдать свой высокий титул и вот-вот смогут этого достигнуть. Но начиная с его преемника Оттона III (983–1002), который пытался было закрепить за собой власть в Италии, и особенно следовавшего за ним Генриха II (1002–1024), тоже несколько раз совершавшего походы в Италию, стало ясно, что основать серьезную империю саксонским правителям не удастся. Их претензии на некое возрождение не столько даже античного Рима, сколько могущества хотя бы державы Каролингов, этого недавно ушедшего в прошлое государства, оказались несостоятельными. Более того, бесславно прекратила свое существование сама династия.

В 1024 г. в связи со смертью бездетного Генриха II на смену выходцам из Саксонии трон германских императоров заняла новая династия, на сей раз из герцогов Франконии. Франконские правители Священной Римской империи (1024–1125) пытались проводить ту же политическую линию, причем вначале небезуспешно. Избранный на съезде немецких князей Конрад II (1024–1039) , сумел включить в состав империи Бургундию, а также сохранить некоторые владения в постоянно бунтовавшей Италии и добиться определенных успехов в столкновениях с Венгрией и Польшей. Генрих III прославился тем, что сумел активно вмешаться в дела Рима, где он сменял по своей воле одних понтификов и замещал их другими, добившись в конечном счете того, что очередным папой стал немец. Папы из числа немцев были наместниками святого Петра с 1046 по 1057 г. и своей деятельностью подготовили католическую церковь к серьезным реформам. Но германские императоры явно недооценили характер этих реформ. Уже Генрих IV (1056–1106) столкнулся в этом смысле с преградой, которую он не смог осилить. Речь о Гильдебранде, знаменитом папе Римском Григории VII.

Формально спор начался, как о том уже упоминалось в главе о взаимоотношениях церкви и светской власти, из-за практики инвеституры. Спор этот был не случайным, от его решения зависело, под чьей властью должна находиться церковь в той или иной европейской стране. И вообще, за кем должно быть верховенство, за государем или понтификом. Как уже было дано понять в главе о крестовых походах,

едва ли не основная цель этих сыгравших огромную роль в средневековой истории военно-политических акций было именно стремление Рима упрочить свое зыбкое положение и добиться всеми признанного верховенства церкви. Требования такого рода начали выдвигаться понтификами еще до крестовых походов. В ответ на требования папы Григория VII император заявил, что не признает его верховенства, после чего как бы в подтверждение своей позиции в 1075 г. провел ритуал инвеституры по отношению к трем итальянским епископам. Этой демонстративной акцией император хотел показать, на чьей стороне в конце концов сила. Тогда могущественный Гильдебранд в 1076 г. отлучил Генриха IV от церкви. Это был страшный удар. Многочисленные князья Германии, и без того давно уже стремившиеся отстоять свое автономное существование, увидели в решении Рима предлог для отказа повиноваться императору.

Генрих IV оказался в безвыходном положении. И в январе 1077 г. он, как упоминалось, решил отправиться вымаливать прощения в Каноссу. На коленях добираясь до заснеженного замка в Альпах, император испил полную чашу унижений, но был в конечном счете прощен. И хотя сразу же после этого разгорелась новая схватка между императором, мятежными князьями и властным понтификом, дело завершилось в конечном счете подписанием сыном Генриха IV Генрихом V в 1122 г. Вормского конкордата, согласно которому после обычной светской инвеституры при утверждении епископа в его владениях, т.е. после пожалования феода, должна была следовать духовная, совершаемая папой или его представителем-легатом в той либо иной стране, т.е. посвящение в сан (речь пока шла только о Германии, хотя Рим явно рассчитывал на большее). При этом в Бургундии и Италии дело должно было обстоять в обратном порядке: сначала сан, потом феод. Стоит особо заметить, что при инвеституре епископов в Германии учитывалось мнение князей, что в немалой мере ослабляло власть центра, за которую долго, но малоуспешно боролись императоры Священной Римской империи. В конечном счете это способствовало падению Франконской (Салической) династии.

ДИНАСТИЯ ГОГЕНШТАУФЕНОВ (ШТАУФЕНОВ, 1138–1254)

В состав германских земель в XII в. входила уже довольно большая территория Западной Европы. Кроме немецких княжеств, это были земли Австрии, часть земель западных славян (лужицкие сербы),

а в вассальной зависимости от императора находились Чехия и ряд североитальянских государств и городов в районе Ломбардии и Тосканы. Это были очень разные страны. О североитальянских городах речь пойдет особо, но что касается собственно Германии, то следует сказать, что во всех входивших в нее землях шел интенсивный процесс экономического развития. Возникали новые и укреплялись старые города, большая часть которых откупалась от власти сеньоров и обретала права самоуправляющихся коммун. Среди таких городов явно лидировал древний Кёльн, бывший значительной колонией еще во времена древнего Рима. Но больших городов, которые могли бы бросить вызов окружавшим их высокопоставленным властителям и стать опорой императоров, было мало. Основная часть городов по-прежнему считала своим покровителем местного князя или герцога. И хотя император пытался усилить роль общегерманской администрации, создавая административную структуру чиновников-*министериалов*, из этих попыток практически ничего не получалось. Князья цепко держали власть и осуществляли контроль над своими городами. Иными словами, в Германии не налаживался тот важный для успешного развития страны союз быстро развивавшихся городов с тяготившейся всевластием сеньоров королевской властью, который начал уже в те времена складываться во Франции или в Англии.

Неудивительно, что в такой ситуации немецкие императоры обращали все большее внимание на богатую Италию, города которой, особенно на севере страны, откупались от них значительной данью. Именно эта дань и потенциальная возможность увеличить ее размеры постоянно толкали немецких императоров в сторону Италии. Не были исключением в этом плане и императоры династии швабских герцогов Штауфенов. Сначала они были просто немецкими королями. Титула императора добился лишь второй правитель новой династии, тот самый знаменитый Фридрих Барбаросса («Рыжебородый», 1152–1190), который сумел приструнить недовольных князей, укрепить в империи систему административной власти (упомянутых министериалов) и совершить ряд успешных походов. Первые несколько походов ставили своей целью окончательно присоединить к империи северную Италию с ее весьма развитыми городами. Борьба за итальянские города шла с переменным успехом, но завершилась в конечном счете, пусть далеко не в полном объеме, все же пользу Фридриха. В частности, он сумел женить своего сына на наследной принцессе Сицилийского королевства. Тем самым Генрих VI (1191–1197) сумел овладеть

почти всей Италией, чем вызвал большое беспокойство в Риме и Византии, не говоря уже о той самой Ломбардии, города которой оказались с севера и с юга окружены немецкими владениями. Правда, стоит обратить внимание на то, что, в конечном счете добившись власти над некоторыми городами Ломбардии, пусть не полной, германские императоры торжественно поклялись в верности классической идее римского права, на соблюдении которого держалось все процветание этих городов. Более того, Генрих VI обязался содействовать рецепции римского права во всей его империи, которую он считал как бы преемницей империи Августа и Константина.

Сам Фридрих Барбаросса, как говорилось, утонул во время очередного крестового похода. Сын его довершил все его начинания в Италии, но наибольшего внимания заслуживает, пожалуй, внук Фридриха, Фридрих II Штауфен (годы жизни 1194–1250), который провел чуть ли не всю свою жизнь в солнечной Сицилии, откуда была родом его мать, но, тем не менее, активно управлял империей и почти все время имел дело с опекавшими его папами. Сначала один из них, Иннокентий III, помог ему восстановить власть в Германии, потом, после ряда сложных политических неурядиц, войн и конфликтов, Гонорий III короновал его императором в Риме. Однако вслед за этим пошел бурный процесс политического распада Германии. Князья все увереннее чувствовали себя независимыми, а живший в Сицилии Фридрих II мало что мог им противопоставить. Впрочем, сам император не очень сокрушался по этому поводу, предпочитая свою Сицилию всему остальному миру.

Он построил в Палермо шикарный двор с роскошью, украшениями и разными архитектурными сооружениями в восточном стиле, основал школы и даже университет, приглашал ученых из разных стран. Но, поскольку вся эта роскошь строилась в годы крестовых походов, Рим постоянно напоминал императору, что и он сам должен был бы принять в них участие. Наконец, Фридрих II сдался и все же отправился в Иерусалим, чему способствовала и взятая им по наследству на себя должность правителя Священной Римской империи. Должность эта воспринималась многими не просто как возвышение одного из многих европейских государств, но как некое освященное высшим божественным промыслом земное политическое и даже военное образование, которое призвано, в частности, покарать столь долго сопротивляющихся христианам иноверцев. Папа Григорий IX в 1228 г. буквально под угрозой проклятия заставил отнюдь не бывшего религиозным фанатиком императора направиться в Иерусалим, которого

тот вскоре достиг морем без особых приключений. Умело используя дипломатию, Фридрих по прибытии почти без военных действий довольно легко добился иерусалимской короны, заключил мир с египетским наместником и возвратился домой. Папа был недоволен столь очевидной профанацией важного дела, так что Фридрих II с трудом заключил с ним мир в 1230 г. В Германии тем временем его едва признавали за носителя высшей власти, а в Ломбардии против него вновь выступили богатые торговые города, поддержанные папой Григорием IX. Вот здесь-то и начался наиболее полный конфликтов период жизни императора. Обменявшись с понтификом проклятиями, Фридрих обратился к королям Европы, обращая их внимание на то, что Рим претендует на часть их власти. И хотя короли не очень охотно реагировали на просьбу о помощи, ситуация несколько разрядилась в связи со смертью папы Григория IX. Правда, его преемник Иннокентий IV вновь отлучил Фридриха от церкви, но это не слишком напугало императора, хотя империя его в связи с этим вновь начала трещать по всем швам. Со смертью Фридриха Штауфена развал стал ощущаться еще более зримо.

Около тридцати лет в Германии было междуцарствие, сопровождавшееся междоусобицами, пока князья не избрали новым императором Рудольфа из швабского рода графов Габсбургов. Рудольф I (1273–1291), бывший к моменту избрания уже в солидном возрасте (что и учитывали выбиравшие его князья, отнюдь не заинтересованные в энергичном и укрепляющем власть центра императоре) сумел присоединить к Германии так называемую Восточную марку, которая стала именоваться Австрийским герцогством. Присоединение к империи Австрии заметно усилило позиции Габсбургов. Кроме того, они активно поддерживали рост и торговые успехи резко увеличившихся в числе за последние века двух германских городов, многие из которых вошли в знаменитое объединение Ганзу. Империя оставалась той же, что и прежде, основной силой в ней были многочисленные князья, тогда как сам император не имел даже твердо установленной столицы и обычно время от времени — как то делал еще Карл Великий — переезжал со всей своей свитой с места на место. Власть его в стране была еще слабой. Этим пользовались князья, особенно сильнейшие из них, курфюрсты, которые фактически присвоили себе право выбирать короля.

Вскоре после ухода с политической сцены усилившейся династии Габсбургов они избрали Генриха VII Люксембургского (1308–1313), присоединившего к Германии Чехию. Затем королем стал Людвиг

Баварский (1314–1347). После этого на немецком престоле сменилось еще несколько правителей, пока власть окончательно не перешла снова к тем же швабским Габсбургам. В середине XV в. престол императора занял Фридрих III Габсбург (1440–1493). Однако при нем власть императора еще более ослабла. И это послужило едва ли не важнейшей причиной того, что немецкие города стали укреплять свои союзы. Так, возникшая еще в XII в. Ганза сильно возросла. В нее к XV в. вошло уже около 160 городов. Объединившись и тем самым заметно укрепившись, немецкие города хотя бы отчасти компенсировали слабость власти центра и придали Германии Габсбургов экономическую, а вместе с ней в некоторой степени политическую и культурную устойчивость. К этому стоит добавить, что в XV в. в стране появился *рейхстаг*, состоявший первоначально из представителей вассалов императора, а в многочисленных землях-княжествах аналогичные ему *ландтаги*, куда входили представители местного дворянства, духовенства и городов.

Каждый ганзейский город — как и города, входившие в другие, более мелкие союзы,— имел полную автономию и, как правило, самоуправление. Все немецкие союзы городов и прежде всего Ганза вели обширную торговлю, в том числе транзитную, для чего в состав торговой экспедиции обычно включались многие десятки, а то и сотни кораблей. Экспансия торговых городов Германии совпала по времени с продвижением на восток ряда рыцарских орденов — Тевтонского, Ливонского и др. — этих крупных военных организаций, действовавших практически самостоятельно и время от времени пытавшихся, пусть даже с переменным успехом, присоединить к и без того политически рыхлой Германии новые куски территории. Эти земли были населены слабо развитыми, в основном славяно-балтскими, народностями.

Середина XIV в. была страшным временем для всей Европы. Эпидемия чумы выкосила где треть, а где и половину населения. Нехватка рабочих рук после эпидемии способствовала, однако, росту трудоемких отраслей хозяйства — животноводства, садово-огородных культур, льна и т.п. Барская запашка в Германии, как и в других европейских странах, уходила в прошлое и заменялась оброком-налогом. Крестьяне в массе своей обретали статус лично свободных землепашцев. Однако вопрос о земле в разных частях Германии решался по-разному. Отнюдь не везде это была зафиксированная нормой аренда. Могли быть и случаи, когда крестьян сгоняли с их земли.

В целом, несмотря на чуму и ее страшные последствия, Германия — особенно после начала Столетней войны, которая прочно связала борющиеся друг с другом Францию и Англию, — стала крупнейшим государством в Европе. Правда, внутренняя структура империи оставалась, как и прежде, рыхлой и потому слабой. Желанной централизации ни одна из сменявшихся династий, будь то Люксембургская или Баварская, добиться не могла. Зато на обширной территории империи подчас происходили процессы, приводившие к созданию автономных политических структур. Одной из них было образование в альпийских горах Швейцарии. В 1315 г. объединенные военные силы нескольких альпийских общин, расположенных близ перевала Сен-Готард, по которому шла дорога из Германии в Италию, сумели разгромить рыцарское войско немцев. После этого к восставшим общинам примкнуло еще несколько полуавтономных горных кантонов. В итоге через несколько десятилетий оформилась конфедерация, которая постепенно добивалась признания своей автономии. Союз 13 кантонов долго стремился к признанию своего существования, что было не столь уж сложным — хотя и не быстрым — делом, если принять во внимание труднодоступные районы Альп. Но, терпеливо делая шаг за шагом, конфедерация добилась своего. В 1481 г. Швейцария как самостоятельное государство де-факто уже оформилось, хотя официально оно было признано в Европе лишь в 1648 г., в результате Тридцатилетней войны, по итогам Вестфальского мира.

В период правления императора Карла IV (1346–1378) из вновь сменившей баварскую люксембургской династии, удерживавшейся на троне империи до возвращения на него Габсбургов в 1440 г., политическая раздробленность Германии была законодательно закреплена *Золотой буллой*. В этом документе от 1356 г. подтверждался сложившийся порядок избрания правителя коллегией выборщиков из семи князей-*курфюрстов*, в число которых входили три архиепископа. При избрании (а избирался именно немецкий король) согласия Рима не требовалось. Оно нужно было лишь для того, чтобы — по традиции — провозгласить нового короля императором. Булла была очень важна для всех многочисленных немецких княжеств и герцогств, ибо она сохраняла за ними автономию и самые существенные права, включая чеканку монеты, взимание пошлин и даже ведение междоусобных войн. Булла гарантировала германским княжествам столь много прав и привилегий, что после возвращения имперского трона к Габсбургам они перестали выбирать новых королей. Слабые Габсбурги не были

помехой для привычного автономного существования княжеств, а к наличию императора и тем более Священной Римской империи как важного политического института все давно привыкли.

Правда, справедливости ради нельзя не заметить, что в Германии было немало недовольных сложившимся положением. На рубеже XIV–XV вв. в стране широко распространялся политический памфлет под названием «Реформация императора Сигизмунда». Сам император (1411–1437) к нему отношения не имел, а автором либо авторами были скорее всего представители немецкого бюргерства, которые более всего желали централизации империи (вспомним хотя бы о многочисленных торговых пошлинах в каждом княжестве). Суть памфлета сводилась к призыву к централизации Германии, запрету междоусобных войн, установлению единой для всей империи подконтрольной центру судебной системы и к иным связанным со всем этим преобразованиям. Однако, как того и следовало ожидать, никакой официальной и даже сколько-нибудь заметной социальной поддержки этот документ не получил. Германия не была готова к столь решительной перестройке. Но кое-что в плане реформ было сделано.

Если коснуться периода правления Сигизмунда, то существенно обратить внимание на то, что именно ему пришлось иметь дело с подавлением восстания гуситов, причем эта кампания далась нелегко. Взаимоотношения Сигизмунда с Римом были отмечены также его интересом к заседаниям Базельского собора 1431 г., который принял ряд реформ, ограничивавших всевластие понтификов и, в частности, уточнявших процедуру их избрания. Один из наиболее значительных преемников Сигизмунда Фридрих III (1440–1493), современник падения Константинополя и прекращения существования Византии, потратил немало усилий, чтобы укрепить свою власть в соседней с Германией Австрии, но в то же время не осмелился открыто выступить против воинственных османских турок. Его сын Максимилиан I (1493–1519) в результате династийного брака стал правителем Бургундии и укрепил свои позиции в Нидерландах[1].

[1] Нидерланды (Голландия, Брабант и ряд соседних земель) находились в составе либо в вассальной зависимости от Германии. С середины XV в. они вошли в состав Бургундии, а после второго брака Максимилиана с дочерью бургундского герцога Карла Смелого Марией Нидерланды вновь на некоторое время вошли в состав империи.

Это был первый император, если так можно выразиться, новой формации. Он знал ряд европейских языков, начиная с латыни, занимался науками и даже писал сочинения разного жанра. В споре с рейхстагом он требовал денег на военные расходы, но вместо этого рейхстаг в 1495 г. вынес важное решение об отмене в империи междоусобных войн и о создании высшего палатного суда, что в некоторой степени способствовало укреплению центральной власти. В 1496 г. удачное стечение обстоятельств отдало в руки Максимилиана полную власть в Австрии. За этот счет владения империи значительно расширились, причем вся Германия Габсбургов была разделена на 10 больших имперских округов, в каждый из которых входило немалое количество княжеств. Кроме них, в вассальной зависимости от императора оставались Чехия и Швейцарский союз. При всем внешнем, казалось бы, благополучии новая система власти оказалась централизованной явно недостаточно. На вершине ее, т.е. на уровне императора и его окружения, сила ее практически почти не ощущалась. Тон задавали либо рейхстаг, либо князья. Зато больших успехов достигла немецкая культура. В стране открылось немало университетов. Кроме того, именно в Германии в 1451 г. было изобретено Гутенбергом книгопечатание. Да и знаменитый монах Бертольд Шварц, причастный к усовершенствованию огнестрельного оружия (речь о порохе), был немцем.

Глава шестнадцатая. ИТАЛИЯ, ИСПАНИЯ, ПОРТУГАЛИЯ И СКАНДИНАВИЯ В XI–XV вв.

Позднесредневековая история окраинных территорий субконтинента, стран южной Европы и Скандинавии, во многом отличалась от основных западноевропейских государств, о которых шла речь в предшествующей главе. Прежде всего в них не сложилось ни сильной королевской власти, ни сколько-нибудь развитых феодальных отношений. Кроме того, каждый из регионов, о которых теперь пойдет речь, отличался своей уникальной спецификой. Для Италии, у которой не было королей, она выражалась в том, что северная ее часть представляла собой систему развитых городских республик либо герцогств, формально находившихся чаще всего под властью германского императора, но фактически бывших самостоятельными и самодостаточными, даже более того, процветающими и богатыми городами-государствами. В средней части страны наибольшим влиянием обладала католическая церковь с Римом, а южная и Сицилия то и дело оказывались под властью

различных правителей. Испания и Португалия вообще не были в числе христианских государств Западной Европы, а борьба с захватившими их арабами (маврами), Реконкиста, шла практически до конца средневековья. Что же касается Скандинавии, то там, на севере, в сравнительно малонаселенных районах после прекращения разбойной жизни викингов долгими веками шел процесс налаживания нормальной жизни и укрепления слабых государственных образований.

Можно вкратце резюмировать, что — за исключением Ломбардии и отчасти на первых порах Дании — страны, о которых теперь пойдет речь, принимали мало участия в жизни позднесредневековой Западной Европы. Тем не менее они были ее частью и к концу рассматриваемого периода ужс прочно вошли в сообщество западноевропейских стран. Более того, некоторые из них, как все та же Ломбардия, были в первых рядах тех европейцев, которые своими успехами и новациями открыли миру двери в постсредневековый исторический период. Изложение исторических событий, имевших отношение к странам, о которых теперь пойдет речь, целесообразно начать с Италии, которая выше то и дело фигурировала в связи с взаимоотношениями понтификов и королей, а также при изложении событий, связанных со сложными перипетиями истории германской империи и князей немецких княжеств.

ИТАЛИЯ. ПАПСКАЯ ОБЛАСТЬ

С XI в. центр тяжести в итальянской экономике и политике начал заметно перемещаться на север. Позднесредневековая Италия, как о том только что было упомянуто, к этому времени окончательно разделилась на несколько разных частей. Одной из них были владения церкви с центром в Риме, другой — итальянский юг с Сицилией и третьей — Ломбардия. О владениях римского понтифика и местожительстве всех высших иерархов католической церкви много говорить не приходится. Чем дальше, тем в большей степени эта часть страны становилась несколько иным миром, со своими порядками и нормами жизни. Это, разумеется, не значит, что вся средняя Италия была заселена одними церковниками. Там, особенно в больших городах вроде Рима, проживало немало людей, не имевших прямого отношения к институтам католической церкви. Все они жили своей жизнью, которая мало отличалась от средней нормы, характерной для Западной Европы. Но в политике они не играли существенной роли, ибо вся политическая жизнь этой части Апеннинского полуострова определя-

лась Римом как центром католической церкви. А о том, что это была за политика, как она эволюционировала и к чему сводилась ее основная суть, уже было немало сказано раньше. Впрочем, обратим внимание на то, как все это выглядело и эволюционировало.

В XI–XII вв. Папская область несколько расширила свои владения. Правда, процветающих городов в ней не было. Ни Рим, ни представлявшие его на местах епископы городам самоуправление не давали. С попыткой создать городскую коммуну в Риме в 1143 г. ничего не получилось, ибо движение горожан легко подавил Фридрих Барбаросса. Более того, некоторое расширение Папской области с включением в нее небольших городов средней части Апеннинского полуострова привело лишь к укреплению власти светских сеньоров, но не породило того торгово-промышленного развития, каким отличались города севера Италии, Ломбардии. Умалением роли папства в результате Авиньонского пленения пап эти феодальные сеньоры сумели воспользоваться для укрепления своей власти. Более того, в ряде городов средней части Италии возникло даже намерение создать нечто вроде Римской республики. Но из этой попытки ничего не получилось. В конце 1347 г. понтифики и их церковное окружение вернули себе всю полноту власти в вечном городе.

По конституции 1357 г. Папская область была поделена на семь провинций, а силу в ней представляли наемные солдаты. Правда, папа Мартин V (1417–1431) воссоздал римскую коммуну с сильно урезанными правами и очень развитым непотизмом самих понтификов, что с особым размахом проявилось в годы правления Сикста IV (1471–1484), который хотел выделить в области княжество для своего племянника, или Александра VI Борджиа, чей сын Чезаре, не брезгуя ядом и кинжалом, подчинил себе значительную часть Папской области. Вообще имя Борджиа стало символом беззастенчивых интриг, тайных заговоров, жестоких убийств и безудержного разврата как в Риме, так и вне его.

ЛОМБАРДИЯ

Если выражаться точнее, речь пойдет о Ломбардии и Тоскане, двух крупных североитальянских провинциях. Но принято именовать все те городские республики и герцогства, которые расположены в северной части Италии, единым общим термином — Ломбардия. Это удобно для изложения проблематики темы, что мы и примем во внимание. Начиная разговор о Ломбардии, стоит вспомнить о давших провин-

ции свое имя лангобардах и обратить внимание на то, что после первых столетий аккультурации и христианизации именно район расселения лангобардов, в котором потомков римлян было больше чем где-либо, стал преуспевать. Здесь в силу многих причин сложились наиболее благоприятные условия для развития ремесла, городов и, как следствие, производственной инициативы и торговли, в том числе транзитной. Эти условия, способствовавшие ускоренным темпам эволюции Ломбардии в раннесредневековый период, в еще большей степени продолжали оказывать свое благотворное влияние и позже.

Восприняв многие очень существенные традиции римской античности и прежде всего нормы римского частного права, города Ломбардии, куда охотно стекались из соседних земель и крестьяне, и рыцари, и даже кое-кто из высокопоставленных феодалов, быстрыми темпами превращались во всемирно известные центры ремесла и торговли. Освободившись — порой с немалым трудом, а то и в ходе военных действий — от опеки и притязаний феодальных сеньоров, пытавшихся брать с них высокие пошлины, и разрушив стоявшие на дорогах замки этих сеньоров, города в XII–XIII вв. не только стали независимыми в политическом отношении, но и обрели немалую экономическую силу. Правда, потерпевшие поражение нобили, предпочтя перебраться в эти города, строили внутри них новые мощные замки, претендуя на власть в городе и вступая в ожесточенные распри друг с другом (вспомним печальную драму о Монтекки и Капулетти). Да и сами города в силу утраты немалой доли классических традиций внешне изменились, так что рядом со стройными проспектами и красочными площадями появилось немало тесных и неопрятных кривых улиц и переулков. Это в значительной мере было связано с расселением населения по цехам, причем каждый цех имел, как правило, свою приходскую церковь и являл собой достаточно четко отделенный от остальных район, благосостояние которого во многом зависело от характера и доходности производства.

Начальный период развития городов Ломбардии был связан с интенсивной и нелегкой борьбой горожан за освобождение от власти и влияния богатых соседних с городами сеньоров с их пошлинами и попытками распространить на города свой суд. Но в конечном счете города взяли свое. Они с помощью выкупов и иных, подчас более радикальных средств освободились как от власти многих епископов, формально считавшихся владетелями городов, так и от своих соседних сеньоров, которые мешали им, не говоря уже о германском императоре, долго еще считавшемся верховным сюзереном северной части

страны. В освободившихся городах создавались собственные системы самоуправления. Чаще всего это были городские коммуны, избиравшие Большой совет, обладавший законодательной властью, правом назначения магистратов и консулов сроком на год. Как видим, античные традиции города-государства здесь весомо давали о себе знать. Городские центры в результате этих перемен постепенно обретали большую административно-политическую самостоятельность. Они имели свое войско, право чеканить монету и взимать пошлины. Различались горожане, естественно, и по имущественному положению, от богатой знати до нищего плебса, обычно состоявшего из подмастерьев, батраков, а также переселившихся в город крестьян. Первыми из разбогатевших среди всех этих городов на рубеже XII–XIII вв. были Венеция, Генуя, Пиза, Болонья, Падуя, принимавшие активное участие в крестовых походах и сумевшие извлечь из этого немалую прибыль. Почти на всем восточном побережье Причерноморья и Средиземноморья у этих городов были богатые колонии, способствовавшие активизации их торговых связей. Большой вклад в процветание городов вносило ростовщичество. Обратим внимание на то, что слово *ломбард* происходит именно от Ломбардии.

Некоторые ломбардские города выделялись выраженной специализацией. В Милане, Вероне производили сукна, в Лукке — шелк, в Милане — оружейный металл, в Венеции — стекло и зеркала. Во многих портовых городах было развито кораблестроение. Каждый из больших и процветающих городов северной Италии обзаводился величественным храмом-собором в честь наиболее почитаемого святого. Много земли вокруг городов принадлежало именно им, причем процесс освобождения крестьян, работавших на этих землях, шел столь же быстро, как и прибыльность сельского хозяйства с этих земель. Наибольшее внимание уделялось виноградарству, приносившему немалый доход. К этому стоит добавить, что городское хозяйство включало в сферу своих забот ирригацию и мелиорацию принадлежащих городу земель, что также способствовало их процветанию. Важно обратить внимание на то, что сельское хозяйство Ломбардии чутко реагировало на потребности больших городов. В соседних с ними деревнях крестьяне выращивали специальные технические культуры — *марену* или *вайду*, из которых получали соответственно красную и синюю краску, чтобы красильщики в городе могли красить свои ткани. Всюду, где это позволяла природа, развивалось животноводство, снабжавшее города мясо-молочной продукцией, шерстью и кожей. В случае бегства

в города зависимых крестьян от феодалов, города, нуждавшиеся в рабочих руках, старались помочь беглецам освободиться от зависимости и стать лично свободными. Это было особенно характерным для середины XIII в. во Флоренции и Болонье.

В этих условиях феодализм принял в североитальянских землях весьма специфический характер. Точнее сказать, он не успел развиться и обрести многие свои важные черты и признаки, как стал отступать под давлением дефеодализации. Развивавшиеся в сложившихся здесь уникальных для Западной Европы условиях, эти города — как недолго и Новгород на Руси — развивались столь успешно и такими быстрыми темпами, что богатые сеньоры феодального типа оказывались в них в явном меньшинстве как с точки зрения их числа, так и, что более важно, места в системе городской администрации. Проще говоря, города не были заинтересованы в том, чтобы в них и вокруг них было много владений богатых сеньоров. Обратим более пристальное внимание на некоторые из этих городов.

Венеция. Этот город, а точнее целое государство, созданное ремеслом (стекло) и процветающим производственным капиталом, а также и развитой транзитной торговлей, обладал огромным флотом. Благодаря этому он сумел создать в Средиземном море множество колоний, а в начале XIII в. даже помочь рыцарям-крестоносцам оккупировать значительную часть Византии, создав там на несколько десятилетий Латинскую империю, по соглашению с которой венецианцы еще более расширили сферу своих торговых связей, на сей раз с Востоком. Политическая структура многонаселенного государства (в одной только Венеции жило не менее 200 тысяч человек) была несколько специфична. Городской совет состоял из богатых купцов, банкиров и представителей знати, а управлял страной пожизненно избиравшийся им правитель, дож, органом администрации при котором был сенат, также состоявший из выборных представителей городской элиты. XIV в. был отмечен в Венеции ожесточенной борьбой за власть, сопровождавшейся заговорами, переворотами, преследованиями и т.п.

Генуя была одним из соперников Венеции. Ее корабли бороздили в основном восточную часть Средиземноморья и Черное море. В Крыму, как известно, были торговые фактории генуэзцев, остатки укреплений которых сохранились до наших дней. Генуэзцы соперничали с венецианцами в годы существования в Византии Латинской империи. К слову, имено в период крестовых походов генуэзцы опозорили себя тем, что помогали в годы печально знаменитого похода детей привезти дове-

рившихся им подростков на Восток и там продать в рабство. Генуя вела обширную торговлю с Востоком, в частности с Сирией.

Административная система Генуи напоминала венецианскую. Генуя, как и Венеция, считалась республикой, управлялась коллегией выборных консулов или приглашаемых извне должностных лиц, чья деятельность на посту высшего администратора контролировалась избиравшимися из городской элиты нобилями. С 1339 г. Генуей управляли *дожи*, с конца XIV в. их заменили иные правители, то французские короли, то миланские тираны типа Сфорца. С 1528 г. была восстановлена республика под покровительством Испании. Вообще же Генуя, как то было и в Венеции, все время отличалась существованием множества внутренних политических споров и даже своего рода партийных группировок, в частности *гвельфов* и *гибеллинов*[1]. По мере утраты торговых связей в Генуе усилилось внимание к финансовым операциям. Большую роль в жизни города с начала XV в. играл Банк Сан-Джорджа, ведавший финансовыми делами не только Генуи, но и Испании. Не стоит забывать и о том, что развитое морское дело генуэзцев и их тесные связи с Испанией в определенной степени способствовали тому, что из числа мореходов этого города вышел в конце средневековья Христофор Колумб.

Флоренция. Эта республика отличалась торговлей сукном и шерстью, в том числе английской. Здесь были сотни мелких мастерских, перерабатывавших шерсть в высококачественные ткани. Важное место в городском ремесле играла и выделка шелковых тканей, ювелирных изделий. Флоренция славилась также своими банками, тесно связанными с Ватиканом и его огромными доходами, чеканила золотую монету. Ее *флорины* почитались не менее венецианских *дукатов*. Среди цехов в этой республике особо почитались те («старшие»), что были связаны с производством тканей, и представители свободных профессий (банкиры, врачи, юристы). Политический строй отличался наиболее острым соперничеством гвельфов и гибеллинов. В 1293 г. одной из первых в Западной Европе Флоренция обзавелась чем-то

[1] Появление этих группировок в Италии в XII–XV вв. было связано со стремлением немецких императоров укрепиться в Италии. Гвельфы были на стороне Рима и считались противниками Гогенштауфенов, гибеллины — их сторонниками. В городах Ломбардии партии обрели несколько иную форму и стали символом противостояния других враждующих сил: за гвельфов чаще стояли торгово-ремесленные низы, а за гибеллинов городская знать

вроде конституции, согласно которой старшие цехи имели большинство в *синьории*, управлявшей республикой. Это обстоятельство вызывало протесты, вылившиеся в восстание 1378 г. В результате на некоторое время более демократичным стал состав синьории, но зато создались условия для власти банкиров из дома Медичи. В XV в. они стали самыми известными банкирами Европы и фактически возглавляли синьорию. Лоренцо Медичи (1469–1492) слыл великим меценатом и собрал немалое число античных памятников. Он поддерживал многих из тех итальянских писателей, поэтов и художников, которые принимали активное участие в движении за гуманизм и были активными деятелями в эпоху Ренессанса. Флоренция — напомним — дала миру Данте, Петрарку, Боккаччо.

Милан. Миланское герцогство было одним из крупнейших городских центров Ломбардии. Споры гвельфов и гибеллинов сказывались здесь едва ли не наиболее сильно. В 1317 г. Общий совет Милана избрал синьором города гибеллина Маттео Висконти, много сделавшего для укрепления центральной власти и ослабления роли синьоров в Милане. Синьория, а затем герцогство Висконти стало наследственным. В годы правления этой династии экспансия Милана резко возросла. Ряд городов-государств Ломбардии (Верона, Падуя, Пиза, Лукка, Болонья) оказался в сфере влияния Миланского герцогства. В 1447 г., после смерти последнего из Висконти, в Милане была провозглашена республика, а тяжелая борьба за первенство в Ломбардии с Венецией побудила миланцев призвать на помощь *кондотьера* (главу наемного войска) Франческо Сфорца, который вскоре стал новым герцогом. В годы его правления Милан успешно продолжал развиваться, но при его преемниках все более обретал черты авторитаризма.

Если подытожить, окажется вполне ясным, что городские республики и герцогства Италии, особенно Ломбардии и Тосканы, в позднем уже средневековье процветали. И хотя в остальной Италии многое выглядело иначе, особенно в XIV в., когда чума и ряд неурожайных лет способствовали сильному сокращению сельского населения, страна в целом, включая и многие сотни ее городов, развивалась в то время быстрее всей остальной Европы. В городах страны развернулось широкое движение за выкуп и раскрепощение крестьян, которые в условиях городского хозяйства постепенно приобщались к предбуржуазным формам хозяйства, во многом восходившим к античной традиции. В большинстве городов Ломбардии возникло множество конкурирующих компаний, стремившихся

повысить качество изготовляемой продукции и расширить ее сбыт. Правда, процесс формирования рыночно-частнособственнической структуры, во многом восходивший к античным традициям, и тем более решительного преодоления ею остатков восточно-варварского типа стандартов, шел порой медленными темпами и нередко задерживался неподготовленной к быстрым темпам эволюции отсталой инфраструктурой. Однако он тем не менее все энергичнее оттеснял на задний план примитивное хозяйство феодального общества крупных европейских государств вроде Франции и особенно Германии и все активнее использовал возрождавшиеся традиции античности с ее свободами и гарантиями прав собственников.

Следует заметить, что вместе с производственными и иными позитивными традициями античности в Италии были активизированы и другие, напоминавшие о различных интересах богатых и бедных горожан. В городах случались волнения недовольных и обездоленных, подчас восстания. Во Флоренции *пополаны*, как именовали сторонников низов, одно время, особенно до страшной чумы XIV в., играли решающую роль в управлении городом. В Милане борьба между гибеллинами и гвельфами создала политическую сумятицу, пока власть не перешла к главе гибеллинов Висконти, чьи наследники, как было упомянуто, вскоре стали управлять городом с титулом герцога. В то же время Пиза, Венеция и Генуя оставались республиками с преимущественным уклоном в транзитную морскую торговлю.

ЮЖНАЯ ИТАЛИЯ И СИЦИЛИЯ

В отличие от развитых североитальянских городов и республик в южной Италии и Сицилии городская жизнь не выходила за пределы нормы, обычной для остальных западноевропейских государств. Хотя и здесь крупные города, начиная с Неаполя, как и многие города Сицилии, добивались время от времени и формирования городских коммун, и даже немалой доли самоуправления, полной самостоятельности они не достигли. Особенно это характерно для Сицилии, завоеванной в XI в. норманнами. В 1130 г. сицилийский король Рожер II (1130–1154) присоединил к своим владениям значительную часть южной Италии и поставил в каждый город своего представителя, в руках которого была немалая власть, особенно в сфере судопроизводства и финансов. А враждебные отношения норманнов с Византией немало препятствовали развитию торговых связей. Впрочем, это не очень мешало расцве-

ту Сицилии и развитию ее столицы Палермо, где возводились по восточному стандарту роскошные сооружения, соборы и дворцы.

Ситуация стала меняться после конфликта понтифика Григория VII с германским королем Генрихом IV и его унижением в Каноссе. Стремясь отомстить за унижение, Генрих добился того, что занял с войсками Рим, посадил на папский престол своего человека и был коронован императором. В XII в. нажим германских императоров на Италию еще более усилился, о чем свидетельствуют походы Фридриха Барбароссы, который официально провозгласил себя королем Италии. И хотя этот акт политически не имел серьезного значения, он свидетельствовал об усилении влияния Германии как в Ломбардии, в которой Милан был разрушен войсками Барбароссы, так и на юге полуострова, включая и Сицилию.

Сплочение ломбардских городов против Фридриха сыграло свою роль. Эта Ломбардская лига, к которой примкнули Рим и Сицилия, привела к поражению Барбароссы. А в конце XII в. сын Барбароссы Генрих VI (1190–1197), женившись на наследнице сицилийского престола, стал королем Сицилии. Правда, Папа Иннокентий III после смерти Генриха и его жены пытался было оставить это королевство за собой, но не преуспел в этом. Сын Генриха VI и внук Барбароссы германский император Фридрих II Гогенштауфен, о котором уже подробно было сказано в предыдущей главе, не только овладел Сицилией, но и провел в Палермо фактически всю свою жизнь. Фридрих II принял участие в Пятом крестовом походе, достиг Иерусалима и возвратился в родную Сицилию. Он оказывал покровительство германским городам, на которые опирался в борьбе с князьями, сумел подавить в Германии мятеж, возглавленный его сыном, попытался примириться с гвельфами, после чего вернулся в Сицилию, которую считал своей второй родиной.

В Сицилии он сформировал войско из мусульман, которое не пугалось папских угроз, что было для Фридриха очень важным. Фридрих без особого успеха воевал в южной Италии (хотя так называемое Неаполитанское королевство было частью его сицилийских владений), но зато без опасений ссорился с Римом, отвечая на угрозы отлучения от церкви своими проклятиями. Стоит заметить, что вся жизнь и деятельность этого незаурядного германского императора сыграла большую роль в усилении успешного противостояния королей католической церкви. После смерти Фридриха II Сицилия попала в руки французского короля Людовика IX, который отдал ее своему брату Карлу, а в конце XIII в. после восстания против французов Сицилия

стала частью Арагонского королевства в Испании. Неаполитанское королевство осталось за французами и лишь в 1442 г. оно перешло к Арагону.

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ. УСПЕХИ РЕКОНКИСТЫ

Процесс Реконкисты, т.е. отвоевания у мавров Пиренейского полуострова занял, как упоминалось, несколько веков. В начале XI в. Кордовский халифат распался на ряд эмиратов. Это в известной мере ослабило позиции арабов на Пиренейском полуострове. Однако не стоит забывать, что уровень развития населения занятых маврами, как их привычно именовали, пиренейских территорий был высок. Здесь с помощью достигнутых на Востоке технологий использовали ирригацию и выращивали многие неизвестные европейцам овощи и фрукты. Высокого мастерства достигли ремесло и строительство, немалую роль играли хранилища древних рукописей, в которых были и памятники античной культуры. Раскол халифата помог испанцам, которые численно превосходили пришлое арабское население, собрать свои силы и усилить нажим на мавританские земли. Успехи сопутствовали Кастилии, особенно после объединения ее с Леоном, а также Арагону (часть созданной в свое время франками Испанской марки) и Каталонии, заключившим унию в 1137 г. Чуть позже, в 1139 г., провозгласил независимость и со своей стороны усилил антиарабскую борьбу правитель Португалии, которая до того была частью Кастилии. В целом европейцы успешно сделали немалый шаг вперед в процессе Реконкисты, т.е. отвоевания Пиренеев у арабов. Но эти успехи были еще недостаточно прочны.

В конце XI в. в Испанию из Африки вторглись Альморавиды. Это изменило ситуацию и задержало процесс Реконкисты. Задержка стала особенно ощутимой, когда на смену разгромленным было Альморавидам пришли Альмохады. Вплоть до конца XII в. южная половина всего Пиренейского полуострова была занята завоевателями и лишь в первой половине XIII в. Кастилия и Леон сумели существенно продвинуться на юг, заняв Кордову, Севилью, Валенсию и ряд других мавританских городов. Изгнание из Пиренеев Альморавидов и Альмохадов и захват нескольких важнейших центров бывшего Кордовского халифата сыграли важную роль в процессе Реконкисты. Мало того, этот процесс пошел вширь и привел, в частности, к захвату Арагоном не только восточного побережья Испании, но и соседних Балеарских

островов, а затем Сардинии, Сицилии и несколько позже даже части южной Италии. Было захвачено Неаполитанское королевство, о чем уже упоминалось. Одновременно отвоевала практически все свои земли и Португалия.

Успехи Реконкисты, решающая доля которых пришлась именно на XIII в., привели к тому, что на Пиренеях возникло два больших христианских государства, Португалия и Испания. Арабским оставался лишь крайний юг полуострова, Гранада. На отвоеванной части страны, где еще было мало европейского населения, не требующее больших и трудоемких затрат перегонное овцеводство стало основным видом хозяйства, а шерсть, кожи и вина — главными статьями экспорта. И лишь постепенно здесь начали осваиваться пришельцами с севера земледелие и садоводство. Следует заметить, что население отвоеванных частей страны увеличивалось в основном за счет мигрантов из Франции. Часть земель была королевским доменом, другие — собственностью вотчинников, получавших жалованные владения от короля, или сельских общин. Общинники в любом случае, как правило, платили налоги либо владельцам вотчин, либо королю. В тех частях страны, где сохранилось еще в немалом количестве арабское население, господствовала традиционная аренда. При этом по отношению к нему проводилась, по меньшей мере вначале, щадящая политика. В частности, сохранялись такие нормы аренды, к которым арабские земледельцы издавна привыкли. Впрочем, и здесь земли со временем стали жаловаться сеньорам, по отношению к которым крестьяне выступали в качестве зависимых держателей.

Большие владения имели духовно-рыцарские ордена, сыгравшие важную роль в процессе Реконкисты. Среди них старые ордена тамплиеров и иоаннитов и несколько новых, созданных в Испании для борьбы с арабами, — Сантьяго, Алькантара, Калатрава. По типу новые ордена были сходны с прежними, но в их уставы включалось специально сформулированное требование борьбы с неверными. В этой связи важно принять во внимание, что процессу Реконкисты и борьбы с арабами-мусульманами огромное внимание уделяла католическая церковь. Миссионеры и вновь назначавшиеся церковные иерархи толпой устремились на Пиренеи, дабы не упустить благоприятный момент и сделать все для того, чтобы обратить в христианскую веру всех тех, кто жил под властью арабов. При этом предполагалось обратить особое внимание на усиление роли христианства среди тех европейцев по происхождению, кто веками находился под властью мавров,

а теперь стал жителем христианских государств, освободивших Испанию и Португалию от мавров. Что касается городов, то там вначале не было характерных для Европы норм. Корпорации ремесленников и торговцев возникали постепенно. Далеко не сразу добивались они льгот и важных элементов самоуправления, фиксировавшихся в дарованных им грамотах-*фуэро*. Население как старых, арабских, так и создававшихся новыми государствами своих городов, бывших прежде всего административными центрами, быстро росло. а привычной для европейцев городской свободой пользовались отнюдь не все из горожан. Кроме того, в приниженном положении в городе оказывалось, как правило, мусульманское население.

Наиболее крупным государством в отвоеванной от мавров Испании стала Кастилия. Здесь были созданы органы сословного представительства, *кортесы*, состоявшие из трех палат — церковной, дворянской и городской, включавшей в себя также и некоторых представителей из числа зажиточных крестьян. Этот представительный орган обладал правом решать вопросы, связанные с финансами и законодательством. Кортесы аналогичного типа возникли также на востоке Испании — в Каталонии, Арагоне, Валенсии. Что касается Португалии, то здесь очень большую роль играли церковные ордена и потому королевство вначале формально оказалось вассалом Рима. В Португалии стали быстро расти города, особенно в прибрежных районах, где строились верфи, развивалось кораблестроение. Население Португалии активно осваивало соседние африканские территории. Как и в испанских королевствах, здесь возникли кортесы.

В XIV–XV вв. Реконкиста была завершена. Последнее из мавританских государств — Гранада — в конце XV в. было ликвидировано, а на повестку дня стал острый вопрос объединения Испании. Изгнание мусульман с их высокой культурой, в том числе городской, а также все та же чума сильно ослабили экономику страны. На Пиренеях происходил резкий социальный разрыв между крестьянами и благородными *идальго*. Объединение Арагона и Кастилии (династийный брак Фердинанда Арагонского с Изабеллой Кастильской) позволил стране несколько окрепнуть. Но спецификой Испании надолго оставалась исключительная роль церковников. Стоит хорошо помнить, что именно в этой стране прославился своими зверствами охотник за маврами, евреями, ведьмами и еретиками знаменитый инквизитор Торквемада. Он сжег, по имеющимся данным, около 8 тысяч беззащитных людей. В Португалии, где влияние церковников вначале было много более

сильным, чем в Испании, постепенная борьба за их вытеснение принесла свои благотворные плоды. Там не свирепствовала инквизиция, а в начале XV в. король Португалии Жуан I добился, вопреки цепким притязаниям папского престола, полной политической независимости и, более того, подчинения местного духовенства королевской власти.

СКАНДИНАВИЯ И ЕЕ КОРОЛЕВСТВА

В отличие от германцев, осевших некогда в восточной части Западной Европы, те из них, кто волею судеб оказался несколько севернее, в Скандинавии (Дания, Норвегия, Швеция, Исландия), развивались более медленными темпами. Зато это отставание с лихвой возмещалось буйной разбойничьей активностью викингов, о чем уже немало было сказано. Впрочем, экспансия викингов не ограничивалась грабительскими набегами, хотя именно с этого она и начиналась. Со временем викинги успешно освоили практику колонизации, в том числе достаточно далеких земель, а также и международной транзитной торговли. На Руси они были известны прежде всего именно в этой последней ипостаси (варяги; торговый путь «из варяг в греки»).

Кораблестроение, достигшее немалых успехов, было едва ли не основным занятием мастеров-ремесленников Скандинавии. Викинги умели строить и крепкие оборонительные сооружения, были знатоками в производстве различных видов оружия и доспехов. С конца VIII в. они стали проявлять свою активность в разных районах Европы. Не исключено, что это по меньшей мере отчасти было связано с тем, что суровые природные условия Скандинавии не способствовали успешному развитию земледелия (хотя применительно к Дании это едва ли можно безоговорочно утверждать). Как бы то ни было, но именно скандинавы и едва ли не первыми датчане начали эпоху грабежей и колонизации, в том числе Исландии, островов северной Атлантики, а затем также и практику набегов на северные районы Германии, Англии и Франции. Регулярным грабежам подвергались Париж и Лондон, а в X в. все французское герцогство Нормандия стало феодом предводителя викингов Роллона. Викинги посещали Гренландию, возможно, побывали и у берегов Северной Америки. Но более всего они преуспели в Англии, где ими была захвачена большая часть территории острова.

Разумеется, ни о каком феодализме всерьез применительно к эпохе викингов говорить не приходится. Крестьяне, жившие в Скандинавии

и не принимавшие участия в воинственных набегах либо оседавшие на землю после таких набегов в молодости, спокойно осваивали неприветливые северные земли, понемногу расширяя сферу своей деятельности. Земледелие, скотоводство, охота, рыболовство были главными их занятиями. Жили они в деревнях, состоявших, как правило, из больших патриархальных семей, либо на отдельных, обычно отдаленных от деревень хуторах. Совместное владение семьи, *одаль*, было неотчуждаемым. Но земли и угодий было более чем достаточно. Для решения общих проблем существовали народные сходы и органы местного самоуправления, *тинги*. В результате грабительских набегов появлялись богатые. Как правило, это были наиболее удачливые из предводителей отрядов викингов, которых обычно именовали конунгами (князьями). Именно из их числа формировалось сословие скандинавской аристократии, а затем и первые вожди-правители. В Дании и Швеции первые короли появились на рубеже X–XI вв. В 1018 г. после завоевания значительной части Англии вождь викингов Кнут Великий провозгласил себя королем Дании, Норвегии, Швеции и Англии с Шотландией. После его смерти это неустойчивое объединение разных стран распалось, что, впрочем, и неудивительно: власть королей, подобных Кнуту, держалась на весьма хлипкой основе. Она стала укрепляться лишь по мере христианизации Скандинавии, об успехах которой в это время также уже упоминалось.

С возникновением королевств развитие скандинавских стран ускорилось и обрело некоторые черты, свойственные соседним западноевропейским странам. В частности, это касается элементов феодализма как социополитической системы власти и формы редистрибуции, т.е. наделения приближенных короля, его наместников и некоторых аристократов правом наследственного либо служебного ненаследственного владения вполне определенными землями. В разное время и в разных странах это выглядело по-разному. Однако общим для стран Скандинавии было преобладание свободного либо зависимого крестьянства. При этом степень зависимости была, как правило, не слишком обременительной. На это стоит обратить особое внимание, ибо известно, что викинги привозили рабов и сажали их на землю. Потомки этих рабов быстро теряли свой рабский статус и легко вливались в число обычных зависимых крестьян. Стоит добавить к этому, что грань между свободными и зависимыми отнюдь не была непроходимой. Те и другие платили налоги или исполняли не слишком тяжелые обязанности по обслуживанию хозяйства стоявших над ними

властителей. Впрочем, стоит обратить внимание на каждую из стран Скандинавии отдельно.

Дания. Эта страна в наибольшей степени испытала влияние со стороны других стран континентальной Европы. Здесь едва ли не ранее и практически сильнее, чем в остальных частях Скандинавии, ощущалось влияние церкви. В XII в. появилось немало рыцарей из числа землевладельцев, освобождаемых за воинскую службу от налогов (это были не вполне такие же воины, что составляли костяк войска в западноевропейских странах, где право майората вынуждало младших сыновей становиться в ряды рыцарей). Разумеется, при этом налоги с крестьян становились тяжелее, что вызывало недовольство, подчас, как в 1250 г., выливавшееся в восстание. Зато наличие хорошего войска позволяло датским королям успешно воевать в районе Прибалтики, включая Скандинавию и северную Германию. При короле Вальдемаре II (1202–1241) датчане завладели, пусть ненадолго, Гамбургом и Любеком, при Вальдемаре IV (1340–1375) островом Готландом. Эти захваты привели к столкновению датчан с Ганзой и в конечном счете к потере ими всех приобретений и влияния в Прибалтике. В самой Дании со второй половины XII в. стали развиваться ремесло и торговля, затем появились первые города, часть которых по немецкому образцу получала *хартии*, которые обеспечивали им немалую долю самоуправления. Короли Дании стремились укрепить свою власть, но этому препятствовали представители знати. В 1282 г. Эрик Клиппинг без особого желания подписал хартию о создании совета государства из аристократов. Попытка Эрика нарушить хартию привела к заговору и убийству короля. А в 1320 г. короли уже окончательно утратили верховную власть, узурпированную знатью, без согласия которой ни один из них не имел права объявлять войну и собирать налоги. Это привело датских королей к идее о необходимости коренного изменения состояния дел. Свершить это позволило случайное стечение обстоятельств, способствовавшее объединению Дании с Норвегией. Как это произошло? Обратим сначала внимание на раннюю историю Норвегии.

Норвегия. Аристократическая верхушка из числа разбогатевших викингов в этой стране долго не могла установить свое господство над свободными крестьянами, практически незнакомыми с государственностью и тем более регулярными налогами либо повинностями. Примерно с X в. наиболее сильные конунги, далеко еще не обособившиеся от остального населения, стремились объе-

динить страну. В XI в. некоторым из них это удавалось, хотя и ненадолго. Более или менее устойчивая королевская власть в Норвегии установилась в XII–XIII вв. в ходе ожесточенной борьбы претендентов на верховную власть за их право стать правителями и высшими собственниками земли. Это была борьба конунгов, прежде всего Харальда, за крестьянские одали. Как видно из преданий, повествующих об этом, первобытно-восточные традиции побуждали уже вроде бы испытавших влияние европейских стандартов конунгов стремиться к утверждению института власти-собственности в его самом примитивном виде. Создание этого института было необходимо для того, чтобы присвоить право редистрибуции и иметь возможность наделить своих служилых людей и наместников определенным доходом[1].

При сыне Харальда Хаконе Добром, насколько можно судить все по тем же сохранившим древние предания *сагам*, одали были возвращены крестьянам. Иными словами, примитивные восточные традиции долго не удержались. Развитие Норвегии пошло по общему для западноевропейских стран пути. Король Сверрир (1184–1202) и его преемники постепенно добивались укрепления королевской власти, создав при этом некоторую систему феодов-ленов и издав свод нормативного судебного права (1274). Были установлены повинности в пользу государства и введены налоги, часть которых шла на содержание владельцев феодов. В стране возникали первые города.

Швеция. В Швеции тоже были сильны позиции свободного крестьянства. Короли с XII в. боролись за укрепление своей власти. Завоевание финских земель упрочило позиции королевства и приблизило шведов к северо-западным княжествам Руси. Столкновение с новгородцами, как известно, привело в 1240 г. к победе князя Александра, ставшего после этого Александром Невским. С 1284 г. в Швеции король Магнус Эрикссон создал Королевский совет, *риксрод*. Эта новация, однако, в то далекое время не прижилась, но зато заметно усилила роль местной знати. Это нашло свое выражение в том, что власть короля стала зависеть от шведских

[1] Стоит заметить, что, не используя предлагаемой автором данной работы терминологии (власть-собственность, редистрибуция), видный медиевист А. Я. Гуревич в своей опубликованной еще в 1967 г. очень интересной книге «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» говорит на 105 странице этого сочинения примерно о том же.

аристократов. Впрочем, существование этого органа тогда еще не сыграло в истории Швеции значительной роли.

ОБЪЕДИНЕНИЕ СКАНДИНАВИИ

Хотя в Скандинавии практически почти не было наследственных ленов и потому феодальные отношения там не играли заметной роли, королевская власть при наличии служилого дворянства долгие века была слабой. Эта слабость мешала эффективному управлению. Неудивительно поэтому, что близкие друг к другу по многим параметрам страны стремились сблизиться и усилиться за счет воссоединения. Правда, эта тенденция к объединению вызревала более энергично в умах правителей, нежели знати, которой временами удавалось, как то было в Дании в период правления Эрика Клиппинга, добиться хартии о создании государственного совета, существование которого предоставляло дворянскому сословию немало прав.

Тем не менее в 1319 г. знать Норвегии и Швеции была вынуждена согласиться на первую унию. Шведско-норвежским королем стал тогда Магнус Эриксон, унаследовавший обе короны после ряда династийных разборок между истреблявшими друг друга претендентами на королевский трон обоих государств. Впрочем, эта уния просуществовала сравнительно недолго. Уже в 1363 г. шведский престол занял один из сверогерманских герцогов Альбрехт, которого норвежцы не признали. В итоге союз двух королевств перестал существовать. Однако сама идея отнюдь не умерла. Напротив, она вновь постоянно выходила на передний план, причем одной из существенных причин этого было естественное стремление скандинавов обойтись в управлении королевствами без пришлых немецких властителей.

Датская принцесса Маргарита, дочь Вальдемара IV, ставшая женой норвежского короля, сумела в 1385 г. сделать королем Дании своего сына Олафа. От его имени она стала самовластно править обоими государствами, а после скорой смерти сына, в 1387 г., официально приняла титул королевы Дании и Норвегии. Это была властная женщина с сильным характером, что и позволило ей в 1389 г. при поддержке ряда представителей шведской аристократии обрести реальную власть и в Швеции, соединив с Швецией оба своих королевства. Кальмарская уния 1397 г. формально закрепила этот процесс. На собрании представителей всех трех государств королем Дании, Швеции и Норвегии был избран внучатый племянник Маргариты Эрик. По условиям унии при общем короле каждое из трех

государств сохраняло свои законы и нормы судебного права. Наибольшие выгоды из унии извлекла Дания, чему в немалой мере способствовала Маргарита, твердо державшая в своих руках управление Скандинавией вплоть до смерти в 1412 г. Период унии ознаменовался укреплением власти центра. Это усиление власти скандинавских правителей позволило более спокойно относиться к усилению в Скандинавии влияния немецких дворян и купцов. Правда, здесь позиции местного населения были не вполне одинаковыми. Более слабые Норвегия и Швеция, сильнее датчан ощущавшие давление немцев, были не слишком довольны унией, ограничивавшей их возможности. Неудивительно, что по мере укрепления Швеции и развития в ней промышленной базы, связанной с добычей железных и медных руд, в которых нуждалась континентальная Европа, возникавшее недовольство все чаще выливалось в требование освободиться от власти датчан и влияния немцев.

Решительные требования подобного рода привели в 1435 г. к созыву сословно-представительного собрания, на котором было принято решение о создании шведского риксдага. Движение горожан и дворянства было поддержано общим народным недовольство во всей Скандинавии, включая Финляндию. Началось движение за разрыв унии. Это движение привело к ее распаду. У Дании вплоть до начала XIX в. оставалась власть над Норвегией. Что касается Исландии, то этот отдаленный остров с 60-х гг. XIII в. находился под покровительством Норвегии, а затем вместе с Норвегией оказался под властью Дании, оставаясь частью датского королевства вплоть до 1944 г. Зато шведы сумели сравнительно скоро воссоздать собственное королевство, сохранив лишь видимость связи с Данией (но не порвав еще унию). Окончательно Швеция освободилась от унии с Данией в 1523 г.. Что касается Финляндии, то она находилась в составе Швеции до 1809 г., когда была включена в состав России.

Глава семнадцатая. КОНЕЦ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В начале II тысячелетия, после раскола христианства на западное и восточное и укрепления власти пап во времена Григория VII позиции католицизма в Европе несколько окрепли. Папа и его преемники решили воспользоваться этим. Именно под знаменем непогрешимости пап с их требованием покорности и угрозами отлучения от церкви непокорных, что относилось прежде всего только к свет-

ским правителям, начиная с королей, церковь и папство резко усилили свой нажим на королей, что и проявилось, в частности, в крестовых походах. Освобождение Гроба Господня и реформы Григория VII, столь способствовавшие возвеличению церкви, как следует полагать, удовлетворяли папство. В эти века борьба с еретиками, хотя она никогда не прекращалась, была на втором плане. Более того, даже заметное увеличение количества ересей в XII–XIII вв., что было тесно связано с общим религиозным подъемом, вызванным движением крестоносцев и, как следствие, усилением роли христианства в Европе, т.е. более углубленным вниманием к религии как таковой, не привело в то время к заметному ужесточению преследования еретиков. Лишь в конце XIII и начале XIV в., когда итоги крестовых походов были уже очевидны, да к тому же среди высших иерархов наметились серьезные разногласия, приведшие к схизме и падению авторитета понтификов, натиск церкви на еретиков резко усилился. В частности, это нашло свое отражение в практике инквизиции.

«СВЯТАЯ» ИНКВИЗИЦИЯ

Вообще-то идея о создании грозного трибунала вызревала в церкви давно. Требования искать, судить и строго наказывать еретиков звучали и в конце XII и в начале XIII вв. Но до поры до времени эти требования не были еще практически реализованы, даже после того, как в 30-х гг. XIII в. в епископствах была введена должность папского инквизитора с большими полномочиями во всем том, что касалось преследования ересиков, включая знаменитое *аутодафе*, т.е. сожжение виновных на костре. Инквизиция стала основным оружием церковных иерархов именно после неудач крестовых походов и позора со схизмой и имела своей целью не только и не столько искоренить ереси как таковые, сколько запугать всех тех, кто посмел бы усомниться в величии папства и в декларированных католической церковью основных идеях. Эти идеи включали в себя в качестве едва ли не основного все тот же тезис о непогрешимости пап и идею о праве высших иерархов католического мира всегда стоять выше представителей светской власти. Разумеется, добраться до королей церковь не могла. Зато она стала с тем большим рвением запугивать их подданных, жестоко карая их за малейшее отклонение от жестких правил церковной жизни и, более того, за приверженность к каким-либо языческим или еретическим течениям.

Вначале обязанности активных инквизиторов взяли на себя ордена францисканцев и доминиканцев, которые исполняли роль своего рода жандармов при церкви. Стоит заметить, что монахи обоих орденов не были бедными и убогими, как то может показаться, принимая во внимание их нищенствующий статус, который подчеркивал их презрение к жизненным благам и преданность духовно-церковным делам. Более того, они, особенно доминиканцы, взяли с помощью церкви в свои руки много богословских кафедр при возникавших в те времена в различных городах Европы университетах (по меньшей мере часть университетов целиком оказывалась в их руках, что вполне логично, принимая во внимание ту роль, которую играло богословие в системе наук и преподавания). В числе видных богословов-доминиканцев были, как упоминалось, и весьма крупные и известные мыслители. Одновременно монахи этих орденов — как, впрочем, и других — развернули широкую миссионерскую деятельность. Но все это не меняет того мрачного факта, что францисканцы и доминиканцы были в числе наиболее активных инквизиторов, которые возглавляли упоминавшиеся уже трибуналы в разных странах Западной Европы, в первую очередь в Италии, Германии, Франции, Испании и Португалии.

Заслуживают внимания методы, которые были с самого начала положены в основу деятельности инквизиции. Разыскивая всюду врагов церкви, в том числе скрытых и прячущихся от справедливого с их точки зрения наказания, инквизиторы широко применяли систему доносов. Доносчики обычно щедро вознаграждались частью имущества обвиненного и особенно казненного еретика. А по отношению к еретикам применялись страшные пытки с помощью особо изощренных средств (пытка колесом, железным сапогом, водой и др.). При этом инквизиторы, подчинявшиеся только Риму и обладавшие личной неприкосновенностью, были абсолютно свободны в своем произвольном судебном следствии, равно как и при вынесении приговоров и приведении их в исполнение, от какого-либо влияния светских властей и королевских судов. Обычно измученные пытками жертвы «раскаивались» в своих заблуждениях, после чего лишались имущества (это плата за судебные издержки) и попадали в тюрьму. Те же, кто смел упорствовать либо считался заведомо виновным, подвергались, как правило, показательной казни «без пролития крови», т.е. к публичному, на городской площади, сожжению на костре. Родственники и потомки наказанных и тем более казненных подвергались различным унижениям и лишению прав. Характерно, что инквизиторы

столь же сурово карали и сумевших бежать от них еретиков, чьи изображения в этих случаях подвергались символической казни.

Бесчинства инквизиторов иногда вызывали протесты, но гораздо чаще встречали лишь молчание, а то и поддержку запуганной толпы. Только с XV–XVI вв., когда всесилие церкви подорвали Ренессанс и Реформация, а светская власть почувствовала себя достаточно сильной, чтобы попытаться пресечь свободу инквизиторов, поле деятельности церковных карателей несколько сузилось. Однако Контрреформация привела к тому, что и в этом веке и даже позже инквизиция продолжала свою деятельность, как вблизи Рима, в Италии, так и в некоторых сравнительно отсталых и особо преданных католицизму европейских странах, прежде всего во вчера еще мавританской и к тому же с большим количеством евреев Испании. Именно в этом слабом с точки зрения Рима королевстве в конце XV в. прославился своими жестокостями духовник королевы Изабеллы тот самый великий инквизитор и глава тайного суда Торквемада, по приговору которого были сожжены тысячи людей. Стоит обратить внимание на то, что среди многих других жертв в их числе были даже открыто принявшие католичество евреи или мусульмане (их обвиняли в тайной приверженности иудаизму либо соответственно исламу). Душевно неуравновешенный фанатик, явный параноик, вечно возбужденный своей миссией Торквемада в своем воспаленном воображении все время искал новых врагов, с которыми следовало расправиться. Зная это, многие в страхе бежали, что называется, куда глаза глядят. Это не останавливало великого инквизитора, который, помимо прочих, подверг символическому сожжению почти 7 тысяч бежавших от него.

Что же касается верховного трибунала в Риме, то он продолжал активно действовать и тогда, когда Европа под влиянием Ренессанса уже повернулась лицом к новому времени, когда новые научные данные стали подрывать богословские догмы церковников. Именно в это время был осужден за свое сочинение о том, что в центре мира находится не Земля и что Земля вращается вокруг Солнца, Николай Коперник. Он лично не пострадал от инквизиции лишь потому, что умер вскоре после опубликования своей книги в том же 1453 г. Зато был сожжен в 1600 г. Джордано Бруно, писавший в своих научных трудах о множественности миров и бесконечности мирового пространства. Чуть позже, в 1633 г., был принужден отказаться от своих идей о том, что Земля обращается вокруг Солнца, Галилео Галилей. Впрочем, это

был уже практически конец инквизиции[1]. В XVI в. она продолжала свое существование лишь на Пиренейском полуострове и в Италии, причем как раз в это время, если даже не несколько раньше, она прославилась известными процессами по обвинению женщин в колдовстве, т.е. знаменитой охотой за ведьмами.

ПРАВО, ЗАКОН И ЛИЧНОСТЬ

Целью инквизиции, как о том уже шла речь, было запугать людей. При этом имелся в виду не столько весь народ, но прежде всего и главным образом независимые от церкви мыслители, особенно из числа выдающихся ученых. Предполагалось, что именно это заставит быть преданными учению церковников. И в какой-то мере это удалось. Но остановить поступательный процесс эволюции церковь не могла. Общество позднего средневековья шло вперед вопреки всем усилиям церковников и запуганного ими населения. И главной причиной этого были те традиции античности, которые все еще сохранялись, особенно в городах, среди наиболее образованных и преданных идее свободы людей. А на страже идей свободы стояли сохранявшиеся со времен античной древности право и закон, выступавшие в защиту личности как таковой.

Прежде всего стоит обратить внимание на то, как укреплялась система права, тесно связанная с гарантиями свободы личности. Инквизиция заметно поколебала саму основу такого рода гарантий. Однако она не сумела сломить ее, не говоря уже о том, что всесильной эта инквизиция была далеко не везде. Она была таковой преимущественно в тех странах, которые в позднем средневековье начали заметно отставать в своем развитии от передовых, в первую очередь от Англии и Нидерландов[2].

---

[1] Стоит напомнить о том, что, согласно существующему преданию, Галилей будто бы после своего покаяния произнес классическую фразу «А все-таки она вертится». Даже если это не так, само предание свидетельствует о том, что прежняя мощь инквизиции уходила в прошлое.

[2] Нидерланды как совокупность нескольких наиболее развитых в торгово-промышленном отношении провинций северо-восточной Франции и Германии Габсбургов с XV в. хотя и были в вассальной зависимости от крупных европейских государств (с середины XVI в. от Испании), на деле являли собой едва ли не наиболее развитую часть Западной Европы. Здесь были расположены самые крупные мировые портовые города, велась обширная торговля, заключались финансовые сделки. Именно в Нидерландах в XVI в. шла война с Испанией за освобождение этой страны от феодалов, деспотов и католиков. Многие с легкой руки марксистов считают эту борьбу

К слову, это отставание отчасти коснулось и тех городов Италии, которые были столь процветающими и передовыми еще совсем недавно. И чем ближе европейский мир подходил к середине II тысячелетия, тем заметнее шло размежевание между теми странами, где власть церкви и всесилие инквизиции были очевидны, и теми, где это было не так. И место права, закона и свободы личности в этом очевидном разделе позднесредневековой Европы было едва ли не самым важным.

Истоки европейского права различны. Их справедливо ищут даже в ранних варварских судебниках (*правдах* типа Салической). Однако при этом стоит иметь в виду, что все то, что в этих «правдах» имело отношение к праву в подлинном смысле этого слова, едва ли было свободно от влияния успешно развивавшегося на протяжении многих веков античного, прежде всего классического римского права. Оно, как и общепризнанная в науке рецепция римского частного права на европейском Западе, было достаточно широко распространено в тех землях, где осели кочевники времен переселения народов и соответственно возникновения раннесредневековых королевств. Конечно, во многом раннее варварское право восходило и к обычному праву примитивных обществ. Но в любом случае сочетание обоих источников правовых норм пошло на пользу формирующемуся западноевропейскому обществу и особенно нуждавшимся в строгих правовых нормах его городам. Стоит добавить к сказанному, что и раннее христианство, складывавшееся на базе античного общества, тоже не было равнодушным к правовым нормам именно античности. И если учесть, что привычным для всего Востока и восходящим к первобытности было отношение к праву как к строгой системе обязательных для всех подданных государственных регламентов, то не приходится удивляться тому, что римское право оказалось для Западной Европы более предпочтительным.

Тесно связанное с идеей социальной справедливости, с защитой свободы личности и частной собственности, оно постоянно развивалось и понемногу укреплялось. И хотя это не мешало ни закабалению некоторой части крестьян, ни заметному ограничению ряда свобод, особенно в раннем средневековье, ни тем более страшным жестокостям инквизиции позднего средневековья, когда церковь, как бы спо-

---

гёзов с испанцами буржуазной революцией. Но она была именно войной за национальную независимость. А успешная протестантская предбуржуазия в этой стране развивалась по естественным и неотвратимым в передовой тогда Европе законам буржуазной эволюции.

хватившись, торопилась взять реванш и заставить всех подчиниться насилию, правовая база сама по себе не исчезала. Напротив, она совершенствовалась. А ссылки на древность правовых норм всегда принимались во внимание.

О роли античного римского права в раннесредневековой Европе уже шла речь в главе о трансформации варварского общества в ту далекую эпоху. Теперь стоит сконцентрировать внимание на том, как выглядели и какую роль играли уже вполне сложившееся европейское право и вся система судопроизводства в позднем средневековье. Не вдаваясь в подробности, которые сами по себе достаточно интересны и поучительны, стоит заметить, что в позднем средневековье уходили в прошлое такие варварские формы суда и судебных решений, как упоминавшаяся вскользь практика «божьего суда», когда провинившегося или преступника бросали в воду либо подвергали другим жестоким испытаниям. А на передний план, особенно в передовых странах, ранее других освободившихся от давления церковников, стала выходить практика независимого суда и судебного расследования, а также еще более важная для общества практика нерушимости закона и обязанности соблюдать его всеми, включая короля. Складывалось и внедрялось в умы населения этих стран, прежде всего Англии, представление об универсальной силе права в целом и закона в частности, что нашло свое проявление уже в 1215 г. в форме Великой хартии вольностей, существенно ограничившей произвол власти. По духу этой хартии англичане и прежде всего всесильные бароны, вассалы короля, были обязаны своему правителю верностью, но лишь на условиях соблюдения взаимных обязательств. Верность королю с их стороны была верностью **праву.**

Особенно право как таковое было важно для европейского города, который без твердых, уважаемых и соблюдаемых всеми правовых норм не мог бы не только процветать, но просто существовать. Но это не означает, что право было нормативным лишь в европейских городах. Напротив, уважение к праву входило в обычай и по мере эволюции европейского средневекового общества широко распространялось. Социальный статус человека, группы или категории лиц строго определялся правовыми нормами. Защиту этих прав осуществляли разные социальные корпорации (община, цех, городская коммуна и др.), обычно имевшие свой кодекс поведения, чаще всего и устав. При этом принципиальным отличием этих корпораций от аналогичных восточных было то, что они не только защищали своих членов

от произвола власти, но и могли опираться при этом на право и сформулированный в соответствии с ним закон.

Более того, право стало рассматриваться как неотъемлемая часть норм морали, восходивших в конечном счете ко все тому же христианству. Право в первую очередь становилось — едва ли не более (по крайней мере не менее), чем религия, — чем-то вроде связующего единства в рамках формирующегося на базе позднего средневековья новоевропейского общества. Конечно, это общество еще продолжало быть жестко структурированным в социальном плане. В нем были разные правовые нормы для различных социальных слоев. Однако в пределах ограниченной корпорацией социальной группы возникало сознание имевшего определенные и даже четко фиксированные свободы индивида. Степень свободы, очерченная правом и зафиксированная законом, была для каждой из социальных групп различной. Менее всего ощущалась она в деревне, среди крестьян. Гораздо заметней она была среди сословия знати, опиравшейся на веками вырабатывавшийся этикет рыцарства. Более и быстрее всего, несмотря на жесткую корпоративную регламентацию, шел процесс становления чего-то вроде гражданского общества со значительной свободой индивида в городах с их устойчивым самоуправлением, развитым производством и широкими связями с внешним миром.

УСПЕХИ В ПРОИЗВОДСТВЕ И ОБРАЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

Как все эти особенности повседневного бытия сказывались на образе жизни и традициях культуры позднего средневековья? Начнем с того, что двести лет, ушедшие на безуспешное освобождение Гроба Господня, не замедлили постепенного, но весьма заметного поступательного развития европейских стран. Конечно, следует принять во внимание, что многочисленные войны, особенно крестовые походы, а затем и страшные эпидемии обошлись Европе очень дорого, отняв большое количество жизней. Несмотря на наметившийся в начале II тысячелетия демографический рост, который чуть позже стал сопровождаться распашкой свободных земель и многократным увеличением поселений, включая и города, количество людей в первой половине этого тысячелетия росло не слишком быстро (стоит добавить ко всему сказанному, что продолжительность жизни обычно не превышала 35–45 лет). Однако, если продолжать вести речь о населении, то необходимо заметить, что

события позднего средневековья, включая те же крестовые походы, сыграли свою роль как в перемещении и перемешивании множества складывавшихся европейских этносов, так и в изменениях, происходивших внутри них. Во-первых, ломалась прежняя большая семья, заменяясь на малую (в среднем 5 человек) индивидуальную. Во-вторых, утверждались политические рамки новых королевств, в которых закладывались основы этнического большинства, собственных языка и письменности, а также множества особенностей (в том числе мелких, но существенно важных) национальной бытовой культуры.

Конечно, образ жизни и все особенности бытовой культуры, о которых только что было упомянуто, во многом зависели от характера окружающей среды, ландшафта, климата, условий для поддержания нормальной жизни. Это было меньше заметно в городах, где существовали хотя и различные, но в принципе везде однотипные ремесла. Более заметно различались деревни, опять-таки в сильной зависимости от окружающих их условий и реальных возможностей. Не везде была одинаково плодородной земля. Не всюду цвели виноградники. Не всегда хватало пастбищ для выпаса скота. И хотя все эти различия в конечном счете для одного не столь уж большого субконтинента можно было бы считать не слишком значительными, особенно учитывая возможности торгового обмена, они тем не менее сказывались на том самом образе жизни людей, о котором идет речь. В одних странах процветало традиционное овцеводство, в других рыболовство, в третьих виноградарство, а четвертые снабжали чуть ли не всю Европу зерном. Существенно заметить, что регулярные торговые и особенно транзитные связи с отдаленными неевропейскими народами, равно как не раз уже упоминавшиеся крестовые походы, способствовали появлению в поздней средневековой Европе множества различного рода новаций, будь то новые сорта зерна, системы агротехники и т.п. Немало нового появилось и в городе. Быстрыми темпами развивалось городское ремесло, будь то стеклодувное производство, кузнечно-ювелирное дело, изготовление и применение разного рода механизмов, особенно важных в строительном деле (несложные еще подъемные краны, домкраты, зубчатые передачи и т.п.), да и многое другое. Среди всего этого многообразия механизмов особо стоит упомянуть о механических часах, которые постепенно приучали сначала горожан, а затем и все остальное население обращать внимание на время.

Понятие времени никогда не воспринималось как нечто существенное на Востоке или вообще в примитивных обществах. Не очень

ясно, насколько ценили время в античности. Но есть основания полагать, что те греки и римляне, кто занимался предпринимательством (а таких было достаточно много), обращали внимание на этот фактор. В раннем средневековье время не играло большой роли в жизни людей. Более того, счет времени был в основном прерогативой церкви. Но в позднем средневековье, по меньшей мере с XIII в., время стало восприниматься серьезнее и цениться, особенно опять-таки теми, кто в своей постоянной деятельности зависел от предпринимательства, производства, оборота товаров и денег.

Следует сказать и об отношении к труду. И сама жизнь, и многие догматы христианства поощряли добросовестное отношение к производительному труду по меньшей мере тех социальных слоев, крестьян и горожан, которые всегда были необходимой основой общественного благополучия. Впрочем, это естественно и само собой разумеется. Более существенно то, как на деле реализовывалось это отношение, особенно если принять во внимание, сколь много праздников было в католическом календаре. Ответ достаточно ясен. Сколь большим ни было количество официальных праздников (а их число временами доходило до трети дней в году), они не могли приостановить налаженную и тем более требовавшую постоянного внимания работу как на поле, особенно в горячий сезон, так и в городском ремесле. Труд в позднем средневековье если и не всегда восхвалялся и поэтизировался (хотя бывало и такое среди изображений в церковных сооружениях), то всегда уважался. И крестьянин, и ремесленник привыкали трудиться много и плодотворно, хорошо сознавая, что именно от этого прежде всего зависит уровень их жизни. При этом стоит особо выделить городское ремесло. Если в деревне продукт труда в общем и целом обезличен в силу того, что он одинаков у всех, по меньшей мере в данной местности, то в городе этот продукт практически всегда отождествлялся с его производителем, искусство которого оценивалось в строгом соответствии с качеством произведенного. И если принять во внимание, что в условиях городского самоуправления и корпоративного надзора именно качество продукта выходило на передний план, а престиж в любом обществе всегда высоко ценился и открывал двери наверх, то легко понять, что и продолжительность рабочего дня, и старание мастера обычно находились на пределе возможного. Естественно, что это играло свою роль в темпах эволюции и производства, как и в самосознании городских жителей.

Если среди правящих верхов и феодальной знати щедрость и расточительство, свойственные примитивному обществу, продолжали считаться нормой и, более того, возвеличивали тех, кто отличался этими качествами, то среди производителей все это выглядело несколько иначе. Деньги и вообще материальное благополучие доставались тяжелым трудом и потому ценились. Это не означает скопидомство, но обязательно предполагает бережное отношение к мирским ценностям и стремление не расточать добытое тяжелым трудом, но копить и при первой возможности использовать его с целью развития и совершенствования производства, как в сельском хозяйстве, так и, особенно, в ремесле. Важно принять во внимание, что это ценное качество успешного производителя сыграло свою существеннейшую роль на заключительном этапе позднего средневековья, а также стало в эпоху Реформации едва ли не главной основой протестантизма и всей протестантской этики, легшей, в свое время, согласно концепции М. Вебера, в фундамент капитализма.

Завершая изложение проблемы производства, труда и накопления как существеннейших элементов образа жизни основной массы населения в позднесредневековой Европе, следует остановиться еще на одном важном аспекте, сыгравшем свою роль в приближении конца средневековья. Речь о том, что очень серьезный толчок, приблизивший конец этой эпохи, дало изобретение огнестрельного оружия, внедрение которого кардинальным образом изменило характер войн. Корабли, оснащенные пушками, превратились в грозный вид вооружения, а снабжение тех же кораблей появившимися примерно в то же время новыми астронавигационными приборами, включая и компас, создали основу для переворота в судоходстве и заложили фундамент будущих Великих географических открытий.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Все эти новации, будь то изобретения, приведшие к Великим географическим открытиям, или особенности образа жизни основной части населения в передовых северных регионах Европы, которые создали фундамент для церковной Реформации, о чем только что было упомянуто, наносили удар за ударом по кардинальным основам экономической, социальной и политической структуре средневековья. В первую очередь это были удары по всесилию церкви, которая в конце эпохи, о которой идет речь, превратилась в наиболее консервативную силу. Как легко понять, в христианском учении — во всяком

случае в той его модификации, которая господствовала на протяжении позднего средневековья, — не было заложено стремления к новациям. В практике же деятельности церкви, даже оставив в стороне прямое насилие в форме инквизиции, преобладали схоластика и догматизм. Естественно, что это вызывало протест, прежде всего со стороны наиболее образованной и готовой к интеллектуальному противостоянию церковникам части общества. Здесь мы вплотную подходим к проблеме культурного уровня и развития культуры в позднем средневековье.

Наибольший урон престижу церкви с ее первоначально, на заре средневековья, едва ли не абсолютной монополией на грамотность, знание, обучение, образование нанес заметный рост культуры в позднесредневековой Европе. Частично этот рост был результатом естественного развития, отчасти — следствием постепенно все усиливавшегося интереса к давно утраченным и очень показательным, даже интригующим традициям античности, к самой мысли, возбуждаемой этими традициями. В немалой мере он был связан все с теми же крестовыми походами, которые дали много новых и весьма ценных для развития европейской культуры знаний и заимствований. Для примера стоит еще раз упомянуть об огнестрельном оружии, основой которого был в конечном счете изобретенный китайцами и знакомый арабам порох, который европейцы сумели использовать для военных целей, для вооружения типа мушкетов и пушек. Это нововведение, правда, не столько способствовало развитию культуры, сколько послужило толчком для многих последующих военных — да и не только военных — акций. Известно, сколь важным оказалось огнестрельное оружие в успехах европейцев в столкновениях с остальной частью планеты, в частности, в их колониальных захватах. Но при этом, существенно оговориться, нельзя не принять во внимание, что колониализм, при всей противоречивости этого исторического явления, был немалой частью, в конечном смысле даже основой будущей культурной гегемонии европейцев в мире.

Книгопечатание и распространение книг тоже изменило обстановку в позднесредневековой Европе и оказало огромное влияние на развитие общества. Конечно, знакомство с печатной книгой — ксилографией — в Китае намного опередило появление книгопечатания в Европе. Но стоит в качестве компенсации упомянуть о том, что книги в Европе очень быстрыми темпами перестали быть в основном, как то очень долго оставалось в том же Китае, перепечаткой мудрости древних. Их, помимо знакомства с прошлым, использовали для ознакомления с новыми сочинениями, что резко ускорило темпы разви-

тия образования и научных поисков европейцев, среди которых в это время было уже весьма много оригинально мыслящих интеллектуалов. Широкое распространение печатных книг создало и во много раз увеличило эту группу и дало толчок появлению большого количества различного рода специалистов, теоретиков и экспериментаторов. Они были способны и имели возможность читать книги по различным отраслям знания и в итоге становиться знающими и учеными, причем не только в сфере теологии и философии, как то бывало прежде, но и во многих иных отраслях знания. Появились люди, способные открывать новые научные направления, хорошие знатоки одних и любители других наук. Но и это еще далеко не все.

У интеллектуалов оживился неподдельный интерес к античной древности. Этому способствовал тот факт, что многие давно считавшиеся пропавшими древние сочинения были переведены с арабского или привезены из Византии. Они и стали базовой основой университетских библиотек, появлявшихся то в одном, то в другом из многочисленных открывавшихся в больших городах Европы университетах (к XV в. их было уже около 60). Церковь в свое время немало сделала для того, чтобы исказить учение Аристотеля. Ведь его наследие оказало большое влияние на средневековую мысль, но насторожило церковь. Один из уже упоминавшихся виднейших теологов XII–XIII вв. Фома Аквинский немало сделал для того, чтобы «приручить» Аристотеля своими теологическими комментариями и тем сделать античного мудреца вполне приемлемым для становившихся все более настороженными иерархов католической церкви. В позднем средневековье тот же Аристотель, да и многие другие мудрецы древности были как бы реабилитированы. Их труды, очищенные от церковных наслоений, оказали свое позитивное воздействие на развитие интеллектуальной элиты Европы.

Вообще, если XIII и XIV вв. были периодом господства мистики как в официальной христианской теологии, так и среди европейских мыслителей, то в конце этого периода и чуть позже церковная теология с ее мистикой и схоластикой все чаще начала подвергаться завуалированной критике, а внимание стало уделяться наукам о природе, естественному знанию, добывавшемуся преимущественно опытным, экспериментальным путем. Появлялись, естественно, и ученые нового типа. Одним из первых ученых такого рода стал оксфордский профессор XIII в. Роджер Бэкон. Он и его последователи, среди которых стоит выделить У. Оккама, внесли немалый вклад в развитие физики, химии, оптики, механики, астрономии. Таких ученых вплоть до конца

XV в. было еще очень мало, но они уже появлялись, причем это было грозным сигналом для становившейся на все более реакционные позиции католической церкви.

Прибавим ко всему сказанному новую светскую литературу, которая стала потрясать умы не только сказаниями в стиле древнего героического эпоса, с чем христианство еще могло как-то примириться, но создававшимися заново величайшими шедеврами мировой культуры, такими, как знаменитая «Божественная комедия» великого флорентийца Данте Алигьери (1265–1321). Это был едва ли не первый свободный в творчестве поэт средневековья и в то же время первый поэт близкого уже нового времени, которое вполне могло бы водрузить знамя с его портретом над всеми сотнями и тысячами своих книг, как научных, так и художественных. Нельзя сказать, что поэма Данте была не в ладах с учением церкви. Прямых оснований для этого не было. Но это было принципиально новое по сути своей произведение, в котором многие традиции античности нарочито выходили на передний план, тогда как христианские нормы (рай, ад и т.п.) служили лишь легко снимаемой ширмой. Данте открыл дорогу писателям, до того довольствовавшимся в основном примитивными развлекательными рыцарскими романами и поэмами.

За Данте последовали другие выдающиеся творческие личности, как например поэт Франческо Петрарка (1304–1374) или Джованни Боккаччо (1313–1375) с его «Декамероном». И вообще с этого момента на передний план в сфере культуры стали выходить городская литература, а затем и принципиально новое изобразительное искусство городских художников, наиболее крупным из которых был Джотто ди Бондоне (1266–1337). Именно он внес в привычные евангельские сюжеты жизненное земное начало, за что справедливо считается едва ли не первым — как и Данте — представителем европейского предренессанса. Можно было бы прибавить к этим именам несколько других, менее значительного масштаба, которые шли в том же направлении. Но сказанного вполне достаточно, чтобы обратить внимание на то, как в области культуры буквально со всех сторон закостенелой догматике церкви бросались вызов за вызовом. Наступала новая эра, эра освобожденной от оков личности. И хотя таких личностей было еще очень немного, их оказалось вполне достаточно для того, чтобы вызвать к жизни все сметающее на своем пути мощное движение Ренессанса, т.е. Возрождения.

Возрождения чего, вправе мы спросить. И здесь может быть только один ответ: возрождения тех великих античных завоеваний, которые некогда породили само понятие свободы, которые сформировали независимо мыслящую личность, дали толчок развитию частной собственности и, что едва ли не важнее всего, гражданского общества. В Западной Европе с эпохи Возрождения одержала окончательную победу и вышла на передний план, стала определять дальнейшее развитие та система институтов, которая принципиально отличала Запад от Востока. Была возрождена социополитическая структура, способствовавшая укреплению практики самоуправления. Были созданы условия для того, чтобы окончательно восторжествовали правовые нормы и ушел в прошлое произвол феодалов. Нельзя не учитывать, что все это совершалось многими вполне осознанно. Первые итальянские гуманисты, о которых только что шла речь, огромное внимание уделяли описанию, воспеванию античности с ее жизнерадостным мировоззрением, свободным от норм догматически-аскетического богословского восприятия жизни.

РЕНЕССАНС, РЕФОРМАЦИЯ И ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

С Ренессанса началось — не побоимся тавтологии — подлинное возрождение европейской культуры. И хотя можно вести речь лишь об очень узком культурном слое, сила его была в том, что в числе первых гуманистов были такие гении и титаны человеческой культуры, которые в другие времена встречались много реже. Если XIV в., начиная с Данте, мы вправе считать предвозрождением, то начиная с XV в. Возрождение как широкое движение выдающихся деятелей мировой культуры стало не просто фактом, по величайшим в своем роде, даже уникальным движением, обретшим характер то ли эстафеты, то ли чего-то наподобие цепной реакции. Леонардо да Винчи и Микеланджело, Рафаэль и Тициан, Эразм Роттердамский и Франсуа Рабле, Томас Мор и Т. Кампанелла, Н. Коперник и Д. Бруно, Ф. Бэкон, Н. Макиавелли, М. Монтень, да и многие-многие другие. Начавшись в Италии, это великое и очень высоко поднявшее Человека и его культуру движение за короткий по тем временам срок прокатилось мощной волной по всей Европе.

Не для всех гениев эпохи Возрождения участие в этом движении прошло легко и безболезненно. О преследовании инквизицией

Коперника и Бруно уже упоминалось. К числу жертв ее можно добавить известного ученого и естествоиспытателя Г. Галилея, да и немалое количество других выдающихся независимых от церкви умов. Но эти преследования уже не могли остановить движение гуманизма, объективная направленность которого была вызвана к жизни потребностями времени, нового времени, которое стояло уже на пороге исторического процесса. Не все великие зачинатели Ренессанса сознавали, что они движут человечество от строго охранявшегося церковью застоя мысли позднего средневековья. Не все даже в глубине души были за то, чтобы как-то ограничить становившуюся все более реакционной и явно задерживавшей прогресс европейской культуры католическую церковь. Но все они, как бы охваченные единым порывом, двигались в одном направлении, которое объективно вело к формированию новой культуры, стремились выступить против церковного догматизма и схоластики. Если использовать терминологию А. Тойнби, всем им был брошен великий вызов эпохи, причем именно они, цвет европейской культуры, приняли этот вызов и дали на него адекватный, быть может, даже более чем просто адекватный, ответ.

Великие эпохи, как было сказано в свое время Марксом, рождают великих людей. Это, если угодно, иной аспект все того же тезиса Тойнби о вызове и ответе на него. Возрождение оказалось эпохой, которая коренным образом переломила ход истории; оно стало гранью между заходившим в тупик средневековьем и открывавшим необъятные просторы новым временем. Но чтобы достойно войти в эпоху нового времени, следовало найти ту опору, которая способствовала бы этому. Такая опора давно уже существовала и называлась античностью. Античные традиции, о чем уже шла речь, никогда не умирали в средневековой Европе. И вот пришло, наконец, время, когда можно и нужно было не только возродить их в полном объеме, но и придать им некоторое иное, созвучное другой исторической эпохе содержание и звучание. Именно это и было проделано гениями и титанами мысли в период Возрождения.

В основе Ренессанса лежал гуманизм, т.е. сформировавшаяся уже в конце средневековья идея защиты свободы и достоинства личности, освобождения человека от угнетения со стороны власть имущих, включая и церковь, от рабской покорности своим господам. И хотя процесс освобождения в истории был длительным и даже в Европе он занял еще ряд веков, начало было положено. Гуманизм стал лозунгом тех, кто всегда стоял за свободу и независимость, за право всех людей

на достойную жизнь. В этом величие и историческая роль движения. В этом, если угодно, конечная суть и истинный смысл Возрождения. Но сила Ренессанса как исторического феномена была еще и в том, что движение не осталось в одиночестве. Все тот же великий вызов эпохи, о котором уже было упомянуто, требовал от общества разобраться с церковью. Не подвергая сомнению христианство как доктрину, наиболее глубоко и трезво мыслящие и принципиальные богословы и иные деятели католической церкви, давно уже недовольные практикой склонных к стяжательству и роскоши высших иерархов, в условиях широко распространившихся в Европе гуманистических идей Возрождения сочли не только возможным и уместным, но прямо-таки необходимым выступить за новую церковь. И это было не только и не столько движение за обновление или за нестяжательство, сколько вполне обоснованное стремление кардинальным образом изменить, пересмотреть роль церкви в резко трансформирующемся обществе, в жизни людей, а также характер взаимоотношений человека с Богом. На смену средневековой догматике, схоластике и мистике традиционного богословия шло рациональное отношение к религиозно-духовной жизни христиан. Это движение, начавшееся со знаменитого выступления немецкого богослова Мартина Лютера в 1517 г., получило наименование Реформации.

Требования Лютера сводились к тому, что католическая церковь не должна предоставлять за деньги отпущения грехов (это обычно выражалось в форме продажи индульгенций) и что вообще нет нужды в посредничестве церкви и ее служителей для взаимоотношений верующего христианина с Богом. Для спасения души нужны не внешние религиозные обряды, но лишь глубокая внутренняя вера. Иными словами, между Человеком и Богом должны быть установлены глубоко личностные отношения, тогда как функции сильно упрощенной в своей обрядовой пышности и обильности богослужений церкви должны быть сведены к минимуму. Священники этой принципиально новой — протестантской, как ее стали именовать — церкви должны с помощью одной только Библии, безо всяких наслоений позднейшего времени, включая как священное предание, так и многочисленные изображения Иисуса, его матери и святых, помогать каждому найти свой путь к Богу. Лютеранство быстро нашло отклик в Германии и ряде других стран северной Европы, где оно со временем приняло различные формы, часто с уклоном в пуританские призывы к строгому аскетизму и отказу от столь частых в католицизме празднеств

(кальвинизм в Швейцарии, англиканство в Англии). Но, что едва ли не главное, оно оказалось весьма удобным оружием подымающего голову бюргерства и поддерживавших бюргеров правителей для борьбы со склонной к стяжательству католической церковью.

Как своего рода религиозный Ренессанс, протестантизм стоял за упрощение церкви и в этом (но только в этом!) смысле за возврат к раннему христианству, а также за отмену разных церковных поборов и секуляризацию накопленного церковью и монастырями имущества, включая многие богатые земельные угодья. На протяжении XVI в., несмотря на Контрреформацию, провозглашенную католицизмом во главе с Римскими папами и всей их разветвленной церковной структурой, протестантизм одерживал победу за победой. Поддержанный крестьянством и вызвавший к жизни ряд так называемых религиозных войн, начиная с Великой крестьянской войны 1524–1525 гг. во главе с революционно настроенными протестантами Мюнцером, Цвингли и другими, он выдержал нелегкую борьбу за свое существование. Ни энергичный нажим на немецких протестантов готового к примирению с Римом императора, ни избиение французских гугенотов в страшную Варфоломеевскую ночь августа 1572 г. не привели к успеху сторонников Контрреформации. И, хотя католицизм как религия и церковь во главе с папой в результате все-таки уцелели, протестантизм сохранился как равноценная католицизму новая христианская религия. Знаменитый Генрих IV хотя и заявил, что «Париж стоит мессы», т.е. католического богослужения, издал в 1598 г. знаменитый Нантский эдикт о свободе вероисповедания.

Религиозные распри XVI в. вслед за Ренессансом сыграли важную роль в истории новой Европы. Они освободили ее от закостеневших оков некогда столь важного для ее в прошлом варварского населения влияния всесильной церкви. И они открыли перед ней — особенно перед той ее частью, которая стала зоной протестантизма, — новые, невиданные прежде перспективы. Справедливости ради важно заметить, что эти перспективы были тесно связаны со всем тем, что принесли на рубеже XV–XVI вв. Великие географические открытия, начавшиеся с экспедиции Христофора Колумба и продолжившиеся не менее значимыми открытиями морских путей в Америку, Индию и другие дальние страны. Открытия, о которых идет речь, были не столько исключительно смелыми, даже дерзкими рывками мужественных людей в незнаемое, но и прежде всего символом тех перемен, на путь которых со времен Ренессанса вступила быстрыми темпами изменявшаяся Европа.

Надо сказать, что важную роль в этих открытиях сыграли не только весьма смутные еще сведения о шарообразности Земли и о возможности открыть морской путь в богатую пряностями Индию с запада, но и огромные успехи в искусстве мореплавания и создания приборов, необходимых для дальних путешествий. Стоит в скобках заметить, что по меньшей мере некоторыми из таких достижений и приборов владели в совершенстве в том же XV в. и китайцы, чей флот из многопалубных фрегатов во главе с адмиралом Чжэн Хэ совершил в начале этого века несколько впечатляющих экспедиций в страны южных морей и даже в восточную Африку. Но, вновь обращая внимание на принципиальную разницу между Востоком и Западом, стоит заметить, что императорский флот Китая, построенный и путешествовавший за счет казны, не приносил империи ничего кроме весьма призрачного престижа и колоссальных убытков, вследствие чего он после ряда такого рода путешествий был поставлен на прикол и уничтожен. В то же время юркие шхуны Колумба, Васко да Гама и иных европейцев, действовавших на свой страх и риск (хотя иногда прибегавших и к помощи коронованных особ — но лишь в форме займов), сумели достичь таких результатов, на которые китайцы и не надеялись.

Как бы то ни было, но результатом Великих географических открытий было появление многих новых возможностей, о которых европейцы прежде не могли и мечтать. Из Америки конкистадоры целыми кораблями направляли в Европу золото и серебро, что вызвало вскоре, как известно, революцию цен, больно ударившую по населению не только всей Европы, но и Оттоманской (Османской) империи. Открылась и стала быстро и энергично развиваться практика колонизации дальних, вновь открытых для европейцев земель. Резко увеличились торговые обороты, по сравнению с чем приток пряностей, ради которых Колумб искал на западных берегах Атлантического океана путь в Индию, был лишь одним из многих и, быть может, далеко не самым важным результатом. Следует сказать, что Великие географические открытия и последовавшие за ними колонизация вновь открытых земель и резкое расширение торговых и иных связей европейцев со всеми странами мира, т.е. практически с тем самым Востоком, который, включая Америку, столь разительно отличался от привычных европейских стандартов, способствовали резкому, быстрому развитию Европы. Ведь именно после Ренессанса, религиозной Реформации и новых великих открытий европейцы получили столь желанную для них возможность использовать те

преимущества (отточенные веками правовые нормы и защищенная законом частная собственность, полная свобода предпринимательской активности и политические гарантии государств, в которых на смену средневековым монархиям постепенно, но вполне ощутимо приходили новые формы государственного устройства, включая восставшие из пепла республиканские структуры либо ограниченные парламентом королевства), которые когда-то предоставили столь широкие возможности античному миру, а теперь дали новой Европе толчок к энергичному развитию.

Завершая рассказ о средневековье, важно обратить внимание на то, что окончание его не было одноразовым и вообще быстрым актом — вопреки тому, что было принято считать еще сравнительно недавно в отечественной науке. Стоит напомнить о попытках датировать начало нового времени то нидерландской, то какой-либо еще революцией. Революция — любимое детище историков-марксистов. Но сегодня уже иное время. И мы вполне в состоянии понять, что имеем дело с длительным процессом, который к тому же происходил неравномерно и далеко не с одинаковыми результатами, по меньшей мере до XIX в. Обо всем этом речь будет идти в третьем томе работы. Пока же еще раз напомню читателю, что сложившееся со времен солоновской Греции принципиальное отличие европейского Запада от всего остального мира, пройдя через многие века, которые были отмечены различными событиями, в XV–XVI вв. вновь во весь голос заявило о себе. Вне Европы этот голос не сразу и далеко не всеми был услышан. Но понемногу европейская цивилизация со всеми ее радикально обновленными стандартами заявила о себе везде. О ней узнали древние страны Востока, становившиеся колониями либо зависимыми от европейских держав, а также многие вновь созданные государства типа США, Канады, Австралии и ряда других, где европейский стандарт уже с начала XVII в., т.е. практически сразу после решающих процессов XV–XVI вв., стал основой их последующего развития. И хотя это развитие, стоит повторить, шло не всюду одинаково быстро и в равной степени, оно в конечном счете затронуло весь мир, включая и Россию.

ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО НА ВОСТОКЕ И НА ЗАПАДЕ

Сторонники деспотической монархии и в наши дни привычно считают, что **не государство для человека, а человек для государства.** Если пытаться расшифровать эту нехитрую мысль и оценить ее, суть

ее сведется к тому, что каждый в макросоциуме, превращавшемся в суперэтнос на Востоке или в нацию на предбуржуазном Западе, должен был всегда готов умереть во имя блага своей страны, прежде всего могучей державы. Не говоря о том, что именно такая готовность воспринимается как патриотизм, а отсутствие ее как недостаток оного, важно обратить внимание на те реалии, которые с ранней древности исторически способствовали этой позиции. Дело в том, что для традиционно-восточной цивилизованной структуры власти-собственности, для общества восточного типа с его элементарными внутренними связями между управляемыми, которые всегда были только подданными, и правителем, выбора не было. Государство как организованная сила было залогом спокойного и более или менее успешного существования коллектива. Если его не было, и правящие верхи, и управляемые ими низы были потенциально обречены. Но зато платой за существование государства стало с момента его возникновения на Востоке практически полное подчинение подданных правителю и его аппарату администрации, само собой превращавшемуся в аппарат принуждения, а то и насилия.

Неудивительно, что в такого рода обществах и государствах просто не могли возникать идеи о равенстве или свободах, о правах и законных требованиях граждан. Альтернативой их были привычные представления о долге и справедливости (в Китае оба эти понятия считались настолько близкими, что обозначались одним и тем же иероглифом), а также о чем-то вроде благополучия и даже благоденствия, условия для которых призвано было создавать все то же государство. К слову, именно в этом немаловажном пункте устремления подданных часто не просто совпадали с затаенными желаниями управителей, но и активно способствовали их реализации, отчего чаще всего и возникали войны или начинались нашествия кочевников, что вело, как то бывает в азартной игре, либо к выигрышу, либо напротив, к сокрушительному проигрышу. Независимо от того, сколь часто в серьезных академических исследованиях анализируют войны как азартные игры, есть основания заметить, что эта функция в любой войне по крайней мере у одной из воюющих сторон присутствует. Впрочем, сейчас речь не о войнах.

Для анализа различий в отношениями между человеком и государством на традиционном Востоке и антично-предбуржазном Западе важно не только это. Имеет смысл и другое. В частности, если уж завершить разговор о проблеме войн, имеет смысл обратить внимание на то,

что отношение к войне (а это в некотором смысле ключевой момент) у античных граждан было несколько иным, чем на традиционном Востоке. Если на Востоке, да и в феодальной Европе, правда, в зависимости от обстоятельств, военную функцию осуществляли обычно профессионалы, дружинники или просто специально обученные воины, а то и представители вполне определенного социального слоя (кшатрии, дафу, самураи, иктадары, тимариоты, рыцари), то в античности это были сами граждане. Стоит напомнить, что все граждане. И только в поздней греческой античности и особенно в имперском Риме они стали замещаться наемниками, теми самыми, кому в Риме после 15–20 лет службы, если уцелеют, давали достаточно приличные земельные наделы, преимущественно в колониях на территории Европы.

И еще. В позднеантичной Греции времен Александра, когда начался второй раунд греко-персидских войн, завершившийся крушением империи Ахеменидов и эллинизацией Ближнего Востока, воевали уже — во всяком случае, со стороны греческих полисов, насколько можно судить, именно наемники, прежде всего преимущественно они. Другими словами, о насильственной мобилизации граждан (о Спарте нет речи, там война была основным занятием спартиатов) не было речи. То же можно сказать и о средневековых городах, в частности ломбардских, где существовали необходимые в случае нужды воинские ополчения (приходские, квартальные, фамильные) из горожан, но основную тяжесть военных столкновений обычно возлагали на наемников. Это с особой силой проявилось в XIII в., в разгар ожесточенных столкновений гвельфов с гибеллинами. К слову, стоит обратить внимание на то, что обе партии в этой борьбе — при всей их явно выраженной специфике — считаются почти что родоначальниками партийно-демократического противостояния более позднего времени.

Не возвращаясь вновь к специфике средневековых западноевропейских городов и принимая во внимание многое из свойственных им противоречий и неувязок, надлежит вычленить из этой пестроты главное. А оно, это главное, в том, что рядом с феодальными структурами восточной по облику власти-собственности с обществами восточного же типа уже в XII–XIII вв. существовали города с самоуправлением, правами и свободами античного характера и со всем тем, что из этого следовало, начиная со свободомыслия и кончая взаимоотношениями человека и власти. Власть в этих городах была временной и выборной, чем все они и отличались от соседних королевств с их

укреплявшимися монархиями, уже готовыми покончить с феодальной децентрализацией. И хотя время для четкого противостояния в формуле «человек для государства или государство для человека», столь явственно проявившегося в период расцвета античности, включая ближневосточный эллинизм, и начинавшего заявлять о себе на дальнем западе Европы в конце средневековья, еще не наступило, его зримые черты были уже вполне заметны. Мало того, если говорить об обществе позднего средневековья, то его в Западной Европе — и тогда еще только там, нигде более, — **следует считать обществом смешанного типа,** несшим в себе в разной пропорции и в различных местах региона черты и признаки обществ западного, антично-предбуржуазного, и традиционно-феодального восточного типов[1]. Впрочем, нечто сходное, хотя и сущностно весьма особенное, ибо лишенное античной основы и потому близкое традиционно-восточному оскопленному обществу, мы можем наблюдать на примере ряда восточноевропейских стран того же исторического периода, о чем теперь и пойдет речь.

[1] Подробнее об обществах смешанного типа см.: *Васильев Л. С.* Эволюция общества. М., 2011. С. 39–68.

Часть четвертая

Между Востоком и Западом

Читатель помнит, что Восток и Запад в данной работе — понятия не географические, а историко-культурные. В главах четвертой части тома речь пойдет о странах, которые географически расположены между Западной Европой, с одной стороны, и Востоком — с другой. Впрочем, следует тотчас оговориться, что географическое расположение этих стран очень тесно связано с их историко-культурными традициями. Более того, география, т.е. близость одновременно к Западу и Востоку, как раз и сыграла решающую роль в определении этих традиций. И наоборот, влияние той либо иной из упомянутых традиций-цивилизаций определило в конечном счете тот путь, который оказался характерным для историко-культурного развития данной страны либо группы соседних стран.

Первое место среди этих стран по праву занимает Византия. О ней было сказано в третьей главе тома в связи с проблемой возникновения ислама. Этой проблеме была посвящена специальная глава именно потому, что появление ислама и все, связанное с ним, сыграло решающую роль в формировании того излома в историческом процессе, который определил переход человеческого общества от одной фазы, тесно связанной с античностью и эллинизмом, к другой, обозначенной в истории Западной Европы как средневековье. Излом существенно изменил характер и темпы развития человечества в целом. Он затормозил и несколько исказил ход развития феодально-предбуржуазного Запада, находившегося почти тысячелетие в состоянии трансформации, и в то же время способствовал спокойному и достаточно долгому развитию по соседству с ним прежнего традиционного Востока, т.е. практически всего неевропейского, даже, скажем точнее, незападноевропейского мира. А коль скоро между этими принципиально различными мирами, т.е. Востоком и Западной Европой, в средневековый период находилась некая геополитическая полоса из стран и народов, близких и к Западной Европе, и к остальному миру, то неудивительно, что в их развитии наметились некоторые особенности. О них и пойдет теперь речь.

Страны, оказавшиеся между Востоком и Западом в упомянутый период, различаются и по длительности исторической традиции, и по характеру общественной структуры, и по уровню развития, да и по многим другим параметрам. Но главное — это исторические судьбы. Именно специфика судеб этих стран и народов позволяет, пусть с должными оговорками, сгруппировать их в три основные группы. Первая — это все та же Византия и долгое время, вплоть до ее гибели, очень тесно примыкавшие к ней страны Закавказья, Грузия и Армения. Вторая — восточная часть Восточной Европы, или просто Русь, т.е. наше отечество. Особенности его исторического развития тесно связаны именно с тем, что оно оказалось между Востоком и Западом. И, наконец, третья — это многочисленные и разноплеменные группы народов и стран западной части Восточной Европы, воспринявшие в основном, хотя и не сразу, да и не полностью, что следует считать вполне естественным, культуру и нормы жизни Западной Европы. Вот в такой последовательности три выделенные выше группы стран и народов станут теперь объектом нашего внимания.

Глава восемнадцатая. ВИЗАНТИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Восточная Римская империя, возникшая в IV в. после разделения Рима на две части, уже с первых десятилетий своего существования начала заметно отличаться от Западной. Нельзя сказать, что на ее северных — балканских — землях вовсе не было следов Великого переселения народов. Следы были, как и варварские племена, их оставлявшие. Но византийские императоры не допустили создания варварских королевств. Они сумели добиться этого, потому что продолжали оставаться сильными правителями, опиравшимися на крепкую централизованную власть. Во владении империи, т.е. под властью императора и в ведении государственной казны, находилось не менее трети всей земли, которую было легко получить на правах долгосрочной аренды всем земледельцам. В стране задавала тон свободная община, хотя встречались, пусть не в очень большом количестве, и сельские работники типа колонов, иногда посаженных на землю рабов. В системе земельных отношений широкое распространение получила практика заключения договоров и соглашений, регулировавших основные формы землепользования, арендную плату, налогообложение и т.п. Эти особенности были тесно связаны с римскими античными традициями, высоко ценившими частноправовую систему отношений, к тому времени реализованную прежде всего в Риме. Однако стоит обратить

внимание на то, что, несмотря на явный приоритет в этом плане Рима, своего апогея частное римское право достигло именно в Византии, причем уже после крушения западной части империи, в годы правления императора Юстиниана (527–565). Как известно, при его жизни был составлен знаменитый кодекс его имени.

Юстиниан был одним из наиболее заметных и успешных правителей Византии. При нем построили знаменитую Софию, этот великолепный и грандиозный храм, красота которого производила незабываемое впечатление на всех его посетителей, включая и первых русских князей, побывавших в Константинополе. Города империи, начиная со столицы, были неплохо благоустроены. У варварских королевств на территории бывшей Западной Римской империи, пусть и ненадолго, Юстиниан отвоевал всю северную Африку и немалую часть Италии. Он сумел подавить выступление константинопольцев, недовольных введением казенных монополий на торговлю продуктами, а также волнения в других частях империи. Правда, к концу его правления ситуация в стране осложнилась, а из завоеваний сохранились лишь Равенна, Сицилия и часть северной Африки. Юстиниан был вынужден сократить налоги и армию. Но в целом его царствование, о чем уже шла речь в первой части тома, было одним из самых ярких в истории Византии.

Начиная с Юстиниана была достигнута высокая степень централизации власти — то самое непременное условие, которое исключает рождение и тем более укрепление феодализма как системы политической раздробленности. Две префектуры и множество провинций, внушительный штат вышколенных чиновников-администраторов при незначительной роли нечиновных крупных земельных собственников — все это, да и многое другое, весьма пристрастно описанное в «Тайной истории» Прокопия Кесарийского, свидетельствовало о постепенной ориентализации Византии. Преемники Юстиниана и особенно императоры так называемой Македонской династии (X–XI вв.) также боролись за то, чтобы земельные участки крестьян, особенно воинов-стратиотов, были неотчуждаемыми, дабы не попали в руки крупных землевладельцев. В то же время четкое отсутствие принципа наследственной власти императора и весьма заметная роль сената, как и армии, а также следы античного полиса в городах были тем наследием Рима, которое какое-то время сохраняло некий баланс между влиянием восточной и западной традиций. Этот баланс, со временем заметно ослабевая, постепенно уходил в прошлое. А на смену ему шло укрепление православного христианства, хотя догматически не слиш-

ком, но реально все же очень отличавшегося от западного, римского, а по многим параметрам, не чисто религиозным, весьма активно ему противостоявшего.

Нельзя сказать, чтобы свойственная традиционному Востоку структура с ее институтами власти-собственности и централизованной редистрибуции была в Византии преобладающей. Скорее напротив. Но стоит принять во внимание, что ослабление собственников в рамках все еще господствовавшей рыночно-частнособственнической структуры, которая веками опиралась на античные традиции и для которой частная собственность была священной, постоянно заботило аппарат власти. Об этом, в частности, свидетельствует принятый в VIII в., после наплыва в Византию больших групп мигрантов-славян, «Земледельческий закон». Его суть сводилась к тому, чтобы все земледельцы империи были обеспечены необходимыми для ведения хозяйства угодьями, использование которых на практике должно было регулироваться общиной. Согласно этому закону, свои права имели работавшие на чужой земле из половины урожая испольщики-арендаторы, а также наемники-батраки.

Это означает, что в Византии шел процесс притирания друг к другу двух разных структур, двух стандартов существования, как то имело место в свое время в городах ближневосточного эллинизма, значительная часть которых вошла со временем в состав Восточной Римской империи. Можно было бы сравнить это сочетание с тем, которое было характерным для средневековых королевств Западной Европы, о чем шла речь в конце третьей части тома. Но разница — и это весьма существенно — была в том, что в Западной Европе шел процесс укрепления рыночно-частнособственнического стандарта при ослаблении восточного, тогда как в Византии дело обстояло прямо наоборот. Хотели того правители или нет, но здесь процесс шел, пусть медленно, но в обратном направлении.

ИКОНОБОРЧЕСТВО И ЕГО ИТОГИ

Православная церковь находилась в полном подчинении императора, считавшегося если и не понтификом, то во всяком случае верховным покровителем восточного (греческого) христианства. В реальности богословские споры и проблемы трактовки сущности Иисуса и его места в Троице, столь волновавшие церковных иерархов, были для императоров не слишком актуальными. Они редко вмешивались в эти споры. Но зато их, как иногда и некоторых вос-

точных владык, например, китайских императоров в конце династии Тан, весьма тревожили все обогащавшиеся монастыри. Монахи, бывшие в христианстве вначале, как обычно считалось, лишь озаренными Божьей благодатью харизматическими личностями, от которых церковные иерархи освобождались, строя для них в отдаленных и пустынных землях скромные обители, с течением времени стали мощной силой. Эта сила пришла к монастырям в результате щедрых земельных и иных пожалований при освобождении от налогов и повинностей. Кроме того, именно из среды монашества — черного духовенства — церковь черпала высших иерархов.

Огромные веками накопленные богатства монастырей были лакомым куском, на который трудно было не обратить внимание в централизованной империи, вечно страдавшей от недостатка средств и с большим трудом обуздывавшей аппетиты крупных собственников, в чьи карманы стекалась, минуя казну, со временем существенно возраставшая доля доходов. Логичный итог сложившейся ситуации — конфликт между государством и церковью в лице ее монастырских владений. Этот конфликт принял в Византии VIII–IX вв. форму борьбы с иконами. В 726 г. император Лев III из Исаврийской династии, в прошлом военачальник-*стратиг*, объявил почитание икон и святых мощей суеверием, идолопоклонством и дал понять, что те, кто с этим несогласен, будут рассматриваться как мятежники. Церковный собор 754 г. поддержал это начинание. Стоит заметить, что формально власти, да и церковь, опираясь на все предшествующие церковные споры, имели некоторое основание для борьбы с иконами. Ведь иконописцы, берясь за изображение Бога и тем более Троицы, невольно могли впасть в ту либо иную уже осужденную самой церковью ересь. Как бы то ни было, но по инициативе императора конфликт, подоплека которого отнюдь не имела отношения к религии как таковой, начался.

Эдикт императора вызвал резкое несогласие многих, как монастырских церковников, так и поддерживавших их мирян, среди которых были представители самых разных слоев населения. В итоге длительной, свыше века, борьбы с монастырями и монахами, конфискаций и преследований основная часть накопленного церковью богатства перешла в казну, что удовлетворило власти и привело к укреплению государства. Эти приобретения императоров были весьма кстати, если принять во внимание, что они совпали с потерей под ударами арабов-мусульман богатейших южных провинций, Сирии и Египта, которые в немалой степени снабжали империю необходимыми ей продуктами.

В итоге, поставив церковь на место, государство не спорило с решением седьмого Вселенского собора, который в 787 г. осудил иконоборчество. Лишь спустя ряд десятилетий после этого собора, в 843 г., вопрос об иконоборчестве сняли. Православные иконы были реабилитированы.

В дальнейшем между государством и религией в Византии конфликтов не было. Государство бдительно следило за тем, чтобы богатства церкви не превышали допустимые нормы, а удовлетворенная этим церковь, завершив борьбу с еретиками и иконоборцами, направила усилия на иные цели. Речь идет в основном о миссионерском движении по отношению к северным соседям Византии, прежде всего к славянам. Но об этом чуть позже. Сейчас несколько слов о внутренней структуре империи.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ

Еще в VII в. было положено начало делению всей страны на округа-*фемы*. Во главе фем стояли военачальники-стратиги, что, с одной стороны, вроде бы способствовало военному укреплению государства, лишившегося вследствие нашествия арабов своих восточных и южных провинций и столкнувшегося с натиском славян с севера, а с другой — привело к усилению стратигов. Из их среды все чаще выходили претенденты на престол (одним из них был Лев III, проводивший политику иконоборчества). Опасаясь давления со стороны стратигов, императоры Македонской династии, начиная с Василия I (867–886), прилагали усилия для того, чтобы стратиги и крупные собственники (динаты) не могли богатеть за счет разорения крестьян и превращения их в зависимых париков. Был принят ряд законов, отстаивавших права общинных земледельцев, а также ограничивавших влиятельных людей, получавших за заслуги немалые земельные пожалования. Такие пожалования, пронии, теперь строго ограничивались лишь сроком жизни их владельцев, что лишало крупных землевладельцев права передачи пожалованного по наследству, не говоря уже о каких-либо льготах, налоговых и тем более судебных иммунитетах, которыми подчас широко пользовалась западноевропейская феодальная знать.

Параллельно изменилась и система земельных отношений. В Византии появилось многочисленное сословие военнопоселенцев-*стратиотов*, которые получали от власти наследственные необлагаемые налогами (кроме поземельного) наделы. А в системе остальных земледельческих форм стала преобладать независимая от землевладельцев сельская община. В ее пределах можно было

сдавать и брать в аренду участки земли, но нельзя было, что всегда отличало общину на традиционном Востоке, продавать и покупать надел. Правда, со временем появилось неписаное правило, позволявшее отчуждать надел в пользу богатого соседа. Существенно добавить к сказанному, что в годы правления Македонской династии Византия, как бы оправившись от поражения со стороны арабов, отвоевала у них Сицилию, Крит, Кипр и часть Сирии с Антиохией. Ей также удалось подчинить Болгарию и сербов.

В эпоху правления династии Комнинов (1081–1185) ситуация в стране стала более сложной. Несмотря на все усилия правителей и аппарата власти, количество крупных землевладельцев, т.е. лиц, получавших пронии, а также соответственно и число зависимых земледельцев-париков возрастало. Явное ослабление центральной власти при императорах этой династии сыграло, видимо, главную роль в этом процессе. Усиление *прониаров* было результатом определенного ослабления аппарата администрации. Подчас это вело даже к появлению чего-то вроде иммунитета, пусть и не вполне полного. Это побуждало императоров, в частности Алексея I (1081–1118) и его преемников, вновь обратить внимание на накопленные церковью и монастырями богатства. За счет секуляризации пополнялась оскудевшая казна. Более поздняя попытка обуздать явное своеволие владетельной знати привела династию к гибели, а правители пришедшей ей на смену кратковременной династии Ангелов (1185–1204) были вынуждены вовсе ослабить державные вожжи, что и послужило одной из важных причин кризиса и расчленения — пусть и не слишком долгого — Византии в ходе Четвертого крестового похода.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ

Об истории крестовых походов речь подробно шла в главах, посвященных средневековой Европе. Однако важно сказать несколько слов о внешней политике и войнах Византии. Как и многим иным империям, воевать ей пришлось немало. В первый период ее существования, кроме серии победоносных завоеваний Юстиниана, это были войны с сасанидским Ираном в IV–VI вв. в Закавказье, значительная часть которого была христианизована и потому тяготела к Византии, а также столкновения с персами в районе южных провинций. Здесь еще до арабского нашествия борьба (609–619) вначале складывалась удачно для персов, отвоевавших у Византии Египет, Палестину, Сирию и даже подходивших вплотную к Босфору. Однако, заключив

союз с хазарами и открыв второй фронт на Кавказе, Византия сумела в конечном счете одолеть сасанидское войско и восстановить статус-кво. Впрочем, вскоре после этого началось движение на запад арабов-мусульман. Арабы подошли к Константинополю и в 717 г. штурмовали его. К счастью для Византии, штурм завершился полным провалом и гибелью большей части арабского войска. Но Византия потеряла богатые южные провинции. Христианское население их, видимо, некоторое время еще рассчитывало на поддержку Восточной Римской империи. Во всяком случае, при императоре Льве III арабы снова потерпели поражение в своих попытках захватить Константинополь и даже вынуждены были очистить не только Малую Азию, но и Сирию. Однако в дальнейшем ситуация складывалась для византийцев менее удачно. Сирия вернулась под власть халифата.

Массовое движение славян на юг на северных территориях привело к заселению ими малоосвоенных земель на Балканах. Но часть славян осела и на территории Малой Азии. Впрочем, наибольший удар был нанесен позже, в XI–XII вв., когда огузы-сельджуки захватили Армению и значительную часть Малой Азии. В это же время были войны с венграми и болгарами, которые завершились не в пользу Византии. И хотя императоры династии Комнинов один за другим мужественно сражались с многочисленными противниками империи, одерживая подчас убедительные победы, общая внешнеполитическая ситуация складывалась не в пользу Византии.

Видя это, Комнины попытались даже укрепить свои позиции за счет налаживания отношений со странами Западной Европы. Но эти попытки вследствие постоянных церковных споров и связанных с ними различных тенденций в сфере культурных традиций не привели к успеху. Напротив, они едва не завершились гибелью империи. Решительный разрыв в 1054 г. между католической латинской и греческой православной церквами, за которым стояло, помимо прочего, стремление Запада, в частности Рима, отмежеваться от вмешательства светской власти в церковные дела, привел к дальнейшему ослаблению Византии. А когда надругательство сельджуков над святынями в Палестине послужило поводом для крестовых походов, европейские папство и рыцарство сумели извлечь из этого прямую выгоду для себя за счет Византии. Коварство венецианских торговцев, заинтересованных в расширении своих торговых возможностей, привело к тому, что в процессе упомянутого Четвертого крестового похода крестоносцы оказались близ Константинополя. В 1204 г. город пал под их ударами.

Результатом захвата столицы и гибели сменившей Комнинов династии Ангелов стало расчленение Византии на ряд частей. Возникла управляемая выходцами из Западной Европы Латинская империя (1204–1261). К власти в Константинополе пришли европейские аристократы и рыцари, включая ревностных католиков, ненависть к которым усугубила разрыв между родственными христианскими церквами. Кроме того, появились греческое Никейское государство, Трапезундское на южном побережье Черного моря и Эпирское на Балканах. Все эти и возникшие чуть позже еще некоторые более мелкие государства оказались непрочными и недолговечными. Конфликт с болгарами предопределил довольно быстрое крушение Латинской империи. Попытка разделить территорию Византии по европейскому стандарту на крупные феодального типа лены не принесла ожидаемых результатов. Крестоносцы быстро теряли занятые ими позиции, а все выгоды достались коварной Венеции, которая не стремилась к территориальным захватам, но зато сумела очень удачно половить рыбку в мутной воде или, говоря более понятно, овладеть важнейшими торговыми центрами, портами и путями. Чуть позже к Венеции присоединилась Генуя, чьи купцы активно осваивали Причерноморье, в том числе Крым, строя там города и фактории.

Конечный результат не заставил себя долго ждать. Никейское государство, расположенное неподалеку от Константинополя, в середине XIII в. сумело нанести поражение правителям остальных частей Византии и вновь объединить империю под руководством Никейской династии Палеологов (1261–1453). И хотя первый из императоров этой династии Михаил VIII (1259–1282), завоевавший и вновь объединивший Византию, преломил неблагоприятную для государства политическую ситуацию, его преемники не смогли добиться многого. Более того, в годы правления Палеологов занесенные извне, с Запада, институты, и прежде всего иммунитетные привилегии в рамках усилившегося церковного и светского крупного землевладения, сильно ослабили аппарат центральной власти. Города, особенно большие, правда, расцветали, но в значительной мере за счет активности венецианцев и генуэзцев и связанного с этим некоторого ослабления роли бюрократического контроля государства в них. В полном соответствии с этой неблагоприятной для державы ситуацией оскудевала казна, росли цены. А ко всему изложенному следует добавить натиск с востока турок-османов, которые уже на рубеже XIV–XV вв. не раз пытались захватить Константинополь.

Освобождение империи от западных пришельцев и объединение ее под властью императоров последней династии было успехом. Но едва ли не последним в истории этой страны. От державы, большая часть владений которой была безвозвратно потеряна, осталось немногое. Михаил Палеолог мужественно продолжал вытеснять оставшихся латинских баронов, стремился сократить влияние венецианцев и генуэзцев. В борьбе за остатки могущества державы он был готов пойти даже на унию с католической церковью, не без основания рассчитывая на влияние римского понтифика. Но все его начинания не приносили желаемого результата. Особенно это стало очевидным в XIV в., когда турки-османы овладели значительной частью как Балкан, так и Малой Азии, охватив Константинополь с небольшими окружавшими его территориями в жесткие клещи. Правда, поражение османов в столкновении их с войском Тимура в 1402 г. на несколько десятилетий задержало продвижение турок к Константинополю. Однако это не могло остановить победоносного движения Османского султаната.

Успехи турок вызвали беспокойство в Западной Европе. Но попытка объединить западных союзников Византии в борьбе с турками не привела к успеху, как и неоднократные обращения православных императоров к католическому Западу с просьбой о церковной унии, которая, будучи уже даже оформлена в 1449 г., так и не была принята населением Византии. В 1453 г. осажденный турками Константинополь пал. Город подвергся разрушению. Но главную его достопримечательность — храм святой Софии — турки пощадили (не исключено, что его было очень не просто разрушить). Храм был превращен в мечеть и стал служить символом величия столицы исламского мира. Как бы то ни было, но с падением Константинополя и с ликвидацией величайшего из православных храмов завершилось существование Византии, этого, как позже любили говорить на Руси, второго Рима.

НЕСКОЛЬКО ИТОГОВЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Падение Византии являет собой поучительное историческое явление, к которому стоит присмотреться, что называется, с разных сторон. Прежде всего, обращает на себя внимание динамика или, если точнее, коварство исторического процесса: ведь, казалось бы, Константин Великий в свое время все учел и предусмотрел. На Востоке было спокойнее, жизнь текла в стабильном ритме, столь любимом

в этой части мира. Здесь были богатые города и все условия для спокойного и даже роскошного существования. Сохранялись привычные для Рима нормы, в частности, заметная роль сената, отсутствовали серьезные противники. Большую роль играло признанное официальной религией христианство, которое стало своим для Египта, Сирии, Закавказья, позже и для Балкан. Оно усмиряло бунтующие страсти и духовно объединяло подданных новой империи. У христианства не было достойных соперников и все, казалось бы, говорило за то, что именно эта восточноримская империя будет всегда процветать, что за ней будущее.

Разумеется, никто и никогда не был и не будет в состоянии предвидеть все вперед, тем более на тысячелетие. Но и речь вовсе не об этом. Просто выбор Константина выглядел, да и на самом деле был в его время более чем удачным. Но ведь вот незадача: Рим рухнул, а западноримская церковь уцелела и стала, пусть не сразу и не слишком легко, но все же стала в некотором смысле путеводной звездой для всего Запада. Кроме того, забытые на востоке империи античные корни там дали свои всходы. Варвары оказались не столь уж невоспитуемыми, как то представлялось во времена Константина. А рядом с Византией, да еще и с ее помощью вызревал ислам — религия, которая в некоторых важных отношениях оказалась намного сильнее христианства. И все пошло не так, как, вроде бы, должно было идти.

Обратим внимание еще на одно немаловажное обстоятельство. Несмотря на существование в Византии временами усиливавшихся некоторых признаков отношений феодального типа, особенно в моменты ослабления власти центра, **феодализма западноевропейского типа здесь не возникло. Не было ни института вассально-сеньориальных связей, ни рыцарства, ни ярко выраженных междоусобиц, ни многих других основных признаков обычно децентрализованной феодальной системы.** Не было всего этого по одной причине — в Восточной Римской империи не возникло ничего похожего на децентрализацию и политическую раздробленность. Периоды ослабления власти центра были, как правило, недолгими и замещались восстанавливавшейся сильной централизованной властью. При этом характерным для империи было нечто вроде сосуществования традиций античной структуры с явственно дававшей о себе знать типичной структурой восточного типа. А эта последняя, о чем уже шла речь, становилась заметнее по мере естественной трансформации уходившего все дальше от античности византийского общества. Хорошо это или плохо?

Во времена эллинизма сосуществование такого рода играло на Востоке позитивную роль. Восток получил от античности много, очень много. Не исключено, что это многое сыграло свою важную роль тогда, когда шедший на смену доэллинистической древности и на помощь эллинистической хоре исламизованный Восток набирал силу и начал проявлять ее в столкновениях с Византией, да и не только с ней. А вот изолированной от Запада, да еще и поставившей себя во враждебные отношения с католическим западным христианством Византии сосуществование не могло принести пользу. Оно лишь ослабило империю, лишив ее многого из того, что составляло силу трансформировавшейся в те же времена Западной Европы.

И последнее, о чем стоит сказать. Когда заходит речь о восточных элементах византийской традиции, и в частности ее культуры, трудно удержаться от того, чтобы не упомянуть о расхожих представлениях о византийском коварстве, подлых хитростях, интригах и вообще о тех византийских нравах, которые считаются спецификой именно этой страны и ее общества, ее культуры, особенно отчетливо проявлявшей себя в поведении ее элиты, правящих верхов. Честно говоря, при знакомстве с трудами о культуре Византии, написанными специалистами, эта ее сторона в глаза не бросается. Более того, может создаться впечатление, что подобного рода представления сильно преувеличены. При попытках понять, откуда они пошли, приходит на ум именно то, о чем только что было упомянуто, — наличие в Византии, вроде бы западном по религии и античным истокам государстве, заметных и со временем все более дававших о себе знать восточных элементов культурных традиций. На Востоке весь этот набор «византийской» специфики (коварство, интриги, придворные заговоры и т.п.) — обычное дело. Собственно, с этим были знакомы и в западноевропейских странах. Быть может, разница в количестве и утонченности. Но как раз этим-то Византия и была обязана, насколько можно предположить, именно заимствованным восточным традициям.

Теперь, завершив повествование о Византии, обратим внимание на христианские государства, которые были все время очень тесно с ней связаны, но не разделили судьбу тех, вроде Сирии и Египта, кого навсегда захлестнула волна воинственного ислама. Речь пойдет о соседних с Византией Армении и Грузии. Падение Константинополя и прекращение существования Византии было едва ли не наиболее тяжелым ударом для этих стран Закавказья, которые приняли христианство вместе с римлянами и чувствовали свое тесное духовное

родство с империей, защищавшей их от натиска со стороны враждебных им восточных государств. Этот натиск, постоянно ощущавшийся и прежде, резко усилился после исламизации большинства соседних с христианскими государствами Закавказья территорий и возникновения Арабского халифата, не говоря уже об оккупации самого Закавказья. Но оно выстояло. Длительность исторического существования Армении и Грузии в качестве центра христианства в море восточной культуры заслуживает специального внимания.

АРМЕНИЯ

Судьба государств Закавказья и особенно Армении с первых веков оформления их в качестве самостоятельных государственных образований была тревожной, иногда трагичной и почти все время наполненной борьбой за политическое существование. Будучи небольшими государственными образованиями, они редко могли проводить самостоятельную политику и гораздо чаще зависели от более сильных соседей. Сведения о ранней истории Армении, если не считать государство Урарту, о населении которого, как и о предках армян, мало что известно с достаточной степенью достоверности, восходят к древности. Есть сведения о существовании так называемой Малой Армении и Большой Армении (позже включившей Малую в свой состав). Они относятся к тем временам, когда в этом регионе политически доминировали мидяне и персы. Скорее всего, Армения была сатрапией Ахеменидской империи вплоть до походов Александра Македонского. После этого она, видимо, стала частью, скорее всего, тоже сатрапией, державы Селевкидов. Во времена армянского царя Арташеса I (II в. до н.э.) в стране возникли города, а в годы правления Тиграна II (I в. до н.э.), сумевшего заключить союз с понтийским царем Митридатом Евпатором, территория Армении расширилась. В этот период истории страны эллинистические порядки способствовали увеличению числа городов, в том числе с греко-македонскими переселенцами, и развитию торговли.

Но союз с понтийским Митридатом привел к печальным последствиям: Армения была завоевана Римом, платила ему дань и стала его союзником в борьбе с Парфией. После этого Армения долгие века была частью Римского Востока, а в IV в. она была разделена надвое: часть оказалась под властью сасанидского Ирана, а другая — стала союзной территорией Рима, откуда в Армению пришло христианство. Армяне затем предпочли христианство монофизитского толка (армяно-григорианская церковь), что, впрочем, не помешало церков-

ным иерархам страны, как и всей Армении, поддерживать достаточно тесные связи с константинопольским патриархатом и считать себя православными. Автокефалия, т.е. некоторая степень церковной автономии, признанная Константинополем, содействовала этому, как и сплочению армян в единую конфессионально-этническую общность. Эта общность имеет свое значение вплоть до наших дней, ибо она является связующим началом для всей многочисленной армянской диаспоры, которая весьма велика и в количественном отношении уступает разве что иудейской.

Христианство способствовало развитию культуры. Был изобретен армянский алфавит, появились многочисленные письменные памятники и литературные произведения, в том числе и переводы. В конце VI в. значительная часть иранской Армении вошла в состав Византии, но вскоре после этого Армения попала под власть Арабского халифата, что, к слову, способствовало развитию торговых связей страны. Почти два века Армения была частью халифата. Но с первых же проявлений упадка силы арабских халифов и развала великой державы на части в Армении в 886 г. (чуть ли не с санкции самого халифа) выделилось государство Багратидов, о котором мельком упоминалось в главе о халифате. Багратиды установили контакты с Византией и Грузией и добились быстрого восстановления разрушенного войнами и нашествиями хозяйства страны. Было немало сделано для восстановления величия православной церкви — достаточно напомнить о кафедральном соборе в городе Ани, бывшем в то время столицей Армении.

Обострение отношений с Византией привело к падению династии Багратидов, а вскоре после этого страна испытала нашествие турок, огузов-сельджуков. Жестокая политика тюркских кочевников вынудила многих армян, особенно горожан, мигрировать в Византию. В XII—XIII вв. Армения, освобожденная от власти сельджуков и ориентированная на сближение с Византией, добилась определенных успехов в своем развитии, ее города и торговля процветали. Строились крепости и соборы, монастыри становились центрами национальной культуры, при них функционировали школы, в том числе и высшего разряда. При всем том давление тюркских кочевников с востока не прекращалось. А с начала XIII в. Армения, как и многие другие страны, стала жертвой монголов, что привело к разрушению ее городов и к упадку культуры. Армянская государственность была практически уничтожена, а важную роль духовного центра армян стала играть церковь.

Соперничество татарской Золотой Орды с иранскими ильханами, а затем и походы Тимура (вся эта борьба затрагивала узкие долины Закавказья, через которые шли дороги с севера на юг) окончательно разорили страну. XIV–XVI вв. были едва ли не наиболее тяжелыми для экономики Армении, что вызвало еще одну волну массовой миграции населения на запад. Тяга в эту сторону была естественной для твердо державшихся веры предков армян, лишившихся поддержки погибшей Византии. Некоторые из торговцев были позже насильственно переселены сефевидским шахом Аббасом в Иран. Вообще Армения как страна во многом продолжала держаться и сохраняться именно благодаря усилиям армянских торговцев, игравших важную роль в транзитной торговле позднего средневековья как на Востоке, так и на Западе. Разделенная на две неравные части, Армения была вынуждена перенести центр страны на север, в район Еревана, а центром армянской православной церкви и местожительством патриарха (католикоса) стал Эчмиадзин. В 1639 г. территория страны еще раз была формально поделена между Турцией и Ираном. И только связи с православной Россией помогли армянам со временем восстановить если и не самостоятельное государство, то во всяком случае свободное от давления со стороны восточных соседей существование. Георгиевский трактат 1783 г. и Туркманчайский договор 1828 г. решили вопрос о присоединении северной части страны к России.

ГРУЗИЯ

Расположенная к северу и северо-востоку от Армении Грузия имела аналогичную судьбу. История фиксирует столкновения ранних протогрузинских племенных групп еще в начале I тыс. до н.э. с урартами и киммерийцами. Затем начинается существование страны колхов, Колхиды, как самостоятельного царства (греческий миф о Золотом руне позволяет считать, что это царство было достаточно заметным политическим образованием в районе юго-восточного Причерноморья). Здесь было немало греческих колоний, развивалась торговля, прежде всего с античной Грецией. Скотоводство, садоводство, виноградарство делали экономику страны весьма оживленной. Существовали города с развитым ремесленным производством, в которых жили и торговцы. После завоеваний Александра активные торговые связи велись и с Северным Кавказом, и с эллинистическим государством Селевкидов. Во время усиления понтийского Митридата Евпатора Грузия оказалась частью его государства, а вскоре после этого была включена в число

территорий, завоеванных знаменитым римским полководцем Помпеем, став одной из очень многих стран в составе Римского Востока.

В III–IV вв. в Грузии, как и во всей Римской империи, широко распространялось христианство. Одновременно с Византией эту религию здесь приняли в качестве государственной, что способствовало укреплению связей Грузии со странами Запада. Автокефальная грузинская православная церковь стала важным элементом развития национальной культуры. Как и в Армении, при этом огромную роль играли монастыри. В стране был создан национальный алфавит, возникла богатая церковная литература, получила развитие национальная, опять-таки прежде всего церковная, архитектура, воздвигались храмы с богатой и изысканной росписью. В период усиления сасанидского Ирана Грузия находилась в числе стран, зависимых от него, что, впрочем, не мешало ей поддерживать связи с Византией. А в результате успешных сасанидско-византийских войн начала VI в. Грузия на некоторое время формально стала частью Византии. Впрочем, уже через столетие после этого она подверглась атакам мусульман, а еще через сто лет, в начале VIII в., была включена, хотя и ненадолго, в состав Арабского халифата.

Распад Багдадского халифата позволил Грузии возродиться вначале в виде нескольких самостоятельных небольших государств. К этому времени относится быстрое экономическое развитие страны, возникновение городов, установление торговых и иных связей. Развитие Грузии примерно с XI в. отличается от того, что довелось в это время испытать завоеванной сельджуками Армении. Оказавшись в стороне от натиска кочевников, Грузия вступила в полосу процветания. Давид Строитель (1089–1125) обеспечил единство страны и создал основы крепкой централизованной администрации. Позже было усилено войско, в немалой степени за счет привлечения в Грузию в качестве военной силы северокавказских половцев. Все это помогло отразить натиск турок-сельджуков. А при преемниках Давида Строителя, в частности, в годы правления царицы Тамары (1184–1213), территория Грузии достигла своих наибольших пределов. Были объединены все разрозненные грузинские земли, освобождена от власти сельджуков часть Армении и поставлены в зависимость от Грузии некоторые другие соседние территории, включая Азербайджан и часть территории Северного Кавказа. Это было время расцвета Грузии. В стране сложился и окреп аппарат администрации, частично испытавший на себе влияние Востока (глава его именовался визирем), велось большое строительство, развивалась торговля. Высокого уровня достигла

национальная культура. Достаточно напомнить о Шота Руставели с его «Витязем в тигровой шкуре» и о великолепной храмовой архитектуре. Было создано немало монастырей, которые стали центрами чтения и перевода книг, изучения иностранных языков, создания богословской литературы.

В начале XIII в. Грузия, как и многие другие страны, переживала нашествие монголов, которые подвергли цветущую страну страшному разорению. Затем через грузинские земли опустошительным вихрем пронесся Тимур. В итоге Грузия в XV–XVI вв. распалась на ряд небольших царств, которые были не в состоянии сопротивляться агрессивным набегам соседей, включая персидского шаха Аббаса. В ходе мужественной борьбы грузин во главе с Георгием Саакадзе с сефевидским Ираном в первой трети XVII в. удалось отстоять независимость страны. Затем Грузия подверглась натиску турок. Спасение страны — после падения Византии — виделось в укреплении связей с увеличивавшей свое могущество православной Россией. Все тот же Георгиевский трактат 1783 г. послужил формальной основой для соединения Грузии с Россией.

ВИЗАНТИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ (АРМЕНИЯ И ГРУЗИЯ)

Небольшой экскурс в историю Грузии и Армении свидетельствует о том, сколь важную роль объективно играло существование могущественной державы — Восточной Римской империи — в истории этих двух небольших православных государств, расположенных на восточных окраинах Византии. Находясь в окружении враждующих и воюющих друг с другом стран Востока и будучи расположенными на пути, по которому завоеватели перемещались с севера на юг и обратно, эти небольшие государства были самой историей обречены на то, чтобы стать частью какой-либо из тех стран Востока. Есть все основания считать, что эти православные государства в сложных условиях постоянных политических и иных перемен едва ли сумели бы самостоятельно не то чтобы сохранить независимость (ее они время от времени теряли, подчас надолго), но остаться такими, какими они стали после христианизации.

Влияние Византии, само существование ее рядом с ними, постоянные если и не политические, то духовные контакты и ощущение некоего высокого культурного единства — важнейший фактор, способствовавший сохранению национально-культурной идентичности Армении и Грузии. Независимо от того, сохраняли ли эти государ-

ства свою территориальную целостность или теряли ее, входили они полностью либо частично в состав тех или иных исламских держав, Грузия и Армения — и это очень важно осознавать — развивали свою культуру. Они свято хранили заложенную православным христианством конфессиональную основу национальной традиции, этическую норму, манеры поведения, образ жизни.

Может возникнуть законный вопрос: а почему же южные православные провинции Византии, прежде всего Сирия и Египет, оказались в ином положении? Почему они сравнительно легко отказались в лице подавляющего большинства своего населения (о христианском меньшинстве сейчас нет речи) от православия и приняли ислам, а со временем и вовсе утеряли свою древнюю национально-культурную идентичность, став странами арабского мира? Этот вопрос немаловажен именно тогда, когда идет сравнение одних православных провинций либо соседей Византии с другими. Ведь и Египет, и Сирия, и Палестина были в той же степени частью эллинистической культуры, а затем и римского Востока, что и Грузия с Арменией. Более того, Грузия и Армения были далее всего от Рима и вообще от Запада и ближе всего к Востоку. Ответ на этот принципиально важный вопрос дать не очень легко. Но обратим внимание на то, что может помочь найти ответ.

Православное христианство в Сирии и Египте, при всем его значении для этих стран, их истории и населения, как и влияние эллинистической культуры, традиционно имело преимущественное распространение среди городского населения. Деревенская хора, а это основная часть населения, не была затронута эллинистической культурой и нормами жизни. Возможно, христианство сыграло в жизни населения хоры несколько большую роль. Но едва ли за два-три века, с середины IV до середины VII в., оно сумело глубоко войти в плоть и кровь стран с большой историко-культурной традицией. Едва ли **все весьма многочисленное население** Египта и Сирии (хотя оно было знакомо с христианскими идеями очень рано, чуть ли не со времен Христа) за эти несколько веков глубоко осознало жизненную важность христианской веры. Едва ли все оно (речь прежде всего о той же гигантской и обычно крайне медленно воспринимавшей все новое хоре) могло столь быстро и решительно трансформироваться, чтобы ***сделать своей*** совершенно новую для него культуру. И вряд ли все оно было готово стоять за христианскую веру с ее принципиально иными по сравнению с прежними этическими нормами и образом жизни, что называется, намертво.

Иное дело — Армения и Грузия. Эти небольшие страны со сравнительно малочисленным населением формировались как государства позже. Они не имели, насколько можно судить, достаточно четкого противопоставления эллинов и хоры в период эллинизма и, что очень важно, осознали свое национально-культурное единство, свою идентичность и отличие от всех восточных соседей именно тогда, когда были христианизованы и получили вместе с православным христианством от Византии основы высокой культуры, начиная с грамотности. Национальные автокефальные церкви стали признанными очагами национальной культуры, формировали систему ценностей западного антично-христианского типа, во многих отношениях принципиально отличную от тех ценностей, что тысячелетиями определяли нормы жизни и мировосприятия на традиционном Востоке. Здесь, в отличие от Сирии или Египта, не ощущалась тяжесть вековых традиций восточной хоры. И потому здесь не было пусть и не слишком резкого, но все же ощутимого чувства некоего облегчения, которое явственно сыграло свою роль в процессе исламизации, а затем и арабизации тех же Сирии и Египта.

Восток со всеми его тысячелетними традициями был чужд для армян и грузин. А Византия, пусть часто и не имевшая возможности помочь им и защитить Грузию и Армению, а иногда и имевшая с этими странами, в частности с соседней Арменией, конфликты, все равно оставалась для них, метафорически выражаясь, родной матерью. С религиозной культурой, нормами жизни и системой ценностей Византии население этих небольших стран в сложившейся для них ситуации враждебного окружения остро ощущало свое духовное родство.

Неудивительно, что падение Восточной Римской империи под ударами турок отозвалось трагическими событиями в Грузии и особенно в Армении. Армения на ряд веков оказалась под властью турок. И хотя турки признавали факт существования иноверцев-армян, и в турецких — бывших византийских — городах, где проживало много армянских торговцев, официально признавалось существование армяно-григорианских общин-миллети, жизнь армянского населения под властью мусульманских правителей была нелегкой. Она существенно облегчилась в XIX в. лишь для северной части страны, вошедшей в состав России. Но вскоре после этого, уже в начале XX в., остальную часть армян почти целиком вырезали турки, очем армяне никогда не забывают.

Что касается Грузии, то на ее долю выпало меньше напастей. Хотя она временами и была расчленена, случались события, которые помогали грузинам сплотиться и выстоять под ударами сильных противников, каким был, в частности, сефевидский шах Аббас. В любом случае стоит заметить, что православие как духовная основа существования этих двух небольших народов сыграло едва ли не решающую роль в сохранении их идентичности, национальной культуры и образа жизни и в конечном счете в их естественной тяге к России, которая после гибели Византии стала для них — вот уж где это было не лозунгом, а реальностью — своеобразным третьим Римом.

Глава девятнадцатая. РУСЬ

Проблема возникновения Руси теснейшим образом связана не столько с историей славянских этнических общностей, наседавших на Византию еще со времен Юстиниана, сколько с гораздо более серьезными и неясными пока еще для науки вопросами о том, как и когда начал функционировать — если он вообще существовал — путь «из варяг в греки» по Днепру и вообще по современной территории России и какую роль в этих торговых контактах играли славяне. Важно было бы также знать, при каких обстоятельствах возник Киев, кто и когда основал этот город и правил в нем. В частности, как объяснить то, что из русских летописей явствует практически неоспоримо. Имеется в виду полное отсутствие в них упоминаний о каких-либо предводителях этнической общности полян либо древлян или иных родственных им славянских групп. Они, как известно, сообщают о том, что первыми правителями и тем самым создателями государственности в этой части Европы были варяжские конунги-князья. Именно они со своими дружинами с середины IX в. являлись единственной реальной властью сначала в Новгороде, а затем и в Киеве. Разумеется, при всем том роль Византии, как и ее религии и культуры, в создании Русского государства была огромна. Но все же стоит сказать обо всем по порядку.

В учебном пособии «История России. С древнейших времен до конца XVIII века» (М., 2000. С. 58) говорится, что будто бы «давно уже доказано, что ни варяги, ни хазары славянам государственность не принесли», что у славян **«очевидно** (очень хорошая оговорка! — выделено мной, — Л.В.) **не позже VIII в.** появились свои княжения». Однако так ли это **очевидно?** Ведь реальных фактов, которые свидетельствовали бы о существовании собственных «княжений» у каких-либо восточнославянских этнических общностей в VIII в. пока, насколько

известно, не обнаружено[1]. Правда, есть данные о неких русах, которые были в середине IX в. у стен Константинополя, т.е. как раз там, где кончался загадочный путь «из варяг в греки», который будто бы патронировался варяжскими конунгами с их дружинами. Но в упомянутом уже учебном пособии прямо сказано, что «вопрос о происхождении термина "Русь" в нашей историографии, к сожалению, довольно искусственно запутан», хотя при этом справедливо замечено, что «вполне доказано, что термин этот пришел с севера». Эта последняя ремарка очень важна: «Русь» как термин, безо всяких сомнений, скандинавского происхождения, а само слово имело самое непосредственное отношение к варягам, которые вели торговые дела (а подчас и воевали) с Византией, причем далеко не обязательно достигая ее пределов с помощью Днепра, а не иначе.

Можно, конечно, высказать много предположений, но факт при этом останется фактом: реальные «княжения» в ранней Новгородско-Киевской Руси появились в результате появления скандинавов с севера, т.е. появления варягов, как о том и сказано в древнейшей русской летописи. Конечно, быть может, есть основания критиковать летопись за те либо иные ошибки. Но нельзя не видеть того, что там прямо сказано: с 862 г. в районе Новгорода, а чуть позже и в Киеве жили только варяжские конунги с дружинами, а о противостоявших им каких-либо славянских князьях летопись молчит. Или упоминает о неких легендах, связанных с полуэтнонимами-полутопонимами типа Кий, Щек и Хорив, а также со скандинавами Аскольдом и Диром[2], о «княжении» которых, к слову, речь тоже не идет.

---

[1] Можно предполагать, что этнические общности полян, древлян и иные лишь в IX в., причем именно под влиянием возникшей в Киеве власти варяжских князей, стали на путь трибализации. Об этом свидетельствует упоминание в русской летописи о существовании некоего *князя* по имени Мал у древлян в годы правления Ольги, т.е. в середине X в.

[2] Вокруг имен этих варягов и проблемы их существования скопилась большая литература, из которой, впрочем, явствует, что ничего толком о них не известно — одни предположения и смутные отождествления. Складывается представление, что Дира, быть может, вообще не было, тогда как Аскольд все же был. Однако в любом случае оба были уничтожены Олегом, который обвинил их, будто бы дружинников Рюрика, в узурпации власти в Киеве. Если принять эту последнюю, наиболее весомую версию, складывается впечатление, что до того в Киеве никакой власти вообще не было.

КИЕВ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

Ну а как же все-таки с проблемой славян? О них летописи немало сообщают, не имея при этом в виду ни существования государственности, ни тем более сколько-нибудь регулярной торговли. Начнем с того, что мало что известно об одной из наиболее развитых групп славян, живших в интересующем нас регионе. В частности, это касается этнической общности полян, которая, судя по ее наименованию, жила в степных районах Приднепровья, быть может, и в районе Киева. Но об отношении этой общности к городу Киеву во все том же IX в. данных нет. Похоже на то, что Киев как поселок был в то далекое время хазарским пограничным торговым центром. Есть данные о том, что византийский император Константин Багрянородный (913–959) употреблял иное, более древнее наименование Киева — Самватас. Эта крепость была, видимо, основана хазарами, причем, скорее всего, в первой половине IX в. Она, как следует полагать, была вначале чем-то вроде отдаленного их гарнизонного центра. Хорошо известно, что Хазария, официально принявшая в то время *иудаизм* как официальную государственную религию, распространяла свою власть на широкую территорию степи, от устья Волги до Днепра. Есть упоминания и о том, что поляне платили хазарам дань за право жить в этой степи, причем дань платили по принципу «по монете с каждого двора».

Киев стоял на перекрестке дорог с севера на юг («из варяг в греки», если этот путь существовал и хоть сколько-нибудь регулярно функционировал) и с востока на запад. Что касается пути транзитной торговли с востока на запад, который заведомо был и, похоже, достаточно использовался, то по нему торговлю вели, видимо, связанные с Хазарским каганатом еврейские торговцы. Об евреях-радланитах, торговавших через Киев, говорится в арабских текстах. Среди известных современной науке документов есть свидетельство о том, что в Киеве в X в. обитала иудейская община, торговые связи которой с более отдаленным Западом были в то время делом обычным. Имеется в виду тщательно исследованное письмо, которое датируется первой половиной X в. и повествует о случайности, связанной с торговлей киевских еврейских купцов с их западными коллегами (кто-то взял кредит, его ограбили, кредиторы его заковали; евреи, помогите, кто может!).

Славяне в то время в этом городе-крепости и торговом центре, скорее всего, еще не жили, ибо среди них в IX в., насколько известно, ни городского населения, ни племенной верхушки, ни специалистов-

торговцев еще не было. Они были земледельцами, и их деревни-общины постепенно осваивали земли вокруг будущей столицы их государства. Насколько можно понять, славяне стали переселяться в Киев позже, из освоенных ими степных земель, когда хазары были замещены в качестве правителей варягами.Что же касается варягов, то имена уже упомянутых Аскольда и Дира — единственное, что может свидетельствовать об их появлении в Самватасе-Киеве до 862 г.

Словом, проблема в любом случае остается по меньшей мере неясной и очень спорной. Начинает она проясняться лишь с того момента, когда, по данным все той же русской летописи, в 862 г. где-то в районе Новгорода будто бы по просьбе — *приходите и княжите* — местных племен (упоминаются кривичи, словене, весь, меря, мурома, т.е далеко не только славяне) появился Рюрик с дружиной. В 879 г. новгородский конунг-князь Рюрик умер, оставив наследником малолетнего Игоря. Вместо Игоря стал управлять Олег, который с Игорем отправился на юг, где он будто бы прежде всего покончил с Аскольдом[1] и Диром (заметьте, не с какими-нибудь славянскими князьями, даже не с хазарским наместником, который мог бы существовать, и тем более не со старшим из еврейской общины, который сам, к слову, мог бы быть таким наместником), начав после этого править в Киеве.

Освободившись таким образом от предшествующего поколения варяжских конунгов (если они реально обладали сколько-нибудь серьезной властью, что вызывает определенные сомнения), Олег[2] приступил к организации взаимодействия с полянами, древлянами и некоторыми иными жившими неподалеку от Киева местными славянскими этническими общностями. Это взаимодействие сводилось в основном к *полюдью*, т.е. к взиманию конунгом-князем и его дружиной дани со славянских поселений. С этого момента можно говорить о начале сложения того государства, которое получило название «Русь». Именно со времен Олега и тем более сменившего его сына Рюрика Игоря Киев и Новгород стали южным и северным центрами рыхлого

[1] Существуют иные данные, согласно которым «каган русов», т.е. варягов, Аскольд был убит чуть ранее в схватке с тюрками-булгарами.

[2] Стоит, не навязывая, заметить в скобках, что фигура Олега со всеми его действиями, включая легендарный поход на Царьград, рядом исследователей считается весьма сомнительной, наполненной в текстах летописей несовместимыми противоречиями. Но стоит, не вдаваясь в детали, воспринять его за неимением правдоподобной альтернативы как нечто реальное.

еще государственного образования, населенного различными и не только славянскими, но и финно-угорскими и иными этническими общностями (чудь, меря, кривичи, радимичи и др.). Именно Олег, как считается, совершил в 911 г. поход на Константинополь. Он же вроде бы отправился в поход к устью Волги, где заключил союз с Хазарским каганом, которому обещал отдавать часть своей военной добычи (не исключено, что был урегулирован и вопрос о том, кому и с кого из славянских этнических общностей собирать дань, полюдье). При нем, как следует полагать, шло все более активное заселение степи восточными славянами. Что же касается Киева, то он стал, как это явствует из всех последующих событий, ставкой конунга-князя Олега.

Как известно, преемника Олега Игоря варварским образом казнили (предание гласит, что, будучи привязанным к двум специально наклоненным деревьям, он был разорван пополам) древляне за то, что он пришел к ним собирать полюдье во второй раз. Затем, как сказано в летописи, его вдова Ольга жестоко отомстила древлянам. Существует вполне вероятное предположение, что именно Ольга отменила институт полюдья, заменив его уплатой дани *тиунам*, специальным княжеским чиновникам, в определенных местах (*погостах*). Есть также сведения, что она приняла христианство и побуждала сделать это своего сына Святослава, но он наотрез отказался. Святослав, годы правления которого пришлись на вторую треть X в., много времени провел в войнах, прежде всего с хазарами, которым он нанес жестокое поражение в 965 г. Погиб он в 972 г. в битве с кочевниками-печенегами (по существовавшему среди кочевых племен обычаю, предводитель печенегов сделал из черепа Святослава чашу для вина и очень ею дорожил).

Примерно в это же время, когда жестокий эпизод, связанный с Игорем, Ольгой и древлянами, начал забываться, а власть киевских князей расширилась и укрепилась, понятие «Русь» окончательно перестало восприниматься в качестве варяжского этнонима. Оно стало обычным топонимом, т.е. начало обозначать территорию Киевской Руси, населенную в основном славянами. Они, скорее всего, и начали примерно с этого времени именовать себя русскими. При этом сидевшие в Киеве князья считались старшими среди других, их ближайших, а со временем и более отдаленных родственников, которые направлялись в качестве наместников князьями в другие города. Стоит обратить внимание на то, что в распоряжении киевского князя еще не было практически никакого аппарата администрации, и поэтому о централизованной системе управления страной, пределы которой тянулись,

пусть даже с немалыми разрывами, от Новгорода до Киева, речи быть не могло. А децентрализация, о которой уже много было сказано, вела к тому, что создавались условия для возникновения автономных уделов протофеодального типа.

Спецификой Киевской Руси в этом плане была ненаследственность автономных уделов-княжеств. Нельзя сказать, что эта система сложилась по чьему-то решению или выбору. Просто так случилось в силу обстоятельств. А суть сложившихся обстоятельств во многом зависела от того, что младшие потомки киевского князя, получавшие в удел небольшие города, обычно бывали недовольны своим положением и на протяжении ряда поколений стремились не столько укрепиться в своем уделе и оставить его в наследство потомству, сколько любыми способами овладеть киевским престолом. Право на владение Киевом, как своего рода переходящим призом, с течением времени стало считаться прерогативой старшего в разросшемся клане князей Рюриковичей. Так повелось со времен Святослава, старший сын которого, Ярополк, получил в 972 г. стол (престол) в Киеве. Другой его сын, Олег, стал княжить в земле древлян, в Искоростени, еще один, Владимир, в далеком Новгороде (куда делись местные славянские князья, если они вообще были и все при этом являлись князьями, а не случайно и на короткий срок возвысившимися в процессе трибализации вождями, науке неизвестно).

Овладев престолом в Киеве, старший сын Святослава Ярополк не имел большой поддержки со стороны местного населения. Есть сведения, что он принял христианство и что это не было одобрено в Киеве. Более того, Ярополк, пытавшийся было оспорить решение отца о разделе страны на части, воспользовался случаем, чтобы убрать своего брата Олега, после чего стал готовиться к походу на Новгород. Однако другой его брат, Владимир, бежал в скандинавские земли, откуда привел на помощь новые отряды варягов и в конечном счете в 980 г. сумел одолеть Ярополка, захватив столь желанный киевский стол.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР (980–1015) И КРЕЩЕНИЕ РУСИ

С появлением Владимира в Киеве началась новая эпоха в истории Руси. Будучи язычником и поставив в Киеве и Новгороде новые идолы древних богов Перуна, Даждь-бога и иных, а также имея — по восточному обычаю — немало жен, включая вдову Ярополка, чьего сына Святополка, рожденного ею вскоре после гибели мужа, Владимир

усыновил, и массу наложниц, этот князь не сразу решился стать христианином. Напротив, он колебался и, если иметь в виду отраженное в летописи широко известное предание, выбирал наиболее подходящую русским религию между исламом, иудаизмом и христианством. Стоит напомнить, что близкий к Киеву Хазарский каганат был едва ли не единственным в истории государством, правитель и вся элита которого приняли вроде бы чисто еврейскую религию в качестве официальной государственной. Предание не стопроцентно достоверно хотя бы потому, что на вопрос раввину: «Где ваша земля?» — тот будто бы сказал, что ее нет, хотя вполне мог бы сослаться на Хазарию, где жили принявшие иудаизм люди, пусть даже не евреи по происхождению. Как бы то ни было, но Владимир принял христианство и чуть ли не силой заставил сначала киевлян (вспомним Крещатик), а затем и всех остальных своих подданных стать христианами.

Вот здесь самое время вспомнить о Византии и миссионерской деятельности ее православной церкви. Стоит напомнить также и об Ольге и Ярополке. Неясно, как, когда и при каких обстоятельствах эти двое приняли христианство, если они его принимали вообще. Но коль скоро такие сведения существуют, можно предположить, что православные греко-византийские миссионеры действовали постоянно и умело в славянских землях, в том числе и в Киеве. Это означает, что христианство православного греко-византийского толка давно и упорно двигалось в направлении к русским (сначала к правителям-варягам, а затем, через их посредство, ко всем восточным славянам).

Принятие христианства в 988 г. было событием исключительной важности для Руси. Новая религия, представленная назначавшимся из Византии греческим митрополитом и его грамотными, имевшими множество священных книг и знакомыми со славянской азбукой Кирилла и Мефодия греческими миссионерами, привела к резкому, взрывному росту культуры полупервобытного русского славянства. И хотя борьба с языческими идолами и язычеством как ранней формой религии затянулась на века, победоносное шествие христианства было триумфальным. Уже в следующем XI в. практически исчезли старые славянские общности (поляне, древляне, кривичи и т.п.). На смену им пришли воспринявшие это как свое новое обобщающее имя **русские, православные**. Даже в тех случаях, когда дело касалось угро-финских и иных неславянских народов Руси, новое понятие «православные» покрывало и их, что на деле сближало всех с русскими, а русская славянская грамота, использовавшаяся на первых порах практически

почти исключительно в церквах и в религиозных целях, быстро стала всеобщей. Вместе с византийской культурой начали проникать многие важные элементы урбанистической цивилизации.

В городах строились по греко-византийскому стандарту каменные церкви, со временем обретшие новую многокупольную форму в виде многочисленных глав с крестами, создавались первые монастыри. Над внутренним убранством церковных сооружений работали мастера живописи и резчики по камню и дереву, причем в росписи наряду со строгими заимствованными извне канонами всегда ощущалось влияние славянских языческих традиций с их культом природы. Появлялись мастера русской иконописи. Они отличались собственным видением божественных сюжетов и создавали иконы на новые темы, связанные с русской историей. Расцвело искусство тонкой резьбы, украшавшей как церковные и княжеские изделия, прежде всего ювелирные, так и простонародные нехитрые безделушки.

В Киев и другие города приезжали грамотеи из православных стран, привозились переводы византийских, болгарских и иных книг, в основном церковного, но подчас и светского характера. Соответственно в городах, в основном при церквах и в монастырях, появились школы, прежде всего для самих церковников, но отчасти и для светской элиты. Возникли первые летописные тексты, вначале в основном содержавшие легендарные предания. Наряду с этим существовали привычные народные праздники, чаще еще языческого, нежели церковного происхождения. Турниры и скачки в праздники сочетались с тяжелой крестьянской работой в деревне и ремесленным трудом в городе, где делали сотни различных необходимых вещей, удовлетворяя вкусы и богатых, и простых людей. На верфях строились ладьи, велась обширная, в том числе транзитная, торговля. Словом, христианство и разностороннее влияние византийской культуры дали сильный толчок развитию Руси, сохранив при этом, по меньшей мере частично (особенно в деревнях), неповторимый колорит древнеславянского язычества с его привычными народными празднествами и обрядами, суевериями, домовыми, лешими, ведьмами, кощеями и т.д. и т.п.

Владимир Святой, как он позже стал именоваться в знак признания его заслуг перед русским православием и Россией в целом, умер в 1015 г., оставив своим сыновьям достаточно крепкое протогосударство с четко обозначенным вектором дальнейшего развития. Как и в Византии, вектор этот сводился к тому, что православная церковь находилась под строгим контролем власти и являлась ее помощником

в деле управления подданными, залогом приобщения всех их к общепринятой морали и нормам поведения христиан. К сожалению, не все в истории Руси соответствовало тому, что задавалось привычным византийским вектором развития. Стоит еще раз напомнить, что крепкой центральной власти на Руси, в отличие от Византии, где с самого возникновения государства им твердо управляли императоры, начиная с Константина Великого, не было. Сложилось нечто другое — то самое, начало чему положил Святослав. И если иногда, в годы правления сильных князей — того же Владимира либо его сына и преемника Ярослава Мудрого — нечто похожее на крепкую власть центра все-таки имело место, то, как правило, ненадолго. Кроме того, не следует упускать из вида то, что оба названные правителя завоевали трон при опоре на пришлую дружину варягов и в нелегкой борьбе с близкими своими родственниками, прежде всего родными братьями или, во всяком случае, с многочисленными близкими родичами из числа Рюриковичей.

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ (1019–1054)

Сыновей у Владимира было много, причем между ними, как то нередко бывало на Востоке, шла ожесточенная борьба за отцовский трон. Ярослав был послан вначале князем в Ростов, затем в Новгород, причем здесь он, как и Владимир, сумел заручиться поддержкой не только местных влиятельных бояр и торговцев, но и варяжской дружины. И пока старший из них, сын брата Владимира Ярополка, усыновленный Владимиром Святополк выяснял свои отношения с младшими, Борисом и Глебом, — а Владимир благоволил к Борису, мечтая отдать именно ему трон, — коварством и хитростью добившись их уничтожения (отсюда великомученики Борис и Глеб и Святополк Окаянный), Ярослав примчался из Новгорода в Киев с 40 тысячами своих сторонников. Этот факт, как и внушительное количество прибывших в Киев и пустивших там корни вольнолюбивых скандинавов стоит особо учесть, прежде всего в свете теории о вольных дружинниках, которые, как можно полагать, отличались от местного населения, воспитанного в рамках первобытно-восточной структуры власти-собственности с ее очевидным сервильным комплексом. Все дело в том, что варяги-викинги были хоть как-то, но причастны к античности, традиции которой были не чужды и им, западноевропейским маргиналам. Русские же, бывшие в этом смысле наследниками византийцев, с античностью, чьи корни в Константинополе давно уже были утрачены, знакомы не были.

Но вернемся к Ярославу. Хотя в его борьбу за власть вмешались и скандинавы, и даже поляки (тоже маргиналы Западной Европы, знакомые с античной традицией, к которым обратился за помощью Святополк, в результате чего борьба затянулась на годы), в конечном счете в 1019 г. Ярослав все-таки одолел противника и занял великокняжеский престол в Киеве.

Все сказанное несколько напоминает процесс феодализации ранних западноевропейских варварских королевств. Можно сказать и определенней: по сравнению с Византией полупервобытная Русь на первых порах была гораздо более похожа на ранние варварские королевства Западной Европы. Однако у нее были и свои существенные особенности. Прежде всего, не было принципа вассально-сюзеренных связей и претензий на наследственное владение полученным уделом. Как раз напротив, уделы передавались из рук в руки по старшинству, которое определялось достаточно сложными и не всегда убедительными подсчетами. Немалую роль в борьбе за более крупный стол, как именовали княжеский трон в Киевской Руси, играла поэтому острая междоусобная борьба. В этой борьбе князья и претенденты на стол обычно не останавливались ни перед чем, как то, впрочем, свойственно феодальным междоусобицам в любом обществе. Но вернемся к Ярославу.

Годы его правления были успешными. В столице в этот период выстроили величественную Софию, центр русского православия. Была написана Русская Правда, первый в своем роде полный сборник правовых норм с детальным перечислением преступлений, нарушений и наказаний за них, в чем-то сходный с варварскими *правдами* раннего европейского средневековья. Был заключен ряд династийных браков, связавших Киевскую Русь с некоторыми европейскими государствами. Ярослав начал было даже войну с Византией, которая завершилась миром в 1046 г. Один из его пунктов предусматривал брак дочери Константина Мономаха, императора Византии, с сыном Ярослава (в 1053 г. у этой четы родился сын Владимир Мономах, будущий киевский великий князь). При Ярославе впервые во главе русской церкви стал не присланный из Константинополя, а русский митрополит Иларион, автор одной из первых книг на русском языке «Слово о законе и благодати».

Стоит заметить, что в этой книге прославлялся ***каган*** Владимир, сравнивавшийся с Константином Великим, и в то же время сквозило стремление, вопреки очевидным фактам, принизить роль Византии в христианизации Руси. Показательно, что термином *каган* именовались хазарские правители в эпоху возникновения Киевской Руси.

В использовании его Иларионом можно заметить первое, но далеко не последнее в своем роде стремление представителей правящей элиты, в том числе близких к ним церковных иерархов, особенно не из числа византийских греков, покрепче связать Русь с Востоком. И даже, более того, сильнее, чем это было в Византии, противопоставить православие становившемуся уже ненавистным западному католицизму. Эта тенденция оказалась роковой для русской истории два столетия спустя, когда рядом с Киевской Русью появились воинственные многочисленные кочевники и нависла серьезная угроза татаро-монгольского ига. А пособником татар оказалась не столько антизападно настроенная церковь, сколько назревавший раскол в рыхлом государстве великих князей киевских.

ГУБИТЕЛЬНЫЙ РАСКОЛ КИЕВСКОЙ РУСИ

Ярослав за свои успешные старания реформировать Русь получил прозвище Мудрый. Однако мудрости Ярослава, насколько можно судить по основным направлениям его многогранной деятельности, не хватило для самого главного, т.е. для создания столь необходимой на Руси спустя уже почти два с половиной века после Рюрика крепкой централизованной власти. Не исключено, что для этого еще не созрели в достаточной мере необходимые предпосылки. Тем не менее не очень видно, чтобы сам правитель был всерьез озабочен этим. Ведь методы управления страной при нем оставались прежними. Своих сыновей Ярослав по-прежнему направлял наместниками, а если выразиться точнее, удельными князьями в Новгород, Чернигов, Переяславль, Ростов, Смоленск и иные города, что вполне естественно привело, как то бывало и прежде, к их междоусобной борьбе после его смерти. Правда, Ярослав перед смертью потребовал, чтобы великокняжеский стол сыновья занимали строго по старшинству. Но само это понятие — старшинство — было не то чтобы неясным, но запутанным и рождавшим споры, что в немалой мере подрывало устойчивость власти центра[1].

[1] Основанная на принципе так называемого лествичного права (от корня лествица, т.е. лестница), эта система наследования предполагала, что великокняжеский стол после смерти князя получает сначала его старший брат, затем следующие по старшинству братья, после чего на стол имеют право сыновья первого из умерших братьев, тоже строго по старшинству, затем сыновья всех следующих братьев, успевших посидеть на троне. Если учесть всю эту разветвленную лестницу, станет ясным, что на уровне третьего-

Стоит обратить внимание хотя бы на то, что в Киеве все упорнее утверждалась вполне логичная в сложившихся условиях идея — занимавший великокняжеский престол отнюдь не должен стремиться найти где-нибудь в Переяславле следующего после себя по старшинству Рюриковича, с тем чтобы добровольно вручить ему престол. Гораздо естественнее была набиравшая силу тенденция не делать этого, но передавать власть **своему собственному старшему сыну.** Ярослав не предпринял ничего для того, чтобы как-то законодательно закрепить в Киевской Руси эту тенденцию, крайне важную для судеб страны, для централизации Киевской Руси.

В итоге после Ярослава все началось по обычному уже для Руси и, как вскоре оказалось, просто губительному для ее суверенного существования сценарию. Сыновья Ярослава дрались за великокняжеский стол. Изяслав, Святослав, Всеволод, а затем их сыновья Святополк Изяславич, Олег Святославич и Владимир Всеволодович Мономах начали в духе своих предшественников жестокую междоусобную борьбу. Правда, справедливости ради необходимо заметить, что в порядке поддержки наметившейся и уже всем очевидной тенденции, о которой только что шла речь, на съезде князей в 1097 г. в городе Любече по инициативе Владимира Мономаха была предпринята попытка понять и признать, что междоусобицы ослабляют Русь. На этом первом в своем роде совещании на высшем уровне было вынесено единогласное решение, что дети должны сохранять за собой земли их отцов и что это должно касаться в первую очередь сыновей Ярослава. На совещании его участники целовали крест, что считалось на Руси страшной клятвой. Однако клятва такого рода в политической борьбе мало чего стоила, особенно в давно уже сложившейся ситуации формально неупорядоченного права на наследование власти в стране.

Как известно, в конечном счете в последовавшей вскоре за съездом кровавой междоусобице, о деталях которой не приходится упоминать в рамках данной работы, власти добился Владимир Мономах

четвертого поколения — это как раз и был уровень Ярослава Мудрого — все безнадежно запутывалось. Ясным оставалось только одно дополнительное существенное условие — право на стол теряли те Рюриковичи, чей отец не успел посидеть на троне в Киеве. Им могли достаться только должности князей-наместников в уделах-кормлениях. Однако и эти уделы быстро разрастались в крепкие княжества с теми же лествичным правом и ссорами. Словом, нужно было менять сам принцип, что и стало фактом уже в XII в.

(1113–1125). В третий раз, после Владимира Святого и Ярослава Мудрого, на троне оказался человек, авторитет которого вроде бы заставил смириться всех остальных претендентов на киевский престол. Но пришедшему к власти было уже 60 лет, так что на серьезные реформы, которые он попытался было предпринять, у него оставалось не слишком много времени. Суть этих реформ сводилась к укреплению власти центра и усиленному строительству, к поддержке крестьянства и всей слабой еще экономики страны, а также к развитию культуры, которой русскому народу еще очень недоставало. В оставленном после смерти знаменитом «Поучении» великий князь призывал своих современников к нравственному совершенствованию.

Наследовал Мономаху его старший сын Мстислав, что соответствовало духу съезда князей в 1097 г. Но Мстислав тут же отдал братьям Ярополку и Юрию столы в Переяславле и Ростове, что по сути означало продолжение прежнего курса на ослабление власти центра. Это стало особенно очевидно, когда своим сыновьям Мстислав отдал Новгород и Ростов. Вообще, если уж на то пошло, стоит снова обратить внимание читателя на то, что феодально-удельная система, рожденная и практиковавшаяся в аналогичной ситуации, пусть даже не очень часто, именно на Востоке, была своего рода иной формой, т.е. модификацией чуждой столь привычной для Востока редистрибуции. В самом деле, если в Западной Европе сложилась практика оставлять всех сыновей, кроме старшего, без существенной доли отцовского наследства (они шли в рыцари и завоевывали себе, если удавалось, свое место в рамках властителей), то в классической восточной структуре это было иначе. Все сыновья правителя, считалось, должны были что-то получить. И в условиях централизованного государства должностей с немалыми доходами, правда, чаще всего ненаследственных, обычно бывало вполне достаточно, чтобы удовлетворить всех. Когда такого не случалось, особенно в только что вышедших за рамки первобытности структурах вроде империи Османов, среди потенциальных наследников начиналась резня.

Киевская Русь не относится к числу безусловно восточных структур. Но она также не имела практически ничего общего и с западноевропейскими, кроме разве что христианства, хотя восточное православие очень отличалось от католицизма, примерно так же, как рабство от свободы. Русь, как и Византия, была между Востоком и Западом, причем промежуточное ее положение во многом принципиально отличалось от того, которое было характерным для Византии и Закавказья.

Оно было с теми особенностями, которые сложились с возникновения государственности и продолжались по традиции. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1132 г., вскоре после смерти отца, более других осознававшего гибельность этой традиции и пытавшегося ее сломать, Мстислав решил следовать давно принятой норме. Понятно, что это не могло привести ни к чему иному, как к очередной вспышке, к новому кровавому этапу междоусобной борьбы князей за власть. Более того, после Мстислава Русь встала на путь необратимого раскола. Возникли 15 княжеств, которые лишь номинально признавали авторитет великокняжеского стола в Киеве, но по сути, лишившись столь желанного права претендовать на киевский престол, стали настроены по отношению друг к другу, почти как к непримиримым соперникам, открыто враждебно.

Около века ушло на укрепление самостоятельности этих мелких княжеств, часть которых усилилась за счет более слабых соседей. Однако этого срока хватило на то, чтобы в каждом из таких княжеств, включая завоевавший особый статус торговый центр в Новгороде, сложились свои местные нормы административной власти, в общем сходные и практически немногим отличавшиеся от тех, что еще недавно были общими для всей прежней Руси с центром в Киеве. Но при этом едва ли не каждое княжество стремилось открыто подчеркнуть свою самостоятельность и, более того, враждебность по отношению ко всем остальным. Кстати, несмотря на явное перемещение основной части Руси на север, к Владимиру и Суздалю, именно Киев по-прежнему оставался крайне притягательным центром для всех вроде бы обособившихся князей. Словом, сложившаяся в это время в стране новая политическая ситуация радикально изменила положение дел. Практически не было больше Киевской Руси. Была некая совокупность весьма враждебно настроенных друг к другу сравнительно небольших княжеств.

РОСТОВ, СУЗДАЛЬ И ВЛАДИМИР

В период, когда Киевская Русь понемногу рушилась, великокняжеский стол перемещался на северо-восток, в Ростов и Суздаль, затем и во Владимир. Территория, о которой идет речь, довольно далека и от Киева, и от Новгорода. Строго говоря, исторически эти залесские земли (за большими лесами к северу от Киева) не были и славянскими. Здесь тогда решительно прободали финно-угорские племена, в частности меря и весь. Читателю стоит принять во внимание, что и окраинная по отношению к Ростову, Суздалю и Владимиру Москва тоже

та же земля, о чем наиболее убедительно свидетельствует языковый корень *ква*. А перемещение славян в этот далекий от Киева край началось сравнительно рано. Кривичи и вятичи фиксируются здесь примерно с IX в., причем не исключено, что в какой-то связи с варяжскими пришельцами. Во всяком случае, считается, что Ростов был одним из пяти городов, которые считались под властью Рюриковичей уже в 911 г., в конце предполагаемого правления Олега. Управляли городом в то далекое время, если тогда это уже был город, в чем нет уверенности, наместники киевского князя. Первым князем в Ростове был в начале своей политической карьеры Ярослав Мудрый, и это немаловажное обстоятельство — географическая близость к Новгороду — видимо, помогла ему заручиться поддержкой скандинавов в борьбе за стол в Киеве. Вплоть до начала XII в. город входил в состав Переяславского княжества, управлял им наместник теперь уже переяславского князя Всеволода, сына Ярослава. Но с 1125 г. Ростов уступил первенство быстро росшему и расположенному неподалеку от него Суздалю. Возникло крупное и очень влиятельное Ростово-Суздальское княжество, княжить в котором стал Юрий Долгорукий.

В середине того же XII в. сын Юрия Андрей Боголюбский, добившись великокняжеского стола в Киеве, перенес свое местопребывание в новый стольный город Владимир, неподалеку от Ростова и Суздаля, после чего образовалось теперь уже Владимиро-Суздальское великое княжество. Киев, ставший городом раздора, был подвергнут тем же Андреем с некоторыми союзными ему Рюриковичами и половцами страшному разгрому, после чего управлять им в качестве наместника с 1169 г. стал младший брат Андрея Глеб. Переместив столицу Руси на северо-восток, создав там теперь уже две епархии, в Ростове и Суздале, и воровски переместив во Владимир высоко ценившуюся святыню, вышгородскую (ныне именуемую владимирской) икону богоматери, Андрей добился признания своего старшинства, хотя это признание было еще весьма относительным и непрочным. А так как он повел себя самовластно, это не понравилось его окружению. Начались интриги, и великий князь, едва ли не впервые на Руси, пал жертвой заговора. На смену ему пришел брат его Всеволод Большое гнездо (1176–1212).

Для Владимира период его правления был немалым успехом. Вообще за полвека правления великих князей Андрея и Всеволода в столичном городе и рядом с ним было выстроено много красивых и прочных строений, будь то крепости, нечто вроде кремля и соборы, в том числе тот самый, на Нерли, который радует глаз и в наши дни.

Но в эти же полвека князья на Руси окончательно перессорились. И если до того бывали столкновения между ними, подчас серьезные, то теперь, особенно после упадка Киева и превращения Новгорода во второстепенное владение тех же владимирских великих князей, они стали почти что постоянными, превращаясь в междоусобицы коалиций, в кровавые братоубийственные войны в буквальном смысле этого слова. Кроме того, именно с этого времени рядом с заметно размножившимися владетельными князьями, боровшимися за владения городами-княжествами, стал формироваться слой *боярства*. Вначале в число их могли входить так называемые старшие дружинники, затем часть бояр стала обладать вотчинами, т.е. щедрыми княжескими пожалованиями, превращавшимися в их наследственные владения типа феодов. На это, похоже, были вправе претендовать те из отпрысков владетельных князей, которым городов-княжеств уже не хватало. И именно в это роковое для страны время к границам русских земель подошли татаро-монголы. Естественно, что для воинственно настроенных кочевников ситуация оказалась более чем желанной.

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ ИГО

О первых шагах монголов на запад уже шла речь в главе, посвященной средневековому Китаю. Здесь же важно заметить, что, в отличие от русских, татаро-монголы представляли собой крепко сплоченную и очень жестко централизованную военную силу, которая быстро и успешно одолевала всех своих противников. Очередным из них оказалась в 1223 г. Русь. Битва при Калке, завершившаяся полным разгромом татарскими военачальниками не сумевших даже сговориться друг с другом о тактике боя русских князей и уничтожением всего собравшегося для отпора врагу русского войска, была страшным знаком для Руси. Однако этот знак не был понят. Все князья оставались теми, кем привыкли быть. Внутренние распри для них были намного важнее идеи сплочения перед лицом общего врага. И когда спустя 14–15 лет (как много времени татары дали русским князьям для того, чтобы задуматься о будущем!) внук Чингис-хана Батый, перейдя Волгу, подошел к Рязани, князь владимирский отказал рязанцам в помощи. Рязань была уничтожена, выжжена, разорена, ее население перебито. После этого та же трагедия повторилась с самим владимиро-суздальским княжеством. До Новгорода татары совсем немного не дошли из-за осенней распутицы. Они повернули назад. Затем, не торопясь и дав

войску зимний отдых, Батый повел свои орды на Чернигов и Киев, потом далее на запад. Все княжества по пути были безжалостно разгромлены, разграблены; многие города выжжены и уничтожены.

Вскоре, устав от походов, татары осели близ Волги, основав здесь свою ставку Сарай-Бату, которая вскоре стала центром огромного созданного Батыем государства, получившего наименование Золотая Орда. Нашествие татаро-монголов было позором для русских князей, а не элементом величия русского подвига, будто бы спасшего Запад от татар, как то иногда пытаются представить чересчур патриотически настроенные авторы. Не было нашествие татар и чем-то вроде братского единения евразийских народов в борьбе с тем же Западом, о чем с неким сладострастием писали подчас другие авторы, тоже стремившиеся обойти правду и сделать упор на все тот же ультрапатриотизм. Спрашивается, откуда вдруг так много патриотизма в связи с явным позором страны? Ответ несложно найти. Весь смысл его в том, что новгородцы во главе с князем Александром Невским сумели в эти же позорные для Руси годы дать отпор шведско-немецким рыцарям на Неве и Чудском озере. Разумеется, героический отпор врагу всегда заслуживает того, чтобы его славили и за него награждали. Но ведь все дело в том, что здесь нередко происходит искусная подмена реальности мифом. Многие за счет побед Александра пытались — следуя тому, о чем в иносказательной форме писал в свое время митрополит Иларион, — соединить воедино отпор ненавистному Западу и позорную капитуляцию перед полчищами с Востока и тем самым одно компенсировать за счет другого.

Это охотно делают в наши дни. Известно, что Невский — во всяком случае, из числа русских воинов — стал за победу на Чудском озере над двумя с лишком десятками ушедших под лед рыцарей основным героем, даже святым православной церкви, всегда ненавидевшей католический Запад. Но ведь дело этим не ограничивается. Стоит напомнить, что примерно таким же образом оценили успехи Александра и в ставке хана, где пожелали видеть воевавшего с западными рыцарями (с представителями Запада, против которого шли и полчища Батыя) Александра, с тем чтобы дать ему, в обход его старшего брата Андрея, ярлык на великое княжение. Не приходится говорить и о том, что для получения такого ярлыка Александру Невскому — как и всем другим русским князьям на протяжении веков — приходилось вползать в шатер татарского хана на коленях, что наглядно демонстрировало всем, кто есть кто.

Александр стал верно служить татарским ханам. Его старание проявилось, в частности, в том, что он помог татарам провести перепись русских, дабы точно знать, на какую дань им можно рассчитывать. И когда сын Александра новгородский князь Василий, бывший среди недовольных этим новгородцев, в знак протеста уехал в Псков, Александр в наказание перевел сына князем во Владимир. Быть может, с точки зрения здравого смысла Александр был прав. За Ордой была сила, которой у русских — увы! — не было. Но нельзя не учитывать того, как вел себя невский герой с татарами. Он, если уж на то пошло, героем остается для татарских ханов и православной церкви, для всех тех, кто был настроен против Запада. Для остальных же эта историческая фигура более чем неоднозначна. На этом и остановимся[1].

Татарское иго — потому оно и иго — тяжелым грузом легло на Русь и, почти начисто отрезав страну от внешних влияний, особенно западных, в немалой мере задержало ее развитие. Татары же при этом беззастенчиво использовали русских в качестве солдат, посылая их сражаться в разные страны, вплоть до Китая. К слову, они действительно не преследовали русскую православную церковь и даже освободили ее и ее владения от выплаты дани. Церковники же в свою очередь относились к татарам более чем лояльно, ни в коей мере не выступали в защиту национальной чести или православной духовности, не вели агитации против захватчиков, но напротив, не брезговали ездить в Орду. Русская православная церковь даже открыла в Орде в 1261 г. свой епископат, что не помешало татарам примерно в то же время принять ислам. Эта чуть ли не родственная близость объясняется достаточно просто: те и другие имели общего врага, католический Запад. Что же касается забот о воспитании и тем более процветании паствы, то этим русская православная церковь никогда себя слишком не обременяла.

К сожалению, рабская психология была ощутимо присуща славянским племенам, которые всегда вынужденно ощущали свою неполноценность по сравнению с более развитыми, богатыми и сильными странами. В том же направлении действовало и влияние варяжских

[1] Стоит обратить внимание на то, что сыновья и внуки князя Александра, вплоть до Ивана Калиты, действовали примерно так же, ревностно служили ханам и щедро проливали кровь жителей разных русских княжеств во имя укрепления власти Орды. Правда, со временем эти акции стали сопровождаться стремлением получить выгоду для своего княжества, в частности при Калите для Московского.

дружин, собиравших с них дань, а потом ставших во главе Киевской Руси. В годы татарского ига он, этот веками воспитывавшийся сервильный комплекс, получил новый толчок для своего расцвета. Русский земледелец был зависим от ханских баскаков, от ежегодно приезжавших за данью татарских всадников, выделывавших с ним и его женой все, что они пожелают. Неудивительно, что укоренялась присущая ему и прежде привычка безропотно повиноваться. И хотя время от времени то здесь, то там на униженной врагом Руси возникали бунты, жестоко подавлявшиеся татарскими воинами, они лишь подчеркивали слабость и приниженность тех, кто рождался и умирал под чужим жестоким игом.

Ордынская власть окончательно поставила точку в необычной для других стран практике перехода князей в зависимости от старшинства с одного стола на другой. И хотя время от времени ханы в виде награды вручали тому или иному из русских князей тот или иной стол, который они для него выбирали, со временем верх взял возникший еще перед нашествием татар новый порядок нормального внутреннего наследования власти в каждом из княжеств. Во всех них все-таки появились устойчивые династии с правом правителя передать власть тому сыну или брату, которого он выберет. И хотя здесь далеко не все шло гладко, нередко возникали конфликты и междоусобицы, не говоря уже о коварной политике Орды, которая искусно стравливала князей и легко расправлялась с прибывавшими к ней на поклон неугодными ей, претензии на власть уже, как правило, не выходили за пределы княжеств. Многие из этих княжеств, к слову, быстрыми темпами расширяли свои пределы.

РУСЬ ОРДЫНСКАЯ И РУСЬ ЛИТОВСКАЯ

Нашествие лихих кочевников с их дисциплинированным и испытанным в боях воинством (повторим, у кочевников каждый взрослый мужчина — прежде всего воин) сильно изменило ситуацию еще и с точки зрения самого существования Руси. Она по сути перестала быть и Киевской, и Владимиро-Суздальской, и вообще политически самостоятельной и независимой от внешних сил. Напротив, она превратилась в зависимую, разделившись на другие две части, **ордынскую** с центром во Владимире, и **литовскую** (в подданство к Литве ушли многие княжества, включая Киев). На востоке, под властью Орды, шел процесс интенсивной ориентализации Руси, что сводилось к закреплению сформировавшегося уже **сервильного комплекса**.

Православная церковь, которая осознанно и отчетливо противопоставила себя римскому католичеству, активно предпочла именно это, ибо не воспринимала восходившие к античной традиции западнохристианские свободы, правовые нормы и демократические процедуры, которые были там связаны, как упоминалось, с античным греко-римским прошлым. Здесь наиболее наглядно произошло характерное для всей истории нашей страны восприятие Запада в качества источника заразы, которая способна лишь развратить послушное властям население. Такое восприятие становилось на Руси жизненной нормой. Русская церковь, легко поладившая с татарами, была заинтересована в том, чтобы сохранять связь с Ордой, но ни в коем случае не идти на налаживание отношений с католиками, которые, как известно, предлагали Невскому помощь в борьбе с татарами. Считая себя рабами ханов, которых они в текстах именовали *царями*, и будучи ими, такого рода рабами, де-факто, великие князья, начиная с Александра Невского, а позже и другие правители разных княжеств не видели ничего зазорного в том, чтобы униженно клянчить у ханов ярлык на правление, порой ценой массового и крайне безжалостного уничтожения столь же властолюбивых соседних или просто других соперников-князей вместе с их подданными. Презирая своих бесправных подданных, смердов и холопов, Рюриковичи заложили тем самым основу свойственной соотечественникам социальной психологии.

Что касается Литовской Руси, то ее история связана с историей Литвы и Польши, Речи Посполитой, о которой речь пойдет далее. Однако стоит заметить, что этой связи оказалось недостаточно для того, чтобы перешедшая от Орды на сторону Литвы часть восточно-православной страны, начиная с возглавлявших соответствующие княжества Рюриковичей, хоть как-то всерьез прониклась религиозными и социополитическими стандартами антично-буржуазного Запада, весьма слабо еще ощущавшимися в той части Восточной Европы. Но все-таки кое-какое влияние, будь то Магдебургское право в городах или весьма ограниченное воздействие католицизма, приведшее со временем к так называемому униатскому христианству, все же воздействовало на население перешедших под власть Литвы западных земель бывшей Киевской Руси. Вернемся, однако, к основной, к Владимиро-Суздальской Руси, которая по сути превратилась в Ордынскую.

Справедливости ради важно заметить, что татары реализовывали свое господство над превратившейся в их колонию частью Руси без особого напряжения. Конечно, подчас они устраивали карательные экспе-

диции, стоившие православным русским немало крови. Но существенно заметить, что во главе этих экспедиций стояли обычно служившие им князья, в первую очередь упоминавшийся уже Невский, который топил в крови то непокорную Тверь (имеется в виду выступление его брата Андрея вместе с Тверью против татар), то свободолюбивый Новгород (город не давал подчиниться татарам и провести перепись). И за свою верную службу князь добился права на вожделенный ханский ярлык на великое княжение. Нет слов, такая политика, если принять во внимание длительный срок татарского господства и невмешательство или слабеющее вмешательство постепенно терявших силу ханов в русские дела, приносила свои плоды, что хорошо видно из последующего изложения. Но оправдывает ли это поведение князя-героя, князя — святого православной церкви? Путь читатель судит сам.

МОСКОВСКАЯ РУСЬ. ИВАН КАЛИТА И ИВАН III

Центр Руси в века татарского владычества постепенно и вполне явственно перемещался на север. Киев постепенно терял свою значимость «матери городов русских», а затем и вовсе перешел, как и некоторые другие русские княжества, под власть Литвы и Польши. Зато Новгород, Тверь и особенно Владимир, а вслед за ними Москва энергично расширялись и усиливались. Новгород при этом еще на несколько веков сумел остаться особым на Руси торговым центром, где не было наследственного князя, но были призванные по договору князья. Правили местные бояре и купцы вместе с архиепископом, существовало влиятельное вече. Князь (тот же Александр Невский в свое время) приглашался горожанами лишь в качестве военачальника, причем со строго ограниченными властными полномочиями. Установившиеся сравнительно поздно связи с немецкой Ганзой (город был далеко от татар и они почти не вмешивались в его дела) были устойчивыми и именно они давали жизнь новгородской торговле. Можно даже сказать, что всеми своими особенностями город в очень большой степени был обязан именно этим связям. Однако эти контакты продолжались недолго.

Возвышение Москвы стало заметным начиная с Ивана Калиты (1325–1340), сумевшего подольститься в подходящий момент к ордынским ханам. Это было достигнуто не слишком благопристойными методами. В частности, Калита подавил антиордынское восстание в соперничавшей с Москвой Твери. Неудивительно, что в награду за это Новгород, а затем и Владимир были переданы под его власть. В конечном счете Калита объединил несколько княжеств и, не уставая

кланяться ханам, добился права собирать всю дань для Орды и привозить ее туда. При нем в Москве обосновался и митрополит, что превратило этот город в церковный и духовный центр страны. Все шло к тому, что пора было, наконец, бросить вызов Орде.

Это сделал внук Калиты Дмитрий Донской в 1380 г. в знаменитой битве на Куликовом поле. Победа над войском Мамая в этой битве придала Москве новые силы. Учитывая, что середина XV в. была временем крушения Византии и лихорадочных ее попыток спастись, для чего византийские церковные иерархи направлялись на запад в поисках унии с католической Европой, Москва сочла момент подходящим для афронта. Она отказалась принять очередного византийского митрополита, участвовавшего в посольстве во Флоренцию и в создании унии в 1439 г., и этот отказ практически означал, что отныне на Руси митрополитами будут русские иерархи, о чем Иван III (1440–1505) вполне официально уведомил Константинополь. А когда этот город пал под ударами турок и Византия исчезла с карты мира, в Москве появился знаменитый сформулированный монахом Филофеем лозунг: «Москва — третий Рим». Этот лозунг, подкрепленный браком Ивана с племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог, оказал немалое влияние на самосознание многих русских.

Иван III сыграл очень существенную роль в сложном процессе объединения Руси. Правда, отношения его с соседними, да и с более отдаленными княжествами и особенно с непокорным Новгородом были далеко не гладкими, во всяком случае в начале периода его длительного правления. Сложными были и отношения с Литвой, под властью которой в то время находилось немало русских земель. Даже братья великого князя, удельные князья Андрей и Борис, явно искали на стороне помощь для организации мощной оппозиции московскому правителю с его великодержавными устремлениями. Однако едва ли не все эти сложности были разрешены в 1480 г., когда очередной набег ордынского хана на Москву (хан рассчитывал на поддержку Литвы, но обманулся в своих ожиданиях) окончился полной неудачей. Эта неудача — роковая для Орды — и положила конец длительному татаро-монгольскому игу. Сразу же после 1480 г. Иван III стал энергично подавлять одного за другим зависевших от него удельных князей. Затем он начал переманивать к себе владетельных бояр из соседних владений, в первую очередь из Твери. Вскоре и Тверь, и Рязань, и некоторые другие вчера еще независимые княжества оказались под его реальной властью. Частью Московской Руси стал Новгород,

утративший свой отвезенный в Москву вечевой колокол, символ его независимости. Наступила очередь Литвы и Ливонии, отношения с которыми складывались сложно. В конечном счете Московская Русь все же одолевала своих противников.

Создав большое государство, Иван III позаботился о внутреннем укреплении державы, для чего был создан в 1497 г. довольно подробный Судебник, детально регулировавший нормы правовых установлений и распространивший эти правовые нормы на все недавно присоединенные к Москве территории. Кроме того, было создано несколько центральных ведомств, прежде всего казна и дворцовое ведомство, которые взяли на себя ряд важнейших общегосударственных функций в сфере финансов, налогов, земельных владений, кормлений и военной службы складывавшегося служилого дворянства. В этих ведомствах служили первые русские чиновники, дьяки и подьячие. Была создана Боярская дума, причем сам термин «боярин» в новом для Руси значении этого использовавшегося и прежде слова стал означать тех, кто становился членом Думы. В Думе создавались комиссии для решения разных проблем. Был создан Поместный собор, куда входили церковные иерархи. Именно Собор теперь избирал русских митрополитов и епископов.

Ивана III иногда именуют «государем всея Руси», каковым он по существу и стал к концу своей жизни (в титулатуру его входило и значимое для России слово *самодержец*, иногда даже именовали Ивана *царем*, хотя формально этот титул за ним не был закреплен). При нем гербом страны стал двуглавый орел. Конечно, даже учитывая все вышесказанное, Иван III был еще далек от реализации лозунга монаха Филофея о том, что Русь — третий Рим. Но он уверенно шел по этому пути и достиг многого. Именно Иван III заложил основу централизации Русского государства. С него фактически только и можно говорить о Руси (России) как некоем государственном образовании, постепенно наращивавшем свою силу и увеличивавшем свое значение по мере расширения территории за счет прежде независимых либо зависевших только от ордынских ханов или Литвы русских княжеств. Стоит также заметить, что именно с годов его правления на Руси появился термин *крестьянин*, означавший православного христианина-земледельца, не принадлежавшего к числу полурабского типа холопов (холопов на пашне) и обычно являвшегося членом общины. Юридический статус крестьянина и общины был зафиксирован в Судебнике, который заметно ослабил степень зависимости крестьян и общины от их прежних владельцев. Право

Юрьева дня было подтверждено, причем юридически. И хотя шел процесс передачи черносошных (государственных) земледельцев во владения и кормления, в боярские вотчины и дворянские поместья, община следила за тем, чтобы были гарантированы декларированные Судебником права крестьян. Некоторые ее представители подчас даже выполняли функции волостной администрации. Иными словами, русские крестьяне могли, по крайней мере в это время, свободно вздохнуть. Они еще некоторое время оставались относительно независимыми. Крепостное право было еще впереди.

Великим парадоксом истории Руси следует считать тот неопровержимый факт, что крепостное право, а лучше сказать крепостное рабство, начало институционализироваться как раз тогда, когда весьма своеобразному древнерусскому феодализму стал приходить конец. С началом серьезной централизации Москвы и появлением там оформившегося и укрепившегося аппарата власти страна быстрыми шагами вставала на привычный в такого рода ситуации путь дефеодализации. Княжебоярский феодализм на Руси начал замещаться централизованной властью. Этот процесс, как то хорошо известно, попытался резко ускорить знаменитый Иван Грозный.

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Царствование Ивана Грозного (1547–1584) — переломная эпоха в истории России. Это было время укрепления централизованного государства, т.е. некий сложный переходный процесс. Иван Грозный экстраординарными методами жестокого террора стремился ускорить его, причем неслыханные жестокости царя не только легко сходили ему с рук, но и встречали если не поддержку, то молчаливое согласие на произвол и беззаконие запуганной им страны и особенно правящих привилегированных верхов. Почему же все было именно так? В чем причины? Конечно, нельзя не учесть, что борьба с удельной децентрализацией шла на пользу стране. И очень похоже на то, как кое-кто считал, что этому мешали бояре, которых Иван в первую очередь и уничтожал, издеваясь и изощряясь. Но все ли можно объяснить именно этим? И как все это следует расценивать?

Обратимся к тому, что прежде всего связано с именем и деятельностью Грозного, — к опричнине. Хотя опричнина просуществовала всего несколько лет (1565–1572), после чего была с корнем уничтожена, она сыграла решающую роль в жизни страны в годы правления Грозного. Для чего была создана опричнина? Как известно, после смерти

отца и молодой еще матери из литовских князей Глинских[1] Иван с 8 лет остался малолетним правителем, с которым тогда еще никто не считался. Как отмечают специалисты, в частности В. Кобрин, «при нем люди из враждующих группировок врывались во дворец, избивали, арестовывали, убивали, не обращая внимания на просьбы малолетнего государя пощадить того или иного боярина. В этой обстановке насилия выковывался характер государя». Быть может, именно это сыграло важную роль в определении тех черт личности, которые столь явственно стали характеризовать Ивана уже с младых его лет. Впрочем, возможно, что это было лишь добавлением к тому, что Иван получил в наследство от родителей. В любом случае ясно, что мы имеем дело с параноиком на троне.

Здесь стоит сделать небольшое отступление. Разумеется, далеко не всякий может сам с легкостью убивать людей, приказывать при себе изощренно над ними издеваться, сдирать с них кожу, резать на куски, варить в кипятке и т.п. Не всякий рожден быть палачом. Кроме того, ситуация владыки-деспота способствует появлению паранойи. Но, с другой стороны, известно, что, когда это было нужно революционной эпохе, будь то Франция XVIII в. с ее гильотиной или Россия XX в. с ее ЧК, палачи всегда находились, причем в более чем достаточном количестве. Стало быть, психологический тип убийцы и садиста — то самое, что имеется в виду, когда говорят о психических отклонениях в индивидуальных чертах личности, готовой стать палачом, — не столь уж и редок.

Как правило, именно такой тип личности востребован переходным временем, в котором не все устоялось и бушуют отпущенные на свободу страсти. Больше того, разгул репрессий, насилия и садизма заразителен, а страх самому стать объектом зверской расправы, если ты отказываешься стать палачом, заставляет порой забывать обо всем и тех, кто далек от психических отклонений. При описании зверств царя Ивана авторы нередко обращали внимание на то, как царь приказывал тому или иному из своих приближенных казнить такого-то таким-то образом. И никто не смел перечить, включая и сыновей самого Грозного, тоже выступавших в функции палачей. В переведенном на русский мемуарном произведении опричников Таубе и Крузе сказано, в частности, что

[1] Существует предание, будто Глинские восходят к одному из сыновей Мамая, бежавшего в Литву после поражения на Куликовом поле. Крестившись, беглец получил во владение город Глинск. А Иван, если верить этому преданию, потомок одновременно и Мамая, и Дмитрия Донского.

царь «у многих приказал... вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу и каждому своему придворному определил он, когда тот должен умереть, и для каждого назначил различный род смерти: у одних он приказал отрубить правую и левую руку и ногу, а только потом голову, другим же разрубить живот, а потом отрубить руки, ногу, голову». Можно добавить к этому, что иногда изощренный в зверствах царь заставлял членов одной семьи казнить друг друга.

Как бы то ни было, но суть опричнины свелась прежде всего и главным образом к террору, причем террору массовому, беспричинному, основанному на ложных доносах, вырванных пытками из неповинных людей, и просто на подозрениях либо даже случайном неудовольствии тирана. Вопрос лишь в том, как Иван, вначале не обладавший такой властью, сумел ее добиться.

Обратим внимание на то, что, хотя интриги бояр, особенно в начальные годы правления царя, действительно объективно несколько ослабляли верховную власть, они тем не менее не мешали работе Избранной рады во главе с А. Адашевым, Сильвестром и Курбским, проводившей реформы, направленные на создание и укрепление централизованной власти в стране. Реформы такого рода начались задолго до царя Ивана, они проводились его отцом и дедом. Но в том-то и суть, что на радикальное реформирование отсталой удельно-феодальной системы нужно было время. Нужны были и новые соответствующим образом подготовленные люди, на которых можно было бы возложить функции аппарата чиновничье-бюрократической администрации, без чего централизованное государство немыслимо.

Это хорошо понимали многие окружавшие Ивана люди. Избранная рада активно создавала административные институты царства. Были учреждены первые в стране приказы — Посольский, Поместный, Земский, Разрядный (военный), Разбойный — прообразы будущих министерств. В 1550 г. был издан Судебник с делением на статьи. Церковный собор 1551 г. с его унификацией обрядов (прежде в каждом великом княжестве были свои), пантеона и даже нравственного облика священнослужителя тоже сыграл свою роль в упорядочении системы власти, как и официальное ограничение местничества, т.е. значения происхождения при получении должности. Уложение о службе 1554–1555 гг. упорядочило правила воинской службы дворян, обретавших все большую силу и становившихся важным социальным слоем в царстве.

Казалось бы, все шло честь-честью, нужны было только терпение и последовательность в проведении необходимых реформ. Вначале вро-

де бы все это понимали. Начались реформы на местах. Были отменены кормления, а деньги с волостей потекли в казну. В качестве посредников стали использовать избранных *губных* (из помещиков — в тех волостях, где их было много) или земских (там, где преобладали государственные черносошные крестьянские поселения) старост. В 1550 г. Избранная рада предложила отобрать 1000 дворян, дав им поместья близ Москвы, чтобы они выполняли поручения царя. Правда, вокруг Москвы не нашлось столько свободных поместий, так что этот проект так и не был до конца реализован.

Медленное, но достаточно успешное реформирование дополнили в 1552 и 1556 гг. военными успехами — завоеванием Казанского и Астраханского ханств. К России отошли огромные земли Поволжья, причем многих из знатных татарских *мурз* переселили на запад, где большинство из них крестились и получили поместья, а то и титулы. На их места были посланы русские бояре и дворяне, особенно из числа тех, кого царь считал своими потенциальными соперниками или кому он по тем либо иным причинам не доверял, у кого хотел отобрать земли, чтобы раздать их приближенным. По мнению известного историка С.Ф. Платонова, к такого рода массовому перемещению позже сводился и основной смысл опричнины. Едва ли с этим можно целиком согласиться. Опричнина гораздо более сложное и весьма многогранное явление. Но несомненно одно: перемещение людей, отрыв их от родных мест и связей и принудительная ассимиляция на новых местах ослабляли тех, кого отправили на чужбину, укрепляя тем самым власть правителя.

Все это вместе взятое закладывало достаточно надежные основы для достижения тех важных политических целей, которые стояли перед юной Россией в XVI в. И вполне можно было бы действовать таким же образом и, главное, примерно теми же методами, что и прежде. Но подозрительный царь не верил практически никому и потому не желал идти путем медленных и тем более достаточно хорошо продуманных реформ. Он всюду видел заговоры и едва ли не всех, если не сегодня, то завтра, считал своими потенциальными врагами и изменниками. Его курс сводился к тому, чтобы уничтожить как можно больше людей из числа тех, кто стоял или стоит близко к власти, отнюдь не только бояр, как это нередко считается. Сменить этих людей и заставить всех остальных преисполниться страхом перед диктатором и деспотом, тираном и убийцей — это была его конечная, пусть даже не всегда субъективно осознававшаяся, цель.

Как пришел царь Иван к идее опричнины? В каких конкретных условиях? Все началось с охлаждения отношений между царем и реформаторами Избранной рады в 1560 г. Одной из причин его было недовольство ростом популярности и успехов реформаторов, другой — личные склоки и наветы, доносы на умных руководителей Рады. Иван был готов прислушаться к этим наветам, ибо и сам считал, что структурные реформы приносят результаты слишком медленными темпами. А раз так, то властные умники с их Радой лишь помеха его замыслам. Соответственно у него возникла неприязнь к Адашеву и другим. В результате Рада была ликвидирована, а ее идеологи высланы (Адашев) или оказались в монастыре (Сильвестр) и опале (Курбский).

Вторым толчком к опричнине была война с Ливонским орденом, занимавшим в то время большую территорию Прибалтики и соседних с ней районов нынешних Белоруссии и Украины. Если первый этап войны был достаточно успешным и в 1562 г. русские взяли Полоцк, то потом пошли неудачи. В 1564 г. обозленный Иван приступил к казням виновных в этом восначальников. Известно, что князя Михаила Репнина царь сначала заставил надеть маскарадную маску и плясать в ней на пиру. Когда почтенный боярин отказался, сочтя это неслыханным унижением, царь собственноручно убил его. Эти первые казни, в которых Иван Грозный лично участвовал, ему явно понравились и, главное, возбудили в нем дремавшие до того инстинкты палача и садиста.

Важным толчком к ожесточению царя было столкновение с Владимиром Старицким и его сторонниками. Кузен царя, он после смерти других возможных претендентов на трон оказался единственным. Неудивительно, что к нему тяготели все, кто был почему-либо недоволен или обижен Иваном. Тяжелое заболевание Ивана в 1553 г., а он, как едва ли не все тираны, был очень мнительным, неожиданно привело его к желанию заставить бояр целовать крест его сыну, младенцу Дмитрию[1]. Не все бояре делали это с охотой, некоторые под разными предлогами отказывались, заявляя, что в случае смерти Ивана предпочли бы Старицкого. Царь выздоровел, но все происходившее у его постели не забыл. И когда после смерти Дмитрия наследником был назначен другой младенец, родившийся в 1554 г. Иван, Старицкому,

[1] Это не тот царевич Дмитрий, который уже после смерти отца погиб в Угличе, после чего один за другим появились два Лжедмитрия. Это, если так можно выразиться, первый Дмитрий, вскоре после болезни отца в том же 1553 г. умерший.

одному из первых, предложили целовать ему крест. Правда, при этом он — в случае смерти Грозного — был официально признан правителем (т.е. регентом) при малолетнем Иване. Отношения вроде бы стабилизировались. Но ненадолго.

В 1562 г. Старицкий сыграл важную роль в победе, одержанной над Ливонским орденом под Полоцком, что резко подняло его престиж. Вскоре после этого царь посетил Старицу. Он обратил внимание на то, сколь много сторонников у Владимира Старицкого. В самом конце 1563 г. умер глава русской церкви митрополит Макарий, который в последнем послании благословил не только царя и его семью, но и Старицкого. Это не столь удивительно, если принять во внимание, что тот был самим царем Иваном назначен регентом при его малолетнем сыне. Однако царь не пропустил мимо своего внимания это послание и весной 1564 г. обрушился на князя. Мать его отправили в монастырь, окружение перевели в государев двор, а на смену ему были присланы люди царя, следившие теперь за каждым шагом Старицкого.

Непосредственным поводом, оказавшим решающее воздействие на царя и приведшим к созданию опричнины, был, пожалуй, отъезд в апреле 1564 г. опасавшегося казни князя Курбского в Литву. Курбский сопроводил свой отъезд известным письмом царю, в котором содержались обвинения против произвола и беззаконий Ивана. Незамедлительно последовал ответ Грозного: «Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же». Эта установка — все в стране холопы царя — была главным пунктом жизненной позиции Ивана и она же стала программой опричнины. А возникновение опричнины последовало именно за бегством Курбского, после чего царь отправился в декабре 1564 г. с семьей и всем двором на богомолье.

Вообще в отправлении в Сергиеву лавру на богомолье не было вроде бы ничего странного. Странное было в другом: Иван взял с собой не только близких ему, но и все государевы регалии, драгоценности, золотую и серебряную посуду, государственную казну и архив. За ним последовали дворяне из всего государева удела, их слуги с запасными конями и вооружением. Со всем этим добром царь после богомолья отправился в Александрову слободу, откуда в январе 1565 г. направил в Москву два письма. В первом содержался список «измен» бояр и дворян, церковников и дьяков и жалоба на то, что царю мешали наказывать изменников. Второе, адресованное посадским, гласило, что к ним никаких претензий нет.

Испуганный народ потребовал от не менее перепуганных бояр просить Ивана вернуться. Тот согласился на следующих условиях: создается новый государев удел, опричь (т.е. кроме, позже последовал каламбур Курбского «кромешники», тьма кромешная, адово воинство) всех остальных владений. Земство платит царю 100 тыс. руб. на расходы; он получает полное право казнить любого по своему усмотрению. Условия были приняты, царь возвратился и вскоре набрал около 1000 верных ему приближенных из бояр, дворян и авантюристов, в том числе иностранных — татар, немцев, литовцев. Всем им он дал из заново созданного государева удела поместья, прежние владельцы которых вынуждены были уехать, иногда в далекие места. За это каждый из опричников принес царю клятву верности, а все они вместе образовали некое разбойное братство, обязываясь ни с кем чужим — с земскими, даже с родней — не контактировать, носить черные одежды, иметь при себе метлу (выметать измену) и на шее коня собачью голову (выгрызать измену). Общая трапеза скрепляла братство. Хорошо ели и пили, а между пирами казнили и пытали тех, на кого указывал Иван.

История опричнины страшна и в деталях описана многими авторами. Вкратце следует сказать, что она свелась к почти непрерывным казням и садистским издевательствам надо всеми, кто был не угоден царю или просто не нравился опричникам. Казни начались с 1565 г., причем одним из первых был убит покоритель Казани, один из лучших военачальников страны боярин А. Горбатый-Шуйский. Казнь Горбатого, хотя он был убит в первой серии массовых казней в январе 1565 г. далеко не один, была в некотором смысле символом, явлением знаковым. Всем дали понять, что любые заслуги перед страной ничто по сравнению с недовольством или подозрением царя в том, что человек к нему не лоялен, а то и просто замышляет «измену». Стоит отметить, что значительную часть казненных составляли сторонники Старицкого, у которого в 1566 г. была отнята еще одна часть удела.

Первая серия казней на какое-то время насытила кровавого деспота. Он счел возможным в 1566 г. несколько сблизиться с трепетавшей Боярской думой. Был даже созван Земский собор, в котором опричники были представлены весьма слабо. Собор созвали главным образом для решения вопроса о Ливонской войне. И это тоже нельзя не принять во внимание: решая сложные внешнеполитические проблемы, царь умел на время обуздывать свой нрав, понимая, сколь важно единение всех перед лицом врага.

Решения собора — продолжать Ливонскую войну — удовлетворили царя. Но передышка в политике террора была недолгой. Неудача похода осенью 1567 г. вызвала его гнев, который надо было сорвать на «изменниках». Воспользовавшись первым подвернувшимся поводом (польский король Сигизмунд II пригласил к себе на службу бояр Мстиславского, Воротынского, Вельского и Федорова), царь решил наказать за «измену» одного из этой четверки, славившегося своей честностью и неподкупностью И. Федорова-Челяднина. Посадив почтенного боярина, «конюшего», т.е. фактического главу Боярской думы, на свой трон и вволю поиздевавшись над ним, царь собственноручно его зарезал.

После этого он вступил в конфликт с церковью и ее главой митрополитом Филиппом. Церковь, имевшая большое количество доходов от своих многочисленных земель, еще ранее была ограничена в иммунитетных привилегиях, т.е. была, видимо, как то включена в сферу налогообложения. Был поставлен также определенный заслон дальнейшему росту монастырского землевладения. Но главное, чего добился царь, — это раскол между митрополитом и иерархами. Митрополит Филипп, то и дело выступавший против опричнины, был в 1568 г. низложен. Ободренный успехом, царь в 1568 г. приступил к новой серии репрессий и расправ. Основной удар пришелся сначала на Владимира Старицкого. Военные успехи Старицкого были костью в горле для царя Ивана. И когда в 1569 г. князь с войском отбил наступление турок на Астрахань, его оклеветал царский повар, заявивший, что получил от Старицкого яд, чтобы отравить царя. Опричники во главе с Малютой Скуратовым схватили князя и заставили его с женой и дочерью выпить яд. Затем отравили дымом мать князя, а остатки его удела взяли в опричнину. Одновременно казнили некоторых сторонников князя и — главное — его союзниками объявили новгородцев.

Именно отсюда берет свое начало тот страшный кровавый погром, которому подвергся Новгород на рубеже 1569–1570 гг. Разумеется, некоторое взаимное понимание Старицкий со сторонниками и привыкший к вольности Новгород имели. Конечно, ни о каком заговоре или «измене» в этой ситуации говорить не приходится. Все боялись опричнины и страх сковывал людей — тут уж не до заговоров. Но Ивану важен был предлог. Расправа со Старицким была сигналом для похода на новгородцев. Царь выступил в этот поход со всеми своими опричниками осенью 1569 г. Для разогрева страстей каратели сначала разгромили оказавшийся на пути Клин, где учинили расправу над

сотнями переселенцев, торговых людей. Затем разгромили Торжок. В Твери, где опричники буйствовали пять дней, были убиты несколько тысяч человек. И, наконец, в начале января 1570 г. опричники прибыли в Новгород, не посмевший оказать сопротивление царю. Новгородский погром был особенно страшен и надолго всем запомнился. Людей всех социальных слоев хватали и убивали, причем самым зверским образом. Топили в прорубях многими сотнями, обливали голых горящей смесью, привязывали к мчащимся саням и т.д и т.п. Новгород был до нитки ограблен, а число погибших в нем было намного более половины населения, не менее 10–15 тысяч.

Расправа с Новгородом, как и со Старицким, была вершиной успехов и едва ли не главной целью опричнины в глазах ее изобретателя. Ликвидация Старицкого и вольнолюбивого Новгорода, заселенного после разгрома послушными москвичами и жителями других городов, призвана была покончить с «изменой», как именовал любое неповиновение царь Иван. Поход на Псков не занял много времени, как потому, что главное уже сделали, так и из-за того, что псковичи не были в оппозиции к царю. Кроме того, псковичам помог их городской юродивый, напугавший царя «великими несчастьями», коли он не уйдет из Пскова. Поубивав немногих, опричники покинули Псков сразу же после того, как конь царя неожиданно пал. Этим знаком Божьим царь пренебречь не мог — он был очень суеверным. Однако, вернувшись из Пскова в Александрову слободу, Иван продолжал «розыск» о «новгородской измене». Розыск завершился тем, что летом 1570 г. начались новые казни. На сей раз первыми объектами репрессий стали некоторые руководители опричников из числа известных бояр, которых царь обвинил в связях с новгородцами. Но этим дело не ограничилось. Июль 1570 г. был отмечен массовыми и наиболее зверскими садистскими издевательствами над приговоренными к смерти в Москве. Погибло всего около 100 человек. Расправа в Москве в июле 1570 г. была апогеем опричного террора. После нее ситуация стала складываться невыгодно для царя Ивана.

Весной 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей сжег Москву, причем опричное войско плохо проявило себя в сражениях. Царь был в гневе. Переговоры с ханом не дали результата, ибо он требовал вернуть Казань и Астрахань. Когда на следующее лето 1571 г. хан снова подошел кМоскве, земские войска во главе с князем М.И. Воротынским, которого Иван терпеть не мог за его независимый прав, разбили его армию. Страна была спасена, а Иван понял, что опричнина себя изжи-

ла. Осенью 1572 г. ее ликвидировали, причем процесс ликвидации сопровождался последним туром массовых казней. На сей раз казнили больше опричников, но был убит и победивший хана Воротынский. Здесь, как и в случае с казнью полководца Горбатого, проявилась все та же ненависть деспота к умным, удачливым, способным и независимым по характеру людям.

Отмена опричнины совпала с периодом острого внутреннего кризиса в стране. Несколько лет были неурожаи. Многие пашни покидались их владельцами и не обрабатывались. Свою жестокую жатву собрала эпидемия чумы. От голода и чумы народ в огромном количестве бежал из центра на окраины огромной теперь уже страны. В этих условиях произвол и злоупотребления опричников становились как невыносимыми, так и бесполезными для царя. Иван решил помириться с земцами и, несмотря на колебания, стал энергично действовать в направлении сближения опричных и земских финансов и военных сил. А после официальной отмены опричнины бывшие опричники обязаны были возвратить земским отнятые у них вотчины, а взамен получить другие, что свелось к перераспределению поместий. Завершилось все указом Грозного под страхом жестокого наказания не упоминать об опричнине.

Роль опричнины в истории России огромна. Этот эксперимент был вызван к жизни как некоторыми объективными обстоятельствами, так и в немалой степени субъективными, т.е. болезненной мнительностью царя и его стремлением ускорить процесс централизации и придать ему максимально жесткий характер. Крепостное право, сложившееся в России вскоре после этого, оказалось самым жестоким и уродливым, что и неудивительно. Ведь превращение русских дворян в холопов царя не могло не сделать из них деспотов по отношению к их крестьянам. Да и Смутное время на рубеже XVI–XVII вв. тоже в немалой мере было следствием политических экспериментов царя Ивана. Словом, путь централизации, избранный Грозным, оказался едва ли не по всем параметрам худшим из возможных. Но тем не менее эксперимент привел, пусть не сразу, к желанным результатам. Феодальная с восточными корнями и методами управления отсталая Русь была подготовлена к тому, чтобы через столетие уступить место ориентировавшейся на Запад России Петра I.

Завершая главу, посвященную истории Руси, нельзя не обратить внимание на только что упомянутые восточные корни и методы. Часть их была естественным результатом полупервобытной структуры

восточных славян в период формирования Киевской Руси. Другая была тесно связана с явственной антизападной ориентацией византийской православной церкви. Немало значило привнесшее свои методы восточной расправы со всеми неугодными, несогласными и тем более сопротивлявшимися татаро-монгольское иго. Все это и многое другое в совокупности своей обусловило специфику структуры Руси с ее слабой централизацией и сильными, хотя и специфическими, чтобы не сказать уродливыми, формами феодализма на раннем этапе эволюции. И все это породило как заметный сервильный комплекс в народе, так и соответствующие ему зверские формы расправы с рабами (холопами правителя). В числе холопов правителя по восточному стандарту были все, включая самых высокопоставленных лиц. Вопрос сводился лишь к тому, кто окажется сильнее. А для этого очень нужными оказались свойственные Востоку жестокие методы реализации власти.

Глава двадцатая. НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Западная часть Восточной Европы в первых веках нашей эры мало чем отличалась как от Западной Европы, только что заселенной нахлынувшими на нее разнородными этническими общностями и едва сформировавшимися племенными протогосударственными образованиями, так и от восточных славян и живших рядом с ними народов финно-угорской языковой семьи и кочевников-тюрок. Северная лесная часть этой географической зоны — западной части Восточной Европы — была заселена первоначально весьма отсталыми земледельческими общностями, которые селились в основном вдоль течения рек. Южная степная полоса была местом преимущественного обитания кочевников, хотя с течением времени в лесостепной зоне все чаще и охотнее оседала часть избыточного населения из неприветливых для ранних земледельцев лесных районов.

ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ

Уже во времена Юстиниана на территорию балканских владений Византии широким фронтом наступали различные, чаще всего полукочевые народы — авары, протоболгары и славяне. Авары, вначале подчинившие себе некоторую часть болгар, создали протогосударственное племенное объединение во главе с каганом. Что же касается славян, то их общности явственно напоминали собой те основанные на механической солидарности коллективы, которые в свое время

описывали на африканском материале антропологи и о которых упоминалось в первой части первого тома. Сущность коллективов такого рода сводится к тому, что это были большие массы родственного населения, происходившего от одного корня, с общим языком и нормами жизни, но не имевшего еще политической структуры, в частности признанных и передающих власть друг другу племенных вождей.

В конце VII в. значительная часть славян была подчинена мигрировавшим из района Поволжья на запад тюркским племенем булгар (протоболгар). Их правители создали на территории к северу от Византии сильное протогосударство. Борьба с аварским и болгарским государственными образованиями отнимала у империи много сил. Немало их требовала и необходимость сдерживать общий натиск славян, массированное движение которых на юг привело к тому, что практически все Балканы к северу от Греции и часть малоазийских земель оказалась занятой именно ими. Но в отличие от мусульман-арабов, которые примерно в это же время очень сильно потеснили Византию, отняв у нее южные провинции, северные соседи не имели своей развитой религии. И именно это обстоятельство привело к тому, что православная церковь направила свои усилия на миссионерскую деятельность среди них. Эта деятельность привела к успеху.

Как известно, большая часть южнославянского населения, включая Болгарию, становившуюся все очевиднее славянским государством, достаточно быстро попала под сильное влияние православия. Мир с Болгарией, контакты с волжской Хазарией, на территории которой, от Волги до Днепра, проживало немало славян, а также с моравским и сербским, в основном тоже уже славянским населением, открыли перед церковью большие возможности. Церковные миссии, пусть не в том объеме, как то было на западе Европы, направлялись на Балканы с завидным постоянством, создавая благоприятную обстановку для сближения со славянским и иным местным населением. Болгария приняла христианство в 865 г., Моравия и Сербия последовали за ней. Сохранились в византийских источниках и упоминания о том, что на рубеже IX–X вв. близ Константинополя появились «войска русов», т.е., как уже упоминалось, варяжские дружины.

Здесь необходимо снова напомнить, что корень «рус» варяжского происхождения. Да и никакого славяно-русского войска, готового воевать с Византией, в то время еще не было. Зато путь «из варяг в греки» то ли по Дунаю, то ли по Днепру существовал, причем торговля по этому пути шла — откуда и ее название — под покровительством

варягов (норманнов, викингов). Их дружины в этот и ряд последующих веков наводнили собой чуть ли не всю Европу, перейдя от торговли к грабежам и разбою. Нет ничего удивительного в том, что такого рода дружины могли оказаться и близ Константинополя и что они появлялись там и в 907, и в 911 гг., причем вели активную торговлю с византийскими купцами, о чем говорят все те же тексты. Остановимся пока на этом и обратимся к другим существенным событиям из истории славян и других народов региона.

Итак, на территории, подвластной Византии, оказались Балканы и некоторые соседние земли, которые ранее были в основном степными путями для кочевников и «переселения народов», а чуть позже стали заселяться южными славянами, а также племенными объединениями ряда этнических общностей, в том числе оседавших кочевников. В первую очередь это относится к Болгарии.

Болгария. Тюркское кочевое племя, которое переселилось в VII в. из Поволжья в район современной Болгарии и дало возникавшему здесь протогосударству свое наименование и правящую династию, было быстро ассимилировано славянами и вскоре оказалось во многом зависимым от Византии автономным государственным образованием. Приняв с помощью константинопольских миссионеров православие в качестве государственной религии и восприняв вместе с ним, как то было и на Руси, основы развитой христианской культуры, болгары в конце I тыс. вступили в полосу энергичного развития. Появились города, немалых успехов достигли сельское хозяйство и ремесло. Возникли основы правового регулирования отношений — «Закон судный людем». Успехи в боях привели к тому, что были потеснены авары, и с Болгарией стали считаться все ее ближние соседи, включая и Византию. Впрочем, усиление Болгарии, поддержанное и Русью (поход Святослава в район Дуная косвенно свидетельствует об этом), не было долгим.

От Болгарии начали отпадать некоторые из захваченных ею соседних территорий, в частности Македония, а на рубеже I и II тыс. так называемое Первое болгарское царство на долгих два века оказалось под властью Византии. К этому следует добавить появление в степных районах рядом с Болгарией кочевых племен половцев и печенегов, столкновения с которыми ослабляли страну. Земельные отношения в Болгарии стали строиться по византийскому стандарту. Появились крестьяне-парики. Большими территориями владели крупные землевладельцы, в том числе церкви и монастыри. Массовые выступле-

ния болгар против Византии привели в 1187 г. к признанию Константинополем независимости Болгарии.

Второе болгарское царство просуществовало до 1396 г. Это был период дальнейшего развития страны, особенно ее внешних связей, прежде всего торговых. Однако уже во второй половине XIII в. Болгария находилась в зависимости от татаро-монгольских ханов, а вскоре после этого начался процесс политической децентрализации страны, распада ее на ряд мелких княжеств, чему в немалой мере способствовало появление на Балканах в конце XIV в. турок-османов. С этого момента Болгария в целом и болгары как этнос начали интенсивно отуречиваться. Появились свойственные османской Турции формы землевладения (тимары, зеаметы, хассы), крестьяне-райя были обязаны платить кроме земельного налога в казну либо в пользу турецких воинов-сипахов еще и подушную подать-джизию. Немалая часть болгар, особенно из привилегированных сословий, вынуждена была принять ислам. Однако, несмотря на господство иноверцев, основная часть болгар осталась христианами православного толка.

Сербия. Судьба Сербии в немалой степени похожа на болгарскую. Ее земли были заселены славянами в VI–VII вв. Правда, несколько иные природные условия (лесостепь и горы) замедляли темпы развития сербов, сохраняя большие семейно-клановые группы, *задруги*. Но уже в конце I тыс. здесь возникают протогосударственные образования, часть которых вскоре попала под власть Первого болгарского царства. Позднее сербские земли, как и болгарские, оказались частью Византийской империи. Однако более значительное отдаление от Константинополя заметно отличало сербов от болгар. Давление империи сказывалось меньше. Зато страна чаще страдала от набегов воинственных венгров.

Как и болгары, сербы восприняли от Византии православие, а вместе с ним и более высокие стандарты культуры во многих сферах жизни. В конце XII в. Сербия обрела политическую независимость, а в середине XIV в. она сумела объединить вокруг себя ряд соседних территорий, от Албании до Македонии и даже греческой Фессалии. Сербский архиепископ стал патриархом, что было призвано символизировать величие и значимость нового государственного образования. Это был период успешного развития хозяйства страны. Но длился он очень недолго. В конце того же XIV в. Сербо-греческое царство распалось, а после поражения в битве на Косовом поле в 1389 г. страна оказалась под властью османской Турции.

Судьба православных южных славян, многое получивших от Византии и продолжавших существовать под знаком этого наследия, резко изменилась после захвата их земли турками. Господство восточной державы продолжалось несколько столетий, что не могло не сказаться на структуре политических образований и образе жизни населения, частично, хотя и в незначительной своей части, принявшего ислам. Совсем иной была судьба других славянских народов, которые находились дальше как от Византии, так и от завоевавшей ее в середине XV в. османской Турции.

ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ

По большей части это была группа славян, которые ныне именуются западными. В этом наименовании немалый смысл, причем он сводится не столько к географическому положению стран, о которых теперь пойдет речь, сколько именно к религиозно-духовной их ориентации и соотвстственно к структурному их своеобразию, заметно отличавшему чехов, хорватов или тем более поляков от сербов и болгар. Начнем изложение с Хорватии, ибо эта страна, народ которой говорит на том же языке, что и сербы (языковое родство вполне справедливо считается специалистами наиважнейшим признаком, разделяющим либо, напротив, идентифицирующим этнические общности), отлична от Сербии только и именно тем, что не имеет отношения к православию.

Хорватия. Западные славяне населили территорию современной Хорватии примерно в то же время, что и сербы либо болгары (стоит при этом обратить внимание на то, что в те далекие времена славяне не делились на южных, западных или восточных — так разделила их позже судьба). Но земли, на которых они осели, находились в близком соседстве с северной Италией (лангобардами), аварами, баварскими территориями, а чуть позже и с франками. Иными словами, хорваты с первых веков своего существования были теснейшим образом связаны с Западной Европой. Более того, уже с VIII в. они стали фактически ее периферийной частью, то входя в империю Карла Великого, то оказываясь в зависимости от южногерманских князей. Неудивительно, что и христианство к хорватам и близким к ним словенам пришло в 925 г. с запада в католической его модификации. Вместе с ним пришла и восходившая корнями к античности западноевропейская культура, развивавшаяся в ту пору едва ли не исключительно усилиями церковников. В том же X в. Хорватия стала королевством, но не сумела обрести мощь централизованного госу-

дарства. Как и во всей Западной Европе, здесь задавали тон феодальные междоусобицы, тогда как власть королей была в сущности номинальной. В XI в. значительную часть принадлежавшего Хорватии Далматинского побережья захватила Венеция. А в 1192 г. Хорватия заключила унию с Венгрией и до XV в. была в составе объединенного государства, правителями которого являлись венгерские короли. В XIII–XIV вв. в борьбу за владение хорватским (далматинским) побережьем Адриатического моря вновь вступила Венеция. Ей удалось в XV в. овладеть большей частью торговых центров этого побережья, однако за исключением главного, Дубровника. В середине XVI в. объединенное войско хорватов и венгров разгромили турки, а в конце того же века Хорватию поделили Австрия и Османская империя. Однако через столетие с небольшим после этого турки были вытеснены из Хорватии.

Чехия, Моравия и Словакия. Эти страны были заселены славянами в те же времена, что и остальные славянские государства, но уже в ту раннюю пору испытали давление со стороны мигрировавших на запад аваров. Это давление способствовало консолидации славянских протогосударств в так называемое государство Само, которое, впрочем, распалось после смерти Само в 658 г. Затем развитие каждого из народов пошло своим путем. Великоморавское государство вело борьбу с немецкими князьями и, сблизившись в ходе этой борьбы с Византией, приняло православную веру. Именно здесь жили и создали славянскую азбуку направленные в Моравию из Византии знаменитые просветители Кирилл и Мефодий. Однако уже в X в. ослабленное нашествиями и борьбой с немецкими правителями это государство прекратило свое существование, а его население — в основном это были словаки — попадало под власть то одного, то другого государства.

Протогосударство чехов, отделившееся от Великоморавского государства незадолго до его падения, тоже сражалось то с немцами, то с венграми. Но в ходе этой борьбы пражское протогосударство с правителями из рода Пржемысловичей отстояло политическую самостоятельность и вскоре, во второй половине X в., присоединило к себе часть моравских и даже польских земель, оказавшись на некоторое время соседом Киевской Руси. Транзитная торговля способствовала развитию городов в Чехии и на моравско-словацкой земле (Прага, Брно и др.). Однако в XI в. политически слабое государство распалось на несколько частей (*крайны*). В каждой из крайн задавали тон местные феодалы, периодически собиравшиеся на *сеймы* и принимавшие

необходимые решения. При этом Прага, местожительство правителя Чехии, номинально оставалась центром государства.

В борьбе с соседями, немцами, венграми и поляками, Чехия в XI–XII вв. сумела отстоять свою политическую независимость. Однако активная немецкая колонизация сильно повлияла на дальнейший путь развития страны, принявшей христианство католической модификации. В этот период своей истории Чехия стала королевством, а после отпора татарам, которые в середине XIII в. были вынуждены убраться восвояси, страна быстрыми темпами развивалась как в хозяйственном, так и в политическом отношении. Правда, попытки последних и наиболее известных королей из династии Пржемысловичей (Отакар, Вацлав II и Вацлав III) усилить страну и увеличить ее территорию за счет союза с Польшей и Венгрией к успеху не привели. Но зато, оказавшись в первой трети XIV в. под властью немецкого императора Карла IV, Прага на время стала столицей Священной Римской империи. Развитию Чехии император уделял немалое внимание, создав, в частности, в Праге знаменитый Карлов университет, едва ли не первый в славянских странах и один из первых в Европе.

Впрочем, вскоре после смерти Карла в Чехии началось хорошо известное народное движение гуситов, смысл которого сводился к борьбе против стяжательства церкви (в частности продажи индульгенций) и имел характер предреформационных антикатолических выступлений. Обвиненный в ереси, Ян Гус в 1415 г. был казнен по решению церковного собора. Но так называемые гуситские войны продолжались в Чехии еще свыше двух десятилетий и потрясли всю Европу, подготовив ее к грядущей в начале следующего века радикальной церковной Реформации. XV–XVI вв. прошли в Чехии под знаком борьбы за власть, смены королей и упадка королевской власти. Это в конечном счете привело к тому, что Чехия оказалась в составе государства австрийских Габсбургов и надолго, вплоть до 1918 г., утратила свою политическую самостоятельность.

Польша. Польша, этот ближайший сосед Руси и одно из наиболее крупных и значительных государств славян, в самой наглядной форме символизирует тот путь, который был характерен для западной части восточноевропейского региона. Это одно из наиболее ярко выраженных католических государств Европы. Более того, предельно стойкая приверженность поляков к католицизму всегда была главной формой стремления Польши противостоять набиравшей силу Руси, затем Российской империи, частью которой она несколько раз становилась.

В качестве итога повествования о западных славянах следует рассказать вкратце и о ее истории.

Поляки как этническая общность, а затем племенные протогосударства создали свое единое государство в IX–X вв. Первые правители, Мешко I и его сын Болеслав Храбрый (992–1025), объединили польские земли и заложили основы их государственного управления, как центрального, так и местного. Возникли первые польские города — Краков, Познань, Гданьск. Император Священной Римской империи Оттон III согласился на создание польского архиепископства, что, однако, не исключило военных столкновений Польши с немецкими князьями. Впрочем, в союзе с теми же немцами Болеслав воевал и с Русью, даже на время захватил Киев, пытаясь посадить великим князем просившего его о помощи Святополка, брата Ярослава Мудрого. В 1025 г. Болеслав стал королем.

После его смерти Чехия и некоторые из немецких князей потеснили Польшу. А затем в стране начались междоусобные войны знати и сопровождавшие их крестьянские восстания. Воссозданное при короле Казимире польское государство было слабым и вначале оказалось в зависимости от императора. Однако вскоре Казимир и его сын Болеслав II добились возвращения некоторых отторгнутых земель и усилили свою власть и независимость от Священной Римской империи за счет сближения с Римом и высшими католическими иерархами. Это ненадолго укрепило страну. Рубеж XI–XII вв. был отмечен новой вспышкой феодальных междоусобиц, которые подавил Болеслав III (1102–1138). Он сумел отразить и очередное наступление германского императора и даже присоединить к Польше Поморье. В это время укреплялась внутренняя структура польских городов, заимствовавших у соседней Германии нормы западноевропейского городского права и тем самым обеспечивавших себе определенную автономию и условия для развития. Конец XII и XIII вв. прошли в Польше под знаком очередного периода политической раздробленности и усиления власти местных знатных магнатов. Такая стуация в немалой мере была вызвана решением Болеслава III разделить страну на уделы, отданные под управление четырем сыновьям.

Сыновья — по русскому стандарту — ожесточенно боролись друг с другом за власть, что не могло не ослабить страну. Немецкие князья и воинствующие рыцарские ордена теснили Польшу с запада, отбирая у нее часть населенных славянами земель, где теперь уже надолго устраивались немцы. А если учесть, что именно в это время, в середине XIII в.,

Польша подверглась и ожесточенному натиску татаро-монгольских полчищ, то не приходится удивляться, что возникло стойкое стремление объединить страну и создать крепкое централизованное государство. Первоначально это стремление проявилось в форме унии с Венгрией, правитель которой Людовик Анжуйский, племянник Казимира III, на короткое время (1370–1382) стал королем Польши. Но этот союз не привел к успеху в основном из-за сопротивления польского дворянства, *шляхты*. Стремление к объединению страны и ее политической централизации усилилось после принятия исторически важного решения о заключении в 1385 г. унии с соседней Литвой.

Уния, приведшая к· принятию литовским населением католичества, способствовала усилению борьбы с угрожавшим независимости Польши и Литвы могущественным Тевтонским орденом, за которым стояли и немцы, и Рим. Однако в 1398 г. уния была разорвана недовольными литовцами (стоит обратить внимание, что в составе Литвы в то время находилось немало территорий, населенных русскими, которые были настроены против католической церкви). Но этот разрыв был недолгим. Совместные внешнеполитические интересы обеих стран взяли верх и в 1401 г. союз восстановили, хотя на сей раз с признанием поляками государственной самостоятельности Литвы.

Решающую роль во внешнеполитических распрях этого времени сыграла знаменитая Грюнвальдская битва 1410 г., в которой объединенными усилиями поляков, литовцев и соединившихся с ними русских и даже чешских войск был разгромлен Тевтонский орден. Цвет его рыцарства во главе с великим магистром пали в этой битве. И хотя орден еще некоторое время оставался влиятельной политической и военной силой, натиск немецких рыцарей на восток был приостановлен. Правда, появилась новая угроза — османские турки. В поисках союзника для борьбы с ними поляки то разрывали союз с Литвой в пользу союза с Венгрией, то снова укрепляли польско-литовские связи. В итоге, отбив угрозу со стороны турок и сильно ослабив государство, правители Польши вынуждены были в 1454 г. заключить со своей шляхтой так называемые Невшатские статусы, которые резко усилили значение польского дворянства и созываемых им сеймов. В Польше сложилась весьма своеобразная сословная система управления, в которой большую роль играла шляхта, но были отстранены от власти представители развивавшихся городов. Польская шляхта стала по существу главной силой в государстве, особенно после введения уже в

середине XVII в. правила *либерум вето*, дававшего каждому шляхтичу на заседаниях сейма право запретительного голоса. В 1569 г. согласно Люблинской унии был завершен процесс объединения Польши с Литвой в единое королевство — Речь Посполиту — с единым общим сеймом и избираемым польскими и литовскими магнатами королем при сохранении некоторых автономных прав у Литвы.

НЕСЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

Еще одной важной составной частью той группы государств, о которых идет речь в этой главе, были неславянские страны — Литва, Венгрия, Румыния, Прибалтика. Обратим внимание на их историю и их место в общей раскладке политических сил и взаимодействия Востока и Запада в период средневековья.

Литва. Государственность на территории Литвы сложилась сравнительно поздно, в начале II тыс. Великое княжество Литовское во главе с князем Миндаугасом, а затем с его преемниками вело с конца XII в. борьбу с Тевтонским орденом в Ливонии и Курляндии. При Гедимине (1316–1341) и его наследниках, в частности при Ольгерде (1345–1377), государство объединило не только литовские, но и немалое количество русских земель. Русские князья со своими владениями (Полоцк, Орша, Минск, Торопец, Ржев, Чернигов, Брянск, Пинск, Новгород-Северский, Владимир-Волынский, Подольская земля и сам Киев) переходили под власть Литвы, как правило, добровольно, на основании заключавшихся соглашений. Разве что Смоленск подчас приходилось усмирять силой. Почему русские князья предпочли Литву?

Стоит заметить, что переход большой части Руси под власть Литвы был вызван прежде всего стремлением освободиться от татарского ига. Включение в состав Литвы большой части бывшей Киевской Руси (современных западных областей Белоруссии и Украины) не могло не обострить отношений Литвы с Русью. В Литву теперь входило много русских земель, так что примерно половина Литвы была населена православными, а другая — католиками. Неудивительно, что соперничество Литвы с Москвой все возрастало. При Ольгерде литовцы не раз оказывались в ходе сражений рядом с Москвой и были в союзных отношениях с ее соперником Тверью. Можно добавить к этому, что в те же времена и позже, в частности в XVI в., в Литву бежали из Москвы многие опасавшиеся за свою жизнь высокопоставленные деятели, как то в годы правления Ивана Грозного случилось с известным князем А. Курбским.

Таким образом, Литва как государство на начальной ступени своего существования усиливалась за счет русских земель и православного их населения. Однако сами литовцы после заключения Кревской унии 1385 г. с Польшей (в качестве закрепления союза юная польская королева Ядвига вышла замуж за литовского князя Ягайло) предпочли в 1387 г. стать католиками. При князе Витовте (1392–1430) союз с Польшей то разрывался, то укреплялся вновь с сохранением автономии Литвы. При Витовте Литва достигла едва ли не наивысшего могущества. В это время была одержана победа в Грюнвальдской битве, а в территорию Литвы включены земли, расположенные в Причерноморье, в нижнем течении Днепра и Днестра. Однако после смерти Витовта чаще всего правителями Польши и Литвы становились Ягеллоиы, потомки Ягайло.

Мелкопоместная литовская шляхта, как и в Польше, задавала тон в политической жизни страны, хотя огромную роль играли и богатые магнаты. Примерно с XV в. в Литве распространилась практика наделения знати и шляхетского дворянства бенефициями западноевропейского типа, а Литовские статуты XVI в. уравняли бенефиции с наследственными владениями, что заметно укрепило позиции литовской шляхты. Создание Речи Посполитой согласно Люблинской унии 1569 г. укрепило Литву и придало ей силы в борьбе с Москвой. Литва и служившие в ней русские воины принимали участие в польско-литовской интервенции в России в Смутное время, на рубеже XVI–XVII вв., в годы правления самозванцев и иных слабых русских правителей.

Венгрия. На территории современной Венгрии в древности обитали иллирийцы, фракийцы, славяне и некоторые другие этнические общности. Кочевые племена венгров появились здесь предположительно из района северного Поволжья и Приуралья в конце X в. Воинственные кочевники, осев в районе Тиссы и Дуная, совершали грабительские набеги на соседей, в первую очередь на славян и немцев, но подчас и на более отдаленные западноевропейские территории. Христианизация венгров усилиями католических миссионеров способствовала усмирению их агрессивных наклонностей и постепенной аккультурации населения страны. С XI в. при короле Иштване I и его преемниках вчерашние кочевники в основном уже осели на землю и заложили основы государства с собственной территорией. Короли раздавали большие участки земли во владение своим приближенным. Были созданы основы законодательства, системы налогообложения. Вместо прежних полупервобытных форм существования, расстава-

ние с которыми порой вызывало резкое недовольство привыкшего к разбойной вольнице населения, возникли институты более развитого характера, включая систему высшей и местной администрации. Началось строительство городов. Большую роль в жизни венгров стали играть немецкие колонисты, что способствовало ускорению темпов аккультурации венгров.

XIII в. был отмечен некоторым ослаблением центральной власти и ростом могущества местной знати. Мелкопоместные дворяне сумели созвать свой сейм, а изданная королем под давлением сейма «Золотая булла» 1222 г. обеспечила дворянству немало вольностей, вплоть до права неподчинения власти короля в случае нарушения зафиксированных в булле льгот. Впрочем, это практически недолгое ущемление всевластия короля не сказалось отрицательно на развитии страны. Напротив, хозяйство Венгрии достаточно быстро развивалось, появлялись новые города, увеличивался объем торговых связей. С XV в. при королях неаполитанской Анжуйской династии феодальные вольности были сильно сокращены, а внешнеполитические успехи Венгрии стали достаточно заметными. Сближение с Польшей и Чехией и тесный союз с немецкими князьями и Римским папой обеспечивали эти успехи. И хотя в первом столкновении с османской Турцией венгры не преуспели, избрание в 1411 г. венгерского короля Жигмонда (Сигизмунда) императором Священной Римской империи и королем Чехии в 1436 г. сыграло свою роль в том, что политический капитал, накопленный страной, очень помог ей в укреплении внешнеполитических позиций.

Новый энергичный натиск турок в середине XV в. был отбит. Правда, это не привело к усилению роли Венгрии в политическом соперничестве с германскими императорами. А в столкновении с турками при Сулеймане Великолепном в 1620 г. венгры потерпели поражение. Итог был плачевным: часть страны оказалась под властью нового короля из династии Габсбургов, а другая, Трансильвания, стала владением Османской империи. Единая Венгрия на длительное время перестала существовать, хотя венгры и пытались продолжать борьбу как с турками, так и с австрийцами.

Румыния. Территория к северу от Болгарии и Дуная издревле была населена племенами Дакии, в значительной мере романизованными еще в результате римского влияния. Позже здесь, на землях Валахии и Молдавии, поселилось немало славян, а в Трансильвании — венгров. Сложившаяся смешанная народность, в языке которой преобладали романские корни (это не касается структуры общества и не связано с

античными нормами бытия), позже получила наименование румын. Набеги печенегов и половцев, а затем нашествие татар еще в большей степени определили смешанный состав населения страны. В ранний период существования Киевской Руси часть территории будущей Румынии была под властью великих князей Киева.

Первые самостоятельные государственные образования здесь возникли поздно, в начале XIV в., а вскоре после этого территория Румынии стала объектом нашествия османских турок. Господари Молдавии и Валахии стремились сопротивляться, но не преуспели в этом. В итоге все территории, о которых идет речь, включая и Трансильванию, имели некоторую автономию, но платили Османской империи дань и находились от нее в зависимости. Однако православие во многом определяло политические позиции правителей. Со времен правления Ивана III молдавские господари стали стремиться к сближению с Русью, а против турок нередко выступали вместе с запорожскими казаками.

Прибалтика. Последние из группы стран и народов, о которых идет речь в этой главе, — жители Прибалтики. В древние времена население Латвии, Эстонии, Карелии — финно-угорские и балтийские этнические общности — было связано с Русью, в первую очередь с Новгородом. Однако ужс с начала II тыс. Прибалтика оказалась под ударом немецких орденов, Ливонского и Тевтонского. Завоеванные ими земли Латвии и Эстонии стали именоваться Ливонией, а местное население подверглось интенсивной христианизации, что сыграло значительную роль в подъеме его культурного уровня. Управлявшие Ливонией немецкие рыцари создали систему четкой администрации, способствовали росту городов и торговых связей. Города развивались по привычному западноевропейскому стандарту, что весьма благотворно сказывалось на их процветании. Правда, при этом нельзя не учитывать того, что по крайней мере на первых порах все ключевые позиции и в администрации, и в городских делах, включая торговлю, занимали мигрировавшие в Прибалтику немцы, включая и церковных иерархов. После Грюнвальдской битвы ситуация заметно изменилась. В 1419 г. был создан ливонский *ландтаг*, а век спустя Ливония активно откликнулась на движение церковной Реформации, приняв лютеранство.

С XVI в. в ходе так называемых Ливонских войн, в которых активно участвовала Россия, территория страны раскололась на ряд самостоятельных государственных образований. Этому способствовали прекращение существования Ливонского ордена и вмешательство в дела Ливонии, кроме России, стремившейся открыть путь к Балтий-

скому морю, также и Польши, Литвы, Швеции, даже Дании. Итог длительной войны был не в пользу Ивана Грозного, который сумел закрепить за собой несколько малозначительных населенных пунктов, но выхода к морю не добился. Наибольшего успеха добились шведы, владевшие в те времена Финляндией, частично и поляки. А борьба шведов с поляками за Эстонию в начале XVII в. привела к тому, что практически вся Прибалтика оказалась под властью королей Швеции, которые административно поделили ее на Эстляндию и Лифляндию (юг Эстонии и северная часть Латвии).

ВОСТОК ИЛИ ЗАПАД?

Группа стран, географически расположенная между Западной Европой и остальной ее частью, особо вычлененная и описанная в последних трех главах, весьма разнородна. Не приходится удивляться тому, что и их историческая судьба была разной, как различной была и цивилизационно-культурная традиция, которая во многом, если не целиком, определялась господствующей в них религией. Но если присмотреться внимательно, то здесь вполне могут выявиться некоторые закономерности, определившие судьбы этих стран. Судьба Византии, например, была решена в первую очередь и главным образом не столько энергичным натиском турок, сколько непримиримостью православия. Как это ни прискорбно констатировать, но вызванный многими, хотя далеко и не слишком важными причинами резкий разрыв 1054 г. между католиками и православными определил судьбу Восточной Римской империи. И отчаянные ее призывы к унии накануне гибели — призывы, заметим, осуждавшиеся едва ли не большей частью населения гибнущей Византии, не говоря уже о Руси, — оказались гласом вопиющего в пустыне. Конечно, Западной Европе и тем более Риму в эти века было не до того, чтобы помогать Византии. У них было слишком много своих сложностей, да и католическая церковь как раз в эти века переживала не лучшие свои времена. Достаточно напомнить о схизме и последовавших за ней церковных съездах и соборах. Нельзя забывать и о плачевных для Рима итогах крестовых походов, а также о нанесшем глубокую рану Византии Четвертом походе, приведшем к образованию в Константинополе Латинской империи.

Но, принимая все это во внимание, стоит напомнить и о том, что западная церковь и ее воинствующие ордена еще задолго до просьбы об унии вели себя вызывающе по отношению к народам, находившимся в сфере влияния православия либо по меньшей мере готовыми его

принять. Как ни считай, но процесс аккультурации многих стран на восточных границах Западной Европы происходил с оружием в руках, причем оружие было прямо либо косвенно направлено против православных народов, о чем свидетельствуют, в частности, битвы Александра Невского. Разумеется, тот же Александр вполне мог удовлетвориться своими победами и заключить какой-либо союз с теми же орденами против татаро-монгольской Золотой Орды. И в этом случае неизвестно, как повернулась бы судьба России. Не вовлекая читателя на зыбкую почву малообоснованных предположений, имеем все же основания считать, что шанс для изменения ситуации в этом случае явно был. Тем более что Золотая Орда не была всесильной, а монгольское нашествие разбилось на множество отрядов, у каждого из которых были свои цели.

Но есть немало оснований считать, что для Невского и многих его современников на Руси католический Запад после 1054 г. был гораздо более страшным врагом, чем бесчеловечные, но и лишенные религиозных целей восточные завоеватели. В этом предпочтении нет ничего удивительного: Русь тех времен была, несмотря на все зверства татаро-монголов, много ближе к Востоку, чем к Западу. К слову, эта ориентация сохранялась вплоть до Петра, да и после его реформ многое тянуло Россию в сторону Востока. Во всяком случае Запад вызывал подозрение и отторжение, что сохранилось в немалой мере до сегодняшнего дня. Парадокс в том, что для Запада все земли православного мира, будь то Византия, Русь или иные более мелкие страны, после 1054 г. всегда были Востоком. А вот для Закавказья и Византия, и Русь (тем более Россия) были Западом, к которому они стремились.

И потому совсем иначе ощущали и вели себя страны, принявшие католичество, начиная с Польши и Прибалтики. Для них православные государства были Востоком даже в том случае, если часть их, как, например, Сербия, румынские и болгарские земли, отнюдь не располагались к востоку от них. И здесь мы снова подходим к тому, с чего начался несколькими страницами выше последний раздел этой части работы. Суть вопроса «Восток или Запад» решался в зависимости от того, как обстояло дело с религией. Принадлежность к той либо иной конфессии, даже к направлению в данной конфессии, т.е. к католицизму или православию, была вполне очевидно определяющей при решении вопроса о том, кому и с кем по большому счету (именно по большому счету, ибо в отдельных случаях ситуация могла быть различной) дружить либо враждовать.

Из сказанного следует вывод, что все рассмотренные в последних трех главах тома государства, географически оказавшиеся в Евразии между Западом и Востоком, практически независимо или почти независимо от их расположения (хотя именно по этому признаку — между Востоком и Западом — они были включены в особую часть работы) стояли на распутье. И при этом степень знакомства их с антично-предбуржуазным Западом, равно как и религиозно-цивилизационная традиция, определяли, в какую сторону им клониться. Достаточно четко и максимально рационально определившись, они либо тяготели к Востоку, а то и просто оказывались завоеванными восточной страной, османской Турцией, либо были склонны активно ориентироваться на Запад. При этом для балканских стран, оказавшихся в зоне влияния и православия, и ислама, был не то чтобы выбор (их выбором никто не интересовался), была дилемма, длительное время требовавшая решения, которое в конечном счете оказалось не одинаковым и почти в любом случае было не лучшим, вело к отсталости. Исключением на этом безрадостном фоне следует считать разве что страны Закавказья, явно желавшие освободиться от давления Востока, но не имевшие не то чтобы свободы, просто физической возможности выбора. Сама судьба вынуждала их после крушения Византии видеть альтернативу лишь в православной России.

Теперь особо о России. Совершенно ясно, что после крушения Византии не пришедшая ей на смену Османская империя, но именно Россия уверенно становилась главным игроком на мировой политической арене в той зоне — между Востоком и Западом, — о которой теперь идет речь. Турки были типичным социумом и государством Востока, и после их появления на территории бывшей Византии размеры упомянутой зоны просто заметно сократились, а затем продолжали сокращаться за счет агрессивной экспансии ислама в Восточной Европе, особенно на Балканах. Поэтому именно Россия начинала активно вмешиваться в ситуацию в восточной части Европы. Это становилось особенно заметным, принимая во внимание как сближение с Арменией и Грузией, завершившееся фактической аннексией, так и, с другой стороны, явственное стремление всех прочих стран, от Польши и Прибалтики до Чехии, Венгрии и Хорватии, к союзу с крупными государствами Запада или даже к вхождению в их состав. Следует сказать, что такого рода размежевание к концу периода, о котором идет речь в томе, было вполне естественным и ожидаемым.

Итак, осталась Россия. И это сразу резко обострило и даже выпятило те черты и признаки, которые были прежде характерными для

всех стран, оказавшихся волею судеб между Западом и Востоком. Этой зоны более не было. Одни ушли в сторону Запада, что и продолжило быть характерным и для тех из них, которые несколько позже оказались все-таки включенными в Российскую империю (Польша, Прибалтика, Финляндия). Другие были заморожены в процессе эволюции сильным воздействием на них со стороны турок. У каждой из этих групп стран оказался свой путь, причем, что характерно, даже у православных и оккупированных турками вроде Греции, частично Болгарии, Сербии и Румынии, он не был похож на российский. Правда, славянские страны отличались тем, что Россия выделяла их из прочих православных, например Грецию и Румынию, хотя и здесь все было не одинаковым. Греки, несмотря на свое наиболее развитое православие, со временем все определенней ориентировались на Запад, а более отставшие румыны колебались между Россией и Турцией.

А Россия энергично устремлялась вперед. Это было особенно заметно в том, как развивалось общество и какими были основные его политические идеалы. Речь, если уточнить, об упрямом стремлении России стать Третьим Римом, только таким новым и особым Римом, который не имел бы ничего общего с первым, античным (кроме разве что тенденции к безудержной экспансии), но зато многое взял от второго, Византии, главной характеристикой которой на протяжении тысячелетия ее существования была постепенная, но неуклонная ориентализация.

Следуя по этому вполне осознанно выбранному пути, в оформление сути которого наибольший вклад внес Иван Грозный, Россия сделала в период европейского средневековья огромный шаг в сторону того самобытного общества, той «святой Руси», о которых так много рассуждали в нашей стране в последние два века, начиная со славянофилов, да и стремятся поговорить сегодня. Суть этого не похожего на остальной мир общества и государства сводилась к тому, что генеральные признаки типичной для неантичных и небуржуазных стран структуры власти-собственности в обеих основных ее модификациях, примитивно-первобытной децентрализованно-феодальной и затем более развитой централизованно-монархической и жестко-авторитарной, обретали оттенок православной «святости», камуфлировавшей бесчеловечность отечественного рабства. Что же касается его, этого рабства, то оно удивительно легко меняло внешний свой облик, от холопа при первых Рюриковичах с их дружинами через безмолвного подданного хана и его прислужников из числа тех же Рюриковичей до крепостного. Но что характерно: меняя облик, оно оста-

валось при этом четким свидетельством существования сервильного комплекса как нормы для социопсихологической ориентации среднего подданного.

На всем традиционном Востоке подданные обычно не очень-то щеголяли чувством собственного достоинства, но наоборот, с легкостью склонялись перед сильными мира сего. Это было естественной нормой в странах, не имевших отношения к античной традиции прав и свобод, о чем немало было сказано выше. Но рабы при этом оставались рабами, бывали рядом с ними и неполноправные, однако те, кто не входил в число рабов и неполноправных, некоторыми правами всегда обладали и к сервильному комплексу обычно отношения не имели. И хотя применительно к Востоку употреблялся термин «поголовное рабство», он был, если не кривить душой, все-таки больше метафорой, чем реальностью, хотя подчас случалось по-разному. В России же, по крайней мере до 1762 г., т.е. до указа о вольности дворянской, рабами были все, снизу доверху, о чем звонко напоминал Иван Грозный. Да и после этого указа свыше 90% населения — народ, крестьяне, особенно крепостные, де-факто ими оставались. И тех, кто не был еще крепостным, с легкостью жаловали в крепостные их новым хозяевам.

Безобидно ли это, могло ли оно не оказать влияния на весь облик «святой Руси»? Оставляю этот риторический вопрос без ответа. Одно замечу: те, кто пытается возвеличить самобытность России, возвеличивает ее сервильный комплекс со всеми вытекающими из этого следствиями. Разумеется, такую мою авторскую позицию необходимо обстоятельно доказывать. Некоторые аргументы, имеющие отношение к сказанному, приводятся в последней части тома, являющей собой ряд теоретических эссе, поясняющих основы этой концепции.

Часть пятая

Некоторые итоги и проблемы

Настоящее издание, как о том уже было сказано, не вполне обычное. Разумеется, в нем по мере авторских сил и с учетом объема сведений, необходимого для учебного процесса, дается изложение и анализ определенного минимума важнейших исторических событий. Однако, этот минимум, что свойственно любому научному изданию, излагается в авторской интерпретации. Об этом свидетельствует композиция работы: роль Востока и Запада в историчсском процессе, их взаимодействие и противоборство. Автор считает своим долгом объяснить выдвигаемые им идеи и концепцию в целом, которая, по меньшей мере частично, уже отражена в его выдержавшем несколько изданий двухтомнике «История Востока». Смысл этой концепции не сложен, а новизна и оригинальность ее в том, что история как глобальная сумма событий, процессов и поступков выдающихся деятелей представлена несколько иначе, нежели то принято во многих других обобщающих изданиях, особенно из числа опубликованных в нашей стране, что следует считать естественным и вполне объяснимым.

В этой последней части тома ставится цель подытожить изложенный материал первых двух томов, посвященных древней и средневековой истории человечества. Одновременно в известной степени здесь затронуты проблемы, об окончательном и тем более общепринятом решении которых говорить пока не приходится. Эти проблемы не всегда, но достаточно часто тесно связаны с главной идеей — показать, что структуры восточных и западных стран принципиально различны. Разница сложилась вполне естественно в ходе генерального исторического процесса. Однако на нее обычно не обращали и по сей день не обращают слишком большого внимания. В то же время с позиций востоковеда оказалось возможным выявить некоторые необычайно существенные проблемы, которые и позволили автору занять принципиально новую позицию в оценке истории Востока и Запада как в целом, так и в различные исторические эпохи. Об этой позиции, как и о некоторых аргументах в ее пользу, теперь и пойдет речь.

Глава двадцать первая. О ПРИОРИТЕТЕ РАЗУМА И ИДЕЙ

В нашей стране почти весь XX в. считался незыблемым марксистский тезис о том, что в системе общественных отношений **так называемым базисом** является способ производства материальных благ, основой которого считались будто бы сами собой все время развивающиеся производительные силы. А в соответствии с характером и уровнем развития этих сил опять-таки почти автоматически складываются производственные отношения, т.е. отношения собственности, которые и есть упомянутый базис. При такого рода постановке проблемы все идеологические (религиозные), политические, правовые и тем более культурные и прочие идеи и институты призваны были восприниматься лишь в качестве некоей не очень значимой функции **надстройки над базисом.** Вывод из этого следовал вполне однозначный: базис первичен, надстройка вторична, изменяется базис (в первую очередь уровень производительных сил, характер производства, отношения собственности и тесно связанные с ними классовые антагонизмы) и вслед за этим соответственно изменяется и надстройка.

Специалистам хорошо известно, сколько было недоумений в связи с такого рода жестким, но не оправдывавшимся на практике постулатом. Они, в частности, недоумевали, как отсталый феодальный базис с его крайне примитивной системой крепостного рабства и труда в качестве генеральной производительной силы России с производственными отношениями в форме неограниченной собственности дворянства на труд и продукт крепостного оказался в состоянии породить надстройку, увенчанную именами А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и других великих мыслителей. Однако марксизм был в то время обязательной догмой, причем в первую очередь именно для специалистов-обществоведов, так что недоумения следовало держать при себе. Более того, необходимо было находить аргументы для того, чтобы они не появлялись.

Сейчас иное время. Все недоумения и возражения имеют полное право на существование. Важно лишь аргументировать любую точку зрения. В предлагаемой вниманию читателя трактовке **суть нового сводится к тому, чтобы поставить под сомнение всю созданную марксизмом схему базиса и надстройки** и обосновать совсем другую взаимозависимость явлений и институтов. Внимательный анализ поступательного хода исторического процесса позволяет с твердой уверенностью констатировать, что в **основе эволюции лежат** не некие

никак не объясняемые сами собой неизвестно отчего постоянно растущие производительные силы, а складывающийся под воздействием ряда внешних и внутренних факторов **идейно-институциональный комплекс.** Можно расходиться в вопросе о том, что в этом комплексе наиболее существенно, но несомненно, что он не имеет отношения к постулатам марксизма, к материально-производительным силам и производственным отношениям. Марксистский способ производства сам рождается под воздействием комплекса идейно-институциональных сдвигов. Лучше всего это видно на примере отечественной истории, известной читателю более, чем мировая. Не было этого комплекса, существовала крепостная Россия, начал он возникать под воздействием Запада, стала меняться в конце XIX и начале XX в. Россия. Появился благодаря Западу большевистский экстремизм, и в разгар мировой войны сильно ослабевшая несчастная наша страна стала объектом страшного эксперимента марксистов.

Обратите внимание, не мифические производительные силы породили большевистскую Россию. Она — как и маоистский Китай в аналогичной ситуации безвременья и безвластия,— появилась на свет вследствие тех самых сдвигов, того самого комплекса объективных и субъективных причин *идейно-институционального характера*, о котором идет речь, в данном случае — экстремистского марксизма. И никогда никто этого факта не был и не будет в состоянии оспорить. Но это как раз и означает, что первоосновой эволюции, первоначалом любых ощутимых сдвигов, как то и соответствует авторской концепции исторического процесса, следует считать совершенствующиеся комплексы идей и институтов, способствующие — или препятствующие — успешной эволюции.

ИДЕЙНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

К числу разного рода идей и связанных с ними, обслуживающих их институтов, преимущественно позитивных[1], следует относить прак-

[1] Отрицательные типа большевизма и маоизма, рожденные марксизмом, равно как и близкие к ним фашистско-нацистские, да и экстремистские иных модификаций анархистского или исламистского типов, могут считаться лишь свидетельством не строго линейного, но линейно-реверсивного, даже линейно-цикличного характера исторического процесса, о чем в томах, посвященных всеобщей истории, идет и еще не раз будет идти.

тически все из тех, что сопровождали человечество на долгом пути его эволюции, начиная с антропогенеза. Имеется в виду и немалое из того, что есть в человеке от его биологической сущности, от инстинктов, и достаточно часто прослеживается в мире животных, особенно высших, млекопитающих и тем более приматов. Следует начать с того, чтобы постулировать, что среди важнейших традиционных форм существования человека, как в обществе, так и задолго до его возникновения, огромную и, более того, первостепенную и жизненно важную роль играл — как и во всем мире животных — процесс обеспечения пищей. Этот обусловленный самим фактом жизни и обслуживающим его инстинктом процесс, по меньшей мере с появления человекообразных приматов, особенно предлюдей, был теснейшим образом связан с изготовлением необходимого комплекса орудий труда и охоты, выработкой и накоплением опыта и навыков, гарантировавших успех в обеспечении коллектива необходимыми для него материальными условиями повседневного бытия.

Собственно, этот очевидный факт и породил марксистские спекуляции, о которых только что шла речь. Вопрос в том, можно ли вполне естественное и само собой разумеющееся стремление к обеспечению условий, даже просто возможности жить — дарвиновская борьба за существование — считать базисной (в марксистском смысле этого термина) основой эволюции? Разве это не просто условие существования, независимое от того, эволюционирует данный вид или нет? Достаточно задать вопрос, чтобы не ожидать ответа. Но встает другой вопрос, а что же движет жизнь как форму существования — а ведь она все время движется, в процессе мутаций и метисации рождаются новые ее виды и в конечном счете возникает Homo Sapiens, т.е. человек разумный. Было ли постоянное совершенствование умения обеспечить себя жизненно необходимым первым и главным условием развития? Не просто существования как вида, тем более не прозябания, но поступательной эволюции? Или, еще точнее, не от умения ли добывать пищу с помощью выделанных орудий возник и постоянно эволюционировал в плане уже не биологического, но духовного и интеллектуального совершенства сапиентный человек?

Сама постановка проблемы имплицитно содержит ответ на вопрос. Несапиентный еще человек в процессе своего формирования использовал постепенно складывавшиеся в его мозгу зачатки разума именно для того, чтобы лучше с этим справляться. И пусть читатель сам судит, помогали ли ему в этом невесть откуда бравшиеся некие

производительные силы или в этом нелегком деле отчетливо лидировали его еще очень не совершенные зачатки разума, по меньшей мере частично, даже в немалой своей части, восходившие к инстинкту приматов, человекообразных обезьян, ныне хорошо изученных в этом плане неутомимыми специалистами. А если принять, что дело обстояло именно так, т.е. что зачатки разума, восходившие к инстинкту, играли решающую роль в том, что можно назвать процессом производства в его самой примитивной форме (речь о каменных орудиях времен верхнего палеолита), то что же оказывается в процессе эволюции первоначалом, первоосновой? Если не считать вмешательства внешней по отношению к самому проточеловеку силы, проявляющейся в непредсказуемых мутациях, каким-то образом запрограммированных законами вселенской эволюции, то все остальное было делом не столько его рук, сколько его рождающегося разума, движимого инстинктом. Так обстояло дело с предшественниками разумного человека чуть ли не на протяжении миллионов лет.

Но вот процесс сапиентации, т.е. накопления необходимого для этого количества позитивных мутаций, успешно завершился. Как считается, человек современного сапиентного вида биологически (но не в расовом типе!) остается неизменным вот уже около 40, а по некоторым подсчетам до 100 тысячелетий. Даже самая отсталая его часть, используя каменные или деревянные, костяные и тому подобные примитивные орудия, не вымирает от недостатка пищи. И производительные силы в разных соответствующих коллективах, тропических либо приполярных, островных или лесных в дебрях Амазонки, сами по себе отнюдь не растут, разве что обогащаются за счет заимствований извне. Отсюда вытекает, что вообще-то для поддержания существования человеку достаточно было бы тех орудий труда и навыков, которые имелись в его распоряжении еще в очень отдаленное от наших дней время. И это не просто абстрактное рассуждение. Разве перед нами мало примеров того, как примитивные общества в наши дни существуют с тем набором орудий и навыков, которым довольствовались их далекие предки многие десятки, а то и сотни тысяч лет? И ничего, живут себе без особых проблем, отнюдь не стремясь и поныне угнаться за прогрессом в сфере более совершенных способов обеспечения себя жизненными благами. Напротив, чаще всего они бегут прочь от попыток приобщить их к материальным стандартам современной цивилизации.

Так в чем же дело? Где растущие невесть почему производительные силы? Правда, все формы бытия дикарей, которые имеются в виду,

а именно уровень духовной культуры и основных нормативных институтов вполне соответствуют примитивному уровню состояния в сфере обеспечения данной общности материальными благами, да иного и быть не могло бы. Но что все же здесь первично и что вторично, что является основой и что функцией? Конечно, без обеспечения пищей живое существо обходиться не может. И справедливости ради стоит заметить, что Маркс, рассуждая о базисе и надстройке, в дебри первобытности просто не заходил, ограничиваясь обычно цивилизованными обществами. Но в его трудах без особых усилий можно увидеть немало рассуждений в том смысле, что человек как таковой, прежде чем он возьмется творить или тем более наслаждаться своими умственными и чувственными идеалами, должен иметь элементарные для всего этого возможности, т.е. материальные условия. Иными словами, даже не говоря о базисе, марксизм постоянно подтверждает примат материальной базы. Она для него, безусловно, первична. И в каком-то смысле с этим можно было бы согласиться. Но при одном непременном условии: вышесказанный тезис следует отнести не только к сапиентному и тем более цивилизованному человеку, но ко всему живому в природе. Проблема лишь в том, что не все живое умеет мыслить и создавать в своем воображении различного рода идеальные конструкции.

Вернемся теперь к сапиентному человеку, который, как то вполне очевидно для всех, отличается от остального животного мира именно только что упомянутыми и весьма важными, явно недооцененными марксизмом качествами, имеющими отношение к духовной и интеллектуальной сфере. Эти качества, которые вырабатывались долгими десятками тысячелетий, вышли на передний план и стали очевидными и ощутимыми для всех отнюдь не сразу. Но это не значит, что в имплицитном виде их не было прежде. Они были в какой-то минимально развитой форме с самого возникновения сапиентных людей. И мало того, что были. Именно они и имеют самое непосредственное отношение к тому, о чем теперь идет речь. Приоритет элементарной ментальности, т.е. духовной культуры и интеллектуального напряжения мысли, вначале, разумеется, в его минимальной и наиболее примитивной форме, как раз и следует считать первоосновой всего процесса эволюции. Именно это было и является по сей день **базисным** (не постесняемся использовать марксистский термин, ибо в данном случае он помогает опровергнуть ошибочные представления). Что при этом имеется в виду? Прежде всего то, что напряжение мысли человека в глубокой древности рождало его представления об окружающем

мире, которые выражались в ту далекую пору примитивными элементами комплекса раннерелигиозных верований (тотемизм, анимизм, фетишизм, магия, мантика, культ мертвых, позже также культ предков, героев, божеств и духов, первичная мифология и т.п.). Элементы у разных общностей различались; комплексы их тоже были неодинаковыми. Неодинаковыми были и результаты, которые со временем оформились в господствующие в той либо иной популяции системы духовных ценностей, нормы поведения, привычный образ жизни и др. **Однако самое важное не в этом. Оно в том, что эволюция связана прежде всего не со сферой материального, а с противостоящей ей сферой духовного и интеллектуального начала.**

Иначе говоря, сложившиеся в отдаленной древности примитивные формы ментальности, в основном раннерелигиозные представления, на протяжении многих тысячелетий формировали основы духовной культуры сапиентных людей. И — внимание! — именно эти элементарные и кажущиеся сегодня порой крайне наивными представления о мире, человеке и привычных формах бытия, со временем достигшие своего наивысшего совершенства в развитых неолитических обществах, **создали первооснову. Без этой первоосновы ни общество, ни государство, ни очаги урбанистической цивилизации, ни связанные с ними отношения между людьми и их социальными группами, слоями просто не могли бы появиться на свет.** Это очень важно принять во внимание, как важно и оценить роль предгосударственных общинных древневосточных структур с их системой духовных ценностей и модусом поведения, которые активно влияли на возникновение государств и придавали этому институту авторитарный характер. Это — начало начал, основа основ.

ДУХОВНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПЕРВООСНОВА — ФУНДАМЕНТ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Только что обозначенная первооснова — идеи и институты — сыграла свою решающую роль в возникновении человеческого общества. Запрет инцеста и табуирование половых связей в рамках коллектива кровных родственников (рода), о чем уже не раз говорилось как о центральном моменте в процессе формирования общества, были результатом не роста материальных благ и не совершенствования неких производственных достижений, но только и именно следствием эволюции ментальных, духовно-интеллектуальных представлений.

Мы не в состоянии с точностью реконструировать всю последовательность действий, приведших к созданию брачно-семейных связей и системы родства, которые и явились фундаментом общества как структуры. Но нет никаких сомнений в том, что эти действия, осознанно возникавшие, имели отношение именно к сфере ментальности, духовно-интеллектуальных размышлений.

Более того, есть весомые основания считать, что очень многие материальные успехи, достигнутые на протяжении ряда тысячелетий в ходе так называемой неолитической революции, тоже были лишь следствием напряженной и продуктивной **работы мысли этих же людей.** Другими словами, в стремлении обеспечить себя всем необходимым не сам по себе труд, но родившаяся в результате или вне зависимости от него новая идея была первоосновой эволюции, в том числе и прогресса в сфере материально-производственных достижений. Ведь процесс перехода от присваивающего хозяйства к производящему, к чему и сводилась суть неолитической революции, был результатом умственного труда, напряжения мысли, удачно найденного решения прежде казавшейся неразрешимой проблемы. Ведь нужно было не просто перейти от сбора упавших колосьев дикорастущих злаков к посеву этих колосьев в заранее разрыхленную землю, но **догадаться сделать это.** То же самое следует сказать об одомашнивании молодняка животных, об обжигании сделанного из мягкой глины сосуда, в котором после этого можно варить пищу либо хранить продукты, об использовании шерсти и иных материалов для изготовления пряжи, ткани и одежды, о строительстве стационарного жилища, да и обо многом другом, что было создано в эпоху неолита.

Духовно-интеллектуальная повседневная работа тех немногих, кто мог обо всем этом думать, ментальный потенциал, подготовленный напряженными раздумьями над проблемами экзистенциального характера, достигшие наивысшего совершенства в эпоху неолитической революции со всеми ее радикальными нововведениями, были своего рода фундаментом, на котором со временем выросло величественное здание ранней государственности. Но значит ли это, что перемены в сфере материальной жизни обусловили появление государственности? Нет сомнений, что материальный прогресс, не случайно названный революцией, был велик и ощутим. Но снова поставим все тот же вопрос что вызвало его к жизни? Кто и почему сумел его достичь? Сделали это люди именно потому, что умевшие хорошо работать умели и думать над тем, как улучшить производительность их труда,

как добиться того, чтобы иметь больше пищи и всего прочего, необходимого для улучшения их жизни. Не стану снова настаивать на том, что этому способствовало вмешательство Природы, объективно обеспокоенной тем, что успешно эволюционирующие люди уничтожат все годное в пищу. Не буду также говорить, что решение человечества перейти от потребляющего хозяйства к производящему — а в этом весь смысл неолитической революции — было вызвало вовсе не его, человечества, заботами об экологическом балансе. Но снова обращу внимание, что, во всяком случае на мой взгляд, объективная целеполагающая функция Природы **явно существует, о чем она, Природа, настойчиво и все беспокойней напоминает человечеству в наши дни.**

Более того, ее импульсы объективно были восприняты потому, что умевшие думать оказывались в состоянии дать ответ на вызов, требовавший позаботиться об экологическом балансе. Едва ли люди сознавали именно это. Но они, особенно наиболее разумные из их числа, без сомнений, интуитивно ощущали подобного рода необходимость, а импульсы, о которых идет и может идти речь, как раз и рассчитаны на такое ощущение, точнее даже на то, что интуиция умных тем и отлична от любой другой, что способствует работе их мысли, ориентируя на то, что следует сделать. Вообще-то в самых древних коллективах протолюдей и людей, практически всегда некоторые из них, **вожаки, старшие, думали о благе всех,** что создавало между ними и остальными определенные отношения. В принципе это **был некий прообраз более поздней ситуации взаимоотношений между управителями и управляемыми.** Что из всего этого вытекает? Что именно они, **эти люди с их высоким умственным потенциалом, составляли и составляют первооснову эволюции, в том числе и в эпоху государственности и цивилизации.**

В постановке проблемы, которая предлагается читателю, речь о том, что менталитет как базовая основа интеллекта и духовная культура, как вполне естественный результат накопления интеллектуального потенциала общества — передового общества, не всякого, стоит заметить, — составляют основу и являются стержнем многотысячелетней традиции успешной эволюции, восходящей к истокам человечества, к его предшественникам, к предлюдям. И здесь мы и приходим к тому, с чего начали. Первоосновой, истоком и фундаментом поступательной эволюции человечества является медленно, десятками тысячелетий накапливавшаяся и совершенствовавшаяся практика мен-

тальности. Именно это позволило наиболее преуспевшим носителям ее из числа лучших представителей вида Homo Sapiens на протяжении многих десятков тысячелетий создавать все те нововведения и усовершенствования, которые в комплексе кардинально изменили условия жизни людей, во всяком случае значительной их части, и дали мощный толчок дальнейшей эволюции общества и возникновению государственности.

ИДЕЙНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Идеи и разум, идейно-институциональный фундамент играли решающую роль и позже, в ходе длительного процесса возникновения урбанистической цивилизации и государственности. Как было показано в первом томе, поступательное развитие общества неолитической эпохи со временем привело к появлению очагов цивилизации и государственности. Образование ранних государств как совершенствовавшейся политической структуры, знакомой с сакрализацией верховной власти и с аппаратом администрации, обладавшей правом принуждения, обеспечивало устойчивое управление коллективом и тщательный надзор за соблюдением сложившегося традиционного порядка в обществе. Суть такого государства в самой элементарной формуле выглядит примерно так: **каково общество, таково и созданное им государство.** Это и понятно, если учесть смысл и реалии движения к государственности. Они в том, что **это форма самоорганизации общества, нечто вроде общественного договора**, о котором столь тщательно и подробно рассуждали мыслители великой эпохи европейского Просвещения.

Иными словами, разросшееся и развивающееся общество, объективно нуждающееся в управлении со стороны специализированного слоя людей, освобожденых от производства пищи, т.е. от повседневных забот о хлебе насущном, и существующих за счет взносов коллектива производителей, добровольно подчиняется возвысившейся над ним власти. Власть берет на себя патерналистские функции и взамен требует беспрекословного подчинения себе общества. Нет никаких сомнений в том, что возникновение государственности могло быть только результатом не просто разумно-осознанной деятельности тех старших, ответственных за благосостояние коллективов, о которых уже шла речь и кто, пусть далеко не в равной мере, обладали необходимыми

для этого интеллектуальными способностями. Это было условием *sine qua non.* Не удовлетворявшие ему проигрывали. Но этого было мало. Важно, чтобы в фундамент возникавшей и совершенствовавшейся государственности были заложены приемлемые для элиты управителей идейно-институциональные параметры. Именно так и обстояло дело.

В процессе генезиса государственности, когда начинали определяться основные параметры будущей политической структуры, первоначальной нормой было появление уже проявившего себя в эпоху неолита авторитарного типа власти. Такая власть, власть племенных вождей, по мере достаточно быстрой и успешной институционализации предполагала полное и абсолютное господство выделившейся из развивающегося и укрупняющегося общества его политической элиты, которая со временем и в благоприятных для того обстоятельствах имела возможность сосредоточить в своих руках всю формирующуюся систему администрации. Еще в полупервобытном обществе, свободном от стоящей над ним власти, прежде всего в обществе, сложившемся после неолитической революции, обычно возникали два основных противостоящих друг другу социальных слоя: **управляющие и управляемые.** Здесь очень важно подчеркнуть, что нет такого общества (античность пока не рассматривается), в котором эволюция шла бы вначале по иному пути. Вопрос может быть лишь в том, как и почему возникал и из кого в основном состоял слой управляющих.

Изучение самых ранних протогосударственных образований, известных истории, включая и политические структуры Нового Света, свидетельствует о том, что этот слой комплектовался прежде всего за счет руководителей общинных коллективов и кандидатов в главы протоплеменных популяций (имеются в виду разросшиеся этнические общности, готовые к трибализации, т.е. к процессу структурирования племен с вождями). Но бывали и иные варианты, когда во главе структурирующейся этнической общности оказывались судьи, пророки и жрецы. Так было, если следовать тому, что сказано в Ветхом Завете, с иудеями. Позже аналогичный вариант повторился с первыми арабскими мусульманами времен пророка. В самых ранних очагах урбанистической цивилизации, египетском и шумерском, равно как и в древнейших аналогичных центрах Нового Света, слой управителей успешно и практически обязательно совмещал функции политические и религиозные. В крайне редких случаях, как, например, в африканских западносуданских протогосударственных образованиях, процесс структурирования племен с вождями и создания протогосударствен-

ных структур был связан с ценными ресурсами (золотые прииски) и торговлей ими, но и при этом он внешне оформлялся в том же ключе. Главой наиболее ранних политических образований становились те, кто чем-либо ощутимым выделялся среди остальных. А среди тех качеств, которые обычно высоко ценились, духовно-интеллектуальные преобладали; там, где они выходили на передний план, общество очевидно преуспевало.

Если расшифровать сказанное, то суть его сведется к тому, что среди племенных вождей и в рамках племени, быть может и союза племен, племенного протогосударства, структурированным вождем и правителем типа западносуданских африканских в раннем европейском средневековье могли быть не обязательно умные, но просто сильные, ловкие, хитрые и удачливые. А вот там и тогда, где и когда возникали города-государства в условиях урбанистической цивилизации, в том числе и в Новом Свете, выдвигались чаще более умные и способные, пригодные для совмещения политических и религиозных функций. Причины очевидны: для руководства более развитыми и продвинутыми государственными структурами нужны были именно эти качества, во всяком случае пока власть не устоялась и основные нелегкие ее обязанности падали на того, кто оказался во главе.

Речь вовсе не о том, чтобы реабилитировать и защитить от упреков возникавшую социополитическую элиту. Сказанное важно для того, чтобы было ясно, что толчком к возникновению государственности было не возникновение частной собственности и связанных с ней классовых антагонизмов, как любили утверждать марксисты. Напротив, государство (речь, напомним, не об античности — там все было иначе) возникало в условиях отсутствия любых форм собственности. Суть его сводилась к созданию возглавляемого правителем аппарата администрации, т.е. **группы или элиты управителей,** подчас олицетворявших деспотизм власти, и к утверждению принципиально приниженного статуса производившей материальные блага **массы управляемых,** т.е. подданных, полностью покорных власти и лишенных каких-либо четко фиксированных прав.

Ранние государства, которые до античности возникали только на Востоке, ну и еще в Новом Свете, обычно практически всегда были авторитарными и порой логично и естественно перерождались в деспотии. Правда, случались и реверсии, кое-где возникновение государства в ходе инфильтрации извне не соответствовало уровню местного общества. Тогда появлялись структуры ослабленного фео-

дального типа. Но это не меняло сути государства, самой структуры власти-собственности; разными были лишь формы управления и редистрибуции, централизованная или децентрализованная. Суть же по-прежнему, в любой форме, сводилась к проблеме власти. Вся она сосредоточивалась наверху, в руках правящей элиты, а все остальное населсние, подданные, были к ней не причастны, включая и тех, кто оказывался богаче других в ходе появления и распространения частной собственности, рыночного хозяйства и товарно-денежных отношений.

Новые формы ведения хозяйства, связанные с активностью частного сектора, вызвали к жизни соответствующую реакцию правящих верхов. И смысл этой реакции опять-таки был вызван не только и не столько самими социальными и экономическими переменами, возникавшими в процессе естественного распространения в развивавшихся и численно возраставших государствах традиционного Востока частнособственнических отношений. Стоит обратить внимание на то, что частная собственность восточного типа не чета буржуазной, обычно очень строго защищенной властью и законом. Поэтому смысл реакции структуры власти-собственности был в том, чтобы по возможности пресечь потенции частной собственности. Восточное и особенно централизованное восточное государство сохраняло издревле сложившиеся и приспособленные к его условиям формы ведения хозяйства, никогда не позволяя новым формам влиять на характер уже сложившейся государственности. Но это означает, что новый идейно-институциональный фундамент, который мог бы стать опорой для отношений, основанных на частной собственности, здесь, в отличие от античных и буржуазных обществ, не мог появиться.

Возникнув много позже, чем государство со всем его традиционным классическим идейно-институциональным фундаментом, определявшим безусловное господство власти, эти отношения были чем-то вторичным, своего рода функцией, зависевшей от потребностей давно возникшего, но затем разраставшегося и усложнявшегося государства. И если политическая система, как то было на Востоке, достаточно быстро обретала форму централизованного государства с характерными для него авторитаризмом, т.е. опять-таки с всесилием власти, с произволом аппарата администрации, то частнособственнические отношения и связи оказывались подчиненными политической власти, даже оскопленными ею. И, будучи таковыми, они не могли породить ничего похожего на буржуазию. В этом и заключен основной смысл того,

почему богатый и развитый во многих отношениях Восток с его большими и почти процветающими государствами не мог без энергичного вмешательства Запада сформировать своей буржуазии и тем самым в процессе эволюции был заведомо обречен на вторичность, на отставание. Собственно, именно это и было заложено в разработанной мной вот уже почти тридцать лет назад концепции власти-собственности как феномена, характерного для всех восточных обществ или даже обществ, длительное время находившихся между Востоком и Западом, как, например, нашего.

Из всего сказанного неопровержимо явствует, что первоосновой в жизни человеческого общества вообще и в системе складывавшихся на Востоке взаимоотношений в частности был идейно-институциональный фундамент, который в свою очередь оказался результатом длительного процесса ментальных усилий, вырабатывавшихся поколениями наиболее разумных представителей самой продвинутой части населения планеты. В основе этих усилий лежали частично восходившие к инстинктам, отчасти создававшиеся совокупным разумом коллективов представления о том, что важно и просто необходимо для выживания. Наряду с первостепенными для того времени религиозными верованиями, игравшими основную роль в обеспечении духовного комфорта коллектива, управляющие верхи, будь то патриархи семейно-клановых ячеек, общинное руководство или племенной вождь, а то и уже правитель урбанизованного государства, имели достаточно четкое представление о практических нуждах общности.

Отталкиваясь от этого и опираясь на соответствующий фундамент, правящие верхи формулировали и реализовывали генеральные новации. Это делали отнюдь не все сразу и даже не по очереди. Вначале кто-то где-то, а потом, следуя примеру, еще некоторые, после чего и другие, подчас с какими-то усовершенствованиями. Остальные, заимствуя, воспринимали готовое и апробированное. Это означает, что в ранних обществах Востока, которые на протяжении многих тысячелетий потенциально готовились к возникновению государств, создававшихся на основе принципа власти-собственности (другого просто не было), все происходило совсем иначе, даже в прямо противоположной последовательности, нежели то было на античном или, позже, средневеково-предбуржуазном Западе, на чем пытался строить свою концепцию государственности, среди прочих, и Маркс.

Современная наука, и, в частности весьма развитая ныне антропология и макросоциология, исходит из того, что все известное

о восточном мире противоречит теории, настаивающей на идее примата материального базиса, игнорирующей реальные первоосновы развития человечества. Оно, это развитие, реализовывалось в форме ментальной традиции, духовной культуры, накопленного тысячелетиями интеллектуального потенциала и совершенных благодаря этому прорывов как в сфере материального производства, так и в процессе возникновения государственности и прочих нематериальных сфер бытия. Неразвитость науки о первобытности и недостаточная известность о реалиях доантичного мира в прошлом в немалой мере способствовали этой позиции, сыграв свою роль и в распространении влияния марксизма. Правда, введя в схему понятие «азиатский» способ производства, Маркс фактически признал первичность государства, политической структуры общества, чем, впрочем, запутал многих своих последователей. Но обратимся теперь к сути различий между Востоком и Западом. Если попытаться выразить ее в немногих словах, она в том, что на Востоке в рамках генеральной структуры общества и государства власть, господствующая над почти отсутствующей еще или недостаточно развитой и в любом случае лишенной правовых основ и потому оскопленной собственностью первенствует надо всем остальным. А в противоположном Востоку античном буржуазном мире Запада гражданское общество само избирает власть, которая создает условия для абсолютного господства рыночно-частнособственнических отношений, что и **задает тон всему в обществе**. И на это не раз еще будет обращаться внимание.

ПЕРВООСНОВА АНТИЧНОСТИ

Всем, кто задумается над упомянутым противопоставлением, станет понятно, что приоритет рыночно-частнособственнических отношений на Западе как феномен появился на свет только потому, что в античности возникло демократическое общество свободных граждан как результат полной смены фундамента, генеральных идейно-институциональных принципов. Это означает, что наличие того либо иного типа фундамента, т.е. авторитарного восточного либо демократического западного является первопричиной возникновения в нем в качестве господствующего того либо иного типа хозяйства. Для Востока — это общинно-государственное с некоторой примесью строго контролируемых властью частнособственнических отношений, а для античности — свободный рынок предприимчивых и стремящихся к модернизации технико-технологических основ производства протокапи-

талистов, частных собственников, которые сами свою власть избирают и регулярно переизбирают. К этому и сводится принципиальное различие между Востоком и Западом. Первооснова античности, таким образом, — иные ментальные традиции, другой духовно-интеллектуальный потенциал, иное общество, другая государственность.

Определив принципиальное несходство между Востоком и Западом, попытаемся еще раз определить разницу между ними. Она проста и понятна. Если складывавшаяся в раннем античном обществе политическая структура была не просто децентрализованной, но по не вполне ясным причинам (я воспринимаю их как социополитическую мутацию) формировалась под влиянием опережавшего ее в развитии гражданского общества, что было нормой в античных полисах, то неудивительно, что экономические отношения в них обретали свободу. Более того, в силу возникших таким образом обстоятельств античные общины-полисы ставили сложившуюся в них политическую систему себе на службу. Тем самым на передний план выходили общество граждан и развитые рыночно-частнособственнические отношения, интересы которых обслуживали выборные, демократически избиравшиеся и регулярно сменявшиеся на собраниях граждан чиновники-магистраты и административные органы. Собственно, именно это и должно восприниматься в качестве основного критерия, который дает основание для вычленения специфики античного мира и разделения всех известных истории обществ, включая и более поздние, вплоть до современных, на восточные и западные.

Значит, Восток отличается от Запада тем, что там гегемония власти возникла до того, как сложилось представление о собственности. А античный полис создал условия для господства рыночно-частнособственнических отношений в рамках гражданского общества с его высокочтимыми правовыми нормами и демократическими процедурами, чего не могло быть при авторитарной восточной деспотии, где государство господствует над обществом, контролирует и сурово ограничивает его возможности, включая сферу производства и все отношения, связанные с частной собственностью. Как о том неоднократно упоминалось, частная собственность на Востоке всегда была оскопленной и потому не могла без энергичного вмешательства извне успешно эволюционировать. И даже когда случалось такого рода вмешательство, как в эпоху эллинизма, оно не обязательно приводило к трансформации азиатских отношений в античные. Нужны были такие усилия либо обстоятельства вроде колониализма, которые, да и то

с немалым трудом, могли преодолеть грань между традиционным Востоком и антично-капиталистическим Западом.

И если снова пытаться определить своеобразие возникшего много позже восточного на его отдаленной периферии и в какой-то мере на его первичной фундаментальной базе античного идейно-институционального фундамента, окажется, что в силу ряда обстоятельств мощная и тем более стоящая выше всего, включая закон, власть здесь — а это самое главное для Востока — практически отсутствовала. Соответственно отсутствовала и свойственная ей традиция с ее привычными и однотипными для доантичного мира нормами. В то же время общество в форме необычных для Востока самоорганизующихся полисов быстро развивалось и обрастало новыми нормами и традициями. Эти новые нормы и заново создававшиеся традиции требовали иного типа власти и совсем другой системы управления полисом и его гражданами. Так и сложились основы античного способа существования, родины всего западного в современном мире.

ИДЕЙНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ВОСТОКА И ЗАПАДА

Учитывая все только что сказанное, есть основания заключить, что проблема первоосновы человеческого общества оказывается связанной с генеральным феноменом бифуркации. Именно она, великая бифуркация, коренным образом изменила облик и суть примитивно-полупервобытной всеобще-одинаковой идейно-институциональной первоосновы. Но, обратив на это вполне заслуженное первостепенное внимание и оценив определяющую роль идейно-институционального фундамента в истории человечества, не оставим в стороне и нечто другое, тоже весьма значимое. Речь о нормах ментальности и духовно-интеллектуального потенциала, которые всегда серьезно влияли на облик общества и государственности и причины возникновения которых тесно связаны с особенностями той или иной из религиозно-цивилизационных традиций. Словом, отвлечемся от главного и обратимся к проблеме традиций, что тем более оправдано, что здесь, как и в случае с идеями и институтами и создаваемым ими фундаментом, многое является самым непосредственным результатом воздействия на общество и историю человечества разума и идей сапиентов. Очаги урбанистической цивилизации если и не предшествовали сложению государства, то во всяком случае возникали одновременно с ним

и оказывали на его возникновение не просто очень существенное, но определяющее влияние. Еще важнее то, что эти очаги складывались пусть для азиатского Востока и античного Запада в различных местах и в разное время, под непосредственным воздействием не только генеральной первоосновы, но и тех систем духовно-экзистенциальных ценностей и раннерелигиозных представлений, которые на протяжении тысячелетий формировали основы региональной цивилизации древних обществ. Это очень существенно, помимо всего прочего, для понимания того, что такое цивилизация, в основе которой лежит та либо иная религиозная система.

Рассуждать на тему о цивилизациях стало в нашей стране очень модным после крушения марксистской идеи о смене формаций и конечном торжестве коммунизма. Но практика многих лет подобного рода рассуждений показала, что они малоплодотворны. Недостаточно ссылаться на Тойнби либо брать за основу труды иных специалистов, разрабатывавших проблему мировых цивилизаций. Необходимо найти некую твердую основу, опираясь на которую цивилизация как важный параметр, даже система параметров, позволит определить нечто самое существенное, что отличает каждую из важнейших известных человечеству цивилизаций. Или в чем все, скажем, восточные цивилизации сходны между собой и отличны от западной, греко-римской античной. Здесь следует учитывать критерий, который позволяет судить о существовании особой цивилизации. Этот критерий сводится, как только что было упомянуто, к той либо иной религиозной системе. И если иметь в виду полноценные и развитые цивилизации, необходимо учесть, что таких в истории человечества было немного, всего четыре. Одна из них западная христианская, а три остальные — восточные (индо-буддийская, китайско-конфуцианская и исламская)[1].

Все четыре цивилизации, основанные на высокоразвитых религиях, создали свои системы религиозно-культурных параметров, определявших традиции, нормативы поведения и образ жизни людей. Современная историографическая мысль все больше и больше внимания уделяет созданным религиозно-цивилизационной традицией нормам

[1] Недостаток классификации Тойнби, приводивший его к путанице в количестве разных локальных, как он их именовал, цивилизаций, как раз и сводится к тому, что в качестве основы он брал не высокоразвитые религии, а чуть ли не любую из существующих либо существовавших когда-либо в мире религий.

поведения, восприятия и образа жизни, с их с большим трудом меняющимися, — если вообще склонными меняться, что менее всего заметно на примере ислама, — системами ценностей. Какие нормы и системы ценностей следует считать наиболее важными и как это отражается на характере той либо иной цивилизации и на принципиальных различиях между Востоком с его тремя очень несходными между собой цивилизациями и иудео-христианским Западом? Обратим внимание на несколько важных позиций, имеющих самое прямое отношение к теме данной главы.

Человек или коллектив? На протяжении всей доантичной истории человек считался заведомо ниже коллектива. Это естественно, ибо именно коллектив с глубокой древности давал возможность выжить каждому из его членов. Поэтому соответствующий стереотип вошел в качестве важного элемента общественного сознания и в земледельческие общины неолита, и в ранние очаги урбанистической цивилизации. Иное дело — античность, где граждане полиса были совокупностью индивидов, которые способствовали возникновению социополитической структуры другого типа, наилучшим образом способной защитить права и возможности каждого из них. **Граждане** как индивиды именно **в мире античного Запада считались чем-то первичным,** а обслуживавшая и защищавшая их, созданная ими и ответственная перед ними административная система, т.е. их очень во многом отличное от восточных **государство, вторичным.**

Это кардинальной важности различие сыграло структурообразующую роль во всей последующей истории человечества. **На Востоке** независимо от характера религиозной традиции и цивилизации **цена человеческой жизни была очень незначительной величиной.** Этим, в частности, объясняется и отсутствие там разработанных частноправовых норм, сконцентрированных прежде всего и главным образом на защите прав индивида. Достаточно сопоставить то немногое, что известно о системе законодательства в Вавилонии (законы Хаммурапи) или в Китае с судебно-правовыми институтами и ролью закона в античных Греции и Риме. У античного мира были свои огромные успехи и свои трагические поражения. Но в итоге именно **примат индивида над обществом и аппаратом власти обусловил как энергичные темпы эволюции и колониальной экспансии, так и зарождение на его основе системы ценностей всей постренессансной Европы,** что со временем и связало античную древность с динамичным западноевропейским капитализмом. К слову, это отношение к человеку имело

самую непосредственную связь с экзистенциальной проблемой жизни и смерти.

Отношение к жизни и смерти. Понятно, что жизнь для всех нормальных людей предпочтительнее смерти. Однако не все так просто. Религиозные нормы и духовные ценности диктуют свои правила и предпочтения, которым люди обычно следуют. В частности, в доколумбовой Америке многие шли на смерть в качестве жертвы богам если и не с радостью, то с чувством хорошо исполненного долга. Если вспомнить о захоронениях с сопогребенными в них живыми людьми (их немало раскопано археологами в разных местах, причем большое количество людей обнаружено в царских гробницах древнего Двуречья и шанского Китая), то картина станет еще ясней. С одной стороны, совершенно ясно, что никто не хотел умирать, с другой — понятно, что иногда в соответствии с традицией того либо иного общества это следовало сделать. Выбор между жизнью и добровольным уходом из нее был частым явлением в Индии и буддийских странах, где многие стремились любой ценой вырваться из колеса сансары, достичь нирваны и т.п., а вдовы в некоторых высоких кастах подлежали страшному обычаю сати, т.е. сожжению вместе с умершим мужем.

В мире ислама отдать свою жизнь Аллаху (в бою либо в иных условиях) и слиться с ним в раю, который ты заслужил добровольным принесением себя в жертву, издавна считалось делом весьма почетным. Своего рода долгом отдать всего себя патрону во имя клятвы верности было распространенным среди японских самураев, что и породило феномен харакири или сходное с ним явление камикадзе. Пожалуй, только китайско-конфуцианская цивилизация с ее прагматическим отношением к жизни никогда не ставила вопрос о выборе между жизнью и добровольной смертью. Даже западная цивилизация с ее культом индивида и гражданина-горожанина в этом плане не превзошла китайцев. Разумеется, в исключительных случаях самопожертвование во имя высшей цели (не говоря уже о самоубийстве, вызванном более банальными причинами) могло иметь место и в Китае, и на Западе, начиная с античности. Вспомним о спартанцах царя Леонида. Но такого рода самопожертвования обычно были мало связаны с религиозным долгом или с системой ценностей, видевшей смысл жизни в уходе из нее.

И все же, касаясь вопроса о жизни и смерти, стоит вычленить из четырех цивилизаций, включая и китайскую, именно западнохристианскую. Она наиболее строго выступала против добровольного ухода из жизни (запрещение предоставлять место на церковном кладбище

самоубийцам) и ни в коей мере не связывала его с вознаграждением на небесах. Китайская цивилизация в отличие от остальных восточных не имела в своей основе собственной развитой религиозной системы. Буддизм, как известно, пришел в Китай из Индии и занял в Поднебесной скромное второе место, подчас деля его с даосизмом, который тоже не был основной религией в этой стране. Что же касается конфуцианства, игравшего роль главной религиозной системы в жизни Китая на протяжении свыше двух тысяч лет, то оно религией не было и экзистенциальных вопросов никогда не затрагивало.

Западное христианство в том, что касается по существу чисто религиозной проблемы бытия либо смерти (загробного бытия), было по сравнению с основными религиями Востока своего рода исключением. В отличие от мира ислама, индуизма и буддизма оно не санкционировало уход из жизни в поисках вечного блаженства. Христианство ограничивалось тем, что обещало райское блаженство ведшим безгрешную жизнь либо своевременно покаявшимся в грехах. Правда, в нем занимала строгое место идея второго пришествия Христа, который вправе рассудить, кого миловать, а кого и наказать, в том числе и муками ада. Но это было лишь воспитанием страха перед смертью и заботы о том, чтобы люди вели нравственную жизнь, которая должна завершиться не добровольным, а предписанным свыше концом. Иными словами, христианство, в отличие от некоторых восточных развитых религий, приучало людей дорожить своей жизнью. Такого рода отношение к жизни вполне коррелировало с уважением к роли и месту индивида в посюсторонней реальности. На Востоке людей воспринимали в качестве несчитаных единиц в безымянных коллективах, так что нередко считалось пусть неписаной, но едва ли не общепринятой нормой убивать сопротивлявшихся целыми армиями (к слову, так было и в древнем чжоуском Китае до того, как конфуцианство стало играть роль государственной религии), а то и городами. Восток не очень смущался картинами в виде гор из отрубленных голов и прочими зверствами, особенно характерными для варваров из числа кочевников. На Западе такой нормы в ходе ведения войн никогда не было. Сопротивлявшихся брали в плен, продавали в рабство, города (вроде Карфагена либо Коринфа) подчас стирали с лица земли, но обычно без того, чтобы делать это вместе с жителями.

Отношение к труду. Стремление к наживе, конкуренция и импульс к самоусовершенствованию. Во всех этих сферах человеческой деятельности античный тип общества предоставлял гражданам,

метекам и либертинам (о рабах нет речи) широкие возможности. Эти возможности не только бывали использованы, но и создали определенные стереотипы, которые пережили переходную эпоху средневековья и возродились с огромной силой в предренессансной Западной Европе, где тон стали задавать горожане, предбуржуазия, т.е. духовные преемники античных граждан. Трудолюбие, энергия предпринимательства, стремление к успеху здесь очевидны.

Однако показательно и заслуживает специального внимания то немаловажное обстоятельство, что и в далеком от Европы Китае благодаря уникально сложившимся обстоятельствам (отсутствие развитой религиозной системы и сила заменившего ее конфуцианства) все эти очень позитивные в принципе качества, будь то трудолюбие, активное стремление к обогащению, установка на самоусовершенствование и соревновательность, тоже сыграли решающую роль во внутренней силе империи и ее населения. Нигде более ничего подобного не было, ибо и в Индии, и в буддийских странах, и в мире ислама такого рода установка отсутствовала. Ее заменяла совсем иная, требовавшая от населения полного подчинения нормам религии, которые призывали выше всего ценить блага не жизненные, но небесные, внефеноменальные. Поэтому нет ничего странного в том, что уже в эпоху средневековья китайские мигранты-хуацяо в странах южных морей, где задавали тон индо-буддийская и исламская традиции-цивилизации, оказывались в наивыгоднейшем положении и благодаря своему редкому трудолюбию в сочетании с крайней неприхотливостью быстро на фоне местных жителей, весьма умеренных в том и другом, становились в ряды процветающей торгово-экономической элиты.

Отношение к женщине. Во всех цивилизациях проблема места женщины в социально-семейной жизни, не говоря уже о политике, принадлежит к числу едва ли не важнейших из тех, которые заслуживают внимания. Везде мужчины руководили на любом уровне, от государства до семьи, тогда как женщины формально являли собой пассивную массу. Но, высказав все эти вроде бы единые и общие для всего человечества соображения о месте женщины, взглянем на реалии жизни.

С глубокой древности во главе весьма крупных государств подчас оказывались властные женщины, которые порой длительное время занимали то трон египетского фараона (Хатшепсут), то императорский трон в Китае (правда, ничего подобного до XX в. не было в исламских странах) и при этом неплохо справлялись со своими обязанностями. И среди влиятельной родни правителей всегда было много умных,

а порой хитрых и коварных женщин, которые исподтишка, не занимая официальных должностей, влияли на принятие политических решений. Не забудем и о тех женщинах, чаще всего вдовах, которые брали в свои руки дело умершего мужа и неплохо с этим справлялись (вспомним Хадиджу, на которой женился пророк Мухаммед). Влияние отдельных представительниц прекрасного пола было, естественно, очень значительным в античном мире и тем более в средневековой Западной Европе, даже в России. Конечно, всех их было не так уж много, если иметь в виду известные имена, вошедшие в историю. Но сколько было таких, кто остался вне поля зрения составителей хроник, но все же играл немалую роль в жизни своих стран?

Как бы то ни было, но женщины формально и чаще всего практически во всех обществах не имели равных с мужчинами прав в сфере политики и общественной деятельности ни на Востоке, ни на Западе. Показательно, что даже в самых демократических греческих полисах им никогда не давали право голоса и соответственно гражданства. И все же разница между положением женщины на Востоке и на Западе и тем более в разных восточных цивилизациях существовала. Она проявлялась в иных сферах, прежде всего в семье, браке и любви.

Если мы коснемся этой темы, то получим на первый взгляд для всех цивилизаций одинаковый ответ: всюду и всегда мужчины — ведущее начало, а женщины — ведомое, пассивное. Можно, конечно, говорить о том, что так рассудила природа, которая предназначила женщине быть создательницей и хранительницей семьи и тем самым существенно ограничила ее в сфере социальных, тем более политических обязанностей и даже в праве распоряжаться собой (о ведении хозяйства умолчим, ибо здесь все наоборот: в домашнем и вообще семейном, даже большесемейном крестьянском хозяйстве доля женщины везде и всегда едва ли не была основной). Но в любом случае всдущую роль играли мужчины, которые, как свидетельствует практика, обычно сами выбирали себе жену, хотя стоит заметить, что гораздо чаще нормой было избрание жены сыну его родителями. В таких случаях и мужчина, и женщина оказывались практически в равном положении: брак соединял молодых по воле родителей. А как насчет любви?

Вот именно в этом пункте общее для всех цивилизаций заканчивается и возникают существенные отличия между Востоком и Западом. Основная суть их в том, какое место отводит данная цивилизация со всеми ее генеральными нормами и принципами жизни

роли и месту любви в жизни общества, праву женщины на выбор по любви. На Востоке, насколько об этом можно судить по некоторым данным, например по канону «Шицзин» (Книга стихов и песен), в древнем Китае для девушек из простолюдинов некоторая свобода выбора, характерная для доцивилизованных обществ, сохранялась, тогда как в кругах политической элиты ее не было. Видимо, с течением времени во всех древневосточных обществах для всех женщин нормы стали строже.

Нельзя сказать, что на Западе свободный выбор женщины любого сословия всегда благополучно реализовывался. Тем не менее, начиная с античности, ментальность общества, отражавшаяся в многочисленных мифах и создававшихся на их основе драмах, комедиях и трагедиях (а театр был великим воспитателем нравов античности), позже также и в поэмах, сводилась к тому, что женщина имела право на любовь и на выбор партнера по браку, подчас даже вне брака. В античном мире воспевались сильные чувства, оправдывались бушующие страсти женщин, полюбивших кого-то и стремившихся соединиться именно с ним. Правда, позже этот культ любви не был абсолютно всесильным. В средневековой Западной Европе он был свойственен в основном дамам из числа знати.

Вообще же Запад с его принципом свободы человека не мог игнорировать столь важный для женщины вопрос о ее свободе, о праве на выбор любимого. Пусть это было не во всех слоях общества и далеко не всегда. Но сама идея свободы и права такого рода существовала. И тому есть множество примеров. Иное дело — Восток. Здесь тоже вроде бы любить никому не возбранялось. К тому же культ любви не был вовсе чужд Востоку. Там тоже бушевали страсти и нередко воспевалась преданность любящей женщины. Но вот с проблемой реализации женской любви дело обстояло по-разному, обычно не очень-то. Прежде всего не существовало нормы, позволявшей делать личное чувство критерием в столь серьезном деле, как брак и семья. Этот вопрос, как правило, о чем было упомянуто, решали родители. Слово старших в семье было законом, тогда как любовь, если она все-таки вспыхивала, что бывало далеко не всегда, оставалась чаще всего только красивой сказкой, воспитывавшей в людях высокие чувства, но не нормой бытия. Восток требовал от женщины реального повиновения тому мужчине, кто волею судеб стал ее повелителем. Любовь же мало и редко принималась во внимание. А замужней женщине она была просто заказана. Муж обычно имел право на развод, жена — почти

никогда либо с огромными ограничениями. Что же касается адюльтера, то за него женщине грозила суровая расплата. Ее ждало всеобщее гневное осуждение, если даже не побивание камнями.

Средневековая Европа, особенно в пору расцвета рыцарства с присущей ему этикой и воспетой поэтами и авторами «рыцарских» романов пылкой любовью к избраннице, нередко замужней женщине, открыла невиданную нигде более в то суровое время свободу в любовных делах, включая и адюльтер. Никакой японский самурай, тоже знакомый с нормами сословной этики, не может быть в этом смысле поставлен рядом с европейским рыцарем. Иными словами, начиная с эпохи средневековья, европейская женщина, пусть не всякая, но прежде всего принадлежавшая к элите (правда, и то не всегда, обычно кроме коронованных особ с их династийными комбинациями и обязательствами), обрела ту почти свободную норму в любовных и сексуальных связях, которой прежде нигде и никогда не было. Или, если уж на то пошло, которая до того существовала в несколько ином виде разве что в примитивных полупервобытных обществах, где она исторически восходила к принятой в те очень давние времена элементарной системе брачно-семейных связей.

Роль женщины и ее права распоряжаться собой в сфере любви заслуживают того, чтобы ориентироваться на это как на один из важнейших эталонов, которые отличали Запад от всего Востока. Стоит повторить, что речь идет не о наличии либо отсутствии любви как светлого человеческого чувства, тем более о свойственной многим любовной страсти как таковой. В Индии она подчас была даже санкционирована религиозными нормами. Но это не было распространено. И если говорить о реальном, пусть даже не вполне узаконенном, но все же признаваемом обществом праве на это чувство и его реализацию для женщин, хотя бы только для некоторых, разница заметна. Свободная женщина или женщина-раба — вот та весомая разница, которая отделяла Запад от Востока. Иными словами, там, где существовало само понятие свободы, могла быть и свободная любовь. Там, где с этим понятием не были знакомы, ее не было[1].

[1] Необходимо оговориться, что не имеются в виду продажные женщины. Они бывали в цивилизованных обществах везде и всегда, служили объектом сексуального удовлетворения и редко где и когда, как гетеры в античной Греции или гейши в Японии, хотя бы отчасти имели отношение к любовным чувствам.

Завершая рассуждение о духовно-интеллектуальных традициях как о серьезной специфике эволюции и о сложившихся под воздействием этих традиций формах общества и государства в странах Востока и в антично-предбуржуазном мире, а также обратив внимание на некоторые особенности цивилизаций Востока и Запада, мы вправе сделать вытекающие из всего вышесказанного предварительные выводы. Суть их в самом кратком изложении сводится к тому, что не материально-производственная сфера определяет эволюцию общества, ибо она сама определяется идейно-институциональным фундаментом. Важны и должны быть приняты во внимание религиозно-цивилизационные традиции с их функцией духовно-интеллектуальной ментальности. Более обстоятельно многое из сказанного в этой главе излагается и аргументируется в следующей.

Глава двадцать вторая. ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Закон постоянной линейной либо линейно-циклической, даже линейно-реверсивной эволюции человечества, вначале как биологического вида, а затем и как общества, включая и возникшие со временем государства и цивилизации, имеет и свои генеральные формы, и многообразные конкретные очертания. Генеральные законы исторического процесса как частного случая вселенской эволюции рассматривались в первом томе особо и достаточно полно. Можно заметить, что возврат к дальнейшей их много более тщательной разработке в принципе неизбежен. Но теперь, в пределах этой главы, речь пойдет именно о конкретных очертаниях процесса, о различных его проявлениях. Стоит лишь помнить, что история как форма реализации человечеством выпавшей на его долю миссии на нашей планете — медленный и консервативный по сути своей поступательный или, точнее, реверсивно-поступательный ход, нечто вроде шагов по долгому и не очень ясному пути без внятной точки, обозначающей цель движения. Едва ли следует с этим спорить, все и без слов вполне очевидно. Только оптимисты красят этот путь в свои цвета, скептики в другие, экстремисты в третьи, а пессимисты в четвертые. А кто прав, будут знать лишь те, кто дойдет до конца.

Есть одна особенность в движении по тому пути, о котором идет речь. Она в том, что по мере продвижения шаги истории ускоряются. Не слишком заботясь о том, чтобы все со мной согласились, замечу лишь, что убыстрение темпа движения историку, особенно

изучающему проблемы макроистории и потому имеющему дело с тысячелетиями, сказанное до предела ясно. Если процесс антропогенеза занял миллионы лет, ранний каменный век, палеолит, сотни тысячелетий, новый каменный век, неолит, менее десятка тысяч лет, а история цивилизаций и государственности насчитывает едва пять-шесть их, то все становится до предела ясным. Первые жители древнейших очагов урбанистической цивилизации, самых примитивных протогосударственных образований и ранних государств рождались и умирали в одних и тех же условиях своего повседневного бытия, используя на протяжении нескольких поколений одни и те же привычные в обиходе вещи и занимая определенное и практически почти не менявшееся место в системе отношений, сложившихся задолго до их появления на свет. И лишь очень редко на долю какого-либо поколения самого продвинутого в этом смысле населения выпадало что-то новое, вызванное выходящими из ряда вон событиями типа природной катастрофы, войны, нашествия кочевников, т.е. того, что было в состоянии нарушить заданный ритм жизни.

Практически сказанное означает, что на протяжении многих поколений люди, постепенно увеличиваясь в числе и при этом расселяясь на соседних пустующих территориях — а иногда совершая для того долгие длительные путешествия, что тоже было важным событием в их жизни, порой надолго выбивавшим из привычной колеи, — оставались, что называется, при своих, живя по норме, установленной их предками. Разумеется, кое-что новое возникало. Но главная моя мысль в том и состоит, что такие новации, негативные и позитивные, бывали редкими и потому касались далеко не каждого поколения. Иными словами, вызывавшие перемены случайности или вынужденные ими сдвиги бывали делом не частым и касались немногих.

Поэтому, учитывая все, будь то катаклизмы (вулканические извержения, страшные заразные смертельные болезни типа чумы или иной пандемии, разливы больших рек, морские цунами или падения крупных метеоритов) и принимая во внимание войны и, уже в более позднее время, массовые протестные движения, согласимся с тем, что на протяжении ряда тысячелетий тогда, после возникновения цивилизаций и государств в течение жизни одного или даже нескольких поколений люди, как правило, жили в тех же условиях, что и их предки, и если шли вперед (в смысле развития), то крайне незначительными, практически незаметными темпами. И в такой ситуации только очень большое количество сменяющих друг друга поколений могло

ощутить влияние медленных перемен, оказывавших существенное влияние на их жизнь.

Ситуация, однако, стала существенно изменяться с тех пор, когда рядом с застойным консервативно-стабильным Востоком появился динамичный античный полис, облик и образ существования населения и прежде всего граждан которого требовал практически от каждого энергичной и к тому же индивидуальной (частная собственность и протокапиталистическая предприимчивость) деятельности. Темп жизни ускорился, хотя еще и продолжал быть достаточно замедленно-размеренным. Вызванные античностью политические сдвиги, особенно завоевания, перекроили карту Евразии, что содействовало динамике многих живших невдалеке от антично-эллинизованных или романизованных Римом стран соседних отсталых народов, варваров-кочевников, и без того достаточно динамичных по стилю их жизни. Античность рухнула, варвары переместились с одного края Евразии на другой, а бедуины Аравии, обретя ислам, двинулись обращать неверных в правоверных. Мир — Старый Свет, включая и север Африки, — стал другим, хотя и происходило это по-прежнему в не слишком быстром ритме. Просто события негативного плана — нашествия, войны, крушение привычной нормы — становились в свою очередь почти что нормой, выпавшей на долю достаточно многих поколений. Затем опять надолго все затихало и в мире преобладала консервативная стабильность, которая чуть нарушалась разве что вследствие все тех же экстраординарных событий, выпадавших на долю отнюдь не каждого поколения, а также на долю западноевропейских городов, развивавшихся, опираясь на античную традицию, в несколько ускорившемся темпе.

Ну а после движений типа Ренессанса и Реформации, стимулировавших формирование западной предбуржуазии, и тем более географических открытий, способствовавших освоению ею всей планеты и прежде всего Нового Света, темп жизни начал, по крайней мере на Западе, ускоряться более быстрыми темпами. Правда, для любого отдельно взятого поколения — особенно учитывая невысокий средний срок жизни — это было еще тогда не очень заметным. Но с течением времени и по мере энергичного буржуазного развития европейского Запада, а затем и колонизованной им северной части Америки эволюция мира ускорилась. Больше того, весь мир подошел к той грани, за которой уже маячила та самая глобализация, в условиях которой бешеным темпом стремятся неведомо куда шаги, даже бег истории. Не стараясь опережать время, остановимся пока на этом, но примем все

сказанное во внимание. А приняв, обратимся к тем нескольким наиболее значимым конкретным проблемам, которые на протяжении веков имели существенное значение именно с точки зрения конкретных проявлений динамики исторического процесса.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Начнем с самого главного. Если принять, что именно Природа (с большой буквы) является ответственной за поведение всего живого на планете, о чем свидетельствует дарвинизм (естественный отбор в процессе борьбы за существование), и постулировать, что человечество тоже относится к этому живому и потому подлежит регулированию с ее стороны, то становится понятным, сколь многое зависит от взаимопонимания между Природой и Разумом. Оставляя в стороне детали, важно понять, что на протяжении всего очень недолгого периода существования человека на планете, особенно по сравнению с миллиардами лет существования планеты с оказавшейся на ней жизнью (что и позволяет говорить о Природе, которой просто нечего делать на лишенных жизни других планетах и, скорее всего, на всех прочих имеющих планеты и не имеющих их звездах Вселенной), облик Земли очень изменился. Это лишний аргумент в пользу того, что обеспокоенность Природы имеет причины. Вопрос в том, как это понимать и что с этим можно и должно сделать. Ну и, конечно, что в состоянии сделать Разум, призванный не столько противостоять Природе, сколько активно с ней сотрудничать.

Надо сказать, что люди и их досапиентные предшественники интуитивно это осознавали и соответствующим образом действовали. Однако не всегда и не очень аккуратно. Впрочем, обычно все зависело от обстановки. А она временами менялась, особенно имея в виду хорошо известные ледниковые периоды, которые в общем-то оказывались очень частыми на планете. В последний раз она освободилась от заметного ледникового покрова и вступила в так называемое межледниковье около десяти тысячелетий назад, в разгар упоминавшейся не раз неолитической революции, что лишний раз свидетельствует о том, что с Природой человечеству приходилось считаться и что для выживания ему чаще всего следовало прижиматься поближе к экватору. Недаром следы наиболее древних из гоминид наука обнаруживает в Африке.

Словом, взаимодействие людей с окружающей природной средой — очень важная проблема. Суть и принципы этого взаимодействия существенны и для понимания основ исторического процесса, ибо совершенно бесспорно, что развитие общества в немалой мере

всегда — и особенно в прошлом, на ранних этапах существования гоминид — зависело от природных условий. Ведь именно определенный характер окружающей среды только и создал когда-то возможность для австралопитеков встать на тот путь эволюции, который позволил некоторым из их потомков в ходе долгого и сложнейшего процесса эволюции, сводившегося к множеству различных мутаций и последующей метисации, сначала стать человекообразными, а затем — снова это касается далеко не всех, в том числе человекообразных, — и людьми сапиентного типа.

После этого окружающая среда во многом влияла на постепенное развитие ранних сапиентных людей верхнего палеолита, а затем в условиях меняющегося климата, включая суровые ледниковые периоды и соответственно изменения в господствующих видах растительности и животного мира, т.е. пищи, предоставляла некоторым из них возможность выживания. Сходным образом обстояло дело в переходную эпоху мезолита, когда для выживания следовало перестроиться, несколько изменить привычный образ жизни, и тем более после неолитической революции, а затем в условиях возникновения первичных очагов цивилизации и государственности.

Эти процессы не принадлежат к числу быстротечных. Тем не менее взаимодействие со средой обитания играло в ходе приспособления к изменявшимся обстоятельствам большую роль. Если принять, что среда не всегда способствовала развитию тех либо иных коллективов, из которых в тот или другой момент истории состояло человеческое общество или стаи предлюдей, то становится ясным, что существовал определенный предел приспособления к малоблагоприятным условиям жизни. Перемещаясь по планете в погоне за пищей, некоторые из ранних групп людей оказывались в конечном счете в таких зонах обитания, как безводные пустыни, густые тропические леса, неплодородные степи, горные долины, оторванные от мира острова, тайга или даже тундра, приполярные берега и т.п. Воздействие неблагоприятных природных условий обычно вело к замедлению, а то и вовсе к прекращению процесса эволюции.

Наиболее удачливые, оказавшиеся в самых благоприятных с точки зрения климата местах, использовали природные условия для ускоренного развития, причем в этом выигрышном для них случае роль среды со временем обычно становилась по мере их развития менее для них значимой. Эта передовая часть человечества быстрее училась противостоять силам природы, сравнительно легко в случае нужды

приспосабливаясь к жизни и, если потребуется, длительное время существуя в менее благоприятных регионах.

Важно правильно понимать и оценивать взаимодействие человечества с окружающей средой на ранних этапах его эволюции, когда от благоприятных либо неблагоприятных условий зависело очень многое, если даже не все. В этом смысле человек в определенной степени есть результат существования и эволюции природной среды. Природа может и должна рассматриваться как мать человека, ибо она породила его и способствовала, пусть не везде и не всегда, его эволюции. Именно и только плодотворное взаимодействие людей с окружавшей средой позволило сапиентным людям достичь сравнительно высокого уровня развития, перейти от собирательства к производящему хозяйству, создать первые, вначале весьма примитивные, очаги цивилизаций и государственности.

Природная среда с ее климатическими выкрутасами сумела разделить человечество на множество очень несходных друг с другом территориально-культурных общностей. Именно она создала зоны благоприятные, менее благоприятные либо едва пригодные для успешного земледелия, а то и скотоводства, что не преминуло сказаться на темпах эволюции и уровне развития тех общностей, которые осели на территории каждой из этих зон. Но здесь нужны оговорки, причем весьма существенные. Природа создает условия, которые изменяются крайне медленно. Но люди в этом смысле динамичнее. Они способны быстрее реагировать, что порой коренным образом меняет ситуацию. Суть в том, что на разных этапах процесса поступательной эволюции человека влияние условий, существующих в упомянутых зонах, бывало неодинаковым.

Так, если на первых порах наиболее благоприятные для земледелия речные долины играли решающую роль для возникновения урбанистической цивилизации и государственности, что оказало огромное влияние на развитие человечества в целом, то позже было иначе. Благоприятные речные долины с их не слишком стимулирующей напряженный труд обстановкой отнюдь не всегда способствовали более быстрой эволюции. Впрочем, не слишком способствовали ей и зоны, едва пригодные для земледелия, характерные, скажем, для значительной части России. Наивыгоднейшими для ускоренной эволюции в конечном счете оказались зоны, пригодные для производства пищи, хотя не слишком благоприятные и потому требовавшие от населения постоянных целенаправленных усилий для выживания и хотя бы некоторого благосостояния.

Примерно то же самое можно сказать и о климатических поясах в целом. Северные и южные широты, тем более приполярные, зона тропиков, а также обширные лесные массивы в долинах тропических и северных рек, да и многие другие места, будь то горы или архипелаги, степи или пустыни, не представляют больших удобств и подходящих условий для успешного земледелия. Это нередко побуждает местное население заниматься скотоводством либо различными промыслами. Как правило, такие условия жизни не слишком способствуют успешному развитию населения, а в ряде случаев серьезно препятствуют ему. Ситуация несколько меняется с течением времени, особенно в наши дни, когда с помощью некоторых искусственных мер (системы орошения или мелиорации, открытие залежей полезных ископаемых или использование подходящих для данной местности монокультур, которые идут на мировой рынок, что взамен позволяет приобрести необходимое, а то и разбогатеть) значение влияния среды уменьшается. Роль природных богатств при этом может выйти на передний план и обогатить население за этот счет. Однако так бывает не везде и не всегда. В целом же проблема взаимоотношений между людьми и природой далеко не проста и не однозначна, что следует иметь в виду. Не исключено, что именно эта проблема в скором будущем станет главной для судеб человечества.

ШАГИ ИСТОРИИ

Рассмотрев вкратце вопрос о том, как сложны наши взаимоотношения с Природой, насколько мы зависим от ее норм и законов и сколь значимым для исторического процесса было, да и сегодня остается влияние окружающей среды, и не касаясь пока проблемы отношений между возрастающим численно и развивающимся в интеллектуальном и технологическом плане населением планеты и пределами возможностей Земли вынести этот угрожающе ускоряющийся рост, переключим внимание на некоторые другие темы. Начнем с того, что поставим более общий вопрос о ходе истории, о ее шагах. Логично и само собой разумеется, что шаги эти — если иметь в виду определенное время, отделяющее любую данную ситуацию от предыдущей, в чем-то более или менее существенно отличной от нее, — как упоминалось, неравноценны и хронологически неодинаковы. Очевидно, и об этом тоже шла речь, чем о более раннем периоде истории либо предыстории человека или его человекообразных предшественников идет рассказ, тем хронологически дольше и медленнее совершался

каждый очередной шаг. Оставим это в стороне как некую аксиому и попытаемся взглянуть на проблему несколько иначе. Всегда ли шаги истории строго прямолинейны и обязательно поступательны, т.е. направлены вперед? Иными словами, каков маршрут истории?

Достаточно заговорить об этом, чтобы сразу же стал ясен ответ: исторический процесс не может быть прямолинейным и строго линейно-поступательным. Не может уже потому, что катаклизмы и разрушительные войны, о которых опять-таки было упомянуто, время от времени всегда этому препятствовали. И тот либо иной коллектив, быть может, большая группа соседних коллективов, те или иные этнические общности и государственные образования, которые в нормальной обстановке медленно преодолевали сложности развития и делали определенные, пусть очень небольшие, шаги вперед, в экстраординарной ситуации вполне могли быть резко отброшены назад. Мало того, они вообще могли исчезнуть, оказаться стертыми с лица земли. В лучшем случае из них могла уцелеть лишь незначительная часть. Иногда она включалась в другую, не испытавшую поражений, иногда могла самостоятельно начать свой медленный путь вперед заново.

Здесь опять-таки многое зависело от сложившихся условий и конкретных обстоятельств. Если говорить о самых древних временах, то вполне возможно, что ситуация складывалась таким образом, что условий для привычного прежнего пути уже не было. Нужно было искать новые дороги, быть может, для этого следовало совершать длительные переходы, преодолевать большие и серьезные преграды. На пути мигрантов всегда могли встретиться враждебные группы (о существовании дружелюбных едва ли стоит говорить: строгий принцип *свои — чужие* для древности был железной нормой, не чужд он очень многим и сегодня). Столкновения приводили к разным результатам, но чаще всего завершались уничтожением мужчин побежденной группы и пленением женщин. В итоге возникал принципиально новый коллектив, иная по генотипу и культурным авуарам группа, которая, осев, наконец, в более или менее благоприятных условиях, обретала на определенное время некоторый покой и использовала эту передышку для все того же — и в то же время совершенно не того, а некоего другого — пути, и не обязательно вперед. Могла она брать новый старт и начинать проходить ранее уже пройденный путь или вообще пойти другим путем.

Если иметь в виду более позднее время, то разгром того либо иного государства вел к усилению другого, подчас просто орды кочевников, стоявших на шкале развития на много более низком уровне. И в этом случае движение вперед начиналось заново, причем вовсе не обязательно сразу. Наконец, даже простое залечивание ран, нанесенных проигранной и сопровождавшейся жестоким разгромом войной, тоже означало для уцелевшей части какой-либо данной общности возврат назад с последующим медленным движением вперед, иногда с повторением уже давно пройденного. А это все означало по крайней мере частичную реверсию. Или иначе, шаги истории идут отнюдь не всегда по ровному и линейно-поступательному пути. Они могут повести кого-то и назад. Или заставить его надолго приостановиться в движении. И если сделать из сказанного вывод, он сведется к тому, о чем в начале этого раздела главы мельком уже было сказано: эволюция — это, безусловно, движение, причем в конечном счете именно вперед, но при этом нередко с реверсиями. То есть нормой следует считать циклично-линейное движение. Вопрос только в том, для кого и когда это движение почти исключительно линейно-поступательное, для кого и когда оно линейно-цикличное и как это выглядит в конечном счете в равнодействующей маршрута.

При анализе этих совершенно произвольно взятых гипотетических эпизодов, которые в реальной истории в том либо ином варианте очень часто встречались, неизбежно напрашивается вывод, что исторический процесс для отдельно взятых коллективов никогда не был и просто не мог быть всегда только поступательным движением вперед. Перед нами именно нечто вроде параллелограмма сил — того самого, что школьники изучают в средних классах на уроках геометрии. Движение в одну сторону, затем в совершенно иную, а потом, возможно, и в обратную, в конечном счете образует ломаную линию, у которой есть своя равнодействующая. Эта-то равнодействующая и определяет процесс движения данного коллектива. У другого — своя равнодействующая, у всех остальных — тоже своя. И только сложенные вместе все они в состоянии дать некую общую условно-пунктирную линию. С точки зрения точной науки эта последняя равнодействующая может и даже должна быть прямолинейной. В рамках исторического процесса она вовсе не обязательно была, если брать один какой-то шаг истории, именно такой. Напротив, чаще всего она была ломаной, но общая итоговая была все же в конечном счете поступательной, т.е. строго направленной вперед.

Но это только характеристика одного отдельно взятого шага истории. С течением времени и по мере совершения очередного шага и тем более ряда шагов, линия каждого из которых будет как бы скрадываться более крупным масштабом, поступательное движение вперед окажется вполне определенно обозначенным. Вот это и следует считать историческим процессом. Но тогда перед теми, кто анализирует исторический процесс, встанет другая задача. Суть ее сводится примерно к следующему: каковы движущие силы и в чем в конечном счете динамика исторического процесса?

В первом томе, когда шла речь об этом, равно как и в этом томе, в главах 11 и 21 говорилось о движущих силах истории, да и вообще о взглядах на ход истории в различные времена разных историков и теоретиков-историософов. Но этого недостаточно. Теперь стоит взглянуть на проблему еще раз и с несколько другой стороны.

ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОСНОВА ДИНАМИКИ ИСТОРИИ

Начнем с того, что еще раз обратим внимание на казавшуюся у нас — и кажущуюся, как то хорошо известно, некоторым до сегодняшнего дня — справедливой, пусть с поправками, теорию формаций. Согласно этой теории, мы неизбежно в любом случае должны будем прийти к выводу, что именно производство материальных благ — основа основ, первооснова. Но если бы это было так, то из этого следовало бы, что единственная движущая сила в историческом процессе — это так называемые производительные силы, т.е. вооруженные орудиями производства люди. Марксизм и истмат всегда считали аксиомой то, что именно они лежали в фундаменте прогресса вообще и исторического процесса в частности. В свое время никому в СССР не приходило в голову сомневаться в истинности тезиса Маркса, что материя первична, а дух и все остальное «нематериальное» вторичны. Но вот незадача: ни Маркс, ни кто-либо из многих миллионов его последователей не потрудились объяснить, как работает вечно движущийся вперед механизм производительных сил. Просто считалось само собой разумеющимся, что люди, начиная с тех их далеких предшественников, кто первым взял в руки примитивнейшее каменное рубило либо топор с деревянной рукояткой, постепенно совершенствовали их и, тысячелетиями обретая опыт и выдумывая вследствие этого более подходящие орудия и средства производства (либо войны), дошли до автомобиля, радио, телефона, затем до самолета, ракеты, атомной бомбы и т.п.

Ведь все так просто и так понятно: люди умнели, орудия, естественно, совершенствовались. В основе всего — производство материальных благ. А уж поев, одевшись, обогревшись в хороших домах, получив полное материальное обеспечение и многое сверх этого, человечество могло спокойно заниматься прочими нематериальными делами (в марксизме все они именовались «надстройкой» над фундаментом, т.е. производством). В чем порок этой теории? Достаточно чуть задуматься (чего и не разрешалось делать в СССР и очень долго в других странах социализма, например в Китае, где обществоведение тысячелетиями считалось единственной достойной образованного человека отраслью знания), чтобы это понять.

В самом деле, что побуждало людей менять одни орудия производства на другие, лучшие, и откуда эти последние брались? Что способствовало переходу тех либо иных общностей, скажем, от способа примитивного использования даров природы к элементарному производству пищи в результате неолитической революции? Ведь если все было так просто (развиваются производительные силы — и дело с концом; какой еще вам механизм нужен?), то почему же перед нами вместо развития некая все же почти что революция. Кстати, стоит напомнить, что советская наука долго, до середины 60-х гг. прошлого века, не принимала «буржуазную» теорию об этой самой неолитической революции.

А ведь действительно была революция, причем прежде всего именно в производстве. И непонятно, как объяснить это без того, чтобы не поискать какой-то механизм в столь гладкой и вроде всем понятной теории вечно как-то само собой развивающихся производительных сил, постоянно и без устали самосовершенствовавшихся. Совершенствовались они в результате приобретения опыта державшими орудия специалистами-производителями и использования изобретавшихся ими новых орудий и средств производства. К слову, а зачем они тратили время и силы, не говоря уже о мозгах, на это? Почему им не сиделось на месте? Ведь должно же было быть нечто, что побуждало эти самые производительные силы саморазвиваться, а тех, кто держал в руках орудия и использовал средства производства, к чему-то стремиться? Но если так, почему марксизм не обратил на это никакого внимания? Почему он ни слова не сказал об этих людях, а все толковал о некоем безликом эвфемизме, терминологически условно обозначаемом «производительными силами»? Разумеется, можно понять, для чего в науке используется специальная терминология. Но в

любом случае каждый термин должен быть объяснен и соответствовать реалиям, для обозначения которых применяется.

Все в общем-то ясно. Только реальность не вписывается ни в марксизм, ни в созданный на его основе исторический материализм. Производительные силы или, иначе, силы, которые что-то производят, — это люди и все орудия либо — позже — механизмы, которые они используют для этого. И это очень важно для материалистов-марксистов. Это же базис, тогда как всякие там идеи — сплошной идеализм, являющийся орудием в руках реакции, врагов марксизма и всех пролетариев. Поэтому-то марксизм демонстративно отстранялся от ответа на интересующие нас вопросы, в частности на кардинальный вопрос о том, как, откуда и почему берутся новые орудия и тем более все усложнявшиеся механизмы? А ведь ответ прост, даже элементарен: **их изобретают те же работающие с орудиями и средствами производства люди. Но почему они это делают?**

Вот теперь все сразу становится на свои места. Первичной всегда была все же не материя, не некие неясно как и почему самосовершенствовавшиеся производительные силы. Механизм развития их, этих сил, **находился в человеке.** Мало того, не в человеке труда (ох как любил пользоваться этим термином исторический материализм!), не в рабочих руках человека, взявшего когда-то палку либо камень и научившегося орудовать ими, на что способны и обезьяны, если даже и не другие животные. А в **человеческом разуме.** И далеко не случайно история человечества — это прежде всего и главным образом история человека разумного. Вернемся же к вопросу о том, к чему все-таки сводится механизм движения вперед, движущие силы, динамика эволюции. Он, этот механизм, начинается с разума, т.е. с чего-то почти насквозь идеалистического — во всяком случае, с точки зрения марксизма. А почему начинал работать разум? Да потому, что те, у кого его много, что встречается не слишком часто, просто не могут не думать. Они думают над тем, что близко к ним, чем они занимаются, что имеет или может иметь к ним самое непосредственное отношение.

Теперь другой аспект проблемы. Если принять, что все, что нас в рамках данной главы интересует, тесно связано с творческой **деятельностью** человека разумного, значит ли это, что повсюду и независимо друг от друга в каждой более или менее значительной популяции и — позже — у каждого народа был свой равноценный всем остальным совокупный творческий потенциал, т.е. имеются в наличии умные и способные? Сразу снова следует оговориться, что таковых всегда не-

много и на всех, тем более одновременно и повсюду, обычно не могло хватить. Но нужно ли, чтобы все было сразу и везде? Если бы дело обстояло так, все народы шли бы почти равным темпом, разве что, быть может, с некоторым незначительным отставанием либо опережением, — причем все вперед и вперед, от одной формации к другой, как то любили изображать многие специалисты по истмату. На самом деле очень легко заметить даже в наши дни, что различные народы мира весьма отличаются друг от друга по степени своего развития. И это зависит не только от благоприятной природной среды, хотя от нее всегда зависело и сегодня зависит очень многое.

Еще раз обратим внимание на то, что в приполярных районах или, напротив, в экваториальных дебрях близ Амазонки, в долгие тысячелетия оторванной от остального мира Австралии либо в Африке южнее Сахары можно с легкостью найти примитивные, крайне отставшие и даже остановившиеся в своем развитии общности. Конечно, многие из них отстали именно потому, что существование в неблагоприятных природных условиях не способствовало их развитию, приостанавливало его. Но — и это очень характерно для нашего времени — стоило появиться в местах, где живут упомянутые общности, современным людям с современной техникой, как все значительно изменялось, хотя при этом природные условия не изменялись. Отсюда следует, что условия среды при всей их значимости сами по себе не всесильны. Это лишь условия, не более того. Так где же механизм развития, находящегося в зависимости от природной среды, но не сводящегося только к ее благоприятному влиянию?

Когда в начале первого тома, посвященного анализу восточной и античной древности, шла речь о феномене фундаментальных открытий, там специально подчеркивалось, что эти открытия были обычно уникальными и совершались лишь однажды. При этом подразумевалось, что уникальным был не сам по себе факт открытия, а приведшая к нему идея (например, идея одомашнить злаки либо скот). После этого путешествовала по миру именно она, идея. Этот принцип давно уже получил в науке четкое наименование — культурная диффузия, которая по вполне понятным причинам тоже была в свое время объявлена в истмате «буржуазной». В чем смысл этой теории?

В том, что знакомство с той либо иной принципиально новой и крайне важной для людей идеей в результате их добровольного либо вынужденного постоянного перемещения, миграций, **предоставляло в руки всех тех общностей, кто находился на соответствующем**

уровне развития и мог воспринять ее суть, возможность материализовать любую ценную или вообще пригодную неизвестную до того идею. Например, идея доместикации животных и растений, появившаяся и реализованная в ближневосточном регионе в период неолитической революции, могла реализоваться там, где не было имевшихся в ближневосточном регионе дикорастущих растений и диких животных, которые можно было бы использовать для доместикации. Это, однако, не помешало жителям Китая, даже Мезоамерики одомашнить свои дикорастущие растения (соответственно чумизу и маис) и годных для этого диких животных (свинью восточноазиатской породы и ламу).

Таким образом, **в основе механизма развития и фундаментальных открытий лежали идеи.** Конечно, эти идеи не появлялись сами по себе, не рождались из воздуха. Они были вызваны к жизни самой этой жизнью с ее проблемами и изменявшимися условиями существования. Быть может даже некоторые из них следует считать ответом человечества на вызовы обеспокоенной Природы. Но, никому не навязывая этой гипотезы, важно только заметить, что роль природной среды в любом таком случае трудно переоценить. Она задавала импульс. При этом вызов, требовавший адекватного ответа, происходил в головах людей, **причем, снова и снова подчеркнем, далеко не во всех головах.** Не все люди и не на всей планете сразу, а кто-то где-то и когда-то брал на себя нелегкую миссию дать адекватный ответ на вызов. И эти кто-то были не обычными рядовыми людьми, каких всегда было подавляющее большинство. Это были люди с незаурядным творческим потенциалом, ибо без его наличия что-то новое, тем более принципиально меняющее привычные стандарты существования, на свет не появлялось в прошлом, как не рождается и в наши дни.

Итак, где-то когда-то кто-то придумал сделать каменное орудие более удобной формы. Кто-то другой, быть может, много столетий позже и совсем в другом месте, в иной общности догадался прикрепить к камню крепкую палку и сделать орудие более эффективным. Кто-то когда-то придумал сделать что-то вроде тачки, а кто-то другой, спустя опять-таки, быть может, века, изобрел колесо и создал из тачки телегу. Да еще запряг в нее тягловое животное. Кто-то в период неолитической революции был автором и многих иных революционного характера нововведений. Думаю, сказанного достаточно для вывода — тем более что примеры можно приводить без устали. Вывод же сводится к тому, что не опыт и навыки всех людей везде и независимо друг от друга сами по себе автоматически создавали что-то новое. **Только**

творческий потенциал, разум немногих наиболее способных всегда лежал и поныне находится в фундаменте развития человечества. Именно он, этот потенциал немногих, является великой движущей силой исторического процесса.

Очень важно учитывать, что люди никогда не были и просто не могут быть одинаковыми. Напротив, все они разные и потому не равны друг другу по многим параметрам, включая и интеллектуальный творческий потенциал. Неравенство — общая норма, закон природы. При этом, однако, следует иметь в виду, что интеллектуальное неравенство всегда играло очень незначительную роль в жизни той либо иной общности, а позже и во многих ранних государствах. Оно обычно непротиворечиво вписывалось в систему сложившихся отношений, причем наделенные креативной силой индивиды редко получали взамен своих дарованных коллективу идей хотя бы тот престиж, которым обладали лидеры локальных групп. Их имена чаще всего забывались, а их открытия сразу же становились общей интеллектуальной собственностью коллективов За этот счет общности успешно справлялись с адекватными ответами на новые вызовы. Справедливо ли это? Конечно, да. Справедливо потому, что в те далекие времена именно коллектив был главной основой существования каждого. Все было практически общим в рамках коллектива, будь то локальная группа, семейно-клановая ячейка или даже общинная деревня. И неважно было, кто что придумал. Много существеннее было то, что придуманное оказалось полезным нововведением, быстро освоенным всеми. Оно становилось **коллективным достоянием.**

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ИСТОРИИ

Только с возникновением очагов городской цивилизации, с развитием письменности и даже, более того, с наступлением описанного К. Ясперсом осевого времени, когда выдающаяся личность становилась известной и почитаемой, бывшей в состоянии интеллектуально и духовно, а в конечном счете и в буквальном смысле этого слова вести за собой массы, ситуация изменилась. Те, кто обладал незаурядным творческим потенциалом, стали запоминаться, а наиболее прославившиеся из них, правители и мудрецы, пророки и полководцы, да и все прочие выдающиеся интеллектуалы — и почитаться в различной форме.

Сказанное побуждает продолжить разговор о проблеме творческого потенциала немногих, обратив теперь внимание не только и не столько

на материальное производство, сколько на политическое, религиозно-духовное и интеллектуальное развитие всех цивилизованных обществ. Советское обществоведение, опираясь на марксизм, обычно с достаточной долей пренебрежения именовало эту сферу жизни человечества надстройкой, имея в виду вторичность и даже второстепенность ее по сравнению с базисом, т.е. с производством, экономикой, системой хозяйства. Между тем едва ли есть весомые основания всерьез сомневаться в том, что именно сфера духовной жизни, этических норм и культурных традиций, а также реальной политики во всех урбанистических цивилизациях и формировавшихся на их основе государствах первостепенна, что идейно-институциональный фундамент вкупе с религиозно-цивилизационной традицией определял то, что имело отношение к производству и хозяйству. И коль скоро идет речь о развитии общества и динамике исторического процесса, именно это и существенно.

Уточним, о чем идет речь. Вспомним, что самые ранние письменные тексты, как правило, были наполнены мифическими и эпическими сказаниями, прославлявшими выдающихся предков и обожествленных героев той либо иной общности. Этим легендарным предкам и героям приписывались великие подвиги и мудрые заповеди. Они, эти почитаемые предки, воспринимались чаще всего как основатели культурной традиции данной общности, а их имена были хорошо известны всем. Но надо сразу же сказать, что это были не столько имена реальных творческих личностей, сколько символы, олицетворявшие достижения многих. И лишь много позже, по мере становления и развития очагов ранней урбанистической цивилизации и государственности, стали почитаться успешные правители и реально существующие мудрецы-пророки, чья военная и интеллектуальная деятельность играла большую роль в развитии общества. Что касается мудрецов, то значимость их построений, особенно в эпоху осевого времени и после нее, вне всяких сомнений. Именно они, эти первые всем известные и со временем все более почитаемые мудрые теоретики, учили людей верить в некую созданную ими религиозно-духовную систему представлений о мире, а также жить по определенным правилам и соблюдать необходимые этические нормы, что было особенно важно в больших государствах со сложной социальной структурой.

Большинство из этих мудрецов со временем почитались прежде всего в качестве основателей развитых религий (Моисей, Зороастр, Будда, Иисус Христос, Мухаммед), хотя некоторые, как Конфуций, прославились прежде всего и главным образом созданием социально-

семейных и глобальных этико-политических конструкций. Религии и теории типа конфуцианства на тысячелетия определили фундаментальные основы жизни тех либо иных стран и народов. Позже на смену великим мудрецам-пророкам шли многие интеллектуалы иного склада, разрабатывавшие детали тех или иных духовных, ментальных либо философских конструкций. Едва ли есть смысл называть имена. Они в общем-то хорошо известны, будь то мыслители упанишад, китайские или древнегреческие философы, великие деятели культуры в Римской империи, в мире ислама, в средневековой Западной Европе, да и многие другие. К числу интеллектуалов еще более поздних эпох относятся сотни и тысячи писателей, поэтов, историков, теологов, знатоков культурных традиций, философов и представителей многих других отраслей знания и интеллектуальных занятий. Еще позже — и прежде всего в Европе — ученых, заложивших основы современной науки и техники.

Все эти люди и оказывались центром, сердцевиной механизма, который определял параметры исторического процесса. Благодаря им и множеству их сподвижников, сотням и тысячам учеников и последователей в различных обществах и цивилизациях создавался тезаурус культурных традиций, религиозных и иных идей и идеалов, норм повседневной этики, формировалась ментальность поколений. Закладывался тот самый фундамент, о котором идет речь и который определял характер и потенции того или другого общества и человечества в целом. Люди с рождения воспринимали опиравшиеся на этот фундамент идеи и нормы (разумеется, в основном лишь в той степени, в какой это было необходимо для их социализации), что, с одной стороны, сохраняло в мире желанную обычно стабильность, а с другой — создавало базу для его дальнейшего развития.

Появлялись новые идеи новых интеллектуалов, время от времени они вносили в привычную стабильность некоторую деструкцию. Но полезное обычно усваивалось, хотя и не везде. Бывало всякое. Многое зависело от силы существующей нормы, от жесткости нетолерантного стандарта. Одно воспринималось, другое преодолевалась либо вскоре забывалось, что-то способствовало развитию уже сложившихся идей, идеалов и ментальности народов, что-то отбрасывалось. Где-то было так, а где-то иначе. Но в любом случае духовное, интеллектуальное, ментальное развитие общества составляло важнейшую сторону исторического процесса в целом. Иными словами, исторический процесс динамично шел вперед в конечном счете за счет прежде всего

и главным образом творческого меньшинства, одаренного потенциалом для выдвижения новых идей и интеллектуальных построений. Независимо от того, были ли это производственные нововведения, философские конструкции, сочинения писателей и поэтов либо иные достижения деятелей культуры, все они способствовали сложению в той либо иной цивилизации определенной и высоко ценимой системы духовных, моральных и иных ценностей.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И НАРОДНЫЕ МАССЫ

Значит ли это, что на долю широких народных масс не приходилось вносить в исторический процесс свой весомый вклад? Отнюдь! Но здесь очень важно соблюсти чувство меры. Идеологи советской власти любили время от времени выбрасывать для общего обозрения популистский лозунг типа «народ — творец истории». Ни к чему не обязывающий, он призван был рождать иллюзию, что не «отец народов» и не всесильное политбюро своевольно определяли политику СССР. Лозунги как бы напоминали забывшему об этом народу, что в основе основ всегда был, есть и будет именно он, народ, и его интересы, но что, хотя сам народ не может точно и убедительно сформулировать какие-то генеральные очертания, это сделает за него и для него партийное руководство. И в связи со всем этим очень важно всерьез обратить внимание на реалии и определить, что к чему. В частности, действительно ли народ или, как чаще высказывались у нас марксистские идеологи, *народные массы* определяли ход истории? Ответ на этот вопрос безусловен: да, это так. Но когда, как часто и при каких условиях?

Вспомним еще раз, что в длительную эпоху догосударственной древности все великие достижения и фундаментальные открытия легко воспринимались массами людей, реализовывавших полезные новации на практике, причем имена тех, кто делал открытия, как правило, оставались неизвестными либо просто забывались. Это вполне естественно для той отдаленной эпохи, когда роль индивида не была слишком заметной и он в лучшем случае пользовался престижем среди знавшей его небольшой группы. Позже ситуация стала другой. Структура общества, уже знакомого с государством, строилась таким образом, что социум являл собой некое пирамидальное образование, верхушка которого состояла из управляющей элиты, а основная часть — из массы подчиненных людей, которая в свою очередь обычно делилась на неравные разряды. Это была иерархическая ступенчатая пирамида. И если вначале элита выделялась лишь по политическому

признаку, и на традиционном Востоке этот признак оставался основным до наших дней, то на Западе с античности ситуация была несколько иной. Наряду с политической элитой верхние этажи пирамиды занимала социальная (наследственная) знать, а несколько позже и имущественная. К слову, творческая, интеллектуальная элита формально обычно не была обозначена, а потому могла занимать верхние этажи, но могла быть и вне их. Но как взаимодействовали элита и народ? И хотя вопрос о политической элите однозначен, ибо она по определению повелевала, на деле все обстояло не так просто.

Дело в том, что после появления в эпоху осевого времени (напомню, что рамки ее весьма приблизительны и несколько различны для разных народов; по Ясперсу, это промежуток между 800 и 200 гг. до н.э.) наиболее ранних выдающихся мыслителей, харизматических лидеров в лице прежде всего великих пророков, которые чаще всего формулировали основополагающие идеи, на века определявшие нормы жизни и системы ценностей многих народов, массы, воспринимавшие эти идеи, были, как и в догосударственной древности, основной совокупной силой, которая, опираясь на имевшийся уже идейно-институциональный фундамент, определяла замедленную динамику исторического процесса. Не столь важно, что новые идеи, которые всеми воспринимались, создавались не самими массами, а высоко почитавшимися ими великими творческими личностями. Гораздо важнее то, что **эти идеи на практике реализовывались именно массами людей, признававших их своими.** Ведь именно это создавало в том либо ином регионе определенную культурную зону, игравшую немалую роль в ходе эволюции.

Таким образом, касаясь проблемы роли народных масс в историческом процессе, нельзя забывать о том, что в любой пирамидальной иерархической государственной структуре общество в целом, восприняв многие достижения выдающихся умов, с течением времени создавало крепкий фундамент. Этот фундамент становился своего рода пьедесталом для того, чтобы оказавшиеся на нем руководившие массами политические элиты и новые поколения выдающихся мыслителей и харизматических деятелей могли формулировать новые идеи, более соответствовавшие другому времени и изменившимся обстоятельствам. Новые идеи, будучи восприняты (о тех, что не были восприняты, нет и речи), опять-таки становились **своими** для общества, что снова превращало его в основу динамично эволюционирующей истории.

Итак, нет никаких оснований отводить для нетворческой массы роль лишь стада, которое ведут куда надо его пастыри. Все на самом деле намного сложнее. Доказательством этому, помимо всего сказанного, могут служить история войн и, в еще большей степени, правда, уже для более позднего времени, массовых крестьянских и революционных движений. Всем хорошо известно, что у каждого из крупных протестных выступлений были свои идеологи. Однако отнюдь не все выступления начинались с брошенных в массы идей. Великая французская революция, например, началась со стихийного выступления парижан, штурмом взявших ненавистную Бастилию. И все же это очень важное обстоятельство, как и, безусловно, огромная роль народов в войнах, особенно широкомасштабных, не меняет того факта, что основную, даже первостепенную роль в такого рода событиях чаще всего играли как серьезные идеи, так и выдающиеся индивиды. Те и другие играли свою роль. Идеи будоражили и поднимали людей, толкая их на войну или на баррикады, а идеологи, будь то полководцы, политические вожди (правители), которые рано или поздно, но брали в свои руки руководство бунтующими и тем более воюющими массами, вели их вперед. И здесь уместно всерьез поставить вопрос о роли протестных движений и войн в историческом процессе.

МАССОВЫЕ ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИИ

Обращаясь к этой проблеме, необходимо обратить внимание на факторы эволюции, в частности, на роль **непредвиденного стечения объективных и субъективных обстоятельств, тех многочисленных случайностей, которые в состоянии решительно изменить ход истории и во всяком случае направление и скорость ее шагов.** Дело в том, что и случайность, и стечение обстоятельств во многом определяют динамику истории. А любые конфликты, массовые протестные движения и особенно войны часто выходят на передний план и являются внешней формой глубинных процессов, связанных с проблемами эволюции, с направлениями ее для той либо иной общности. Это, например, наиболее ярко и актуально выявлено в истории России, которая во всем том, что касается массовых протестных движений, их трагических для страны и народа следствий, равно как и сопровождавших их войн, включая внутренние, гражданские, недооценена в современном обществоведении. А ведь на примере России лучше всего видно,

как трагическая история народа, а не химерическая *классовая борьба* марксистов становится причиной массовых протестных движений.

То, что имеет в виду марксизм под расхожим термином «классовая борьба» — понятие весьма неопределенное и искусственное, как, впрочем, и само понятие *класс*. Вспомните (это обращение в основном к старшему поколению) первые строки «Коммунистического манифеста». Там рассказ о классовой борьбе и классах начинается с перечисления всех возможных противостояний представителей различных слоев общества. Именно слоев, страт (мастера и подмастерья, патриции и плебеи и т.п.), но не классов. И вообще, вдумайтесь в то, как марксизм определяет это краеугольное для него понятие. Никто никогда не смог дать этому понятию точную дефиницию. Оно определяется описательно («это такие, которые отличаются тем-то», «это те, кто может делать то-то» и т.п.). И вполне понятно, почему. Понятие *класс* в марксистском лексиконе насквозь искусственное, а классовая борьба — нечто вроде заклинания, не более того. Речь не о том, что в реальности не было ничего похожего на нее. Но не это было основой динамики истории.

Обидно даже вспоминать, как в сталинские времена отечественные историки из кожи вон лезли, чтобы найти и воспеть выступления рабов против рабовладельцев, а крепостных против феодалов. Мучительно искали восставших рабов, а к антифеодальным движениям с легкостью относили все массовые протестные выступления, каких в период средневековья было немало и на Востоке, и на Западе. Но реалии истории были иными, а их причиной были кризисы развития. И хуже всего в процессе таких кризисов доставалось странам и народам, которые не вписывались в динамический процесс эволюции. Взгляните правде в глаза. Во всех таких случаях — речь не об античном и буржуазном Западе — начинались протестные движения в годы серьезных кризисов, **причем участвовавшие в них обедневшие крестьяне шли на борьбу, как правило, с единственной целью — вернуть положение дел назад, когда все было в норме и существовала желанная стабильность.** В античном мире ничего похожего вообще не случалось, там сразу же возникло гражданское общество, основы которого не слишком были поколеблены даже в период имперского Рима. В предбуржуазной Западной Европе протестные движения часто бывали — как, впрочем, и на Востоке, — религиозными, причем не по форме, как интерпретировали их марксисты, а по существу. Но даже тогда, когда это были движения недовольных народных крестьянских низов, они

опять-таки возникали в условиях и вследствие острого кризиса и имели целью выход из него.

Могут спросить, а что же такое кризис в этом случае? Только то, что в структуре общественных отношений неантичного и небуржуазного мира наметился перелом. Непонятно какой, но всеми ощутимый и сводившийся практически к тому, что жить людям становилась хуже, а то и просто невыносимо. Вот именно тогда и как раз с тем, чтобы выправить перекосы и вернуть все к прошлому приемлемому стандарту, начинались протесты, принимавшие массовый и чаще всего насильственный характер. Если пойти дальше и вспомнить времена Великой французской революции (конец XVIII в.), то окажется, что и там причиной были непосильные повинности крестьян и недовольство горожан порядками, мешавшими развитию буржуазии. И это был именно кризис, хотя в случае с революционной Францией все завершилось не столько восстановлением приемлемой нормы, сколько ликвидаций преград, мешавших энергичному буржуазному предпринимательству и вообще давно уже назревшему триумфу буржуазной демократии. Аналогичный, но много более страшный кризис был и в России в годы Первой мировой войны, приведший страну к большевистской катастрофе.

Античный и буржуазный Запад с такого рода протестными движениями не знаком. Там тоже случались протесты. Более того, там они порой шли непрерывно, как то бывало в Риме в моменты острого противостояния патрициев и плебеев, оптиматов и популяров, а то и политической власти и армейских легионов. А если обратиться к истории буржуазной Европы, окажется, что вся она насыщена борьбой партий за власть или профсоюзов за права тружеников. Но стоит согласиться, что эта борьба — хотя по степени жесткости и бесчеловечности античный Рим все же заметно отличался порой от респектабельного буржуазного Запада — была не такой, как на брутальном Востоке или в феодальной еще Европе с их часто необузданными страстями в периоды мощных народных движений.

Словом, истина в том, что не искусственно распространенная на всю историю человечества (во всяком случае, с возникновения цивилизации и государственности) классовая борьба, а спорадические кризисы вели к многочисленным и разнообразным массовым протестным движениям, которые — иногда очень дорогой, невыносимой для общества ценой, как то было, в частности, с Россией — вели к переменам. Эти перемены, по большей части оказывавшиеся реверсией, тем не менее в конечном счете, пусть даже ценой гибели некоторых стран и ухода с исто-

рической сцены отдельных народов, очень заметно влияли на динамику исторического процесса, в чем-то ускоряя, но нередко и резко замедляя ход развития человечества. Причем парадокс в том, что **замедляли темп исторического процесса именно те массовые движения, которые, по идее марксизма, были в наибольшей степени антагонистическо-классовыми**, т.е. прежде всего и главным образом крестьянские выступления за возврат от эпохи кризиса к доброму старому времени без кризисов и с привычной консервативной стабильностью.

РОЛЬ ВОЙН В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Особо следует сказать о роли войн в истории человечества. Война как со временем институционализованное столкновение между *своими* и *чужими* восходит к незапамятным временам и генетически связана с хорошо известными аналогичными явлениями в мире животных. Нет сомнений в том, что жестокие схватки между популяциями происходили и на заре процесса антропогенеза, причем имеются в виду столкновения не только между гоминидами разных видов, но и между группами гоминид одного и того же вида. Результатом такого рода столкновений было, как правило, оттеснение слабых в неблагоприятные для них места обитания, где они чаще всего деградировали и вымирали, что вполне соответствовало норме естественного отбора. Понятно что это сопровождалось выдвижением на авансцену гоминид более развитых видов. Последние, используя свои преимущества, энергично распространялись по ойкумене, обосновываясь не только там, где природная среда была для них наиболее благоприятна, но и вследствие необходимости, например, в результате долговременной погони за пищей, скажем, за мамонтами, в других регионах. Нет сомнений, что вытеснение и вымирание неандертальцев и неандерталоидов было итогом процесса оттеснения менее приспособленных более развитым видом Homo, т.е. сапиентными людьми.

С возникновением общества и появлением ранних этнических общностей между этими общностями почти всегда шла борьба. И хотя по своей сути она была своего рода продолжением спора за наиболее удобные и выгодные районы обитания для той либо иной группы или нескольких родственных групп определенной общности, по форме столкновения обычно принимали облик противостояния своих и чужих, о котором специально пойдет речь в следующей главе. Со временем и по мере укрупнения неструктурированных этнических общностей такого же рода столкновения могли происходить и внутри них, о чем уже

упоминалось в связи с идеей Э. Дюркгейма о так называемой механической солидарности. Нечто в этом же роде зафиксировал проведший немало времени с папуасами Новой Гвинеи Н. Н. Миклухо-Маклай.

Все эти столкновения и отличавшиеся нередко жестокостью схватки играли свою немаловажную роль в историческом процессе. Жестокий закон выживания, закон баланса, обрекал на победу сильных, наиболее развитых и приспособленных к жизни в сложившихся обстоятельствах и вел к поражению и вымиранию слабых. Именно он стал в обществе, как это было и остается в мире животных, тем безжалостным механизмом, который определял не только поступательное движение, но и вообще оптимальные нормы существования. Для мира животных этот механизм Ч. Дарвин назвал естественным отбором. В мире людей — и предлюдей — есть все основания связать его с тем, что хорошо известно под простым термином *война*. Но спецификой ранних войн были, как правило, если и не стихийность, то во всяком случае отсутствие влиятельного и само собой разумеющегося руководства. Руководство войнами появилось лишь в рамках государства (у кочевников — протогосударственных образований), когда выделилась политическая элита. На первых порах именно ее представители, а чаще всего сами правители, вели войны, возглавляя своих воинов.

Соответственно и войны в сложившихся государствах стали иными. Они задумывались и осуществлялись представителями политических элит. И здесь самое время обратить внимание на то, что роль войн в жизни человеческого общества необычайно велика. Это тот самый важнейший элемент чаще всего непредсказуемой случайности, которая всегда играла огромную роль в историческом процессе. Непредсказуемость исхода войны, особенно значительной по объему вовлеченных в нее войск, — это, пожалуй, самый главный из неизвестных факторов в эволюции мирового сообщества. Теоретически рассуждая, например, кто мог ожидать сокрушительного разгрома мировой империи Ахеменидов с населением в многие миллионы людей и огромными ресурсами небольшой армией македонского правителя Александра? Или, даже учитывая преимущество конницы перед пехотой, можно ли было ожидать, что армия из нескольких десятитысячных корпусов кочевников-монголов Чингис-хана сумеет завоевать чуть ли не полмира? Примерно то же можно сказать о походах Тамерлана.

О кочевниках в этой связи стоит упомянуть особо, ибо именно они приносили с собой наиболее жестокие для людей формы войны. Они не раз губили процветающие страны, уничтожали их население

и в какой-то степени поворачивали ход истории вспять либо по меньшей мере отрицательно влияли на динамику исторического процесса. И хотя на смену одним странам и народам приходили другие, а поступательное движение исторического процесса возобновлялось, роль войн в ходе эволюции трудно переоценить.

Важно обратить внимание на то, что войны бывали разными и по форме, и по причинам возникновения. Не вдаваясь в детали, стоит все же разделить их на наступательные и оборонительные (в рамках исторического материализма в свое время любили делить войны на так называемые справедливые и несправедливые, исходя при этом из марксистских критериев понимания истории). Но независимо от того, по какому принципу делить войны, если это вообще нужно, они заслуживают оценки как таковые. Конечно, если встать на позиции пацифизма и сохранения мира во всем мире (движения, свойственные в основном XX в. с его двумя самыми страшными в истории мировыми войнами), этот вид активной человеческой деятельности следует просто решительно осудить. Однако здравый смысл и просто знание истории показывают, что подобная позиция близка к воспетой Сервантесом борьбе «рыцаря печального образа» с ветряными мельницами. Борись — не борись, но мельница свое возьмет. Поэтому к оценке войн как вида деятельности нужно отнестись серьезнее.

Войны всегда имели причины. Они могли быть серьезными или пустяковыми, вызываться объективными обстоятельствами и порой просто обострившимися между соседями отношениями, связанными у кого-то с необходимостью внутренней консолидации, с желанием отомстить за прошлые обиды и т.п. Поводы для начала войны в принципе бесчисленны, но они, как правило, лишь вторичны, хотя и чаще всего небезосновательны. Впрочем, войны могли, особенно со стороны кочевников, тех же монголов, вообще не иметь ни причин, ни даже сколько-нибудь серьезных поводов. Но в любом случае существенно принять во внимание печальное, хотя и соответствующее реалиям обстоятельство: к войне относились обычно как к чему-то вполне естественному и само собой разумеющемуся.

На протяжении тысячелетий участие в войне считалось важнейшим занятием едва ли не всех мужчин той либо иной общности, племени, государства. Потребности, связанные с войной (независимо от того, шла речь об обороне или нападении), диктовали выдвижение на передний план целых сословий — сначала дружинников, позже служащих правителю за вознаграждение профессиональных воинов, будь то древ-

некитайские дафу, индийские кшатрии, арабские иктадары, японские самураи, русские дворяне, турецкие тимариоты или средневековые европейские рыцари. Только в самых ранних по типу обществах, таких как орды кочевников, война считалась делом всех мужчин. Этот принцип, впрочем, следует отнести и к античному миру, где участие в войнах долгое время было обязанностью всех граждан, хотя там со временем армия, особенно в Риме, тоже вынужденно становилась профессиональной, не говоря уже о возникшем институте воинов-наемников.

Сословия профессиональных воинов всегда, как правило, занимали привилегированное место среди прочих, пользовались высоким престижем и в реальной жизни, даже тогда, когда войн не было, играли, как правило, наиболее значительную роль. И это вполне понятно и легко объяснимо. Ведь именно от того, насколько успешно справлялись воины со своими профессиональными обязанностями, зависела судьба государства. Правда, стоит добавить к сказанному, что с течением времени и по мере того, как война становилась не столько примитивной схваткой, сколько своего рода высоким искусством, росла роль полководцев[1]. Иными словами, наиболее значительную роль в исходе того либо иного военного столкновения начали играть умение восвать и талант возглавлявшего войско военачальника. Многие трагические для ряда народов нашествия кочевников, прежде всего монголов Чингис-хана и его преемников, служат наглядным подтверждением сформулированного тезиса.

Наряду с войнами между различными народами большую роль играли войны внутренние, гражданские, что с особой наглядностью видно на примере Китая, особенно в древности, но хорошо известно Европе и в более позднее время Америке, особенно Северной (США). Эти войны тоже порой перекраивали политическую карту мира, внося свой весомый вклад в динамику исторического процесса. В этих войнах, как и в протестных движениях, участвовало большое количество простого народа. Это были массовые народные выступления. Однако не следует думать, что массами не руководили лидеры, политики либо

[1] Пожалуй, раньше всего это обнаружилось в Древней Греции, где наглядно проявил свой гений Александр Македонский. Примерно то же можно сказать и о Китае, где уже на рубеже IV—III вв. до и.э. появились первые трактаты о военном искусстве, не утратившие своего значения и сегодня. Стоит заметить, что практически во всех современных военных академиях курсантов-первокурсников знакомят с этими трактатами, переведенными на разные языки.

харизматические деятели, пророки, а то и просто мятежно настроенные авантюристы и фанатики вздорной идеи, которые в силу не всегда легко объяснимых обстоятельств обретали возможность вести массы людей за собой. Иногда эти лидеры адекватно выражали интересы масс, но достаточно часто они вели их за собой, преследуя более узкие сословные, сектантские или просто личные интересы.

ВОСТОК И ЗАПАД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Еще одно важное обстоятельство, определявшее на протяжении веков, даже тысячелетий динамику исторического процесса, заключалось в принципиальных структурных различиях, которые резко отличали пути эволюции Запада и Востока. Следует начать с того, что творческое меньшинство с его идеями сыграло едва ли не решающую роль в развитии не только материального производства, но и цивилизационных систем духовных, моральных и иных ценностей. Учтем роль этого меньшинства в формировании образа жизни и ментальности людей и даже в создании военной техники. И, сделав это, взглянем, как конкретно все упомянутое происходило на Востоке и на Западе с античности. Иными словами, попытаемся определить, какую роль играли связанные с Востоком либо с Западом объективные обстоятельства, ценностные ориентиры, образ жизни и ментальность людей, какое влияние все это оказывало на динамику исторического процесса.

Рассматривая динамику всемирно-исторического процесса в аспекте взаимоотношений и противостояния Востока и Запада, следует признать, что само сосуществование двух несходных путей развития было причиной зигзагов в ходе этого процесса. На первых порах, с момента появления на планете ранних очагов урбанистической цивилизации, исторический процесс не только возглавляли, но и реализовали одни лишь страны Востока. Да иных и не было тогда в мире вплоть до возникновения античности. Соответственно, и динамика процесса, учитывая многие обстоятельства, как, например, замедленный ход эволюции весьма неразвитых государственных структур, постепенное освоение Ближнего Востока и связанная со сложностями развития свойственная едва ли не всему традиционному Востоку тяга к консервативной стабильности, не слишком заметно давали о себе знать. Шаги истории были очень слабо ощутимы, эволюция шла крайне неторопливыми темпами. Примерно три тысячи лет ушло на то, чтобы на смену первым государственным образованиям пришла

гигантская империя Ахеменидов, завоевавшая практически все ближневосточные страны.

С античности, которую следует расценивать как начало бифуркации, т.е. раздвоения исторического пути человечества, первенство уверенно взял склонный к энергичному развитию и новациям античный Запад. В чем была суть новаций? Прежде всего, в свободе и защищенности индивида и гражданина, проявлявшейся в рыночно-частнособственнической активности. Чем именно эта активность, имея в виду проблему динамики исторического процесса, отличалась от того, что было свойственно традиционному Востоку?

Практика торгового обмена сама по себе восходит к незапамятным временам и была хорошо известна как догосударственным общностям, так и народам Востока в доантичный период существования урбанистической цивилизации и достаточно развитой государственности. Обмен и рынок, как и частная собственность, были неотъемлемой частью структуры всех древневосточных обществ. Однако и рыночные отношения, и сам рынок, и тем более индивидуальная частная собственность на всем традиционном Востоке исстари, с момента появления там самых древних государственных образований, находились под строгим контролем аппарата администрации и были лишены не только свободы, но и элементарной правовой защиты. Поэтому сколь бы ни были развиты сами по себе обмен и рыночно-частнособственнические отношения на Востоке, всегда ведшем обширную торговлю с соседями, в том числе и дальними, подданные восточных правителей не имели тех возможностей, которыми с самого возникновения древнегреческих полисов владели граждане. Частная собственность и рыночные отношения на традиционном Востоке всегда были оскоплены аппаратом власти и потому не имели перспективы для развития.

В отличие от восточных подданных граждане античной Греции были свободны. Свобода как понятие и наивысшая ценность античного мира определила его структуру. Античный Запад в отличие от традиционного Востока, как древнего, так и более позднего, вплоть до наших дней, **имел выработанные самими гражданами четкие законы, правомочный суд, а также правовые нормы, привилегии и гарантии для ведения рыночно-частнособственнических отношений,** которые играли первостепенную роль в жизни Древней Греции. Быстрому развитию античного общества способствовали как энергичная колонизация, так и явные успехи маленькой Греции, к тому же расчлененной на многие, порой враждующие между собой

полисы, в ведшихся десятилетиями греко-персидских войнах V в. до н.э. Еще большую роль совершенно новые темпы развития и индивидуальная предпринимательская активность античных граждан сыграли веком позже. Речь идет о трансформации ближневосточного региона после завоеваний Александра Македонского и превращения мировой державы Ахеменидов в некую уподобленную Греции совокупность эллинистических государств. Именно в результате начавшихся в это время перемен, ведших к созданию общества смешанного восточно-западного типа, исторический процесс был отмечен первым заметным с позиций мировой истории зигзагом. Тем самым зигзагом, который отодвинул Восток, прежде не знавший соперников, на задний план и положил начало возвышению античного Запада. Правда, к полному успеху западной социополитической и институционально-экономической структуры Запада это тогда еще не привело. Случайности и стечение обстоятельств оказались не в его пользу. Но в последующем линия динамики эволюции выправилась, а потерпевший было в древности поражение античнопротобуржуазный Запад взял свое, начав на территории западной части Европы энергичное продвижение в сторону нового периода в историческом процессе, перехода от восточно-античной древности к феодально-предбуржуазному европейскому средневековью.

Зигзаги и реверсии — норма истории, о чем уже шла речь. Но столь же значимую роль играла и поступательная динамика эволюции. Как то хорошо известно, античная Греция и ее италийско-сиицилийские колонии сыграли решающую роль в появлении и становлении основ древнего Рима, а затем и великой империи, завоевавшей уже эллинизованный греками и македонцами ближневосточный регион. Правда, господство римлян над Востоком, как и существование самой империи, в IV в. расколовшейся на восточную и западную, было не слишком долговечным. Крушение Западной Римской империи под ударами восточных варварских этнических общностей в V в. и выход на авансцену истории мусульманского воинства арабов приостановили победоносное шествие западной модели эволюции. Но это не остановило поступательного движения истории.

Зигзаги в историческом процессе, воспрепятствовавшие господству античного Запада, означали возврат к прежним привычным темпам эволюции, характерным для традиционного Ближнего Востока со столь важной для него консервативной стабильностью. Принятые в незапамятные времена темпы эволюции были весомо подкреплены

вышедшими за пределы своего обособленного существования странами других регионов Востока. Речь идет об Индии, Юго-Восточной Азии и Китае, не говоря уже о Центральной Азии либо Африке. Завоевание воинами ислама, как затем и мирная исламизация значительной части только что упомянутых территорий, начиная с Индии и кончая западносуданской Африкой, была торжеством восточного общества. Ислам в этом отношении был — и остался — именно восточной цивилизацией. Но при этом он умело впитал в себя элементы культуры других стран, в том числе тех, кто вместе с христианством воспринял немало западных традиций и элементов культуры. Правда, со временем заимствованное было ощутимо придавлено своим, воплощенным в заповедях Корана, нормах шариата и в поучениях пророка.

Выход на передний план арабо-мусульманской цивилизации, вобравшей в себя в завоеванном арабами ближневосточном регионе наследие не только персидской империи, но и античного мира, заметно изменил направление и динамику исторического процесса, во главе которого на ряд веков стали богатые и процветавшие государства Востока, от арабов до Китая. Именно арабы и ислам, если говорить об этапах исторического процесса, завершили зигзагообразный излом в этом процессе, заложив основу для перехода всего Старого Света к средневековью. Начался новый этап. Он занял, как и период зигзагов, тоже примерно тысячу лет. Но это тысячелетие было несколько иным, нежели все предыдущие. Достаточно начать с того, что новым для самого Востока, от обосновавшихся в Европе варваров до арабских бедуинов, которые сумели по долгой дороге через высокоразвитые ближневосточные и североафриканские земли кое-что заимствовать, средневековье новым этапом не стало. Во всяком случае в смысле радикальных новаций антично-протобуржуазного характера.

В начальной части тома уже говорилось об этом. Суть ситуации в том, что если эпоха господства древневосточных государств была отмечена крайне замедленным процессом становления основ традиционного Востока, то переход к этапу средневековья, который, казалось бы, был ознаменован успешным реваншем Востока, привел к неожиданным результатам. Восток, хотя он в некотором смысле ожил и стал двигаться вперед и развиваться несколько более быстрыми темпами, нежели прежде, ничего структурно нового не приобрел. Конечно, он, и особенно ислам, усвоил кое-что из того, чего достиг процветавший античный мир, многое изменивший в поведении и потенциях человечества в целом. Однако именно в связи с тем, что его структура власти-

собственности была принципиально не совместима с неоскопленной частной собственностью протобуржуазного типа, новации античности в нем достаточно быстро заглохли. Парадокс в том, что, дойдя до европейского Запада, они через кордовских мусульман и, видимо, иудеев, успели оказать некоторое воздействие на варварские королевства.

Это влияние, как и воздействие на тех же варваров античных традиций, сохранившихся среди потомков римских колонистов, не говоря уже о самой Италии, особенно северной ее части, проявилось далеко не сразу, как не сразу на развалинах разгромленной варварскими народами Западной Римской империи начали энергично возрождаться все такие элементы античности. Но коль скоро они стали давать о себе знать и очень активно, причем осознанно заимствовались и восстанавливались в городах, ситуация изменилась. Городская власть не могла быть такой, какой была структура примитивных феодальных королевств, а потому с охотой и легкостью ориентировалась на сохранившийся римско-античный стандарт, еще не угасший. Динамика исторического процесса воспряла духом, а шаги истории снова уверенно повели человечество вперед.

Здесь существенно заметить, что в период европейского средневековья, особенно во вторую его половину, уже не столько не оправдавший себя в культурном и производственном плане мир ислама, сколько такие страны, как Китай, начали олицетворять более успешно эволюционировавший Восток. Однако, несмотря на это, эволюция ожившей на античном фундаменте и оплодотворенной западным, многое впитавшим от римской традиции христианством Западной Европы превзошла все, что было прежде. Динамика исторического процесса резко ускорялась с каждым веком, особенно после окончания крестовых походов, сыгравших определенную роль в развитии западноевропейских связей с Востоком и в обогащении Европы новыми важными для нее элементами культуры.

Результат очевиден и хорошо известен. К середине II тыс. Западная Европа подошла хорошо подготовленной к тому, чтобы резко вырваться вперед и стать на долгие века недосягаемым для остального мира лидером исторического прогресса. Поэтому неудивительно, что с эпохи Ренессанса, Реформации и Великих географических открытий первенство во всемирно-историческом процессе резко и бесспорно перешло к Западу в лице нескольких его новоевропейских стран. А динамика этого процесса обрела невиданные прежде темпы. Шаги истории стали заметно ускоряться, причем это ускорение век от века

существенно возрастало. Мир быстрыми, очень быстрыми темпами пошел вперед, включая в себя по ходу убыстренного своего движения все новые и новые земли, будь то Новый Свет, Австралия или другие менее заметные территории планеты. Словом, примерно с XVI в. начался новый и очень важный этап истории человечества. Этап, в котором безусловно и очень заметно лидировал, даже много более того, абсолютно господствовал Запад. Этап вестернизации мира вне Европы.

Разумеется, это заметно сказалось на судьбах все ощутимее отставшего Востока. Некоторые его части — и прежде других открытый на рубеже XV–XVI вв. Новый Свет — особенно остро ощутили на себе безжалостный напор энергичных европейских конкистадоров, жадно искавших золото и иные ценности и не останавливавшихся в ходе своих успешных поисков ни перед чем. Пострадала от наплыва из-за океана этих ценностей Османская империя, которая наиболее болезненно ощутила на себе последствия связанной с этим революции цен. Но главное — началась эпоха колонизации Востока, эпоха, которая со временем очень ощутимо поставила весь незападный мир в зависимость от передового и быстрыми темпами развивавшегося Запада. И хотя это было в свою очередь лишь временным реваншем поверженного некогда Запада, реванш оказался чересчур жестким для склонного к замедленным темпам существования восточного мира, все еще численно преобладавшего на планете. Восток не поспевал за темпами развития, он не соответствовал динамике исторического процесса и век от века все более отставал от Запада со всеми вытекавшими из этого следствиями. Впрочем, ситуация для него оказалась в конечном счете не слишком безнадежной, ибо с переходом истории человечества в постколониальное время к новому этапу существования многое изменилось. Но все это тема уже других томов работы.

Глава двадцать третья. КОМПЛЕКС СВОИ – ЧУЖИЕ

Завершая пятую часть, посвященную некоторым итогам и проблемам предыстории, древности и средневековья в истории человечества, обратим внимание еще на одну проблему, существенную для понимания мирового исторического процесса. Речь пойдет о комплексе *свои — чужие*, который играл и играет в истории человечества весьма заметную, чаще всего первостепенную роль. Роль, еще должным образом не оцененную, во всяком случае очень слабо отраженную в специальных исследованиях.

На заре истории, в среде сапиентных людей приоритет только что пришедшего на смену стаду общества был безусловен. Без коллектива отдельно взятый индивид в соответствовавших той эпохе условиях просто не смог бы выжить. И хотя членство каждого в локальной группе данной популяции было вроде бы делом сугубо добровольным, ибо никто никого никогда насильно рядом с собой не держал, пребывание в рамках какой-либо группы было **для отдельно взятого индивида необходимым и потому обязательным.** Это немаловажное обстоятельство как раз и определило на долгие тысячелетия безусловный примат стада или стаи, позже общества. Люди, входившие в тот либо иной коллектив (это касается и более позднего времени, включая длительную эпоху неолитической революции и расселения неолитических земледельцев по ойкумене), в очень сильной степени зависели от характера и параметров общности. Имеется в виду популяция, в составе которой они по воле судьбы или позже в результате сложившихся обстоятельств, чаще всего случайности своего рождения, оказывались.

По мере возникновения и тем более становления, совершенствования общественных структур, объединявших ту или иную популяцию людей, многое менялось. Об этих изменениях немало было сказано. Не повторяясь и не стремясь углубиться, тем более опереться на конкретику (скажем, на многочисленные исследования общностей австралийских аборигенов или Тропической Африки), обратим прежде всего внимание на главное. Это главное красной нитью проходит через всю историю не только сапиентных людей, но и предлюдей, и даже, более того, мира животных. И что наиболее показательно, в неприкрытой наготе видно невооруженным глазом в мире людей и сегодня. Да еще как видно! Речь идет о взаимоотношении своих и чужих.

СВОИ И ЧУЖИЕ В МИРЕ ЖИВОТНЫХ И НА ЗАРЕ ИСТОРИИ

Говоря о мире животных, остановим внимание лишь на тех сравнительно развитых млекопитающих, которые, как правило, живут стадами, подчас даже небольшими группами, но все же не в одиночку. Не углубляясь в тайны зоопсихологии, отметим очевидное: стадные животные редко живут и еще реже выживают вне стада. Стадо — это прежде всего **свои,** которые в случае беды или нападения окажут посильное содействие и послужат некоей, пусть не всегда надежной и стопроцентно спасительной защитой. Не всегда и не для всех видов животных это так. Травоядные, как правило, мало могут помочь тому

из своих, кого выбрал своей целью питающийся именно этими животными хищник. Но при всех оговорках, стадо своих — это лишний шанс выжить в жестокой борьбе за существование. Особенно важно существование стада для воспроизводства вида. Ведь самка с детенышем, а чаще с несколькими, беспомощна перед практически любой угрозой. И для того, чтобы детеныши выросли и стадо не уменьшилось, а вид не вымер, объединение животных необходимо. Это один из первейших инстинктов, заложенных в живое существо природой (если даже не в каждое, то во многих). А инстинкт такого рода в свою очередь обусловливает психологию животного.

Суть зоопсихологии, во всяком случае важнейший ее элемент — это как раз и есть стремление к объединению в коллектив. За право на это нередко приходится биться не на жизнь, а на смерть. Это наиболее наглядно видно на примере тех пород животных, в том числе приматов, которые живут не большими стадами, а полигамными семьями, т.е. группами из самца и нескольких самок либо из нескольких самцов и нескольких самок при ведущей роли главного самца-вожака. В последнем случае в функции вожака входит решение вопроса о принадлежности тех либо иных самок ему или другим самцам. Могли возникать ситуации, при которых некоторые самцы изгонялись вожаком из группы до тех пор, пока вожак был в состоянии демонстрировать свою мощь. Когда его время подходило к концу, на смену ему приходил наиболее сильный из молодых самцов. Система такого типа возникла в интересах выживания вида, ибо сильный самец дает более приспособленное к выживанию потомство. Но эта же система, имея в виду удаление из коллектива более слабых самцов, обрекает этих последних на полное опасностей существование, а то и на гибель. Создается ситуация, при которой природа не заботится о выживании самцов. Во имя большей жизнеспособности данного вида она с легкостью отбраковывает лишних из их числа.

Казалось бы, вопиющее неравенство судеб. Но вид от него выигрывает. И если принять это как факт, как важный элемент борьбы за существование, то именно здесь — имеются в виду только и именно приматы, причем те из них, кто имеет отношение к процессу генезиса человека, — начинается роковое деление самцов на нужных и не очень нужных, даже вовсе не нужных. Природа, интересы и само существование того либо иного вида в суровой межвидовой борьбе жестко определялись именно этим. Стоит прибавить к этому неприязнь между популяциями данного вида в случае непредвиденных контактов:

здесь (речь идет уже о внутривидовой борьбе) обычно вступал в силу все тот же принцип: вожаки либо разводили группы в разные стороны, либо вступали в сражение, итог которого определял, если побежденный оставался жив, кому из них нужно уйти.

Справедливости ради следует заметить, что обрисованная выше гипотетическая ситуация не означала, что популяция человекообразных приматов всегда была полностью закрыта для адаптации случайного одиночки. Да и встреча разных популяций вовсе не обязательно вела к конфликту, хотя это и могло случиться, коль скоро речь шла о сфере обитания, т.е. о территории, которую данная популяция считала своей и на которую претендовала другая. Но в любом случае популяции относились друг к другу по меньшей мере не слишком дружелюбно. Они мешали одна другой. Если поделиться — обеим не будет хватать пропитания. Значит, единственный выход в том, чтобы одна из популяций ушла, освободив место другой. Не будем гадать, как это могло происходить в реальности. Вероятно, случалось по-разному. Но на первых порах, т.е. на начальном этапе процесса антропогенеза, популяции, видимо, чаще мирно размежевывались.

Именно с такого рода гипотетических ситуаций (а реальность их подтверждается наблюдением над поведением современных приматов) начинается противопоставление своих и чужих. Иными словами, природа в масштабах вида делит его представителей на две принципиально разные части, особо выделяя своих. Членение подобного типа характерно и для представителей различных видов, даже родственных друг другу. Но если коснуться проблемы межвидовых столкновений среди человекообразных приматов, то не может быть никаких сомнений: более развитый вид всегда рассматривал иные родственные ему виды как чужих. Он вытеснял их в худшие для обитания места, а то и вовсе уничтожал. При этом есть весомые основания полагать, что вытеснялись и во всяком случае уничтожались прежде всего особи мужского пола, тогда как самки становились добычей победителей и включались тем самым в число своих. Важно специально оговориться, что для мира предлюдей, незнакомых с обществом, деление на своих и чужих было важнейшим условием борьбы за существование. Чужие поедали то, что могли бы потребить свои. И этого было вполне достаточно, чтобы изгнать либо уничтожить чужих, особенно если при этом число своих увеличивалось за счет плененных женщин.

Ситуация стала изменяться, причем далеко не сразу, с появлением сапиентных людей. И изменялась она, скорее всего, отнюдь не

потому, что исчезло либо начало исчезать исконное, полное недоверия и чаще всего недоброжелательства членение на своих и чужих. Просто после вымирания представителей более примитивных видов человекообразных группы сапиентных людей (Homo Sapiens), как можно предполагать, оказались достаточно разумными для того, чтобы добровольно удаляться в разные стороны друг от друга. Это вело к постепенному осваиванию обширной территории планеты и не мешало каждой группе находить тех обитавших в разных местах и мигрировавших в различных направлениях животных, которые были для них, вместе с собранными съедобными растениями и мелкой живностью, основной пищей. Более того, развитие производства различного рода орудий охоты и применение все новых и новых видов ее способствовали тому, что вопрос о выживании в борьбе за существование стоял уже не так остро. Хорошо вооруженные различными орудиями и методами защиты (обратим внимание хотя бы на огонь) сапиентные люди не видели даже в крупных хищниках опасных конкурентов в борьбе за пищу, что служило смягчающим обстоятельством в их взаимоотношениях с другими аналогичными группами тех же людей.

Но то обстоятельство, что проблема пищи для вооруженного орудиями охоты и многотысячелетним опытом сапиентного человека не стояла слишком остро, отнюдь не означало, что членению на своих и чужих они не придавали значения. Напротив, всегда придавали. Только в определенный момент это членение обрело, как бы это правильнее выразиться, достаточно четко осмысленный — если и формально не оговоренный — характер. И эта перемена была связана с возникновением человеческого общества.

СВОИ И ЧУЖИЕ С ВОЗНИКНОВЕНИЕМ ОБЩЕСТВА

Суть процесса социогенеза, согласно теории К. Леви-Стросса, которая представляется наиболее приемлемой, сводится к тому, что первоосновой, обусловившей становление общества в противовес стаду, были сексуальные ограничения и в первую очередь запрет инцеста. Вопрос в том, чем были вызваны эти ограничения, не очень ясен. Предположение о том, что инцест имеет вредные последствия для последующих поколений, ничем не доказано, а практика инцеста в семьях египетских фараонов на протяжении долгих тысячелетий прямо его опровергает. Да и трудно представить себе, чтобы на том уровне раз-

вития, когда шел процесс социогенеза, кто-либо всерьез мог задаться вопросом, насколько инцест вреден или не вреден для последующих поколений.

Следовательно, причины были иными. Какими они могли быть? Скорее всего, эти причины опять-таки были связаны с проблемой свои — чужие. Более того, они могли быть рождены сложностями, возникавшими в связи с этой проблемой. Дело в том, что популяций сапиентных людей, имевших достаточно благоприятные условия для поступательного развития и не имевших соперников (т.е. более развитого вида семейства гоминид), со временем становилось все больше и больше. Они все чаще соприкасались друг с другом, причем традиционная неприязнь своих к чужим при этом служила определенным препятствием для налаживания нормальных контактов, нередко весьма полезных для различных групп. Важным фактором, способствовавшим перемене взаимоотношений, мог быть пусть медленный, но на протяжении двух-трех поколений все же заметный (для современников) демографический рост населения планеты. Это практически должно было вести к тому, что чрезмерно разраставшиеся популяции делились на части и обособлялись друг от друга.

Результатом было возникновение близкородственных популяций, которые уже не были друг для друга своими, но еще не стали и чужими. И вот здесь-то и могли сыграть свою роль те духовно-интеллектуальные ментальные ресурсы, которые уже были в распоряжении сапиентных людей и о которых упоминалось. Проще говоря, люди могли осмыслить ситуацию и сообразить, что членам родственных популяций стоило бы заключать брачные связи исключительно между собой, причем в порядке привычного для них реципрокного обмена. В данном случае речь идет об обмене женщинами, завершавшемся созданием парных семей, которые соответственно шли либо в одну из популяций, либо в другую. Параллельно с этим для закрепления выработанной системы вводились сексуальные ограничения в форме строгого табуирования запрещенных контактов. Смысл ограничений и запрета сводился к тому, чтобы узаконить норму, согласно которой все должно было происходить на основе четко отмеренной и для всех обязательной справедливости: внутри группы (*рода*) сексуальные связи становились табуированными, а между ними — обязательными. Казалось бы, эти созданные во имя удобства и справедливости нормы взаимоотношений близких друг к другу популяций не слишком значительны. Но последствия их оказались неизмеримо более важными,

нежели можно было предположить, имея в виду лишь саму по себе не слишком вроде бы значимую для групп перемену.

Суть последствий как раз и свелась к тому, что новая норма сексуальных связей породила систему упорядоченных брачно-семейных отношений, основанную — это очень важно принять во внимание — на генеральном принципе эквивалентного взаимообмена. Обмен женщинами, дочерьми и сестрами, между соседними микрогруппами привел к осознанию отношений родства. В результате этого были определены старшинство поколений, брачные классы, родовые связи и основанные на них семейно-клановые, а затем и более крупные этнические общности. Эти институты, логично заменив собой прежние популяции, ознаменовали переход к принципиально новым формам общежития и взаимоотношений между своими. Возникло общество, т.е. система очень четко определенных социальных связей, существование которых было основано на равноправии сторон и потому оказалось легко воспринятым всеми.

Первоначальное общество в своей наиболее простой форме — это союз двух кровнородственных групп или родов. Брачно-семейные связи между представителями **разных родов** (вообще их могло быть больше двух; два — наиболее простая и удобная для понимания процесса форма, к тому же чаще всего встречающаяся в разных древних обществах) вели к формированию самого понятия. Род обычно вел свою генеалогию либо по женской, либо, что наиболее часто, по мужской линии. При этом со временем, по мере его разрастания, имя предполагаемого родоначальника обычно превращалось в *тотем*. Тотем — это название рода, отличающее его от других. Но в то же время это и символ веры в происхождение всех членов данного рода от какого-нибудь животного, растения или даже неживого предмета. В этом процессе формирования рода с его тотемом и системой строгих табу, прежде всего половых, хотя и не только их, очень существенным было **зарождение в сознании людей представления о необходимости соблюдать сложившиеся нормы.** Первой и главнейшей из этих норм было представление членов рода и связанного с ним другого рода (или других двух-трех родов) о том, что все они принадлежат к некоей этнической общности, что именно они — и только они — это **свои,** тогда как **все остальные остаются, как то всегда и было, чужими.**

Итак, с возникновением общества свои и чужие остались. Только процесс социогенеза провел иную разделительную черту между теми и другими. Своих теперь стало намного больше, нежели пре-

жде, а непримиримость к чужим все более размывалась. Однако она не исчезла. Разделительная черта всегда существовала и существует поныне, причем подчас причудливо и эфемерно.

Вспомним теорию антропологов о механической солидарности, которая была выработана на основе изучения некоторых типологически ранних африканских этнических общностей Нигерии. Характерным для них является принцип убывающей социально-этнической солидарности: сила и энергия реакции на внешнее раздражение уменьшаются с увеличением дистанции, как родственной, так и территориальной. Иными словами, за члена своей небольшой группы семейно-клановый коллектив выступает с наибольшей энергией в споре с любым из близких соседей или даже с родней. С соседями, тем более со сравнительно близкими родственниками, группа выступит вместе в случае конфликта с более отдаленными соседними группами, уже вне зависимости от степени родства, чаще всего отдаленного, а за всю свою общину — при конфликте ее с соседней, за соседнюю — в случае конфликта с более дальней. Здесь в рамках единой, но чересчур разросшейся этнической общности свои и чужие очень наглядно могут поменяться местами, ибо все зависит от степени родственной и даже просто территориальной близости.

Теперь, когда основные рамки проблемы свои — чужие в раннем обществе сапиентных людей определены, есть основания внимательно разобраться в том, что же побуждает людей вступаться за своих и ополчаться на чужих, подчас не зная, в чем суть конфликта и кто в нем виновен. Либо, что еще хуже, когда, почему и какой именно коллектив своих выступает против чужих, которые при этом заведомо и независимо ни от чего окрашиваются в черный цвет.

СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Процесс усложнения элементарного восприятия мира с делением на своих и чужих в связи с возникновением общества легче всего рассмотреть с позиций разрешения конфликтов. Конфликты (речь не о конфликтах между своими) могли возникать всегда и везде, причем по разному поводу. Они рождались на почве раздела территории или иного важного ресурса. Могли быть результатом личных взаимоотношений между членами разных групп, даже случайных недоразумений, обид и т.п. Как то хорошо известно из наблюдений социальных антропологов, начиная с Н. Н. Миклухо-Маклая, конфликтная ситуация

иногда возникала вследствие событий, имевших отношение к мистике. Имеются в виду случаи, когда обида была нанесена во сне кем-то вроде бы знакомым, но чужим нашему человеку, когда он спал. В таком случае эта обида чаще всего воспринималась как вполне реальная. Рассказ о сне мог возбудить членов группы и заставить их, вооружившись палками или еще чем-либо попавшимся под руку, пойти выяснять отношения с соседней деревней, где вроде бы жил обидчик.

Собственно говоря, речь идет не о том, сколь существенны и реальны могли быть обиды, недоразумения и прочие поводы для конфликта, а также сам конфликт, вызванный подобного рода обстоятельствами. Стократ важнее понять основу, которая во всех аналогичных ситуациях являлась базой для конфликта. Основа же эта была неизменной, а постоянство и однообразие ее в том, что восходящее к незапамятным временам членение на своих и чужих всегда функционировало на уровне выработанного природой инстинкта, который обрел форму устойчивого психологического стереотипа, некоего коллективного бессознательного восходившего к ментальной традиции. Именно это заставляло сапиентных людей, да и их предшественников, **быть заведомо настроенными за своих и против чужих.**

С возникновением общества к психологическому стереотипу добавился социальный аспект. Возникновение общества с его членением на роды, семейные пары представителей близких родов, а позже, в эпоху неолита, также на группы людей, состоящие из клановых объединений этих родов и семей, привело к тому, что представление о своих видоизменилось. Оно стало весомо подкрепляться родственными, семейными, клановыми и общинными связями и тем самым обогащаться производными от этого сознанием, чувствами и обязательствами. Создавшийся в итоге комплекс социальных связей и психологических традиций вел к устойчивому восприятию ***своих*** на уровне уже не столько всегда существовавшего инстинктивного стереотипа, сколько обогатившего его сознания, которое явственно выходило на передний план. Появился своего рода **социопсихологический комплекс,** который был во многих отношениях более сложным по своей сути.

Возникновение общества как феномена величайшей значимости, кардинально изменившего условия существования сапиентных людей, и сопутствовавшее этому численное возрастание практически каждой этносоциальной общности с механической солидарностью всех ее членов заметно отразились на всей системе издревле сложив-

шегося восприятия своих и чужих. В однозначном ранее противостоянии **свои — чужие** появились существенные оттенки, градации, восходившие к осознанию различной степени родственной близости. Это осознание не просто более точно определяло систему взаимоотношений между разными людьми, но и создавало новые варианты в рамках теперь уже неоднозначной системы.

Варианты, о которых идет речь, могли вести к тому, что некоторые из отъединившихся от данной группы своих, включая в их число отдаленных родственников, могли восприниматься как если и не вовсе чужие, то во всяком случае не вполне свои. И напротив, случайно прибившийся к группе одиночка из числа чужих мог быть инкорпорирован в группу и со временем стать практически своим. Разумеется, это не становилось обычной нормой, скорее бывало исключением из нее. Но само по себе существование таких явлений (особенно значимо инкорпорирование чужаков) свидетельствует о переменах в привычной и уходящей корнями в глубокую древность системе свои — чужие. В рамках появившегося общества эта древняя система неизбежно модифицировалась.

МОДИФИКАЦИЯ КОМПЛЕКСА

Вариантов и направлений размывания первоначально столь строгого группового комплекса было достаточно много, причем по мере развития общества, возникновения государственности даже в самых примитивных ее формах, а также эволюции сложной системы этносоциальных общностей, которые подчас были представлены в одной и той же политической структуре, их становилось все больше. Соответственно модифицировались, умножаясь и обретая различные формы, проявления все того же изучаемого комплекса, который всегда существовал и продолжает давать о себе знать сегодня. Суть комплекса и причина его живучести в неравенстве людей. Люди всегда были неодинаковыми и отличались между собой по многим разным параметрам, от расового типа до культурного уровня, от религиозных принципов до форм и норм повседневного бытия. И каждый аспект такого рода различий в разное время, в несходных обстоятельствах и в различной степени влиял на восприятие мира (всех чужих) той либо иной группой более или менее сходных между собой по основным и наиболее важным параметрам индивидов.

Тема эта неисчерпаема. Ее нельзя решить в пределах статьи, книги, даже многих книг. Важно понять смысл явлений, тесно с ней связанных. А явления эти по сути своей и составляют всю историю

человечества, являясь своего рода ее стержнем. Сути этой часто не видно потому, что она заслоняется рассуждениями иного характера — об этапах развития, о различиях цивилизаций, о несходных искусственно постулированных формациях и связанных именно с ними антагонизмах, наконец, просто о войнах во имя интересов той либо иной страны, народа и т.д. и т.п. Но проблема, т.е. комплекс свои — чужие, не только практически всегда лежит в основе если не всех, то подавляющего большинства конфликтов, включая когда-либо ведшиеся в мире войны, большие и малые, но и определяет мировую политику с момента ее возникновения в самой примитивной форме. Для нас также очень существенно, что этот комплекс лежит в основе отношений Востока и Запада. Словом, все отличающиеся недоброжелательством, неприятием, взаимным непониманием, отчуждением и т.п. взаимоотношения разных групп людей, различных народов, цивилизаций, даже Востока и Запада в целом всегда, без каких-либо исключений, связаны именно с этим вроде бы элементарным комплексом, корни которого уходят в бесконечное прошлое.

Определив главное и оставив в стороне мир животных и первобытные конфликты донеолитического и даже постнеолитического времени, которые повсеместно были распространены уже в начале существования ранних протогосударств и древнейших первичных очагов урбанистической цивилизации, мы столкнемся с комплексом, о котором идет речь. В древнеегипетском обществе, например, на самом раннем этапе его становления была война либо что-то вроде войны между северянами и южанами. Конфликт завершился созданием в Египте единой политической структуры, древнейшей в истории по своим размерам и внутренней сложности. Северяне и южане — вот единственное, что различало тогда жителей основной части долины Нила, которые в расовом, языковом и культурном плане, в образе жизни, видимо, мало чем отличались друг от друга. А их не столько даже географическое, сколько политическое, геополитическое противостояние стало в силу ряда причин на какое-то недолгое время главным при определении своих и чужих.

Необходимо принять во внимание объективную потребность в объединении населения долины Нила в рамках единого социополитического организма, что, скорее всего, в первую очередь и вызвало борьбу за объединение древнеегипетских номов в единое государство. Но суть событий от объяснения их не изменяется: перед нами столкновение одних с другими. Быть может, это столкновение практически не затро-

нуло большинство населения, а было решено на уровне внезапного захвата, случайной победы либо чего-либо в этом роде. Это не имеет никакого значения для рассматриваемой темы. Перед нами модификация все того же комплекса свои — чужие, комплекса, который де-факто завершился тем, что в долине египетской части Нила все вроде бы стали своими. Впрочем, и здесь все не так. Как только в том же Египте еще до его объединения наметилось членение на производителей и управителей, возникло неравенство между ними, а также неравенство между разными группами управителей, начиная от надсмотрщиков над группой работающих и кончая высшими жрецами и самим фараоном. И это тоже модификации все того же комплекса свои — чужие.

Если мы обратимся к Шумеру, то окажется, что и в этой части мира, являющей собой второй и по сути последний первичный очаг древнейшей урбанистической цивилизации, маленькие города-государства, в чем-то, хотя бы по размеру, сопоставимые с древнеегипетскими номами, которых известно около 40, были хорошо знакомы с рассматриваемым комплексом. В каждом из них были группы производителей-общинников, управителей разных рангов (опять-таки разных групп), а также и рабов. Кроме того, эти города-государства враждовали между собой и решали свои проблемы войнами. Здесь снова куда ни кинь — всюду свои противостоят чужим, причем в зависимости от обстоятельств это были разные свои и различные чужие.

А когда Саргон Аккадский объединил Шумер в единое государство, добавив к нему семитский Аккад, ситуация упростилась в одном отношении (не было больше войн между мелкими городами-государствами), но резко усложнилась в другом. В государстве Саргона появились несходные этносоциальные общности шумеров и семитов, которые говорили на разных языках и, вполне вероятно, хотя бы несколько отличались не только по расовому типу, но и по нормам культуры и привычным формам повседневного существования. И это тоже разделяло людей, по меньшей мере вначале, на своих и чужих. Кстати, здесь самое время уточнить, что условно взятый для удобства анализа комплекс свои — чужие в более сложных обществах и государствах точнее было бы, быть может, воспринять в форме *одни — другие*, ибо уже трудно определить, кто здесь вполне свой, а кто совсем чужой. Впрочем, это относится не ко всем категориям различавшихся между собой по разным параметрам групп. Есть одна группа, которая всегда — хотя, если иметь в виду каждый отдельный случай, не вечно — была чужой по отношению к своим. Речь о рабах, о чужестранцах,

добровольно либо вынужденно живущих среди своих (в данном случае термин *свои* относится ко всем тем различным группам, которые являются коренным населением данной страны).

РАБ КАК АДАПТИРОВАННЫЙ ЧУЖАК

О рабстве как институте известно давно. Но обычно его связывают с проблемой эволюции общества. Институт рабства на самом деле возник не потому, что общество стало сложнее и научилось использовать труд раба. Все намного проще. Едва ли не на всех древних языках понятие *раб* обозначается терминами, которыми называли чужаков, прежде всего и главным образом **пленных** чужаков. О войнах пока речь не идет. В ранних догосударственных обществах войн как таковых практически не было. Они возникли с появлением государств. Но конфликты существовали и до того. Вполне вероятно, что некоторые из них были крупномасштабными и по типу близкими к маленьким войнам.

Главное, о чем идет речь, — победившая сторона брала в плен какую-то часть побежденных либо уцелевших после схватки мужчин, либо оставшихся без мужчин женщин и детей. Кое-где кое-когда кое-кого из них могли и съедать. Известно, что вплоть до сравнительно недавнего времени съесть, скажем, печень побежденного считалось не только ритуально важным, но и, как бы помягче выразиться, полезным для организма. Подчас пленников приносили в жертву божествам. Но гораздо чаще пленные чужаки, рабы и рабыни просто включались в общность победителей. С возникновением государств и войн они нередко сначала продавались либо передавались храмам взявшими их в плен воинами, ибо считались военной добычей. Но в конечном счете так или иначе все они обычно адаптировались.

Адаптировались отнюдь не ради того, чтобы эксплуатировать их труд. Все такого рода безосновательные утверждения, как правило (если не вести речь об античных обществах), не подкрепляются фактами. Факты говорят о том, что рабы рассматривались, естественно, как чужие, что создавало вокруг них вполне понятную обстановку по меньшей мере недоверия и небрежения, а то и откровенного недоброжелательства. Но их терпели, им создавали определенные условия для жизни. Более того, они не только имели право на семью и свое жилье, хозяйство, землю, но и по мере адаптации, особенно в лице следующих поколений, более или менее гармонично вливались в группу, становясь почти своими, а еще позже и вообще своими. Этому активно способствовали устанавливавшиеся со временем семейно-родственные

связи между членами группы и адаптированными чужаками-рабами, тем более их потомками.

В догосударственных обществах это было едва ли не абсолютной инвариантной нормой хотя бы потому, что никакого другого применения труду рабов и вообще никаких иных форм существования для них (если их не съедали и не приносили в жертву) просто не было. Примерно так же обстояло дело и в ранних древневосточных государствах. В государственных образованиях вариантов использования рабов бывало больше. Их могли использовать в качестве обслуги находившейся в нарождавшемся аппарате власти правящей элиты. Но и при этом отношение к ним как к чужакам не было постоянным и длительным. Даже напротив, есть немало примеров того, как сообразительный слуга из рабов делал карьеру и становился в ряды управителей, а то и все той же правящей элиты. Такого рода сюжетами богата, в частности, история древнего Китая. Разумеется, при этом раб практически переставал быть чужим, он становился одним из своих.

Отличным от общей нормы было отношение к рабам в античных полисах. Но там это объяснялось не столько тем, что рабов стремились основательно эксплуатировать рабовладельцы, хотя такое и случалось. Не только рабы, но и приезжие в полис свободные из других полисов (метеки) в античной Греции рассматривались как чужаки. И здесь очень важно сделать еще одну принципиальную оговорку: по мере усложнения социополитической структуры понятие *чужой* не только модифицировалось, но и везде, в равной мере в восточных и античных обществах, становилось более многообразным. Это понятие получало и заметный оценочный знак. Одни чужие были вроде бы из своих и отличались от группы, скажем, производителей лишь тем, что, будучи управителями, имели иные функции и соответственно статус и доход. Другие чужие происходили из чужого народа, были рабами или близкими к ним чужестранцами.

Возвращаясь к античному рабству, обратим внимание на то, что в полисах отношение к чужестранцам-метекам и тем более к рабам имело особо значимое оценочное содержание. Причина очень проста: не признавать чужестранцев своими было очень важно для полисов, ибо античные полисы были первыми в истории человечества гражданскими обществами. Именно **гражданство своих** было, наряду со свободой, демократией, ничем не ограниченной частной собственностью и некоторыми близкими к ним иными новациями важнейшей социополитической ценностью античного мира. В этих условиях различие между

своими (гражданами) и всеми чужими было для каждого полиса жизненно важным. И рабы в античных полисах были не просто чужими. Общество их, как правило, не адаптировало. В лучшем случае рабы могли обрести свободу, стать в один ряд с метеками. Но гражданами, т.е. своими, как правило, они стать не могли. Это очень существенное отличие их от их восточных собратьев, которые, как, впрочем, и все население стран Востока, тоже никогда не были гражданами, но зато могли стать своими. Обратим теперь внимание на некоторые другие специфические формы рассматриваемого комплекса.

СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОМПЛЕКСА

Начиная с эпохи неолита, когда на смену присваивающему пришло производящее хозяйство, а в обществе появились производители и стоящие над ними управители, возникает четко ощутимое социальное неравенство людей. Это неравенство имело отношение к системе производства, статусу в семье и обществе, праву на определенное количество продукта, к доходам и уровню благосостояния, к привычному образу жизни. Но при всем том нет оснований говорить об антагонизмах. Развитые общества, — а теперь речь идет о них, — обычно всегда состояли из множества социальных слоев, страт. И каждая из такого рода страт (в экстремальном варианте индийские касты) — это особая группа со своими социальными позициями и интересами.

Это отнюдь не означает, что представители той либо иной группы (за исключением разве что все той же индийской касты, которая в этом смысле наиболее показательна по уровню своей замкнутости и противопоставления всем остальным) четко осознавали свою общность в противопоставлении другим. Однако они на каком-то уровне и в определенной ситуации эту общность все же сознавали и, более того, действовали в соответствии с интересами своей групповой общности. В традиционных восточных государствах эти групповые связи и интересы не были внешне слишком заметны, принимая облик различных социальных корпораций (община, клан, деревня, землячество, цех, тайное общество, каста, секта и пр.), в рамках которых многие проблемы решались внутренними силами и потому не выходили наружу, что облегчало системе централизованной администрации выполнять ее функции. И это важное обстоятельство не только сглаживало противоречия между корпорациями или между ними и властью, но и служило своего рода социальной смазкой, предохранявшей социум в целом и государство от перегрева. Если же перегрев все-таки случался, обре-

тая форму социального, экономического и политического кризиса, то на традиционном Востоке, хотя и далеко не везде (часто в Китае или в мире ислама, почти никогда в Индии), дело обычно кончалось взрывом недовольства, а то и народным восстанием, гражданской войной. Но показательно, что после очищающего взрыва обычно восстанавливалась не предкризисная ситуация, а отношения, существовавшие много ранее и бывшие олицетворением желанной для Востока консервативной стабильности.

В античном мире было несколько иначе. Там постоянно ощущалось противостояние разных групп, причем не граждан и всех прочих (рабов и метеков), но имущих и неимущих, полноправных и неполноправных, демоса и аристократов, патрициев и плебеев. Собственно, именно из этого жесткого противостояния, чреватого различного рода столкновениями и взрывами недовольства, и возникла марксистская идея об антагонистических классах. Но и здесь была социальная смазка. Она принимала облик реформ, ведших к увеличению прав и повышению статуса демоса и плебса. И в конечном счете демократия обычно торжествовала, подкрепляя собой свободу, права и привилегии античных граждан, количество которых постоянно возрастало. Особенно это было характерно для Рима, где такое происходило за счет включения в число граждан многих из тех, кто ранее не имел на это права.

В западноевропейских средневековых обществах, как на раннем, так и на более позднем этапах их существования и развития, было множество страт. Существовали и многие из фиксируемых на традиционном Востоке социальных корпораций. Но взаимоотношения корпораций с феодальными сеньорами и королевской властью были другими. Корпорации, особенно в городах, обычно резко противостояли сеньорам с их таможенными пошлинами на каждом шагу и поддерживали власть короля, которая не была для городов обременительной. Не вдаваясь в детали взаимоотношений, о которых немало говорилось выше, стоит заметить, что и для традиционного Востока, и для античного мира, и для государств западноевропейского средневековья все то, о чем только что шла речь, было проявлением комплекса свои — чужие в его социополитическом аспекте. Аппарат администрации в любой его форме, будь то восточные государства, выборные органы в античном мире или аристократы, иерархи и короли в средневековой Западной Европе, всегда являл собой особую группу либо иерархию из нескольких сходных по функциям, но различных по статусу групп. Эти группы управителей принадлежали к социополитическим верхам

и уже по одной этой немаловажной причине все они, взятые в целом, противостояли остальным слоям общества, подчас достаточно сложного. Это, разумеется, не исключало того, что между группами либо социальными корпорациями, находившимися под властью аппарата администрации, не было своих разногласий и противостояния. Они были и объяснялись многими разными причинами, как экономическими, так и совершенно иными, вплоть до религиозных и национальных. Но об этих многочисленных аспектах комплекса целесообразно сказать особо.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Экономическое неравенство и зависимость одних групп от других всегда были крайне болезненными и наиболее остро ощутимыми факторами во взаимоотношениях между своими и чужими. Правда, они не были первичными не только в смысле их значимости для общества в целом, но и в повседневной жизни. Люди всегда с определенной долей зависти, а то и открытого неудовольствия относились к богатым и процветающим. Точно таким же было отношение низших социальных страт к высшим, обладавшим большим количеством власти и богатства. Впрочем, здесь стоит провести грань между Востоком и Западом.

На традиционном Востоке богатство считалось естественным и имманентным свойством власти. Кто имел власть, тот и должен был быть богатым. Собственно, на этом всегда держался великий и абсолютный для восточной структуры принцип власти-собственности с централизованной редистрибуцией владений и имущества. Ведь перераспределялось все достояние коллектива в соответствии с привилегиями должностных лиц из числа аппарата управителей. Но после процесса приватизации и появления на традиционном Востоке непричастных к власти богатых людей ситуация несколько изменилась. Появился новый слой богатых, но бесправных, в своих правах равных простолюдинам, если только не учитывать возможность взятки и подкупа, которые давали возможность богатым безбедно, но все же небезопасно существовать. В сложившейся ситуации все непричастные к власти частные собственники являли собой особую страту либо несколько близких по статусу страт. Прослойка богатых частных собственников, хотя она и находилась под жестким контролем никогда не благоволившей к ней власти, справедливо полагавшей, что разбогатевшие простолюдины берут себе то, что должно было бы идти в казну, всегда была объектом зависти не имеющих большого имущества тружеников.

Таким образом, экономический аспект комплекса свои — чужие сводился на традиционном Востоке к тому, что богатые собственники, непричастные к власти, оказывались как бы вне закона. Для верхов и для массы низов они были почти чужими, причем часто ненавистными чужими. Правда, иногда ущерб от зависти и ненависти смягчался в отношениях с чиновниками за счет взяток и подкупов, а в отношениях с низами — за счет многочисленных социальных корпораций, в рамках которых жертвовавшие больше остальных богачи занимали обычно руководящие позиции. Но стоит заметить, что, коль скоро частные собственники увеличивались в числе, что нарушало устоявшуюся структуру общества и приводило к кризису, именно они, богатые собственники, как и причастные к власти богатые чиновники, страдали от народного гнева в первую очередь. Лучше всего это видно на примере мятежей в эпохи кризиса в императорском Китае. И неудивительно, что сопровождавшие кризис и завершавшие его социополитические взрывы приводили к резкому уменьшению числа богатых и к той самой желанной консервативной стабильности, о которой не раз уже упоминалось.

В античном мире все было не так. Здесь частные собственники всегда были в чести, а богатые из их числа тем более. Именно они чаще и охотнее других избирались в органы администрации в демократических полисах, а это, стоит напомнить, требовало немалых расходов и, в отличие от того, что было на традиционном Востоке, никогда не оплачивалось и не приносило богатства в виде взяток и т.п. Они заседали в сенате и вообще создавали экономический потенциал быстро развивавшихся и богатевших полисов, демократических республик и Римской империи. Им могли завидовать. Но их обычно не ненавидели хотя бы потому, что покровительство частной собственности и предпринимательству лежало в основе государственной политики античного мира и открывало неплохие возможности разбогатеть для каждого, кто проявлял соответствующее желание и способности, включая и тех, кто не был гражданином.

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

По мере развития той либо иной этносоциальной общности, особенно в рамках государства и эволюционирующего очага урбанистической цивилизации, этнические различия внутри общности обычно отходили, хотя и не сразу, не всегда и не везде, на второй план. Общность, складывавшаяся в рамках крупного государства, которое завоевывало и присоединяло к себе множество соседних народов

и становилось могущественной империей, быстрыми темпами эволюционировала. Этому способствовала и политика властей, перемещавших массы населения, как то было в чжоуском Китае или в Ассирии, либо сохранявших господство одного привилегированного этноса, как то было с персами в могущественной державе Ахеменидов или с арабами эпохи халифата. Практически это означало довольно явственно выраженную тенденцию к размыванию граней между подданными государства, принадлежащими к разным этносам и еще недавно говорившими на разных языках.

Конечно, этот процесс сближения шел не настолько быстро, чтобы различные этносы за считаное число поколений забывали свой язык и нередко вместе с ним всю многовековую культуру. Однако в ряде случаев происходило и это. Все зависело от множества различных обстоятельств и прежде всего от длительности существования государства. Убедительный пример этому — арабизация древнего Египта. Процесс здесь был связан со льготами, предоставлявшимися тем, кто принимал ислам и тем самым как бы отказывался от собственных традиций. Следствием этого был ускоренный процесс размывания коренного этноса за счет смешанных браков и навязывания всем арабского языка, становившегося господствующим инструментом общения. Когда большому государству, как то было с империей Ахеменидов, суждено было просуществовать лишь пару веков, ситуация была не такой. Этносы, входившие в ее состав, не успевали стать интегральной частью единого целого.

В случаях, когда процесс навязывания разным, особенно отсталым этносам чуждой им высокой культуры вел к практическому их слиянию и к изменению языка и культуры, мог возникнуть новый этнос, как то было нормой в средневековой Западной Европе. Этническое противостояние здесь ослабевало, а жители державы — даже если она политически долго еще оставалась раздробленной, но при этом оказывалась тесно связанной единой культурной традицией, как то было не только в Европе, но и задолго до того в Индии, а еще раньше в чжоуском Китае, — становились этнически более или менее гомогенной массой. И это несмотря на наличие подчас местных диалектов либо даже языков, что было характерным для Индии и в несколько меньшей степени для Китая.

Впрочем, иногда процесс этнокультурного сближения осложнялся в описанных выше случаях, как, например, в Индии, за счет ограничений. Для Индии это были кастовые запреты, препятствовавшие метисации.

Но при этом общность великой культуры настолько сближала между собой все этносы, вписывавшиеся в рамки системы иерархически располагавшихся каст, что этнические различия опять-таки размывались, отходили в сторону. Комплекс свои — чужие в гораздо большей степени работал в случае взаимоотношения между разными кастами, нежели между представителями разных языковых и даже расовых групп.

Вообще роль этнического аспекта комплекса в процессе эволюции общества и особенно государства и той либо иной цивилизации, основанной обычно на единой для всех религии, как правило, не была определяющей. Это не означает, что в некоторых случаях он не обострялся и не становился главным. Но для этого нужны были особые причины. Важнейшие из них связаны с обострением политических взаимоотношений между разными странами и со следующими за этим войнами. В таких случаях на передний план выходило в своего рода патриотическом порыве представление о том, что только люди данной страны, причем прежде всего господствующей в ней этносоциальной общности, говорящие на языке этой общности и более других причастные к ее культуре, являются своими. Враги же чаще всего рисовались в черных красках и воспринимались нередко как карикатурное изображение чужих.

Особенно часто и резко это происходило в тех случаях, когда враги заметно отличались по образу жизни и уровню развития, по культуре и иным параметрам. В таких случаях цивилизованные народы привычно говорили о варварах, вкладывая в этот термин свое презрение к чужакам, особенно недоразвитым, к числу которых в первую очередь всегда относились воинственные кочевые народы. Так было в истории Китая и его постоянных взаимоотношений с кочевниками или полукочевыми племенами северного степного пояса. Нечто похожее было в древние времена в Египте по отношению к гиксосам. В античном мире к числу варваров относили многие отсталые и существующие по примитивным первобытно-восточным стандартам народы. Их даже иногда изображали во вполне серьезных сочинениях в виде людей с песьими головами или с туловищем лошади, кентавров, т.е. всадников, с которыми ранняя античность не была знакома.

Показательно, что даже в тех случаях, когда античное общество вплотную сталкивалось с развитыми цивилизациями Востока, как, например, с мировой державой Ахеменидов, оно в своем враждебном отношении к персам подчеркивало, что те, не зная главной ценности античного мира — свободы, — являются обществом рабов. В принципе

это было близко к истине, если даже и не соответствовало ей полностью. Но для нас в данном случае важно, как изображались странами Запада чужие в тех случаях, когда они были не варварами, а принадлежали к миру очень развитого Востока. И здесь мы подходим к еще одному важному аспекту комплекса.

РЕЛИГИОЗНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Привычное понятие *цивилизация* относится к числу наиболее емких, полисемантичных. Не останавливаясь в данном случае на его анализе, обратимся пока только к одному, едва ли не главнейшему из тех параметров, которые обычно охватываются этим в различном смысле используемым понятием. Речь о противопоставлении традиционного Востока с его системой ценностей и античного Запада с его принципиально другими институтами и нормами, начиная со свободы и гарантированных прав гражданина. Для античного мира весь Восток был системой поголовного рабства, причем считалось, что именно отсутствие прав и свобод препятствовало развитию протобуржуазного предпринимательства частного собственника, что, в общем-то, было очень близко к истине.

Но коль скоро так, то совершенно ясно, что перед нами изучаемый комплекс во всей его полноте и остроте. Свои — это античные граждане, чужие — восточные рабы, сверху донизу. И влияние этого комплекса на умы нельзя недооценивать, особенно когда речь заходит о греко-персидских войнах и походах великого Александра, приведших к созданию оказавшейся довольно устойчивой системы эллинизма, просуществовавшей несколько веков. Цивилизационный аспект комплекса, особенно в том, что касается войн и создания системы эллинизма, здесь вполне очевиден. Но мудрый Александр стремился преодолеть комплекс, и по меньшей мере частично это ему удалось. Удалось в городах, где уровень культуры и основные занятия населения объективно способствовали снятию или существенному ослаблению комплекса как такового. Иное дело — восточная деревня, провинция, хора. Там не было или почти не было представителей эллинов, там не нуждались в постоянных и расширявшихся связях с внешним миром, не использовали привычный для восточных эллинистических городов греческий диалект койнэ. Результат оказался плачевным. Мощь хоры способствовала натиску ислама, что и привело к крушению системы эллинизма, хотя она и была за те несколько веков, почти тысячелетие, что просуществовала, укреплена романизацией (завоеваниями Рима) и сопутствовавшей ей христианизацией Ближнего Востока.

И здесь мы сталкиваемся уже с религиозно-цивилизационным аспектом комплекса в его наибольшей полноте. Как и великих цивилизаций, великих религий в истории человечества немного, хотя стоит учесть многочисленные ответвления от основных, не говоря уже о замкнутых сектах и большом количестве отклоняющихся или, напротив, идущих как бы навстречу друг другу течениях (последнее было наиболее характерным для многоликой Индии). При всем многообразии религиозных представлений именно развитые религиозные системы лежат в основе цивилизаций. Речь идет о противостоянии основных великих цивилизаций, западной христианской и ближневосточной исламской. В меньшей степени это относится к двум более древним и ограниченным с точки зрения влияния в мире восточным цивилизациям, индо-буддийской и китайско-конфуцианской.

Оставив в стороне эти последние, обратимся к двум первым, которые активно взаимодействовали и отношения которых сыграли наиболее заметную роль в истории изучаемого комплекса. Обратим внимание только на один, но крайне важный эпизод в истории противостояния христианства и ислама, на крестовые походы и восприятие своих противников воинами, шедшими освобождать Иерусалим, и теми, кто его оборонял. Для одних это были нехристи, которых и за людей-то считать едва ли стоило, для других — неверные, война с которыми то и дело обретала очертания джихада. И хотя порой пробивались более благородные нормы рыцарской этики (отношение к воспетому европейскими менестрелями Саладину), свои оставались, безусловно, своими, а враги — окарикатуренными чужими. Вообще, коль скоро речь заходит о цивилизациях и религиях в их наиболее существенном для истории, да и для современности, смысле, необходимо чуть подробнее осветить проблему религий.

Суть и смысл ее сводится к тому, что чужая религия всегда есть нечто чуждое, особенно в тех случаях, когда роль религиозного начала в обществе по тем либо иным причинам обостряется, как то было, в частности, во времена крестовых походов. Конечно, принадлежность к той либо иной конфессии — дело вроде бы добровольное для каждого. Но, стоит оговориться, не везде и не всегда. Во многих случаях на практике любые индивиды могли изменять своим первоначальным конфессиональным предпочтениям. Они могли стать (иногда под давлением, а то и добровольно) адептами другой религии, сектантами и т.п. Подчас это бывало характерным для больших коллективов, причем не только тех, кто еще не был причастен к развитой религиозной системе (здесь

опять в первую очередь имеются в виду варвары), но и таких, кто уже веками исповедовал иную религию. Такое случалось при исламизации бедуинами Аравии ряда завоеванных ими высококультурных государств типа Сирии или Египта. Но нечто похожее, хотя и намного реже, бывало и в тех случаях, когда недавно ставшие мусульманами татары Золотой Орды шли на службу русским либо литовским князьям и становились христианами. Что особенно важно подчеркнуть, переход индивида или группы людей от одной конфессии к другой никогда не был сам по себе фактором, сближавшим между собой обе конфессии. Напротив, он нередко становился причиной обострения взаимоотношений. Вообще же религиозно-цивилизационный аспект комплекса с самого своего возникновения (а возник он достаточно поздно) был и остается наиважнейшим. Это чрезвычайно существенно подчеркнуть, особенно если принять, что многие из остальных аспектов комплекса со временем, особенно в больших государствах и тем более по мере развития общества, размываются, а подчас и вовсе перестают ощущаться.

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ КОМПЛЕКСА И ВЛИЯНИЕ ВЫРАБОТАННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Речь не идет о том, что все остальные проявления комплекса уходили в небытие. Отнюдь. Во-первых, время от времени в зависимости от конкретной ситуации либо случайного стечения обстоятельств на передний план могли выходить то клановые распри (вспомним о Монтекки и Капулетти, столь ярко описанных Шекспиром), то споры между знатными аристократами за их владения или из-за претензий на престол. Возникали сепаратистские столкновения между провинциями либо какими-то частями того или иного государства с правителями этого государства. Эти и им подобные ситуации легко могли делить вчера еще вполне дружелюбно относившихся друг к другу людей на враждебные лагери. В других случаях на такие же лагери в рамках единой религиозно-цивилизационной системы могли разделиться враждующие друг с другом государства, будь то в Западной Европе или в мире ислама. Все это можно считать временными обострениями на высоком уровне, которые тем не менее касались огромной массы людей, подчас слепо следовавших за своими вождями, нередко имевшими черты харизматических лидеров. Примерно то же самое со временем стало возникать в обществах, разделенных на враждующие объединения пар-

Том 2 посвящен периоду, который в европейской истории принято называть Средневековьем. Автор показывает трансформацию стран Запада от антично-христианской традиции через варваризацию к дефеодализации и направлению на либеральную демократию.
Не забыты и история Востока, включая Африку и доколумбову Америку, страны между Востоком и Западом, в том числе Византия и Русь, роль кочевников в мировой истории. В главах историософско-теоретического характера открывается широчайшая картина многоплановости истории. В них говорится о законах эволюции, приоритете разума перед производительными силами, об исламизации восточных народов, о Крестовых походах и инквизиции, о комплексе свои-чужие.

Леонид Сергеевич Васильев — доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией исторических исследований НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор монографий, учебников и учебных пособий по всеобщей истории (макроистория), по теории истории и проблем исторического процесса (макросоциология), а также по истории и культуре Китая, истории Востока и истории религий (всего мира и Востока).

Из введенных им в науку новаций главная — формулировка, обоснование и разработка на протяжении многих десятилетий генеральной структуры власти-собственности, абсолютно господствовавшей в доантичном и небуржуазном восточном мире и широко представленной в отставших в развитии странах вплоть до нашего времени.

ISBN 978-5-98227-851-7

тийного типа. В этих случаях чаще обычного использовались в качестве основы для размежевания экономические и социальные грани (бедные и богатые, простые и привилегированные и т.п.).

Во-вторых, на более низком, локальном, корпоративном, семейно-клановом уровне аналогичные враждующие группы тоже могли возникать, причем подчас по ничтожным поводам. Вообще говоря, порой достаточно было просто ситуации кризиса, чтобы среди людей, ощутивших последствия этого на себе, возникало нередко обоснованное, а то и не очень обоснованное недовольство, направленное то на ту, то на другую группу, которой опять-таки обоснованно либо неосновательно приписывалась вина за непорядки. Жизнь в этом отношении достаточно сложна, особенно в крупных социально-государственных структурах с более или менее развитой экономикой.

В-третьих, многие аспекты комплекса подчас совмещались, порой в самых причудливых вариантах. Такого рода совмещение обычно усиливало комплекс и ожесточало противостояние одних другим. Мусульманин, например, мог быть суннитом либо шиитом, и в зависимости от этого менялось его отношение к власти, которую он считал своей, либо не признавал, причем это никак не уменьшало его нелюбви к христианам. Христианин мог быть католиком, протестантом либо православным. В соответствии с этим у него складывалось отношение и к власти, и к другим христианским странам, и к живущим в них людям. Но при этом он мог люто ненавидеть мусульман. К этому можно добавить в качестве чисто теоретического рассуждения, что бедный христианин либо мусульманин мог завидовать, а то и иметь явно выраженную неприязнь к богачу, ходившему в ту же церковь либо мечеть и даже, если речь о горожанах, заниматься той же профессией, что и он. Вариантов подобного рода совмещений разных аспектов комплекса свои — чужие можно насчитать великое множество. Но суть того, о чем идет речь, не меняется. Каждый человек потенциально мог занять позицию, при которой чужим для него будет некий индивидуальный набор людей, занимающих разные позиции в разных сферах жизни и даже в разных странах, к которым он относится более или менее враждебно.

Это отнюдь не означает, что объективно возникает недоброжелательство всех против всех. Такого обычно не бывает по той простой причине, что по степени недоброжелательства одни группы или идеи либо целые институты государства и общества очень разнятся от других. Иными словами, к чему-то одному отношение может быть скверным в чисто личном плане, к другому — не слишком добро-

желательным в социальном, экономическом, идейном отношении, к третьему — в этническом и/или религиозно-цивилизационном плане и т.п. И степень недоброжелательства обычно очень разнится, от ненависти до зависти, неприязни, а то и показного безразличия. Более того, здесь самое время принять во внимание, что, если бы в рамках религии и цивилизации — как, впрочем, и в пределах политических структур, т.е. государств, — не было веками отработанных механизмов, устойчиво противостоявших всем частным и групповым интересам, предпочтениям и неудовольствиям, жизнь в мире людей была бы намного более удручающей, нежели то есть на самом деле. Вообще не очень ясно, сумели ли бы в такого рода обстоятельствах существовать большие и долговременные достаточно прочные сообщества. Из ограничительных механизмов, которые имеются в виду, следует выделить прежде всего высокочтимые моральные нормы типа десяти заповедей или призывов всем смириться перед лицом великого и всемилостивейшего Абсолюта.

Стоит заметить, что массы служителей религии, призванные быть пастырями и вести паству за собой, обычно опирались в своих проповедях на нормы морали, смирение и покорность. Однако они не всегда звали к миру. Порой звучали призывы к крестовым походам или джихаду. Правда, справедливости ради следует признать, что подобная ситуация возникала не слишком часто. Во всех остальных случаях служители религии выполняли уже упоминавшуюся роль социальной смазки, которая призвана была утихомирить бушующие страсти, коль скоро они возникали либо могли возникнуть. В той же функции охраны порядка всегда выступали и силы внутренней безопасности, существовавшие в той либо иной форме в рамках каждой страны. И надо сказать, что ограничители подобного рода, совершенствовавшиеся с течением времени и порой, причем достаточно часто, обретавшие форму устойчивых традиций, действовали на людей.

Практически это означает, что на обыденном уровне близкие друг к другу по многим параметрам группы людей как-то притирались и умеряли свои негативные чувства, если они возникали. Призывы возлюбить друг друга, скажем, «во Христе» не могли не оказывать на христиан своего воздействия. Но совершенно очевидно, что такие призывы не были абсолютно надежным средством ликвидации комплекса свои — чужие, особенно в тех нередких случаях, когда представители того либо иного этноса в силу вполне основательных объективных причин очевидно демонстрировали свое превосходство в том либо

ином отношении перед жителями данной страны. В таких случаях возникали различные ситуации.

Иногда сплоченный народ давал отпор и одолевал врага, а при неудаче погибал или попадал под многовековое иго, как то случилось с Русью. Подчас возникали условия для почти постоянного преследования объединенных в национальные либо национально-религиозные общины успешных чужестранцев, будь то иудеи в Европе и на Ближнем Востоке либо китайцы в странах южных морей. Конечно, отношения с враждебным соседом могут не доходить до войны, а принимать формы напряженного противостояния. Общение с иностранцами в стране может регулироваться законами, как то было в османской Турции по отношению к иудеям или армянам в городах империи. В таких случаях отношение к чужакам могло быть не слишком враждебным. Все сказанное заставляет настаивать на том, что комплекс свои — чужие действует в разных условиях в разное время и в зависимости от конкретных обстоятельств с различной степенью силы и соответственно последствий. Более того, коль скоро так, то всегда существует возможность не просто вмешиваться, но и искусно регулировать уровень возбужденности в рамках комплекса. Это говорит о серьезной роли политики и о важном значении, которое имеет искусство правильно определять основы политического курса.

Это искусство существовало издавна, но далеко не все лидеры разных стран Востока и Запада им владели. Достаточно напомнить о просчетах правителей могущественной империи Ахеменидов. Конечно, при этом нельзя списывать со счетов и военный талант, подчас даже гений завоевателя. Но, приняв сказанное во внимание, следует все же заметить, что со временем искусство политического манипулирования возрастало, причем чаще на средневековом Западе, чем на Востоке. И когда надобность в этом возникала, особенно в условиях больших войн, серьезной угрозы со стороны варваров или религиозных столкновений, действия в этом направлении нередко предпринимались. Это заметно на примере лозунгов харизматических лидеров вроде Жанны д'Арк в Столетней войне, да и во многих других случаях в богатой войнами истории. Но, к сожалению, не всегда такое поведение властей оказывалось своевременным и помогало.

Характерный пример — завоевания Чингис-хана. Как правило, восточные страны, подвергшиеся нашествию монголов, не успевали подготовиться к нему. А в некоторых случаях мелкие и по сравнению с грозящей общей опасностью ничтожные противоречия приводили к

трагедии. Известно, например, что на Руси долгое время чужими считались свои же русские княжества, а еще больше, что весьма важно подчеркнуть, — западные христианские рыцарские ордена, соперничавшие с православными княжествами в обращении народов Прибалтики в христианство. Неверное определение главной опасности в этом конкретном случае оказалось роковым в судьбе Руси. Долгие века татарского ига существенно повлияли на характер и структуру русского общества и государства со столь типичным для них восточным по типу сервильным комплексом, въевшимся в русскую православную культуру. Поведение подобного рода было элементарным политическим просчетом, коими богата история разных стран, а едва ли не более всего наша, отечественная.

Пожалуй, на примере отечественной истории наиболее выпукло видно, что наивысшим воплощением комплекса всегда было, да и сегодня остается, прежде всего то, что разделяло Восток и Запад. Это отнюдь не означает, что взаимоотношения между Востоком и Западом всегда были главным образом отношениями открытой конфронтации, хотя временами это случалось. Стоит в этой связи обратить внимание на феномен эллинизма. Само по себе его появление было результатом открытой конфронтации, т.е. завоеваний Александра. Но ведь завоеватель, уничтожив ближневосточную империю, поставил своей задачей обеспечить не только сосуществование (античность сосуществовала с многими ближневосточными государствами и до Александра), но и сближение, даже синтез Востока и Запада. И это было величайшим из достижений великого полководца.

Эллинизм просуществовал ряд веков, был подкреплен романизацией и христианизацией значительной части ближневосточного региона. И хотя после этого он, как известно, прекратил свое существование, новый эксперимент истории был поставлен в Западной Европе, где все тот же комплекс в момент гибели Западной Римской империи действовал с наивысшей силой. На сей раз, когда Восток был представлен не высококультурными цивилизованными обществами, а варварами, результат был другим. Варварский компонент Востока был преодолен корневыми потенциями античного христианизованного Рима. И более того, Западная Европа к середине II тыс. стала основой для дальнейшего торжества передового Запада над медленно эволюционировавшим и все очевиднее попадавшим в зависимость от западной экономики традиционным Востоком. Восток на ряд веков оказался в большей либо меньшей зависимости от Запада. Эта зави-

симость принимала разные формы и в некоторых случаях сопровождалась откровенным насилием (это особенно заметно на примере южной части Нового Света, Африки и ряда государств Азии, прежде всего Индии и Юго-Восточной Азии, но отчасти и Ближнего Востока). Насилие убедительно свидетельствует о длительном существовании комплекса свои — чужие. Однако с наступлением периода деколонизации все в мире вновь радикально изменилось. Комплекс в его сильно смягченной форме остался, но взаимоотношения Востока и Запада очень существенно переменились. Впрочем, это уже выходит за рамки хронологического периода, имеющего отношение к историческому периоду, предлагаемому вниманию читателя.

Учебное издание

Леонид Сергеевич Васильев

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В 6 томах

Том 2
ВОСТОК И ЗАПАД В СРЕДНИЕ ВЕКА

Учебное пособие

Зав. редакцией *Игнатова Е. С.*
Ведущий редактор *Климкин М. С.*
Корректор *Федотова А. Л.*
Художник серии *Терехова Г. Д.*
Компьютерная верстка *Луценко Н. Ю.*

Директор издательства *Чепыжов В. В.*

Подписано в печать 29.05.2012.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,27. Тираж 500 экз. Заказ № Т-198-12

ООО «Издательство «КДУ». 119234, г. Москва, а/я 587
Тел./факс: (495) 939-57-32, 939-44-91
Http://www.kdu.ru. E.mail: kdu@kdu.ru

Отпечатано в типографии КДУ
Тел./факс: (495) 939-44-91. E-mail: press@kdu.ru